T23.5
75
III

T 28 5/75

Cf. 11

Т 28 5/75

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

ce 947.327
944
В17

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ I.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

и. 1073 16483
Центральная библиотека
Н. В. П. С. и Центрана

ТОМЪ III.

РАЗРЫВЪ ФРАНКО-РУССКАГО СОЮЗА.

Альберта Вандаля,

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

УДОСТОЕНО ПЕРВОЙ ПРЕМІИ **Гобера.**

Переводъ съ 6-го французскаго изданія **В. Шиловой.**

СЪ ПОРТРЕТАМИ КОЛЕНКУРА и БЕРНАДОТА.

Цѣна 3 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Типографія акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21. Соб. домъ.

ТОМЪ III.

НАПОЛЕОНЪ и АЛЕКСАНДРЪ I.

ГЛАВА I.

РОССІЯ ГОТОВИТСЯ КЪ НАПАДЕНІЮ.

Подъ покровомъ официально поддерживаемаго союза Александръ I-ый готовится къ наступательной войнѣ съ Наполеономъ.—На какую обиду ссылается онъ.—Въ чемъ истинная обида.—Тайное предложеніе варшавянамъ черезъ князя Адама Чарторижскаго; Александръ хочетъ возстановить Польшу ради своихъ собственныхъ интересовъ и сдѣлаться освободителемъ Европы.—Его поощряетъ картина всеобщаго притѣсненія.—Обзоръ государствъ.—Герцогство Варшавское.—Позлащенная нищета.—Наполеонъ всюду возстановилъ противъ себя матеріальные интересы.—Пруссія: король, кабинетъ, партіи, армія, настроеніе умовъ.—Швеція: первые шаги Бернадота въ роли наслѣднаго принца; его характерныя черты.—Король и два министра въ роли главныхъ руководителей.—Экономическіе интересы сближаютъ Швецію съ Англіей.—Положеніе дѣлъ на Дунаѣ; миръ русскихъ съ Портой—дѣло недалекаго будущаго.—Австрія: императоръ, императрица, общественное мнѣніе, армія.—Огромное вліяніе салоновъ.—Коалиція женщинъ.—Вліяніе и обаяніе русской колоніи.—Меттернихъ боится навлечь на себя немилость салоновъ.—Православный императоръ и австрійскіе славяне.—Французская Германія.—Вице-императоръ.—Строгости блокады.—Возрастающее озлобленіе. Пробужденіе и ростъ національнаго сознанія.—Тайныя общества.—Другіе очаги агитаціи.—Александръ приказываетъ собрать свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Италіи.—Франція: внѣшній блескъ и внутренніе недуги.—Экономическій кризисъ.—Народъ вѣренъ императору.—Наполеонъ по-прежнему владѣетъ народнымъ воображеніемъ и подчиняетъ его силѣ своего обаянія.—Средніе и высшіе классы отдаляются отъ него.—Тайный заговоръ.—Испанія.—Англія.—Александръ замышляетъ сблизиться съ нашими врагами на экономической почвѣ.—Отвѣтъ Чарторижскаго, доставленный таинственнымъ курьеромъ.—Возраженія князя Чарторижскаго; его недовѣріе.—Онъ проситъ гарантій и отвѣта на свои вопросы.—Второе письмо Александра.—Царь обѣщаетъ Польшѣ автономію и конституціонный образъ правленія.—Онъ подробно перечисляетъ свои военныя силы.—Какими доводами пользуется онъ, чтобы убѣдить и обольстить поляковъ.—Первое условіе, въ зависимость отъ котораго ставитъ онъ выступленіе въ походъ.—Усилія привлечь на свою сторону Австрію или, по крайней мѣрѣ, добиться ея нейтралитета.—Тайная дипломатія Александра I-го.—Онъ предлагаетъ Австріи Валахію и половину Молдавіи въ обмѣнъ на Галицію.—Шаги, предпринятые въ Пруссіи и Швеціи.—Подстрекательство Германіи.—Чернышевъ въ Парижѣ.—Ухаживаніе за женщинами и шпіонство.—Царь назначаетъ особаго агента состоять при Талейранѣ.—Другая вѣтвь тайной переписки.—Охота за Жомини.—Проектъ

создать въ Россіи отрядъ изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ.—Интриги.—Отношенія Александра съ герцогомъ Виченцы.—Онъ вводитъ въ заблужденіе герцога Виченцы насчетъ своихъ плановъ и вооруженій.—Какъ принимаетъ онъ извѣстіе о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и о захватѣ герцогства Ольденбургскаго.—Проектированный императоромъ каналъ въ Балтійское море. — Александръ вновь повторяетъ, и положительно утверждаетъ, что никогда не нападетъ на Францію.—Разговоры въ салонахъ.—Русское посольство во Франціи.—Занятія князя Куракина внѣ дипломатической сферы.—Благодаря его ничтожеству его оставляютъ на его посту.—Офиціальный протестъ по поводу герцогства Ольденбургскаго.—Враждебныя намъ вліянія заключаютъ союзъ съ цѣлью оказать давленіе на Александра.—Наши враги упорно преслѣдуютъ въ продолженіе всего періода революціи и имперіи одинъ и тотъ же планъ. Они никогда не отказываются отъ надежды ниспровергнуть французское могущество и вернуть все, что отнялъ у нихъ Наполеонъ.

I.

Въ началѣ 1811 г. Александръ I-ый чуть было не двинулся въ походъ противъ Наполеона, вовсе не думая объявлять о расторженіи союза, связывавшаго, въ силу договора, судьбы Франціи и Россіи. По его мнѣнію, оскорбительный ущербъ, нанесенный его интересамъ и достоинству, и его неопровергнутыя подозрѣнія давали ему нравственное право напасть, когда ему будетъ угодно. Ущербъ былъ вполнѣ опредѣленный, былъ нанесенъ грубо, предъ лицомъ всего міра: то было присоединеніе къ французской имперіи Ольденбурга, родового владѣнія принца, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домомъ. Спора нѣтъ, этотъ не имѣвшій никакого оправданія грабежъ и оскорбительно-дерзкое, деспотически-пренебрежительное отношеніе къ чужимъ интересамъ давали царю право открыть враждебныя дѣйствія; но для того, чтобы рѣшиться на такое рискованное предпріятіе, этого было слишкомъ мало. Не изъ-за этого онъ позволилъ себѣ рѣшиться на войну, а въ силу укоренившагося въ немъ убѣжденія, что Наполеонъ, создавъ, а затѣмъ и усиливъ герцогство Варшавское, хочетъ сдѣлать изъ него новую Польшу съ тѣмъ, чтобы она стала центромъ тяготѣнія для доставшихся Россіи по тройному раздѣлу провинцій и, въ концѣ-концовъ, привела къ отторженію ихъ отъ Россіи. Вотъ гдѣ таилась смертельная обида, тотъ глубоко-скрытый предметъ распри, та причина разлада, которую царь не хотѣлъ открыто высказать. «Истинная причина, изъ-за которой два человѣка готовы пере-

рѣзать одинъ другому горло, почти всегда бываетъ не та, которую выставляютъ на видъ» [1]), писалъ Жозефъ де-Местръ.

Конечно, видѣть единственную причину страшной войны только въ герцогствѣ Варшавскомъ—значило бы умалять ея значеніе. И помимо герцогства причинъ было болѣе чѣмъ достаточно. Каждое новое событіе въ Европѣ, вызывая безпокойство Александра, создавало и новыя причины къ войнѣ. Чудовищное развитіе могущества Франціи, непрерывное перемѣщеніе и расширеніе ея границъ, захватъ Голландіи и ганзейскихъ городовъ, распространеніе владѣній имперіи до береговъ Балтійскаго моря, цѣпи рабства, наложенныя на Пруссію, возроставшія требованія континентальной блокады—все указывало на стремленіе къ всемірному порабощенію, противодѣйствовать которому Александръ считалъ своимъ долгомъ. На Сѣверѣ авангардомъ непрерывно движущейся впередъ Франціи, ея головной колонной, отточеннымъ остріемъ ея копья, прикасавшимся къ тѣлу Россіи и грозившимъ вонзиться въ него, было герцогство Варшавское. Александръ не вынесъ мучительнаго чувства этого прикосновенія. Чтобы избавиться отъ гнетущей, постоянно ожидаемой опасности, онъ самъ бросается въ нее, и изъ опасенія, чтобы Наполеонъ не передѣлалъ Польши ему во вредъ, самъ хочетъ возстановить ее и использовать ради своихъ цѣлей. Именно въ этихъ видахъ онъ и обратился, безъ вѣдома канцлера, къ князю Адаму Чарторижскому съ просьбой передать, подъ большимъ секретомъ, варшавянамъ его предложеніе пересоздать ихъ небольшое герцогство въ соединенное съ Россіей королевство, при условіи, что они присоединятся къ двумстамъ тысячамъ русскихъ, собранныхъ тайкомъ на границѣ, и вмѣстѣ съ ними бросятся на освобожденіе Европы.

Послѣ этого тайнаго предложенія прошло нѣсколько недѣль. За это время планъ его созрѣлъ и принялъ опредѣленную форму. Всѣ его поступки, всѣ движенія его войскъ основывались на гипотезѣ наступательной войны. Конечно, нужна была большая смѣлость, чтобы напасть на вѣчнаго побѣдителя, на полководца, который сломилъ пять коалицій, и, побѣдоносно покончивъ около двухъ лѣтъ тому назадъ съ войнами на континентѣ, за исключеніемъ войны въ Испаніи, впервые сталъ на

---

[1]) Полное сочиненіе XI, 513.

твердую почву и достигъ вершины своего могущества. Но Александру извѣстно, что война въ Испаніи съ непримиримымъ и мстительнымъ врагомъ поглощаетъ бо́льшую часть боевыхъ силъ императора и что она вынудила его вывести часть войскъ изъ Германіи. Александръ знаетъ, что въ Германіи, въ первой линіи, онъ встрѣтитъ только сорокъ шесть тысячъ французовъ, далѣе еще шестьдесятъ. Положимъ, Наполеону стоитъ только мигнуть, чтобы тридцать тысячъ саксонцевъ, тридцать тысячъ баварцевъ, двадцать тысячъ вюртембержцевъ, пятнадцать тысячъ вестфальцевъ, «и другія нѣмецкія войска» [1]) присоединились къ французамъ и чтобы со всѣхъ сторонъ горизонта сбѣжались къ нимъ на помощь и другія войска. Всѣмъ извѣстно, что въ распоряженіи Наполеона всѣ регулярныя арміи отъ Эльбы до Таго, отъ Сѣвернаго моря до Іоническаго; что у него заранѣе вычислено, сколько каждый народъ долженъ выставить ему солдатъ. Но, когда Александръ разсматриваетъ главные элементы, изъ которыхъ слагается это безпримѣрное въ исторіи могущество, когда взоры его проникаютъ за кулисы съ виду покорной, лишенной воли Европы, онъ во многихъ мѣстахъ замѣчаетъ дошедшія до крайнихъ предѣловъ недовольство и склонность къ возстанію, а это обѣщаетъ ему союзниковъ. Послѣдовательно разбирая состояніе государствъ, начиная отъ границъ Россіи вплоть до Атлантическаго океана, онъ всюду находитъ побудительные поводы отважиться на смѣлое дѣло.

Въ ближайшемъ, непосредственномъ сосѣдствѣ съ Россіей лежитъ герцогство Варшавское. Это и есть то государство, куда прежде всего нужно направить таранъ и гдѣ должна быть пробита первая брешь; но, съ другой стороны, тутъ же встрѣчается и главное препятствіе. Конечно, дѣло не въ матеріальныхъ и военныхъ затрудненіяхъ. Двумстамъ тысячамъ русскихъ стоитъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобы силой завладѣть герцогствомъ, раздавивъ своей массой пятьдесятъ тысячъ польскихъ солдатъ. Крѣпости на Вислѣ—допотопныя укрѣпленія; онѣ беззащитны противъ современной артиллеріи. Правда, съ фланга прикрываетъ и можетъ поддержать герцогство Данцигъ, но Наполеонъ сократилъ гарнизонъ этой крѣпости до полуторыхъ ты-

---

[1]) Note des forces qui peuvent se trouver en présence, приложенная Александромъ къ письму князю Адаму. Mémoires de Czartoryski, II, 254.

сячъ французовъ. Это ничто иное, какъ оставленный имъ на Сѣверѣ отрядъ, своего рода часовой на отвѣтственномъ опасномъ посту. И все-таки сопротивленіе великаго герцогства, какъ бы кратковременно оно ни было, задержало бы наступленіе; оно разрушило бы то моральное впечатлѣніе, на которое Александръ разсчитывалъ при внезапномъ появленіи въ Германіи. Вся суть была въ томъ, чтобы преграда рухнула сама собой, какъ бы по волшебству, чтобы варшавяне сами стремительно бросились навстрѣчу Россіи и подали остальнымъ нашимъ вассаламъ сигналъ къ возстанію. Но развѣ царю неизвѣстно, что въ Варшавѣ всѣ законы, всѣ учрежденія, всѣ привычки, чувства, склонности—все пропитано французскимъ духомъ; что тамъ Наполеонъ царствуетъ надъ сердцами, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ его господство основано на насиліи, на лишеніи свободы; что населеніе восторженно поклоняется ему и чтитъ въ немъ героя; что оно любитъ его не только за его благодѣянія, но и въ силу того, что явило ему столько доказательствъ своей преданности; что помимо всего этого, оно обожаетъ его за то, что видитъ въ немъ избраннаго Провидѣніемъ возстановителя національнаго единства? Возможно ли измѣнить въ одинъ мигъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, символъ вѣры четырехъ милліоновъ людей?

Александръ не теряетъ надежды свершить это чудо. Онъ знаетъ, что въ Варшавѣ подъ внѣшнимъ покровомъ единодушія кроется глубокій расколъ, что русская партія не отказалась отъ борьбы и ведетъ подпольную работу. Въ ея рядахъ стоятъ люди, одно имя которыхъ составляетъ силу. Развѣтвленія этой партіи встрѣчаются въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ, извѣстныхъ своей преданностью Франціи. «Въ Польшѣ,—пишетъ нашъ агентъ,—часто можно встрѣтить полную противоположность въ мнѣніяхъ между отцами и дѣтьми» [1]). Можетъ быть, думаетъ царь, достаточно будетъ одной надежды на сильную внѣшнюю поддержку, чтобы измѣнить взаимное положеніе партій и перемѣстить вліяніе.

Затѣмъ, можно было использовать бѣдственное финансовое положеніе варшавянъ. Этотъ до невозможности хвастливый народъ, который, упершись рукою въ бокъ, старается придать

---

[1]) Дипломатическій агентъ Франціи въ Варшавѣ Биньонъ Шампаньи, 9 мая 1811 г. Всѣ приводимыя нами въ этомъ томѣ выдержки изъ переписки нашихъ заграничныхъ агентовъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ взяты изъ архивовъ министерства.

себѣ видъ кутилы и рубаки, въ сущности несчастнѣйшій и бѣднѣйшій изъ народовъ. Роскошная жизнь штабныхъ военныхъ, вплоть до ихъ шитыхъ золотомъ мундировъ—ничто иное, какъ блестящая мишура, за которой скрывается нищета. Въ Варшавѣ все приносится въ жертву арміи, въ особенности внѣшнему ея виду, —красотѣ и страсти къ украшеніямъ; обмундировка и содержаніе двухъ гусарскихъ полковъ стоятъ въ герцогствѣ столько же, сколько въ другомъ мѣстѣ обмундировка и содержаніе четырехъ [1]). Съ одной стороны армія разоряетъ государство, съ другой—отвратительно управляемое государство едва можетъ прокормить войска; уплата жалованья задерживается по семи мѣсяцевъ. Слѣдующая причина бѣдности герцогства та, что оно страна исключительно континентальная. Втиснутая между Россіей, Пруссіей и Австріей, она лишена тѣхъ выходовъ къ морю, которыми пользовалась прежняя Польша. Дворянство, которому принадлежитъ земля, уже не можетъ вывозить ни черезъ Ригу, ни черезъ Одессу продуктовъ сельскаго хозяйства; оно лишено возможности вести въ широкихъ размѣрахъ торговлю хлѣбомъ. Источникъ его доходовъ исчезъ; магнаты, «торгующіе зерномъ»[2]), входятъ въ неоплатные долги, и, живя среди богатствъ, которыхъ нельзя использовать, платятъ непосильные проценты. Всюду царятъ жестокая нужда и страшный недостатокъ въ деньгахъ [3]). Если варшавяне и мирятся съ этими печальными явленіями, то только потому, что видятъ въ нихъ переходное время, неизбѣжный путь къ лучшимъ днямъ, когда Польша свободнѣе вздохнетъ въ своихъ раздвинутыхъ границахъ. Безъ денегъ и почти безъ хлѣба, они въ полномъ смыслѣ слова живутъ однѣми надеждами. Несмотря на свой стоицизмъ, они находятъ свое положеніе крайне тяжелымъ; жалуются, что Наполеонъ медлитъ съ исполненіемъ ихъ желаній и безжалостно долго заставляетъ ихъ ждать, и императоръ Александръ не безъ основанія думаетъ, что, если онъ преподнесетъ полякамъ осуществленіе ихъ мечты, да, сверхъ того, пообѣщаетъ при новомъ режимѣ болѣе обезпеченное существо-

---

[1]) Биньонъ Шампаньи, 23 іюля 1811 г.

[2]) Биньонъ Шампаньи, 27 апрѣля 1811 г.

[3]) Переписка французскаго посланника въ Варшавѣ, въ 1811 и 1812 гг. Письма Даву и Раппа императору за тотъ же періодъ времени; Archives nationales AF, IV, 1653, 1654, 1655. Mémoires de Michel Oginski, II, 23—24.

ваніе,—непостоянная, дѣйствующая по первому впечатлѣнію нація не устоитъ передъ его предложеніями. Если ихъ отпаденіе состоится, тогда сразу все упрощается. Благодаря ихъ отпаденію, линія Вислы окажется уже занятой, рѣка перейденной, и русскіе, оставивъ направо отъ себя Данцигъ, безъ выстрѣла вступятъ въ Германію.

Въ Германіи они сразу же найдутъ себѣ вѣрнаго союзника и горячаго соратника, ибо, перейдя Вислу, очутятся на прусской территоріи. Нигдѣ гнетъ не чувствуется въ такой степени, какъ въ Пруссіи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Наполеонъ держитъ Пруссію на дыбѣ. Онъ постоянно терзаетъ ее политическими, военными, финансовыми и коммерческими требованіями. Помимо того, его подозрѣваютъ въ стремленіи совсѣмъ уничтожить Пруссію, и подобныя подозрѣнія всюду въ этой странѣ внѣдряютъ мысль о неизбѣжности борьбы за существованіе. Конечно, не нужно смѣшивать народа съ правительствомъ. Правительство малодушно и слабо. Королевы—вдохновительницы смѣлыхъ рѣшеній, уже нѣтъ въ живыхъ. Она скончалась, снѣдаемая скорбью, изнуренная горемъ, и ея безутѣшнымъ слугамъ кажется, что, въ лицѣ ихъ обожаемой, нравственно убитой королевы, сошла въ могилу сама родина. Король проводитъ дни свои въ Потсдамѣ, погруженный въ мрачное оцѣпенѣніе. Сверхчеловѣческія несчастія убили въ немъ всякое проявленіе личной воли, вслѣдствіе чего у подножія трона вспыхиваетъ борьба политическихъ партій. Канцлеръ Гарденбергъ ведетъ двусмысленную политику. Чтобы получить согласіе Наполеона вернуться къ власти, онъ принесъ повинную и сдѣлался его покорнѣйшимъ слугой. Въ Совѣтѣ нѣтъ недостатка въ людяхъ, стоящихъ за союзъ съ побѣдителемъ. Они настойчиво твердятъ, что необходимо раскаяніемъ и покорностью заслужить благосклонность Наполеона. Король выслушиваетъ ихъ совѣты, но въ душѣ по-прежнему остается вѣренъ Россіи. Онъ ведетъ переписку съ Александромъ, умоляетъ царя не покидать его, и иногда какъ бы обращается къ нему за помощью. Конечно, можно опасаться, что въ рѣшительную минуту онъ станетъ колебаться, что его энергія ослабнетъ, но нація, думаетъ Александръ, проявитъ больше мужества, она заставитъ его дѣйствовать.

Нужно сказать, что тяжелыя бѣдствія и непрерывныя униженія способствовали развитію въ Пруссіи тайныхъ обществъ,

благодаря неутомимой дѣятельности которыхъ создалось направленіе общественныхъ умовъ, сотканное изъ либеральныхъ стремленій и патріотическаго злопамятства. Дошедшая до фанатизма ненависть къ Франціи соединяетъ всѣ слои общества. Съ этихъ поръ нація начинаетъ думать, жить и дѣйствовать независимо отъ правительства. У нея есть свои старшіе, свои коноводы: Шарнгорстъ, Гнейзенау, Блюхеръ и нѣкоторые другіе; они составляютъ въ Берлинѣ партію неустрашимыхъ. Стоя у кормила власти, занимая важныя административныя и военныя должности, поддерживая сношенія съ Петербургомъ, они только и ждутъ момента появленія русскихъ на Одерѣ, чтобы вступить въ ожесточенную борьбу съ нерѣшительностью короля. Тогда, по всей вѣроятности, они возьмутъ верхъ надъ людьми, стремящимися возвести трусость въ государственный законъ.

Но въ силахъ ли возставшая Германія оказать Россіи существенную помощь? Съ перваго взгляда можно было бы усумниться въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего можно ждать отъ ампутированнаго, ослабѣвшаго государства, изъ ранъ котораго еще сочится кровь, которое истощено огромной контрибуціей побѣдителю, окружено имъ со всѣхъ сторонъ и состоитъ подъ строгимъ надзоромъ? На востокѣ Пруссію сдерживаютъ и налагаютъ на нее узду крѣпости на Одерѣ: Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау, удержанныя Наполеономъ въ видѣ залога и охраняемыя французскими и польскими полками; съ сѣвера на нее давитъ занятый сильнымъ отрядомъ французовъ Гамбургъ; на западѣ, взявъ на прицѣлъ Берлинъ, стоитъ Магдебургъ; еще далѣе къ западу за Пруссіей слѣдятъ вестфальцы, на югѣ саксонцы; и тѣ и другіе смотрятъ на нее, какъ на свою будущую добычу. Сверхъ того, территорія Пруссіи изборождена и исполосована военными дорогами, по которымъ Франція оставила за собой право прохода для своихъ войскъ и по которымъ разъѣзжаютъ французскіе патрули. Но, несмотря на сѣть, которой опутана Пруссія, въ ней безостановочно вводятся начатыя Штейномъ административныя и соціальныя реформы, и заканчивается преобразованіе арміи.

Бѣдствія Пруссіи сокрушили, принизили короля, но не заставили его отречься отъ военныхъ традицій своего дома. Іена не отбила у него охоты къ ремеслу его предковъ. Онъ остался королемъ-солдатомъ, влюбленнымъ въ свою армію, посвящающимъ

ей всѣ свои мысли—и въ этомъ его заслуга передъ родиной. По недостатку денежныхъ средствъ и во исполненіе договора, ограничивающаго его боевыя силы до сорока двухъ тысячъ, онъ вынужденъ былъ распустить бо́льшую часть своихъ войскъ, но сохранилъ кадры. Ремонтъ крѣпостей, пополненіе вооруженія и матеріальной части шли безостановочно. Уволенные изъ арміи люди оставались въ вѣдѣніи правительства, которое знало, гдѣ ихъ найти. Такимъ образомъ, несмотря на принятыя Наполеономъ мѣры, Пруссія сохраняла скрытую отъ его взоровъ армію прекрасно обученныхъ солдатъ; разсѣянная въ народѣ, она могла явиться по первому зову. Затѣмъ система *krumpers*, т. е. очередной призывъ молодежи, которая проводитъ нѣсколько недѣль подъ знаменами и послѣ роспуска обязывается являться въ извѣстные сроки на ученья, позволяла въ случаѣ надобности прибавить къ наличному составу элементъ, правда, самъ по себѣ не особенно грозный, но который, будучи размѣщенъ по кадрамъ и имѣя опору въ старыхъ солдатахъ, могъ храбро сражаться. Такимъ образомъ, прибѣгая къ разнаго рода подтасовкамъ, дѣйствуя подъ прикрытіемъ лжи и обмана, Пруссія получила возможность быстро собрать сто тысячъ человѣкъ, и императоръ Александръ далекъ былъ отъ истины, опредѣляя въ пятьдесятъ тысячъ количество пруссаковъ, которые, тотчасъ же по вступленіи русскихъ, могли сражаться заодно съ ними. Далѣе царь разсчитывалъ на народныя возстанія, на взрывы мятежа, которые должны возникнуть сами-собой, на ополченіе, надъ устройствомъ котораго работалъ Шарнгорстъ. Онъ думалъ, что французскіе гарнизоны на Одерѣ, вкрапленные въ возставшее населеніе, не въ силахъ будутъ помѣшать регулярнымъ войскамъ соединиться съ русскими; что наступательная армія, которая, благодаря присоединенію къ ней поляковъ и пруссаковъ, дойдетъ до трехсотъ тысячъ, поддержанная и увлеченная воинственнымъ пыломъ всего народа, можетъ безъ выстрѣла дойти до Берлина [1]).

---

[1]) О положеніи Пруссіи смотрите въ особенности среди нѣмецкихъ сочиненій: Haüsser, Deutsche Geschichte, III, 485—526;—Duncker, Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich-Wilhelms III, озаглавленной: Preussen während der französischen Occupation; томъ II исторіи Scharnhorst, Lehmann; Les Mémoires de Hardenberg, опубликованные Ranke, V. Cf. Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe, IV; переписка Пруссіи хранится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ; письма, донесенія, всякаго рода документы хранятся въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1653—1656.

Но этотъ смѣлый планъ можетъ быть выполненъ только при условіи, если Россія обезпечитъ безопасность своихъ фланговъ, если ей не нужно будетъ бояться какой-нибудь диверсіи на сѣверѣ или на югѣ. На флангахъ обширной имперіи стоятъ два государства—Швеція и Турція. Царю необходимо устроить такъ, чтобы ни Швеція, ни Турція не двигались съ мѣста. Особенно важно для него вывести войска изъ недавно завоеванной и плохо ассимилированной Финляндіи; важна увѣренность, что Финляндія не подвергнется нападенію со стороны Швеціи въ то время, когда онъ на Вислѣ будетъ нуждаться во всѣхъ своихъ войскахъ. Былъ ли онъ настолько увѣренъ въ шведахъ, чтобы, положившись на ихъ добросовѣстность, оставить безъ защиты отнятую у нихъ провинцію? И, если былъ—на чемъ основывалось его довѣріе?

Въ декабрѣ 1810 г. Бернадотъ трижды далъ честное слово—никогда не выступать противъ Россіи. Его ненависть къ Наполеону служила порукой его искренности. Но Бернадотъ не былъ неограниченнымъ хозяиномъ Швеціи: не сумѣлъ сразу взять въ руки бразды правленія. Зимой 1811 г., вмѣсто того, чтобы упрочить свое вліяніе въ королевскихъ совѣтахъ, онъ былъ занятъ пріобрѣтеніемъ дешевой популярности. Онъ вызвалъ къ себѣ жену съ сыномъ и представилъ шведамъ въ трогательной семейной картинѣ всю совокупность ихъ надеждъ. Каждый день дѣлались пріемы и отвѣтные визиты, давались балы, вечера, на которыхъ Бернадотъ благосклонно принималъ знаки почтенія и не пугался слишкомъ большой лести. Когда въ составленномъ льстецами спискѣ выигранныхъ имъ сраженій на-ряду съ другими былъ помѣщенъ и Аустерлицъ, онъ ограничился только тѣмъ, что принялъ скромный видъ [1]). Онъ много выѣзжалъ, дѣлалъ смотры войскамъ, посѣщалъ провинціи, путешествовалъ, показывая себя во всей красѣ, и нравился толпѣ своей представительной наружностью и чрезмѣрной добротой. Къ несчастью, онъ слишкомъ много занимался своей особой, что подрывало его обаяніе въ глазахъ высшихъ классовъ и отвлекало его отъ болѣе серьезныхъ занятій. Онъ безъ устали говорилъ и мало дѣлалъ. Въ своемъ кабинетѣ, куда всякому былъ открытъ доступъ, онъ всѣхъ выслушивалъ и не разбивалъ ничьихъ надеждъ. Алькіѣръ пишетъ: «Его пріемные дни—безконечныя аудіенціи, во время которыхъ онъ выслушиваетъ цѣлый потокъ фразъ, относящихся ко всевозмож-

[1]) Французскій посланникъ Алькіѣръ Шампаньи, 24 января 1811 г.

нымъ вопросамъ—къ планамъ войны, къ военнымъ, финансовымъ, административнымъ и полицейскимъ реформамъ, съ предложеніемъ которыхъ являются къ нему и о которыхъ онъ говоритъ совершенно откровенно и съ добротой, по-истинѣ, безконечной» [1]). Даже его манера быть привѣтливымъ приводитъ въ смущеніе шведовъ высшаго круга, привыкшихъ видѣть въ своихъ принцахъ больше достоинства и сдержанности. «Напримѣръ: у него дурная привычка: каждому, кто имѣетъ честь приблизиться къ нему, подавать и крѣпко жать руку» [2]). Когда ему дѣлаютъ замѣчаніе по поводу его неумѣстной фамильярности, онъ отвѣчаетъ, что онъ отъ природы неисправимо любезенъ, откровененъ и привѣтливъ; что эта склонность—его наслѣдственная, семейная черта. «Я унаслѣдовалъ это отъ матери» [3]),—говоритъ онъ. Его друзья желали бы видѣть въ немъ поменьше благосклонности—не для всѣхъ и безъ разбора,—побольше выдержки и сдержанности въ обращеніи, побольше усердія къ дѣламъ, а, главное, побольше твердости и рѣшительности. Говорятъ, что онъ не сумѣлъ воспользоваться вызваннымъ его пріѣздомъ энтузіазмомъ, чтобы заставить всѣхъ уважать себя и слушаться; что онъ упустилъ случай сдѣлаться главою Швеціи и создать въ ней власть.

За неимѣніемъ истинной власти, гдѣ найти надежное вліяніе? Съ кѣмъ, помимо Бернадота, могъ бы императоръ Александръ начать переговоры и сговориться? Король окончательно впалъ въ дѣтство; его рѣчь—несвязный лепетъ; единственное, еще живущее въ немъ чувство, это—чувство трепетнаго восхищенія передъ императоромъ французовъ. Королева всѣмъ внушаетъ отвращеніе и обезславлена на весь свѣтъ. Среди членовъ совѣта только двое пользуются довѣріемъ короля и распоряжаются этой машиной, способной только подписывать свое имя. Во-первыхъ—генералъ-адъютантъ Адлеркрейцъ, творецъ революціи, возложившей корону на главу Карла XIII; во-вторыхъ — его родственникъ, баронъ Энгестрёмъ, глава министерства иностранныхъ дѣлъ. «Онъ не вполнѣ лишенъ ума, таланта и характера,—ядовито говорится о немъ въ одномъ донесеніи. Но помимо уваженія, которымъ пользуется у короля генералъ-адъютантъ, пору-

---

[1]) Алькіѣръ Шампаньи, 18 января 1811 г.

[2]) Id.

[3]) Id.

кой его прочнаго положенія служитъ неспособность короля судить о бездарности своего министра, а также неспособность отказаться отъ столь дурного выбора. Для поддержанія своего вліянія Энгестрёмъ пользуется средствомъ, всегда вѣрнымъ при столь немощномъ старцѣ. Оно состоитъ въ неослабной угодливости и добровольномъ лакействѣ, которыя простираются на всѣ мелочи домашней жизни монарха. Кромѣ того, онъ обладаетъ особой способностью, которая еще болѣе сближаетъ его съ королемъ. Несчастный король до такой степени умственно ослабѣлъ, что безъ слезъ не можетъ говорить даже о совершенно безразличныхъ вещахъ. Министръ плачетъ вмѣстѣ съ нимъ, ибо у него такая способность плакать, какой я ни у кого не видалъ. Это свойство, составляя полный контрастъ съ его гигантскимъ ростомъ и геркулесовскимъ сложеніемъ, дѣлаетъ его смѣшнымъ» [1]).—«Этому-то *duumvirat*'у, составленному изъ Энгестрёма и Адлеркрейца,—прибавляетъ дипломатъ, у котораго мы заимствуемъ эти характерныя черты,—предоставилъ наслѣдный принцъ власть, которая должна была бы находиться въ его рукахъ». По правдѣ говоря, у самихъ министровъ, овладѣвшихъ королемъ—только подобіе власти. Они сдѣлались прислужниками общественнаго мнѣнія и идутъ за капризными вспышками этого «блуждающаго огонька» [2]). Дурныя стороны конституціи, которая систематически сводила къ нулю дѣятельность исполнительной власти, періодически повторяющіеся съѣзды, на которыхъ открыто торгуютъ своей совѣстью, затѣмъ безобразія наглой, не стѣсняющейся въ средствахъ прессы и распущенность всего административнаго механизма, — все это, предоставляя полную свободу наглому хозяйничанію партій, держитъ Швецію въ положеніи узаконенной анархіи.

Въ Швеціи существуетъ русская партія, состоящая, главнымъ образомъ, изъ богатаго, довольно вліятельнаго дворянства; но оно составляетъ меньшинство націи; у большинства же шведовъ сердце переполняется горечью при одномъ воспоминаніи о Финляндіи: они живутъ мечтой отвоевать ее обратно. Но это не смущаетъ Александра; онъ основываетъ свою надежду на томъ, что матеріальные интересы—этотъ главный регуляторъ народ-

---

[1]) Алькіѣръ Шампаньи, 18 января 1811 г.

[2]) Слова, приведенныя въ сочиненіи M. Tegner, о баронѣ Армфельтѣ III.

ныхъ стремленій—все болѣе разобщаютъ Швецію съ Наполеономъ и сближаютъ ее съ его врагами. Онъ знаетъ, что въ Швеціи вліяніе въ рукахъ дворянства и богатаго купечества, т. е. въ рукахъ двухъ или, вѣрнѣе, одного класса, такъ какъ члены ихъ часто заключаютъ между собой брачные союзы, пользуются одинаковыми привилегіями, живутъ приблизительно на равной ногѣ и сознаютъ общность своихъ интересовъ. Дворяне—крупные землевладѣльцы; ихъ богатство заключается въ лѣсахъ и рудахъ: чтобы вывозить за границу и продавать тамъ лѣсъ, желѣзо, мѣдь, они нуждаются въ торговомъ сословіи; купечество же, увлекая за собой «занимающуюся торговлей аристократію», неудержимо стремится сблизиться съ Англіей—центромъ крупныхъ дѣлъ и выгодныхъ торговыхъ сдѣлокъ [1]). Объявленіе войны англичанамъ, вырванное Наполеономъ у шведскаго правительства, было пустой комедіей; но и этого было достаточно, чтобы возбудить волненіе въ народѣ и вызвать явно антифранцузское направленіе общественнаго мнѣнія. Слѣдовательно, думаетъ Александръ, съ того момента, когда Россія сблизится съ Англіей, когда состоится между ними союзъ, вполнѣ возможно, что шведы будутъ поддерживать добрыя отношенія съ Россіей изъ уваженія и симпатіи къ Англіи.

Конечно, есть средство теперь же привлечь шведовъ на сторону Россіи, это—указавъ имъ на Норвегію, какъ на компенсацію за Финляндію, предоставить имъ овладѣть ею. Александръ отступаетъ еще передъ этимъ рѣшеніемъ, такъ какъ считаетъ нужнымъ щадить владѣлицу Норвегіи Данію. Введенный въ заблужденіе нѣкоторыми пристрастными отзывами, онъ думаетъ, что этотъ неподкупный союзникъ Франціи мечтаетъ освободиться отъ тираническаго покровительства императора. При подсчетѣ боевыхъ силъ, которыя царь считаетъ возможнымъ выставить противъ насъ, онъ принимаетъ въ разсчетъ тридцатитысячный датскій корпусъ. Онъ думаетъ, что, въ худшемъ случаѣ, Данія будетъ держать себя спокойно и, подобно Швеціи, не приметъ участія въ войнѣ; что оба эти государства будутъ взаимно сдерживать другъ друга; что Скандинавскій сѣверъ или будетъ соблюдать нейтралитетъ или присоединится къ нему.

Иное положеніе было на другомъ флангѣ Россіи—на Востокѣ.

---

[1]) Алькіѣръ Шампаньи, 18 января 1811 г. Въ этой депешѣ дается поразительная картина положенія въ Швеціи.

Тамъ все еще тянулась война съ турками—война вялая, нерѣшительная, то на одномъ, то на другомъ берегу Дуная. Конечно, Турецкая имперія, истощенная людьми и деньгами, полу-расчлененная непокорными, стремящимися къ независимости, провинціальными пашами, не была способна къ серьезной диверсіи въ нашу пользу, но все-таки она занимала часть русскихъ войскъ, и Александръ торопился развязаться съ этимъ, если не опаснымъ, то, во всякомъ случаѣ, нежелательнымъ врагомъ. Еще въ 1808 г. начались переговоры, но были прерваны. Съ тѣхъ поръ они неоднократно возобновлялись и прерывались. Въ описываемый моментъ они офиціально велись въ Молдавіи и секретно въ Константинополѣ, гдѣ Поццо ди Борго усиленно работалъ, стараясь вовлечь англійскую дипломатію въ интересы Россіи, и была нѣкоторая доля вѣроятности, что въ текущемъ году переговоры приведутъ къ заключенію мира. Конечно, Александръ могъ бы сейчасъ же примириться съ турками, если бы согласился возвратить имъ Молдавію и Валахію, т. е. ставку, изъ-за которой возгорѣлась война; но подобная жертва не входила въ планы его политики. Правда, у него не было намѣренія присвоить себѣ цѣликомъ княжества; тѣмъ не менѣе, онъ упорно стремился отнять ихъ у султана, имѣя въ виду сдѣлать изъ нихъ предметъ купли и обмѣна съ Австріей.

Безъ явнаго или тайнаго содѣйствія Австріи, великое предпріятіе было бы дѣломъ рискованнымъ. Углубляясь въ Пруссію, русскіе подставили бы Австріи свой флангъ; ея войскамъ достаточно было бы выйти изъ Богеміи, чтобы напасть на зачинщика и нанести ему пораженіе. Съ 1810 г. отношенія Австріи къ Наполеону удивляли и скандализировали Европу. Императоръ Францъ I-ый выдалъ за него свою дочь. Меттернихъ прожилъ при немъ пять мѣсяцевъ, пріятно проводя время въ его обществѣ, и, по всей вѣроятности, вступилъ съ нимъ въ подозрительныя сдѣлки. По возвращеніи въ Вѣну австрійскій министръ наотрѣзъ отказался отъ разговоровъ съ представителями Россіи и только-что спровадилъ Шувалова и другихъ лицъ, явившихся къ нему съ предложеніями. Но слѣдовало ли, въ силу этого, отчаиваться и отказаться отъ надежды выманить у Австріи согласіе на предполагаемую комбинацію? Нельзя ли было, прибѣгнувъ къ болѣе сильнымъ средствамъ, т. е. предлагая ей обмѣнять Галицію на территоріи, гораздо болѣе ей полезныя, имѣющія для нея бо̀льшее

значеніе, втянуть ее въ свое предпріятіе и добиться ея содѣйствія возстановленію Польши?

Австрія не могла особенно дорожить Галиціей. По вѣнскому договору у нея отнята была лучшая ея часть. Оставшіеся за нею округа должны были неизбѣжно попасть въ орбиту независимой Польши и рано или поздно присоединиться къ ней. Такимъ образомъ, Галиція только тонкой нитью была прикрѣплена къ Австріи. Откажется ли вѣнскій дворъ оборвать эту нить при условіи, что ему будутъ предложены опредѣленныя, вѣрныя и блестящія пріобрѣтенія? Вотъ тутъ-то и можно было сдѣлать превосходное употребленіе изъ княжествъ. Александръ рѣшилъ удержать за собой только часть ихъ, а именно: Бессарабію, т. е. восточную опушку Молдавіи, и немного болѣе половины самой Молдавіи, тѣ территоріи, которыя тянутся до рѣки Серета, лѣвосторонняго притока Дуная. Самый же большой кусокъ, состоящій изъ другой половины Молдавіи и всей Валахіи, предполагалось теперь же отдать императору Францу въ уплату за его содѣйствіе, что не исключало безграничныхъ надеждъ, которыя счастливая война противъ Наполеона могла открыть честолюбивымъ стремленіямъ Австріи. Устоитъ ли Австрія противъ предложенія такой сдѣлки, если сумѣть во-время пустить въ ходъ всѣ пружины политики и интриги?

Но помимо того, сколько еще другихъ возможностей завладѣть Австріей! Въ Вѣнѣ нѣтъ единой, разумной воли, которая управляла бы государствомъ; эту громоздкую машину движутъ и дергаютъ во всѣ стороны всякаго рода вліянія, страсти и предразсудки небольшого кружка высокопоставленныхъ лицъ. Императоръ слабъ, робокъ, ограниченнаго ума, прислушивается къ нашептываніямъ состоящаго при немъ низшаго персонала и поглощенъ мелочами. Въ то время, какъ его министры стараются такъ или иначе привести въ порядокъ шаткое зданіе монархіи, пересоздать администрацію и упрочить довѣріе народа, онъ забавляется пустяками, или воображаетъ, что возстановляетъ финансы, урѣзывая личные расходы и наводя экономію на своемъ винномъ погребѣ [1]). Въ политикѣ у него нѣтъ идей, а только жалобы, воспоминанія, злопамятство. Несмотря на уваженіе, ко-

---

[1]) Отто Марѐ, 3 іюля 1811 г.: „Третьяго дня онъ сказалъ одному придворному: „Въ моемъ погребѣ не найдется ни одной бутылки бургонскаго или шампанскаго".

торое онъ изъ трусости оказываетъ супругу своей дочери, онъ «не теряетъ изъ виду ни Нидерландовъ, ни Милана, ни Германской имперіи, ни пышнаго титула римскаго императора» [1]). Непрерывный ростъ французскаго могущества приводитъ его въ ужасъ, и онъ повторяетъ слова, которыя у всѣхъ на устахъ: «Гдѣ же будетъ этому конецъ?» [2]) Императрица Марія-Луиза-Беатриса д'Эсте проводитъ время въ обществѣ лицъ, «наиболѣе ожесточенныхъ противъ Франціи» [3]). Она вѣчно хвораетъ, но, не взирая на это, постоянно взвинчена; она интригуетъ, суетится, какъ будто чрезмѣрное напряженіе нервовъ и свойство ея болѣзни требуютъ непрерывнаго движенія. Исхудалой, но искусной рукой она неутомимо ткетъ женскую коалицію противъ Наполеона, увлеченіе которымъ, вызванное его бракомъ съ Маріей-Луизой, уже прошло и при дворѣ, и въ правительственныхъ сферахъ, и въ народѣ, ибо возлагавшіяся на это событіе надежды не сбылись. Всѣ ожидали прочныхъ выгодъ, надѣялись получить обратно провинціи, а получили только знаки вниманія вперемежку съ властными требованіями, и послѣдовавшее отсюда разочарованіе вызвало реакцію. Въ почти-что возстановленной арміи замѣтно возрождается прежняя ненависть; ее снова охватываетъ неугасшая надежда на реваншъ. Въ послѣднюю войну она была бита меньше обыкновеннаго; этого достаточно, чтобы внушить ей мысль, что она вышла изъ борьбы почти побѣдителемъ. Послушать нѣкоторыхъ офицеровъ, такъ «эрцгерцогъ Карлъ упустилъ случай устроить свою главную квартиру въ Сенъ-Клу и присоединить къ Австріи Ломбардію, Эльзасъ и Лотарингію» [4]). Въ глазахъ солдатъ французъ опять становится тѣмъ избраннымъ врагомъ, съ которымъ бы хотѣлось помѣряться силами и побить его. Когда офицеры спрашиваютъ солдатъ: «Хотите воевать съ русскими?—Нѣтъ, отвѣчаютъ они.—Съ пруссаками?—Нѣтъ.—Съ англичанами?—Нѣтъ.—Съ французами?—О да! весьма охотно» [5]).

---

[1]) Id., 20 октября.

[2]) Id, 9 января.

[3]) Id., 14 апрѣля 1812 г.

[4]) Отто Шампаньи, 2 февраля 1811 г. Передавая эти слова, Отто прибавляетъ: „Нѣсколько дней тому назадъ генералъ Керпенъ сказалъ мнѣ: „Надо сознаться, что австрійская армія—первая армія въ мірѣ".—„Вы льстите намъ, баронъ".

[5]) Французскій посланникъ въ Саксоніи баронъ Бургуэнъ Шампаньи, 29 сентября 1810 г.

Однако, главную роль въ направленіи умовъ въ Вѣнѣ играютъ не армія, не широкая публика, не дворъ; не они внушаютъ рѣшенія. Великая сила, предъ которой все стушевывается и склоняется—высшій свѣтъ. Это—комплотъ аристократовъ, къ которому примыкаетъ блестящая колонія иностранцевъ. Никто не можетъ избавиться отъ вліянія свѣтскаго общества, никто не можетъ ускользнуть отъ власти правилъ приличія и тираніи свѣтскихъ предразсудковъ. Представители австрійскаго правительства имѣютъ много общаго съ салонами высшей аристократіи; они такъ же заняты нарядами, такъ же развратны, такъ же легкомысленны и спесивы. Ухаживаніе замѣшано во всемъ; дѣла ведутся подъ звуки оркестровъ, обсуждаются подъ прикрытіемъ вѣера; въ правительствѣ, какъ и во всякомъ хорошо поставленномъ салонѣ, главную роль играютъ и задаютъ тонъ дамы. «Несмотря на безупречную жизнь монарха,—пишетъ одинъ дипломатъ, — онѣ пользуются бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ нѣкогда въ Версалѣ» [1]). Однѣ руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, пользуясь «обаяніемъ своей красоты и искусствомъ нравиться», другія—въ силу пріобрѣтеннаго положенія. Изъ-за рядовъ молодыхъ, хорошенькихъ женщинъ выступаетъ внушительный резервъ вдовъ, «у которыхъ помимо воспоминаній о прежнихъ подвигахъ, громкое имя, твердый характеръ и искусство создавать и ронять репутаціи» [2]).

Нигдѣ женщины не проклинаютъ такъ Францію и ея правительство, какъ въ Вѣнѣ. Побѣды революціоннаго народа затронули ихъ интересы, подорвали ихъ благосостояніе, уязвили ихъ гордость. Вѣнскія аристократки усматриваютъ въ этихъ побѣдахъ не только свое несчастье, но даже своего рода неприличіе. Онѣ гордятся своей непримиримой враждой къ Франціи, ибо та забыла свое прошлое великосвѣтской дамы и бросилась въ объятія выскочки: вѣдь, Бонапартъ — человѣкъ не изъ общества. Наоборотъ, онѣ любятъ Россію и идутъ за нею, ибо, во-первыхъ, видятъ въ ней борца за освобожденіе, носителя мести, во-вторыхъ, русскіе въ Вѣнѣ, т. е. группа лицъ, во-главѣ которой стоитъ графъ Разумовскій, задаютъ всему тонъ и даютъ самые блестящіе балы. Въ городѣ, гдѣ дворъ рѣдко показывается и ведетъ очень скромный образъ жизни, гдѣ обѣднѣвшее дворянство помѣшано на удовольствіяхъ, всегда открытый домъ Разу-

[1]) Отто Шампаньи, 24 іюля 1811 г.
[2]) Id., 2 февраля.

мовскаго, домъ, «похожій на царскій дворецъ» [1]), затѣмъ салонъ княгини Багратіонъ и салоны ея соперницъ служатъ для общества притягательной силой и сборнымъ пунктомъ. Русская партія занимаетъ въ Вѣнѣ первое мѣсто и привлекаетъ къ себѣ всѣхъ обаяніемъ своего блеска и своей неугомонной дѣятельностью.

Меттернихъ, несмотря на приписываемую ему слабость къ тюльерійскому двору, вынужденъ считаться съ этими силами, и нельзя не удивляться, глядя, какъ этотъ государственный человѣкъ, этотъ эквилибристъ отъ дипломатіи, никогда не теряя равновѣсія, склоняется то въ ту, то въ другую сторону, и сыплетъ обѣщаніями направо и налѣво. Онъ умѣетъ, въ извѣстные часы дня, мѣнять и мѣсто, и рѣчь. Онъ то занятъ дѣлами съ Франціей, то кокетничаетъ съ Россіей. Послѣ утреннихъ совѣщаній съ представителемъ императора французовъ, графомъ Отто, онъ обѣдаетъ у Разумовскаго. Въ то же утро рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ онъ даетъ аудіенціи, онъ устраиваетъ репетицію балета, который вечеромъ дается у Разумовскаго и въ которомъ главная роль предназначена его дочери. Дипломаты, пріѣзжающіе къ нему для серьезныхъ разговоровъ, не вѣрятъ ушамъ своимъ, слыша несущіеся имъ навстрѣчу мелодичные звуки скрипокъ или увлекательный ритмъ вальса [2]). Меттернихъ лично принимаетъ участіе въ дивертисментахъ, устраиваемыхъ русской колоніей и выступаетъ въ живыхъ картинахъ. Правда, такое пустое времяпрепровожденіе вытекаетъ у него изъ политическаго разсчета, но и помимо того, желаніе и потребность вращаться въ обществѣ и страсть къ женщинамъ постоянно влекутъ его туда, гдѣ веселье и любовь. Отто самъ признается, что его увѣщанія будутъ забыты подъ «взглядомъ княгини Багратіонъ» [3]). При такихъ условіяхъ, не говоря уже о доводахъ, которые могутъ повліять на легкомысленнаго и всегда нуждающагося министра, устоитъ ли Меттернихъ передъ вліяніемъ свѣтскихъ круговъ, когда они общими силами примутся

---

[1]) I d., 30 января.

[2]) Отто Шампаньи, 30 января и 2 февраля 1811 г.

[3]) Отто Шампаньи, 6 февраля 1811 г. „Княгиня Багратіонъ, пишетъ нашъ посланникъ 2 февраля, такъ горячо отдается политикѣ, что была подругой трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ“.

убѣждать его въ цѣнности соблазнительной приманки, которую русскій императоръ имѣетъ въ виду поднести Австріи?

Если Австрія не поддастся искушенію, ее можно вынудить къ бездѣйствію застращиваніемъ. Россія въ состояніи нанести ей огромный вредъ: она можетъ создать серьезныя затрудненія во внутреннихъ ея дѣлахъ. Вѣчно неладящіе со своимъ государемъ венгерцы ищутъ для борьбы съ австрійскимъ произволомъ внѣшней точки опоры и обращаютъ взоры свои на Сѣверъ. Среди милліоновъ населяющихъ Австрію славянъ многіе исповѣдуютъ греческую вѣру. Общность религіи служитъ узами, связующими ихъ съ русскимъ царемъ [1]). Какъ главѣ и покровителю православныхъ, Александру стоитъ только слово сказать, и въ Австріи начнутся народныя возстанія и мятежи. Но вполнѣ вѣроятно, что Австрія не доведетъ до примѣненія столь крайнихъ, не принятыхъ между законными монархіями, пріемовъ. Надо думать, что она предпочтетъ сговориться по-пріятельски и согласится на предложенный ей обмѣнъ. Предполагая даже, что она не захочетъ сразу кинуться въ новую коалицію, есть основаніе надѣяться, что она, по меньшей мѣрѣ, согласится соблюдать доброжелательный нейтралитетъ; что ея выстроенныя на границахъ войска останутся спокойными зрителями, и будутъ стоять шпалерами на пути русскихъ, когда тѣ, ради освобожденія Пруссіи, ускореннымъ маршемъ пойдутъ черезъ сѣверную Германію на Эльбу.

Только на Эльбѣ покажется стоящій на стражѣ французскій корпусъ, центръ котораго опирается на Гамбургъ, правый флангъ на Магдебургъ и лѣвый на море. Это - 1-ый корпусъ, трехдивизіонный корпусъ Даву, состоящій изъ пятнадцати пѣхотныхъ полковъ, восьми кавалерійскихъ и восьмидесяти орудій. За этой преградой изъ войскъ начинается собственно французская Германія; во-первыхъ: соединенные округа, т. е. ганзейское побережье и примыкающія къ нему королевство Жерома-Наполеона и герцогство Бергское — страны, управляемыя непосредственно именемъ императора; во-вторыхъ, безпорядочная группа вассальныхъ владѣній и униженно-покорныхъ городовъ; далѣе, къ югу лежатъ наиболѣе важныя государства Конфедераціи: Баварія,

---

[1]) „Даже въ хижинахъ крестьянъ православнаго исповѣданія, пишетъ Отто 17 іюля 1811 г., можно встрѣтить образа св. Екатерины и св. Александра, предъ которыми каждую субботу заботливо зажигаютъ маленькую свѣчку или, въ крайнемъ случаѣ, лучину смолистаго дерева".

Вюртембергъ, герцогство Баденское—крупные лены Франціи. Въ этихъ странахъ войска и государственные доходы находятся въ рукахъ повелителя; короли повинуются его дипломатическимъ агентамъ или военнымъ командирамъ. Между Сѣвернымъ моремъ и Майномъ высшее начальство поручено Даву, недавно возвратившемуся въ свою главную квартиру — Гамбургъ. Кромѣ 1-го корпуса онъ командуетъ 32-ымъ военнымъ округомъ, въ который входятъ и всѣ присоединенныя территоріи. Фактически онъ генералъ-губернаторъ всѣхъ государствъ по правую сторону Рейна и вице-императоръ Германіи. Подъ его суровой, твердой рукой народы не смѣютъ шелохнуться, но втихомолку составляютъ заговоры, ибо ихъ страданія постоянно возрастаютъ, и чаша терпѣнія переполнилась.

Всюду, куда ни взглянешь—нужда и отсутствіе дѣятельности До сихъ поръ Гамбургъ жилъ своей гаванью. Закрытіе Эльбы разорило этотъ крупный торговый домъ. Магазины или пусты, или переполнены ненужнымъ товаромъ; конторы опустѣли; банки и кредитныя учрежденія съ трескомъ лопаются. Еще характерный симптомъ: число публикацій о продажѣ имѣній растетъ съ каждымъ днемъ въ правильной и безотрадной прогрессіи, ибо нѣтъ желающихъ пріобрѣсти имѣнія [1]). Въ другихъ мѣстахъ, какъ на побережьѣ, такъ и въ центральныхъ частяхъ—въ Вестфаліи, Ганноверѣ, Гессенѣ и Саксоніи—прекращеніе торговли, препятствія, поставленныя обращенію колоніальныхъ товаровъ, и масса запретительныхъ постановленій остановили экономическую жизнь. Введенныя повсюду для наблюденія за строгимъ выполненіемъ блокады французскія таможни и французскій или подобный ему сыскъ терзаютъ народы. Это нѣчто въ родѣ новой инквизиціи, которая наноситъ ущербъ интересамъ частныхъ лицъ и опустошаетъ ихъ кошельки. У нея свои изысканные и жестокіе пріемы розысковъ, свои шпіоны, доносчики, своя короткая расправа и свои аутодафе. Она устраиваетъ костры то въ Гамбургѣ, то во Франкфуртѣ, и сжигаетъ въ огромномъ количествѣ подозрительные товары въ присутствіи жителей, приходящихъ въ ужасъ при видѣ истребленія столькихъ богатствъ.

---

[1]) Бюллетени полиціи, январь—мартъ 1811 г. Archives nationales, AF, IV, 1513—1514.

Эти, съ трудомъ переносимыя, испытанія ускорили возрожденіе національнаго духа. Германія проснулась отъ нестерпимой боли. Ея раны привели ее въ чувство, вернули ей сознаніе своего единства. Теперь всѣ ея усилія направлены на неустанное изученіе, на выясненіе происхожденія и преданій населяющихъ ее народовъ; ея цѣль: объединить ея сыновъ общими преданіями и надеждами, создать нравственное единство націи, вдохнуть единый духъ въ общее отечество, а затѣмъ возстановить и его тѣло. Вотъ къ чему сводится работа университетовъ, салоновъ, мыслящихъ и образованныхъ круговъ общества, задачи литературы, философіи, книги и журнала. Несмотря на строгій надзоръ, печать прославляетъ прошлое, дабы ярче выставить униженія настоящаго. Пользуясь французскими формулами, она, въ замаскированныхъ фразахъ, провозглашаетъ «единство и нераздѣльность Германіи» [1]), и тотъ фактъ, что ея замаскированныя воззванія распространяются отъ Берлина до Аугсбурга, отъ Альтоны до Нюренберга, доказываетъ, что ея чувство ненависти раздѣляется всѣми, что оно всѣхъ объединяетъ. Возникшія въ Пруссіи тайныя общества развѣтвляются далеко за ея предѣлы; они захватываютъ Саксонію и Вестфалію, поднимаются вверхъ по теченію Рейна и проникаютъ въ Швабію. Они всюду разносятъ свою таинственную дѣятельность, условные знаки, символическій языкъ своихъ формулъ и обрядовъ, задача которыхъ возбудить мистическій ужасъ къ иностранцу, создать въ Германіи культъ ненависти къ Франціи. Такимъ образомъ умы подготовляются къ идеѣ о поголовномъ возстаніи. Конечно,— какъ справедливо замѣчаетъ русскій агентъ [2]), — Германія никогда не будетъ Испаніей. Эта рыхлая, неповоротливая и терпѣливая нація не возстанетъ по собственному почину, не нападетъ на узурпатора въ бѣшеномъ порывѣ, подобно сухой и горячей Испаніи. Этому мѣшаютъ и ея темпераментъ, и свойства ея почвы. Германія не начнетъ сама, ее нужно подтолкнуть. Но нѣтъ сомнѣнія, что, послѣ соединенія русской арміи съ прусской, попытки 1809 г. возобновятся съ удвоенной силой; что возродятся и появятся во множествѣ разные Шилли и Брауншвейгъ-Оли; что они организуютъ шайки, чтобы тревожить

---

[1]) Отто Марé, 10 февраля 1811 г.

[2]) Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 113—114.

фланги и тылъ французской арміи. Тогда возстаніе разольется и распространится далеко по подземнымъ ходамъ, проложеннымъ тайными обществами [1]).

Правительства—за исключеніемъ французскихъ властей въ буквальномъ смыслѣ этого слова—врядъ ли устоятъ противъ натиска народовъ. Повидимому, ихъ покорность держится на волоскѣ. На югѣ—въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ, Карлсруэ—у королей и принцевъ все болѣе изглаживаются воспоминанія о благодѣяніяхъ императора, о расширеніи ихъ владѣній; они желали бы поменьше территорій, но побольше независимости. Безконечныя, несносныя требованія и ужасная мысль опуститься мало-по-малу «до роли французскаго префекта» могутъ каждую минуту довести ихъ до отчаянныхъ поступковъ. Среди этихъ государей, по крайней мѣрѣ, одинъ—баварскій король—уже говоритъ, что нужно послѣдовать примѣру Людовика Голландскаго: бросить свой постъ, покинуть государство, «бѣжать тайкомъ» [2]) и скрыться отъ человѣка, изъ-за котораго ремесло короля становится невыносимымъ.

Недовольство не останавливается на границахъ Германіи. По побережью оно распространяется на западъ и съ особенной силой сказывается въ Голландіи. Тутъ стойкій національнизмъ, не желая умирать, борется за свое существованіе. На югѣ Германіи долины Альпъ хранятъ очагъ, пылающій ненавистью: это тотъ мужественный Тироль, у котораго въ 1809 г. были свои герои и мученики. Если наблюдатель перейдетъ Альпы и спустится въ равнины Ломбардіи, если онъ объѣдетъ ту Италію, которую еще недавно Наполеонъ приводилъ въ восторгъ, онъ легко убѣдится, что энтузіазмъ уже потухъ, любовь угасла. Новая власть своей педантичной строгостью заставляетъ иногда жалѣть объ уничтоженныхъ ею злоупотребленіяхъ. Она черезчуръ давитъ на

---

[1]) О положеніи Германіи см. кромѣ предыдущихъ сочиненій о Пруссіи, Kleinschmidt, Geschichte des Koenigreichs Westphalen, 340—366; Rambaud, L' Allemange sous Napoléon I-er, 425—479:; переписка Саксоніи, Вестфаліи, Баваріи, Вюртемберга хранится въ archives des affaires étrangères. Письма Даву и Раппа съ приложеніями хранятся въ archives nationales, AF, IV, 1653—1656 и представляютъ драгоцѣнный источникъ свѣдѣній.

[2]) Донесеніе французскаго агента Марсель де Серра, доставленное Даву 30 сентября 1810 г. Archives nationales, AF, IV, 1653. Cf. Les Mémoires de Rapp, nouvelle édition, 154.

текущую жизнь, и этотъ гнетъ заслоняетъ собой ея созидательную, плодотворную работу—тѣ сѣмена будущаго, которыя она всюду сѣетъ въ странѣ. Осенью 1810 г., Александръ приказалъ собрать свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Италіи [1]). На основаніи ихъ онъ могъ убѣдиться въ непопулярности французскаго режима: въ упорномъ нежеланіи платить налоги, въ недовольствѣ, порождаемомъ континентальной системой, а, главнымъ образомъ, рекрутскими наборами, и на придачу ко всему этому, въ негодованіи вѣрныхъ католиковъ на монарха, сдѣлавшагося тираномъ Папы, мучителемъ служителей алтаря. На окраинѣ полуострова Мюратъ возмущается противъ гнета и начинаетъ посматривать въ сторону Австріи: съ его языка срываются неладныя слова [2]). Во всей центральной Европѣ Наполеонъ потерялъ власть надъ сердцами; его неограниченная, все подавляющая власть непрочна; она опирается только на силу.

По ту сторону Италіи и Германіи, за блестящимъ, но призрачнымъ прикрытіемъ, созданнымъ изъ вассальныхъ государствъ и присоединенныхъ къ нимъ округовъ, выступаетъ сама Франція. На первый взглядъ, эта возбуждающая удивленіе и ненависть Франція являетъ картину ни съ чѣмъ несравнимаго блеска и силы. Въ ней, прежде всего, бросается въ глаза нація, на диво дисциплинированная, превосходно упорядоченная, дѣйствующая, какъ вышколенный, готовый на героическіе подвиги полкъ; затѣмъ администрація—исполнительная до пунктуальности, увѣренная въ себѣ, знающая, что не останется безъ поддержки; далѣе—великія учрежденія; одни уже входятъ въ плоть и кровь, другія начинаютъ свою дѣятельность, третьи только намѣчены, но ихъ величественныя очертанія уже рисуются на горизонтѣ. Всюду ведутся работы, созидающія благо и величіе государства. Правда, о частной иниціативѣ нѣтъ и помину; но съ высоты престола оказывается покровительство и поощреніе талантамъ и самоотверженнымъ дѣятелямъ, наукамъ и искусствамъ, равно какъ и ученымъ трудамъ по военному дѣлу. Постоянно подстрекать и поддерживать соревнованіе — вотъ что сдѣлалось главной задачей правительства. Общественная жизнь устроена

---

[1]) Archives de Saint-Pétersbcurg.

[2]) См. по поводу этого письмо, написанное 30 августа 1811 г. герцогомъ Бассано графу Отто. Archives des affaires étrangères, Vienne, 389.

на подобіе громаднаго конкурса съ раздачей денежныхъ наградъ и знаковъ пальмовыхъ вѣтвей, что возбуждаетъ усердіе къ службѣ и желаніе отличиться.

Но за этой блестящей декораціей скрывается глухое недовольство и глубоко-удрученное состояніе. Франція страдаетъ, и прежде всего въ матеріальномъ отношеніи. Налоги непосильны и увеличиваются изъ года въ годъ, распространяясь на всѣ виды производства, въ особенности на пищевые продукты. Но самый тяжелый налогъ—налогъ на кровь. Онъ истощаетъ народонаселеніе, отнимая отъ него его жизнетворныя силы. Торговля падаетъ. Въ промышленности, мечтавшей, вслѣдствіе прекращенія англійской конкуренціи, сдѣлаться госпожей европейскаго рынка, дѣйствительно, на короткое время произошелъ страшный подъёмъ; но затѣмъ перепроизводство и страсть къ рискованнымъ спекуляціямъ вызвали кризисъ. Теперь въ Парижѣ и въ главныхъ провинціальныхъ городахъ банкротства слѣдуютъ одно за другимъ; самые солидные торговые дома прекращаютъ платежи. Это угнетаетъ рынокъ и вызываетъ панику среди капиталистовъ [1]). Фабрики и крупные металлургическіе заводы закрываютъ свои мастерскія. Ліонская промышленность въ отчаянномъ положеніи; въ Авиньонѣ, въ Ривъ-де-Жирѣ боятся безпорядковъ; въ Нимѣ, по донесеніямъ полиціи, тридцать тысячъ безработныхъ [2]), а въ скоромъ времени и въ предмѣстьѣ Сенъ-Антуанъ ихъ наберется двадцать тысячъ. Рядомъ съ матеріальной нуждой идетъ моральный гнетъ. На мысль и на слово наложенъ запретъ; всюду мертвая тишина. Изъ боязни подозрительной и придирчивой полиціи, которая въ излишнемъ недовѣріи и ложномъ усердіи доходитъ до идіотизма, вся нація говоритъ шопотомъ. На этомъ фундаментѣ изъ недовольства и скорби высится ослѣпительное по своему блеску зданіе администраціи и двора; во-первыхъ: міръ гражданскихъ и военныхъ чиновъ — жизнерадостный, блестящій, по горло засыпанный золотомъ, которое онъ, въ лихорадочной погонѣ за на-

---

[1]) Окрахѣ 1811 г., см. Correspondance impériale (XXVIII, passim.) и Mémoires de Mollien III, 288—289, собраніе Bulletins de police, archives nationales, AF, IV, 1513 et suiv. Bulletin отъ 18 января 1811 г.: „Благоразумнѣйшіе купцы боятся за будущее. Кризисъ дошелъ до того, что каждый день всякій банкиръ, благополучно дожившій до четырехъ часовъ, восклицаетъ: *„Слава Богу! день прошелъ!“*

[2]) Bulletin отъ 16 марта.

слажденіями, разбрасываетъ полными горстями; затѣмъ, красота и блескъ столицы — высшія государственныя учрежденія, идущія въ постепенно-возрастающемъ по значенію порядкѣ; еще выше сгруппированная вокругъ трона старая и новая аристократія, и, въ завершеніе, вѣнецъ всего—императоръ, теперь менѣе доступный, чѣмъ въ прежнія времена. Теперь онъ окружаетъ себя людьми стараго режима; любитъ, чтобы ему служили царедворцы по рожденію, чтобы предъ нимъ курили тонкій ѳиміамъ лести. Приписывая себѣ божественныя свойства, онъ застываетъ въ священныхъ позахъ; отдаляется отъ всѣхъ окружающихъ и, подобно его мысли, одиноко носящейся въ области его сверхчеловѣческихъ плановъ, одинокимъ живетъ среди своего народа. Его возрастающая строгость, его деспотизмъ тирана и вѣчно омраченное чело — всѣхъ отталкиваютъ отъ него, всѣхъ настраиваютъ противъ него. Близится время, когда одинъ русскій агентъ напишетъ: «Всѣ его боятся, и никто его не любитъ» [1]).

Эти продиктованныя ненавистью слова въ высшей степени несправедливы въ примѣненіи ко всей націи. Несмотря ни на что, значительное большинство городскихъ и сельскихъ жителей остаются вѣрны тому человѣку, который предсталъ предъ ними на другой день революціи въ роли великаго умиротворителя, который сумѣлъ вызвать въ нихъ самые благородные инстинкты и сдѣлалъ ихъ сверхчеловѣками. Простой народъ остается вѣренъ тому, кто овладѣлъ имъ, кто очаровалъ и привелъ въ восхищеніе его душу. Безъ Наполеона онъ не можетъ представить себѣ ни настоящаго, ни будущаго. Онъ страдаетъ изъ-за него, но не винитъ его въ этомъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что средніе и высшіе классы отдаляются отъ императора; что по мѣрѣ того, какъ изъ памяти ихъ изглаживается время революціи, они все меньше цѣнятъ благодѣянія возстановленнаго имъ порядка и начинаютъ сожалѣть объ изгнанной свободѣ. Ихъ угнетаетъ мысль, что церковный миръ—это великое дѣло консулата—снова нарушенъ, что произволъ развивается до невозможности, что онъ воскресаетъ въ тысячѣ видахъ. Вдвойнѣ вѣрно, что сверхъестественныя удачи наводятъ ихъ на тревожныя мысли; они сознаютъ, что жизнь ихъ какой-то вол-

---

[1]) Recueil de la Société impériale d'histcire de Russie, XXI, 271.

шебный сонъ. Они живутъ подъ страхомъ неизбѣжнаго пробужденія, и уже наиболѣе ловкіе и предусмотрительные подумываютъ о томъ, чтобы своевременной измѣной подготовить себѣ будущее. Еще два съ половиной года тому назадъ нѣсколько вельможъ составили противъ императора тайный заговоръ. Они готовы воспользоваться первой внѣшней неудачей, первымъ народнымъ бѣдствіемъ, чтобы подъ шумокъ нанести предательскій ударъ, который бы ускорилъ паденіе пошатнувшагося колосса. Александру все это извѣстно, ибо съ 1809 г. то непосредственно, то черезъ другихъ, онъ поддерживаетъ переписку съ Талейраномъ, однимъ изъ главныхъ двигателей интриги [1]). Онъ знаетъ, что даже среди членовъ императорской семьи есть недовольные: въ его секретной папкѣ лежитъ письмо, которое написалъ ему король Людовикъ и которое, по горечи нападокъ на императора, превосходитъ самые ѣдкіе памфлеты [2]). По собраннымъ свѣдѣніямъ, по перехваченнымъ письмамъ ему извѣстно, что образованные классы подъ сурдинку порицаютъ правительство, что служебный персоналъ измученъ, что народъ усталъ, что всѣ функціи государственнаго организма ослаблены и истощены. Еще далѣе; позади сгибающейся подъ тяжестью своего собственнаго величія Франціи, позади ея надорваннаго народа, онъ видитъ зубами вцѣпившуюся во Францію Испанію, — ту чудную, но ужасную Испанію, которая шагъ-за-шагомъ отстаиваетъ свою пропитанную кровью, заваленную трупами землю, свои превращенные въ развалины города и опустѣвшіе храмы; которая, сама выбиваясь изъ силъ въ этой ужасной войнѣ, гдѣ только можно, по частямъ избиваетъ оккупаціонныя войска. Онъ знаетъ, что у Наполеона въ Испаніи пять армій, и что, все-таки, онъ не можетъ справиться съ ней. Въ завершеніе картины, онъ видитъ на самой окраинѣ полуострова, на югѣ Португаліи—Веллеслея съ его англичанами, который все еще борется, прикрывая Лиссабонъ и удерживая на мѣстѣ Массена; онъ видитъ, что упорство Британіи, засѣвшей въ веркахъ Торресъ-Ведраса, ставитъ предѣлъ бурному потоку французскаго нашествія.

Вся Европа, за исключеніемъ ея окраинъ, фактически въ рукахъ Наполеона, но океанъ—внѣ его власти. Близъ береговъ крейсируетъ англійскій флотъ и держитъ французскія эскадры

---

[1]) См. томъ II, стр. 48.

[2]) Archives de Saint-Pétersbourg.

взаперти въ ихъ собственныхъ портахъ. Установленной берлинскимъ и миланскимъ декретами блокадѣ Англія противопоставляетъ свою контръ-блокаду и охватываетъ огромную имперію враждебными морями. Прегражденіе Англіи доступа на континентъ пустая фикція. Вопреки строгостямъ блокады, британскіе товары непрерывно проникаютъ въ Европу черезъ Сѣверъ, черезъ остающуюся для нихъ полуоткрытой Россію. Колоніальные товары, единственнымъ поставщикомъ которыхъ сдѣлалась Англія, принимаются въ русскихъ гаваняхъ, лишь бы они ввозились американскими кораблями, хотя бы и нанятыми и приспособленными для этой цѣли англичанами. Одни изъ этихъ продуктовъ продаются на мѣстѣ, другіе провозятся черезъ обширную имперію. Послѣ того, какъ они какъ будто поглощаются и затериваются въ Россіи, они вдругъ снова появляются на ея западной границѣ и вывозятся черезъ Броды, обратившіеся въ крупный центръ контрабанды, а затѣмъ незамѣтнымъ образомъ расходятся по Германіи. Александръ по-прежнему покровительствуетъ запрещенной торговлѣ и ея провозу. Болѣе того, онъ намѣренъ развить и упорядочить экономическія сношенія съ Англіей, ибо видитъ въ этомъ единственное средство покончить съ экономическимъ кризисомъ, отъ котораго страдаютъ его подданные, и, такимъ образомъ, вновь создать благосостояніе своего народа. Будетъ ли война, нѣтъ ли, онъ рѣшилъ уже, что, лишь только представится удобный случай, онъ откроетъ гавани англійскимъ кораблямъ и массовому ввозу британскихъ произведеній. Съ этихъ поръ это намѣреніе дѣлается одной изъ его сокровенныхъ мыслей [1]).

Что же касается политическаго сближенія съ Лондономъ, то царь не находитъ нужнымъ ускорять его. Зачѣмъ преждевременно раскрывать свои карты, зачѣмъ спѣшить съ нарушеніемъ официальнаго мира и союза, когда и такъ между самыми дѣятельными партіями Россіи и Англіи существуютъ всѣ данныя для соглашенія? И безъ этого во многихъ столицахъ представители царя, равно какъ и проживающіе за-границей русскіе, т. е. члены того кочующаго общества, которое расползлось по всѣмъ странамъ Европы, дѣйствуютъ заодно съ тайными агентами

---

[1]) Это признаніе мы найдемъ въ докладной запискѣ, составленной графомъ Нессельроде, вслѣдствіе разговора съ императоромъ Александромъ. Эта докладная записка приведена и разобрана нами въ главѣ VIII.

Англіи, которыхъ та содержитъ при различныхъ дворахъ; и такъ ихъ общій трудъ подготовляетъ элементы для шестой коалиціи и служитъ для нихъ связующимъ звеномъ. Конечно, страхъ внушаемый Наполеономъ, такъ великъ, что можетъ мѣшать дѣятельности этого сообщества. Всѣ главы государствъ, всѣ министры, толкующіе о необходимости возстанія, дрожатъ при одномъ его взглядѣ. Какъ только онъ выступаетъ на сцену, какъ только начинаетъ браниться и угрожать, у нихъ со страха дѣлаются колики. Нужно сказать, что въ этотъ историческій моментъ вся Европа представляла зрѣлище борьбы ненависти со страхомъ,—и, чтобы въ то время съ положительностью предсказать, какое изъ этихъ чувствъ возьметъ верхъ, нужно было обладать большой смѣлостью. Тѣмъ не менѣе, Александръ думаетъ, что одинъ быстро и смѣло нанесенный ударъ можетъ разрушить обаяніе непобѣдимости Наполеона; что онъ уничтожитъ создавшееся о его мощи представленіе, и произведетъ въ умахъ переворотъ, который приведетъ къ всемірной войнѣ; что Наполеонъ будетъ побѣжденъ въ тотъ моментъ, когда всѣ проникнутся увѣренностью, что это возможно. Занятіе великаго герцогства, превращеніе этого вѣрнаго стража Франціи въ ея недруга, разгромъ французскихъ войскъ между Вислой и Эльбой и появленіе русскихъ въ центрѣ Германіи—все это можетъ послужить нагляднымъ доказательствомъ такой возможности. Вотъ почему Александръ—по собственному его выраженію [1])—«съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ» ждетъ отвѣта Чарторижскаго, который откроетъ или закроетъ ему пути. Онъ надѣется, болѣе того, почти убѣжденъ, что, если ему удастся привлечь на свою сторону Польшу, отвлечь отъ Наполеона Австрію и окончательно изъять изъ-подъ его вліянія Швецію, ихъ громкая измѣна всѣхъ увлечетъ за собой; что тогда короли, министры, народы, арміи—всѣ возстанутъ противъ деспота, гнетъ котораго сдѣлался невыносимымъ для Европы, и всѣ, безъ изъятія, устремятся навстрѣчу царю-освободителю.

II.

Въ самомъ концѣ января изъ Пулавъ, помѣстья Чарторижскихъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, выѣхалъ переодѣтый агентъ и направился къ русской границѣ. Избѣгая проѣзжихъ дорогъ

---

[1]) Письмо, помѣщенное въ Mémoires de Czartoryski, II, 253.

и «находящихся подъ надзоромъ мѣстъ» [1]), онъ со всевозможными предосторожностями перебрался черезъ границу и пріѣхалъ въ Гродно. Тамъ онъ передалъ пакетъ городничему Ланскому. Въ пакетѣ къ городничему было вложено письмо, адресованное императору всея Россіи; это и былъ отвѣтъ Чарторижскаго на первыя предложенія Александра. Съ соблюденіемъ строжайшей тайны оно было доставлено въ Зимній дворецъ. Страхъ, внушаемый Наполеономъ всѣмъ государямъ, вынуждая самыхъ могущественныхъ уподобляться ничтожнѣйшимъ, заставлялъ ихъ замышлять возстанія въ глубочайшей тайнѣ и дѣлалъ изъ нихъ заговорщиковъ [2]).

Письмо Чарторижскаго было полно возраженій. А, между тѣмъ, дѣло шло о томъ самомъ проектѣ, къ которому нѣкогда сводились всѣ его упованія, который онъ поставилъ себѣ цѣлью своей жизни. Согласно преданію, въ 1805 г., во время пребыванія Александра въ Пулавахъ, Чарторижскій и его родные бросились къ ногамъ царя и на колѣняхъ умоляли его возвратить имъ родину. Но то было въ 1805 г. Въ то время Польша, раздѣленная между тремя государствами, безъ силъ, безъ надежды на чью-либо помощь, могла ждать своего возрожденія только отъ великодушнаго и благороднаго порыва Александра, могла разсчитывать только на его милосердіе. Съ тѣхъ поръ дѣло круто измѣнилось: заря надежды на возрожденіе Польши вспыхнула на Западѣ; Наполеонъ коснулся ея своей рукой. Онъ на половину вытащилъ ее изъ могилы и созданіемъ герцогства положилъ начало полному ея возстановленію. При этакихъ-то условіяхъ,—думалъ Чарторижскій—вмѣсто того чтобы упрочить свою дальнѣйшую судьбу, не скомпрометируютъ ли ее жители герцогства Варшавскаго, отворачиваясь отъ Наполеона и идя навстрѣчу предложеніямъ Россіи? Не будетъ ли отреченіе отъ Наполеона вызовомъ, брошеннымъ Провидѣнію? Сверхъ того, искренни ли предложенія Александра? Слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто солидное, устойчивое, а не какъ на обманчивую приманку — на средство, вызываемое потребностями даннаго момента? Даже допуская, что царю удастся побѣдить Наполеона, сдержитъ ли онъ свои обѣщанія послѣ одержанной имъ побѣды?

---

[1]) Mémoires de Czartoryski, II, 270.

[2]) Отвѣтъ Чарторижскаго и второе письмо Александра, изъ которыхъ мы даемъ многочисленныя выдержки, опубликованы въ приложеніи къ Mémoires du prince Adam Czartoryski, II, 255—278.

Всѣ эти опасенія Чарторижскаго сквозятъ въ его недомолвкахъ; чувствуется, что въ немъ происходитъ мучительная борьба патріотизма съ чувствомъ признательности. Когда онъ разсуждаетъ, его мысли, его упованія влекутъ его къ Наполеону, но сердце рвется къ Александру, живетъ рядомъ съ нимъ.

Не отклоняя и не принимая цѣликомъ всего проекта, онъ обсуждаетъ его. Онъ указываетъ, при какихъ, по его мнѣнію, условіяхъ, предпріятіе можетъ сдѣлаться менѣе безнадежнымъ. Въ принципѣ, онъ не отвергаетъ основной мысли Александра. Подчеркнувъ весьма естественныя восторженныя чувства привязанности варшавянъ къ императору французовъ, онъ признается, что въ ихъ сердцахъ всякое чувство уступаетъ мѣсто страстному желанію вернуть свою родину, при томъ безраздѣльную и жизнеспособную. Возможно, что они перейдутъ на сторону того, кто предложитъ имъ теперь же то, на что Наполеонъ позволяетъ имъ надѣяться только въ далекомъ будущемъ. Но необходимо, чтобы въ нихъ не было и тѣни сомнѣнія относительно искренности и устойчивости этихъ предложеній, чтобы они прониклись убѣжденіемъ, что ихъ желанія будутъ удовлетворены вполнѣ. Слѣдовательно, недостаточно того, что императоръ Александръ пообѣщаетъ и даже въ принципѣ рѣшитъ возстановить королевство; необходимо, чтобы государь сообщилъ, изъ чего будетъ состоять возстановленное королевство, каковы будутъ его будущее, его отношенія къ Россіи;—чтобы онъ принялъ на себя подробно и точно опредѣленныя обязательства. Чарторижскій нѣсколько разъ возвращается къ этой мысли въ выраженіяхъ, показывающихъ упорное недовѣріе. Вполнѣ сознавая, что герцогство можетъ своей тяжестью склонить вѣсы въ сторону того или другого императора, онъ откровенно ставитъ условія и требуетъ гарантій.

Онъ желаетъ, чтобы русскій императоръ соблаговолилъ высказаться по тремъ пунктамъ, чтобы точно опредѣлилъ свои великодушныя намѣренія. Во-первыхъ, спрашиваетъ онъ, расположенъ ли великодушный благодѣтель возстановить Польшу въ томъ видѣ, какъ она была до раздѣла, со всѣми ея провинціями? Гарантируетъ ли онъ полякамъ не только самоуправленіе подъ его верховной властью, но и политическую свободу, и представительный и конституціонный образъ правленія? Конституція 3 мая 1791 г., говоритъ онъ, «запечатлѣлась въ ихъ серд-

цахъ неизгладимыми чертами». Дѣйствительно, эта конституція служитъ показателемъ громаднаго усилія, какое сдѣлала надъ собой Польша,—ея стремленія переродиться и уничтожить изъ ряда вонъ выходящіе недостатки ея прежняго политическаго строя. Введеніемъ статута, устанавливавшаго свободу и подавлявшаго анархію, Польша доказала свое право на жизнь, и это было въ ту самую минуту, когда три участвовавшихъ въ дѣлежѣ государства готовились нанести ей смертельный ударъ. Второй желаемой гарантіей, очевидно, и было возстановленіе въ силѣ конституціи 3 мая. Наконецъ, третья гарантія состояла въ необходимости обезпечить возстановленной Польшѣ торговые рынки, т. е. такой экономическій режимъ, который доставилъ бы изнуренному лишеніями, обезличенному и изнемогающему народу нѣкоторое матеріальное облегченіе—возможность свободно дышать. При этихъ трехъ условіяхъ можно надѣяться, что варшавяне пожертвуютъ долгомъ благодарности ради высшихъ интересовъ національнаго возрожденія.

Предполагая, что желаемое соглашеніе состоится, все-таки успѣхъ предпріятія останется гадательнымъ, такъ какъ при его осуществленіи придется столкнуться съ человѣкомъ, обладающимъ геніемъ и могуществомъ—съ тѣмъ, кто уже пятнадцать лѣтъ держитъ въ своихъ рукахъ побѣду. Между перечисленными Александромъ шансами на успѣхъ, Чарторижскій подчеркиваетъ не одинъ, который кажется ему сомнительнымъ. Развѣ такъ легко внезапно напасть на Наполеона, такъ легко застать его врасплохъ? Не «притворяется ли онъ мертвымъ», не дѣлается ли это умышленно, не ставитъ ли онъ западню своимъ врагамъ? Допуская, что «его летаргія» не притворна, можно ли довести дѣло до конца, не возбудивъ его вниманія? Развѣ въ распоряженіи его посланника въ Россіи, генерала Коленкура, мало средствъ освѣдомленія и надзора? Подумалъ ли императоръ Александръ о томъ, чтобы принять мѣры предосторожности относительно Австріи; заручился ли онъ содѣйствіемъ этого необходимаго сотрудника? Увѣренъ ли онъ, что на полѣ сраженія окажутся въ наличности войска, показанныя въ донесеніяхъ генераловъ и администраторовъ? Оградилъ ли себя отъ всякаго рода недочетовъ? «Мнѣ такъ часто случалось видѣть въ Россіи на бумагѣ сто тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ наличности, по всеобщему признанію, было только шестьдесятъ!... Точно ли разсчитаны

время переходовъ, возможность оставить безъ войскъ угрожаемыя мѣста? Прибудутъ ли войска въ срокъ къ назначенному мѣсту? Ваше Величество будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, по отношенію къ которому ошибка не проходитъ безнаказанно».

Чарторижскій не довольствуется простыми увѣреніями; ему хотѣлось, чтобы царь высказался опредѣленно, чтобы онъ хорошо освѣдомилъ его о своихъ планахъ и сообщилъ достовѣрныя данныя. Онъ проситъ его объ этомъ съ почтительной смѣлостью, обставляя свои вопросы комплиментами, выраженіями трогательной благодарности и глубокаго почтенія. Въ заключеніе, онъ высказываетъ готовность, при вышеуказанныхъ имъ условіяхъ, послужить великой идеѣ. Онъ не прочь поѣхать въ Варшаву, повидаться съ нѣкоторыми лицами и, въ ожиданіи новыхъ указаній, осторожно позондировать почву. Но послѣднія строки его письма еще разъ выдаютъ его душевную тревогу; онѣ показываютъ, что неожиданное довѣріе, которымъ его удостоили, скорѣе взволновало его, чѣмъ обрадовало. «Не могу,—говоритъ онъ,—выразить всего, что происходитъ во мнѣ; сколько надеждъ, сколько опасеній постоянно волнуютъ меня. Какое было бы счастье потрудиться ради освобожденія столькихъ страждущихъ націй, ради счастья моей родины и во славу Вашего Величества! Какое счастье сдѣлаться свидѣтелемъ того, какъ сольются воедино всѣ эти многообразные интересы, которые, повидимому, сама судьба поставила въ вѣчное противорѣчіе! Но часто мнѣ кажется, что для того, чтобы это могло осуществиться, все это слишкомъ хорошо, слишкомъ большое счастье, и думается, что злому генію, заботящемуся только о томъ, чтобы разрушить слишкомъ счастливые для человѣчества планы, удастся разстроить и этотъ планъ».

Несмотря на то, что въ отвѣтѣ Чарторижскаго было такъ мало обѣщающаго, Александръ все-таки не нашелъ повода приходить въ отчаяніе. Рѣшеніе его слишкомъ окрѣпло, чтобы отступать при первомъ же препятствіи. Продумавъ день и двѣ ночи, онъ снова берется за перо, пишетъ второе письмо Чарторижскому, и высказываетъ въ немъ рѣшимость идти впередъ, если только ему не будетъ ясно указана несбыточность его надеждъ. «Третьяго дня вечеромъ, пишетъ онъ, получилъ я, дорогой другъ, ваше интересное письмо отъ 18—30 января и спѣшу сейчасъ же отвѣтить вамъ. Указанныя въ немъ затрудненія

очень велики; съ этимъ я согласенъ; но, такъ какъ большинство ихъ я предвидѣлъ, и въ виду того, что послѣдствія этого дѣла чрезвычайно велики, остановиться на полдорогѣ было бы самымъ плохимъ рѣшеніемъ».

Высказавъ это положеніе, онъ шагъ-за-шагомъ разбираетъ возраженія Чарторижскаго и старается ихъ опровергнуть. Что же касается гарантій, онъ согласенъ на всѣ. «Прокламаціи о возстановленіи Польши,—говоритъ онъ,—должны идти въ первую голову, и, конечно, съ этого дѣла и должно начаться выполненіе плана». Въ составъ новой Польши войдутъ, помимо герцогства, отданныя Россіи по тремъ раздѣламъ провинціи и даже, если возможно, австрійская Галиція; ея границами на востокѣ будутъ Двина, Березина и Днѣпръ. Александръ не боится щедрой рукой обкарнать границы Россіи, чтобы дать мѣсто обширной, смѣло очерченной Польшѣ. Онъ обѣщаетъ ей полную автономію, отдѣльное правительство, армію и администрацію изъ уроженцевъ края. Не высказываясь въ положительномъ смыслѣ о конституціи 3 мая, текстъ которой ему мало знакомъ, онъ обѣщаетъ, «во всякомъ случаѣ, либеральную конституцію — такую, которая можетъ удовлетворить желанія жителей». Связь съ сосѣдней имперіей будетъ носить характеръ личной уніи. Смотря по мѣсту, будутъ и права, и обязанности государя; самодержецъ въ Россіи,— онъ будетъ конституціоннымъ королемъ въ Варшавѣ.

Переходя къ возможностямъ успѣха, на которыя позволительно надѣяться въ настоящее время въ войнѣ съ Франціей, Александръ увѣряетъ, что они основаны на вѣрныхъ, точныхъ, отнюдь не на гадательныхъ данныхъ. Въ своемъ первомъ письмѣ онъ ограничился словами: «Съ Божьей помощью нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ, ибо разсчетъ на него основанъ не на надеждѣ на равносильные Наполеону таланты, а единственно на недостаткѣ имѣющихся въ его распоряженіи войскъ и на раздраженіи противъ него умовъ повсюду въ Германіи». Тогда, давая подобіе сравнительной таблицы, онъ выставилъ противъ ста пятидесяти тысячъ французовъ и ихъ союзниковъ, которыхъ Наполеонъ съ трудомъ можетъ собрать въ Германіи, двѣсти тысячъ русскихъ, сто тридцать тысячъ поляковъ, пруссаковъ и датчанъ, не принимая въ разсчетъ двухсотъ тысячъ австрійцевъ, число которыхъ онъ приводилъ на память. Во второмъ письмѣ—такъ какъ Чарторижскій не довольствуется общими данными, а проситъ подробныхъ

свѣдѣній, имѣющихъ доказательную силу—онъ готовъ дать ихъ. Въ немъ Александръ высказывается откровеннѣе, и дѣлаетъ поучительныя признанія, доказывающія, до какой степени былъ разработанъ планъ нападенія. Съ документами въ рукахъ онъ устанавливаетъ, что не былъ вполнѣ точенъ, беря круглымъ числомъ двѣсти тысячъ русскихъ; что на самомъ дѣлѣ у него, по точному подсчету, вполнѣ готовыхъ выступить въ походъ двѣсти сорокъ тысячъ пятьсотъ человѣкъ, да еще резервъ въ сто двадцать четыре тысячи. Онъ какъ бы пропускаетъ мимо Чарторижскаго всѣ три арміи, поставленныя имъ одна позади другой. Онъ разбиваетъ ихъ на ихъ составныя части, вдается въ подробности, опредѣляетъ задачу каждой арміи, и, отвѣчая на просьбу Чарторижскаго, говоритъ:

«Армія, которая должна оказать поддержку полякамъ и сражаться заодно съ ними, вполнѣ сорганизована и состоитъ изъ восьми пѣхотныхъ дивизій по 10,000 человѣкъ въ каждой, въ полномъ составѣ: второй, третьей, четвертой, пятой, четырнадцатой, семнадцатой, двадцать третьей и дивизіи гренадеръ; затѣмъ четыре кавалерійскихъ дивизіи въ 4,000 лошадей каждая; а именно: дивизіи первая, вторая, третья и вторая кирасирская; что въ общемъ составляетъ 96,000 человѣкъ; сверхъ того, пятнадцать казачьихъ полковъ, что составляетъ 7,500 лошадей; всего 106,500 *).

«Все, что находится не въ строю, въ счетъ не идетъ.

«Эта армія будетъ поддержана другой, которая состоитъ изъ одиннадцати пѣхотныхъ дивизій: первой, седьмой, девятой, одиннадцатой, двѣнадцатой, пятнадцатой, восемнадцатой, двадцать четвертой, двадцать шестой, одной гренадерской, одной гвардейской и изъ четырехъ кавалерійскихъ дивизій, а именно: четвертой, пятой, первой кирасирской и дивизіи гвардейской кавалеріи, сверхъ того, семнадцать казачьихъ полковъ. Итого 134,000 человѣкъ.

«Наконецъ, третья армія, составленная изъ резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, состоитъ изъ 44,000 солдатъ, усиленныхъ 80,000 рекрутовъ, вполнѣ обмундированныхъ и обучавшихся въ мѣстахъ сбора въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ».

Перечисливъ свои военныя силы, царь раскрываетъ свой ди-

---

*) Неправильно подведенная сумма 106, 500—дана въ подлинникѣ. (Прим. перев.).

пломатическій планъ. Онъ открываетъ тайну маневра, посредствомъ котораго разсчитываетъ привлечь на свою сторону Австрію или, по крайней мѣрѣ, вынудить ее соблюдать нейтралитетъ. «Я рѣшилъ, говоритъ онъ, предложить ей Валахію и Молдавію до р. Серетъ въ обмѣнъ на Галицію».—«Мнѣ, прибавляетъ онъ, остается сказать еще о возникшихъ у васъ опасеніяхъ, чтобы Коленкуръ не проникъ въ тайну, о которой идетъ рѣчь. Проникнуть въ нее невозможно, ибо даже канцлеръ [1]) не знаетъ о нашей перепискѣ. Вопросъ не разъ обсуждался съ нимъ, но я не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь зналъ, что я уже дѣйствую въ этомъ направленіи». Что же касается военныхъ приготовленій, то, предполагая, что Коленкуръ что-нибудь провѣдаетъ о нихъ, Александръ намѣренъ былъ придать имъ чисто-оборонительный характеръ; сверхъ того, по его словамъ, онъ сумѣетъ ослабить и скрыть ихъ серьезное значеніе.

Итакъ, имъ все было предусмотрѣно, все обдумано и разсчитано: всѣ шансы на успѣхъ были въ его пользу. Теперь дѣло варшавянъ рѣшить, хотятъ ли они допустить выполненіе плана. Чтобы вырвать ихъ согласіе, Александръ старается съ математической точностью доказать имъ, что ихъ собственная выгода требуетъ бросить французское дѣло и дѣйствовать съ нимъ заодно. Съ этой цѣлью, въ цѣломъ рядѣ сопоставленій за и противъ, онъ разбираетъ двѣ гипотезы: первую, когда солдаты и жители герцогства останутся вѣрны Франціи, и вторую, когда они примкнутъ къ противной сторонѣ.

Съ первомъ случаѣ, ихъ бездѣйствіе вынудитъ русскихъ принять оборонительное положеніе. «Въ такомъ случаѣ возможно, что Наполеонъ не захочетъ начать войны, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока будетъ занятъ дѣлами въ Испаніи и пока бо́льшая часть его войскъ находится тамъ. Тогда все останется по-старому, и, слѣдовательно, возрожденіе Польши будетъ отложено на болѣе отдаленный и весьма неопредѣленный срокъ». Допуская же, что Наполеонъ возьметъ иниціативу враждебныхъ дѣйствій на себя, что онъ провозгласитъ возстановленіе королевства, возстановленіе такого рода не будетъ полнымъ, ибо ему придется еще отнять русско-польскія провинціи, находящіяся въ настоящее время во владѣніи Россіи; а она будетъ защи-

[1]) Графъ Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1807 г. и канцлеръ съ 1809 г.

щать ихъ до послѣдней капли крови. Слѣдовательно, эти провинціи и герцогство сдѣлаются ареной яростной и опустошительной борьбы, которая обагритъ ихъ кровью, покроетъ развалинами, сдѣлаетъ изъ нихъ мѣсто скорби. Войны примутъ еще болѣе ожесточенный характеръ по смерти Наполеона, «ибо вѣдь онъ не вѣченъ.—Какой источникъ бѣдствій для бѣднаго человѣчества и для потомства!»

Теперь пусть предположатъ вторую гипотезу, пусть прослѣдятъ за ея развитіемъ. Быстрая перемѣна фронта варшавянъ дастъ русскому императору возможность дѣйствовать и опередить своего противника. Высказавъ съ полной откровенностью, что, при настоящемъ положеніи вещей, онъ не перейдетъ первымъ въ наступленіе, «не сдѣлаетъ этой ошибки», Александръ прибавляетъ: «Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, если поляки захотятъ присоединиться ко мнѣ. Подкрѣпленный 50,000 человѣкъ, которыми они меня ссудятъ, далѣе, 50,000 пруссаковъ, которые тогда безъ риска могутъ присоединиться ко мнѣ, и пользуясь психологическимъ переворотомъ, который вслѣдствіе этого неизбѣжно произойдетъ въ Европѣ, я получу возможность безъ выстрѣла дойти до Одера». Слѣдовательно, театръ военныхъ дѣйствій сразу же перенесется по ту сторону Польши. Возрожденіе польскаго народа совершится мгновенно, безъ потрясеній, безъ ущерба для ихъ территоріи. Таковыми, навѣрное, будутъ результаты союза двухъ славянскихъ народовъ; къ вѣроятнымъ же результатамъ должно причислить полное ниспроверженіе французскаго владычества, освобожденіе всѣхъ народовъ и возстановленіе Европы, въ которой Польша мирно займетъ свое мѣсто. Этой, подвергавшейся столь жестокимъ испытаніямъ, націи Александръ даетъ надежду на спокойное и счастливое будущее, на возможность залечить свои раны, развить источники своихъ доходовъ и расцвѣсть подъ защитой могущественной имперіи, которая будетъ ей покровительствовать, не притѣсняя ее. Онъ сгущаетъ краски, стараясь представить возможно ярче создаваемую имъ картину. Но, такъ какъ онъ не желаетъ легкомысленно пускаться въ предпріятіе, то за обѣщанныя чудеса требуетъ и для себя гарантій и залоговъ. Не имѣя увѣренности, «будетъ ли имѣть мѣсто вышеупомянутое сотрудничество поляковъ съ русскими», онъ хочетъ получить на этотъ счетъ *несомнѣнныя* обезпеченія и доказательства. Дѣло Чарторижскаго доставить ему таковыя; онъ долженъ за-

ручиться обѣщаніями, собрать подписи военныхъ начальниковъ и выдающихся лицъ, которыя, по праву рожденія или по службѣ, стоятъ во-главѣ націи. Подстрекая князя приступить къ вербовкѣ, Александръ совѣтуетъ ему поступать осторожно, подъ строжайшимъ секретомъ, избѣгая подозрѣній французской полиціи. Его письмо оканчивается слѣдующими сердечными словами: «Всѣмъ сердцемъ и всей душой вашъ на всю жизнь. Прошу передать мои наилучшія пожеланія вашимъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ».

III.

Обратившись вторично къ Польшѣ съ предложеніями, поставивъ ей свои условія, Александръ начинаетъ дѣйствовать на Австрію. Его способъ дѣйствій въ Вѣнѣ напоминаетъ бывшій уже до него въ употребленіи знаменитый пріемъ. Чувствуется, какъ будто вновь появляется на сцену тайная дипломатія Людовика XV, оставившая по себѣ столь пикантную память. Нужно сказать, что, въ продолженіе извѣстнаго періода своего царствованія, Людовикъ XV велъ переписку съ своими посланниками при разныхъ дворахъ черезъ старшаго секретаря, Терсьѐ, о которой ничего не знали его одураченные министры. Александръ нашелъ своего Терсьѐ въ лицѣ какого-то Кошелева, сенатора, состоявшаго по министерству иностранныхъ дѣлъ. Этого-то чиновника онъ и избралъ для передачи своему посольству въ Австріи непосредственно отъ него, императора, исходящихъ распоряженій и для полученія отвѣтовъ изъ Вѣны. Въ собственноручномъ письмѣ къ посланнику своему въ Вѣнѣ, графу Штакельбергу, онъ указываетъ на него, какъ на своего повѣреннаго, и говоритъ: «Вы будете вести переписку непосредственно со мной; въ случаяхъ же, требующихъ особой осторожности, адресуйте ваши письма и посылки Кошелеву, который пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ. Канцлеръ не долженъ знать, о чемъ говорится въ письмахъ» [1]). Александръ, конечно, зналъ, что и канцлеръ Румянцевъ сознавалъ необходимость, на случай войны съ Франціей, вступить съ Австріей въ болѣе близкія отношенія; но ему было извѣстно и то, что Румянцевъ, насколько это было въ его силахъ, стремился избѣгнуть войны

---

[1]) Mémoires de Metternich, II, 419.

съ Франціей, что онъ отвергалъ самую идею о нападеніи, хотѣлъ придать соглашенію съ Вѣной чисто-оборонительный характеръ и потому готовъ былъ удовольствоваться обезпеченнымъ нейтралитетомъ. Вотъ гдѣ причина секретничанія царя. Онъ хочетъ бо́льшаго, чѣмъ его канцлеръ; онъ хочетъ идти дальше и рѣшительнѣе своей офиціальной дипломатіи.

11 февраля Румянцевъ съ кажущагося одобренія царя препроводилъ Штакельбергу длинную инструкцію. Въ ней, съ душевной тревогой, указывалъ онъ на возрастающее могущество Наполеона. По его мнѣнію, единственное средство положить этому предѣлъ заключалось въ томъ, чтобы Австрія обязалась не выступать противъ Россіи въ томъ случаѣ, если бы Россіи пришлось вести войну съ Франціей. Для воздѣйствія на вѣнскій дворъ, канцлеръ не считалъ цѣлесообразнымъ предлагать ему территоріи на нижнемъ Дунаѣ. Настойчиво преслѣдуя свою мечту на Востокѣ, престарѣлый государственный человѣкъ не могъ мириться съ мыслью пожертвовать результатами, добытыми съ такимъ трудомъ и такъ дорого оплаченными. Кромѣ того, не будучи поставленъ въ извѣстность о проектѣ возстановленія Польши, онъ не зналъ, что государю нужна будетъ Галиція, и что тотъ долженъ будетъ вознаградить теперешнихъ владѣльцевъ этой провинціи. Поэтому, онъ счелъ достаточнымъ подать Австріи надежду на возвратъ плодородныхъ провинцій въ Италіи и Германіи въ томъ случаѣ, если Наполеонъ вызоветъ войну и будетъ побѣжденъ [1]).

Совершенно иного содержанія была контръ-инструкція, которая «сплошь была написана рукой императора» [2]) и которую императоръ приказалъ отправить секретно въ Вѣну—такъ, чтобы она не попалась на глаза канцлеру [3]). Въ иносказательныхъ, но достаточно ясныхъ, выраженіяхъ Александръ излагаетъ въ ней свой планъ относительно Польши, и старается доказать, что въ интересахъ Австріи согласиться на него. Онъ

---

[1]) Martens. Traités de la Russie. III, 80.—Beer, Orientalische Politik Oesterreich's, 250.

[2]) Martens, III, 79.

[3]) Штакельберъ сказалъ Меттерниху, что императоръ Александръ удалилъ бы канцлера, если бы этотъ шагъ не былъ объявленіемъ войны Франціи. (Mémoires de Metternich, II, 418). Въ виду того, что Румянцевъ далъ намъ обязательства и былъ сторонникомъ союза, оставленіе его въ должности позволяло скрыть намѣреніе порвать съ Франціей.

разсуждаетъ такъ: Если не упредить императора Наполеона, онъ, рано или поздно, выскажется за полное возстановленіе Польши; слѣдовательно, Австрія во всякомъ случаѣ потеряетъ свои галиційскія владѣнія. Для нея цѣлесообразнѣе пожертвовать ими для блага Европы, чѣмъ отдавать ихъ въ угоду деспоту, и гораздо выгоднѣе сговориться по поводу ихъ съ русскимъ правительствомъ, которое вознаградитъ ее въ широкихъ размѣрахъ. Это вознагражденіе уже намѣчено: таковымъ будутъ лучшія части княжествъ Молдавіи и Валахіи. На этихъ основахъ можетъ быть заключенъ договоръ. Онъ не повлечетъ за собой немедленнаго разрыва съ Франціей, тѣмъ не менѣе, въ особой статьѣ должно быть признано за Россіей право опредѣлить время начала войны. Предлагая эту статью, Александръ ясно выразилъ намѣреніе удержать за собой право иниціативы. Онъ старался добиться отъ Австріи обязательства, что бы онъ ни предпринялъ, слѣдовать за нимъ и повиноваться его сигналу [1]).

Секретная инструкція была помѣчена 13-ымъ февраля. Нѣсколько дней спустя агентъ по тайной корреспонденціи Кошелевъ имѣлъ откровенный разговоръ съ посланникомъ императора Франца въ Петербургѣ, графомъ Сенъ-Жюльеномъ. Отъ имени царя онъ отдавалъ въ распоряженіе Австріи Молдавію до р. Серетъ и всю Валахію, съ прибавкой всего, что пожелала бы присвоить себѣ Австрія въ Сербіи [2]). Эти положительныя предложенія были неопровержимой попыткой осуществить великій проектъ, такъ какъ подразумѣвалось, что слѣдствіемъ ихъ будетъ уступка Австріей Галиціи, а это было исполненіемъ одного изъ обѣщаній, данныхъ Чарторижскому.

Оставалось выполнить еще два предварительныхъ условія, необходимыхъ для успѣха дѣла: убѣдить Пруссію рѣшительно стать на сторону Россіи и заручиться доброжелательнымъ нейтралитетомъ Швеціи. Въ январѣ русскій посланникъ въ Берлинѣ, Ливенъ, приступилъ къ выполненію даннаго ему порученія— тѣснѣе сблизить оба двора [3]). Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ему поручено было выбрать надежнаго человѣка, напримѣръ, госпожу

---

[1]) Martens, III, 78—79.

[2]) Beer, 250, по донесенію Сенъ-Жюльена отъ 10—22 февраля 1811 г.

[3]) Martens, Traités de la Russie avec les puissances étrangères, VII, 16, et suiv.

Фоссъ, оберъ-гофмейстерину двора, или адъютанта Врангеля для передачи королю Фридриху - Вильгельму секретнаго письма царя. Въ этомъ письмѣ Александръ приводитъ весьма сильные доводы въ пользу «необходимости для Пруссіи присоединиться къ Россіи, а не къ Франціи» [1]).

Отъ Швеціи онъ не просилъ такъ много. Онъ хотѣлъ только подготовить ее къ зрѣлищу великихъ событій, въ которыхъ не было ничего опаснаго для нея самой, но изъ которыхъ она могла извлечь выгоду. Не довѣряя Бернадоту настолько, чтобы открыть ему свой проектъ, онъ позаботился только о томъ, чтобы въ личной съ нимъ перепискѣ поддерживать расположеніе къ себѣ принца, поощрять полунамеками и замаскированными предложеніями его чувство ненависти къ императору французовъ и возбуждать его честолюбіе. Однажды, говоря о Наполеонѣ съ шведскимъ посланникомъ Штедингомъ, онъ спросилъ его: «Вы замѣчаете, какъ измѣнилось къ нему вознесшее его и поддерживавшее его до сихъ поръ общественное мнѣніе, какъ раздражены противъ него всѣ умы, въ особенности въ Германіи? Если его постигнутъ какія-нибудь неудачи, вы увидите, что онъ падетъ. За крупными успѣхами часто слѣдуютъ большія невзгоды. Нѣкогда изъ Швеціи вышелъ Густавъ-Адольфъ, который сражался за освобожденіе Германіи. Кто знаетъ, не придетъ ли оттуда другой Густавъ-Адольфъ?»

Штедингъ отвѣтилъ, что, послѣ постигшихъ Швецію несчастій, ей, прежде всего, необходимы покой и миръ. Александръ не захотѣлъ противорѣчить ему, но далъ замѣтить, что всѣмъ заботящимся о своей независимости государствамъ грозитъ война съ Наполеономъ. Послѣ того онъ признался, что комплектуетъ свою армію, подробно разсказалъ о своихъ приготовленіяхъ, перечислилъ всѣ шансы на успѣхъ; но, затѣмъ, испугавшись, что, быть можетъ, сказалъ слишкомъ много, прибавилъ: «Впрочемъ, я вполнѣ согласенъ съ вами, что ничего не слѣдуетъ предпринимать опрометчиво, а слѣдуетъ сидѣть смирно, пока это будетъ угодно Наполеону; но, мнѣ кажется, что намъ, сѣверянамъ, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе всего быть добрыми друзьями, и я прошу засвидѣтельствовать королю и наслѣдному

---

[1]) l d.

принцу, что таково мое истинное желаніе, и я все сдѣлаю для этого» [1]).

Въ государствахъ, офиціально присоединенныхъ къ Франціи или подчиненныхъ ея политической системѣ, можно было дѣйствовать противъ Наполеона только подпольными путями. На королей старались вліять черезъ приближенныхъ, на министровъ черезъ ихъ женъ, на власти путемъ общественнаго мнѣнія. Не въ одномъ Берлинѣ русскій посланникъ окружаетъ себя нашими врагами и сообщаетъ имъ планъ дѣйствій. При второстепенныхъ дворахъ Германіи, въ конфедеративныхъ королевствахъ—та же игра, то же подстрекательство. Въ Баваріи—по разсказу одного путешественника—русскій посланникъ Барятинскій сталъ во-главѣ «англо-русской партіи, въ которую вовлекъ госпожу Монжеласъ (жену перваго министра). Тутъ стараются, говоритъ онъ, заронить въ умъ короля всевозможныя подозрѣнія о предполагаемыхъ по отношенію къ нему намѣреніяхъ Франціи... Стараются убѣдить народъ, что Баварія не особенно нуждается въ союзѣ съ Франціей, и что подъ защитой Россіи и Англіи она можетъ обойтись безъ всякой посторонней помощи» [2]). Прибѣгая къ такимъ пріемамъ, русскіе агенты дѣйствовали не по офиціальнымъ инструкціямъ своего двора, написаннымъ подъ диктовку Румянцева и, по обыкновенію, весьма благоразумнымъ; напротивъ, они поддавались собственному вдохновенію, своей закоренѣлой ненависти, и императору Александру, чтобы быть обслуженнымъ сообразно его тайнымъ желаніямъ, оставалось только предоставить имъ свободу дѣйствій. И то сказать,—на то и былъ назначенъ Кошелевъ, чтобы, въ случаѣ надобности, поощрить ихъ, чтобы подать сигналъ правительствамъ, желающимъ стряхнуть съ себя французское иго или оказать открытое сопротивленіе нашему оружію. Извѣстно, что подготовка первыхъ сношеній русскаго государя съ мятежными кортесами Кадикса была дѣломъ Кошелева; онъ же поощрялъ и сопротивленіе испанцевъ, подавая имъ надежду на крупную перемѣну [3]).

---

[1]) Депеша Штединга отъ 10—30 января 1812 г. Archives du royaume de Suède. Часть донесеній Штединга была опубликована въ концѣ его Мемуаровъ.

[2]) Предыдущее донесеніе Марселя де-Серра.

[3]) Въ мартѣ 1812 г. Александръ признался шведу Левенхильму, „что онъ уже давно состоитъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ кортесами въ Кадиксѣ“. Въ то же время Левенхильмъ подмѣтилъ другой фактъ тайной дипломатіи

Было ли дѣломъ невозможнымъ найти ходы въ главномъ центрѣ французской мощи, въ самомъ Парижѣ? За спиной посла Куракина — этого манекена, покрытаго нарядным костюмомъ, умственныя способности котораго подъ тяжестью лѣтъ болѣзней слабѣли съ каждымъ днемъ,—Александръ имѣлъ тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ, не обладавшаго никакимъ званіемъ въ дипломатической іерархіи. Это былъ тотъ самый молодой гвардейскій полковникъ, графъ Чернышевъ, который, какъ помнятъ, служилъ въ 1809 и 1810 гг. посредникомъ въ личной перепискѣ императоровъ, и который тогда же началъ заниматься во Франціи шпіонствомъ. 4 января 1811 г., по исполненіи двусмысленнаго порученія въ Швеціи, онъ снова явился въ Парижъ подъ предлогомъ передачи императору письма русскаго государя, въ дѣйствительности же, чтобы понавести справки и понаблюдать. Въ Парижѣ онъ нашелъ цѣлое агентство по собиранію свѣдѣній о военныхъ дѣлахъ, устроенное съ давнихъ поръ секретарями русскаго посольства при участіи презрѣнныхъ, купленныхъ за деньги, низшихъ служащихъ французской администраціи. Чернышевъ имѣлъ въ виду взять на себя завѣдываніе этимъ дѣломъ и расширить его, но это было немного позднѣе. Въ настоящее же время главнымъ его занятіемъ было шпіонство въ обществѣ. Онъ горячо отдался этому дѣлу, хотя полиція, догадываясь о его роли, не спускала съ него глазъ.

Чернышевъ поселился въ самомъ центрѣ многолюднаго и шумнаго Парижа, въ меблированномъ отелѣ на улицѣ Тетбу, въ двухъ шагахъ отъ бульвара Тортони—мѣста свиданій сплетниковъ и праздношатающихся. Жилъ онъ скромно, на холостую ногу; прислуживалъ ему лакей нѣмецъ и крѣпостной (moujik), который ходилъ за нимъ, какъ тѣнь. Чернышевъ много выѣзжалъ, поддерживалъ обширное знакомство, сумѣлъ втереться во всѣ слои общества и всюду занять прочное положеніе. Такъ какъ Парижъ всегда былъ падокъ до азіатовъ, всегда увлекался блестя-

---

и также указалъ на него въ своей перепискѣ: „По отъѣздѣ генерала Сухтелена [русскаго посла въ Швеціи] я узналъ, что, вслѣдствіе недовѣрчивости императора, у него двѣ инструкціи: одна, написанная собственноручно императоромъ, другая—канцлеромъ, который не знаетъ о существованіи первой“. Въ большинствѣ „тайныхъ переговоровъ“ посредникомъ служитъ одно и то же лицо. Однако, пользуясь Кошелевымъ, чтобы обманывать Румянцева, подозрительный монархъ не вполнѣ довѣряетъ и самому Кошелеву. Депеш Левенхильма отъ 12 марта 1812 г. Archives du royaume de Suède.

щими погремушками, то мода приглашать блестящаго иностранца, чѣмъ тотъ съ такимъ искусствомъ пользовался во время своихъ предыдущихъ поѣздокъ, возросла еще болѣе. Конечно, его манера держать себя была не высокой пробы. Въ этомъ черезчуръ нарядно одѣтомъ, завитомъ, прикрашенномъ и страшно надушенномъ молодомъ человѣкѣ было что-то неестественное, слащавое, что не допускало извѣстной близости тѣмъ не менѣе, его томные взгляды, его то заискивающее, то слишкомъ вольное обращеніе по-прежнему доставляли ему успѣхъ у женщинъ. Его любовнымъ похожденіямъ не было числа, и, если вѣрить молвѣ, одна изъ принцессъ императорской фамиліи, красавица Полина Боргезе, далеко не была равнодушна къ его ухаживаніямъ.

Обладая искусствомъ разговаривать съ женщинами, онъ умѣлъ заставлять ихъ болтать и извлекалъ изъ ихъ болтовни полезныя свѣдѣнія. Это было однимъ изъ главныхъ его источниковъ освѣдомленія. Кромѣ того, онъ обладалъ замѣчательнымъ чутьемъ и поразительно угадывалъ въ свѣтѣ и въ высшей администраціи людей съ податливой совѣстью, у которыхъ наша политическая неустойчивость извратила, а то и совсѣмъ уничтожила нравственное чувство,—тѣ элементы, которые сформировались изъ грязныхъ отбросовъ революціи и сумѣли выплыть на поверхность. Онъ вращался преимущественно среди нихъ; затѣмъ, посѣщалъ салоны иностранной колоніи, куда сходилось порядочное число людей, служившихъ Франціи или въ силу необходимости, или изъ-за выгоды, но сердца которыхъ не перемѣнили родины. Члены дипломатическаго корпуса обходились съ нимъ по-товарищески, и, когда ему удавалось получить доступъ въ ихъ рабочій кабинетъ. онъ съ большимъ искусствомъ «скашивалъ глаза» на лежавшія на столѣ бумаги и украдкой прочитывалъ нѣкоторые отрывки изъ писемъ [1]). Сверхъ того, во время его махинацій въ парижскомъ обществѣ, его нерѣдко видѣли въ компаніи молодыхъ людей, только-что выпущенныхъ изъ военныхъ школъ въ полки; онъ старался сойтись съ нашими будущими офицерами, старался снискать ихъ дружбу и, такимъ образомъ, имѣть возможность слѣдить за всѣми частями арміи. Однимъ

---

[1]) Онъ самъ хвастается подобнымъ подвигомъ въ своемъ донесеніи отъ 10 мая 1811 г., t. XXI du Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, p. 170. Всѣ донесенія Чернышева императору и канцлеру были опубликованы въ этомъ томѣ.

словомъ, въ Парижѣ онъ сдѣлался окомъ царя—окомъ бдительнымъ, нескромнымъ, съ острымъ и все пронизывающимъ взоромъ. Помимо всего сказаннаго, это была правая рука русскаго государя, который пользовался имъ еще и для того, чтобы завязать болѣе тѣсныя отношенія съ людьми исключительнаго значенія [1]).

Послѣ того, какъ Талейранъ, явившись въ Эрфуртѣ къ императору Александру, привѣтствовалъ въ немъ надежду Европы и вступилъ съ нимъ въ тайныя сношенія, царь счелъ полезнымъ назначить въ качествѣ представителя при этой мощной величинѣ особое лицо. Эта роль выпала на долю секретаря русскаго посольства во Франціи, графа Нессельроде, — молодого дипломата съ большимъ будущимъ. Вскорѣ послѣ свиданія въ Эрфуртѣ Нессельроде явился къ Талейрану и сказалъ ему буквально слѣдующее: «Официально я состою при князѣ Куракинѣ, но на самомъ дѣлѣ я назначенъ состоять при васъ. Я веду частную переписку съ императоромъ и принесъ вамъ отъ него письмо» [2]). Съ этихъ поръ онъ постоянно видался съ Талейраномъ, получалъ отъ него цѣнныя свѣдѣнія о состояніи умовъ во Франціи, равно какъ и о планахъ Наполеона, и, безъ вѣдома своихъ прямыхъ начальниковъ, передавалъ эти свѣдѣнія государственному секретарю Сперанскому, который сообщалъ ихъ государю. Эта переписка была одной изъ вѣтвей тайной дипломатіи.

Въ началѣ 1811 г. Александръ счелъ нужнымъ непосредственнымъ обращеніемъ къ Талейрану поощрить его съ бо́льшимъ усердіемъ собирать и доставлять свѣдѣнія. Нессельроде состоялъ при Талейранѣ въ качествѣ посланника; Чернышевъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ. Ему поручено было передать князю Беневентскому собственноручное письмо императора Александра. Содержаніе этого письма не обнародовано; тѣмъ не менѣе извѣстно, что Талейранъ былъ чрезвычайно польщенъ письмомъ и въ знакъ признательности отплатилъ

---

[1]) О продѣлкахъ Чернышева см. особое дѣло, хранящееся въ національныхъ архивахъ, F, 7, 6575, и изданные документы о процессѣ чиновника Мишеля и его сообщникахъ, Парижъ, 1812 г.

[2]) Этотъ текстъ взятъ изъ цѣннаго сочиненія объ Александрѣ I-омъ, которое генералъ Шильдеръ обѣщаетъ въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ. Сообщеніе объ этомъ сочиненіи было любезно доставлено намъ самимъ авторомъ и Сергѣемъ Татищевымъ.

добрымъ совѣтомъ. «Его Свѣтлость, писалъ Чернышевъ, бесѣдовалъ со мной, какъ истинный другъ Россіи, и, въ особенности, подчеркнулъ свое желаніе, чтобы мы, при теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ можно скорѣе заключили миръ съ турками. Вопросъ только въ томъ, былъ ли онъ искрененъ» [1]).

Чернышевъ имѣлъ тайныя порученія и къ нѣкоторымъ изъ высшихъ чиновъ главнаго штаба. Это онъ прошлой осенью, до отъѣзда Бернадота въ Швецію, «черезъ нѣкоторыхъ женщинъ» [2]) довелъ до свѣдѣнія маршала, что русскій императоръ благосклонно смотритъ на его возвышеніе и относится къ нему съ особымъ уваженіемъ; этимъ онъ насадилъ первыя сѣмена сближенія. Теперь онъ велъ правильную осаду на одного генерала, швейцарца Жомини, большого знатока по отдѣлу техническихъ знаній, котораго крайне неосторожно оскорбили цѣлымъ рядомъ несправедливостей. Дѣло шло о томъ, чтобы похитить его у Франціи, привлечь на русскую службу и, такимъ образомъ, хитростью лишить императора одного изъ самыхъ ученыхъ спеціалистовъ.

Когда Чернышевъ освобождался отъ своихъ операцій во Франціи, онъ переносилъ свои взоры на Германію, черезъ которую неоднократно проѣзжалъ и которую изучилъ до тонкости. Онъ мечталъ использовать тамъ недовольство отдѣльныхъ лицъ, и задумалъ планъ, который намѣренъ былъ представить на благоусмотрѣніе императора Александра. Основная мысль его плана состояла въ томъ, чтобы пригласить въ Россію какъ можно больше находившихся не у дѣлъ нѣмецкихъ офицеровъ, страстно желавшихъ сразиться съ Наполеономъ и жаждавшихъ реванша. По его мнѣнію, ихъ можно было бы набрать въ тѣхъ странахъ, гдѣ они томились отъ бездѣлья. Присоединивъ къ нимъ другіе космополитическіе элементы, можно было бы составить изъ нихъ легіонъ иностранцевъ на жалованьѣ царя—отрядъ эмигрантовъ всякаго происхожденія, въ нѣкоторомъ родѣ армію Кондѐ *). Имѣлось въ виду посадить въ моментъ разрыва это войско на англійскіе корабли и перевезти съ ору-

---

[1]) Донесеніе отъ 9—21 января 1811 г., цитированный томъ, 59.

[2]) Алькіѐръ Шампаньи, 18 января 1811 г., по признанію самого Бернадота.

*) Принцъ Кондѐ, происходящій изъ боковой вѣтви Бурбоновъ, собралъ во время первой французской революціи армію изъ эмигрантовъ, которая и называлась его именемъ. (Прим. перев.)

жіемъ, боевыми припасами и лошадьми въ Гамбургъ или Любекъ съ тѣмъ, чтобы вызвать возстаніе въ Германіи. Чернышевъ вступилъ по этому дѣлу въ переписку съ графомъ Вальмоденомъ,—ганноверцемъ, бѣжавшимъ въ Вѣну, человѣкомъ съ головой и шпагой, готовымъ сражаться, гдѣ угодно, съ кѣмъ угодно, только бы противъ Франціи. Вальмоденъ сохранилъ въ Германіи многочисленныя связи еще съ 1809 г., когда онъ, по порученію австрійцевъ, занимался тамъ подготовкой возстанія. Теперь онъ предлагалъ предоставить въ распоряженіе Россіи эти вполнѣ приспособленные къ дѣлу агитаціи элементы. Его посредникомъ съ Чернышевымъ былъ нѣкій баронъ Теттенборнъ [1]). Итакъ, повсюду были пущены въ ходъ всевозможныя интриги. Нити ихъ переплетались во многихъ центрахъ и тянулись по всей Европѣ, поддерживаемыя перепиской и поѣздками тайныхъ агентовъ, съ подпольной работой которыхъ можно ознакомиться по нѣкоторымъ выплывшимъ наружу даннымъ. И сколько еще можно было бы раскрыть тайныхъ сообществъ и секретныхъ соглашеній, если бы въ настоящее время было разрѣшено приподнять завѣсу и заглянуть въ чужую душу! Словомъ, агенты всякаго рода,—и состоящіе на службѣ, и добровольцы. лица, надлежащимъ порядкомъ уполномоченныя, и получившія молчаливое одобреніе, по приказаніямъ изъ Петербурга и упреждая таковыя,—не покладая рукъ, возбуждаютъ и поддерживаютъ въ народахъ раздраженіе противъ императора. Они подвергаютъ искушенію вѣрность его генераловъ и министровъ, вывѣдываютъ тайны его канцелярій, эксплуатируютъ ему во вредъ и чувства законнаго гнѣва, и преступныя слабости людей, чувства священной ненависти и стремленія, въ которыхъ стыдно сознаться. Всѣ они, предвидя моментъ, когда императору придется стать лицомъ къ лицу съ выступившими за предѣлы своихъ границъ русскими войсками, изо всѣхъ силъ стараются подготовить въ тылу у него мятежи и всякаго рода затрудненія, стремятся опутать его интригами и окружить измѣнниками.

IV.

Ради успѣха колоссальнаго заговора необходимо было хранить тайну до послѣдняго дня и, обманывая Наполеона, под-

---

[1]) Донесеніе Чернышева отъ 5—17 апрѣля 1811 г., цитированный томъ 110—125.

держивать въ немъ душевное спокойствіе и увѣренность въ безопасности. Скрыть проявлявшееся почти во всѣхъ частяхъ Европы враждебное настроеніе русскихъ дипломатовъ не было никакой возможности. Но такъ какъ оно всегда существовало и даже, послѣ свиданія въ Тильзитѣ, безъ стѣсненія проявлялось во внѣшнихъ формахъ, то въ этомъ не было ничего новаго или имѣющаго особое значеніе. Александръ сваливалъ эти странности на агентовъ, которые, говорилъ онъ, не знаютъ своихъ обязанностей и по старой привычкѣ держатся въ оппозиціи. Въ сношеніяхъ, которыя поддерживались между императорами черезъ ихъ посольства, онъ старался быть, по крайней мѣрѣ съ виду, невозмутимо спокойнымъ и весьма доброжелательнымъ. Задавшись цѣлью провести герцога Виченцы [1]), онъ великолѣпно выполнялъ эту задачу, пользуясь знаніемъ характера нашего посланника, которое онъ пріобрѣлъ въ теченіе многолѣтнихъ дружескихъ съ нимъ отношеній. Имѣя за три года пребыванія герцога достаточно времени, чтобы изучить его, онъ зналъ, что Коленкуръ сотканъ изъ усердія и безпредѣльной преданности; но ему небезызвѣстно было, что именно эти-то качества и застилали иногда его взоры, что его рыцарская душа съ трудомъ вѣрила въ зло, а его благородное и любящее сердце охотно приписывало другимъ высокую честность, свойственную ему самому.

Въ декабрѣ 1810 г., въ дни, предшествующіе обнародованію указа, убійственнаго для французской торговли въ Россіи, Коленкуръ былъ предметомъ усиленнаго вниманія и предупредительности. На балу у императрицы-матери Александръ особенно отличалъ его. Милостиво поговоривъ съ нимъ, «онъ подозвалъ— разсказываетъ посланникъ въ своемъ донесеніи Наполеону— проходившаго мимо графа Румянцева (Romanzof) [2]). Я хотѣлъ удалиться. Императоръ сказалъ: «Останьтесь, генералъ, посланникъ Франціи никогда не будетъ лишнимъ въ нашемъ обществѣ». Разговоръ продолжался. Императоръ былъ чрезвычайно веселъ и разговорчивъ. Такъ какъ разговоръ втроемъ, то съ канцлеромъ, то со мной, затянулся на весьма долгое время, то канцлеръ, видя, что по близости стоятъ и наблюдаютъ за нами австрійскій

---

[1]) Какъ извѣстно, Коленкуръ въ 1808 г. получилъ титулъ герцога Виченцы.

[2]) Въ цитируемыхъ документахъ мы сохраняемъ правописаніе фамиліи графа Румянцева.

посланникъ и еще нѣсколько лицъ, шутя, сказалъ, что у нихъ будетъ неосязаемый матеріалъ для длинной, основанной на догадкахъ, депеши. Такъ какъ Сенъ-Жюльенъ въ продолженіе цѣлаго часа не сходилъ съ мѣста и очень внимательно прислушивался къ разговору, я поддержалъ шутку, сказавъ, что между ними есть такіе, которые такъ добросовѣстно зарабатываютъ свое жалованье, что лишаютъ себя даже развлеченій. Императоръ горячо возобновилъ разговоръ, и сказалъ чрезвычайно дружескимъ тономъ, что ему доставитъ большое удовольствіе, если убѣдятся, какъ онъ цѣнитъ союзъ съ Вашимъ Величествомъ, и будутъ знать, что другого союза онъ не желаетъ» [1]).

Сенатское рѣшеніе о присоединеніи ганзейскаго побережья, которымъ предрѣшалось присоединеніе Ольденбурга, сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи въ началѣ января. Въ день, когда пришло это извѣстіе, Коленкуръ обѣдалъ во дворцѣ. «Знаете ли вы, что у васъ прибавились новые округа?»—просто спросилъ его императоръ. Коленкуръ хотѣлъ предупредить протестъ царя противъ совершившагося факта. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ сдѣлалъ попытку оправдать присоединеніе побережья представившейся императору необходимостью герметически закрыть англійской торговлѣ главныя гавани Германіи. Къ тому же, замѣтилъ онъ, такое расширеніе нашихъ границъ окажется, въ концѣ-концовъ, выгоднымъ всему свѣту, а въ особенности Россіи. Въ присоединенныхъ странахъ Франція намѣрена выполнить огромное дѣло международной пользы. Между Любекомъ и Гамбургомъ, по границѣ Гольштиніи, императоръ намѣренъ прорыть соединительный каналъ изъ Балтійскаго моря въ Сѣверное. Благодаря этому водному пути, корабли, выходящіе изъ Балтійскаго моря или идущіе въ него, не должны будутъ огибать Ютландскаго полуострова и Датскаго архипелага. Они избавятся отъ потери времени и опасностей длиннаго обхода; торговля Россіи съ Западомъ, особенно съ Франціей, будетъ чрезвычайно облегчена [2]). «Конечно, не Россія порветъ дружескія отношенія между обѣими странами» [3]),—только и сказалъ на это Александръ.

Нѣсколько дней спустя, царь изъ достовѣрныхъ источниковъ

---

[1]) 116-ое донесеніе, отправленное 17 января 1811 г. Всѣ донесенія Коленкура императору, цитируемыя въ этомъ томѣ, хранятся въ Archives nationales AF, IV, 1699.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 14 декабря 1810 г.

[3]) 119-ое донесеніе Коленкура, отправленное 17 января.

узналъ о захватѣ Ольденбурга. Предложивъ сперва царствующему принцу на выборъ: сохранить свои владѣнія, при условіи включенія въ составъ имперіи, или же взять взамѣнъ Ольденбурга Эрфуртъ, Наполеонъ вслѣдъ за тѣмъ безцеремонно предрѣшилъ его волю. Наши войска заняли Ольденбургъ, устранивъ администрацію герцога. На этотъ разъ неслыханное нарушеніе законныхъ правъ не позволяло царю хранить молчаніе: его честь была затронута и требовала протеста. Онъ сдѣлалъ это откровенно, въ чрезвычайно корректныхъ, полныхъ достоинства, выраженіяхъ, но въ заключеніи сумѣлъ придать своимъ жалобамъ миролюбивый характеръ. Только-что сдѣлано покушеніе на тильзитскій договоръ, сказалъ онъ,—на статью, по которой нѣмецкимъ принцамъ, состоящимъ въ родствѣ съ русской императорской фамиліей, возвращены ихъ владѣнія. Зачѣмъ этотъ актъ произвола? Къ чему это грубое, ничѣмъ не вызванное, насиліе? «Очевидно, это сдѣлано съ намѣреніемъ нанести оскорбленіе Россіи. Можетъ быть, даже для того, чтобы вынудить меня стать на другую дорогу? Ошибаются: событія, не менѣе непріятныя для моей имперіи, не заставили меня отклониться отъ союза и моихъ принциповъ. И этотъ случай не заставитъ меня уклониться съ прямого пути. Если спокойствіе міра будетъ нарушено, меня нельзя будетъ обвинить въ этомъ, ибо я сдѣлалъ, и сдѣлаю все, чтобы сохранить его» [1]).

Нанесенное ему оскорбленіе обязывало его къ нѣкоторой холодности въ обращеніи съ французскимъ посланникомъ. Въ продолженіе пятнадцати дней онъ не приглашалъ его къ обѣду. По прошествіи этого времени, онъ нашелъ, что изгнаніе продолжалось достаточно долго, и что онъ можетъ, не роняя своего достоинства, возобновить съ Коленкуромъ близкія и дружескія отношенія, что давало ему возможность лучше скрывать свои планы. Посланникъ снова появился во дворцѣ, и, какъ и раньше, часто присутствовалъ за императорскимъ столомъ въ качествѣ постояннаго гостя. За обѣдомъ Александръ съ большимъ интересомъ говорилъ о Франціи, наводя разговоръ на Парижъ, на его украшенія; онъ говорилъ, «что по описаніямъ такъ хорошо знакомъ со зданіями, что, если бы когда-нибудь ему пришлось поѣхать въ Парижъ, онъ не заблудился бы въ немъ». Послѣ обѣда онъ увелъ посланника въ свой кабинетъ. Тутъ онъ сталъ кротко

[1]) 120-ое донесеніе Коленкура, отправленное 27 января.

жаловаться. Онъ проводилъ параллель между поступками, жертвой которыхъ сдѣлался, съ своимъ собственнымъ поведеніемъ, которому хотѣлъ неизмѣнно слѣдовать и впредь. «Не я буду нарушителемъ договора въ чемъ бы то ни было, сказалъ онъ, не я пойду противъ континентальной системы. Если императоръ Наполеонъ подступитъ къ моимъ границамъ, иначе говоря, пожелаетъ войны, онъ добьется войны, но безъ всякаго повода жаловаться на Россію. Первый сдѣланный имъ пушечный выстрѣлъ найдетъ меня столь же вѣрнымъ союзу, столь же далекимъ отъ Англіи, какъ и три года тому назадъ. Въ этомъ даю вамъ мое слово, генералъ. Если онъ хочетъ пожертвовать истинными выгодами союза и спокойствіемъ міра ради иныхъ разсчетовъ, которые, конечно, не стоятъ этихъ выгодъ, мы будемъ защищаться, и онъ увидитъ, что преданность Россіи дѣлу континента обусловливается отнюдь не слабостью, а желаніемъ охранять всюду спокойствіе, равно какъ и общіе интересы; къ этой цѣли я и теперь еще стремлюсь» [1]).

Немного времени спустя, онъ снова утверждалъ, что «если мы нарушимъ миръ, то не онъ подастъ къ этому поводъ и что Европѣ не придется упрекать его въ нарушеніи его обязательствъ и въ измѣнѣ дѣлу континента». Въ другомъ разговорѣ онъ высказался еще опредѣленнѣе, еще яснѣе. «Передайте императору, сказалъ онъ, что я всегда буду преданъ ему и союзу, если и онъ будетъ преданъ союзу и мнѣ. Передайте же ему, что не русскіе хотятъ войны, не они хотятъ идти на Парижъ, ибо не они подвигаются впередъ, не они вышли изъ своихъ границъ. Мы хотимъ только мира и покоя, и, если императоръ, какъ онъ увѣряетъ, не пойдетъ на насъ, онъ можетъ разсчитывать, что миръ не будетъ нарушенъ, ибо я не выйду изъ своихъ границъ и до послѣдней минуты буду вѣренъ моимъ обязательствамъ» [2]).

Что же касается обидъ, на которыя ссылалась Франція, онъ видѣлъ въ этомъ простыя придирки. По его словамъ, указъ отъ 31 декабря 1810 г., на который такъ горячо жаловался Коленкуръ, былъ мѣрой чисто-внутренняго характера, противъ котораго ничего нельзя сказать. Это нѣчто въ родѣ закона противъ роскоши, задачей котораго было помѣшать русскому дворянству

---

[1]) 121-ое донесеніе Коленкура, отправленное 4 февраля.

[2]) 123-е донесеніе, отправленное 10 февраля.

разоряться на покупки иностранныхъ издѣлій. Необходимо было сдѣлать что-нибудь, чтобы деньги частныхъ лицъ не уходили заграницу. Да и вообще Россія сдѣлала только то, что въ правѣ дѣлать; что принимать, въ видахъ предосторожности, извѣстныя мѣры для своей обороны не только ея право, но даже обязанность, разъ она видитъ, что Наполеонъ по сосѣдству съ нею поддерживаетъ польскую агитацію и провозитъ черезъ Германію въ Варшаву ящики съ ружьями. Александръ не отрицалъ, что, въ виду этихъ угрозъ, онъ приказалъ укрѣпить линіи Двины и Днѣпра; но при этомъ указалъ, что эти укрѣпленія такъ же далеки отъ границы, какъ Парижъ отъ Страсбурга. «Если бы императоръ сталъ укрѣплять Парижъ, было ли бы основательно обвиненіе его въ томъ, что онъ воздвигаетъ укрѣпленія съ цѣлью нападенія?» [1]) сказалъ онъ.

Коснувшись какъ-то усиленной дѣятельности военнаго министерства, царь сказалъ, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть работу, имѣющую цѣлью преобразовать нѣкоторые корпуса, не увеличивая ихъ наличнаго состава. Послѣ того, какъ онъ признался шведскому посланнику, что создалъ тринадцать новыхъ полковъ, онъ клялся Коленкуру, «что ряды его войскъ не увеличились ни на одинъ штыкъ» [2]). Онъ постоянно возвращался къ своей излюбленной темѣ: «Если, въ концѣ-концовъ, придется *отъ него* защищаться, говорилъ онъ, мы скрѣпя сердце будемъ сражаться; но всѣ русскіе, начиная съ меня, готовы будутъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ ради защиты своей независимости. Я не перестану повторять, что только отъ императора зависитъ, чтобы дѣла опять пошли по-старому, ибо здѣсь ничто не измѣнилось, и всѣ по-прежнему желаютъ жить въ добромъ согласіи съ сосѣдями и, въ особенности, въ союзѣ съ вами» [3]).

Съ этихъ поръ Александръ уже не довольствовался тѣмъ, что время отъ времени повторялъ свои увѣренія; онъ сдѣлалъ ихъ постояннымъ и главнымъ предметомъ своихъ разговоровъ съ посланникомъ. Онъ возобновлялъ ихъ при каждой встрѣчѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, онъ повторилъ ихъ счетомъ не менѣе двѣнадцати разъ, и всякій разъ это былъ потокъ изысканно-выразительныхъ, образныхъ и

---

[1]) 129-е донесеніе, отправленное 21 марта.

[2]) Депеша Штединга, 30 января 1811 г., архивы Стокгольма, и 125-е донесеніе Коленкура, отправленное 4 марта.

[3]) 123-е донесеніе, отправленное 10 февраля.

сильныхъ фразъ, всякій разъ—трогательное выраженіе лица, медовыя рѣчи и неподражаемая прелесть въ жестахъ и дикціи.

Коленкуръ не въ силахъ былъ противостоять чарующимъ звукамъ голоса, обладатель котораго умѣлъ сочинять на одинъ и тотъ же мотивъ безконечныя варіаціи. Онъ вѣрилъ словамъ, которыя, съ невыразимо прелестной улыбкой, расточалъ предъ нимъ Александръ. Онъ не замѣчалъ, что верхняя часть лица царя, помимо его воли, не отвѣчала выраженію его губъ; что голубые, лишенные блеска глаза никогда не улыбались; не смотрѣли довѣрчиво; что упорный, почти страшный по своей неподвижности, взоръ никогда не останавливался на собесѣдникѣ, а какъ бы уходилъ въ созерцаніе таинственнаго призрака [1]). Итакъ мы видимъ, что Александръ съ какимъ-то безотчетнымъ, болѣзненно-тревожнымъ чувствомъ, отдался во власть великаго плана, къ которому привели его страхъ и другія чувства, имѣвшія болѣе чѣмъ законныя основанія. Онъ увлекся проектомъ, который отвѣчалъ и его глубокому недовѣрію, и благороднѣйшимъ свойствамъ его характера, и примирялъ его честолюбивыя стремленія съ величіемъ его души. И въ то самое время, когда онъ болѣе всего былъ занятъ этимъ проектомъ, онъ говорилъ, что у него нѣтъ задней мысли; что его политика вся, какъ на ладони; что никто болѣе него не питаетъ такого отвращенія къ окольнымъ путямъ, къ извилистымъ тропамъ. «Я ничего не скрываю, генералъ, да мнѣ и нечего скрывать» [2]), повторялъ онъ до пресыщенія. Но именно эта-то настойчивость и должна была обратить на себя вниманіе посланника, заставить его быть на-сторожѣ: не слѣдовало довѣрять тому, кто при всякомъ удобномъ случаѣ хвастался своимъ прямодушіемъ и искренностью.

Чтобы вѣрнѣе водить за носъ Коленкура, Александръ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы прослыть одураченнымъ. Онъ позволялъ наиболѣе горячимъ головамъ изъ высшаго свѣта говорить, что его терпѣніе и слѣпота превосходятъ всякія границы; что онъ все проспитъ и подготовитъ себѣ печальное пробужденіе. Въ салонахъ наперерывъ говорилось: Чего еще ему надо, чтобы открыть глаза на намѣренія Наполеона; чего еще ждетъ онъ, чтобы отказаться отъ вѣроломнаго союза и отвѣтить на просьбы Англіи, на ея предложенія содѣйствія?—«Видно, нужно, чтобы французское ядро шлепнулось въ Неву, чтобы этотъ упря-

---

[1]) Mémoires de la comtesse Trembicka, I, 261.

[2]) 124-е донесеніе Коленкура, отправленное 4 марта.

мецъ императоръ и дуракъ канцлеръ поняли, что можно спастись только съ помощью Англіи» [1]). Александръ не особенно огорчался такими словами и находилъ, что они для него выгодны. По его приказанію лица, близко стоявшія къ правительству, высказывались въ сдержанныхъ, осторожныхъ и примирительныхъ выраженіяхъ. Распространявшіеся по временамъ слухи о войнѣ не находили ни малѣйшаго отклика ни во дворцѣ, ни въ канцеляріи канцлера. Дойдя до этихъ мѣстъ, заботливо лишенныхъ малѣйшаго резонанса, какъ бы законопаченныхъ, они замирали и прекращались.

Рѣчь русской миссіи въ Парижѣ соотвѣтствовала этимъ предосторожностямъ. Черныше въ, присланный въ качествѣ довѣрительнаго агента, на-диво понималъ намѣренія своего государя и удивительно умѣлъ служить имъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ необходимость упредить противника, и, тѣмъ не менѣе, постоянно говорилъ Наполеону, что неизмѣнное желаніе Его Величества русскаго императора—«сохранять и все болѣе скрѣплять существующіе между имперіями союзъ и дружбу...; что Его Величество твердо рѣшилъ по-прежнему поддерживать континентальную систему» [2]). Что же касается Куракина, то, очевидно, нашли излишнимъ посвящать его въ тайну или предписывать ему быть осторожнымъ. Для того, чтобы онъ не возбудилъ вниманія смѣлыми рѣчами, нужно было только предоставить его его миролюбивымъ склонностямъ и безпробудной лѣни.

Парижская хроника, доходившая до Петербурга путемъ письменныхъ сообщеній, занималась еще Куракинымъ, но говорила, что онъ все болѣе ограничиваетъ кругъ своихъ обязанностей почетной стороной дѣла; что онъ, по-прежнему, забавляетъ общество доходящей до смѣшного пышностью, которой обставляетъ свои самыя ничтожныя дѣйствія, своимъ пристрастіемъ ко всѣмъ мелочамъ этикета, своимъ огромнымъ и наивнымъ тщеславіемъ, и маніей при всякомъ случаѣ писать на-заказъ съ себя портреты во весь ростъ, среди аттрибутовъ и эмблемъ, которые должны служить символами его дипломатическихъ подвиговъ. Въ промежуткахъ между припадками подагры, онъ присутствовалъ на пріемахъ и балахъ, разыгрывалъ роль мецената,

---

[1]) Feuille de Nouvelles et On dit, приложенные Коленкуромъ къ депешѣ отъ 27 марта.

[2]) Донесеніе отъ 9—21 января 1811 г. (число возстановлено), цитируемы томъ, 54.

посѣщалъ мастерскія художниковъ, путался во французской комедіи и «разбиралъ ссоры между мадемуазель Бургонь и мадемуазель Вольней изъ-за ролей одного и того же амплуа, которыя онѣ оспаривали другъ у друга» [1]). Остатокъ его времени поглощался надзоромъ за составомъ посольства. Онъ управлялъ имъ, какъ глава семьи: былъ съ своими подчиненными то грубъ, то отечески нѣженъ; дѣлалъ видъ, что относится очень строго къ правиламъ нравственности, не подавая самъ примѣра; разносилъ молодыхъ секретарей, которые слишкомъ увлекались удовольствіями Парижа, и кончалъ тѣмъ, что платилъ за нихъ долги [2]). Видя, какъ онъ занятъ подобными обязанностями, кто бы въ Парижѣ могъ подумать, что дворъ, представителемъ котораго состоитъ такой добродушный посланникъ, замышляетъ недоброе, что онъ питаетъ наступательные планы? Престарѣлый князь былъ неоцѣнимъ, уже въ силу своего ничтожества. Этого золоченаго манекена, съ блаженно-улыбающимся лицомъ, эту украшенную драгоцѣнностями и отличіями куклу поставили передъ французскимъ правительствомъ только для того, чтобы за нею съ бо́льшимъ удобствомъ скрывать свои замыслы и махинаціи. «Куракинъ—выжившій изъ ума старикъ, — отозвался о немъ при всѣхъ Александръ, желавшій, чтобы его слова дошли до герцога Виченцы, — но императоръ Наполеонъ знаетъ, что онъ сторонникъ союза. Пошли я другого на его мѣсто, императоръ Наполеонъ подумаетъ, что тотъ будетъ хитрить. А такъ какъ мои намѣренія прямодушны, то я предпочитаю дурака, поведеніе котораго не можетъ возбудить никакихъ подозрѣній, умному, который могъ бы возбудить таковыя» [3]).

Однако, такъ какъ обязанность дѣлать офиціальныя представленія, т. е. передавать ноты русскаго кабинета французскому, лежала на Куракинѣ, нашли нужнымъ завести эту машину на тему объ Ольденбургѣ. Александръ желалъ, чтобы отъ его протеста остался письменный слѣдъ. Сперва Куракину дали порученіе повидать министра иностранныхъ дѣлъ и выразить протестъ на словахъ. Шампаньи, вынужденный защищать дѣло, которому не было оправданія, былъ въ весьма затруднительномъ поло-

---

[1]) Nouvelles et On dit de Pétersbourg, отправленное 4 марта 1811 г.

[2]) Bulletins de police. Archives nationales F, 7, 3719.

[3]) Feuille de Nouvelles et On dit, отправленное 27 марта.

женіи. Онъ увѣрялъ, что съ герцогомъ Ольденбургскимъ обошлись крайне милостиво, такъ какъ ему, вмѣсто простого присоединенія его владѣній, какъ это было съ его сосѣдями, былъ предложенъ обмѣнъ. Чтобы покончить разговоръ, Шампаньи сослался на политическую необходимость и государственную пользу. Онъ сказалъ, что Наполеонъ, въ качествѣ преемника Карла Великаго, имѣетъ права верховной власти надъ всѣми германскими землями и можетъ распредѣлять ихъ сообразно своимъ глубокимъ предначертаніямъ. Въ виду такого довода русское правительство предписало Куракину вручить ноту съ протестомъ, составленную въ чрезвычайно умѣренныхъ выраженіяхъ. Шампаньи, по приказанію Наполеона, отказался принять ее, и между посланникомъ и министромъ произошла курьезная сцена. Куракинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы Шампаньи принялъ пакетъ, вскрылъ его и прочелъ бумагу; Шампаньи съ не меньшей энергіей отталкивалъ пакетъ и не хотѣлъ дотронуться до него. Уставъ бороться, Куракинъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ запечатанный конвертъ на министерскомъ столѣ [1]). Послѣ этого русскій дворъ нашелъ цѣлесообразнымъ сообщить протестъ всѣмъ государствамъ и дать ему огласку на всю Европу. Для него это было средствомъ заявить о своемъ правѣ и указать на умѣренность, съ какой онъ отстаивалъ его.

Въ нотѣ говорилось, что упраздненіе герцогства Ольденбургскаго не могло свершиться «безъ оскорбленія чувства справедливости», безъ посягательства на неоспоримыя права Россіи; что Россія смотритъ на герцогство, какъ на неприкосновенную собственность. Послѣ такихъ сильныхъ фразъ, въ нотѣ съ протестомъ рѣзко мѣнялся тонъ и все заканчивалось восхваленіемъ союза [2]). Составленный въ такимъ выраженіяхъ документъ имѣлъ двоякую цѣль: смотря по обстоятельствамъ, онъ могъ служить прелюдіей и къ разрыву, и къ переговорамъ. Въ случаѣ, если императоръ Александръ заручится преданностью поляковъ и приведетъ въ исполненіе свой наступательный планъ, предваритель-

---

[1]) Bogdanovitch, Histoire de la guerre patriotique [1812], въ нѣмецкомъ переводѣ Баумгартена, I, 12—17. Cf. Bernhardi, Geschichte Russlands, t. II, и Popof, Relations de la Russie avec les puissances européennes avant la guerre de 1812, Revue du ministère de l'instruction publique russe, CLXXVII.

[2]) Текстъ протеста былъ опубликованъ Bignon'омъ въ его Histoire de France depuis le dix-huit brumaire, X, 52—54.

ное заявленіе объ обидахъ будетъ служить ему оправданіемъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Европа менѣе удивится при извѣстіи, что для поддержанія своего протеста онъ объявилъ войну. Если же поляки откажутся слѣдовать за нимъ и вынудятъ его остаться на мирномъ положеніи, онъ будетъ въ правѣ сослаться на послѣднюю фразу, можетъ, благодаря ей, вступить съ Наполеономъ въ соглашеніе, потребовать отъ него вознагражденія и, быть можетъ, заручиться гарантіями по отношенію къ дальнѣйшимъ событіямъ.

Въ настоящую минуту въ его умѣ все еще преобладаетъ мысль о наступательномъ планѣ. Его признанія по секрету доказываютъ, какъ упорно засѣлъ въ немъ гнѣвъ, вызванный недавними поступками Наполеона и надменными выходками французской политики [1]). Сверхъ того, его окружаютъ враждебныя намъ теченія. Съ нѣкотораго времени употребляются огромныя усилія, чтобы окончательно вырвать его изъ-подъ сдерживающаго вліянія Сперанскаго и отдалить отъ миролюбиво-настроеннаго канцлера. Эта работа сблизила людей самыхъ разнообразныхъ лагерей. Въ ней принимаютъ участіе: мать императора и многіе изъ его родственниковъ; затѣмъ лица, бывшіе нѣкогда его друзьями, которымъ онъ мало-по-малу возвращаетъ свое довѣріе и русскіе стараго закала, мечтающіе о томъ, чтобы освободить Россію изъ-подъ вліянія французовъ—стряхнуть съ себя ихъ опеку; далѣе нѣмецкіе эмигранты и миссіонеры тайныхъ обществъ. Работаютъ и поклонники самодержавія, и революціонеры, приверженцы узкаго патріотизма и космополиты,—люди, мечтающіе о томъ, чтобы Россія думала только о своихъ интересахъ и люди, которые хотятъ сдѣлать ее орудіемъ всемірнаго освобожденія [2]). Одни указываютъ на предстоящую войну, какъ на конецъ слабой политики, какъ на пробужденіе народной гордости; другіе напоминаютъ царю, что Европа ждетъ его, что она жаждетъ его прихода, что всѣ угнетенные возлагаютъ на него

---

[1]) 28 января Штедингъ пишетъ: „Я знаю одного человѣка, которому онъ сказалъ: „Я усталъ отъ постоянныхъ придирокъ Наполеона. У меня приго„товлено для него двѣсти тысячъ прекраснаго войска и триста тысячъ ми„лиціи, и мы еще посмотримъ“. Меня увѣряли,—и я вполнѣ вѣрю этому,—что подобныя слова вырываются у него и въ частныхъ кругахъ, которые состоятъ далеко не изъ скромныхъ людей“. Archives du royaume de Suède.

[2]) Schildner, 236.

свои надежды. Они предлагаютъ государю съ впечатлительнымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ взять на себя новую, величественную роль. Они достигли уже того, что заставили его повѣрить въ эту роль; заставили его говорить во время дружескихъ бесѣдъ, что его назначеніе «защищать страждущее человѣчество отъ нашествія дикаго варварства» [1]). И всѣ они въ одинъ голосъ твердятъ ему, что время благопріятно; что теперь обстоятельства позволяютъ перенести войну на территорію неугомоннаго обидчика; «что подобный моментъ подвертывается разъ въ жизни» [2]). Въ этомъ стараются убѣдить его и нѣмецъ Парротъ и французскій эмигрантъ Аллонвилль,—первый, въ силу продолжительной сердечной дружбы съ Александромъ, обращается къ его міросозерцанію и его сердцу, второй выступаетъ во всеоружіи чисто военныхъ и техническихъ соображеній [3]). Всѣ любители давать совѣты и составлять докладныя записки усиленно дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Опытъ ничему не научилъ этихъ людей, несчастье не умудрило ихъ. Горя нетерпѣніемъ, опьяненные ненавистью, они совѣтуютъ все тотъ же маневръ, который въ 1805 г. привелъ къ Аустерлицу, а въ 1809 къ Ваграму; они даютъ все тотъ же негодный совѣтъ—воспользоваться случаемъ, когда вниманіе Наполеона отвлечено отъ центральной Европы, когда взоры его направлены на Испанію, и въ это время напасть на него съ подавляющими силами. Неравенство военныхъ силъ и положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ французы могутъ выставить противъ цѣлой арміи только одинъ корпусъ, постоянно возбуждаютъ въ Александрѣ желаніе упредить Наполеона и, смѣло выступивъ въ походъ, напасть на него врасплохъ.

---

[1]) Id.

[2]) Слова Александра, сказанныя Чарторижскому, Mémoires du prince, II, 252.

[3]) La Correspondance de Parrot avec Alexandre была опубликована въ Deutsche Revue, 1894—1895. Насчетъ Аллонвилля см. Bogdanovitch, I, 73.

ГЛАВА II.

ПЛАНЫ ИМПЕРАТОРА.

Наполеонъ въ началѣ 1811 г.—Будучи, повидимому, владыкой міра, онъ сознаетъ, что употребляемыя имъ до сего дня средства укротить Англію и добиться всеобщаго мира—недѣйствительны. — Блокада будетъ безполезной, доколѣ она не будетъ повсемѣстной и полной.—Безплодныя усилія Массена передъ Торресъ-Ведрасъ.—Сѣверъ озабочиваетъ Наполеона и не позволяетъ ему нанести рѣшительнаго удара въ Испаніи.—Боязнь сближенія Россіи съ Англіей.—Возрастающее недовѣріе; явныя улики: запретительный указъ.—Гнѣвъ Наполеона; характерныя слова.—Поляки въ Парижѣ. — Валевская и Нарышкина.—Наполеонъ рѣшаетъ исподволь и втайнѣ готовиться къ походу въ Россію.—Его взглядъ на это исполинское предпріятіе.—Въ чемъ, по его мнѣнію, условіе успѣха.—Восемнадцать мѣсяцевъ на приготовленія.—Планъ на 1811 г.; планъ на 1812 г. — Какимъ путемъ хочетъ Наполеонъ создать въ Германіи значительныя военныя силы.—Армія для прикрытія.—Отправка войскъ въ Данцигъ.—Мѣры для сокрытія цѣли и важнаго значенія этихъ приготовленій.—Наполеонъ, какъ военныя приготовленія, такъ и дипломатическую кампанію начинаетъ позже Александра. — Какія государства оспариваютъ они другъ у друга.—Сношенія съ Пруссіей.—Австрія и княжества.—Сношенія съ Турціей.—Первая размолвка между Наполеономъ и шведскимъ наслѣднымъ принцемъ. — Бернадотъ стремится сблизиться съ Франціей.—Сокровенныя причины этого стремленія.—Просьба о присоединеніи Норвегіи.—Одновременныя увѣренія русскому императору. — Бернадотъ будетъ на сторонѣ того, кто ему лучше заплатитъ, и никому не будетъ безусловно преданъ.—Императоръ и слышать не хочетъ о Норвегіи.—Аудіенція адъютанту принца.—Бернадотъ упорно возвращается къ своимъ просьбамъ и обѣщаніямъ.—Наполеонъ не намѣренъ связывать себя преждевременно союзомъ со Швеціей.—Его отношенія къ Россіи въ продолженіе этого времени.—Смѣсь притворства и откровенности. — Предложеніе вознаградить герцога Ольденбургскаго.—Преувеличенныя нападки на указъ.—Почему Наполеонъ умышленно придаетъ трагическое значеніе этой чисто-коммерческой мѣрѣ.—Требованіе торговаго договора.—Затаенная обида и главная причина неудовольствія императора; по его мнѣнію, главный вопросъ—вопросъ о нейтральныхъ судахъ и блокадѣ; пока онъ избѣгаетъ возбуждать его.—Длинное и достопримѣчательное письмо Наполеона императору Александру.—Обратная сторона медали—письмо къ вюртембергскому королю.—Какія весьма серьезныя причины заставляютъ императора разсматривать войну на Сѣверѣ, какъ нѣчто вѣроятное и видѣть въ ней вѣнецъ своего дѣла.—Наполеонъ увлекается политикой Рима и Карла Великаго.—Впрочемъ, онъ отказался бы отъ войны, если бы Россія снова вступила въ континентальную систему; но онъ не допускаетъ мира безъ союза. — Александръ и Наполеонъ оба стараются подготовить себѣ благопріятную для нападенія почву; Александръ на 1811 г., Наполеонъ на 1812 г.

I.

Пятнадцать лѣтъ непрерывныхъ побѣдъ вознесли Наполеона на высоту могущества, но онъ не наслаждался ни счастьемъ, ни славой. Новый годъ сулилъ ему много радостей: ожидаемое разрѣшеніе императрицы давало ему надежду на сына; никогда еще короли не оказывали ему такой почтительной покорности. И, несмотря на все это, по временамъ онъ переживалъ приступы необъяснимой душевной тревоги. Ему казалось, что надъ будущимъ витаетъ смутная опасность. Въ неподвижномъ и еще спокойномъ воздухѣ онъ чувствовалъ тяжесть приближающихся грозъ.

Его великій умъ не обманывался ни относительно опасностей, созданныхъ долго длящейся морской войной, ни относительно непосильныхъ тяготъ, притѣсненій и ужасныхъ бѣдствій, которыя она возложила на народы. По собственному его признанію, весь духъ его управленія оказался извращеннымъ. А между тѣмъ ни у кого въ такой степени не было развито врожденное влеченіе къ принципамъ твердой умѣренности и справедливости—единственнымъ принципамъ, обезпечивающимъ прочную власть надъ людьми. Онъ ясно видѣлъ, что увлеченія внѣшней политикой выбили его изъ колеи; что онъ дошелъ до тираніи; что всюду вынужденъ замѣнить авторитетъ власти деспотизмомъ. Отъ него не ускользало, что все вокругъ него пропитано ненавистью и страданіями; что число его враговъ растетъ съ каждымъ днемъ, и, что, пока Англія будетъ продолжать борьбу, они не потеряютъ надежды одолѣть его. Онъ не зналъ, какъ развязаться съ этой войной, которая, поддерживая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, была источникомъ всѣхъ золъ и постоянно подрывала его престижъ. Онъ тщетно спрашивалъ себя, гдѣ средства найти миръ, въ которомъ онъ нуждался не менѣе самаго послѣдняго изъ его подданныхъ, и иногда «быстро, подавленнымъ голосомъ, съ оттѣнкомъ нетерпѣнія, говорилъ, что, если англичане продержатся еще нѣкоторое время, онъ не знаетъ, что изъ этого будетъ и что дѣлать» [1].

Средства, придуманныя имъ для укрощенія соперницы, несмотря на ихъ колоссальное развитіе, на суровое, неуклонное

---

[1]) Донесеніе Чернышева, 9—21 января 1811 г., предыдущій томъ, 54.

примѣненіе, не привели ни къ чему. На двухъ окраинахъ горизонта его непомѣрно разросшаяся власть встрѣчала свой предѣлъ. Сѣверъ по-прежнему оставался открытымъ для британскихъ произведеній, и эта брешь въ блокадѣ сводила къ нулю всѣ результаты, полученные въ другихъ мѣстахъ: Англія страдала, но не гибла. На югѣ—въ Португаліи, ему не удавалось прогнать англичанъ съ южной окраины континента, гдѣ они высадились и укрѣпились на неприступныхъ позиціяхъ. Тщетно Массена изслѣдовалъ линіи Торресъ-Ведрасъ; онъ не могъ нащупать слабаго пункта, не могъ найти уязвимаго мѣста непріятельской позиціи. Онъ отправилъ генерала Фуа въ Парижъ съ порученіемъ изложить положеніе дѣлъ, умолялъ о помощи, просилъ поддержки и совѣта. Онъ признавался въ своемъ безсиліи: не одинъ разъ обѣщанный, повидимому, близкій, заранѣе учтенный имъ успѣхъ не давался ему въ руки.

Невольно напрашивается вопросъ, почему въ это время, когда императору не были еще извѣстны наступательные планы Александра, онъ не собралъ всѣхъ своихъ армій и не нанесъ смѣлаго удара въ Испаніи; почему не далъ принцу Эслингу столько войскъ, чтобы сбросить англичанъ въ море и кончить, по крайней мѣрѣ, съ этой частью задачи? Дѣло въ томъ, что Сѣверъ, гдѣ онъ не видѣлъ еще явной опасности, уже озабочивалъ его, парализовалъ его дѣйствія. Онъ сознавалъ, что ожидаемое имъ примиреніе Россіи съ нашими врагами рано или поздно приведетъ къ тому, что Россія станетъ на ихъ сторону; что она устроитъ для него неизмѣримо болѣе страшную диверсію, чѣмъ долговременная война въ Испаніи; что она, можетъ быть, вынудитъ его на колоссальное предпріятіе — походъ на Сѣверъ; что она заставитъ его нанести жестокій ударъ англичанамъ въ Россіи и побѣдить ихъ въ Москвѣ. И хотя отъ него ускользали планы царя относительно Польши, онъ ясно сознавалъ, что если Россія, слѣдуя за нимъ, остановилась и замерла на мѣстѣ, то спустя нѣкоторое время она начнетъ мѣнять курсъ, мало-по-малу будетъ отдаляться отъ него и направится къ Англіи.

Первое указаніе на это онъ увидѣлъ въ отказѣ обложить колоніальные товары почти запретительнымъ тарифомъ, равно какъ и въ отказъ конфисковать контрабандныя суда. Вскорѣ послѣ того, не имѣя еще свѣдѣній о происходящемъ, по приказанію Александра, размѣщеніи войскъ на западной границѣ, онъ

узнаетъ, что русскіе сооружаютъ много укрѣпленій по Двинѣ и Днѣпру. Конечно, эти работы, предпринятыя въ видахъ обороны, вполнѣ законны. Но не для того ли, думается ему, русскіе такъ заботливо прикрываютъ свои границы, чтобы предохранить себя отъ послѣдствій замышляемой измѣны? Заключивъ миръ съ Турціей, «не захотятъ ли они заключить его и съ Англіей?— Это немедленно послужитъ поводомъ къ войнѣ» [1]), говорится въ его перепискѣ. Можетъ быть, Наполеонъ и Ольденбургъ-то захватилъ съ цѣлью испытать Россію, вывѣдать ея планы, посмотрѣть, не воспользуется ли она—чтобы порвать съ нимъ—первымъ же предлогомъ. Въ ожиданіи выясненія этой тайны, онъ не увеличиваетъ своихъ военныхъ силъ въ Германіи и до поры до времени оставляетъ Даву безъ поддержки; онъ ограничивается тѣмъ, что преобразовываетъ первый корпусъ, не прибавляя къ нему ни одного человѣка, и только торопитъ съ отправкой предметовъ вооруженія въ герцогство Варшавское [2]). Онъ по-прежнему занимается Испаніей, торопитъ Массена покончить съ ней, приказываетъ другимъ командирамъ корпусовъ оказать ему поддержку и помочь сломить сопротивленіе. Онъ мысленно переносится то на сѣверъ, то на югъ,—отъ Пиринеевъ къ Вислѣ и обратно, и не знаетъ еще, въ какую сторону придется ему направить войска, которыя предоставитъ въ его распоряженіе новый рекрутскій наборъ.

Когда онъ былъ въ такомъ тревожномъ состояніи—въ состояніи, полномъ сомнѣній и ожиданій, до него вдругъ доходитъ извѣстіе о запретительномъ указѣ: въ его глазахъ это сигналъ къ тревогѣ. Указъ направленъ исключительно противъ французской торговли. Имъ русскій рынокъ закрывается нашимъ произведеніямъ; мало того, въ немъ содержится приказъ сжигать ихъ, если бы имъ удалось проникнуть въ Россію. Это—громогласный разрывъ на экономической почвѣ, на той почвѣ, которая, при существующихъ условіяхъ, должна быть существеннѣйшей основой союза. Наши враги примутъ этотъ актъ за косвенное поощреніе со стороны Россіи, за первый залогъ. Нѣтъ сомнѣнія, думаетъ императоръ, что въ настоящую минуту въ Лондонѣ идетъ ликованье,—и гнѣвъ его прорывается наружу. Онъ пользуется данной дипломатическому корпусу аудіенціей, чтобы выказать

---

[1]) Corresp., 17187.

[2]) Id., 16994, 16995, 17283.

представителямъ Россіи, въ особенности Чернышеву, почти оскорбительную холодность. «Вмѣсто Россіи, сказалъ онъ вечеромъ, я много говорилъ сегодня съ Польшей» [1]). Въ польской колоніи въ Парижѣ поднялось всеобщее ликованье. Члены ея, собиравшіеся въ салонѣ пани Валевской, громко заговорили о своихъ надеждахъ. По странному совпаденію, двѣ польки, Марія Антоновна Нарышкина и Марія Валевская, пользуясь силою своего обаянія, своихъ ласкъ, одновременно дѣйствуютъ на обоихъ императоровъ въ одномъ и томъ же духѣ, и нѣжнымъ голосомъ защищаютъ дѣло своей родины [2]).

Но если Наполеонъ и думаетъ выступить въ защиту Польши противъ Россіи, онъ рѣшится на это, конечно, не ради прекрасныхъ глазъ пани Валевской. Уже теперь, по его приказанію, въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ работаютъ надъ тѣмъ, чтобы путемъ сближенія чиселъ точно установить, вышелъ ли указъ до или послѣ того, какъ извѣстіе о сенатскомъ рѣшеніи относительно германскаго побережья дошло до Россіи. Результатъ этой справки весьма убѣдителенъ [3]): сенатское рѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ 2 января; указъ, который вырабатывался долго и втайнѣ, былъ подписанъ 31 декабря; слѣдовательно, онъ не былъ отвѣтомъ на поступокъ, который Россія могла счесть за оскорбленіе. Это была заранѣе обдуманная, исходящая непосредственно отъ самой Россіи, враждебная мѣра. Нѣсколько времени спустя, огласка, данная русскими протесту

---

[1]) Донесеніе Чернышева отъ 9—21 февраля 1811 г., предыдущій томъ, 147.

[2]) Донесеніе Чернышева отъ 9—21 февраля 1811 г.: „Теперь большую роль играютъ женщины, въ особенности съ пріѣзда Валевской, съ которой Наполеонъ близко познакомился во время послѣдней кампаніи. Благосклонность къ этой дамѣ весьма прочная; она получала приглашенія на семейные вечера при дворѣ—отличіе, которымъ ни одна иностранка не пользовалась. Она привезла съ собой маленькаго ребенка, который, говорятъ, появился на свѣтъ вслѣдствіе ея частыхъ поѣздокъ изъ Вѣны въ Шенбрунненъ: о немъ страшно заботятся". Вышеупомянутый томъ, 149.

Депеша Коленкура отъ 17 января: „Никогда еще Н... не пользовалась такимъ вниманіемъ. Императоръ проводитъ у нея каждый вечеръ по крайней мѣрѣ одинъ часъ; словомъ, съ ней обходятся такъ, какъ никогда. Пріѣздъ изъ Москвы князя Гагарина, на котораго публика указываетъ, какъ на ея любовника, ничего не измѣнилъ".

[3]) Онъ находится въ національныхъ архивахъ въ видѣ письма Шампаньи къ Наполеону, AF, IV, 1699.

по поводу Ольденбурга—этотъ пріемъ привлечь на свою сторону Европу и сдѣлать ее судьей своего дѣла, усиливаетъ и подтверждаетъ подозрѣнія императора. Сомнѣнію нѣтъ болѣе мѣста: Россія съ каждымъ днемъ все болѣе стремится отдѣлиться отъ него и избавиться отъ союза. Онъ высказалъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ еще большая планета, которая беретъ ложное направленіе. Я перестаю понимать ея движеніе: она можетъ дѣйствовать такъ только при намѣреніи насъ покинуть. Будемъ же на-сторожѣ и примемъ мѣры, какія требуются благоразуміемъ и осторожностью» [1]). Тогда, послѣ трехъ безсонныхъ, посвященныхъ глубокому размышленію, ночей, въ продолженіе которыхъ онъ взвѣшивалъ расходы, которыхъ потребуютъ усиленныя вооруженія и своевременное ихъ выполненіе, онъ рѣшается сдѣлать чрезвычайный расходъ въ сто милліоновъ и начать готовиться къ войнѣ [2]).

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ считалъ нужнымъ спѣшить съ военными приготовленіями или ограждать себя отъ возможныхъ случайностей близкой войны. По его разсчету, нѣтъ повода торопиться. Слѣдуетъ только положить начало; но нужно, чтобы все дѣлалось обстоятельно, спокойно, осторожно, а, главное, въ глубокой тайнѣ. Онъ думаетъ, что движеніе Россіи по направленію къ Англіи будетъ продолжаться такъ же, какъ и началось, т. е. шагъ-за-шагомъ, съ извѣстной послѣдовательностью; что оно не кончится ранѣе середины или конца года, и что не трудно будетъ оттянуть конфликтъ до 1812 г. Наполеонъ думаетъ, что война на Сѣверѣ не дѣло ближайшаго будущаго, но что вѣроятность ея увеличивается съ каждымъ днемъ и что избѣгнуть ея дѣлается все труднѣе. Идея о войнѣ, имѣвшая до сихъ поръ смутный, неопредѣленный характеръ, формулируется въ его умѣ въ ясныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ. Контуры ея опредѣляются; обозначается остовъ; обрисовываются главныя черты, и въ умѣ его создается глубокій, колоссальный планъ, который можетъ быть подготовленъ въ теченіе года.

Если ему придется вести войну, онъ намѣренъ не только вести, но даже и начать ее на территоріи врага; ибо только при этомъ условіи она можетъ дать крупные результаты и бу-

---

[1]) Донесеніе Чернышева, 5—17 апрѣля (число возстановлено) 1811 г., предыдущій томъ, 70.

[2]) Объ этомъ фактѣ Наполеонъ лично сообщилъ князю Шварценбергу въ разговорѣ, цитируемомъ Helfert'омъ, Maria Louise, стр. 199.

детъ имѣть значеніе. Пораженія, нанесенныя русскимъ въ Германіи или Польшѣ, напримѣръ: Аустерлицъ и Фридландъ,—нанесли ударъ гордости царя и знати, но не затронули жизненныхъ функцій русскаго государства, не ограничили замѣтно ни его могущества, ни способности ·къ дальнѣйшему распространенію. Въ настоящее время требуется бо́льшее: нуженъ Аустерлицъ или Фридландъ въ самой Россіи, нужно нанести рану, столь глубокую, чтобы можно было предписать побѣжденнымъ—какъ условія мира — отказаться отъ ихъ наступательныхъ дѣйствій, заставить ихъ отодвинуть свои границы къ Востоку, уйти въ Азію. Какъ же думаетъ дѣйствовать Наполеонъ для достиженія столь рѣшительнаго успѣха, если ему удастся вступить въ Россію? Каковъ будетъ планъ его дѣйствій въ Россіи? По какимъ путямъ пойдутъ тамъ его войска?—Его мысль не касается еще этихъ сторонъ предстоящаго предпріятія. Вѣруя въ свой стратегическій и тактическій геній, полагаясь на свое вдохновеніе, онъ увѣренъ, что будетъ одерживать въ Россіи побѣду за побѣдой, лишь бы ему удалось проникнуть туда и сразу же ввести отъ четырехъ до пятисотъ тысячъ человѣкъ; лишь бы эти войска были настолько снабжены всѣмъ необходимымъ—одеждой, боевыми припасами и провіантомъ—чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ просуществовать и дѣйствовать въ огромной, безлюдной и мало обслѣдованной странѣ. Прежде всего, онъ подходитъ къ главному вопросу. Какъ, незамѣтнымъ образомъ, доставить французскія силы до границъ Россіи; какъ, затѣмъ, перекинуть ихъ въ Россію со всѣмъ снаряженіемъ и вполнѣ организованнымъ тыломъ; какъ устроить такимъ образомъ, чтобы наши арміи вступили въ Литву такими же свѣжими и такъ же хорошо снаряженными, какъ если бы онѣ только-что вышли изъ Страсбурга или Майнца; какъ обезпечить ихъ военными припасами, транспортами и провіантомъ въ странѣ, гдѣ придется все везти съ собой, въ странѣ, которая находится на разстояніи восьмисотъ льё отъ нашихъ границъ. Онъ думаетъ, что, если ему удастся разрѣшить эту задачу, доведя до чудеснаго дѣло организаціи и предусмотрительности, его дѣло выиграно. По его мнѣнію, когда дѣло идетъ о нападеніи на Россію, секретъ побѣды всецѣло заключается въ искусствѣ подготовиться къ войнѣ,—и онъ, который безъ подготовки, съ собранными наспѣхъ войсками, велъ столько войнъ, думаетъ,

что ему потребуется не менѣе года, а, быть можетъ, и полтора, чтобы тщательно обдумать и подготовить нападеніе; чтобы собрать военныя средства; чтобы довести ихъ до безпримѣрнаго совершенства, перенести на мѣсто дѣйствій и доставить къ границамъ Россіи вполнѣ готовыми къ бою.

Но дадутъ ли ему русскіе довести до конца его продолжительный и упорный трудъ? Не постараются ли они предупредить насъ, занять раньше насъ Польшу и Германію? Наполеонъ не считаетъ нужнымъ бояться этого. Совершенно не вѣдая того, что творится въ западныхъ губерніяхъ Россіи, онъ думаетъ, что всѣ войска, которыми располагаетъ Россія, задержаны на Дунаѣ, что въ ней самой только гарнизоны. Онъ полагаетъ, что Александръ, занятый Турціей такъ же, какъ онъ Испаніей, и не подумаетъ измѣнить ему, пока не избавится отъ этой обузы. Но ясно, что миръ съ турками не за горами. Судя по положенію дѣлъ, это вопросъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Очевидно, что, какъ только въ предстоящей весной кампаніи русскимъ представится случай одержать рѣшительную побѣду, миръ будетъ заключенъ. Слѣдовательно, весьма вѣроятно, что лѣтомъ русскія войска возвратятся къ западнымъ границамъ Россіи, займутъ оборонительныя линіи и укрѣпленные лагери и сдѣлаются внушительной силой. Безъ сомнѣнія, это-то время и намѣтилъ себѣ царь, чтобы снова завязать сношенія съ Англіей и покинуть насъ. Если Наполеонъ отложитъ до этого времени приготовленія къ войнѣ, если онъ не переброситъ заблаговременно части своихъ войскъ въ Германію, можно опасаться, что, узнавъ о движеніи нашихъ войскъ, русскіе не устоятъ предъ искушеніемъ; что они воспользуются своимъ кратковременнымъ преимуществомъ, перейдутъ границы, и разрушатъ или, по меньшей мѣрѣ, выбьютъ изъ колеи направленныя противъ нихъ огромныя военныя приготовленія. Итакъ необходимо, чтобы къ предполагаемому времени наши первыя движенія были уже выполнены, чтобы у Франціи въ Сѣверной Германіи было достаточно войскъ,—не для того, чтобы напасть на русскихъ, а чтобы не позволить имъ перейти въ наступленіе, чтобы помѣшать имъ что-либо сдѣлать, дать имъ почувствовать свою силу и преградить дорогу. Наполеонъ рѣшаетъ, что до конца весны корпусъ Даву втихомолку будетъ преобразованъ въ восьмидесятитысячную армію, въ составъ которой войдутъ его лучшія войска; что эта армія будетъ подъ

командой самаго надежнаго и обстоятельнаго изъ начальниковъ; что она будетъ подкрѣплена нѣмецкими войсками и доведетъ свои колонны до Штеттина и линіи Одера, чтобы имѣть возможность при первой же тревогѣ придти на Вислу раньше русскихъ. Онъ рѣшаетъ, что Данцигъ, который въ изобиліи будетъ снабженъ людьми и боевыми припасами, будетъ главнымъ центромъ сопротивленія и первоклассной крѣпостью. Слѣдовательно, когда русскіе передвинутся съ юга на сѣверо-западъ и направятся во французскую Германію, они очутятся передъ двумя незамѣтно созданными препятствіями. Сперва Данцигъ, который будетъ служить точкой опоры герцогству Варшавскому, далѣе—расположенная на обоихъ берегахъ Эльбы армія Даву. Они натолкнутся на внушительную часть французскихъ силъ, тогда какъ воображаютъ, что всѣ силы Франціи направлены въ Испанію и поглощены полуостровомъ. Захватъ французами выгоднаго стратегическаго положенія запретъ русскихъ внутри ихъ собственныхъ границъ. Наполеонъ задержитъ ихъ на концѣ своей шпаги, которую онъ коварно подставитъ имъ, незамѣтно продвинувъ ее черезъ всю Германію до самой Вислы [1]).

По мнѣнію императора, подъ такой угрозой, Россія, вѣроятно, не дерзнетъ обнаружить своихъ плановъ, не посмѣетъ сбросить съ себя маску союза. Вѣроятно, что императоръ Александръ смутится, начнетъ колебаться, поведетъ двойственную игру, откроетъ переговоры. Наполеонъ поступитъ точно такъ же. «Возможно, пишетъ онъ Даву, что начнутся объясненія, и мы оба постараемся выиграть время» [2]). Тѣмъ временемъ, подъ прикрытіемъ развернутыхъ защитной завѣсой въ Германіи войскъ, будутъ сформированы войска второй и третьей линіи. Въ тылу восьмидесяти тысячъ Даву императоръ соберетъ вчетверо больше. На Рейнѣ, въ Голландіи, Сѣверной Франціи, Майнцѣ, Везелѣ, Утрехтѣ, Булонѣ, за Альпами, въ верхней Италіи будутъ устроены военные лагери, т. е. огромныя вмѣстилища людей и запасовъ, изъ которыхъ тѣ и другіе мало-по-малу разольются по всей Германіи. Въ надлежащій моментъ эти войска присоединятся къ арміи Даву, станутъ позади нея или рядомъ съ ней, доведутъ великую армію до ужасающихъ размѣровъ, подгото-

---

[1]) Этотъ планъ изложенъ въ письмѣ императора къ Даву, 24 марта 1811 г. Corresp., 17516.

[2]) Corresp., 17516.

вятся къ нападенію, и тогда занятыя на сѣверѣ Германіи оборонительныя позиціи превратятся въ базу для наступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не довольствуясь содѣйствіемъ всѣхъ своихъ вассаловъ—сѣверныхъ и южныхъ нѣмцевъ, швейцарцевъ, итальянцевъ, иллирійцевъ, испанцевъ, португальцевъ—императоръ хочетъ обратиться къ государствамъ, номинально сохранившимъ независимость: къ Пруссіи, Австріи, Турціи и Швеціи. Въ то время, какъ Александръ надѣется, что два изъ этихъ государствъ сохранятъ нейтралитетъ, а другія два перейдутъ на его сторону, Наполеонъ увѣренъ, что войска всѣхъ четырехъ государствъ войдутъ въ составъ его полковъ. Такимъ образомъ, допуская, что переговоры съ Александромъ не приведутъ ни къ какому результату и что онъ не добьется отъ Россіи точныхъ гарантій ея вѣрности союзу, Наполеонъ будетъ располагать противъ нея въ началѣ 1812 г. всей старой Европой,—при томъ Европой, которая будетъ заблаговременно поставлена на военную ногу, войска которой будутъ организованы, дисциплинированы, соединены въ бригады, мобилизованы, сосредоточены въ одномъ мѣстѣ и составятъ одну громадную штурмовую колонну. Вотъ въ какомъ видѣ представляется ему будущее.

II.

Первые приказы о подкрѣпленіи корпуса Даву были отданы въ концѣ января, а затѣмъ дополнены цѣлымъ рядомъ распоряженій. При выполненіи этой операціи имѣлось въ виду не прибѣгать къ бьющимъ въ глаза, вызывающимъ разговоры, мѣрамъ. Дѣло шло не о томъ, чтобы сразу же перебросить по ту сторону Рейна значительныя силы, ибо это могло бы привлечь всеобщее вниманіе. По плану Неполеона, армія въ Германіи должна создаваться путемъ непрерывнаго, незамѣтнаго прилива людей и матеріальной части въ уже существующіе кадры. Первый корпусъ долженъ усиливаться исподволь, не мѣняя ни своего внѣшняго вида, ни вида входящихъ въ него частей войскъ. Составляющія его единицы: дивизіи, полки, батальоны будутъ увеличиваться путемъ медленнаго пополненія ихъ состава; когда получится излишекъ въ ихъ наличномъ составѣ, ихъ раздѣлятъ надвое; затѣмъ каждую часть будутъ снова увеличивать, соберутъ около нихъ другія группы, другія единицы, и, мало-по-малу, вмѣсто корпуса пред-

станетъ въ полномъ вооруженіи армія въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

21 января императоръ сообщаетъ Даву объ отправкѣ къ нему одного французскаго полка и четырехъ голландскихъ. Онъ приказываетъ распредѣлить эту пѣхоту между тремя дивизіями 1-го корпуса—между образцовыми дивизіями Фріана, Морана и Гюдена, отъ которыхъ будетъ затѣмъ отнятъ излишекъ для сформированія четвертой дивизіи, которая будетъ поручена генералу Дессе [1]). Въ то же время, въ виду того, что рекрутскій наборъ 1812 г. дастъ сто тысячъ рекрутовъ, находящіеся на службѣ во Франціи батальоны, обученіе которыхъ уже заканчивается, могутъ выступить въ походъ и присоединиться къ полкамъ въ Германіи. Такимъ образомъ, полки, не имѣющіе еще достаточнаго количества людей, пополнятся и будутъ состоять изъ четырехъ батальоновъ вмѣсто трехъ, а затѣмъ изъ пяти, и въ теченіе лѣта, вслѣдствіе непрерывнаго притока людей, сформируется армія изъ пяти дивизій четырехъ-полкового состава и двухъ бригадъ. Въ кавалеріи тоже не будутъ формироваться новые полки; она будетъ увеличена отправленными въ боевые эскадроны кавалерійскими отрядами, составленными изъ обученныхъ уже молодыхъ солдатъ. Лошадьми же будетъ пополняться на мѣстѣ.

Уже съ этого времени Наполеонъ начинаетъ заниматься отправкой матеріальной части, беря въ основу своихъ разсчетовъ не теперешній наличный составъ арміи на Эльбѣ, а то, какою она будетъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Онъ приказываетъ отправить полковую и дивизіонную артиллерію и резервные парки, всего сто восемьдесятъ артиллерійскихъ орудій. Онъ организуетъ инженерную часть и снабжаетъ ее пятнадцатью тысячами инструментовъ. Всецѣло отдаваясь кропотливымъ вычисленіямъ, онъ высчитываетъ, что Даву, чтобы везти съ собой пятьсотъ восемьдесятъ четыре тысячи патроновъ, потребуется шестьсотъ артиллерійскихъ повозокъ и двѣсти восемьдесятъ пѣхотныхъ фуръ; запасъ же въ три милліона патроновъ будетъ сложенъ въ магазинахъ Гамбурга и Магдебурга. Особенно заботится онъ объ усовершенствованіи транспортной части, т. е. военныхъ обозовъ, ибо въ войнѣ, которую придется вести далеко отъ Франціи, ви-

---

[1]) Corresp., 17289.

дитъ въ нихъ необходимыхъ пособниковъ побѣды. Всѣ войсковыя части создадутся изъ тѣхъ элементовъ, которые будутъ выдѣлены изъ всѣхъ полковъ въ самой Франціи; онѣ будутъ переходить Рейнъ отдѣльными группами, едва замѣтными отрядами, и, крадучись, проникать въ Германію [1]).

Чтобы облегчить войскамъ походъ, Наполеонъ приказываетъ офицерамъ главнаго штаба ознакомиться съ путями сообщенія и привести ихъ въ порядокъ. Дороги въ Германіи большею частью плохи. Что дѣлать! Надо устроить другія. Между Везелемъ *) и Гамбургомъ, черезъ Вестфалію и Ганноверъ намѣчается широкая военная дорога, на подобіе тѣхъ, какія устраивались древними римлянами, и которая останется будущему поколѣнію на память о проходѣ французовъ и въ назиданіе грандіозности ихъ работъ. Властямъ Вестфаліи и великаго герцогства Бергскаго предписывается руководить работами по ея устройству. Даву поручено заблаговременно позаботиться о помѣщеніи своихъ будущихъ войскъ, заранѣе обезпечить провіантъ, обмундировку, жалованье и опредѣлить бюджетъ; затѣмъ укрѣпить Гамбургъ и превратить этотъ открытый городъ въ большую крѣпость. Даву долженъ принять всѣ нужныя мѣры, но проводить ихъ въ строжайшей тайнѣ—дѣйствовать молча—таковы наставленія, которыя неизмѣнно сопровождаютъ приказанія и которыя выдаютъ мысли, неотступно занимающія императора.

Еще болѣе глубокую тайну соблюдаетъ онъ при передвиженіи тѣхъ войскъ, которыя должны составить гарнизонъ Данцига, удесятеривъ его теперешній наличный составъ. Прежде всего, онъ приказываетъ шести польскимъ батальонамъ, двумъ саксонскимъ и одному французскому полку, занимающему Штеттинъ, присоединиться къ имѣющимся въ крѣпости тысячѣ пятистамъ человѣкъ. Пусть Даву поставитъ тамъ одинъ изъ самыхъ «блестящихъ полковъ» изъ дивизіи Фріана, приказываетъ императоръ, при чемъ онъ долженъ «говорить о Россіи только самое хорошее» [2]) и не пускаться ни въ какія откровенности съ варшавскимъ правительствомъ, ибо «поляки разсказываютъ и разглашаютъ на

---

[1]) Corresp., 17289, 17336, 17355, 17372, 17382, 17384, 17414, 17441, 17469, 17493, 17494, 17503, 17512, 17513, 17519, 17533. Cf. Отвѣтъ Даву и другіе документы хранятся въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1653.

*) Крѣпость при впаденіи Липпе въ Рейнъ. (Прим. перев.)

[2]) Corresp., 17415.

всѣ лады все, что имъ говорятъ» [1]). Немного позднѣе императоръ отправляетъ въ Данцигъ, черезъ Магдебургъ и Пруссію, роты артиллеристовъ, минеровъ, саперовъ, затѣмъ вестфальскій полкъ изъ двухъ тысячъ четырехсотъ человѣкъ и бергскій полкъ. Для отправки туда же онъ требуетъ полкъ у Баваріи и полкъ у Вюртемберга, и къ вновь занимаемому посту со всѣхъ сторонъ Германіи направляются отряды. Но отправляются они туда неспѣшно, украдкой, такъ, чтобы не слышно было ихъ шаговъ. Вмѣстѣ съ ними императоръ приказываетъ доставить въ Данцигъ пушки, мортиры, лафеты, ружья—все, что требуется для упорной обороны и, сверхъ того,—существенный элементъ нападенія—матеріалъ для постройки мостовъ, который онъ приказываетъ сложить тамъ и хранить ради потребностей будущаго [2]). При этомъ комендантъ Раппъ получаетъ строгій приказъ слѣдить за своими словами и «не давать воли языку» [3]). Ему приказывается сложить въ крѣпости имѣющую въ скоромъ времени прибыть матеріальную часть, отнюдь не выставляя ее на видномъ мѣстѣ.

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ сознаетъ, что скрыть отъ русскихъ такое скопленіе войскъ вблизи ихъ границъ нельзя. Тогда, не видя возможности отрицать самый фактъ, онъ искажаетъ смыслъ своихъ намѣреній. Онъ приказываетъ приготовить для Куракина объяснительную ноту, наполненную такого рода объясненіями, которыя, несмотря на приличную внѣшность и нѣкоторое правдоподобіе, можно счесть за насмѣшку. Въ ней должно быть сказано, что большая англійская эскадра направляется въ Балтійское море, и что у ней предполагается намѣреніе напасть на Данцигъ; вслѣдствіе чего императоръ считаетъ себя вынужденнымъ привести крѣпость въ оборонительное положеніе и собрать тамъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и вмѣняетъ себѣ въ обязанность предупредить объ этомъ Россію, дабы она не безпокоилась по поводу направленныхъ противъ общаго врага военныхъ приготовленій [4]).

Въ той же нотѣ дѣлается признаніе, что во Франціи были

---

[1]) Id.

[2]) Id., 17212, 17323, 17415, 17488, 17490, 17491, 17505, 17510, 17515, 17520.

[3]) Id., 17516.

[4]) Corresp., 17492, 17523. Cf. Письма Шампаньи императору отъ 19 и 28 марта. Archives nationales, AF, IV, 1699.

куплены ружья за счетъ саксонскаго короля, великаго герцога Варшавскаго, права котораго никакимъ договоромъ не ограничены; «но куплено ихъ только двадцать тысячъ, вмѣсто предположенныхъ шестидесяти». Въ дѣйствительности же, запасъ оружія, назначеннаго Наполеономъ въ пользованіе польскихъ крестьянъ, которые, въ случаѣ надобности, должны возстать поголовно, гораздо значительнѣе. Его агенты нашли для него въ Вѣнѣ пятьдесятъ четыре тысячи ружей, которыя Австрія соглашается уступить ему. Саксонскому королю дается совѣтъ купить ихъ и доставить въ Дрезденъ; заплатитъ же за нихъ императоръ. Съ своей стороны императоръ устраиваетъ на Рейнѣ два оружейныхъ склада, одинъ въ Везелѣ на тридцать четыре тысячи ружей, вывезенныхъ изъ Голландіи, другой въ Майнцѣ на пятьдесятъ пять тысячъ, вывезенныхъ изъ Франціи. Не переправляя еще ихъ по ту сторону Рейна, онъ приказываетъ сложить ихъ въ магазины, въ ящикахъ, и «держать упакованными и готовыми къ отправкѣ».—«Прикажите, пишетъ онъ военному министру, чтобы это было сдѣлано, насколько возможно, секретнѣе, и при томъ такъ, чтобы въ первыхъ числахъ мая, буде мнѣ понадобятся эти семьдесятъ шесть тысячъ ружей, ихъ можно было бы отправить черезъ двадцать четыре часа послѣ моего приказанія» [1]), что дастъ возможность доставить ихъ къ мѣсту назначенія черезъ нѣсколько недѣль. Наполеону и въ голову не приходитъ, что еще до лѣта онъ вынужденъ будетъ не только вооружить варшавское населеніе, но даже набрать въ герцогствѣ регулярныя войска, не говоря уже о необходимости имѣть въ Данцигѣ пятнадцать тысячъ, которые втихомолку онъ уже началъ отправлять туда.

Военныя мѣропріятія опередили его дипломатическую дѣятельность. Оно и понятно. Четыремъ государствамъ, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на своихъ предопредѣленныхъ помощниковъ—Пруссіи, Австріи, Турціи и Швеціи—не нужно, какъ нашимъ арміямъ, до вступленія въ линію проходить большихъ пространствъ: они и такъ всѣ граничатъ съ непріятелемъ, на котораго имѣется въ виду напасть. Было бы дѣломъ безполезнымъ и даже опаснымъ вступать съ ними въ переговоры, слухъ о которыхъ могъ дойти до Петербурга и ускорить разрывъ. Впрочемъ, На-

[1]) Corresp., 17371.

полеонъ былъ увѣренъ, что эти союзы состоятся сами собой, роковымъ образомъ; что Пруссія и Австрія, всецѣло подпавъ подъ его вліяніе, покорно послѣдуютъ его призыву; что своего рода гипнозъ приведетъ ихъ къ нему; что же касается Турціи и Швеціи,—они вернутся къ нему въ силу традицій. Пока же онъ старается, путемъ болѣе или менѣе сильнаго давленія на эти четыре государства, предписать каждому изъ нихъ отвѣчающее его планамъ поведеніе.

Отъ Пруссіи онъ требуетъ только бездѣйствія. Такъ какъ Пруссія лежитъ на пути между Франціей и Россіей, то, если она начнетъ волноваться, если будетъ вооружаться, въ Петербургѣ могутъ подумать, что все это дѣлается по нашему подстрекательству, и что Наполеонъ хочетъ создать изъ нея свой авангардъ. Поэтому необходимо, чтобы она какъ можно дольше держалась въ тѣни—такъ, чтобы забыли о ея существованіи. Но, нужно сказать, что требованія нашей политики не отвѣчали желаніямъ дрожавшей за свою судьбу Пруссіи. Потсдамскій дворъ, предупрежденный со стороны Александра, что время разрыва между императорами приближается, освѣдомленный на этотъ счетъ лучше самого Наполеона, жилъ въ постоянномъ страхѣ. Онъ боялся сдѣлаться первой жертвой войны, боялся погибнуть въ предстоящемъ столкновеніи, все равно на чью бы сторону онъ ни сталъ. Чтобы отстоять свое жалкое существованіе, онъ прибѣгъ къ обману, началъ тайкомъ вооружаться и призвалъ на службу часть резервовъ. Въ чью пользу употребитъ онъ эти силы? Пойдетъ ли онъ на зовъ своей завѣтной мечты, своей ненависти и бросится въ объятія Россіи? Или же, уступая роковой необходимости, дастъ сбить себя съ этого пути и направится въ сторону Франціи?—Этого онъ и самъ не зналъ. Канцлеръ Гарденбергъ колебался между двумя рѣшеніями. Онъ одновременно велъ переговоры съ Наполеономъ и Александромъ, и тому, и другому давалъ то искреннія, то фальшивыя увѣренія и всегда обманывалъ кого-нибудь изъ нихъ, но не всегда одного и того же; въ его двуличномъ поведеніи бывали и перемѣны [1]). Во всякомъ случаѣ, чтобы заслужить снисходительность императора, чтобы заставить его закрыть глаза на запрещенныя по договору вооруженія, онъ считалъ необходимымъ почаще

---

[1]) Duncker, вышеупомянутое сочиненіе, 343—365. Martens, Traités de la Russie, VII, 15 et suiv. Correspondance de Prusse, aux archives des affaires étrangères, janvier à avril 1811.

обращаться въ Парижъ съ униженными просьбами о союзѣ и съ предложеніями содѣйствія. Но императоръ считалъ несвоевременнымъ обращать вниманіе на просьбы Пруссіи, и ограничивался только тѣмъ, что позволялъ ей надѣяться,—если она будетъ вести себя благоразумно—что союзъ можетъ быть заключенъ въ будущемъ. Болѣе того. Какъ только онъ замѣчалъ, что въ Пруссіи происходятъ какія-нибудь подозрительныя движенія, что она производитъ наборъ рекрутовъ свыше установленной нормы, онъ прибѣгалъ къ грубости и гнѣвнымъ голосомъ призывалъ ее къ порядку.

Точно такъ же и съ Австріей онъ избѣгалъ опредѣленнаго разговора о союзѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ необходимымъ внушать ей шаги, способные тревожить русскихъ на Дунаѣ, которымъ онъ хотѣлъ дать занятіе и поглубже завязить ихъ на Востокѣ. Исходя изъ положенія, что вѣнскій дворъ скорбитъ при видѣ неизбѣжнаго присоединенія княжествъ къ Россіи и что, при небольшой поддержкѣ и поощреніи, онъ охотно сталъ бы создавать препятствія, Наполеонъ вызвалъ его на обмѣнъ взглядовъ по этому вопросу. Онъ высказалъ сожалѣніе, что незадолго до этого согласился на столь большое усиленіе русскаго могущества; далъ понять, что въ настоящее время у него иныя намѣренія; спрашивалъ Меттерниха и императора Франца, какъ они разсчитываютъ поступить, какъ далеко рѣшились бы они идти, дабы предотвратить роковой для ихъ интересовъ результатъ, и не скупился на выраженія своего благорасположенія. Его игра была ясна. Онъ хотѣлъ, чтобы на первый планъ выступила Австрія, чтобы она взяла на себя иниціативу, такъ какъ точныя эрфуртскія обязательства не позволяли ему взять ее на себя. Онъ хотѣлъ, чтобы она высказала протестъ противъ завоеванія княжествъ и, въ случаѣ надобности, поддержала свои дипломатическія ноты военными демонстраціями. Такое выступленіе Австріи, давая туркамъ надежду на помощь, оживило бы ихъ мужество, побудило бы къ болѣе упорной защитѣ своихъ провинцій, отклонило бы отъ рѣшенія заключить миръ и продлило бы войну, вслѣдствіе чего, по разсчету Наполеона, отсрочилось бы массовое появленіе русскихъ на границахъ Польши [1]).

---

[1]) Corresp., 17387, 17388. Cf. Письмо отъ 26 марта по поводу Сербіи, въ которомъ говорится, что русскіе только-что заняли Бѣлградъ. Corresp., 17518.

Съ самой Турціей онъ избѣгаетъ вступать въ такія соглашенія, которыя бы нарушали статьи договора, пока еще связывавшаго его съ Россіей, т. е. гарантировать султану неприкосновенность его имперіи и возвратъ княжествъ. Его усилія были направлены только къ тому, чтобы, вмѣсто замѣтной холодности, установить между Франціей и Турціей прежнее довѣріе. Онъ написалъ министру иностранныхъ дѣлъ: «Прикажите Латуръ-Мобуру,—это былъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ,—чтобы онъ, насколько возможно, примирился съ Портой, и, не компрометируя себя, повелъ дѣло такъ, чтобы новый султанъ написалъ мнѣ и прислалъ посланника. Тогда и я отвѣчу ему, возобновлю съ нимъ сношенія и пошлю посланника» [1]). Такимъ образомъ должны создаться пути къ сближенію. Не приглашая еще Турцію вернуться къ нему, Наполеонъ позаботился о томъ, чтобы поставить ее на путь къ прежнимъ отношеніямъ. Онъ старается добиться отъ турокъ, чтобы они, не требуя съ его стороны формальныхъ обязательствъ, отдались въ его распоряженіе и положились на его волю.

Того же самаго хотѣлъ онъ добиться и отъ другого государства—отъ Швеціи, которой на сѣверѣ Европы предназначалась та же роль, что Турціи на югѣ, и значеніе которой обусловливалось не столько ея военнымъ могуществомъ, сколько ея топографическимъ положеніемъ. Пока онъ требуетъ отъ нея только болѣе ясно-выраженной услуги противъ Англіи и безусловнаго послушанія въ дѣлѣ борьбы съ нею, не рѣшая еще, какихъ услугъ придется ему потребовать отъ нея противъ русскихъ и что самъ для нея сдѣлаетъ. Но антагонизмъ между требованіями императорской политики и матеріальными интересами Швеціи, которая отстаивала ихъ всевозможными способами, и вызванныя такимъ антагонизмомъ страсти и народныя бѣдствія не позволяли ея правительству быть послушнымъ и покорно исполнять требованія императора, не получая за это никакого вознагражденія. Что ни день, неповиновеніе Швеціи доставляетъ Наполеону новые поводы сердиться на нее. Въ то же время ему приходится отмахиваться отъ несвоевременнаго усердія и докучливыхъ просьбъ. Характеръ человѣка, которому онъ поз-

---

[1]) Corresp., 17365.

волилъ подняться на ступени трона въ Стокгольмѣ, поразительно осложняетъ задачу его отношеній. Не имѣя въ виду ни окончательно ссориться со Швеціей, ни преждевременно связывать себя съ нею союзомъ, онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать такъ, чтобы достичь и той, и другой цѣли, и его отношенія къ Бернадоту, далеко не всегда одинаковыя за этотъ періодъ времени, довольно точно опредѣляютъ его теперешніе планы относительно Россіи.

III.

Выѣхавъ изъ Парижа съ измѣной въ душѣ, Бернадотъ не могъ удержаться, чтобы не отзываться дурно о своемъ бывшемъ повелителѣ. Онъ сдѣлалъ это при первомъ же свиданіи съ эмиссаромъ Россіи, который былъ уполномоченъ вызвать его на откровенныя бесѣды. Нескрываемое проявленіе неблагодарности, выказанное имъ въ присутствіи Чернышева [1]) въ 1811 г., было проявленіемъ его истинныхъ чувствъ. Впрочемъ, честью обязываясь—никогда не наносить вреда Россіи, онъ подчинялся и политической идеѣ, тому инстинкту дальновидности, который подсказывалъ ему, что въ будущемъ безопасность Швеціи покоится на примиреніи съ великой Восточной сосѣдкой, и который, отклоняя его отъ всякихъ попытокъ вернуть Швеціи Финляндію, побудилъ его перенести честолюбивыя стремленія новой его родины на Норвегію. Но, движимый желаніемъ понравиться царю, желая, чтобы у того не оставалось и тѣни прежней враждебности, увлеченный къ тому же потокомъ собственнаго воображенія, онъ сказалъ болѣе, чѣмъ хотѣлъ: его слова вышли за предѣлы его мыслей. Онъ выставилъ, какъ свою непреклонную волю, то, къ чему только стремился. Въ сущности, его политическая система не была выработана. Его неустойчивый и своенравный умъ постоянно переходилъ отъ одной мысли къ другой. Правда, онъ сразу же коснулся той почвы, на которую хотѣлъ поставить его русскій императоръ, но онъ не сталъ твердо на нее. Мы увидимъ, что вскорѣ онъ покинетъ ее и только длиннымъ обходомъ вернется назадъ.

Въ недѣли, слѣдующія за его первыми откровенными разговорами съ Россіей, измученный нашими требованіями относи-

---

[1]) См. томъ II, 514—519.

тельно блокады, оскорбленный властнымъ и рѣзкимъ тономъ, съ какимъ нашъ представитель въ Стокгольмѣ, бывшій членъ народнаго конвента Алькіѣръ, излагалъ эти требованія, онъ и самъ принялъ въ сношеніяхъ съ своей прежней родиной надменный тонъ. Того,—сказалъ онъ,—что всюду ведется контрабанда, что война съ англичанами остается «жалкой комедіей» [1]), никто не въ силахъ измѣнить. При малѣйшей просьбѣ онъ становился на дыбы. Какъ-то обратились къ королевскому правительству, чтобы оно, согласно традиціямъ стараго режима, дало Франціи извѣстное количество моряковъ или, еще лучше, цѣлый полкъ для несенія службы въ нашей арміи,—онъ отказался поддержать эти предложенія. «Какая мнѣ выгода, сказалъ онъ барону Алькіѣру, отправлять полкъ для вступленія въ ряды французской арміи?—Та, чтобы воспитать офицеровъ въ лучшей школѣ Европы, отвѣтилъ баронъ.—Знайте, милостивый государь, сказалъ Бернадотъ, что человѣка, создавшаго своими наставленіями и своимъ примѣромъ множество превосходныхъ офицеровъ и генераловъ во Франціи, вполнѣ достаточно для обученія и усовершенствованія его армій» [2]).

Отвѣтъ императора на подобное бахвальство не заставилъ себя ждать. Видя, что Бернадотъ все такой же, какимъ онъ его всегда зналъ, т. е. наглый хвастунъ, упрямый и несговорчивый, онъ отвернулся отъ него, отказался отъ непосредственной съ нимъ переписки, отозвалъ французскихъ адъютантовъ принца и предоставилъ его самому себѣ [3]). Въ январѣ 1811 г. отношенія держались на волоскѣ, какъ вдругъ Бернадотъ, по свойственному ему обыкновенію, быстро перемѣнилъ фронтъ и метнулся къ Франціи.

Такую перемѣну можно, прежде всего, объяснить самымъ прозаическимъ денежнымъ интересомъ. Въ своемъ новомъ положеніи Бернадотъ долженъ былъ отказаться отъ доходовъ, полагавшихся имперскому маршалу и принцу Понте-Корво. Переданный ему при отъѣздѣ, по приказанію императора, милліонъ быстро растаялъ, а шведскій сеймъ, въ виду бѣдности государства, назначилъ наслѣдному принцу, его женѣ и сыну весьма скудное

---

[1]) Выраженіе Алькіѣра, письмо къ Шампаньи отъ 19 ноября 1810 г.

[2]) Алькіѣръ Шампаньи, 6 января 1811 г.

[3]) Corresp., 17218 et 17229. Correspondance de Suède, aux archive des affaires étrangères, décembre 1810 et janvier 1811.

содержаніе. Видя, что его средства подходятъ къ концу, Бернадотъ началъ раскаиваться, что слишкомъ невнимательно отнесся къ монарху съ широкой натурой, щедроты котораго могли бы оказать ему полезную поддержку, и слѣдуетъ замѣтить, что его первыя заявленія о желаніи быть послушнымъ совпали съ письмомъ, въ которомъ онъ полагался на великодушіе императора и ходатайствовалъ о вознагражденіи за утраченные доходы.

Слѣдующая причина: вліяніе наслѣдной принцессы, пріѣхавшей уже въ это время къ своему супругу, было въ пользу Франціи. Чѣмъ дальше къ Сѣверу ѣхала Дезирѐ Клари, тѣмъ сильнѣе была охватывавшая ее невыносимая тоска. Ея мысли постоянно переносились къ блестящему и дорогому ей Парижу, къ горячо любимому парижскому обществу, куда она хотѣла сохранить за собой право пріѣзжать на отдыхъ. Поэтому она употребляла всѣ усилія, чтобы помѣшать разрыву, который навсегда заточилъ бы ее въ ея королевскомъ уединеніи [1]). Наконецъ, и самъ Бернадотъ, несмотря на всѣ старанія понравиться шведамъ, чувствовалъ, что не вполнѣ отвѣчаетъ ихъ ожиданіямъ. Вѣдь они избрали его въ надеждѣ тотчасъ же добиться, благодаря этому выбору, блестящаго результата, значительной выгоды, т. е. возврата при содѣйствіи Франціи Финляндіи или полученія соотвѣтствующаго вознагражденія. Бернадотъ же, въ ознаменованіе своего пріѣзда, одарилъ ихъ пока только объявленіемъ войны англичанамъ—дѣломъ крайне не популярнымъ. Видя, какъ изсякаетъ оказанное ему народомъ довѣріе, онъ чувствовалъ необходимость не откладывать удовлетворенія шведовъ; онъ понималъ, что нужно отплатить имъ за радушный пріемъ, и прекрасно сознавалъ, что только императоръ французовъ можетъ дать ему нужныя для этого средства.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что предметъ его вожделѣній измѣнился. Какъ ни казались несвязны и безпорядочны его порывы, они неизмѣнно стремились къ одной и той же цѣли; его политика вращалась около все той же, преслѣдующей его, идеи. Воспрещая себѣ даже мечтать о Финляндіи, онъ все боль-

---

[1]) Переписка прусскаго посланника въ Швеціи Тарраша съ его правительствомъ. Эта переписка, распечатанная, вѣроятно, французской почтой въ ганзейскихъ городахъ, находится на половину дешифрованная въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ше думалъ о Норвегіи. Онъ уже завелъ разговоръ объ этомъ въ Петербургѣ, но зналъ, что Россія,—предполагая даже, что она когда-нибудь и допуститъ расхищеніе Даніи,—согласится на это только позднѣе, черезъ довольно продолжительное время, при приближеніи или послѣ крупной передѣлки карты Европы. Наполеонъ же располагалъ настоящимъ. Ему стоило только сдѣлать одинъ жестъ, и слабый, покорный копенгагенскій дворъ преклонится предъ его волей и уступитъ шведамъ Норвегію за небольшое вознагражденіе въ Германіи. Какъ разъ въ это время Норвегія волновалась и, видимо, томилась подъ датскимъ игомъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Бернадотъ, не откладывая дѣла, высказалъ свою мысль представителю императора.

6 февраля, во время разговора съ Алькіѐромъ, онъ неожиданно разложилъ передъ нимъ карту. «Посмотрите, сказалъ онъ, чего намъ недостаетъ.—Вижу, отвѣтилъ Алькіѐръ: границы Швеціи закруглены со всѣхъ сторонъ, исключая Норвегіи. Вѣроятно, Ваше Высочество и говорите о ней?—Ну да, о ней. Она хочетъ отдаться намъ, простираетъ къ намъ руки, и теперь мы заняты тѣмъ, чтобы успокоить ее. Мы можемъ получить ее, предупреждаю васъ объ этомъ, и не отъ Франціи, а отъ другого государства.—Можетъ быть, отъ Англіи?—Ну да, отъ Англіи, но я заявляю вамъ, что хочу получить ее только отъ императора. Пусть Его Величество дастъ намъ ее, дабы нація могла повѣрить, что я добился для нея его покровительства; тогда я буду силенъ, внесу въ политику правительства потребныя перемѣны, буду повелѣвать именемъ короля и буду къ услугамъ императора» [1]). Затѣмъ пошли клятвы. Бернадотъ клялся «своей честью» закрыть въ королевство доступъ англійской торговлѣ. Въ случаѣ надобности, увѣрялъ онъ, онъ самъ выступитъ противъ этой гордой націи и побѣдитъ ее въ самой Англіи; противъ Россіи онъ предлагалъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ весной, а въ іюлѣ шестьдесятъ, но при условіи, что самъ будетъ командовать ими.

Эти формальныя предложенія отнюдь не мѣшали ему черезъ нѣсколько дней повторить царю увѣренія въ своей симпатіи и

---

[1]) Алькіѐръ Шампаньи, 7 февраля 1811 г. Часть этой депеши была опубликована преждевременно скончавшимся Geffroy въ его изслѣдованіяхъ: Les intérêts du Nord scandinave pendant la guerre d'Orient. Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1855.

добромъ расположеніи. Въ отвѣтѣ на письмо, въ которомъ Александръ просилъ его дружбы, онъ писалъ ему: «Да, Государь, я буду другомъ Вашего Величества, такъ какъ вы соблаговолили сказать мнѣ, что отъ души желаете быть моимъ другомъ» [1]). Соединимся, заключимъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и добромъ сосѣдствѣ, говорилъ онъ царю въ то самое время, когда предлагалъ Наполеону признать своими врагами всѣхъ настоящихъ и будущихъ враговъ Франціи.

Кого же обманывалъ Бернадотъ? Кому, въ концѣ-концовъ, хотѣлъ измѣнить? Прежнему ли повелителю или новому другу? Если Наполеонъ уважитъ его просьбу и приметъ его предложеніе, пріобрѣтетъ ли онъ, въ случаѣ войны съ Россіей, его безусловное послушаніе? Это было, по меньшей мѣрѣ, сомнительно. Бернадотъ былъ пропитанъ духомъ неповиновенія. Онъ доказывалъ это въ теченіе всей своей карьеры. Наполеонъ всегда находилъ въ немъ нерадиваго сотрудника и ненадежнаго помощника. Если теперь Бернадотъ цѣплялся за Норвегію, то, конечно, только потому, что это легкое завоеваніе, удовлетворяя народное самолюбіе, избавляло его отъ необходимости идти въ Финляндію. Захватъ Норвегіи освобождалъ его отъ обязательства возобновить и тянуть изъ-за Финляндіи вѣчную тяжбу съ Россіей и быть непримиримымъ врагомъ. Слѣдовательно, отдавъ ему Норвегію, Наполеонъ могъ разсчитывать только на то, чтобы до нѣкоторой степени ослабить въ немъ чувство непріязни, заручиться его нейтралитетомъ и, можетъ быть, призрачнымъ содѣйствіемъ. Вотъ все, на что можно было надѣяться. При оцѣнкѣ нынѣшней политики принца Алькіѣръ шелъ дальше императора. Этотъ усердный, но горячій и увлекающійся агентъ почти никогда не умѣлъ разгадать истинныхъ намѣреній Бернадота; въ невообразимой путаницѣ его словъ онъ не умѣлъ отличить, гдѣ истина, гдѣ поза. Обрисовавъ его, какъ человѣка, способнаго на всякаго рода предательство, онъ находилъ, что въ настоящее время онъ чистосердечно готовъ вернуться къ намъ и, указывалъ на этотъ моментъ, какъ на единственный, когда можно было снова овладѣть Швеціей.

Наполеонъ судилъ иначе. Во-первыхъ, манера требовать въ

---

[1]) См. Etude sur la Suède et la Norvège, опубликованное по подлиннымъ документамъ въ l'Univers pittoresque, 1838.

рѣзкой формѣ опредѣленнаго соглашенія, вынуждать его къ этому, не была ему по вкусу. Онъ хотѣлъ, чтобы Бернадотъ, вмѣсто того, чтобы назначать намъ время дѣйствія, ждалъ, когда мы пригласимъ его. Что же касается самого условія соглашенія, то мысль обобрать Данію, въ тѣхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, въ какихъ она была высказана, возмутила его чувства чести, справедливости и благодарности. Этотъ всемогущій человѣкъ относился съ уваженіемъ къ слабымъ, если находилъ, что они честны и прямодушны. Сверхъ того, до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній, онъ отказывался видѣть въ просьбѣ принца выраженіе обоснованной и вполнѣ созрѣвшей мысли, такъ какъ для того, чтобы эта мысль могла сдѣлаться основой національной политики, къ ней должно было присоединиться большинство шведовъ, а это требовало извѣстнаго времени. Постоянно разсматривая свои отношенія къ Швеціи подъ угломъ той глубоко-ошибочной идеи, что у шведовъ могла быть только одна политика—политика мести и вражды къ Россіи, онъ воображалъ, что, если ему придется порвать съ Александромъ, ему достаточно будетъ показать имъ концомъ своей шпаги на Финляндію, чтобы они бросились на эту добычу и ввязались въ драку, независимо отъ личныхъ чувствъ Бернадота. Поэтому онъ считалъ совершенно безполезнымъ останавливаться на болѣе или менѣе сумасбродныхъ идеяхъ, которыя возникали и роились въ неуравновѣшенномъ мозгу Бернадота; онъ не находилъ нужнымъ ни серьезно относиться къ его отклоненіямъ отъ предназначенной ему роли, ни разбираться въ его причудахъ. Вопросъ объ идеяхъ Бернадота не входилъ въ наши соображенія.

«Герцогъ Кадорскій, писалъ Наполеонъ Шампаньи, я внимательно прочелъ письма изъ Стокгольма. Въ головѣ шведскаго принца столько горячечнаго бреда и нескладныхъ мыслей, что я не придаю никакого значенія сообщеніямъ, которыя онъ сдѣлалъ барону Алькіѣру. Поэтому я желаю, чтобы о нихъ не сообщалось ни датскому, ни шведскому посланнику, и не хочу слышать о нихъ впредь до новаго моего приказанія» [1]).

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ предупредилъ Данію, не говоря ей, почему онъ это дѣлаетъ, чтобы она позаботилась защитить

---

[1]) Corresp., 17386. Cf. письмо Шампаньи Алькіѣру отъ 26 февраля 1811 г.

Норвегію отъ нечаяннаго нападенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ намѣтилъ для Алькіѣра путь, котораго тотъ долженъ держаться. Посланникъ—говоритъ онъ—не долженъ давать немедленнаго отвѣта на предложенія принца, ссылаясь на то, что на этотъ предметъ не получилъ никакихъ распоряженій. По истеченіи нѣкотораго времени онъ можетъ весьма осторожно, такъ, «чтобы не дать замѣтить, что это исходитъ изъ Парижа» [1]) намекнуть въ разговорѣ, что мысль присвоить Норвегію совершенно неосуществима и не отвѣчаетъ національнымъ традиціямъ; что она лишена политическаго смысла и что интересы Швеціи въ иномъ мѣстѣ. «Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, а также изъ соображеній, вытекающихъ изъ моего характера и моихъ понятій о чести, говоритъ императоръ, баронъ Алькіѣръ и долженъ отвѣчать. Ни складъ моего характера, ни моя честь не допускаютъ, чтобы одинъ изъ моихъ союзниковъ понесъ ущербъ вслѣдствіе союза со мной» [2]). На будущее время самое лучшее будетъ, продолжалъ онъ, если нашъ посланникъ будетъ избѣгать слишкомъ частыхъ свиданій съ шведскимъ Высочествомъ, если онъ впредь будетъ избѣгать неудобныхъ дружескихъ бесѣдъ и нежелательныхъ обсужденій. Нельзя соглашаться на просьбы принца, но, съ другой стороны, противорѣчіе только раздразнитъ его аппетитъ. Если же предоставить этотъ безтолковый умъ самому себѣ, онъ, быть можетъ, кончитъ тѣмъ, что, поволновавшись въ пустую, одумается и сдѣлается болѣе разсудительнымъ.

Около этого же времени Наполеонъ позволилъ вернуться въ Швецію одному изъ французскихъ адъютантовъ Бернадота, эскадронному командиру Женти-де-Сенъ-Альфонсу, отозванному вмѣстѣ съ другими французскими офицерами во Францію, и принялъ его передъ отъѣздомъ. На этой аудіенціи онъ говорилъ какъ человѣкъ, который зналъ, что думать объ истинныхъ чувствахъ принца, но его слова носили скорѣе отпечатокъ грусти и сожалѣнія, чѣмъ гнѣва; они сохраняли тонъ отеческаго наставленія. «Вы думаете, сказалъ онъ, я не знаю, какъ онъ говоритъ всякому, кто не прочь его слушать: «Слава Богу, я больше не въ его лапахъ», и тысячи другихъ нелѣпостей, о которыхъ я не хочу говорить. Онъ не понимаетъ, что все это падетъ на его же голову, и что есть люди, всегда готовые извлечь выгоду

---

[1]) Corresp., 17386.

[2]) Id.

изъ его непослѣдовательности. Правда, онъ порядочно бѣсилъ меня, пока былъ здѣсь. Вамъ это извѣстно: вы его другъ. Впрочемъ, съ этимъ уже покончено. Я надѣялся, что въ новой сферѣ его голова успокоится, и онъ будетъ вести себя благоразумнѣе».

Женти-де-Сенъ-Альфонсъ, которому было сдѣлано это внушеніе, принялся горячо защищать своего принца. Онъ распространился о тѣхъ услугахъ, которыя Швеція готова оказать намъ во всякомъ дѣлѣ и въ особенности противъ Россіи. Но это усердіе, явившееся въ самое послѣднее время, показалось императору подозрительнымъ или, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнымъ. «Вы все время говорите мнѣ о русскихъ, сказалъ онъ, но вѣдь я не веду войны съ русскими; если это случится, ну, тогда мы увидимъ. Теперь же вопросъ идетъ только о войнѣ съ Англіей».

Тѣмъ не менѣе, онъ задалъ много вопросовъ о шведской арміи, освѣдомился о ея организаціи, о ея боевой цѣнности, и кончилъ тѣмъ, что указалъ планъ поведенія, какого, по его мнѣнію, слѣдуетъ придерживаться принцу. Онъ сказалъ, что какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ принцъ не долженъ компрометировать себя безполезными интригами, а долженъ ждать благопріятнаго времени и быть осторожнымъ. «Ему слѣдуетъ идти прямо своей дорогой и при первой же возможности доставить военную славу своей странѣ. Всѣ партіи смолкнутъ и сгруппируются около того принца, который прославитъ свою страну. А у принца есть все, что нужно для этого. Онъ умѣетъ командовать арміей; онъ можетъ сдѣлать славныя дѣла» [1]). Итакъ, въ этихъ замаскированныхъ словахъ принцу предлагалось—какъ лучшее средство, установить свою популярность и обезпечить свое положеніе—блестящее дѣло по ту сторону Балтійскаго моря, т. е. война противъ традиціоннаго врага Швеціи. Бернадоту, мечтавшему неправеднымъ путемъ присвоить себѣ Норвегію, онъ указывалъ на Финляндію, предлагая пріобрѣсти ее открытой си-

---

[1]) Отчетъ объ этомъ разговорѣ находится въ письмѣ Женти-де-Сентъ-Альфонса къ Бернадоту отъ 19 февраля 1811 г. Копія съ него находится въ національныхъ архивахъ со слѣдующей помѣткой: „Это письмо написано шведскому наслѣдному принцу его адъютантомъ Женти. Такъ какъ лицо, которому оно было поручено, должно было уѣхать только въ субботу (завтра), то письмо успѣли выкрасть, снять копію, снова запечатать и незамѣтно положить на мѣсто". AF, IV, 1700.

лой, но позволялъ предвидѣть эту цѣль только въ далекомъ и туманномъ будущемъ.

Это заявленіе о непріемлемости, чего Бернадотъ вовсе не ожидалъ, не обезкуражило его. Онъ счелъ долгомъ упорно настаивать на своей просьбѣ, тѣмъ болѣе, что одно событіе внутренняго порядка возложило на него судьбы Швеціи. Совсѣмъ больной, съ каждымъ днемъ слабѣющій король назначилъ его регентомъ. Облеченный отнынѣ королевскими прерогативами, сознавая, что вмѣстѣ съ властью возрастаетъ и его отвѣтственность, Карлъ-Іоаннъ съ упорствомъ фанатика предался мысли немедленно доставить шведамъ какую-нибудь выгоду, которая заставила бы смолкнуть оппозицію. За предметомъ ихъ удовлетворенія онъ прибѣгъ къ императору, верховному распредѣлителю всѣхъ благъ міра. Онъ умолялъ его, преслѣдовалъ его всевозможными способами, и безъ устали просилъ, назойливо протягивая руку.

Не было средствъ, къ которымъ бы онъ не прибѣгалъ, чтобы заставить принять свои требованія. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе пріемлемыми, онъ сократилъ ихъ. Запросивъ сперва всю Норвегію цѣликомъ, онъ готовъ былъ удовольствоваться сѣверной ея частью, епископствомъ Тронтгеймомъ съ его угодьями. Затѣмъ пошли любезности всякаго рода, ласковыя слова, безконечные знаки вниманія. Онъ предложилъ моряковъ— вполнѣ снаряженный полкъ, обѣщалъ наложить арестъ на англійскіе товары, обѣщалъ употребить противъ контрабандной торговли примѣрныя строгія мѣры. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ не переставалъ давать обѣщанія [1]). Въ промежуткахъ между своими требованіями и обѣщаніями, онъ давалъ понять, что Россія прилагаетъ всѣ старанія привлечь его на свою сторону. Онъ приказалъ сказать Алькіѐру, что императоръ Александръ предлагаетъ ему часть Финляндіи. Это была ложь [2]). Стараясь показать, что его осаждаютъ съ предложеніями, которыхъ, въ дѣйствительности, онъ не получалъ, онъ надѣялся возбудить соревнованіе Франціи и добиться надбавки.

Но его уловки не трогали императора. Ни пущенныя въ

---

[1]) Алькіѐръ Шампаньи, 12, 20, 22 и 27 марта, 30 мая.

[2]) Въ перепискѣ шведскаго посланника въ Россіи, которая хранится въ архивахъ Стокгольма и съ которой мы познакомились, нигдѣ не упоминается о подобномъ предложеніи.

ходъ принцемъ подзадориванія, ни его многорѣчивыя просьбы не обладали даромъ вывести Наполеона изъ занятаго положенія. Онъ по-прежнему и слышать не хотѣлъ о Норвегіи. До тѣхъ поръ, пока ему важно было поддерживать добрыя отношенія съ Россіей, пока онъ считалъ нужнымъ держаться выжидательной политики, онъ рѣшилъ не вступать въ переговоры съ Бернадотомъ. Не довѣряя человѣку, не умѣвшему обуздать ни своихъ мыслей, ни своего языка, онъ сталъ смотрѣть на него, какъ на самаго неудобнаго союзника. Они расходились не только относительно предмета соглашенія, но, и это главное, относительно момента для соглашенія. Въ инструкціяхъ своему представителю въ Швеціи Наполеонъ постоянно запрещаетъ тому соглашаться на что бы то ни было въ настоящій моментъ, ни въ чемъ не отказывая наотрѣзъ въ будущемъ. Онъ приказываетъ поддерживать надежды шведовъ, направляя ихъ въ полезную сторону, т. е. на Финляндію; но Алькіѣръ долженъ пустить въ дѣло все свое искусство, чтобы выполнить это осторожно и съ чувствомъ мѣры. Главная же задача въ настоящее время—это не давать Россіи повода къ тревогѣ. Нашъ посланникъ долженъ опровергать всякій слухъ о разрывѣ между императорами; долженъ жить въ дружбѣ съ своимъ русскимъ коллегой. Не проповѣдуя шведамъ забвенія и прощенія обидъ, онъ долженъ совѣтовать имъ не спѣшить съ требованіемъ возврата Финляндіи и отклонять ихъ отъ несвоевременнаго вызова. «Не подстрекать, а успокаивать; разоружать, а не вооружать» [1])—вотъ въ чемъ должна быть его задача.

IV.

Воздерживаясь временно отъ побочныхъ союзовъ, Наполеонъ сохранялъ за собой возможность вернуться къ Россіи и съ полнымъ правомъ сослаться на то, что не мѣнялъ своего направленія; что твердо держится избраннаго пути и не связанъ никакимъ союзомъ, помимо союза, заключеннаго въ счастливые дни Тильзита и Эрфурта [2]). Онъ постоянно высказываетъ желаніе сохранить союзъ, укрѣпить его и вернуть ему прежніе силу и

---

[1]) Corresp., 17386.

[2]) См. его инструкцію отъ 17 февраля герцогу Виченцы. Corresp., 17366.

блескъ. Высказавъ такое желаніе, онъ уже не боится смѣло приступить къ разсмотрѣнію возникшихъ недоразумѣній и дѣлаетъ ихъ предметомъ горячихъ преній. Предлагая вознаградить герцога Ольденбургскаго, онъ проситъ Россію, если она не считаетъ Эрфуртъ пріемлемымъ возмѣщеніемъ, указать ему другое; но при этомъ ссылается на собственныя обиды, и, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, указываетъ на ихъ тяжесть. Его рѣчь представляетъ сочетаніе правдивости съ хитростью; среди коварныхъ пріемовъ усыпляющей политики въ ней прорываются откровенно-грубыя признанія. Скрывая свои военныя приготовленія, всѣми способами стараясь распространить мнѣніе, что еще не готовится къ войнѣ, онъ вездѣ и во всеуслышаніе заявляетъ, что начнетъ ее,—начнетъ тотчасъ же, если императоръ Александръ подпишетъ миръ съ англичанами. Онъ не скрываетъ, что цѣлый рядъ подмѣченныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ симптомовъ въ состояніи возбудить въ немъ опасенія подобнаго нарушенія законныхъ требованій союза. Этими предостереженіями и угрозами онъ надѣется застращать Россію, задержать или даже остановить ея стремленіе къ Англіи и, быть можетъ, вернуть ее на путь истинный.

Поводъ къ страстнымъ, напыщеннымъ заявленіямъ даетъ ему, прежде всего, указъ. По его словамъ, эта мѣра нанесла ударъ самымъ чувствительнымъ сторонамъ его политики—его заботамъ о благосостояніи подданныхъ, въ особенности, попеченіямъ о ихъ славѣ и ихъ достоинствѣ. Не безъ основанія можно думать, что онъ нарочно преувеличиваетъ вполнѣ понятное неудовольствіе и искусственно возбуждаетъ свой гнѣвъ; что онъ пользуется этимъ, какъ средствомъ ускользнуть отъ упрековъ, которые Россія въ правѣ сдѣлать ему по поводу Ольденбурга [1]). Чтобы замять дѣло, которое онъ самъ заварилъ и беззаконіе котораго онъ отлично сознаетъ, онъ всячески старается выдвинуть на первый планъ другое дѣло, въ которомъ онъ несомнѣнно правъ. Онъ преувеличиваетъ его значеніе, придаетъ рѣзкій оттѣнокъ своимъ словамъ, возвышаетъ голосъ. Чтобы не защищаться, онъ прибѣгаетъ къ нападенію; чтобы заглушить жалобы Россіи, онъ самъ жалуется и кричитъ громче ея. Въ мартѣ онъ приказываетъ отправить герцогу Виченцы

---

[1]) Эта мысль ясно выступаетъ въ составленномъ 12 февраля 1811 г. проектѣ инструкціи герцогу Виченцы. Archives nationales, AF, IV, 1699.

разработанный имъ самимъ грозный обвинительный актъ, который долженъ быть предъявленъ петербургскому кабинету по поводу указа. Онъ загромождаетъ его звучными междометіями, высокопарными восклицаніями, бьющими на эффектъ фразами. Похоже на то, что для составленія этой дипломатической тирады онъ бралъ уроки у Тальма.

«Жалуйтесь, милостивый государь, на поведеніе Россіи и, главнымъ образомъ, на столь мало-дружественный указъ отъ 19—31 декабря, пишетъ, по приказанію императора, Шампаньи Коленкуру. И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ—можно ли представить себѣ мирное, а тѣмъ болѣе союзное положеніе, когда одна изъ союзныхъ націй сжигаетъ всѣ ввозимыя къ ней произведенія другой націи? Къ какому результату могутъ привести подобныя *autodafe*? Развѣ считаютъ насъ за націю, глухую къ голосу чести? Люди, которые совѣтуютъ русскому императору эти мѣры, суть люди вѣроломные, злоупотребляющіе его характеромъ. Они отлично понимаютъ, что сжигать ліонскія матеріи—значитъ отчуждать одну націю отъ другой; они знаютъ, что отнынѣ война будетъ зависѣть отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка.

«... Итакъ, торговыхъ сношеній между обѣими имперіями болѣе не существуетъ. Развѣ это миръ и союзъ? Такія ли мысли были у русскаго императора въ Тильзитѣ? Такія ли чувства привели его въ Эрфуртъ? Императоръ Александръ отлично знаетъ, какіе поступки могутъ нравиться и имѣть успѣхъ во Франціи. Онъ пошелъ на эти мѣры только потому, что его ожесточили, представляя ему дѣло въ превратномъ видѣ. Сколько зла можетъ надѣлать указъ! Вездѣ смотрятъ на него, какъ на враждебную мѣру. Пусть не защищаютъ его, говоря, что каждый въ правѣ дѣлать у себя дома, что ему нравится. Если бы въ Парижѣ стали оскорблять русскихъ, если бы стали издѣваться надъ ними въ нашихъ театрахъ, если бы французы и русскіе съ ожесточеніемъ занялись уничтоженіемъ продуктовъ и издѣлій союзной страны, сказалъ ли бы кто-либо, что, поступая такимъ образомъ, пользуются только законнымъ правомъ? И подобныя обиды наносятся не только при мирномъ положеніи, но при существованіи самаго тѣснаго союза! Императоръ мнѣ сказалъ, что онъ скорѣе предпочелъ бы получить пощечину, чѣмъ видѣть, какъ сжигаются издѣлія и произведенія промышленности его подданныхъ. Нѣтъ! Подобные поступки могла вну-

шить только ненависть. Французская нація — нація воспріимчивая и пылкая; она очень чувствительна къ вопросамъ чести; она сочтетъ за безчестіе, если будутъ сжигать то, что идетъ изъ Франціи» [1]).

Въ инструкціи было прибавлено, что, хотя императоръ крайне раздраженъ, но что изъ-за указа онъ не начнетъ войны. Онъ удовольствуется тѣмъ, что будетъ держаться относительно русскихъ закона око-за-око, и, не касаясь политическихъ отношеній, будетъ сжигать ихъ товары. Но, говорится далѣе въ инструкціи, будетъ ли онъ въ состояніи поддерживать мысль о существованіи союза въ умѣ своихъ подданныхъ, по-истинѣ дошедшихъ до высокой степени раздраженія? Будетъ ли онъ въ состояніи бороться съ негодованіемъ и возмущеніемъ общественнаго мнѣнія? «Великія государства, а, въ особенности, великія націи, не столь увлекаются корыстью, сколько вопросами чести. Поэтому-то императоръ особенно обезпокоенъ той взаимной враждой, которая должна будетъ вспыхнуть при одномъ уже созерцаніи зрѣлища, какъ будутъ сжигаться французскіе товары въ Россіи, а русскіе во Франціи. Что можетъ быть проще для натравливанія другъ на друга обѣихъ націй, и будетъ ли во власти тѣхъ, кто ими управляетъ, оказать противодѣйствіе послѣдствіямъ слѣпого озлобленія?» Не будетъ ли императоръ поставленъ въ необходимость подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія порвать съ государствомъ, которое, по его мнѣнію, привязано къ нему неразрывными узами и которое ему угодно было усилить собственными руками? «Неужели, въ награду за эту великую услугу, императоръ вынужденъ будетъ объявить Россіи войну, дабы спасти свою честь и во избѣжаніе упрека, что на вершинѣ своей славы примирился съ тѣмъ, чего не перенесъ бы уснувшій въ объятіяхъ мадамъ Дюбарри Людовикъ XV!»

Несмотря на то, что негодованіе Наполеона вылилось въ столь краснорѣчивомъ потокѣ, онъ слишкомъ хорошо зналъ свои интересы и настоящее положеніе своихъ силъ, чтобы не требовать отмѣны указа. Онъ сознавалъ, что императоръ Александръ никогда не согласится по предписанію, идущему изъ-за границы, отмѣнить мѣру внутренняго законодательства; что такое требованіе преждевременно ускоритъ разрывъ. Поэтому онъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 152.

требуетъ только, чтобы не приводилось въ исполненіе самое возмутительное въ предписаніяхъ указа,—чтобы приказаніе сжигать наши товары осталось мертвой буквой. «Добейтесь, милостивый государь,—говорится далѣе въ инструкціи,—секретнаго обѣщанія, что сжиганіе не будетъ примѣняться къ французскимъ товарамъ. Императору необходимо быть успокоеннымъ относительно этого вопроса, дабы установить на твердыхъ началахъ политику, сильно расшатанную столь недружелюбнымъ актомъ».

Далѣе ставится вопросъ, пожелаетъ ли Россія дать намъ болѣе полное удовлетвореніе, и указывается, что она можетъ сдѣлать это, не прибѣгая къ унизительному для нея отреченію отъ статей указа, ибо—въ ожиданіи составленія торговаго трактата, на основаніи котораго надлежало установить экономическія отношенія—тильзитскій договоръ возстановлялъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они были до войны. Запрещая ввозъ французскихъ товаровъ, указъ нарушилъ статью договора, но отъ Александра зависитъ снова вступить на законный путь: слѣдуетъ только дать согласіе на переговоры и заключить торговый трактатъ, точно предусмотрѣнный политическимъ договоромъ. Торговый трактатъ повлечетъ за собой измѣненіе обѣими сторонами дѣйствующихъ тарифовъ, не вынуждая русское правительство путемъ односторонней и необычной мѣры отрекаться отъ постановленій указа. «При обсужденіи торговаго трактата, говорится далѣе, императоръ будетъ уступчивъ. Напримѣръ, онъ допуститъ слѣдующую статью: сукна, шелкъ, драгоцѣнныя вещи и предметы роскоши могутъ ввозиться въ Россію: 1) если они французскаго производства; 2) при условіи вывоза изъ Россіи на равную сумму дерева, пеньки, желѣза, золота и другихъ произведеній». Такимъ образомъ, часть нашего производства снова найдетъ сбытъ на Сѣверѣ, не давая въ общемъ прибыли ни той, ни другой націи, такъ какъ цифра ввоза будетъ строго-пропорціональна цифрѣ вывоза; торговый балансъ никогда не будетъ нарушаться въ ущербъ Россіи, но и Франція не будетъ подъ угрозой оскорбительнаго исключенія.

Побудить начать переговоры о торговомъ трактатѣ—вотъ къ чему должны быть направлены усилія посланника. Пусть онъ настаиваетъ на этомъ и въ министерствѣ, и въ разговорахъ съ государемъ, но въ разныхъ выраженіяхъ. Въ министерствѣ

онъ долженъ пользоваться сильными доводами и выраженіями, данными въ инструкціи; съ царемъ же стать на иную почву. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ долженъ дать почувствовать, что сдерживаетъ свое негодованіе; долженъ обращаться, главнымъ образомъ, къ чувствамъ, къ воспоминаніямъ, которыя, можетъ быть, сохранили еще нѣкоторое вліяніе на умъ государя. «Разговаривая съ императоромъ Александромъ, обращайтесь также къ его сердцу; затроньте его честь и чувствительное сердце. Скажите ему, что государь, котораго онъ ставитъ въ тяжелое положеніе—тотъ самый, который, по его собственному признанію, оказалъ ему большую услугу; тотъ, которому онъ сказалъ въ Тильзитѣ въ день, который разсматривалъ, какъ годовщину Полтавы: «Вы спасли русское государство».

Въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Александромъ Наполеонъ всегда старается играть на его чувствительныхъ стрункахъ. Онъ не хочетъ прерывать съ нимъ непосредственной переписки и 28 февраля поручаетъ Чернышеву отвезти царю длинное письмо. Оно составлено съ удивительнымъ искусствомъ, тѣмъ болѣе глубокимъ, что императоръ старается придать своимъ словамъ характеръ грубой откровенности. Разсыпаясь въ увѣреніяхъ и разсужденіяхъ, имѣющихъ успокоительное значеніе, Наполеонъ откровенно высказываетъ свои обиды, и не скрываетъ послѣдствій, которыя вызоветъ сближеніе съ англичанами. Но все сказано такъ просто, такъ естественно, съ такимъ удачнымъ сочетаніемъ кротости и твердости, что нужно быть очень подозрительнымъ и недовѣрчивымъ, чтобы между строкъ искать неблаговидныя намѣренія.

Письмо начинается въ нѣжно-грустномъ тонѣ. «Поручаю графу Чернышеву сказать Вашему Величеству о моихъ чувствахъ къ вамъ. Мои чувства не измѣнятся, хотя я не могу скрыть отъ себя, что Ваше Величество уже не относится ко мнѣ съ прежней дружбой. Вы приказываете передавать мнѣ протесты и дѣлаете всякаго рода затрудненія насчетъ Ольденбурга, не считаясь съ тѣмъ, что географическое положеніе этой страны, которая всегда была центромъ контрабанды съ Англіей, ставитъ меня въ необходимость, для блага моей имперіи и ради успѣха начатой мною борьбы, присоединить Ольденбургъ къ моему государству, и, невзирая на то, что я не прочь дать соотвѣтствующее вознагражденіе. Послѣдній указъ Вашего

Величества, по существу, а, главнымъ образомъ, по формѣ, направленъ исключительно противъ Франціи... Таковъ взглядъ всей Европы, и въ глазахъ Англіи и Европы нашъ союзъ не существуетъ болѣе. Конечно, если бы онъ неизмѣнно существовалъ въ душѣ Вашего Величества, какъ существуетъ въ моей душѣ, это общее мнѣніе не было бы большимъ несчастьемъ.

«Да позволитъ мнѣ Ваше Величество высказаться откровенно. Вы забыли, сколько пользы извлекли изъ союза; но прослѣдите всѣ событія со времени Тильзита...» Здѣсь Наполеонъ въ сильныхъ выраженіяхъ напоминаетъ, какъ, ради Россіи, пожертвовалъ нашими исконными союзниками, какъ отдалъ прекраснѣйшую провинцію Швеціи, отдалъ Валахію и Молдавію—«огромное пріобрѣтеніе, цѣлую треть европейской Турціи». —«Наушники, натравленные Англіей,—продолжалъ онъ,—прожужжали Вашему Величеству всѣ уши злостными намеками. Они говорятъ, будто я хочу возстановить Польшу. Никто не помѣшалъ бы мнѣ сдѣлать это въ Тильзитѣ: черезъ двѣнадцать дней послѣ битвы при Фридландѣ, я могъ быть въ Вильнѣ. Если бы я хотѣлъ возстановить Польшу, я могъ бы заручиться согласіемъ Австріи въ Вѣнѣ; она просила о сохраненіи за нею ея старыхъ провинцій и сообщеній съ моремъ, предлагая перенести всѣ жертвы на свои польскія владѣнія. Я могъ бы сдѣлать это въ 1810 г., въ то время, когда всѣ русскія войска были заняты противъ Порты. Я могъ бы сдѣлать это еще и теперь, не дожидаясь, чтобы Ваше Величество закончили войну съ Портой миромъ, который, вѣроятно, будетъ заключенъ въ теченіе этого лѣта. Я не воспользовался ни однимъ изъ указанныхъ обстоятельствъ, слѣдовательно, возстановленіе Польши не входитъ въ мои планы. Но разъ я ни на іоту не хочу измѣнять положенія Польши, я въ правѣ требовать, чтобы никто не вмѣшивался въ мои дѣла по сю сторону Эльбы. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что наши враги дѣйствуютъ успѣшно. Укрѣпленія, которыя приказано воздвигнуть Вашимъ Величествомъ въ двадцати мѣстахъ на Двинѣ; протесты, высказанные княземъ Куракинымъ по поводу Ольденбурга и, наконецъ, указъ—ясно доказываютъ это. Что же касается меня, я остаюсь по отношенію къ вамъ все тѣмъ же, но меня угнетаетъ очевидное значеніе этихъ фактовъ и мысль, что Ваше Величество намѣрены, лишь только позволятъ обстоятельства, войти въ соглашеніе съ Англіей, а

это значитъ вызвать между нашими имперіями войну. Очевидно, что, если Ваше Величество откажется отъ союза со мной и сожжетъ тильзитскій договоръ, слѣдствіемъ этого будетъ война, нѣсколькими мѣсяцами раньше или позже. Чтобы подготовиться къ ней потребуется съ той и другой стороны напряженіе всѣхъ средствъ обѣихъ имперій. Конечно, все это крайне прискорбно. Если Ваше Величество не намѣрены примириться съ Англіей, вы поймете, что необходимо, какъ для васъ, такъ и для меня, разсѣять эти тучи. Прошу Ваше Величество прочесть это письмо безъ задней мысли и видѣть въ немъ только желаніе придти къ соглашенію, желаніе устранить съ обѣихъ сторонъ всяческое недовѣріе и во всѣхъ отношеніяхъ вернуть обѣ націи къ той близости союза, которая такъ счастливо существуетъ почти четыре года» [1]).

Итакъ, возвратъ къ прошлому путемъ соглашенія по спорнымъ вопросамъ—вотъ задача, къ рѣшенію которой Наполеонъ приглашалъ Александра. Однако, допуская, что Наполеонъ добился бы торговаго трактата и что дѣло Ольденбурга было бы окончено принятіемъ вознагражденія, заявилъ ли бы онъ, а главное, считалъ ли бы себя удовлетвореннымъ вполнѣ? Развѣ не было у него затаенной, постоянно-существующей претензіи? Развѣ не было у него, какъ и у Александра, скрытой обиды, болѣе тяжкой, чѣмъ всѣ остальныя? Стоитъ только поглубже вникнуть въ его политику, заглянуть въ тайные изгибы его мысли, чтобы найти эту обиду.

Въ глубинѣ души онъ ставилъ русскимъ въ упрекъ не столько то, что они закрыли свои границы нашимъ товарамъ, сколько то, что открыли гавани британскимъ—тѣмъ колоніальнымъ продуктамъ, которые привозились къ нимъ такъ называемыми нейтральными судами и которые Англія, подъ опасеніемъ банкротства и позорнаго разоренія, должна была сбыть во что бы то ни стало. Спасая такимъ потворствомъ нашихъ враговъ, Александръ только обходилъ, а не нарушалъ условія союза. Эти условія, обязывая его быть врагомъ нашихъ враговъ, предписывали ему прогнать англійскія суда, но не запрещали принимать нейтральныхъ. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ былъ правъ, сто разъ правъ, утверждая, что нейтральныхъ судовъ не суще-

---

[1]) Corresp, 17395.

ствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ Англія стала выдавать разрѣшенія на свободное плаваніе только тѣмъ судамъ, которыя соглашались плавать за ея счетъ, которыя вывозили принадлежащіе ей колоніальные товары и сдѣлались ея агентами, помощниками и сообщниками. Его взглядъ основывался на вѣрной оцѣнкѣ фактовъ, но не могъ быть юридически доказанъ на дѣлѣ. Въ виду того, что въ прошломъ году императору не удалось никакими доводами убѣдить Александра принять его взгляды, онъ воздерживался теперь возвращаться къ этому вопросу; онъ не хотѣлъ требовать того, чего не въ состояніи былъ предписать [1]). Онъ избѣгалъ говорить о главномъ своемъ требованіи раньше, чѣмъ овладѣетъ достаточной территоріей въ Германіи и снова займетъ по отношенію къ Россіи положеніе, настолько сильное, чтобы русскій дворъ могъ взвѣсить послѣдствія отказа и не рисковать съ легкимъ сердцемъ. Затягивая въ настоящее время споръ по второстепеннымъ вопросамъ, онъ старается выиграть время, чтобы закончить свои вооруженія. Пользуясь предварительными переговорами, онъ подготовляетъ пути къ болѣе опредѣленной сдѣлкѣ, на тотъ случай, если бы размышленія и планы Александра сдѣлали ее возможной въ будущемъ.

Итакъ, нельзя сказать, чтобы изъ его сношеній съ Россіей было устранено всякое доброе чувство. Онъ ведетъ переговоры съ искреннимъ желаніемъ успѣха, но уже не вѣритъ въ успѣхъ, ибо отлично понимаетъ, что царь слишкомъ отдалился отъ него, чтобы когда-нибудь искренно, всецѣло и безповоротно вернуться къ нему и подчиниться условіямъ, которыхъ требуетъ возобновленіе союза. Кромѣ того, онъ сознаетъ, что, несмотря ни на что, Англія продолжаетъ сѣять раздоръ въ Европѣ, что она оспариваетъ ее у него. Онъ знаетъ, что эта, ненавистная ему, но великая Англія одарена таинственной, какъ бы магнетической силой; онъ чувствуетъ, что именно въ ея рукахъ тотъ неотразимый магнитъ, который влечетъ и притягиваетъ къ себѣ одно за другимъ всѣ государства, лишь только онъ самъ перестаетъ держать ихъ въ матеріальной и моральной зависимости. Россія уже внѣ сферы его вліянія. Онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что она близка къ переходу на сторону врага, къ союзу

---

[1]) По этому поводу см. конфиденціальное письмо министра иностранныхъ дѣлъ къ нашему посланнику въ Россіи, отъ 19 ноября 1811 г.

съ нашимъ противникомъ; что, въ концѣ-концовъ, она пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ шла Пруссія въ 1806 г. и, позднѣе, Австрія. Стоитъ только прочесть письмо Наполеона отъ 2 апрѣля къ вюртембергскому королю: въ немъ легко найти этотъ взглядъ; въ немъ онъ выводитъ и превосходно развиваетъ его на основаніи текущихъ событій.

Извѣщенный о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ, призванный принять въ нихъ участіе, вюртембергскій король смѣло представилъ свои возраженія и указалъ на опасность новаго конфликта. Наполеонъ настолько уважалъ его, что снизошелъ до объясненій съ нимъ и отчасти открылъ ему свои мысли. Онъ напомнилъ, «что въ Россіи только одинъ императоръ противъ Англіи и только онъ одинъ стоитъ за союзъ». Но, что, по нѣкоторымъ важнымъ признакамъ, видно, что русскій государь уже не борется съ охватившими его со всѣхъ сторонъ враждебными намъ теченіями, что онъ уступаетъ давленію окружающей его атмосферы, и, можетъ быть, настолько далеко зашелъ въ своей уступчивости, что не въ силахъ будетъ вернуть себѣ свободу дѣйствій, допуская даже, что въ одинъ прекрасный день глаза его и откроются и онъ пойметъ опасность. «Отношенія между великими націями, пишетъ онъ, опредѣляются поведеніемъ правителей, но ихъ неудержимо несетъ за собой потокъ общественнаго мнѣнія. Прусскій король не мѣшалъ стремленію къ войнѣ, когда до нея было еще далеко. Онъ хотѣлъ предотвратить ее, когда это было уже внѣ его власти, и плакалъ въ предчувствіи послѣдствій. То же самое было и съ австрійскимъ императоромъ; онъ допустилъ вооруженіе ландвера; а это, лишь только вооруженіе ландвера закончилось, увлекло его въ войну. Я недалекъ отъ мысли, что то же самое можетъ случиться и съ императоромъ Александромъ. Русскій императоръ уже далекъ отъ духа Тильзита, ибо всѣ идеи о войнѣ идутъ изъ Россіи. Если императоръ желаетъ войны, настроеніе общественнаго мнѣнія совпадаетъ съ его намѣреніями. Если же онъ противъ войны, но не остановитъ быстро этого теченія, то на будущій годъ, помимо своей воли, будетъ увлеченъ въ войну. Война вспыхнетъ вопреки его желанію, вопреки моему, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Мнѣ слишкомъ часто приходилось видѣть это, чтобы мой опытъ не раскрылъ предо мной такого будущаго. Все это

оперныя подмостки, за которыми орудуютъ англичане. Если что-нибудь можетъ помочь въ этомъ положеніи, то только мое откровенное объясненіе съ Россіей... Разъ я не хочу войны и, въ особенности, если я очень далекъ отъ желанія быть ради Польши Донъ-Кихотомъ, я въ правѣ требовать, чтобы Россія оставалась вѣрна союзу, и долженъ принять мѣры, чтобы, по окончаніи ею войны съ Турціей—что, вѣроятно, случится этимъ лѣтомъ—не позволить ей сказать мнѣ: «Я отказываюсь отъ союза и заключаю миръ съ Англіей». Со стороны императора это будетъ равносильно объявленію мнѣ войны, ибо, если я самъ не заявлю о разрывѣ, англичане, найдя способъ измѣнить союзъ въ нейтралитетъ, конечно, найдутъ способъ превратить нейтралитетъ въ войну. Сохранимъ ли мы миръ? Я все еще надѣюсь на это; но необходимо вооружиться...» [1]).

Но, чтобы онъ ни говорилъ, хотѣлъ ли онъ—положа руку на сердце—избѣгнуть кризиса? Правда онъ далекъ отъ того, чтобы не признавать его значенія и опасностей. Кромѣ того, и самъ онъ уже не тотъ, что былъ. Онъ не чувствуетъ уже влеченія къ войнѣ и къ ея трагической обстановкѣ. Онъ находитъ, что достаточно подвергался риску, достаточно пожалъ лавровъ. Иногда на него нападаетъ нѣчто въ родѣ страха при мысли скомпрометировать свое славное достояніе. Но онъ все-таки говоритъ себѣ, что, для достиженія высшихъ цѣлей его политики, нѣтъ такой сдѣлки, какъ бы удовлетворительна она ни была, которая могла бы замѣнить побѣдоносную кампанію, ибо только такая кампанія далеко отброситъ русскихъ и устранитъ ихъ изъ Европы; только она сдѣлаетъ его властелиномъ Европы, передъ которымъ никто не посмѣетъ пикнуть; только тогда Англія лишится надежды находить союзниковъ на континентѣ и поддерживать распрю; только тогда она пойметъ безполезность борьбы и покорно преклонится передъ нимъ,—только тогда изсякнетъ источникъ войнъ, настанетъ всеобщій миръ, и Франція отдохнетъ на высотѣ могущества и славы.

Для приданія бо́льшей силы этимъ доводамъ, вытекающимъ изъ потребностей настоящаго момента, Наполеонъ изыскиваетъ и находитъ основательные поводы къ войнѣ, обращая свои взоры къ потребностямъ будущаго. По обыкновенію его воображе-

---

[1]) Corresp., 17553.

ніе строитъ теорію, исходя изъ текущихъ требованій его политики; онъ создаетъ прекрасное и величественное зданіе, покоющееся на положительныхъ данныхъ настоящаго времени и пророческомъ предвѣдѣніи будущаго, и самъ поддается его очарованію. Онъ чувствуетъ, что будущее принадлежитъ государствамъ съ обширной территоріей, съ громаднымъ населеніемъ. Онъ видѣлъ, что въ то время, какъ онъ завоевывалъ Европу, Англія вознаграждала себя за счетъ всего свѣта — завоевывала моря, хозяйничала на нихъ, присваивала себѣ всѣ колоніи, захватывала владѣнія на самыхъ отдаленныхъ материкахъ. Съ другой стороны, онъ видитъ, какъ Россія ежегодно усиливается на пятьсотъ тысячъ душъ — приростъ, который даютъ ея жители; какъ выступаетъ на горизонтѣ океанъ ея невѣжественныхъ бѣдныхъ подданныхъ—этотъ неисчерпаемый источникъ живого матеріала, который въ одинъ прекрасный день можетъ хлынуть на Европу и погребсти ее подъ своими волнами. Какъ ни гордится Европа своей утонченной цивилизаціей, своимъ исконнымъ первенствомъ, но, въ одинъ прекрасный день, очутившись между двумя, растущими о-бокъ съ нею, колоссами, она увидитъ, какъ она мала, какъ ничтожна и въ какой находится опасности! Не должна ли она воспользоваться моментомъ, когда богъ войны поставилъ ее подъ начало величайшаго вождя, когда онъ вручилъ ему власть диктатора? Не должна ли она оттѣснить Россію и сломить Англію? Не предназначенъ ли наслѣдникъ Цезарей, Наполеонъ, взять на себя ихъ задачу? Не его ли дѣло, ставъ во-главѣ своихъ легіоновъ, обуздать сѣверныхъ варваровъ, воздвигнуть противъ нихъ преграды изъ государствъ исключительно военнаго склада, возсоздать древніе военные округа и поставить ихъ на-стражѣ на границахъ Европы? Не въ этомъ ли вѣнецъ его трудовъ, не возложено ли на него выполнить эту задачу божественной прозорливости, которая должна обезпечить безопасность грядущихъ поколѣній и безмятежное царствованіе его сына? [1]).

Все влечетъ его къ этому: и его складъ южанина, заставляющій его смотрѣть на Сѣверъ, какъ на страну варваровъ; и его взглядъ на обязанности императора, близкій къ понятіямъ древнихъ римлянъ и Карла V, и даже возвратъ къ политикѣ

---

[1]) Неизданные документы. Cf. au tome VI des Commentaires de Napoléon I-er la note XII, 117—118.

стараго режима, которая уже нѣсколько лѣтъ искушаетъ его умъ и льститъ его гордости. Желая уподобиться Бурбонамъ, онъ заключилъ въ 1810 г. брачный союзъ съ Австріей. Онъ не понималъ того, что взять себѣ жену изъ Вѣны, соединиться кровными узами съ униженной, искалѣченной имъ Австріей — ему, коронованному солдату — значило сочетаться съ измѣной. Тѣ же уцѣлѣвшія среди пожара революціи и забравшія власть надъ его умомъ традиціи версальскаго кабинета наводятъ его на мысль изгнать въ Азію Россію, вторженіе которой въ кругъ великихъ державъ разстроило старую политическую систему Европы—ту систему, которая создана была мудрой политикой нашихъ королей и министровъ. Людовикъ XV, въ теченіе почти всего своего царствованія, по временамъ и Людовикъ XVI, и ихъ самые знаменитые совѣтники считали необходимымъ положить предѣлъ русскому напору; они старались противопоставить ему тѣсный союзъ изъ группы государствъ, мечтали устроить плотину изъ твердо поставленныхъ на ноги и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ Швеціи, Польши и Турціи. Несмотря на ихъ упорство, они тщетно трудились надъ этой задачей, и, тѣмъ не менѣе, Наполеонъ увѣренъ, что будетъ имѣть успѣхъ тамъ, гдѣ они потерпѣли неудачу. Онъ думаетъ, что онъ настолько силенъ, что можетъ воскресить трупы, вдохнуть жизнь въ нежизнеспособныя, разлагающіяся государства. И вотъ политика императора, взоры котораго пророчески проникаютъ въ отдаленныя тайны будущаго, возвращается къ отжившимъ средствамъ, носится съ надеждами возродить безвозвратно погибшее. Онъ гоняется за волшебными, несбыточными очарованіями Римской имперіи, которыя сбиваютъ его съ пути, и параллельно вдохновляется традиціями послѣднихъ Бурбоновъ, заимствуя отъ нихъ отжившіе принципы. Его великое предпріятіе зиждется на сочетаніи двухъ анахронизмовъ. «Бываютъ времена и обстоятельства, пишетъ одинъ изъ его министровъ, мудрый Молліенъ, когда анахронизмъ убійственъ» [1]).

Вотъ надъ чѣмъ работаетъ его умъ съ первыхъ мѣсяцевъ 1811 г., вотъ что толкаетъ его смотрѣть на вѣроятную войну съ Россіей, какъ на предназначенное ему великое и самое важное дѣло; вотъ какіе мотивы побуждаютъ его направлять къ

---

[1]) Mémoires de Mollien, III, 290.

этой цѣли всѣ свои разсчеты, всѣ свои мысли, и заставляютъ его незамѣтно перенести съ юго-запада на сѣверо-востокъ всю совокупность своихъ военныхъ силъ. Впрочемъ, такъ какъ онъ всегда подчинялъ свои фантазіи практическимъ соображеніямъ и умѣлъ, когда нужно, обуздывать ихъ полетъ, онъ остановился бы, если бы императоръ Александръ оказалъ ему противъ Англіи дѣйствительную помощь. Въ сущности, онъ не проситъ ничего такого, чего не былъ бы въ правѣ требовать въ силу заключеннаго соглашенія; ничего такого, что не отвѣчало бы буквѣ или духу договоровъ. Но то право, на которое онъ ссылается и въ правѣ ссылаться, создано имъ самимъ, ради своей пользы; оно выковано его шпагой, ибо союзные договоры, съ обязательствомъ оказывать ему содѣйствіе, были для побѣжденныхъ результатомъ пораженія; они носили принудительный характеръ, характеръ насилія, а принужденіе даетъ результаты только при условіи постояннаго воздѣйствія и новыхъ насилій. Между правомъ Наполеона и естественнымъ правомъ государствъ—руководствоваться своими насущными интересами и склонностями—былъ неразрѣшимый разладъ. Право Наполеона, основанное единственно на побѣдѣ, исключавшее самую возможность добровольнаго соглашенія, только и могло поддерживаться новыми побѣдами. Въ настоящее время Наполеонъ хочетъ стать въ то положеніе, въ какомъ онъ былъ въ 1807 г. послѣ побѣды подъ Фридландомъ, и рѣшилъ возобновить войну, если инымъ путемъ ему не удастся сохранить выгодъ и безопасности, доставленныхъ ему войной съ Россіей. Слѣдовательно, онъ остается вѣренъ самому себѣ. Онъ неуклонно и искренно идетъ по великимъ стезямъ своей политики, мѣняя только, въ зависимости отъ обстоятельствъ, свои пріемы: онъ то вспыльчивъ и суровъ, то ласковъ и обольстителенъ, часто коваренъ, хитеръ и притворщикъ какихъ мало. Онъ вполнѣ правъ, подозрѣвая, что Александръ обманываетъ его, что онъ никогда чистосердечно не вернется къ союзу. Поэтому онъ готовится на будущій годъ къ походу на Сѣверъ, готовится медленно, коварно. Онъ хочетъ незамѣтно проскользнуть черезъ Германію, хочетъ подползти неслышно со всѣми своими силами къ Россіи, чтобы, внезапно поднявшись, броситься на нее и поразить. Всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы обезпечить за собой возможность и выгоды перваго нападенія. Онъ и не подозрѣваетъ, что у царя,

возмущеніе котораго противъ него зашло гораздо дальше, чѣмъ онъ думаетъ, создался такой же планъ, какъ и у него, и что въ настоящее время онъ готовится привести его въ исполненіе. Наполеонъ хочетъ предупредить противника; въ дѣйствительности же противникъ уже предупредилъ его. Война съ Россіей, которую онъ разсчитываетъ вести черезъ двѣнадцать или пятнадцать мѣсяцевъ, уже стоитъ передъ нимъ,—Россія угрожаетъ ему и готова напасть на него. Ничего этого онъ не видитъ. Ему неизвѣстно, что Александръ опередилъ его на цѣлый годъ и на цѣлую армію.

ГЛАВА III.

СРЕДСТВО КЪ СОГЛАШЕНІЮ.

Приближеніе русскихъ армій къ границѣ. Походъ къ герцогству Варшавскому.—Сборные пункты.—Отъ дунайской арміи отдѣляется нѣсколько дивизій.—Предосторожности для обезпеченія тайны военныхъ приготовленій.—Строгая охрана границы.—Резервы.—Слухи въ Петербургѣ и въ польскихъ провинціяхъ.—Неутѣшительныя сообщенія Чарторижскаго.—Непоколебимая вѣрность командировъ варшавскихъ войскъ.—Австрія уклоняется отъ союза и даже отъ обѣщанія соблюдать нейтралитетъ.—Вліяніе эрцгерцога Карла проявляется въ духѣ, враждебномъ Россіи.—Какое придумано средство заручиться его содѣйствіемъ, или, въ крайнемъ случаѣ, обезвредить его вліяніе.—Женская дипломатія.—Намеки Штакельберга по поводу возможнаго вступленія русскихъ въ Галицію.—Меттернихъ добивается права составить угрожающій отвѣтъ.—Разочарованія Александра.—Онъ откладываетъ выполненіе своего плана.—Канцлеръ Румянцевъ восхваляетъ политику сближенія съ Франціей.—Онъ думаетъ, что нашелъ способъ рѣшенія.—Мысль просить у Наполеона въ возмѣщеніе за Ольденбургъ часть варшавской территоріи.—Александръ соглашается на попытку къ примиренію на этой основѣ.—Необыкновенный характеръ предстоящихъ переговоровъ.—Русскій государь и его министръ хотятъ говорить только полусловами и намеками.—Коленкуру предлагаютъ загадку и даютъ данныя для ея рѣшенія.—Царь поручаетъ Чернышеву письмо къ императору; оно написано съ большимъ достоинствомъ и искусствомъ.—Метафора графа Румянцева.—Коленкуръ получаетъ сообщеніе о своемъ отозваніи, но до пріѣзда замѣстителя, генерала графа Лористона, остается въ Петербургѣ.—Александръ дѣйствуетъ со свойственнымъ ему обаяніемъ.—Отъѣздъ Чернышева въ Парижъ.

Въ мартѣ русскія войска готовы были приступить къ выполненію грандіознаго плана, т. е. къ занятію Польши, если бы она пошла имъ навстрѣчу. Армія, назначенная для начала операцій, шла по Двинѣ, имѣя впереди себя сильный авангардъ. Она двинулась на юго-западъ, въ смежныя съ герцогствомъ Варшавскимъ Литву и Подолію, и шла большими переходами, широко-развернутымъ фронтомъ, скрытая за густыми лѣсами и песчаными холмами. Стоявшія въ тылу у нея—въ Финляндіи—войска покидали свои стоянки и пробирались вдоль побережья къ Кур-

ляндіи, чтобы оттуда перейти въ Польшу. Вблизи границы были намѣчены сборные пункты: Вильна, Гродно, Бржескъ и Бѣлостокъ [1]). Въ намѣченныхъ мѣстахъ устраивались магазины, продовольственные склады, склады боевыхъ припасовъ. Мѣстныя власти заготовляли квартиры и провіантъ для войскъ, о приходѣ которыхъ имъ было объявлено заранѣе. На Нѣманѣ и Бугѣ были собраны лодки, барки и все, что нужно для облегченія переправы [2]). Предполагалось устроить главную квартиру въ Слонимѣ, на югъ отъ Вильны. Командирами главныхъ корпусовъ назначены были генералы Эссенъ, Дохтуровъ и Каменскій. Предварительно они были вызваны въ Петербургъ, гдѣ и получили инструкціи [3]).

Одновременно съ движеніемъ войскъ съ сѣвера на югъ шли на соединеніе съ ними, согласно выработанному плану кампаніи, войска и съ юга на сѣверъ. Дунайская армія, повернутая до сихъ поръ фронтомъ къ туркамъ, зимовала въ Молдавіи. Нѣсколько дивизій этой арміи снялись съ квартиръ, и, круто перемѣнивъ фронтъ, пошли по направленію къ Подоліи и Волыни, чтобы присоединиться къ пришедшимъ съ сѣвера войскамъ и стать на ихъ лѣвомъ флангѣ. Въ письмахъ къ Чарторижскому Александръ говорилъ о выдѣленіи нѣкоторыхъ частей изъ войскъ на Востокѣ только предположительно. «Молдавская армія, писалъ онъ, могла бы также отдѣлить нѣсколько дивизій, не теряя изъ-за этого возможности держаться оборонительно» [4]). Идя далѣе своихъ обѣщаній, онъ, чтобы укрѣпить центръ, ослаблялъ фланги, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, что Финляндія можетъ подвергнуться опасности и придется отложить миръ съ турками.

---

[1]) Переписка французскаго дипломатическаго агента въ Варшавѣ, мартъ и апрѣль 1811 г., passim.; переписка съ Швеціей за тѣ же мѣсяцы; депеши Штединга, съ января по іюнь 1811 г., archives du royaume de Suède; свѣдѣнія, переданныя Даву и Раппомъ, archives nationales, AF, IV, 1653.

[2]) Донесенія Даву отъ 31 марта. Archives nationales, AF, IV, 1653.

[3]) Депеша Штединга, 16—28 января. Алькіеръ писалъ изъ Стокгольма 25 февраля, по разсказу, идущему изъ Россіи: „Есть указанія на то, (привожу собственныя слова разсказчика) что недавно генералу Моро было сдѣлано предложеніе пріѣхать и взять на себя командованіе русской арміей“ Возможно, что это было вымышлено и, по меньшей мѣрѣ, сильно преувеличено; тѣмъ не менѣе довольно любопытно, что уже въ 1811 г. были въ ходу мысли, которымъ суждено было осуществиться въ 1813 г.

[4]) Mémoires de Czartoryski, II, 273.

Итакъ, «предназначенная сражаться вмѣстѣ съ поляками армія», доведя до полнаго комплекта наличный составъ своихъ частей, усиленная добавочными корпусами, становилась въ линію, строясь по дивизіямъ отъ Балтійскаго моря до Днѣпра.

Всѣ эти операціи были окружены глубочайшей тайной. Часто войска не шли обычнымъ путемъ—столбовыми дорогами. Разбитыя на многочисленные, разбросанные на громадномъ пространствѣ отряды, они шли батальонами или даже ротами, пробираясь «проселочными дорогами—такими, которыя никогда не были военными путями» [1]). Чтобы герметически запереть и замуравить границы, чтобы закрыть входы и выходы и защититься отъ шпіоновъ, были приняты самыя строгія мѣры предосторожности. Вдоль всей границы—подъ предлогомъ необходимости усилить таможенный надзоръ и лучше обезпечить строгое исполненіе запретительныхъ постановленій—были разставлены казачьи отряды. Кавалерійскіе пикеты, соединенные другъ съ другомъ патрулями, разъѣзжавшими день и ночь, охраняли всѣ входы и выходы. Внутри страны, даже на довольно большомъ разстояніи отъ границы, по дорогамъ «на каждой верстѣ» стояли посты. Они останавливали путешественниковъ, осматривали ихъ вещи, рылись въ бумагахъ, требовали для удостовѣренія личности паспорта [2]). Вотъ подъ какой густой завѣсой наполнялись войсками Литва, Волынь и Подолія.

Позади этихъ губерній комплектовалась и готовилась выступить въ походъ вспомогательная армія. Ничто не было упущено для усиленія ея наличнаго состава. Мѣстныя команды превращались въ боевыя части, крѣпостные батальоны въ линейные. Изъ внутреннихъ губерній Россіи прибывали новыя войска, набирались резервы. Въ мѣста стоянокъ войскъ стекалось невѣроятное количество рекрутовъ; начальство безъ устали работало, чтобы обтесать ихъ и обучить военному дѣлу. Несмотря на приказъ соблюдать тайну, вскорѣ въ столицѣ стали ходить сенсаціонные слухи. Поговаривали, что гвардейскіе полки ждали только приказа, чтобы выступить въ походъ вмѣстѣ со второй арміей; что великій князь Константинъ отбылъ въ Финляндію на инспекторскій смотръ уходившихъ войскъ, и что, наконецъ, самъ императоръ

---

[1]) Депеша французскаго дипломатическаго агента въ Варшавѣ, Биньона отъ 11 мая.

[2]) Его же депеша отъ 5 іюня, со словъ очевидца.

долженъ вскорѣ уѣхать на границу и тамъ возложить на свою главу польскую корону. Петербургское общество во всеуслышаніе высказывалось въ пользу этого рѣшенія, которое отвѣчало и надеждамъ, порожденнымъ въ Литвѣ. Тамъ много крупныхъ помѣщиковъ желали примиренія Польши съ Россіей. Многіе изъ нихъ, члены знатныхъ семействъ, испытанные патріоты, были вызваны въ Петербургъ, гдѣ были милостиво приняты, обласканы, и гдѣ имъ намекнули на это событіе [1]). Ихъ воображеніе разыгралось, головы восторженно были настроены въ пользу этого проекта; нѣкоторые дошли до того, что назначали день событія. Они рѣшили, что для этого царь изберетъ 3 мая—годовщину того дня, когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, умирающая Польша провозгласила либеральный и мудрый статутъ, при которомъ надѣялась ожить [2]).

Въ это-то время, когда внутри государства происходила такая кипучая дѣятельность, изъ-за границы пришли самыя безотрадныя вѣсти. Въ письмахъ Чарторижскаго, съ отвѣтами на второе письмо царя, были не только возраженія и предсказанія затрудненій—въ нихъ было гораздо больше: они были безусловно отрицательнаго характера. Изъ ихъ содержанія, изъ результатовъ наведенныхъ княземъ справокъ, видно было, что знатнѣйшіе магнаты и командиры варшавской арміи, мнѣніе которыхъ могло бы увлечь толпу, не поддавались искушенію и были неподкупны. Ихъ преданность Наполеону была непоколебима. Подлинный текстъ писемъ князя не дошелъ до насъ, но Александръ намекаетъ на нихъ въ дальнѣйшей перепискѣ съ Чарторижскимъ. «Только-что полученныя мною отъ васъ письма, говоритъ онъ, оставляютъ мнѣ такъ мало надежды на успѣхъ, что я не могу считать себя въ правѣ дѣйствовать, а благоразуміе требуетъ, чтобы я рѣшился на этотъ шагъ только при извѣстной вѣроятности успѣха» [3]).

На неблагоразуміе начать дѣло указывало ему и поведеніе Австріи. Въ Петербургѣ очень скоро замѣтили, что Австрія уклоняется отъ союза. Неизвѣстно даже, отправлена ли была изъ Петербурга составленная для переговоровъ о союзѣ секрет-

---

[1]) Депеша Биньона отъ 27 апрѣля.

[2]) Id.

[3]) Письмо отъ 1 апрѣля. Mémoires et Correspondance de Czartoryski, II, 279.

ная инструкція отъ февраля мѣсяца, такъ какъ поведеніе Меттерниха и его правительства дѣлали ее безполезной [1]). Тогда Александръ перешелъ къ другому плану. Онъ рѣшилъ, что будетъ добиваться отъ Австріи только пассивнаго соучастія; что попроситъ ее присутствовать въ качествѣ равнодушной зрительницы при томъ, что будетъ происходить вокругъ нея; потребуетъ только, чтобы, въ случаѣ необходимости, она допустила учинить надъ собой лестное насиліе, и не отказалась отъ княжествъ, если русское правительство предложитъ ихъ ей, когда рѣшено будетъ занять для возстановленной Польши Галицію. Отъ имени царя Кошелевъ предложилъ австрійскому послу Молдавію до Серета и всю Валахію. Дабы получить отъ императора Франца обѣщаніе соблюдать нейтралитетъ и вывѣдать его намѣренія, Александръ собственноручно написалъ ему письмо и поручилъ Штакельбергу на словахъ дать по этому вопросу разъясненія [2]).

Русская колонія въ Вѣнѣ изо всѣхъ силъ поддерживала эти шаги. Женская милиція была поставлена на ноги: ея дѣятельности былъ предоставленъ спеціальный предметъ. Сильнымъ врагомъ Россіи въ Австріи былъ эрцгерцогъ Карлъ, пользовавшійся въ народѣ и арміи исключительнымъ уваженіемъ. Славный противникъ Наполеона, несмотря на то, что былъ побѣжденъ при Ваграмѣ, искренно примирился съ своимъ побѣдителемъ и толкалъ Австрію въ сторону Франціи. Чтобы измѣнить его симпатіи или, по крайней мѣрѣ, свести на-нѣтъ его вліяніе, задумали женить его, давъ ему въ жены глубоко преданную Россіи принцессу. Какъ помнятъ, у императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги Александра I, была сестра, которая постоянно жила при ней, принцесса Амелія Баденская. Эту-то нѣмку, усыновленную Россіей, и предназначали коноводы интриги для обращенія эрцгерцога. Тотчасъ же были пущены въ ходъ всякаго рода вліянія, чтобы приковать этого Геркулеса къ ногамъ немного зрѣлой Омфалы.

Русская императрица вступила въ союзъ съ австрійской, имѣвшей страсть устраивать браки [3]) и всей душой отдавшейся этому дѣлу, въ которомъ сумѣли заинтересовать ландграфиню

---

[1]) См. по этому вопросу Martens, вышеупомянутый томъ, 79.

[2]) Beer, Orientalische Politik Oesterreich's, p. 250. Mémoires de Metternich, II, 417. Martens, 78.

[3]) „Мнѣ нравится, говорила она, когда женятся". Отто Шампаньи, 17 апрѣля.

Баденскую и королеву Баварскую. Эта женская лига поручила духовнику эрцгерцога Карла внушить ему, что ему необходима подруга, дабы оживить его неприглядное существованіе и покончить со скукой слишкомъ затянувшейся холостой жизни. Главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы заручиться согласіемъ императора Франца на бракъ, который могъ разсердить его грознаго зятя. Чтобы восторжествовать надъ его опасеніями, пустили въ ходъ игру на чувствахъ. Его увѣрили, что эрцгерцогъ Карлъ безумно влюбленъ въ принцессу Амелію, и добрый императоръ далъ себя убѣдить, что, препятствуя предполагаемому браку, онъ сдѣлаетъ несчастнымъ своего кузена. Но, въ виду того, что ни тотъ, ни другой изъ будущихъ супруговъ не имѣли большого состоянія, онъ обѣщалъ дать свое согласіе только при условіи, если найдутъ способъ обезпечить матеріальное положеніе, соотвѣтствующее ихъ рангу. Онъ лично не могъ взять этого на себя, «такъ какъ у него много дѣтей, которыхъ нужно пристроить» [1]). Была только одна возможность удовлетворить это требованіе, это--обратиться къ герцогу Альберту Саксонскому, которому эрцгерцогъ Карлъ приходился племянникомъ и былъ его наслѣдникомъ. Герцогъ Альбертъ былъ богатъ и старъ. У него была любовница, которая имѣла на него вліяніе. Эту-то даму и заставили дѣйствовать, обратясь къ ней черезъ офицера, къ которому она благоволила въ прежніе годы, и въ результатѣ герцогъ обѣщалъ обезпечить судьбу своего племянника, выдавъ ему впередъ, въ счетъ наслѣдства, часть имущества. Такимъ образомъ, препятствія устранялись одно за другимъ, и, повидимому, все шло на ладъ, какъ вдругъ, еще прежде чѣмъ австрійское правительство рѣшило прекратить дѣло по сигналу, пришедшему изъ Тюльери, крайне сухой отвѣтъ Меттерниха на политическія предложенія Россіи отнялъ у этого вопроса всякое значеніе [2]).

Предложенія Кошелева и письмо царя встревожили Меттерниха. За нѣсколько дней до этого у него былъ разговоръ съ Штакельбергомъ, который заставилъ его призадуматься. Русскій посолъ, сообщивъ ему по секрету, что знаетъ тайну своего государя, и, показавъ ему въ доказательство «письмо, написанное цѣликомъ» рукой Александра, намекнулъ на нѣкото-

---

[1]) Отто Маре, 8 мая.

[2]) См. по этому дѣлу переписку Отто, отъ марта до іюля 1811 г.

рыя возможныя въ будущемъ обстоятельства. «Во время моего разговора съ нимъ—писалъ Меттернихъ своему повелителю—я уловилъ нѣкоторые обороты фразъ, заставляющіе меня думать, что въ одинъ прекрасный день, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, занятіе Галиціи можетъ свершиться безъ нашего согласія» [1]). Это странное открытіе взволновало Меттерниха тѣмъ болѣе, что пробудило въ немъ одно воспоминаніе. Онъ вспомнилъ, что въ 1805 г. императоръ Александръ, потерявъ надежду увлечь Пруссію въ третью коалицію, имѣлъ намѣреніе, невзирая на то, что поддерживалъ съ ней наилучшія отношенія, напасть на нее врасплохъ. Онъ хотѣлъ двинуться на Варшаву—въ то время главный городъ прусской провинціи—и возстановить Польшу въ свою пользу, а затѣмъ уже идти въ Моравію сражаться съ французской арміей. Этотъ случай бросалъ совсѣмъ особый свѣтъ на теперешніе намеки, и давалъ поводъ думать, что императоръ Александръ и теперь лелѣетъ такого же рода планъ и питаетъ надежду вовлечь въ него Австрію, въ случаѣ необходимости, даже силой. Это было однимъ изъ тѣхъ рѣзкихъ уклоненій въ идеяхъ Александра, однимъ изъ тѣхъ бурныхъ порывовъ фантазіи, примѣровъ которыхъ такъ много въ исторіи этого непостояннаго государя. «Эксцентричный шагъ русскаго кабинета, писалъ Меттернихъ, не даетъ ли намъ права допустить *возможность того, что казалось бы самой невозможностью?*» [2]).

Меттернихъ не считалъ возможнымъ слишкомъ рѣшительно впутываться въ рискованное предпріятіе, отъ котораго Австрія могла понести непосредственный, прямой вредъ, тогда какъ выгоды его были весьма сомнительны. Онъ испросилъ разрѣшеніе предупредить Штакельберга, что всякій захватъ территоріи будетъ разсматриваться, «какъ объявленіе войны», и, сверхъ того, въ случаѣ надобности, заявить, что сосредоточеніе русскихъ войскъ возлѣ Галиціи и Буковины, слухъ о чемъ уже дошелъ до Вѣны, кончится тѣмъ, что вынудитъ австрійскаго императора мобилизовать свои войска и поставить ихъ на военную ногу [3]).

Итакъ, отваживаясь на нападеніе, Александръ столкнулся бы не только съ варшавской арміей, но и съ австрійскими силами.

---

[1]) Mémoires de Metternich, II, 418.

[2]) Id., 419.

[3]) Mémoires de Metternich, II, 418—419.

Но и этимъ не исчерпывались его ошибочные разсчеты. Въ это же самое время онъ ясно замѣтилъ эволюцію Бернадота, который, по всѣмъ даннымъ, готовился повернуться къ нему спиной и направлялъ свои взоры къ Франціи. Кокетничаніе наслѣднаго принца съ своимъ прежнимъ повелителемъ, его неблаговидные подходы, дружба съ Алькіѐромъ, приказъ всѣмъ шведскимъ дипломатамъ стараться быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ французскими коллегами,—все это не могло ускользнуть отъ проницательности русскихъ агентовъ. Недовольство Александра по этому поводу сказалось фальшивыми отношеніями къ стокгольмскому кабинету, и царь сразу же покончилъ съ своими надеждами на Швецію [1]).

Въ Пруссіи, гдѣ кабинетъ упорно велъ двойственную игру, король проявлялъ много добрыхъ чувствъ и мало желанія дѣйствовать. Онъ исходилъ изъ той мысли, что, рискнувъ ввязаться въ войну, онъ неизбѣжно погибнетъ, если только Пруссія, съ тыла поддержанная Россіей, не будетъ при этомъ поддержана и прикрыта съ лѣваго фланга Австріей. Но онъ зналъ, что Австрія безусловно отказалась вступить въ новую коалицію. Мало того, довѣряя преувеличеннымъ донесеніямъ, онъ даже думалъ, что Меттернихъ и его повелитель безповоротно перешли на сторону Наполеона и просили только разрѣшенія измѣнить европейскому дѣлу. Черезъ тайныхъ посредниковъ онъ приказалъ сообщить это въ Петербургѣ и настойчиво совѣтовалъ быть благоразумными [2]). Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ Германіи, рядомъ съ упорной ненавистью къ Франціи, не трудно было замѣтить теченіе, неблагопріятное Россіи. Причиной тому былъ запретительный указъ. Закрытіемъ ввоза товаровъ въ Россію по сушѣ эта суровая мѣра вредила не одной только Франціи. Она нанесла существенный вредъ нѣмецкимъ торговлѣ и промышленности, терявшимъ одинъ изъ главныхъ рынковъ. Въ промышленныхъ странахъ, напримѣръ въ Саксоніи, этотъ экономическій разрывъ былъ встрѣченъ съ негодованіемъ. Онъ вызвалъ жалобы и жестокіе упреки и навлекъ на царя своего рода непопулярность [3]).

---

[1]) Tegner, le baron d'Armfeldt, III, 306.

[2]) Martens, VII, 15.

[3]) Бюллетень полиціи отъ 18 іюня 1811 г. содержитъ слѣдующую выдержку изъ германской переписки: „Саксонскіе фабриканты вынуждены уволить сразу сотни рабочихъ. Постройки въ которыхъ устроены фа-

Александръ видѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднимались и заграждали ему путь непредвидѣнныя преграды.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ обрушившихся на него со всѣхъ сторонъ разочарованій Александръ наложилъ запретъ на свои планы и отступилъ. За порывистымъ стремленіемъ къ нападенію наступилъ періодъ колебаній и сомнѣній. Не отказываясь вполнѣ отъ своего плана, онъ пріостановилъ его выполненіе, съ тѣмъ, чтобы вернуться къ нему при лучшихъ условіяхъ. Его письма Чарторижскому прекратились, вѣрнѣе сказать, сдѣлались болѣе рѣдкими. Князю было сообщено, чтобы онъ не разсчитывалъ на скорое начало военныхъ дѣйствій. «Я долженъ былъ—писалъ ему позднѣе Александръ—покориться необходимости быть простымъ зрителемъ грядущихъ событій и не вызывать моими поступками войны, значеніе и опасности которой я вполнѣ понимаю...» [1]). Далѣе, въ томъ же письмѣ онъ писалъ, что не отказался ни отъ занимавшихъ его плановъ, «ни отъ рѣшимости осуществить ихъ, когда обстоятельства будутъ тому благопріятствовать» [2]). Военныя приготовленія не были отмѣнены. Армія продолжала развертываться въ боевомъ порядкѣ. Не нанося удара, Россія осталась съ поднятой рукой и замерла въ этомъ положеніи.

Собравъ войска, Александръ пріобрѣлъ ту выгоду, что оградилъ себя отъ нечаяннаго нападенія, въ случаѣ, если бы у Наполеона явилось желаніе выполнить планъ, о которомъ онъ самъ мечталъ. По его мнѣнію, сдѣланныя приготовленія къ войнѣ, дойдя до свѣдѣнія императора, должны были удержать того отъ попытокъ къ рискованному нападѐнію. Невольно возникаетъ вопросъ, отчего царь не использовалъ создавшагося положенія и не доставилъ Россіи тогда же извѣстной выгоды, бóльшей свободы дѣйствій? Развѣ не могъ Александръ, подъ охраной своихъ войскъ, занявшихъ на границѣ крѣпкое положеніе, осуществить одну

брики, будутъ превращены въ богадѣльни для бѣдныхъ и будутъ содержаться за счетъ государства, или же въ смирительные дома для несчастныхъ которыхъ нужда сдѣлала ворами. Саксонцы могли бы сдѣлаться соперниками англійскихъ фабрикантовъ, но эта надежда исчезла, и мы не станемъ на ноги, пока русскій указъ, запрещающій ввозъ товаровъ иностранныхъ фабрикъ, не будетъ отмѣненъ".

[1]) 1 апрѣля 1812 г. Mémoires et Correspondance de Czartoryski, II, 279.

[2]) Id., 280.

изъ своихъ излюбленныхъ идей, т. е. настежь открыть свои гавани британскимъ кораблямъ, иначе говоря, ихъ предметамъ ввоза, и открыто заявить о своемъ нежеланіи принимать дальнѣйшее участіе въ борьбѣ между Франціей и Англіей? По нѣкоторымъ даннымъ видно, что у него было такое поползновеніе и что онъ помышлялъ, не заводя войны, отдѣлаться отъ остатковъ союза [1]).

Впрочемъ, канцлеръ старался направить его на иные пути, которые, можетъ быть, привели бы его къ сближенію съ Франціей. Все еще не посвященный въ затѣянный Александромъ и Чарторижскимъ романъ, Румянцевъ съ огорченіемъ смотрѣлъ на происходившій на его глазахъ поворотъ къ Англіи. Онъ осуждалъ нарушенія правилъ континентальной блокады, огорчался нароставшимъ разслабленіемъ союзныхъ узъ, и всѣми силами стремился къ примиренію съ императоромъ французовъ, къ возрожденію союза, который, хотя и на бумагѣ, но все-таки существовалъ, который доставилъ Россіи Финляндію и давалъ возможность удержать за собой княжества. Онъ умолялъ своего государя не уклоняться систематически отъ соглашенія, попытаться сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи, и, нужно сознаться, что провалъ проекта, составленнаго безъ его вѣдома и содѣйствія, придавалъ особое значеніе его совѣтамъ.

Какова же, по его мнѣнію, должна быть почва для соглашенія? Какъ загладить взаимныя обиды?—Главная обида, на которую ссылалась Франція, былъ указъ отъ 31 декабря 1810 г. По этому вопросу не трудно было дать Наполеону нѣкоторое удовлетвореніе по формѣ,—которымъ тотъ, какъ видно, не прочь былъ удовольствоваться,—и допустить нѣкоторыя смягченія, которыя, не нанося вреда экономическимъ интересамъ государства, отняли бы у этой мѣры характеръ враждебной демонстраціи. Съ другой стороны, такъ какъ Наполеонъ не настаивалъ на захватѣ судовъ, плавающихъ за счетъ Англіи подъ американскимъ флагомъ, то этотъ вопросъ не стоялъ въ настоящее время на очереди; его слѣдовало, по мнѣнію канцлера, просто положить подъ сукно. Что же касается обидъ Россіи, то вполнѣ законно поднятый ею споръ по поводу Ольденбурга служилъ только предлогомъ замаскировать то, что она, главнымъ обра-

---

[1]) См. по этому вопросу депеши французскаго дипломатическаго агента въ Варшавѣ, отъ 30 и 31 марта 1811 г.

зомъ, ставила въ упрекъ Наполеону, т. е. принимавшее угрожающіе размѣры расширеніе Франціи и поблажки, оказываемыя Наполеономъ герцогству Варшавскому. Румянцевъ первый призналъ и провозгласилъ важное значеніе польскаго вопроса. Онъ видѣлъ, какъ, по мѣрѣ своего развитія, этотъ вопросъ вносилъ раздоръ между Франціей и Россіей. Онъ зналъ, что всѣ попытки и усилія, сдѣланныя въ 1809 и 1810 гг. съ цѣлью полюбовно разрѣшить его, только осложнили его до такой степени, что съ того времени русская канцелярія воздерживалась не только возвращаться къ нему, но даже и затрагивать его. Румянцевъ находилъ, что молчаніе по этому поводу длилось достаточно долго и что настоящій кризисъ позволялъ его нарушить. Въ этомъ была выгодная сторона создавшагося тягостнаго положенія. Бываетъ, что изъ зла, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, рождается добро. Не представляетъ ли—говорилъ онъ—ничѣмъ не оправдываемый, оскорбившій царя поступокъ съ Ольденбургомъ самимъ Провидѣніемъ ниспосланное средство снова поставить на обсужденіе польскій вопросъ и, быть можетъ, разрѣшить его въ пользу Россіи? Завладѣвая Ольденбургомъ Наполеонъ безспорно, передъ всѣмъ міромъ, провинился передъ своимъ союзникомъ. Царь имѣетъ полное основаніе требовать удовлетворенія. Да и самъ Наполеонъ, очевидно, сознаетъ это, такъ какъ выразилъ готовность дать герцогу территоріальное вознагражденіе, предлагая Россіи точно указать, гдѣ оно должно быть. Отчего не попросить, чтобы предложенное въ принципѣ возмѣщеніе было выкроено изъ польской территоріи, чтобы для составленія новаго удѣла лишенному владѣній принцу была выдѣлена часть изъ герцогства Варшавскаго. Имя принца будетъ только фирмой, за которой будетъ скрываться Россія, и, такимъ путемъ, будетъ дана дѣйствительная гарантія противъ возстановленія Польши. Вотъ какое рѣшеніе было, по мнѣнію Румянцева, истиннымъ средствомъ придти къ соглашенію, вотъ въ чемъ былъ исходный пунктъ примиренія и залогъ прочной безопасности для русскаго правительства.

Дѣйствительно, всякое дѣяніе, ведущее за собой умаленіе герцогства, всякій ударъ, нанесенный его неприкосновенности, всякій выдѣлъ изъ его территоріи, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ, разрушитъ его силу къ расширенію, нанесетъ ударъ его свѣтлому будущему, ознаменуетъ его окончательное паденіе. Главной при-

чиной обаянія этого случайно-созданнаго, всѣми оспариваемаго государства, притягательной силой, группировавшей вокругъ него столько восторженно-преданныхъ людей, было всеобщее убѣжденіе, что ему суждено расти и шириться, что эта Польша на пути къ постепенному возрожденію. Если бы Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать, согласился бы уменьшить герцогство Варшавское, онъ нанесъ бы его надеждамъ смертельный ударъ, отнялъ бы у него единственную опору его существованія. Разъ будетъ положено начало умаленію герцогства, оно уже не остановится. Оно пойдетъ ускореннымъ темпомъ, и, въ концѣ-концовъ, приведетъ къ тому, что обратитъ это непрочное зданіе въ нулевую величину. Каждаго отнятаго отъ этого зданія камня будетъ достаточно, чтобы нарушить неустойчивое равновѣсіе и рано или поздно вызвать его крушеніе. Когда среди переворотовъ, которыми чревато будущее, падетъ герцогство, Россія явится прежде всѣхъ на мѣсто, чтобы подобрать его остатки, и, если ей уже теперь будетъ дано право завладѣть нѣкоторыми частями его территоріи, она найдетъ возможность захватить и поглотить остальное.

Александръ не отрицалъ выгодъ такой комбинаціи. Устраненіе польской опасности—если бы удалось достигнуть этого результата—стоило того, чтобы отложить на время выполненіе другихъ плановъ и отсрочить сближеніе съ Англіей. Но могъ ли онъ надѣяться на успѣхъ, добиваясь отъ Наполеона столь богатой послѣдствіями уступки? Можно думать, что если онъ согласился просить объ этомъ, то только ради успокоенія своей совѣсти. Онъ хотѣлъ имѣть возможность сказать себѣ, что сдѣлалъ все, чтобы избавиться отъ войны съ самымъ грознымъ врагомъ, какого когда либо встрѣчала предъ собой Россія. Поэтому онъ позволилъ Румянцеву начать дѣло, предоставляя себѣ въ случаѣ надобности потихоньку вмѣшаться.

Нужно сказать, что предстоящіе переговоры не должны были имѣть ничего общаго съ обычными переговорами. Поступая обычнымъ способомъ, откровенно высказывая свои желанія, Россія подвергла бы себя серьезной опасности. Можно было опасаться, что Наполеонъ, несмотря на высказываемыя имъ миролюбивыя чувства, таитъ въ глубинѣ души дурные и вѣроломные планы. При такихъ условіяхъ—думалъ царь—не стѣсняющійся въ средствахъ деспотъ воспользуется слишкомъ ясно выраженными просьбами, чтобы

передъ всѣмъ свѣтомъ обвинить Россію въ хищническихъ намѣреніяхъ, въ посягательствѣ на неприкосновенность и существованіе независимаго государства. Онъ обвинитъ ее предъ всей Европой въ преступныхъ замыслахъ и, по меньшей мѣрѣ, навсегда уронитъ ее во мнѣніи варшавянъ, а императоръ Александръ, несмотря на свои неудачи и досаду, никогда не отказывался отъ мысли обойти и привлечь къ себѣ поляковъ. Поэтому въ Петербургѣ сочли нужнымъ поступать какъ можно осторожнѣе, взвѣшивать каждый шагъ и соблюдать строжайшую тайну. Признано было необходимымъ говорить только намеками, едва слышнымъ шопотомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, сохранить за собой право отречься отъ собственныхъ словъ, и утверждать, что ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи. Итакъ, разговоръ долженъ былъ вестись въ формѣ легкихъ намековъ, загадокъ, замалчиваній, ибо цѣлью Россіи было навести на способъ рѣшенія, не указывая его опредѣленно, и, такимъ путемъ, довести до предложенія себѣ того, чего она не хотѣла просить. Чтобы подмѣтить тайный умыселъ Александра, или, вѣрнѣе, его министра, чтобы понять, чего добивается и къ чему клонится ихъ политика,—нужно въ грудѣ документовъ, оставшихся намъ отъ переписки обоихъ дворовъ этой эпохи, ловить самыя незначительныя выраженія, разсѣянныя то тутъ, то тамъ въ цѣломъ морѣ реторики, съ запутанными фразами и пояснительными придаточными предложеніями. Переговорамъ о Польшѣ, въ которыхъ рѣшается судьба Россіи и Франціи, придается не существенный, замаскированный характеръ; ихъ стараются украдкой втиснуть въ растянутые и скучные споры, ведущіеся только для вида. Мы увидимъ, какъ эти переговоры будутъ прокладывать себѣ путь сквозь наборъ пустыхъ словъ и безплодныхъ разсужденій.

Прежде всего, герцогу Виченцы, въ видахъ подготовки, были сдѣланы нѣкоторые намеки. Когда онъ жаловался на указъ, ему отвѣчали въ сдержанномъ, примирительномъ тонѣ; но Румянцевъ и самъ императоръ давали понять, «что слѣдовало одновременно,—а, можетъ быть, и раньше,—сговориться по другимъ вопросамъ..., что слѣдовало прежде принять въ соображеніе политику, а затѣмъ уже торговлю» [1]). Но, когда посланникъ, опи-

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 27 марта.

раясь на эти заявленія, приступалъ къ спорнымъ политическимъ вопросамъ, когда убѣждалъ государя и Румянцева принять взамѣнъ Ольденбурга Эрфуртъ или указать другое соотвѣтственное вознагражденіе, Александръ начиналъ отвѣчать неопредѣленно. Онъ ограничивался просьбами о справедливомъ къ нему отношеніи, объ удовлетвореніи его законныхъ требованій, объ обезпеченіи его безопасности; утверждалъ, что дѣло Франціи заговорить первой и сдѣлать предложеніе. Румянцевъ шелъ немного дальше. По его словамъ, «дверь къ соглашенію всегда открыта, если только пожелаютъ предложить приличное и справедливое вознагражденіе, пріемлемое и герцогомъ Ольденбургскимъ, и Россіей, непосредственно съ которой слѣдуетъ обсуждать теперь это дѣло... Эрфуртъ ни въ какомъ отношеніи не будетъ настоящимъ вознагражденіемъ и не подходитъ ни принцу, ни Россіи, *которая можетъ желать и принять только такое вознагражденіе, которое по своему мѣстоположенію представляло бы гарантію ея спокойствія и которое она могла бы защитить и поставить въ лучшія условія въ будущемъ*» [1]). Понятно было, что для того, чтобы новое владѣніе принца нашло обезпеченіе своей безопасности въ своемъ географическомъ положеніи, ему необходимо было прикасаться къ той единственной имперіи, опираться на то единственное государство, которое заинтересовано въ его защитѣ. Среди безчисленныхъ территорій, которыми располагалъ Наполеонъ, была только одна, граничившая съ Россіей: то было герцогство Варшавское.

Вотъ какими рѣчами петербургскій кабинетъ направлялъ нашего посланника на путь и давалъ ему возможность разгадать загадку. Помимо этого, царю представился случай обратиться непосредственно къ императору французовъ. Письмо Наполеона къ царю отъ 28 февраля, порученное Чернышеву, было только-что доставлено и требовало отвѣта. Александръ немедленно приготовилъ его. Разумѣется, онъ рѣшилъ отправить его съ Чернышевымъ, такъ какъ у него были основательныя причины опять водворить въ Парижѣ этого тонкаго наблюдателя, этого проницательнаго и обстрѣляннаго агента. Въ своемъ письмѣ къ императору Александръ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго намека на раздробленіе польскаго государства. Но, развѣ нельзя было,

---

[1]) Id., 6 апрѣля.

искусно оттѣнивъ нѣкоторыя фразы, заставить Наполеона подумать объ этомъ, внушить ему такую мысль?

Александръ составилъ письмо весьма тщательно, о чемъ можно судить по собственноручно написанному и нѣсколько разъ передѣланному черновику [1]). Онъ принялъ вызовъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ и держался мужественно; но, переходя, въ видахъ защиты, въ нападеніе, никогда не уклонялся отъ утонченно-вѣжливаго тона, и въ завязавшейся между императорами полемикѣ ни на волосъ не стоялъ ниже своего соперника. Съ большимъ достоинствомъ повторяетъ онъ свои жалобы по поводу Ольденбурга, оправдываетъ себя по поводу указа, напоминаетъ объ оказанныхъ имъ общему дѣлу услугахъ, указываетъ мимоходомъ, что производившіяся въ герцогствѣ крѣпостныя работы и вооруженія потребовали и съ его стороны извѣстныхъ мѣръ въ томъ же родѣ. Затѣмъ, выставивъ себя строгимъ блюстителемъ договоровъ, онъ заканчиваетъ такъ: «Если,—вмѣсто того, чтобы предаваться мрачнымъ предчувствіямъ, будто я выжидаю только удобнаго момента, чтобы измѣнить политическую систему,—Вашему Величеству угодно будетъ отнестись ко мнѣ справедливо, вы должны признать, что нельзя быть добросовѣстнѣе меня въ поддержаніи принятой мною политической системы. Я не зарюсь на моихъ сосѣдей; люблю Францію. Какая же мнѣ выгода желать войны? Россіи не нужны завоеванія, у нея и такъ слишкомъ много земли. Признавая Ваше Величество за величайшій военный геній, я ничуть не заблуждаюсь насчетъ трудностей войны, если ей суждено между нами возникнуть. Помимо того, мое самолюбіе прикрѣпляетъ меня къ союзу съ Франціей. Послѣ того, какъ я положилъ союзъ въ основу политики Россіи, послѣ того, какъ мнѣ пришлось довольно долго бороться съ существовавшими доселѣ враждебными союзу взглядами, не можетъ быть разумныхъ поводовъ подозрѣвать во мнѣ желаніе разрушить мой собственный трудъ и начать войну съ Вашимъ Величествомъ; и если вы ея желаете такъ же мало, какъ и я, то, болѣе чѣмъ вѣроятно, что ея не будетъ. Чтобы доставить вамъ лишнее доказательство, я предлагаю Вашему Величеству передать на ваше усмотрѣніе дѣло о вознагражденіи за Ольденбургъ. Поставьте себя на мое мѣсто, и рѣшите сами, Ваше Величество,

---

[1]) Archives de Saint-Pétersbourg.

чего бы вы пожелали въ подобномъ случаѣ. Въ распоряженіи Вашего Величества всѣ средства устроить дѣло такъ, чтобы еще тѣснѣе соединить обѣ имперіи и сдѣлать разрывъ навсегда невозможнымъ. Я, съ своей стороны, готовъ помогать вамъ въ этомъ. Повторяю еще разъ: если будетъ война,—значитъ, таково желаніе Вашего Величества, и сдѣлавъ все, чтобы ея избѣгнуть, я сумѣю сражаться и дорого продать свое существованіе. Угодно ли Вашему Величеству, вмѣсто этого, признать во мнѣ друга и союзника? Если да, вы найдете во мнѣ тѣ же чувства привязанности и дружбы, какія всегда знали во мнѣ» [1]).

Такимъ образомъ, Александръ вкратцѣ говорилъ Наполеону: Я заранѣе принимаю то, что вы мнѣ предложите, если вы согласны стать на мое мѣсто и, при такихъ условіяхъ, опредѣлить мою долю. Повидимому, невозможно было внести больше уступчивости и деликатности въ разсмотрѣніе столь труднаго и щекотливаго дѣла. По-истинѣ, это былъ искуснѣйшій маневръ. Въ самомъ дѣлѣ, чего могъ желать Наполеонъ, если бы онъ былъ на мѣстѣ Александра, т. е. если бы у его границы, въ видѣ постоянной угрозы, стояло стремящееся къ расширенію воинственное государство? Несомнѣнно, онъ желалъ бы, чтобы эта причина столькихъ тревогъ была устранена, чтобы это пламя раздора было уничтожено. Отсюда слѣдуетъ выводъ: необходимо, чтобы онъ согласился пожертвовать частью герцогства, ради справедливыхъ опасеній Россіи.

Довольствуясь внушеніемъ Наполеону такихъ мыслей, Александръ не поднималъ болѣе объ этомъ разговора. Но въ виду желанія лишить Наполеона слишкомъ удобнаго предлога прикинуться глуховатымъ, слѣдовало говорить яснѣе; необходимо было, чтобы, въ концѣ-концовъ, кто-нибудь упомянулъ въ Парижѣ о герцогствѣ и поставилъ его въ тѣсную связь съ Ольденбургомъ. Сдѣлать это поручено было Чернышеву въ разговорахъ, которые онъ неминуемо будетъ вести съ императоромъ французовъ. Это порученіе далъ ему не Александръ, а Румянцевъ, и все же министръ не рѣшился высказаться предъ нимъ вполнѣ откровенно. Зная Чернышева за молодого человѣка съ проницательнымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, онъ прибѣгъ къ метафорѣ, не препятствуя Чернышеву подставить въ

---

[1]) Письмо опубликовано Татищевымъ, Александръ I-ый и Наполеонъ, 547—552.

ней надлежащія выраженія. Объяснивъ ему, что желаніе императора состоитъ въ томъ, чтобы слить «въ одинъ договоръ дѣла Ольденбурга и Польши, присоединивъ къ нимъ и новый торговый договоръ съ Франціей», онъ добавилъ: «Если бы удалось всыпать въ одинъ мѣшокъ дѣла Польши и Ольденбурга, перемѣшать ихъ хорошенько и затѣмъ вытряхнуть, союзъ обѣихъ имперій сталъ бы такимъ прочнымъ, тѣснымъ и искреннимъ, какимъ не былъ еще никогда, и все это на зло англичанамъ и даже нѣмцамъ» [1]).

Въ дни, до и послѣ этого секретнаго разговора, Александръ постарался при встрѣчахъ съ Коленкуромъ пустить во всю свойственныя ему предупредительность и обаяніе. Нужно сказать, что посланникъ добился, наконецъ, своего отозванія и послѣ трехлѣтнихъ утомительныхъ трудовъ долженъ былъ черезъ два мѣсяца уѣхать изъ Россіи. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ графъ Лористонъ, флигель-адъютантъ императора и короля. Александръ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ высказалъ Коленкуру живѣйшее сожалѣніе, что ему приходится разстаться съ нимъ. Затѣмъ съ большой похвалой отозвался о его замѣстителѣ, съ которымъ познакомился и котораго оцѣнилъ въ Эрфуртѣ. Въ письмѣ отъ 28 февраля Наполеонъ писалъ царю: «Я искалъ среди моихъ приближенныхъ человѣка, который могъ бы быть наиболѣе пріятнымъ Вашему Величеству и наиболѣе годнымъ для поддержанія между нами мира и союза... [2]). Я горю нетерпѣніемъ узнать, удаченъ ли мой выборъ?» На этотъ вопросъ Александръ отвѣтилъ утвердительно и чрезвычайно любезно.

Теперь, говоря объ императорѣ, онъ въ болѣе приподнятомъ тонѣ повторялъ свои обычныя увѣренія въ преданности и сердечной привязанности, но, прибавлялъ онъ, его чувства плохо цѣнятся и не признаются. «Я могъ замѣтить, писалъ герцогъ Виченцы, что въ отношеніи Вашего Величества вернулся тотъ сердечный тонъ, тѣ дружественныя выраженія, могу даже сказать, сердечныя изліянія, которыя нѣкогда проявлялись такъ часто».—«Дайте мнѣ увѣренность въ безопасности, не переставалъ повторять Александръ, выкажите мнѣ такую же дружбу, съ какой отношусь

---

[1]) Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 84.

[2]) Corresp., 17935.

и желаю относиться къ вамъ я самъ, и никогда ни императоръ, ни его союзники не будутъ имѣть повода жаловаться на меня».— «Въ тотъ же день,—прибавляетъ герцогъ въ своемъ донесеніи,— императоръ, прогуливаясь пѣшкомъ, встрѣтилъ меня на гуляньѣ, въ часы, когда весь городъ бываетъ тамъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и, какъ всегда, пригласилъ меня сопровождать его. Онъ разговаривалъ только о безразличныхъ вещахъ. Такъ какъ публика обращала на насъ большое вниманіе, онъ, смѣясь, сказалъ мнѣ: «Сегодня дипломаты и купцы, какъ я надѣюсь, будутъ гово- «рить только о мирѣ. Миръ—мое главное желаніе, генералъ; вашъ «государь долженъ знать это» [1]).

Въ то время, когда Александръ опровергалъ слухи о разрывѣ и непримиримомъ разногласіи, Чернышевъ въ легкомъ своемъ экипажѣ въ галопъ мчался изъ Петербурга въ Парижъ. «Вѣчный курьеръ», какъ называлъ его Жозефъ де-Местръ [2]), такъ привыкъ къ быстрой ѣздѣ, что перемахнуть черезъ Европу въ двухнедѣльный срокъ вовсе не было для него изнурительнымъ дѣломъ. Полный усердія и энергіи возвращался онъ въ столицу Франціи съ порученіемъ: въ аллегорическихъ выраженіяхъ указать основу къ примиренію и вести переговоры метафорами. Къ несчастью, въ то время, когда Александръ задумалъ вернуться къ прежнимъ отношеніямъ, когда онъ не отклонилъ мѣръ, направленныхъ къ мирной развязкѣ, его войска, въ силу прежнихъ приказаній, двигались къ границѣ. Враждебное теченіе было задержано въ центрѣ, но давало себя чувствовать на окраинахъ. Тамъ все было на военномъ положеніи. Конечно, слухи о движеніи войскъ должны были проникнуть за-границу, а затѣмъ, распространившись по Европѣ, дойти и до Парижа. Тамъ они доведутъ до крайнихъ предѣловъ недовѣріе императора и вызовутъ тревогу. Уже удаляющаяся опасность впервые бросится ему въ глаза. Онъ вообразитъ, что она почти наступила, что на него чуть ли не завтра будетъ нападеніе; онъ найдетъ нужнымъ тотчасъ же отвѣтить на вызовъ и ускоритъ движеніе своихъ войскъ. По роковому совпаденію, одновременно съ полученіемъ предложенія, задачей котораго было придти къ соглашенію, онъ почувствуетъ и угрозу.

---

[1]) 134-е донесеніе Коленкура императору, отправленное 23 апрѣля.

[2]) Oeuvres complétes, t. IV de la Correspondanse, p. 9.

ГЛАВА IV.

ТРЕВОГА.

Рожденіе Римскаго короля.—Безпокойство населенія.—Взрывъ радости.—Волненіе императора.—Первые слухи о войнѣ.—Варшавяне указываютъ на подозрительныя движенія на русской границѣ.—Недовѣріе Даву.—Извѣстія изъ Швеціи и Турціи.—Скептицизмъ императора.—Онъ думаетъ, что Россія вооружается изъ страха, и старается успокоить ее.—Получивъ свѣдѣнія, что нѣсколько дивизій арміи, дѣйствовавшей на Востокѣ, направляются къ границамъ Польши, онъ начинаетъ волноваться.—Мѣры предосторожности.—Наполеонъ охотно отказался бы совсѣмъ отъ войны, лишь бы не вести ее сейчасъ же.—Онъ мирится съ мыслью о миролюбивой сдѣлкѣ.—Отъѣздъ Лористона.—Новое письмо императору Александру.—Призывъ къ довѣрію.—Пріѣздъ Чернышева; императоръ тотчасъ же принимаетъ его.—Четырехчасовой разговоръ.—Припертый къ стѣнѣ, Чернышевъ повторяетъ слово-въ-слово метафору графа Румянцева.—Въ первую минуту Наполеонъ думаетъ, что Россія требуетъ у него все герцогство цѣликомъ.—Вспышка возмущенія и гнѣва.—Данцигъ или Варшава?—Встрѣчныя предложенія императора.—Система любезностей и вниманія.—Чернышевъ осыпанъ ими.—Савари самовольно рѣшается пресѣчь дѣятельность этого шпіона.—Самоувѣренность Чернышева.—Савари прибѣгаетъ къ печати.—Journal de l'Empire.—Статья отъ 12 апрѣля.—Любители новостей.—Эсменаръ.—Гнѣвъ императора; упреки по адресу министра полиціи; мѣры, принятыя противъ автора статьи и редактора журнала.—Пріѣздъ Биньона въ Варшаву.—Суматоха, вызванная противорѣчивыми свѣдѣніями.—Понятовскій чудомъ получаетъ свѣдѣнія о письмахъ императора Александра Чарторижскому.—Планъ вторженія перехваченъ и раскрытъ.—Приближеніе русскихъ войскъ подтверждаетъ сообщенія Понятовскаго.—Поляки теряютъ голову.—Повсемѣстная тревога.—Близость войны.—Энергичная дѣятельность императора.—Праздники Пасхи 1811 г.—Наполеонъ подготовляетъ эвакуацію герцогства и переноситъ свою оборонительную линію на Одеръ.—Даву получаетъ предписаніе: въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій двинуться къ Одеру.—Мѣры для усиленія и оказанія помощи Даву.—Переговоры съ Австріей, Пруссіей, Швеціей и Турціей.—Наполеона не покидаетъ мысль избѣгнуть войны.—Его настойчивыя усилія выяснить себѣ желанія и намѣренія Александра.—Неизданное письмо императора Коленкуру.—Попытки заставить Чернышева высказаться.—Охота 16 апрѣля.—Утренній визитъ Дюрока.—Чернышевъ или упорно отмалчивается, или не говоритъ ничего положительнаго.—Перемѣна въ министерствѣ.—На мѣсто герцога Кадорскаго назначается герцогъ Бассано.—Второе письмо Коленкуру: если то, чего же

лаютъ русскіе, не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, это будетъ сдѣлано.—Наполеонъ на-сторожѣ.—Приказаніе наблюдать за Пруссіей и за русской границей.—Болѣе успокоительныя извѣстія.—Оптическій обманъ.—Тревоги поляковъ утихаютъ.—Наполеонъ прерываетъ переговоры съ Австріей, Пруссіей, Швеціей и Турціей.—Онъ задерживаетъ военныя приготовленія, однако, не прекращая ихъ.—Императоръ не убѣжденъ въ истинныхъ причинахъ безпокойства Россіи, и страстно желаетъ разгадать, чего она добивается.

I.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней ожиданіе крупнаго событія волновало Парижъ и Францію. Беременность императрицы подходила къ концу. Когда наступилъ рѣшительный моментъ, жизнь столицы остановилась. Всѣ дѣла стали; въ мастерскихъ прекратились работы; все—и дѣла и удовольствія—было забыто. Горѣвшее нетерпѣніемъ, ничѣмъ не занятое, праздное населеніе старалось развлечь себя предположеніями, предсказаніями и держало пари. На биржѣ, «гдѣ настроеніе создаетъ интересы» [1]), обычныя сдѣлки прекратились, но спекуляція рисковала огромными суммами, держа пари за полъ будущаго новорожденнаго.

19 марта, вечеромъ, у императрицы начались боли. На другой день утромъ весь городъ былъ на ногахъ. Безмолвныя, густыя толпы запрудили улицы, площади, набережныя и дороги въ Тюльери. Начавшаяся въ десять часовъ пальба изъ пушекъ возвѣстила, что императрица разрѣшилась отъ бремени. Полагалось двадцать одинъ выстрѣлъ въ честь дочери и сто одинъ въ честь сына. При первомъ же выстрѣлѣ движеніе на улицахъ прекратилось. Всѣ замерли на мѣстѣ, застыли въ тѣхъ позахъ, въ какихъ захватилъ ихъ выстрѣлъ. На каждый новый выстрѣлъ отвѣчало въ унисонъ біеніе сердца всей столицы. Секунды послѣ двадцать перваго выстрѣла казались вѣчностью. Наконецъ, раздался двадцать второй, и, бросивъ въ воздухъ торжественную вѣсть, объявилъ городу и всему свѣту о рожденіи дофина, нашедшаго въ своей колыбели королевскую корону съ правами на имперію. Тогда изъ груди милліона людей вырвался могучій крикъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Вскорѣ

---

[1]) Bulletins de police, 7 mars 1811. Archives nationales, AF, IV, 1514.

по всей странѣ, изъ конца въ конецъ воцарились почти единодушный восторгъ и всеобщее ликованіе. На нѣсколько дней замолкли раздоры, прекратились ссоры, враги перестали ненавидѣть другъ друга [1]). Появилась вѣра въ свѣтлую будущность. Большинство французовъ еще вѣрило въ императора, оно начало вѣрить и въ имперію. Непритворная радость и желаніе подслужиться проявились въ тысячѣ видахъ—и устройствомъ по собственной иниціативѣ иллюминацій, и представленіемъ во всѣхъ театрахъ пьесъ, нарочито сочиненныхъ на этотъ случай, и цѣлымъ потокомъ одъ и кантатъ. Императору непрерывно приносились официальныя поздравленія. Каждое утро, въ силу требованій этикета, дамы, представленныя ко двору, являлись въ парадныхъ туалетахъ справляться о состояніи здоровья императрицы и расписываться во дворцѣ; члены Законодательнаго Корпуса, проѣхавъ черезъ Парижъ въ парадныхъ экипажахъ, въ напыщенныхъ выраженіяхъ принесли поздравленія своему повелителю. Въ это время чело Наполеона сіяло счастьемъ, глаза были влажны, рѣчь проста и сердечна; онъ производилъ впечатлѣніе безконечно и безхитростно счастливаго отца; былъ счастливъ, какъ человѣкъ, какъ глава и зиждитель государства. Его сердце умилялось при мысли о маленькомъ существѣ, къ которому въ страстномъ порывѣ стремилась вся его душа, созданная для переживанія всѣхъ чувствованій въ сверхчеловѣческой мѣрѣ. Помимо того, въ этой колыбели съ парящемъ надъ нею орломъ онъ видѣлъ залогъ устойчивости своей династіи и своего дѣла. Щедростью, благодѣяніями, помилованіемъ усугубляя счастье своихъ подданныхъ, онъ сумѣлъ придать особую радость тѣмъ минутамъ, которыя не надолго отвлекли Францію отъ ея тревогъ и страданій, и оторвали ее отъ настоящаго, чтобы пожить въ будущемъ, томъ будущемъ, которое хотѣлось видѣть свѣтлымъ и спокойнымъ.

Въ эти-то счастливые дни пришли съ Сѣвера первые тревожные слухи. На горизонтѣ опять показался врагъ, иначе говоря, война, которая, сдѣлавъ французовъ царемъ народовъ, теперь, въ силу своего постоянства и возрастающей жестокости, разсматривалась

---

[1]) Бюллетень полиціи отъ 20 марта: „На рынкѣ два носильщика поссорились и чуть не затѣяли драку; но, когда раздался первый выстрѣлъ, они тотчасъ же прекратили ссору, начали считать выстрѣлы и на двадцать второмъ бросились въ объятія другъ другу“. Archives nationales, AF, IV, 1514.

ими, какъ главная причина ихъ бѣдствій. Пока угроза была едва замѣтна. Это было только предостереженіе, идущее изъ дали, тревожный шопотъ изъ тѣхъ мѣстъ на Вислѣ, гдѣ была намѣчена стратегическая граница Франціи. Варшавскіе поляки, несмотря на необычайную скрытность своихъ сосѣдей, начали замѣчать какія-то подозрительныя движенія. Хотя ихъ взоры съ трудомъ проникали за строго-охраняемую границу, тѣмъ не менѣе, они видѣли, какъ позади завѣсы ходили взадъ и впередъ грозныя тѣни, какъ неясно обрисовывались и росли контуры армій. Инстинктомъ самосохраненія они почувствовали, что имъ грозитъ опасность, и стали звать на помощь. Власти герцогства обращались ко всѣмъ: писали въ Дрезденъ, Данцигъ, Гамбургъ; извѣщали императорскій дворъ, генерала Раппа, маршала Даву. Главнокомандующій арміей, бывшій въ то же время и военнымъ министромъ, князь Понятовскій, отправилъ одного изъ своихъ адъютантовъ въ Парижъ предупредить императора [1]).

Но поляки столько разъ доносили о несуществующихъ опасностяхъ, что къ ихъ сообщеніямъ притупилось всякое вниманіе, изсякъ всякій интересъ. Всѣмъ былъ извѣстенъ ихъ впечатлительный и нервный темпераментъ; всѣ знали, какъ легко разыгрывается и создаетъ всевозможныя небылицы ихъ воображеніе; всѣ неоднократно убѣждались, что въ ихъ очки все казалось въ десять разъ больше. Въ первый разъ, когда они увидѣли и сказали правду, имъ никто уже не вѣрилъ. Для спокойствія совѣсти Даву предписалъ Раппу, стоявшему ближе его къ границѣ: не поднимая шума, послать на развѣдку офицеровъ и выяснить дѣло; но до болѣе полныхъ свѣдѣній не счелъ нужнымъ поднимать тревогу. Онъ приписывалъ большинству варшавскихъ командировъ, въ томъ числѣ и Понятовскому, полное неумѣнье разбираться въ дѣлахъ. «Когда я былъ въ Варшавѣ,—писалъ онъ, вспоминая прошлое,—Понятовскимъ пользовались, чтобы передавать мнѣ самыя нелѣпыя донесенія» [2]). Несмотря

---

[1]) Переписка Серра, французскаго дипломатическаго агента въ Варшавѣ, февраль и мартъ 1811 г., passim. Письма Понятовскаго, письма Раппа, донесенія шпіоновъ, донесенія Даву и его письма къ императору отъ 17, 24 и 31 марта. Archives nationales, AF, IV, папка № 1653. Въ этой папкѣ находится объемистое дѣло съ документами, относящимися къ тревогѣ въ апрѣлѣ 1811 г.

[2]) Даву императору, 31 марта 1811. Archives nationales, AF, IV, 1653.

на уваженіе, которое внушала храбрость поляковъ, они не добились популярности въ нашей арміи; ихъ шумныя требованія услуги за услугу, ихъ манія плакаться при всякомъ удобномъ случаѣ, ихъ постоянныя просьбы денегъ надоѣдали. Считалось почти невозможнымъ, внѣ поля битвы, относиться къ нимъ серьезно.

Но вслѣдъ за тѣмъ извѣстія изъ другихъ источниковъ придали ихъ словамъ нѣкоторое значеніе. Эти извѣстія шли и съ Сѣвера, и съ Юга—изъ двухъ государствъ, находившихся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для наблюденія за тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи. Нашъ посланникъ въ Швеціи доносилъ, что на противоположномъ берегу Балтійскаго моря—въ Финляндіи—идетъ передвиженіе войскъ, что люди и матеріальная часть направляются къ югу. Онъ полагалъ, что между Россіей и Англіей уже возстановлены прежнія отношенія и что изъ Россіи въ Англію и обратно постоянно снуютъ эмиссары. Правда, наше посольство въ Стокгольмѣ говорило только по-наслышкѣ, основываясь на весьма подробныхъ, но выдуманныхъ свѣдѣніяхъ—на сказкахъ, которыя любезно разсказывалъ ему Бернадотъ. Вполнѣ возможно, что наслѣдный принцъ приписывалъ царю наступательные планы съ цѣлью придать себѣ въ глазахъ императора бо̀льшее значеніе и подороже продать себя. Иное дѣло на Востокѣ. Тамъ наши агенты ссылались на то, что видѣли собственными глазами. Нашъ консулъ въ Бухарестѣ, жившій въ странѣ, занятой русскими, вращавшійся среди нихъ, собственными глазами видѣлъ, какъ ежедневно уходили съ береговъ Дуная цѣлые полки, бригады, дивизіи и направлялись къ польскимъ провинціямъ. Для того, чтобы Россія лишала себя возможности вырвать у турокъ уступку княжествъ, чтобы она отказалась отъ своихъ надеждъ и домогательствъ на Востокѣ, нужно было, чтобы она считала себя самое подъ угрозой или чтобы перенесла свои честолюбивыя стремленія въ другое мѣсто; одно изъ двухъ: или она замышляла коварные планы, или сама боялась нападенія.

Послѣднее предположеніе было единственнымъ, которое въ началѣ казалось Наполеону правдоподобнымъ. Когда ему говорили о планахъ насчетъ герцогства, о возможности внезапнаго нападенія, онъ слушалъ съ недовѣрчивой улыбкой, пожималъ плечами. Русскій государь и его кабинетъ не пріучили его къ подобнымъ

безразсудно-смѣлымъ поступкамъ. «Нѣтъ! не посмѣютъ», какъ будто хочетъ онъ сказать. Онъ думаетъ, что если Россія вооружается, то, безъ сомнѣнія, потому, что, несмотря на всѣ предосторожности, она пронюхала о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ; что она освѣдомлена о нихъ, несмотря на то, что они находятся въ зачаточномъ состояніи; что, наблюдая за постепеннымъ увеличеніемъ перваго корпуса, за посылкой въ Данцигъ подкрѣпленій, она думаетъ, что въ недалекомъ будущемъ ей грозитъ нападеніе, и спѣшно принимаетъ нѣкоторыя мѣры. Чтобы разсѣять ея тревогу, Наполеонъ приказываетъ Шампаньи поискуснѣе обманывать Куракина и повторить ему съ большими подробностями, что назначеніе новаго гарнизона—помѣшать высадкѣ англичанъ [1]). Коленкуру поручается говорить въ самомъ миролюбивомъ тонѣ, а затѣмъ—думаетъ императоръ—пріѣдетъ его замѣститель Лористонъ, и будетъ повторять тѣ же увѣренія съ авторитетомъ человѣка, снабженнаго самыми свѣжими инструкціями. Рѣчами, направленными къ умиротворенію, старается Наполеонъ успокоить броженіе умовъ въ Россіи. Онъ считаетъ его прискорбнымъ явленіемъ, но не думаетъ, чтобы оно уже укоренилось и было серьезнымъ.

Въ началѣ апрѣля вооруженія Россіи пріобрѣли такую огласку, что нельзя было не признавать ихъ значенія. Со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія все болѣе опредѣленнаго, безспорнаго характера, требующаго внимательнаго отношенія. Съ одной стороны—поляки, живя въ постоянномъ страхѣ, не переставали кричать о надвигающейся опасности, съ другой—изъ Стокгольма ясно было видно, какъ изъ Финляндіи уходили войска. Затѣмъ, по словамъ нашихъ агентовъ, главная часть русской арміи на Востокѣ—пять дивизій изъ девяти, усиленныя сверхъ установленнаго комплекта за счетъ остальныхъ четырехъ, мѣняютъ фронтъ и форсированнымъ маршемъ отходятъ къ западной границѣ Россіи. Эта перемѣна въ расположеніи войскъ—показатель перемѣны политическаго фронта—является въ глазахъ Наполеона крайне подозрительнымъ и наиболѣе знаменательнымъ фактомъ.

Помимо того, вся Европа начинаетъ говорить, что готовится война и что иниціативу ея возьметъ на себя Россія. Наши

---

[1]) Corresp., 17523.

друзья и наши агенты волнуются и считаютъ своимъ долгомъ предостеречь насъ. Въ Парижѣ министръ полиціи портитъ себѣ глаза, проводя вечера за чтеніемъ тревожныхъ донесеній; министръ иностранныхъ дѣлъ находитъ въ корреспонденціяхъ изъ Дрездена, Вѣны, Берлина и Копенгагена подтвержденіе фактовъ, на которые указывается въ корреспонденціяхъ съ Сѣвера и Востока. Слухи о войнѣ начинаютъ проникать даже въ публику. Биржа волнуется, курсъ падаетъ. Всѣмъ очевидно, что на Сѣверѣ собирается гроза. Только французское посольство въ Петербургѣ по-прежнему невозмутимо-спокойно. Оно ничего не видитъ, ничего не слышитъ: отъ него все закрыто туманомъ. Ему неизвѣстно, что въ непосредственной близости отъ него, въ огромномъ государствѣ, за которымъ ему поручено наблюдать, все поставлено на ноги и идетъ въ походъ; что всюду чувствуется непрерывно дѣйствующая, направляющая воля; что Россія переноситъ и стягиваетъ всѣ вооруженныя силы къ одному пункту своей границы—къ тому, который граничитъ съ варшавской Польшей.

При такихъ условіяхъ, нападеніе на великое герцогство дѣлается болѣе или менѣе возможнымъ. Все еще не допуская, чтобы у императора Александра было заранѣе обдуманное намѣреніе напасть на герцогство, Наполеонъ долженъ былъ спросить себя, устоитъ ли царь противъ искушенія воспользоваться своими войсками, когда они въ полномъ сборѣ, въ образцовомъ порядкѣ будутъ въ его распоряженіи; когда они войдутъ въ соприкосновеніе съ слабой арміей герцогства, завладѣть которымъ такъ много соблазна?—Война близка уже только потому, что арміи стоятъ одна противъ другой. Ничтожнаго событія, случайной стычки, искры достаточно, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Мы видѣли, какъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ неудержимо шли къ войнѣ; теперь идутъ къ ней бѣглымъ шагомъ.

Въ концѣ-концовъ, Наполеонъ рѣшается принять нѣкоторыя неотложныя мѣры предосторожности. Онъ приказываетъ ускорить движеніе нѣмецкихъ контингентовъ, отправленныхъ въ Данцигъ, призываетъ къ дѣятельности государей, которымъ поручено ихъ доставить, распекаетъ запоздавшихъ. Даву получаетъ приказаніе—если того потребуютъ обстоятельства—перенестись «во весь духъ» черезъ Штеттинъ, Мекленбургъ и Померанію на Одеръ и Вислу. Первый корпусъ долженъ пройти

это пространство «въ полномъ составѣ, идя, какъ бы во время войны, быстро и въ три колонны» [1]).—«Но мы еще не дошли до войны», торопится добавить императоръ. Тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ немедленно собрать войска за Рейномъ и Альпами.

Естественнымъ отраженіемъ причиняемыхъ ему Россіей безпокойствъ является бо́льшая предупредительность къ государствамъ, которыя могутъ служить ему противъ нея. 5 апрѣля въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ, княземъ Шварценбергомъ, онъ впервые говоритъ о союзѣ въ положительномъ смыслѣ и высказываетъ желаніе на всякій случай имѣть въ своемъ распоряженіи вспомогательный корпусъ [2]). Затѣмъ, онъ уже не такъ пренебрежительно относится къ заискиваніямъ Пруссіи и разрѣшаетъ своему представителю при ней, Сенъ-Марзану, вступить въ разговоръ [3]). Далѣе на Сѣверѣ Алькіе́ру предписывается отнестись съ бо́льшимъ вниманіемъ къ предложеніямъ Бернадота и опредѣленно узнать, «чего хотятъ» [4]). Въ довершеніе всего Шампаньи подготовляетъ проектъ депеши Латуръ-Мобуру, нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Этотъ агентъ долженъ быть немного откровеннѣе съ министрами Порты, впрочемъ, сохраняя большую осторожность. «У насъ нѣтъ еще войны съ Россіей, говорится въ проектѣ. Императору не угодно этой новой войны. Россія навѣрно боится войны и очень далека отъ того, чтобы желать ея. Между обоими правительствами по-прежнему существуетъ союзъ, такъ что показная сторона его должна тщательно сохраняться. Поэтому вы должны остерегаться всякаго открытаго выступленія, въ которомъ Россія могла бы видѣть шагъ, направленный противъ нея. Тѣмъ не менѣе, подготовляйте узы, которыя, въ случаѣ войны, могли бы соединить Францію съ Турціей, и втихомолку сглаживайте препятствія, чтобы не было помѣхи къ тѣсному союзу обоихъ государствъ» [5]). Изъ этого проекта видно, что Наполеонъ хочетъ воспользоваться Турціей, подобно Швеціи; что онъ намѣренъ бросить ее на флангъ рус-

---

[1]) Corresp., 17566.
[2]) Helfert, 197—200.
[3]) Corresp., 17581.
[4]) Id.
[5]) Arhives des affaires étrangères, Turquie, 221.

скихъ армій, если бы тѣмъ пришла фантазія пойти на Варшаву.

Онъ сознаетъ, что вторженіе русскихъ въ герцогство будетъ для него величайшей помѣхой. Оно можетъ разстроить все будущее, всѣ планы, сформировавшіеся въ его умѣ. Въ результатѣ, досада, вызванная тѣмъ, что, можетъ быть, ему придется вести войну безъ надлежащей подготовки, вынуждаетъ его приступить къ болѣе серьезнымъ переговорамъ съ Россіей. Пока онъ вѣрилъ въ возможность отсрочить кризисъ до будущаго года, т. е. до того времени, когда въ его рукахъ будутъ всѣ средства, онъ допускалъ только два радикальныхъ, цѣликомъ въ свою пользу, рѣшеній: или войну, которая бросила бы Россію къ его ногамъ, или же ея капитуляцію въ силу простого развертыванія нашихъ силъ. Но кризисъ возникаетъ раньше назначеннаго имъ времени, онъ застаетъ его врасплохъ; поэтому онъ не отвергаетъ мысли покончить дѣло мирнымъ путемъ. Онъ не прочь помириться и принять во вниманіе требованія противника, лишь бы это не слишкомъ затрагивало его гордость и его политику. Будутъ ли его стремленія къ полюбовному соглашенію отвѣчать таковымъ же желаніямъ, зародившимся немного раньше въ умѣ Александра, остановятъ ли они конфликтъ, сохранятъ ли миръ?

II.

1 апрѣля нашъ новый посланникъ въ Россіи, генералъ Лористонъ, получилъ приказаніе выѣхать изъ Парижа и отправиться къ мѣсту назначенія. Его инструкціи уполномочивали его сказать, что императоръ начнетъ войну только въ двухъ случаяхъ: если Россія подпишетъ миръ съ англичанами или же потребуетъ отъ турокъ территорій по ту сторону Дуная [1]). Лишь только Лористонъ выѣхалъ, его нагнало письмо, которое Наполеонъ поручалъ ему передать императору Александру. Это былъ самый настойчивый призывъ къ чувствамъ дружбы и довѣрія, къ откровенному объясненію, во время котораго все было бы высказано другъ другу и по всѣмъ претензіямъ можно было бы придти къ соглашенію. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ со-

[1]) Corresp., 17571.

знается, что вооружается, и увѣряетъ, что имѣетъ на это право, ибо «извѣстія изъ Россіи не носятъ миролюбиваго характера. То, что тамъ происходитъ — говоритъ онъ далѣе — служитъ новымъ доказательствомъ тому, что повтореніе одного и того же — самый сильный реторическій пріемъ. Вашему Величеству столько разъ повторяли, что я питаю злобу къ вамъ, что ваше довѣріе ко мнѣ пошатнулось. Русскіе уходятъ съ границы, на которой они нужны, и отправляются туда, гдѣ у Вашего Величества только друзья. Я тоже долженъ былъ подумать о своихъ дѣлахъ и принять свои мѣры. Въ противовѣсъ моимъ приготовленіямъ, Ваше Величество вынуждены будете усилить свои; все, что вы сдѣлаете, отзовется здѣсь, и вынудитъ меня къ новымъ рекрутскимъ наборамъ, и все это ради какихъ-то призраковъ. Это—повтореніе того же, что я видѣлъ въ 1807 г. [1]) въ Пруссіи и въ 1809 г. въ Австріи. Что касается меня, я останусь личнымъ другомъ Вашего Величества даже тогда, когда злой рокъ, увлекающій Европу, заставитъ наши народы взяться за оружіе. Я не буду слѣдовать примѣру Вашего Величества: я не нападу никогда; мои войска двинутся только въ томъ случаѣ, если Ваше Величество разорветъ тильзитскій договоръ. Я первый разоружусь, и приведу дѣла въ то положеніе, въ какомъ они были годъ тому назадъ, если Вашему Величеству угодно будетъ вернуться къ прежнему довѣрію. Имѣли ли вы когда-нибудь поводъ раскаяваться въ оказанномъ мнѣ довѣріи?»... [2])

Въ Германіи Лористонъ встрѣтилъ полковника Чернышева, который мчался въ противоположномъ ему направленіи. 9 апрѣля по воздушному телеграфу *) было сообщено о проѣздѣ расторопнаго офицера черезъ Мецъ. Наполеонъ былъ въ восторгѣ. Безъ сомнѣнія, думалъ онъ, Чернышевъ везетъ отвѣтъ на письмо отъ 28 февраля; его пріѣздъ, можетъ быть, все выяснитъ. Чернышева ждали на третій день, но онъ ѣздилъ съ такой быстротой, что всегда являлся раньше предположеннаго срока. 10-го утромъ онъ примчался въ Парижъ. Почти тотчасъ же по пріѣздѣ онъ отправился въ Тюльери. Тутъ его не заставили долго

---

[1]) Онъ хотѣлъ сказать 1806 г.

[2]) Corres г., 17579.

*) Рядъ приборовъ съ оптическими стеклами, поставленныхъ на особыхъ вышкахъ; этими приборами пользовались въ то время для сигнализаціи. (Прим. перев.)

ждать въ пріемной залѣ. Едва онъ назвалъ свою фамилію, дежурный камергеръ ввелъ его къ Его Величеству.

Предупрежденный министромъ полиціи, императоръ зналъ, что этотъ посолъ былъ не только посломъ, но и шпіономъ. Тѣмъ не менѣе, у него были вѣскія причины принять его хорошо. Онъ встрѣтилъ его съ довольнымъ видомъ, высказалъ, что пріятно пораженъ тѣмъ, что въ такое непродолжительное время вторично видитъ его и поздравилъ его съ его волшебной расторопностью. «Ну! о чемъ же думаютъ у васъ,—о мирѣ или о войнѣ?» [1]) сказалъ онъ затѣмъ.

Чернышевъ подалъ ему письмо императора Александра отъ 25 марта, и сказалъ, что его государь по-прежнему непоколебимо желаетъ поддерживать союзъ на старыхъ началахъ. Послѣ этого начался длинный разговоръ о взаимныхъ обидахъ, при чемъ Наполеонъ высказалъ, что «такъ какъ онъ твердо убѣжденъ, что война съ Россіей, кромѣ вреда, ничего ему не принесетъ, то самое искреннее его желаніе столковаться съ ней по-дружески, и что онъ сейчасъ же увидитъ, даетъ ли ему письмо императора Александра возможность сдѣлать это».

Онъ сломалъ печать. По мѣрѣ чтенія письма на лицѣ его все болѣе выступало разочарованіе. Во всемъ, что говорилъ ему Александръ, онъ не находилъ ничего опредѣленнаго, ничего, что давало бы ему возможность придти къ какому-нибудь заключенію. Дѣйствительно, трудно было угадать скрытый смыслъ письма безъ комментаріевъ, дать которые уполномоченъ былъ Чернышевъ. Дойдя до фразы, въ которой царь жаловался на неувѣренность въ своей безопасности, Наполеонъ съ досадой воскликнулъ: «Кто же посягаетъ на ваше существованіе? Кто намѣренъ напасть на васъ?»—Вѣдь, онъ уже сказалъ, что возстановленіе Польши «стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ въ его планахъ».

Затѣмъ, Наполеонъ перешелъ къ сожалѣніямъ по поводу страховъ Россіи и ея лишенныхъ почвы треволненій, которые приводятъ ее къ плохо-разсчитаннымъ и непослѣдовательнымъ поступкамъ. Будучи врагами Англіи,—русскіе играютъ ей въ руку; враги турокъ—они, не подписавъ еще мира, прекращаютъ вра-

---

[1]) Всѣ слѣдующія цитаты, до страницы 135, взяты изъ донесенія Чернышева, опубликованнаго въ XXI томѣ Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, стр. 66—109. Донесеніе напечатано въ этомъ изданіи съ невѣрной датой; въ дѣйствительности оно помѣчено апрѣлемъ.

ждебныя дѣйствія, чѣмъ ставятъ себя по отношенію къ Портѣ, а также и къ Австріи, въ фальшивое, нелѣпое и неопредѣленное положеніе; своимъ участіемъ къ Пруссіи они компрометируютъ ее и подвергаютъ еще худшей участи. Наконецъ, будучи союзниками Франціи, они ставятъ себя въ такое положеніе, что могутъ внезапно оказаться въ войнѣ съ ней. Но отдаютъ ли себѣ въ Петербургѣ отчетъ, какая это будетъ война? «Я думаю,—сказалъ Наполеонъ,—что императоръ Александръ заблуждается насчетъ нашихъ средствъ. Онъ ошибается, думая, что въ настоящее время мы слабы. У меня надъ нимъ преимущество въ томъ, что я могу вести съ нимъ войну, не отвлекая ни одного человѣка изъ моихъ армій въ Испаніи... Война только задержитъ мои морскіе планы и будетъ стоить мнѣ денегъ. Но находящихся въ моемъ хранилищѣ шестисотъ милліоновъ, вѣроятно, хватитъ... Если вы не вѣрите мнѣ, я готовъ приказать, чтобы васъ тотчасъ же провели во флигель моего дворца, гдѣ хранятся деньги, и гдѣ вы можете сосчитать ихъ». Итакъ, Франція можетъ выдержать войну, но у нея нѣтъ ни средствъ, ни желанія начинать ее. Она никогда не возьметъ на себя починъ. «Даю честное слово, сказалъ Наполеонъ, — не нападать на васъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, конечно, если вы сами не начнете войны». Но, продолжалъ онъ, только отъ него зависитъ собрать въ нѣсколько мѣсяцевъ триста тысячъ французовъ и несмѣтное количество союзниковъ. И тотчасъ же онъ рисуетъ предъ взорами Чернышева ужасъ наводящую картину: лагери въ сто тысячъ человѣкъ каждый совсѣмъ на пути къ формированію, затѣмъ сто сорокъ четыре полка, изъ которыхъ только семьдесятъ заняты въ Испаніи, словомъ,—«громадную, исполинскую» армію съ восемьюстами орудіями, готовую сейчасъ же двинуться на Сѣверъ. Такимъ образомъ, прибѣгая то къ тому, то къ другому пріему, старается онъ то успокоить Россію насчетъ своихъ намѣреній, то внушить ей страхъ своими средствами, съ цѣлью доказать ей, что соглашеніе еще возможно и что она должна предпочесть его войнѣ.

«Но, письмо императора, вашего государя, не указываетъ мнѣ никакого способа къ достиженію этого,—говоритъ онъ, намекая на соглашеніе. Мнѣ желательно сохранить деньги въ карманѣ, и, сознаюсь, я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ, въ надеждѣ, что вашъ пріѣздъ разсѣетъ всѣ возникшія недоразумѣнія, и дастъ возмож-

ность прекратить огромные расходы и сберечь деньги, которыя мы оба тратимъ на приготовленія къ войнѣ. Но, *дорогой мой другъ*, я по всему вижу, что, несмотря на быстроту вашихъ двухъ поѣздокъ, все ваше порученіе ограничивается нѣсколькими упреками по моему адресу; итакъ, со времени вашего отъѣзда, мы ни на шагъ не подвинулись впередъ». Такъ какъ Чернышевъ выступилъ съ своими миролюбивыми увѣреніями, то онъ продолжалъ: «Все это прекрасно. Однако, это не даетъ мнѣ возможности угадать, чего желаетъ Россія». Затѣмъ, взявъ Чернышева за ухо, «что служило доказательствомъ большой ласки со стороны Его Величества», придавая этимъ властно-дружескимъ жестомъ особое значеніе своимъ словамъ, онъ сказалъ ему: «Поговоримъ теперь, какъ истинные солдаты, просто, безъ дипломатическаго многословія». И устремивъ на молодого человѣка пытливый, насквозь пронизывающій взглядъ, онъ старался проникнуть въ самые тайники его души и выпытать у него тайну его двора.

Хотя Чернышевъ и попалъ въ довольно затруднительное положеніе, онъ не выдалъ тотчасъ же этой тайны. Онъ не хотѣлъ по первому же требованію снять покровъ съ притязаній Россіи на герцогство Варшавское. Такъ какъ то, что ему нужно было сказать, имѣло очень большое значеніе и могло быть дурно принято, онъ высказался только послѣ долгихъ настояній. Сперва онъ сказалъ, что не свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; долго ломался; заставлялъ себя просить. Затѣмъ, считая, что пора сдѣлать рѣшительный намекъ, онъ выразился фигурально, и, слово-въ-слово повторяя метафору Румянцева, сказалъ: «Въ виду того, что канцлеръ относится ко мнѣ очень благосклонно и съ полнымъ довѣріемъ, я осмѣлюсь, съ разрѣшенія Вашего Величества, передать вамъ его разговоръ со мной, сохраняя даже одно изъ его выраженій, а именно: если бы удалось всыпать въ одинъ мѣшокъ дѣла Польши и Ольденбурга, перемѣшать ихъ хорошенько и затѣмъ вытряхнуть, то графъ глубоко убѣжденъ, что союзъ между Франціей и Россіей сдѣлался бы вполнѣ прочнымъ, болѣе тѣснымъ и искреннимъ, чѣмъ прежде, и все это на зло англичанамъ и даже нѣмцамъ».

Слово было сказано. Яркій лучъ свѣта внезапно озарилъ умъ императора. Въ первыя минуты онъ даже подумалъ, что Россія требуетъ у него все герцогство цѣликомъ, что взамѣнъ Ольден-

бурга она хочетъ получить передовое укрѣпленіе, которое стояло во-главѣ нашей оборонительной системы и служило ключомъ къ Германіи.—На это онъ никогда не согласится! Какъ? Отдать герцогство?—Это было бы величайшимъ безразсудствомъ, и, кромѣ того, величайшимъ позоромъ. Въ тысячу разъ лучше война—война сейчасъ же, со всѣми ея случайностями и опасностями, но не уступка на такое требованіе! Вотъ какой отвѣтъ диктовали императору его оскорбленная гордость и вспыхнувшее недовѣріе.

Онъ поднялся, и, дрожа отъ гнѣва, сталъ ходить большими шагами, забрасывая Чернышева въ порывѣ бѣшенства слѣдующими словами: «Ну нѣтъ, милостивый государь! Къ счастью мы не дошли еще до такой крайности: отдать герцогство Варшавское за Ольденбургъ было бы верхомъ безумія. Какое впечатлѣніе произвела бы на поляковъ уступка хотя бы одной пяди ихъ территоріи, въ моментъ, когда Россія угрожаетъ намъ! Мнѣ, милостивый государь, каждый день, со всѣхъ сторонъ твердятъ, что у васъ существуетъ проектъ захватить герцогство. Да вѣдь и мы не всѣ мертвые. Если я и хвастунъ, то, во всякомъ случаѣ, не больше другихъ. Я знаю, что ваши средства велики, что ваша армія и очень хороша, и храбра, да и, помимо того, я слишкомъ много далъ сраженій, чтобы не знать, отъ какихъ пустяковъ зависитъ ихъ судьба. Но, если богъ войны станетъ на нашу сторону, а это возможно, ибо шансы одинаковы, я заставлю Россію раскаяться, и можетъ случиться, что она потеряетъ не только свои польскія провинціи, но и Крымъ».

Чернышевъ далъ пронестись этому бурному потоку. Но лишь только онъ нашелъ возможность вставить слово, онъ постарался ослабить значеніе своихъ словъ. Онъ извинился, что необдуманно повторилъ вырвавшуюся у канцлера мысль; что, можетъ быть, онъ плохо понялъ мысль министра; возможно и то, что не точно передалъ ее.

Видя, что Чернышевъ далъ отбой, Наполеонъ заключилъ изъ этого, что полковникъ уполномоченъ видоизмѣнить и сократить требованіе; что если не выгоритъ комбинація съ польскимъ государствомъ, Россія пожелаетъ получить смежную съ Польшей территорію, владѣя которой она могла бы поставить Варшаву въ зависимость отъ себя, иначе говоря, потребуетъ важную крѣпость, господствующую надъ Вислой. «Теперь, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ, я догадываюсь. Вы желаете получить

за Ольденбургъ Данцигъ. Годъ тому назадъ, даже шесть мѣсяцевъ, я бы отдалъ вамъ его; но теперь, когда я вамъ не довѣряю, когда я живу подъ угрозой, какъ хотите вы, чтобы я отдалъ вамъ единственную крѣпость, которая, въ случаѣ войны съ вами, будетъ точкой опоры для всѣхъ моихъ военныхъ операцій на Вислѣ? Вѣдь, если мнѣ впослѣдствіи будетъ грозить нападеніе, мнѣ придется по собственной волѣ отнести свои операціи на Одеръ».

Такимъ образомъ, считая, что второе требованіе не столь возмутительно, какъ первое, онъ открыто признался, въ силу какихъ соображеній вынужденъ отвергнуть его. Поэтому онъ не оборвалъ разговора. Желая знать, является ли опасеніе возрожденія Польши главной заботой Россіи, оно ли мучитъ ее, въ этомъ ли слѣдуетъ искать корень зла, загадку и разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній, онъ, чтобы вывѣдать это, прибѣгъ къ оригинальному пріему. Разсказъ Чернышева позволяетъ намъ присутствовать при любопытной сценѣ.

«Вслѣдъ за тѣмъ,—разсказываетъ офицеръ въ своемъ донесеніи царю,—Наполеонъ спросилъ меня съ тѣмъ откровеннымъ и добродушнымъ видомъ, который знакомъ Вашему Императорскому Величеству: «Скажите мнѣ откровенно, серьезно ли ду-«маютъ императоръ Александръ и графъ Румянцевъ, что я желаю «возстановить Польшу?» Я отвѣтилъ, что не могу доподлинно сказать, предполагаетъ ли Ваше Величество въ немъ такое намѣреніе, но, что все, что происходитъ въ герцогствѣ Варшавскомъ со времени кампаніи 1809 г., имѣетъ такой видъ, что причиняетъ вамъ безпокойство. Беря меня снова за ухо, онъ сказалъ, что непремѣнно хочетъ знать, что я самъ думаю объ этомъ, прибавивъ: «Не правда ли, вы думаете, что я жду только «окончанія моихъ дѣлъ въ Испаніи, чтобы выполнить это намѣ-«реніе?» Я отвѣтилъ, что я слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы имѣть личное мнѣніе, да къ тому же мой долгъ смотрѣть на все глазами императора, моего государя. Все настойчивѣе требуя отвѣта, Наполеонъ все время забавлялся тѣмъ, что, смѣясь, сильно далъ меня за ухо, увѣряя, что не выпуститъ уха, пока я не исполню его желанія. Эта шутка начала надоѣдать мнѣ, ибо причиняла мнѣ боль, и я сказалъ ему: «Хорошо, Государь! такъ «какъ Ваше Величество непремѣнно желаете получить отвѣтъ, «скажу вамъ, что я не въ силахъ рѣшить, будетъ ли осуще-

«ствленіе такого намѣренія въ вашихъ интересахъ; но не за-
«думаюсь предположить, что, невзирая на вашъ союзъ съ Рос-
«сіей, возстановленіе Польши—при условіи, когда это пока-
«жется вамъ выгоднымъ и у васъ не будетъ другихъ войнъ—
«одна изъ вашихъ затаенныхъ мыслей».

При этомъ признаніи Наполеонъ придалъ лицу своему такое выраженіе, какъ будто остолбенѣлъ отъ горя и изумленія. Непостижимо, сказалъ онъ, какъ упорно приписываютъ мнѣ этотъ планъ. Вѣдь это «большая непредусмотрительность». Постоянно говоря мнѣ, что у меня есть такая мысль, быть можетъ, и кончатъ тѣмъ, что внушатъ мнѣ ее и толкнутъ на это дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ, «если меня хорошенько поколотятъ и заставятъ вернуться во-свояси», по крайней мѣрѣ, вопросъ будетъ рѣшенъ разъ навсегда. Но если война повернется въ мою пользу, онъ можетъ быть рѣшенъ и въ иномъ направленіи.—Тѣмъ не менѣе, думалъ Наполеонъ, слѣдуетъ ли отказаться отъ всякой надежды отвратить это бѣдствіе? Нѣтъ ли, помимо территоріальныхъ жертвъ, на которыя намекнулъ Чернышевъ въ сибиллическихъ выраженіяхъ, какого-нибудь средства разсѣять недоразумѣнія? Императоръ кончилъ тѣмъ, что въ отвѣтъ на дважды предложенную ему загадку, относительно которой онъ боялся, что слишкомъ хорошо разгадалъ ее, представилъ цѣлый рядъ твердыхъ встрѣчныхъ предложеній. Во-первыхъ, предложеніе прибавить къ Эрфурту столько нѣмецкой территоріи, сколько потребуется для составленія герцогу Ольденбургскому удѣла, вполнѣ равнаго конфискованному герцогству; затѣмъ, предложеніе принять и подписать конвенцію, дающую гарантію противъ возстановленія Польши въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ она недавно была предложена Франціей. Взамѣнъ такой серьезной уступки Наполеонъ просилъ только одного: чтобы Россія не жгла произведеній нашей промышленности. По соглашеніи по этимъ вопросамъ, онъ имѣлъ въ виду предложить одновременное разоруженіе. Въ заключеніе, онъ попросилъ Чернышева, не теряя ни минуты, передать его предложенія, кому слѣдуетъ. А такъ какъ, очевидно, это было далеко не то, что желательно было Россіи, онъ попробовалъ пополнить разницу усиленнымъ вниманіемъ въ обращеніи. До конца разговора, продолжавшагося въ общемъ четыре съ половиной часа, онъ осыпалъ Чернышева дружескими и лестными словами, оказывая въ лицѣ посла почетъ царю.

Надо думать, что, вслѣдъ за аудіенціей, офиціальныя сферы получили свыше приказъ: какъ можно лучше обходиться со странствующимъ флигель-адъютантомъ и сдѣлать его пребываніе въ Парижѣ пріятнымъ и веселымъ, ибо тотчасъ же у большинства принадлежащихъ ко двору лицъ проявилось необычайное къ нему расположеніе. Всѣ начали приглашать его къ себѣ, няньчиться съ нимъ. Принцъ Невшательскій просилъ его прибыть на домашній концертъ, данный въ присутствіи приблизительно двадцати самыхъ избранныхъ гостей. Принцесса Полина получила разрѣшеніе приглашать его, какъ и прежде, «на свои маленькіе вечера».

Эта тонко-задуманная, бьющая на самолюбіе, игра была грубо испорчена несвоевременнымъ усердіемъ одного министра. Извѣстно, до какой степени неугомонное любопытство Чернышева, его стремленіе всюду пролѣзть и все разнюхать безпокоили генерала Савари, герцога Ровиго. Этотъ искуснѣйшій министръ полиціи вздохнулъ съ облегченіемъ, когда Чернышевъ незадолго до описываемыхъ событій уѣхалъ въ Россію; но спокойствіе его было непродолжительно. Можно представить себѣ его волненіе и негодованіе, когда онъ узналъ, что этотъ офицеръ, съ котораго нельзя глазъ спустить, только заглянулъ въ Петербургъ, какъ будто съѣздилъ туда только для того, чтобы «перемѣнить лошадей» [1]), и что у него хватило наглости вернуться въ Парижъ продолжать свои продѣлки! Оказанный Чернышеву пріемъ, поднятый его пріѣздомъ переполохъ и выказанная ему благосклонность, которой онъ, конечно, не упуститъ случая злоупотребить, привели въ отчаяніе и негодованіе подозрительнаго министра, не знавшаго подкладки императорской политики. Онъ вступилъ въ борьбу съ общей безхарактерностью, счелъ долгомъ окрыситься и взять на себя роль добраго сторожевого пса нашихъ военныхъ тайнъ.

Чернышева предупредили отъ имени Савари, что слишкомъ большое любопытство можетъ повредить ему. Пусть себѣ веселится во-всю въ Парижѣ и не путается въ другія дѣла—таковъ былъ совѣтъ, который поручено было передать ему. Почувствовавъ уколъ, Чернышевъ отплатилъ дерзостью. Онъ началъ визиты съ министра полиціи, и далъ понять ему, что крайне оскорбленъ несправедливыми подозрѣніями. Чтобы оградить на будущее время свое поведеніе отъ всякаго рода нежелательныхъ

---

[1]) Mémoires de Rovigo, V, 129.

толкованій, онъ съ самымъ простодушнымъ видомъ попросилъ Савари начертать ему планъ поведенія и указать дома, которые онъ можетъ посѣщать.

Савари весьма искусно разыгралъ роль добродушнаго простака. Онъ притворился, что принимаетъ слова своего гостя за чистую монету; осыпалъ его «ласками и вниманіемъ», «обнялъ нѣсколько разъ» [1]); но на другой же день пустилъ въ него новую, собственнаго изобрѣтенія, стрѣлу. Въ этотъ разъ его оружіемъ была печать. Чтобы положить конецъ увлеченію, которое съ новой силой вспыхнуло въ пользу молодого иностранца и открыло предъ нимъ всѣ двери, чтобы сбавить ему спеси и низвести его на роли простого курьера,—онъ придумалъ напечатать въ журналѣ на видномъ мѣстѣ юмористическую статью, которую нельзя было не отнести на счетъ Чернышева, разсчитывая такимъ путемъ развѣнчать его и сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ общества.

Прежній *Journal des Débats*, переименованный въ *Journal de l'Empire*, все болѣе приближался къ офиціальному *Moniteur'y*. Онъ былъ менѣе напыщенъ и носилъ болѣе литературный характеръ. Правительство приказывало печатать въ немъ разнаго рода замѣтки и руководящія статьи для направленія общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе чисто-служебной роли этого журнала никакое проявленіе свободной мысли въ немъ не допускалось. Въ немъ-то 12 апрѣля, на второй страницѣ, и появилась статья въ полтора столбца, подъ названіемъ: *Любители новостей*. Статья—безъ подписи—была написана въ насмѣшливомъ и забавномъ тонѣ. Анонимный авторъ, приведя крайне пикантную выдержку изъ *Персидскихъ писемъ* объ охотникахъ до новостей прошлаго столѣтія, примѣнялъ ее къ своимъ современникамъ. Развѣ современные любители новостей, говорится въ статьѣ, не достойные соперники своихъ предшественниковъ по стремленію легкомысленно возбуждать общественное мнѣніе, по страсти преувеличивать значеніе и событій, и людей; по страсти постоянно предсказывать ужасныя событія и создавать изъ ничтожнѣйшаго курьера особу высокаго значенія?

«Двадцать разъ бросивъ то Сѣверъ на Югъ, то Европу на Азію, собравъ въ Польшѣ армій больше, чѣмъ батальоновъ во

---

[1]) Донесеніе, цитируемое на страницѣ 129 и на слѣдующихъ.

всѣхъ государствахъ земного шара, выписавъ артиллерію изъ Камчатки и набравъ эскадроны сѣверныхъ оленей въ Лапландіи, они переходятъ отъ этихъ чудесъ къ преувеличенію самыхъ заурядныхъ событій. Они извращаютъ ихъ значеніе до невѣроятно смѣшного... Существуетъ такой иностранный офицеръ, значеніе котораго они измѣрили количествомъ почтовыхъ станцій, черезъ которыя тотъ проѣхалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Они съ точностью ученаго вычислили, что сдѣланный имъ, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, путь могъ бы два или три раза охватить земной шаръ. Отсюда эти господа вывели заключеніе, что настоящее время готовитъ чреватое будущее, ибо никто не ѣздитъ такъ быстро, такъ далеко и такъ часто безъ порученій, отъ исполненія которыхъ зависитъ судьба двухъ имперій и пяти или шести королевствъ.

«Впрочемъ, можно успокоить ихъ, напомнивъ имъ извѣстный анекдотъ. У князя Потемкина, дававшаго также въ свое время пищу воображенію охотниковъ до новостей, былъ среди его офицеровъ маіоръ, по фамиліи Бауеръ,—одинъ изъ тѣхъ людей восемнадцатаго столѣтія, которые доставляли особенно много хлопотъ нѣмецкимъ газетчикамъ и русскимъ ямщикамъ. Онъ то и дѣло являлся на самыхъ противоположныхъ дорогахъ, носясь отъ устья Дуная къ устью Невы, отъ Парижа до границъ Туркестана. Засѣдающіе въ кафе политиканы—свидѣтели всѣхъ этихъ поѣздокъ, воображали уже, что дѣло идетъ о возрожденіи древней Греціи, о возстановленіи Таврическаго царства, о завоеваніи Константинополя и даже о тѣхъ великихъ переселеніяхъ народовъ съ Сѣвера, которыя нѣкогда покрывали развалинами западъ и югъ Европы. Хотите знать, какого рода были тайныя порученія маіора Бауера? По возвращеніи изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ выбрать танцовщика, князь посылалъ его за паюсной икрой въ Албанію, за арбузами въ Астрахань или за виноградомъ въ Крымъ. Этотъ офицеръ, проводившій всю жизнь на большихъ дорогахъ, боялся, что когда-нибудь сломитъ себѣ шею, и просилъ сочинить для него надгробную надпись. Одинъ изъ его друзей сочинилъ нижеслѣдующую, которая могла бы пригодиться и нѣкоторымъ изъ его преемниковъ:

«Ci-git Bawer, sous ce rocher;
«Fouette, cocher» *).

---

*) „Подъ камнемъ симъ лежитъ Бауеръ.
„Гони, ямщикъ!“

Статья надѣлала большого шума. Манера выставить посла официально-союзнаго государя, полковника, пріѣхавшаго съ спеціальнымъ отъ него порученіемъ, подъ видомъ зазнавшагося фельдъегеря, постоянно скачущаго то туда, то сюда, съ бубенчиками, подъ звуки ударовъ кнута, была принята всѣми за верхъ дурного тона и непочтительности. Но болѣе всѣхъ возмущенъ былъ императоръ.—Вотъ какъ! Его же начальникъ полиціи осмѣливается ставить препоны его миролюбивой политикѣ; онъ позволяетъ себѣ дѣянія, которыя усиливаютъ и безъ того достигшее уже высокой степени раздраженіе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, благодаря ошибкѣ и глупости одного изъ его министровъ, ему придется чуть ли не сейчасъ имѣть войну, тогда какъ всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы уйти отъ нея.

Онъ потребовалъ герцога Ровиго и задалъ ему жестокій нагоняй. «Вы хотите заставить меня вести войну?—сказалъ онъ ему. Но вѣдь вы знаете, что я не хочу войны, что у меня ничего не готово для этого» [1]). Герцогу вторично дано было приказаніе, на этотъ разъ въ повелительныхъ, не допускающихъ никакихъ разсужденій, выраженіяхъ, прекратить противъ Черышева всякія вылазки, оставить его въ покоѣ, предоставить ему свободу «уходить, приходить, смотрѣть и слушать».—«Не доставало только, чтобы мнѣ приказали самому извѣстить его объ этомъ», добавлялъ сердитымъ тономъ Савари, вспоминая о пережитой нѣкогда непріятности [2]).

Императоръ не ограничился жестокимъ выговоромъ и строгими предписаніями на предбудущее время. Не желая жертвовать своимъ министромъ, онъ не захотѣлъ разоблачать его роли передъ публикой, рѣшивъ найти козла отпущенія среди подчиненнаго Савари персонала. Онъ пожелалъ узнать, кто составилъ статью. Ему назвали Эсменара, профессіональнаго литератора, примазавшагося къ министерству полиціи, гдѣ онъ исполнялъ обязанности цензора. Этотъ то писатель, перо котораго безъ всякой жалости вычеркивало у другихъ всякую подозрительную фразу, позволилъ себѣ написать въ правительственной газетѣ верхъ непристойности. Еще болѣе любопытный фактъ,

---

[1]) Mémoires de Rovigo, V, 132—135.
[2]) Id., 133.

оставшійся въ то время въ тѣни, дополняетъ характеристику этого лица и даетъ возможность судить о немъ. Эсменаръ занимался разоблаченіемъ шпіоновъ, но не пренебрегалъ случаями и обслуживать ихъ. Онъ поддерживалъ болѣе чѣмъ подозрительныя сношенія съ нѣкоторыми посольствами и охотно торговалъ государственными документами. По всей вѣроятности, онъ и съ самимъ Чернышевымъ имѣлъ дѣла подобнаго рода. Но онъ обманывалъ русскаго агента качествомъ проданнаго товара: онъ изготовлялъ для него поддѣльные документы, а выдавалъ за подлинники [1]). Такимъ образомъ, онъ добывалъ себѣ средства къ жизни разными пакостями, въ полной увѣренности, что его продѣлки останутся безнаказанными. Излишнее усердіе погубило его. Статья отъ 12 апрѣля была для него роковой. Императоръ лишилъ его мѣста, и отправилъ за сорокъ льё отъ Парижа размышлять о неудобствахъ излишняго усердія при выполненіи порученій, продиктованныхъ министерской злобой [2]). Главный редакторъ журнала Этьенъ былъ на три мѣсяца отрѣшенъ отъ должности.

Этими мѣрами, которымъ постарались придать широкую огласку, Наполеонъ разсчитывалъ ослабить то впечатлѣніе, которое могла произвести въ Россіи злополучная статья, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить лучшій пріемъ своимъ встрѣчнымъ предложеніямъ. Этимъ путемъ онъ надѣялся отсрочить болѣе глубокую перемѣну отношеній до тѣхъ поръ, пока, успокоившись отъ семейныхъ треволненій, обдумаетъ туманныя предложенія Чернышева и приготовитъ для своего новаго посланника въ Россіи надлежащія инструкціи.

Но онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Событія опять захватили его врасплохъ. Цѣлыя тучи извѣстій, одно тревожнѣе другого, обрушились на его голову. Приблизительно въ серединѣ апрѣля 1811 г., въ теченіе четырехъ или пяти дней, сыпались они на него, какъ изъ рога изобилія, со всѣхъ сторонъ, безъ остановки, чуть не каждый часъ. Въ особенности принимали неожиданно важное значеніе сообщенія изъ Варшавы. Наше по-

---

[1]) Дальше въ главѣ VIII увидятъ примѣръ торговли подобнаго же рода.

[2]) Онъ воспользовался своей ссылкой для путешествія по Италіи, гдѣ и погибъ во время несчастнаго случая съ экипажемъ.

сольство уже не ограничивалось сообщеніемъ только однихъ слуховъ и треволненій Оно получило вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія; оно имѣло поразительныя бесѣды довѣрительнаго характера, и его донесенія, совпадая съ тысячью тревожныхъ воплей, которыя, слившись въ могучій хоръ, съ разныхъ сторонъ неслись къ императору, довели кризисъ до послѣдняго предѣла.

III.

Уже около мѣсяца представителемъ Франціи въ Варшавѣ былъ новый агентъ. На этотъ наблюдательный постъ былъ назначенъ, въ качествѣ министра-резидента, нѣкто Биньонъ, служившій передъ тѣмъ въ Баденѣ. Это былъ маленькій человѣкъ, чрезвычайно дѣятельный, подвижный, юркій, глубоко образованный и крайне усердный, всей душой отдавшійся служенію императору и его славѣ. По пріѣздѣ въ Польшу, онъ на первыхъ порахъ былъ оглушенъ поднявшимся тамъ гамомъ. На него набросились со всѣхъ сторонъ. Въ салонахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ штабахъ— всюду и всѣ выражали желаніе подробнѣйшимъ образомъ освѣдомить его относительно русскихъ плановъ, при чемъ въ сообщаемыя свѣдѣнія вносилась страшная путаница. Биньонъ не успѣлъ еще придти въ себя отъ этого оглушительнаго шума, отъ столькихъ противорѣчивыхъ свѣдѣній, какъ первое лицо въ герцогствѣ, князь Іосифъ Понятовскій, лично представилъ ему такія важныя и точныя данныя, что французскому агенту было съ чего придти въ волненіе.

29 и 30 марта между Понятовскимъ и представителемъ Франціи имѣли мѣсто два продолжительныхъ разговора. Прежде всего, князь Іосифъ постарался убѣдить собесѣдника, что вполнѣ владѣетъ собой, что чуждъ свойственной его соотечественникамъ экзальтаціи, которая часто вредитъ вѣрности ихъ сужденій. Онъ сказалъ, что не слѣдуетъ смотрѣть на его слова, какъ на «усердіе пустого болтуна, который преувеличиваетъ опасность, чтобы поскорѣе получить помощь, и котораго можно заподозрить въ томъ, что, прикрываясь личиной страха передъ взрывомъ, онъ стремится вызвать самый взрывъ» [1]). Принявъ эту предосторожность, онъ приступилъ къ дѣлу. Спокойнымъ и убѣжденнымъ

---

[1]) Биньонъ Шампаньи, 29 марта 1811 г.

тономъ, въ которомъ чувствовалась непоколебимая увѣренность, онъ сказалъ, что въ самое недавнее время герцогство было на волосокъ отъ гибели; что императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе напасть на него, перебросить на его территорію армію и предложить герцогству вступить въ составъ присоединенной и порабощенной Россіей Польши. Это поглощеніе и было бы первымъ актомъ великой войны противъ Франціи. Понятовскій добавилъ, что говоритъ не по-наслышкѣ, не по простому подозрѣнію, не по болѣе или менѣе вѣрнымъ признакамъ: у него было вещественное доказательство того, что онъ разсказываетъ. Онъ самъ видѣлъ это доказательство, осязалъ его, держалъ въ своихъ рукахъ. Онъ знаетъ планы императора Александра такъ же вѣрно, какъ зналъ бы намѣренія императора Наполеона, «если бы прочелъ письма Его Величества» [1]). Нельзя было яснѣе дать понять, сказать въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, что инструкціи, данныя Александромъ его сторонникамъ въ Польшѣ, были сообщены Понятовскому слово-въ-слово, что онъ собственными глазами видѣлъ письма царя.

Онъ горячо настаивалъ на самомъ фактѣ, но упорно скрывалъ источникъ освѣдомленія. Видно было, что онъ не хотѣлъ назвать и скомпрометировать автора этихъ прискорбныхъ разоблаченій. Онъ ссылался на ниспосланныя Провидѣніемъ обстоятельства, на «чудное видѣніе» [2]), открывшее ему глаза на національную опасность. Откуда же взялось это видѣніе? Слѣдуетъ припомнить, что, въ силу инструкцій Александра, данныхъ довѣренному лицу, на которое возложена была задача подготовить дѣло, т. е. князю Адаму Чарторижскому, допускалась и даже требовалась извѣстная доза болтливости. Какъ помнятъ, князь Адамъ долженъ былъ вывѣдать мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ высокое положеніе среди знати и арміи, такъ какъ все зависѣло отъ ихъ согласія. Нашелъ ли онъ необходимымъ открыться самому Понятовскому и узнать его отношеніе къ задуманному плану, рискуя при этомъ скомпрометировать все дѣло? Думалъ ли, что высшій интересъ родины, участь которой стояла на картѣ, повелѣваетъ ему посовѣтоваться съ человѣкомъ, который былъ живымъ воплощеніемъ Польши? Было ли сдѣлано сообщеніе умышленно или случайно, непосредственно или окольными

---

[1]) Биньонъ Шампаньи, 29 марта 1811 г.

[2]) Id., отъ 30 марта 1811 г.

путями? Вотъ сколько вопросовъ остаются покрытыми непроницаемой тайной. Тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что документы, на которые намекалъ Понятовскій и которые прошли черезъ его руки, были собственноручныя письма императора Александра къ Чарторижскому, именно письма отъ 25 декабря и 30 января, тѣ самыя, въ которыхъ высказывались начала политики, которыхъ царь держался въ теченіе приблизительно трехъ мѣсяцевъ.

Сходство между содержаніемъ писемъ и словами Понятовскаго, въ томъ видѣ, какъ о нихъ доносится въ перепискѣ Биньона [1]), настолько велико, что исключаетъ всякое сомнѣніе. Достаточно сличить оба текста, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. За исключеніемъ нѣкотораго не существеннаго различія въ изложеніи, это тѣ же мысли, тѣ же выраженія. Въ словахъ Понятовскаго есть все, что Александръ сообщилъ и подробно развилъ князю Адаму, какъ-то: обѣщаніе дать полякамъ самую широкую автономію и либеральную конституцію, надежда на содѣйствіе Пруссіи, вѣроятность взрыва всеобщаго негодованія въ Европѣ противъ деспотизма императора Наполеона; походъ двухъ русскихъ армій съ опредѣленіемъ порядка ихъ выступленія— одной вслѣдъ за другой; наконецъ, необходимость получить предварительное, не подлежащее сомнѣнію согласіе варшавскихъ главарей признать его своимъ государемъ. По словамъ Понятовскаго, это условіе вытекало изъ выраженій во второмъ письмѣ, а мы знаемъ, что второе письмо, дѣйствительно, изложено было особенно ясно и служило какъ бы комментаріемъ къ первому письму. Въ немъ Александръ высказывался откровеннѣе, говорилъ, что готовъ начать кампанію; но требовалъ, чтобы предварительно варшавяне обратились къ нему съ какимъ-нибудь заявленіемъ, въ родѣ приглашенія придти и принять ихъ подъ свою державную руку.

Понятовскій зналъ, что такого приглашенія не послѣдовало; что русскимъ не удалось заручиться желаннымъ содѣйствіемъ и что этотъ недочетъ помѣшалъ имъ приступить къ выполненію предпріятія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, теперешнія намѣренія Александра были величиной неизвѣстной. Онъ какъ будто склонялся къ выжидательной политикѣ и вооруженному бездѣйствію, но не было никакихъ указаній, что онъ окончательно

---

[1]) Депеши отъ 29, 30 и 31 марта 1811 г. съ приложенными документами.

остановился на этомъ. Слѣдовательно, опасность, которая несомнѣнно существовала, не исчезла; самое бо̀льшее, что она отдалилась. Ежеминутно она могла нахлынуть и разразиться надъ Варшавой [1]).

Все содѣйствовало такому впечатлѣнію: и присутствіе въ Польшѣ многочисленныхъ агентовъ, посланныхъ Россіей въ качествѣ авангарда, и явное стремленіе обработать и ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, и распространяемый слухъ о возстановленіи Польши милостью самодержца и, въ заключеніе, самое главное— непрерывное скопленіе русскихъ войскъ на границахъ великаго герцогства. Офицеры и начальники постовъ, охранявшіе границы, затѣмъ переодѣтые агенты, дерзавшіе пробираться на русскую территорію, присылали ужасъ наводящія донесенія. Гражданскія власти, военное министерство и французское посольство въ Варшавѣ были завалены подобными свѣдѣніями. Понятовскій проводилъ дни и ночи, дѣлая выписки. Затѣмъ, онъ передавалъ Биньону или подлинные документы, или выдержки изъ нихъ. Конечно, многіе изъ этихъ донесеній не сходились между собой и носили на себѣ слѣды «польской склонности къ преувеличеніямъ». Характеръ самой націи служилъ помѣхой точному констатированію фактовъ. «Нѣтъ ни одного человѣка—вполнѣ справедливо писалъ Биньонъ—до самаго заурядnаго шпіона включительно, который бы, вмѣсто простого отчета о томъ, что видѣлъ, не написалъ своего рода военнаго романа» [2]). Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что всѣ донесенія въ извѣстныхъ пунктахъ были сходны, представлялось возможнымъ сдѣлать нѣкоторые правдоподобные выводы. По всей вѣроятности, имѣлось на-лицо сто шестьдесятъ, а, можетъ быть, и двѣсти тысячъ человѣкъ—такова и была, въ дѣйствительности, по сообщеніямъ самого Александра, точная цифра. Часть этихъ войскъ подошла къ самой границѣ. Въ ближайшихъ къ герцогству уѣздахъ Литвы, Волыни и Подоліи, по всей западной границѣ этихъ губерній, всѣ дороги покрылись выступившими въ походъ полками. Самыя маленькія деревушки были переполнены войсками. Дивизіи колесили по странѣ, дѣлали эволюціи, переходили съ одного пункта на другой, постоянно мѣняя мѣста стоянки, какъ будто такой подвижностью хотѣли сбить съ толку наблюдателя и помѣшать точ-

---

[1]) Биньонъ Шампаньи, 30 и 31 марта.

[2]) I d., 30 апрѣля.

ному опредѣленію количества войскъ. Эти червеобразныя движенія, за которыми трудно было услѣдить, появляясь по временамъ изъ окружающаго ихъ мрака, превращались въ глазахъ поляковъ въ одно ужасъ наводящее привидѣніе. Полякамъ, которые жили въ непрерывномъ кошмарѣ, казалось, что надъ ними носится, что на нихъ давитъ мрачное страшилище. Имъ чудилось, что оно безъ конца удлинняется, что оно подплываетъ къ нимъ, поднимается надъ ихъ головами и принимаетъ образъ великана, готовящагося съ рóзмаху обрушиться на нихъ и раздавить своей громадой.

Въ почти ежедневныхъ депешахъ Биньонъ указываетъ своему правительству на это крайне тревожное состояніе; онъ отмѣчаетъ его изо дня-въ-день. Онъ пересылаетъ всѣ документы цѣликомъ, не тратя времени на то, чтобы разобраться въ этомъ ворохѣ бумагъ, чтобы отдѣлить правду отъ лжи, и не рѣшаясь пока ни сдѣлать общей оцѣнки, ни высказать своего мнѣнія [1]). Что же касается Понятовскаго, то, видя, какъ проходятъ недѣля за недѣлей безъ малѣйшаго ослабленія напряженнаго положенія, страшась отвѣтственности, онъ не довольствовался уже доставленіемъ свѣдѣній только нашему посольству. Онъ хотѣлъ явиться къ самому императору, чтобы передать ему все лично, рѣшаясь даже, для того, чтобы отправиться за подкрѣпленіемъ, покинуть на-время свой постъ. Онъ заставилъ назначить себя чрезвычайнымъ посломъ для официальнаго принесенія поздравленій по случаю рожденія Римскаго короля. Это порученіе должно было служить ему предлогомъ для кратковременной поѣздки въ Парижъ. А пока онъ всюду распространялъ тревогу, и мало-по-малу безпокойство охватило всѣхъ отъ Варшавы до Эльбы. Дрезденскій дворъ сходилъ съ ума. Въ Вѣнѣ только и говорили о предстоящемъ появленіи русскихъ на берегахъ Вислы. Въ Гамбургѣ невозмутимый Даву началъ поддаваться охватившему всѣхъ волненію. Теперь онъ допускалъ возможность «извѣстнаго событія» [2]), просилъ приказаній, и не называлъ уже страхи поляковъ плодомъ болѣзненнаго воображенія.—Къ тому же, писалъ онъ, сообщенія, независимо отъ ихъ источника, вполнѣ совпадаютъ, и доказываютъ, что эти полоумные видѣли лучше мудрецовъ; они правы, говоря, что Россія собрала противъ нихъ всѣ свои силы;

---

[1]) Биньонъ Шампаньи, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 17, 20 апрѣля 1811 г.

[2]) Даву императору, 11 апрѣля. Archives nationales, AF, IV, 1653.

что она упорно преслѣдуетъ опредѣленную цѣль—напасть на герцогство. Дѣйствительно, изъ многихъ донесеній явствуетъ, что отозванныя изъ Финляндіи и Турціи войска присоединились уже на Бугѣ и Днѣпрѣ къ главнымъ силамъ; что войска изъ Одессы и Крыма тоже идутъ въ томъ же направленіи. По нѣкоторымъ донесеніямъ, даже далекая Сибирь посылаетъ свои команды [1]). Видя, какъ русская военная мощь все болѣе собирается въ компактную массу, напрягая всѣ свои силы какъ бы для внезапнаго стремительнаго прыжка, кто рѣшился бы утверждать, что императоръ Александръ совершенно отрекся отъ своихъ плановъ, что онъ не поддастся снова потоку своихъ страстей? Итакъ, герцогство и сосѣднія съ нимъ страны, оба берега Вислы, подступы къ Данцигу, всѣ государства, входящія въ составъ нашей первой оборонительной линіи стоятъ подъ угрозой нашествія.

IV.

Наполеонъ немедленно же дѣлаетъ распоряженія на случай войны, какъ будто она должна была вспыхнуть на другой же день. Три дня подъ рядъ, начиная съ понедѣльника на Пасхѣ 15 апрѣля, затѣмъ 16 и 17, не отдыхая отъ своихъ обязанностей, связанныхъ съ его высокимъ положеніемъ, какъ-то: пріема посланниковъ и депутацій, являвшихся поздравить его съ рожденіемъ сына, онъ направляетъ свой умъ на неустанный трудъ. Онъ предусматриваетъ всевозможныя случайности, дѣлаетъ разсчеты, изобрѣтаетъ разныя комбинаціи, отдаетъ приказанія. Въ эти дни всеобщаго праздника и отдохновенія, когда населеніе Парижа высыпаетъ на улицы и наслаждается весной, когда у въѣзда въ Тюльери собирается толпа, чтобы съ почтительнымъ поклономъ взглянуть на императрицу, въ первый разъ вышедшую на окаймленную прудомъ террасу, когда всѣ разговоры сводятся къ объявленнымъ по случаю крестинъ торжествамъ, въ министерствѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ царятъ невидимыя для посторонняго глаза волненіе и лихорадочная

---

[1]) Корреспонденціи Швеціи и Турціи; апрѣль 1811 г.: письма Даву, отъ 31 марта, 11, 14, 16, 25, 28, 30 апрѣля, приложенныя къ нимъ письма Понятовскаго, донесеніе саксонскому двору, донесеніе изъ Стокгольма. Archives nationales, AF, IV, 1653.

дѣятельность. Весь персоналъ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ поставленъ на ноги; день и ночь проходятъ въ составленіи походныхъ приказовъ и изготовленіи декретовъ. Чуть не каждый часъ изъ императорскаго кабинета выходятъ инструкціи; курьеры мчатся по всѣмъ направленіямъ—въ Данцигъ, Варшаву, Гамбургъ, Дрезденъ и Миланъ.

Въ первую голову нужно было позаботиться о мобилизаціи и концентраціи варшавской арміи. Нужно было, чтобы черезъ двадцать четыре часа по прибытіи перваго курьера были разосланы приказы: войскамъ соединиться, наличный составъ пополнить, кавалеріи быть въ сѣдлѣ, артиллеріи въ упряжи, крѣпости привести въ положеніе обороны. Важно было, чтобы армія, какъ можно скорѣе, собралась на хорошо выбранной позиціи, чтобы она не разбрасывалась и не подставляла себя подъ удары противника. Итакъ, слѣдуетъ, не теряя ни минуты, не заботясь о расходахъ, энергично приняться за дѣло. «Теперь не такое время,—пишетъ Наполеонъ королю саксонскому,—чтобы Ваше Величество думали о какомъ-нибудь милліонѣ» [1]). Главное же, по его словамъ, чтобы не теряли хладнокровія, чтобы всѣ хорошенько прониклись мыслью, что ничто не потеряно—даже въ томъ случаѣ, если русскіе войдутъ въ Варшаву, ибо и въ 1809 г. австрійцы заняли Мюнхенъ, тѣмъ не менѣе, Баварія вышла невредимой изъ этого испытанія.

Но императоръ не создаетъ себѣ иллюзій. Онъ отлично понимаетъ, что пятьдесятъ тысячъ Понятовскаго, опирающіеся на развалины крѣпостей и только-что заложенныя укрѣпленія, не въ силахъ надолго задержать русскія войска. Съ другой стороны, онъ знаетъ, что и Даву не можетъ во-время придти на Вислу, а если и придетъ,—не въ силахъ будетъ защитить герцогство. Если при такомъ положеніи вещей будетъ сдѣлано нападеніе, линію Вислы нужно считать потерянной заранѣе. Поэтому, думаетъ Наполеонъ, слѣдуетъ отнести нашу операціонную базу на западъ. Приказывая герцогству оказывать сопротивленіе, онъ уже предусматриваетъ и подготовляетъ эвакуацію герцогства Варшавскаго.

Вся суть въ томъ, чтобы, уступивъ только почву, спасти оружіе, боевые припасы, администрацію, архивы,—словомъ, устроить такъ, какъ будто бы весь государственный аппаратъ выселился цѣликомъ вмѣстѣ съ арміей. По мѣрѣ приближенія русскихъ,

---

[1]) Corresp., 17612.

тяжелая артиллерія и наиболѣе цѣнныя вещи должны быть помѣщены на суда и отправлены по Вислѣ въ Данцигъ. Благодаря его обширной системѣ укрѣпленій и уже достаточно внушительному гарнизону, этотъ городъ можетъ служить для нихъ убѣжищемъ. Теперь императоръ рѣшаетъ, что транспорты предназначеннаго герцогству оружія не должны переходить линію Одера, дабы этотъ цѣнный грузъ не попалъ въ руки непріятеля. Что же касается варшавской арміи, ей предписывается обезпечить за собой линію отступленія по направленію въ Германію и устроить на пути склады пороха и продовольствія—съ тѣмъ, чтобы, послѣ мужественнаго сопротивленія впереди столицы и въ ея окрестностяхъ, она могла неторопясь, съ почетомъ, отступить до Одера, гдѣ и должно начаться и обосноваться серьезное сопротивленіе.

Императоръ приказываетъ Даву: при первомъ же извѣстіи о нападеніи двинуться на Одеръ со всѣми своими людьми, развернуть свои дивизіи позади рѣки, опереть ихъ на крѣпости Штеттинъ, Кюстринъ, Глогау, встрѣтить отступающую варшавскую армію, которая вступитъ въ ряды его арміи и усилитъ ея наличный составъ. На правомъ его флангѣ станутъ двѣ саксонскія дивизіи, которыя спѣшно мобилизуются и скоро прибудутъ изъ Дрездена,—онѣ подкрѣпятъ и удлиннятъ его линію; на лѣвомъ будетъ Данцигъ съ его гарнизономъ, съ которымъ маршалъ долженъ поддерживать тѣсную связь и который будетъ его передовымъ постомъ. Такимъ образомъ, къ 1 іюня у него будетъ приблизительно сто пятьдесятъ тысячъ солдатъ противъ двухсотъ тысячъ русскихъ, штыки которыхъ сверкаютъ уже на самой границѣ. Отношеніе три противъ четырехъ, при условіи быть подъ командой герцога Ауерштеттскаго, принца Экмюльскаго, равнозначуще почти вѣрной побѣдѣ.

Притомъ Даву въ скоромъ времени получитъ помощь. Четвертые и шестые батальоны его полковъ уже выступили въ походъ и вскорѣ подойдутъ къ нему. Отъ Рейна и Эльбы во весь опоръ мчатся къ нему кирасирскія дивизіи. Въ долинахъ Тироля и верхней Италіи формируется спѣшно потребованный у Евгенія корпусъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ,—онъ будетъ держаться на-готовѣ, чтобы къ 15 мая перейти Альпы; въ нужный моментъ онъ пересѣчетъ Германію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и, идя по кривой линіи, быстро дойдетъ до Одера. Въ это же время Наполеонъ лично прибудетъ въ Германію. Онъ

явится во-главѣ своей гвардіи, приведетъ съ собой корпусъ, который уже собирается въ Голландіи, и всѣ находящіяся въ его распоряженіи силы, и направится прямо на Одеръ. Тутъ онъ соединится съ Даву, смѣнитъ его съ поста, приметъ на себя главное начальство и переправится черезъ рѣку, чтобы вернуть обратно покинутую почву, отбросить русскихъ за ихъ границу и наказать за дерзость [1]).

Несмотря на удивительную ясность мысли, съ какой Наполеонъ излагаетъ всѣ эти передвиженія, несмотря на верхъ спокойствія, съ какимъ онъ руководитъ приготовленіями, несмотря на его усилія вдохнуть въ другихъ вѣру въ успѣхъ, онъ чрезвычайно озабоченъ; болѣе того, онъ смущенъ. Убѣжденіе, что его замыслы разстроены, ибо война на цѣлый годъ опередила его предположенія, что выгоды и обаяніе перваго нападенія перешли къ его противнику, что, въ общемъ, это повтореніе кампаніи 1809 г., только при худшихъ условіяхъ и противъ болѣе грознаго врага,—вотъ что ясно читаетъ онъ въ тревожныхъ бюллетеняхъ, запрудившихъ его кабинетъ. И эта война, которая должна начаться чуть не на дняхъ, которую онъ считаетъ неудобной и по времени и по мѣсту, такъ ненавистна ему, что онъ, не переставая готовиться къ ней, еще упорнѣе цѣпляется за надежду отвратить ее. Наперекоръ бьющимъ въ глаза доказательствамъ, онъ все еще едва вѣритъ въ то, что ему доносятъ объ императорѣ Александрѣ. Такая смѣлость у государя, на котораго онъ привыкъ смотрѣть, какъ на человѣка слабохарактернаго и нерѣшительнаго, озабочиваетъ его. «Если Россія—говоритъ онъ себѣ—имѣла бы дѣло только съ великимъ герцогствомъ, я допускаю, что она могла бы развлечься смѣлымъ нападеніемъ, но, при настоящемъ положеніи вещей, она должна смотрѣть на это предпріятіе съ болѣе серьезной точки зрѣнія» [2]). Впрочемъ,—думаетъ онъ, допуская, что императоръ Александръ чуть было не бросился на герцогство – еще вопросъ, не рѣшился ли онъ на этотъ смѣлый шагъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго страха. Фактъ, что, вмѣсто того чтобы привести въ исполненіе свое необычайное намѣреніе, царь послалъ въ Парижъ Чернышева съ порученіемъ завязать переговоры, доказываетъ, что онъ предпочитаетъ войнѣ гарантію своей безопасности. Но въ чемъ можетъ заключаться эта

---

[1]) Corresp., 17607 до 17609, 17611 до 17613, 17617, 17619 до 17623.

[2]) Письмо саксонскому королю. Corresp., 17612.

гарантія? Чего хочетъ Россія? Чего, въ концѣ-концовъ, требуетъ она? Были ли робкія заявленія Чернышева первымъ и послѣднимъ словомъ его двора? Дѣйствительно ли хочетъ Александръ добиться уступки всего герцогства или хотя бы части его? Если это такъ,—конечно, нельзя придти ни къ какому соглашенію, и нужно сражаться. Но, можетъ быть, царь удовольствуется залогомъ, не столь тягостнымъ для Франціи? Вотъ что слѣдуетъ выяснить, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ Наполеонъ стремится узнать это. Въ теченіе трехъ дней, которые онъ безъ отдыха посвящаетъ распоряженіямъ на случай войны, онъ старательно наводитъ справки; повсюду онъ производитъ рекогносцировки, и старается узнать, гдѣ, какимъ путемъ и на какой основѣ можетъ онъ начать переговоры.

15 апрѣля, т. е. въ самомъ началѣ кризиса, онъ намѣчаетъ канву депеши къ своему посланнику въ Россіи. Нужно замѣтить, что, несмотря на пріѣздъ замѣстителя, Коленкуръ не былъ еще освобожденъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Къ нему-то и были обращены эти пока еще нигдѣ ненапечатанныя строки. Наполеонъ считаетъ дѣломъ первой необходимости вывести посланника изъ его душевнаго покоя, освѣдомить его объ опасности, приказать ему, чтобы онъ выяснилъ истинныя желанія Россіи, дабы можно было, если еще не поздно, начать переговоры, придти къ соглашенію и возстановить спокойствіе.

«Герцогъ Кадорскій,—пишетъ Наполеонъ министру, коснувшись сначала инцидента съ журнальной статьей,—я желаю, чтобы вы сегодня же отправили въ Россію курьера, съ которымъ вы сообщите герцогу Виченцы, что я съ негодованіемъ прочелъ статью въ *Journal de l'Empire*, въ которой въ безобразномъ видѣ выставленъ, очевидно, Черышевъ; скажите, что увѣряютъ, что статья была написана еще до пріѣзда этого офицера и что напечатаніе ея задержалось по независящимъ отъ газеты обстоятельствамъ; но, что, тѣмъ не менѣе, я приказалъ отставить отъ должности Эсменара, которому была поручена журнальная цензура; что я отправилъ его за сорокъ льё отъ Парижа; что онъ (герцогъ Виченцы) можетъ передать эти свѣдѣнія великому канцлеру, но только не прямо, и какъ бы новость. Вы доведете до свѣдѣнія герцога Виченцы, что онъ плохо освѣдомленъ о событіяхъ въ Россіи; что войска изъ Мол-

давіи и Финляндіи стягиваются къ границѣ Польши, и что, очевидно, отъ него скрываютъ всѣ эти движенія; что, однако, необходимо узнать, чего хотятъ, такъ какъ такое положеніе вещей, вынуждающее насъ къ вооруженіямъ, стоитъ большихъ денегъ; что въ его депешахъ нѣтъ ничего опредѣленнаго; что я, съ своей стороны, не жалуюсь на Россію и ничего не хочу отъ нея. Поэтому-то я и не вооружаюсь, какъ она; что нужно же узнать, ради чего она дѣлаетъ такія приготовленія; что я желаю, чтобы до своего отъѣзда онъ добился какого-нибудь объясненія по этому поводу, и узналъ, какія существуютъ средства возродить довѣріе» [1]).

Предполагая даже, что Коленкуръ отвѣтитъ скоро и обстоятельно, отвѣтъ все-таки не могъ бы придти раньше мѣсяца или шести недѣль. Но мѣсяцъ слишкомъ долгій срокъ для этихъ дней,—дней нетерпѣнія, волненій и тревогъ, когда каждый потерянный часъ можетъ повлечь за собой непоправимыя послѣдствія. Да и нужно ли такъ далеко ходить за секретомъ Россіи? —думаетъ императоръ. По всей вѣроятности, и въ Парижѣ найдется кто-нибудь, кто знаетъ его, да, можетъ быть, не рѣшается выдать. Можетъ быть, Чернышевъ, испуганный пріемомъ, съ какимъ были встрѣчены его намеки относительно герцогства и Данцига, не посмѣлъ въ разговорѣ съ императоромъ сказать, на что, въ концѣ-концовъ, согласился бы его государь, и къ чему сводится минимумъ уступокъ и гарантій. Если возобновить разговоръ съ Чернышевымъ, думаетъ императоръ, весьма вѣроятно, что можно будетъ лаской и просьбами выудить у него болѣе скромное и опредѣленное предложеніе, которое, надо полагать, ему приказано держать про запасъ и представить только послѣ долгихъ, неотступныхъ просьбъ.

Въ тотъ же самый день, 15 апрѣля, Чернышевъ былъ по приглашенію на парадномъ обѣдѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вернувшись вечеромъ домой, онъ съ удивленіемъ узналъ, что въ его отсутствіе къ нему два раза пріѣзжалъ оберъ-гофмаршалъ генералъ Дюрокъ, герцогъ Фріульскій. Ему передали, что этотъ сановникъ приходилъ къ нему сперва, чтобы пригласить его на высочайшую охоту, а затѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ о дѣлахъ; что охота назначена на завтра

[1]) Archives nationales, AF, IV, 910.

въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу и, должно быть, будетъ исключительной по блеску. Дѣйствительно, какъ видно изъ сообщенія *Journal de l'Empire*, въ ней приняли участіе «великій герцогъ Вюрцбургскій, король Неаполитанскій, принцъ Боргезе, принцъ вице-король, нѣсколько маршаловъ, генераловъ и много придворныхъ дамъ» [1]). Пригласить Чернышева на этотъ съѣздъ значило особенно отличить его и оказать ему великую честь; съ другой стороны, охота давала Наполеону случай вступить съ нимъ въ дружескую бесѣду [2]).

На слѣдующій день Чернышевъ однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ на сборный пунктъ, назначенный, какъ и всегда, въ построенномъ среди лѣсовъ павильонѣ. Вскорѣ начался съѣздъ приглашенныхъ; начали собираться охотники, прибылъ служебный персоналъ императорской охоты и экипажи. Оберъ-гофмаршалъ пріѣхалъ пораньше, съ тѣмъ, чтобы выполнить данное ему къ Чернышеву порученіе, котораго онъ не смогъ выполнить наканунѣ. Онъ сказалъ ему, что императоръ Наполеонъ, «думая, что не далъ ему времени сообщить всего, что поручено ему сказать Его Величествомъ императоромъ Россіи, приказалъ возобновить съ нимъ разговоръ о тѣхъ же предметахъ и узнать, не имѣетъ ли онъ сдѣлать какого-нибудь предложенія?» Напрасныя усилія Дюрока добиться отвѣта были прерваны пріѣздомъ императора, прибывшаго къ нему на подмогу. Императоръ сдѣлалъ видъ, что радъ видѣть Чернышева, и тотчасъ же началъ окружать его почти отеческой заботой.

«Прежде всего,—писалъ нѣсколько дней спустя молодой офицеръ,—я былъ назначенъ въ небольшой кружокъ лицъ, допущенныхъ къ столу Его Величества. За столомъ императоръ, найдя, что я очень блѣденъ, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ, совѣтовалъ мнѣ беречься и вообще очень часто заговаривалъ со мной». Послѣ завтрака сѣли на лошадей; собаки были спущены; звѣрь поднятъ. Веселые звуки охотничьяго рога возвѣстили о началѣ охоты, и все общество охотниковъ: высочайшія особы, французскіе и иностранные сановники—мужчины верхомъ въ зеленыхъ съ золотыми галу-

---

[1]) Journal de l'Empire, 19 апрѣля 1811 г.

[2]) Слѣдующія подробности и выдержки до страницы 154 взяты изъ вышеупомянутаго донесенія Чернышева.

нами костюмахъ, дамы, помѣстившись въ изящныхъ почтовыхъ коляскахъ—устремилось въ глубь лѣса, подъ сѣнь пробуждавшейся весенней листвы.

Во время охоты Наполеонъ нѣсколько разъ прерывалъ свою бѣшеную скачку и, подъѣзжая къ группѣ всадниковъ, среди которой былъ молодой русскій, съ напускнымъ чувствомъ дѣлалъ замѣчанія, которыя должны были доставить удовольствіе Чернышеву. «Я слышалъ,—продолжаетъ Чернышевъ въ своемъ донесеніи царю,—какъ онъ очень громко сказалъ лицамъ своей свиты, что на сегодня ему приготовили чрезвычайно большое удовольствіе: ему подали подъ верхъ двѣ лошади, присланныя въ подарокъ Вашимъ Величествомъ. Онъ весьма долго превозносилъ ихъ качества и добронравіе. Сдѣлавъ видъ, что только-что замѣтилъ меня, онъ подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы поговорить со мной объ этихъ лошадяхъ, и спросилъ, что сдѣлалъ Ваше Величество съ лошадьми, которыя онъ вамъ прислалъ. На мой отвѣтъ, что лошади на казенномъ конскомъ заводѣ, онъ сказалъ, что ему было бы много пріятнѣе, если бы вы ѣздили на нихъ верхомъ, такъ какъ это напоминало бы вамъ о немъ».

Немного спустя послѣ этого сантиментальнаго отклоненія отъ занятій дня, императоръ снова остановился, и, предоставивъ охотникамъ и собакамъ преслѣдовать звѣря, позволилъ своимъ гостямъ немного отдохнуть. Въ лѣсу между тѣмъ продолжалась охота. Постоянно мѣняя свое мѣсто, она то приближалась, то вновь удалялась; звуки роговъ то раздавались совсѣмъ вблизи, то уносились и замирали вдали. Этимъ-то моментомъ и воспользовался императоръ. Онъ пришпорилъ коня прямо на Чернышева, разговаривавшаго въ эту минуту съ графомъ Вреде, и прервалъ ихъ бесѣду рѣзкимъ и откровеннымъ обращеніемъ къ Чернышеву: «Послушайте!—воскликнулъ онъ,—они тамъ—въ герцогствѣ—ужасно боятся васъ; они въ такомъ же страхѣ, какъ Баварія въ 1809 г. Мнѣ сказали, что вы, по самому скромному подсчету, собрали полтораста тысячъ; что ежедневно изъ Турціи возвращается по одной изъ вашихъ дивизій; что вы подготовляете внезапное нападеніе. Неужели вы думаете, что одна великая держава можетъ захватить другую врасплохъ, какъ захватывается крѣпость? Конечно, вамъ

не трудно занять герцогство, но, затѣмъ, все-таки придется рисковать военнымъ счастьемъ».

Затѣмъ, рѣзко оборвавъ Чернышева, который въ почтительныхъ выраженіяхъ сталъ отрицать указанные имъ факты, онъ горячо продолжалъ: «Отчего императоръ Александръ не объяснился предварительно? Зачѣмъ началъ онъ вооружаться?... Теперь онъ собралъ двѣсти тысячъ, я также выставлю двѣсти тысячъ: вѣдь такой способъ вести переговоры, по-истинѣ, немного разорителенъ...» Давно пора покончить съ этимъ, продолжалъ онъ. Пусть императоръ Александръ рѣшится приступить къ дѣлу, пусть выскажетъ свои требованія. «Я вѣдь не знаю, что́ васъ устраиваетъ,—ваше дѣло требовать». Чернышевъ держался какъ разъ обратной точки зрѣнія, и разговоръ свелся на пустословіе. «Близкій конецъ охоты» прекратилъ его. Очевидно, погоня приближалась, звѣрь проходилъ по близости, и Наполеонъ, предвидя близкое hallali! *), стремительно возвратился къ прерванной забавѣ. Во время гонки онъ еще два-три раза приближался къ Чернышеву; бросалъ ему на-лету вопросы, пересыпая ихъ любезными словами; весело подмигивалъ; порывисто, урывками возобновлялъ разговоръ; затѣмъ—снова кидался въ лѣсъ, и мчался во весь духъ, успокаивая бѣшеной ѣздой расходившіеся нервы и отрываясь отъ неотвязныхъ думъ.

Въ результатѣ, въ теченіе этого дня, проведеннаго на свободѣ и на чистомъ воздухѣ, при условіяхъ столь благопріятныхъ для откровенныхъ бесѣдъ, ни одной положительной фразы не удалось добиться отъ Чернышева. Императоръ не палъ духомъ, и, хотя не лично, а черезъ довѣренное лицо, возобновилъ попытку. На другой день утромъ, когда Чернышевъ отдыхалъ у себя дома, неожиданно явился къ нему оберъ-гофмаршалъ. Онъ сказалъ ему, что императоръ, «замѣтивъ, что онъ плохо выглядитъ, и обезпокоенный этимъ, пожелалъ узнать, не повредила ли ему травля оленя, которая состоялась слишкомъ скоро послѣ его утомительныхъ путешествій и во время которой ему пришлось сдѣлать восемнадцать льё». Освѣдомившись съ трогательной заботливостью о его здоровьѣ, Дюрокъ при-

*) Побѣдный кличъ охотниковъ, когда измученный олень окруженъ собаками. (Прим. перев.)

ступилъ къ истинной цѣли своего визита. Онъ упрашивалъ Чернышева еще настойчивѣе, чѣмъ наканунѣ; заклиналъ его высказать «требованія, которыя, вѣроятно, Его Величество императоръ Россіи поручилъ ему изложить только послѣ усиленныхъ уговариваній».

Но Чернышевъ не могъ дать отвѣта на просьбы, выраженныя въ столь дружескомъ тонѣ, такъ какъ ему строго-на-строго было приказано не компрометировать своего правительства слишкомъ ясно высказанными предложеніями. Намекнувъ императору на территоріальныя уступки въ Польшѣ, онъ тѣмъ самымъ исчерпалъ свои полномочія: онъ не имѣлъ права возвращаться къ предмету, котораго ему позволено было только слегка коснуться. Такимъ образомъ, и второй разговоръ съ оберъ-гофмаршаломъ, подобно первому, растаялъ въ туманѣ неясныхъ фразъ.

Видя, что Чернышевъ, только однажды обмолвившись, окончательно набралъ воды въ ротъ, Наполеонъ возвращается къ своему посланнику въ Россіи. Онъ находитъ, что наступило время вторично и болѣе настойчиво прибѣгнуть къ проницательности Коленкура. Но не рука герцога Кадорскаго напишетъ объ этомъ Коленкуру; онъ довѣритъ эту заботу новому редактору, неожиданно перемѣщенному въ высшей администраціи государства съ одного поста на другой. На протяженіи нѣсколькихъ часовъ въ правительственныхъ сферахъ произошло неожиданное событіе и,—фактъ, безпримѣрный въ исторіи имперіи,—внѣшній кризисъ вызвалъ перемѣну въ министерствѣ.

Въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ Наполеонъ могъ на опытѣ узнать усердіе, работоспособность и рѣдкія качества ума графа Шампаньи, герцога Кадорскаго. Но въ излученномъ работой министрѣ начинаютъ сказываться симптомы утомленія и упадка энергіи. Въ прошломъ году, при веденіи такихъ трудныхъ дѣлъ, какъ дѣла Польши и Швеціи, Наполеонъ нашелъ, что онъ былъ ниже своей задачи. Возможно и то, что раздраженный, задѣтый за живое захватившими его врасплохъ военными приготовленіями Россіи, онъ ставилъ главѣ своей дипломатіи въ упрекъ, что тотъ не въ достаточной степени подстрекалъ бдительность нашего посольства въ этой непроницаемой странѣ. Относясь къ Шампаньи по-прежнему съ большимъ уваженіемъ и благодарностью, онъ пересталъ цѣнить

его услуги, и не видѣлъ уже въ немъ министра, пригоднаго для трудныхъ временъ. Не лишая его своей милости, онъ рѣшилъ отставить его, сохранивъ за нимъ завѣдываніе своимъ дворомъ и предоставивъ ему отдыхать на этой менѣе трудной должности. Теперь, когда Франціи угрожала война, когда наша дипломатія должна была выступить въ качествѣ сотрудника нашихъ войскъ, когда ей придется подогрѣвать усердіе союзниковъ, наблюдать за ихъ военными дѣйствіями, направлять и приводить ихъ дѣйствія въ соотвѣтствіе съ планами императора, императору нужно было, чтобы во-главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ своего рода гражданскій начальникъ штаба, строгій и энергичный исполнитель его воли. Его выборъ естественно долженъ былъ пасть на человѣка, наиболѣе освоившагося со складомъ его ума и дѣятельности, на человѣка, много лѣтъ помогавшаго ему въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Такимъ былъ государственный секретарь Маре́, герцогъ Бассано, имя котораго на всѣ времена останется синонимомъ безпредѣльной преданности.

Симпатіи Бассано къ полякамъ и ихъ дѣлу были извѣстны. Въ глазахъ поляковъ, преданность и послушаніе которыхъ, можетъ быть, вскорѣ пришлось бы подвергнуть страшному испытанію, его назначеніе явилось бы выраженіемъ участія, одобренія, почти залогомъ ихъ будущности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не было вызовомъ Россіи, ибо герцогъ умѣлъ своевременно высказывать высоко-миролюбивыя чувства. Привыкшій скрывать свои личныя симпатіи, сомнѣваясь въ себѣ, но никогда не сомнѣваясь въ своемъ повелителѣ, онъ не давалъ бы ему совѣтовъ, но зато былъ бы ему самымъ преданнымъ, дѣятельнымъ и неутомимымъ слугой. Его благоговѣніе передъ императоромъ, его глубокая вѣра въ непогрѣшимость великаго человѣка служили вѣрной гарантіей, что онъ никогда не будетъ колебаться, никогда не потеряетъ энергіи при выполненіи полученныхъ приказаній; что его слова и составленныя имъ бумаги будутъ точнымъ воспроизведеніемъ мыслей императора; что онъ сумѣетъ передать ихъ во всей ихъ силѣ и сохранитъ малѣйшіе ихъ оттѣнки. Его замѣчательная способность редактировать бумаги позволяла взваливать на него сверхчеловѣческій трудъ, безъ боязни отяготить его тяжкой работой. Наконецъ, его личное обаяніе, его способность нравиться, его любезное обхо-

жденіе въ сочетаніи съ спокойной непринужденностью — результатъ полной гармоніи его жизни, слагавшейся изъ труда и свѣтскихъ удовольствій,—все это придало бы внѣшній блескъ его должности и подняло бы ее въ глазахъ другихъ.

Передача полномочій произошла въ теченіе одного утра. 17-го раннимъ утромъ, предписавъ Шампаньи послать нѣкоторыя, не терпящія отлагательства, бумаги, Наполеонъ сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи въ собственноручномъ письмѣ—образцѣ такта и утонченнаго вниманія, задачей котораго было облегчить боль отъ наносимой ему раны. «Герцогъ Кадорскій,—писалъ онъ,—я могу гордиться услугами, которыя вы мнѣ оказывали во всѣхъ должностяхъ, которыя я вамъ ввѣрялъ. Но теперь внѣшнія дѣла въ такихъ условіяхъ, что я счелъ необходимымъ для блага моей службы дать вамъ другое назначеніе. Прося васъ вернуть портфель, я хотѣлъ, однако, непосредственно засвидѣтельствовать вамъ о моихъ къ вамъ чувствахъ, дабы у васъ не осталось и тѣни сомнѣнія относительно моего мнѣнія объ усердіи и преданности, которыя вы являли мнѣ за все время вашего управленія министерствомъ» [1]). Вскорѣ по отправкѣ письма состоялась перемѣна министровъ. Маре́ принялъ должность изъ рукъ своего предшественника и съ полной непринужденностью водворился въ министерскомъ кабинетѣ.

На столѣ онъ нашелъ письмо, которое приказано было заготовить три дня тому назадъ для герцога Виченцы; оно было составлено наканунѣ и было готово къ отправкѣ. Новый министръ представилъ его на утвержденіе императора. Императоръ утвердилъ его къ отправкѣ, но предписалъ удостовѣрить и усилить его значеніе другимъ письмомъ, которое служило бы *post-scriptum*'омъ къ первому.

Герцогъ Бассано составилъ второе письмо коротко и ясно. Онъ написалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговора, который только-что имѣлъ съ Его Величествомъ, и который глубоко запечатлѣлся въ его умѣ. Въ строкахъ этого письма, сквозь показную непоколебимость и увѣренія въ всемогуществѣ, еще яснѣе проглядываетъ желаніе императора сговориться съ Россіей, лишь бы она не требовала нестерпимыхъ жертвъ. «Очевидно,—писалъ министръ,—петербургскій дворъ поглощенъ

---

[1]) Corresp., 17614.

двумя обидами: первая стоитъ въ связи съ дѣлами о герцогствѣ Ольденбургскомъ, вторая — съ тревогами, которыя онъ выносилъ въ себѣ относительно Польши. Что нужно сдѣлать, чтобы успокоить Россію? Откровенное объясненіе много лучше вооруженій; неотложное объясненіе предпочтительнѣе разорительныхъ приготовленій къ войнѣ. Вамъ, герцогъ, достаточно извѣстно положеніе Франціи и императорскихъ армій, чтобы рѣшить, какъ мало у ней поводовъ бояться войны; но Императоръ не можетъ не огорчаться, видя, что изъ-за пустяковъ опасность угрожаетъ доброму согласію; что русскій императоръ отказывается отъ дѣйствительныхъ выгодъ ради какихъ-то химеръ и готовится нарушить союзъ, который слѣдовало считать внѣ всякихъ превратностей. *Мнѣ приказано сказать вамъ, герцогъ, такъ: если то, чего желаютъ русскіе, не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, это будетъ сдѣлано".*

Послѣ отправки въ Петербургъ этого вполнѣ ясно высказаннаго обѣщанія исполнить пріемлемыя требованія Россіи, Наполеону оставалось только ждать отвѣта, а до тѣхъ поръ быть на-сторожѣ,—чтобы, въ случаѣ нападенія русскихъ, встрѣтить ихъ со шпагой въ рукѣ. Въ продолженіе слѣдующихъ недѣль, въ продолженіе приблизительно мѣсяца, онъ и самъ былъ и всѣхъ держалъ на-чеку. Пріѣздъ въ Парижъ Понятовскаго и его личныя сообщенія о наступательныхъ планахъ Россіи вынуждали усилить мѣры предосторожности. На Сѣверѣ французскія власти и союзныя правительства получили предписаніе: поспѣшить съ вооруженіемъ Данцига, установить непрерывное наблюденіе за границей Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Имѣйте шифръ съ комендантомъ Данцига,—писалъ императоръ Даву... Требуется, чтобы онъ былъ крайне остороженъ; пусть поставитъ на ноги тайную полицію и слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается около Тильзита, Риги, на границѣ, и держитъ васъ въ курсѣ всего. Въ особенности необходимо, чтобы, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія, была установлена имъ строгая крѣпостная служба» [1]). Офицеры генеральнаго штаба, стоящіе въ Штеттинѣ, Глогау, Кюстринѣ, въ странѣ, находящейся подъ подозрѣніемъ, «должны слѣдить за всѣмъ»; ихъ бдительность ни на минуту не должна ослабѣвать. «Они должны спать днемъ и бодрствовать всю ночь» [2]).

---

[1]) Corresp., 17621

[2]) Id, 17622.

Позади этихъ постовъ императоръ развертываетъ свои боевыя силы и старается увеличить свои средства для предстоящей войны приведеніемъ въ соотвѣтствіе дипломатической дѣятельности съ военными мѣропріятіями. Непрестанно заботясь о пополненіи корпуса Даву и формированіи новыхъ корпусовъ, которые, въ случаѣ надобности, должны присоединиться къ этому мощному авангарду и поддержать его, онъ хлопочетъ о томъ, чтобы для арміи въ двѣсти тридцать тысячъ, которую онъ разсчитываетъ выставить въ Сѣверной Германіи до іюля, составить лѣвое крыло изъ Швеціи, правое изъ Турціи. Изъ сравненія его депешъ, отправленныхъ въ Стокгольмъ и Константинополь во второй половинѣ апрѣля, съ депешами предыдущаго времени, видно, что онъ сознаетъ, что рѣшающія событія могутъ наступить въ ближайшемъ будущемъ. Изъ этихъ же депешъ видно, какъ быстро кризисъ идетъ впередъ.

Въ Швеціи дѣло идетъ уже не о зондированіи почвы, а объ установленіи опредѣленныхъ отношеній. Алькіѣръ получаетъ приказаніе предложить союзъ и начать о немъ переговоры, но до поры до времени не заключать его. Онъ долженъ, избѣгая намековъ на Норвегію, обходя молчаніемъ предметъ, столь дорогой сердцу Бернадота, предложить шведамъ—какъ естественную награду за ихъ содѣйствіе въ войнѣ противъ Россіи—Финляндію. Въ случаѣ надобности, Франція снабдитъ ихъ денежными средствами, что доставитъ имъ возможность успѣшнѣе выполнить диверсію. Про это говоритъ самъ императоръ въ замѣткѣ, начертанной его рукой на поляхъ инструкціи [1]). Что же касается Турціи, то проектъ депеши, приготовленный 12 апрѣля Шампаньи и не одобренный еще императоромъ, оставленъ, какъ не отвѣчающій настоящимъ требованіямъ. Бассано замѣняетъ его другимъ, болѣе яснымъ, болѣе точнымъ, болѣе энергичнымъ. Латуръ-Мобуръ долженъ потребовать, чтобы въ Парижъ былъ отправленъ турецкій посланникъ, съ порученіемъ и полномочіями вступить въ соглашеніе. «Слѣдуетъ, чтобы посланникъ, оставивъ въ сторонѣ восточную пышность, выѣхалъ немедленно же. Необходимо, чтобы онъ былъ снабженъ полномочіями подписать написанный по формѣ договоръ со всѣми статьями, устанавли-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Suède, 295. Cf. письмо Mapé императору отъ 20 апрѣля 1811 г., приложенное къ корреспонденціи изъ Турціи, т. 221.

вающими союзъ между правительствами». Такимъ образомъ, Наполеонъ желаетъ имѣть въ непосредственной близости, такъ сказать, у себя подъ рукой, союзъ съ Турціей, чтобы воспользоваться имъ, когда ему будетъ угодно. Договоръ, который имѣлось въ виду предложить для подписи, былъ крайне выгоденъ султану. «Франція предполагаетъ гарантировать Портѣ Молдавію и Валахію, а въ случаѣ успѣха,—въ чемъ не можетъ быть сомнѣній,—обѣ арміи должны будутъ поставить себѣ задачей вернуть Портѣ Крымъ... – Все это,—говорится далѣе въ депешѣ отъ 27 апрѣля,—должно быть сказано осторожно—такъ, чтобы отъ всего можно было отказаться; ибо союзъ съ Россіей еще не порванъ, и недоразумѣнія могутъ уладиться; но къ пріѣзду отправленнаго Портой посланника все будетъ уже рѣшено» [1]).

Послѣднія слова доказываютъ, что въ то время императоръ вѣрилъ въ крайне скорую развязку, результатомъ которой было бы одно изъ двухъ: или война, или упроченіе мира. Но ни то, ни другое предположеніе не оправдалось. Съ одной стороны Александръ не особенно торопился развязать языкъ Чернышеву, съ другой съ Сѣвера никакихъ новыхъ важныхъ сообщеній не приходило; даже, наоборотъ, съ начала мая извѣстія съ границы приняли характеръ гораздо менѣе тревожный. Въ Варшавѣ незадолго до того, какъ прибылъ туда приказъ мобилизовать армію, волненіе достигло своего апогея. Всѣ думали, что вотъ-вотъ придетъ извѣстіе о вступленіи русскихъ, и многимъ мерещились уже пушечные выстрѣлы [2]). Теперь же, если и ходили еще слухи о возстановленіи Польши по волѣ царя, то состояніе, въ какое обратились выставленныя противъ герцогства силы, не допускало и мысли о близкомъ нападеніи. Шпіоны и лазутчики не находили уже непріятельскихъ войскъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ выслѣдили. Они какъ будто расплылись, какъ будто испарились. Теперь никто не могъ съ увѣренностью сказать, дѣйствительно ли видѣлъ ихъ, и невольно напрашивался вопросъ, не былъ ли весь народъ игрушкой оптическаго обмана. Между Ригой и Бржескомъ видѣли еще линію войскъ, построенныя эшелонами дивизіи, но составъ, номера полковъ и мѣста ихъ стоянокъ трудно было опредѣлить точно; граница же, очевидно, была

---

[1]) Маре Латуръ-Мобуру, 27 апрѣля 1811 г.

[2]) Биньонъ Маре, 4 мая 1811 г.

свободна отъ войскъ. Ни въ Вильнѣ, ни въ Гродно не было уже угрожающаго концентрированія. Въ Бѣлостокѣ, гдѣ, по донесеніямъ, были внушительныя силы, по повѣркѣ, было установлено присутствіе одного батальона. Биньонъ, провѣривъ первыя извѣстія при помощи «болѣе благоразумныхъ развѣдчиковъ» [1]) и занявшись весьма тщательно производствомъ дополнительныхъ развѣдокъ, пришелъ къ убѣжденію, что поляки опять одурачили самихъ себя и что опасность существовала исключительно въ ихъ воображеніи. Даву пришелъ къ такому же выводу, упрекая себя, что поддался раздутому пессимизму [2]).

Въ дѣйствительности же, главная масса русскихъ силъ осталась стоять по близости варшавской территоріи. Но такъ какъ Александръ все еще не освободился отъ нерѣшительности и сомнѣній, на первое появленіе которыхъ мы указали выше, то нѣсколько дивизій были отодвинуты отъ границъ. Кромѣ того, собравшіяся въ пограничныхъ губерніяхъ войска, такъ сказать, осѣли. Корпуса, занявъ свои позиціи, остались стоять неподвижно, какъ бы свернувшись въ клубокъ. Благодаря такому состоянію, ихъ труднѣе было замѣтить, чѣмъ раньше, когда они были въ движеніи или на походѣ. Не видя предъ собой постояннаго мельканія людей и орудій, удесятерявшаго въ ихъ глазахъ предметы и дававшаго поводъ къ фантастическому преувеличенію, варшавяне почувствовали нѣкоторое облегченіе. Они вздохнули свободнѣе. Подавленное состояніе начало проходить, лихорадочное возбужденіе умовъ поулеглось. Тревога миновала [3]).

Ближайшимъ результатомъ этого затишья была пріостановка переговоровъ, начатыхъ императоромъ на случай войны съ Россіей. Онъ не даетъ отвѣта на сомнительныя увѣренія Пруссіи и держитъ Австрію въ неопредѣленномъ положеніи. Уже протянувъ Швеціи и Турціи руку, онъ поспѣшно отдергиваетъ ее, лишь только миновала непосредственная надобность въ этихъ компрометирующихъ союзахъ. Онъ оставляетъ своихъ представителей безъ приказаній, безъ инструкцій, и, само-собой разумѣется, что его молчаніе обязываетъ ихъ къ бездѣйствію.

---

[1]) Депеша отъ 28 апрѣля 1811 г.

[2]) Даву императору, 23 апрѣля, 2, 12 и 17 мая. Archives nationales, AF, IV, 1653.

[3]) Биньонъ Шампаньи и Маре, 20, 24, 25, 27, 28, 30 апрѣля, 2, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 22 и 27 мая.

Въ Стокгольмѣ нашимъ предложеніямъ оказанъ былъ восторженный пріемъ. Но такой пріемъ не могъ быть искреннимъ. Предложенный предметъ совершенно не отвѣчалъ истиннымъ желаніямъ наслѣднаго принца, и, когда баронъ Алькіѣръ вызвалъ его на обсужденіе плана диверсіи въ Финляндію, онъ оказался на этотъ счетъ плохо подготовленнымъ: онъ затруднялся говорить и просилъ времени подумать. Однако, въ виду важности не отклонять добраго расположенія императора, тѣмъ болѣе, что одна партія въ совѣтѣ стояла еще за прежнюю политику и оплакивала Финляндію, министръ Энгестрёмъ сначала весьма горячо взялся за переговоры; но, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, видя, что его собесѣдникъ еле говоритъ, онъ и самъ пересталъ поддерживать разговоръ, а затѣмъ и совсѣмъ прекратилъ дѣло [1]). Съ турками тоже удовольствовались первоначальными предложеніями. Такъ какъ наше посольство не настаивало на отправкѣ въ Парижъ уполномоченнаго, то таковой и не былъ отправленъ. Оба правительства, протянувъ другъ другу руки, застыли въ этихъ позахъ.

Что же касается вооруженій, то Наполеонъ, не отмѣняя ни одной мѣры, даетъ знать исполнителямъ своей воли, что есть основаніе не очень спѣшить; но что слѣдуетъ вести дѣло въ большой тайнѣ, а, главное, съ меньшими затратами. «Если вы увидите,—пишетъ онъ Даву,—что при употребленіи на какое-нибудь дѣло лишнихъ двѣнадцати или пятнадцати дней будетъ экономія, я думаю, что слѣдуетъ предпочесть послѣднее рѣшеніе» [2]). Онъ не перестаетъ требовать, чтобы формирующіеся корпуса увеличивались непрерывно, но при этомъ приказываетъ, чтобы они снабжались необходимыми предметами снаряженія на мѣстѣ, одни—въ Германіи, другіе—въ Италіи или во Франціи, и безъ всякаго шума, который могъ бы привлечь вниманіе [3]).

Въ результатѣ скорость, сообщенная военнымъ приготовленіямъ, ослабѣваетъ; но воздѣйствіе направляющей ихъ руки продолжается съ логической послѣдовательностью и большимъ разсчетомъ. Благодаря возникшей тревогѣ, былъ сдѣланъ крупный шагъ по пути военныхъ мѣропріятій, и ни характеръ Наполеона, ни направленіе его мыслей не позволяли остановиться на

---

[1]) Переписка Алькіѣра, май—іюнь 1811 г.

[2]) Corresp., 17702.

[3]) Id., 17726.

пути, разъ обстоятельства вынудили его стать на этотъ путь. Онъ живетъ подъ гнетомъ еще бо̀льшаго недовѣрія, еще бо̀льшаго чувства озлобленія къ Россіи. Не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило въ умѣ Александра, онъ злится на Россію за то, что она нагнала на него страху. Онъ не далекъ отъ мысли, что русскій государь хотѣлъ просто-напросто учинить противъ него большую военную демонстрацію, въ надеждѣ сломить его упрямство и угро̀зой вырвать у него клокъ Польши. Уже одного этого предположенія достаточно, чтобы привести его въ негодованіе. Развѣ онъ изъ тѣхъ людей, которымъ диктуютъ условія со шпагой въ рукѣ? Если хотятъ вести переговоры, къ чему являться «съ каской на головѣ, а не съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ?» [1]). Наступившее успокоеніе не укрѣпляетъ въ немъ желанія покончить съ распрей, а дѣйствуетъ наоборотъ: давая ему время подготовить реваншъ, оно отклоняетъ его отъ прежняго намѣренія. Получивъ надежду выиграть время и довести свои военныя приготовленія до поразительной по своимъ размѣрамъ широты, онъ мало-по-малу возвращается къ мысли не избѣгать войны, а самому начать ее; онъ останавливается на мысли начать ее въ 1812 г.; онъ рѣшаетъ вести наступательную кампанію во-главѣ всей Европы, и, предпринявъ не имѣющій примѣра въ лѣтописяхъ новѣйшаго времени походъ, силой оружія разрѣшить конфликтъ. Его горячее желаніе вступить въ переговоры ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ опасность отходитъ на задній планъ.

Но сознавая, въ какое трудное положеніе можетъ поставить его слишкомъ быстрый разрывъ съ Россіей; сознавая, что возможность разрыва не исключается и въ будущемъ; по временамъ приходя въ ужасъ передъ необъятной опасностью, въ какую можетъ вовлечь его походъ на Сѣверъ—даже послѣ долгой и тщательной подготовки, онъ все еще стоитъ въ нерѣшимости; онъ не увѣренъ въ успѣхѣ и не можетъ окончательно отрѣшиться отъ мысли покончить мирно. Говоря правду, онъ очень хотѣлъ бы устранить со сцены польскій вопросъ, прогнать этотъ назойливый призракъ. Онъ высказалъ это Куракину, сопровождая свои слова такимъ любезнымъ вниманіемъ, что у стараго по-

---

[1]) Слова, которыя Александръ повторяетъ Лористону, основываясь на донесеніи Куракина; частное письмо Лористона министру, 1 іюня 1811 г.

сланника, «несмотря на его подагру, хватило силъ ходить взадъ и впередъ съ Его Величествомъ въ продолженіе двухъ часовъ» [1]). Онъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, высказываетъ ту же мысль графу Шувалову—русскому дипломату, бывшему проѣздомъ въ Парижѣ. «Чего хочетъ отъ меня императоръ Александръ?—говоритъ онъ.—Пусть оставитъ меня въ покоѣ! Неужто воображаютъ, что я пожертвую чуть не двумястами тысячъ французовъ ради возстановленія Польши?» [2]). И онъ вполнѣ основательно обращаетъ вниманіе на то, что герцогство, въ его теперешнемъ состояніи, т. е. слабое и покорное, для него гораздо выгоднѣе, чѣмъ независимая и сильная Польша, которая рано или поздно освободится изъ-подъ его опеки. Но неужели Россію можно успокоить только дробленіемъ герцогства?—условіе непріемлемое и позорное. Затѣмъ существуетъ еще вопросъ, который Наполеонъ въ глубинѣ души никогда не прочь возбудить снова и вновь начать по немъ переговоры. Это все тотъ же вопросъ о нейтральныхъ судахъ и блокадѣ. Допуская, что найдется средство уладить настоящія недоразумѣнія, остается еще подъ вопросомъ, согласится ли Александръ приказать принимать болѣе дѣйствительныя мѣры противъ англичанъ, болѣе стѣснительныя для ихъ торговли? Вотъ вопросъ капитальной важности, который въ глазахъ Наполеона всегда осложняетъ задачу и придаетъ ей еще бо́льшую остроту. Онъ надѣется, что по всѣмъ нерѣшеннымъ вопросамъ герцогъ Виченцы дастъ же когда-нибудь точныя свѣдѣнія—или въ отвѣтѣ на два посланныхъ ему письма или лично по своемъ возвращеніи. Ему какъ можно скорѣе хочется узнать, какой именно цѣной будетъ онъ въ состояніи избавиться отъ войны съ Россіей и снова заручиться ея содѣйствіемъ противъ вѣчнаго врага.

---

[1]) Донесеніе, цитируемое въ письмѣ Лористона отъ 1 іюня.

[2]) Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 415.

Коленкуръ.

ГЛАВА V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГЕРЦОГА ВИЧЕНЦЫ.

Какъ отразилась въ Петербургѣ тревога, поднявшаяся въ Германіи и Франціи.—Александръ, узнавъ о передвиженіяхъ нашихъ войскъ, боится, чтобы Наполеонъ не напалъ на него.—Онъ все еще задаетъ себѣ вопросъ, не будетъ ли нападеніе лучшимъ способомъ защиты. — Общественное мнѣніе думаетъ иначе.—Веллеслей даетъ Европѣ уроки оборонительной войны.—Онъ создаетъ цѣлую школу.—Генералъ Фуль и его планъ.—Мало-по-малу Александръ склоняется къ чисто-оборонительному плану войны.—Онъ желалъ бы избѣгнуть войны, не возобновляя союза.—Опять герцогство Варшавское.—Довѣрительный разговоръ съ австрійскимъ посланникомъ.—Намеки и недомолвки въ отвѣтъ на вопросы герцога Виченцы.—Императоръ Александръ и римскій король. — Пріѣздъ Лористона. — Милостивый пріемъ. — Александръ разсчитываетъ на Коленкура, надѣясь, что тотъ убѣдитъ Наполеона предложить ему то, чего самъ онъ не хочетъ просить.—Онъ заявляетъ о своемъ рѣшеніи защищаться до послѣдней крайности; торжественность и искренность этого заявленія.—Волненіе Коленкура; тяжелое предчувствіе.—Возвращеніе во Францію.—Поѣздка въ Сенъ-Клу къ императору.—Семичасовой разговоръ. — Коленкуръ ручается за миролюбивыя намѣренія Александра.—Молчаніе въ продолженіе четверти часа.—Какое изъ двухъ рѣшеній?—Наполеонъ отклоняетъ мысль объ уменьшеніи гарнизона въ Данцигѣ.—Коленкуръ настаиваетъ на необходимости сдѣлать выборъ между Польшей и Россіей.—Императоръ мысленно пробѣгаетъ то и другое рѣшеніе.—Непреодолимое препятствіе. — Коленкуръ указываетъ на опасность борьбы съ климатомъ Сѣвера, съ его природой и пространствомъ; онъ ручается за то, что Александръ отступитъ въ самую глубь Россіи, и въ доказательство приводитъ собственныя слова царя.—Императоръ потрясенъ; его собесѣдникъ думаетъ, что выигралъ дѣло.—Наполеонъ перечисляетъ свои военныя силы; имъ овладѣваетъ безумная гордость.—Онъ воображаетъ, что все будетъ рѣшено однимъ сраженіемъ.—Продолженіе разговора. — Старый вопросъ о бракѣ.—Послѣднее слово Коленкура.—Вѣрное разсужденіе и роковыя заблужденія.

I.

Александръ жилъ въ вѣчной тревогѣ. Нерѣшительный отъ природы, онъ никакъ не могъ остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Изъ донесеній Чернышева и изъ другихъ источни

ковъ онъ зналъ, что нашимъ приготовленіямъ внезапно дано было рѣзко-ускоренное движеніе; что варшавская и саксонская арміи спѣшно мобилизуются, а за ними поднимаются и всѣ французскія силы. Сверхъ того, напуганный рѣзкими словами, которыя Наполеонъ позволилъ себѣ сказать въ Торговомъ Совѣтѣ по адресу государствъ, допускавшихъ контрабанду, онъ боялся, чтобы завоеватель, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, не ринулся на его границы съ тѣмъ, чтобы покарать его за его вооруженія. Окружающіе его даже думали, что война начнется въ концѣ весны или, самое позднее, лѣтомъ. Тревога перешла изъ Парижа въ Петербургъ, и царь неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, не выгоднѣе ли ему использовать имѣющееся пока въ его распоряженіи преимущество и не лучше ли двинуться навстрѣчу завоевателю [1]).

Въ апрѣлѣ подполковникъ Шёллеръ, прусскій агентъ, часто имѣвшій доступъ къ царю, не склоненъ былъ думать, чтобы царь совершенно отказался отъ мысли о нападеніи [2]). Нѣсколько времени спустя, шведъ Армфельтъ вынесъ то же впечатлѣніе. Непримиримый врагъ Наполеона, человѣкъ, который жилъ какъ будто только для того, чтобы ненавидѣть, Армфельтъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, откуда его выгналъ напуганный его интригами Бернадотъ, желавшій доставить этимъ удовольствіе императору. Прекрасно принятый въ Петербургѣ, Армфельтъ старался доказать, что «все будетъ потеряно, если дадутъ Бонапарту предупредить себя» [3]), и съ радостью утвер-

---

[1]) Въ своемъ обширномъ апрѣльскомъ донесеніи Чернышевъ, вполнѣ признавая, что въ то время Россія могла вести переговоры съ императоромъ, продолжалъ, тѣмъ не менѣе, развивать планы внезапнаго нападенія,—между прочимъ, таковой: „Не скупиться на увѣренія и вообще на всякія демонстраціи, которыя могли бы успокоить Наполеона насчетъ нашихъ намѣреній; соглашаться на разоруженіе и даже приказать нашимъ дивизіямъ отступить, не отводя ихъ, однако, слишкомъ далеко; затѣмъ усыпить его бдительность и побудить его направить свои усилія снова на Испанію, что, сдѣлавъ его менѣе страшнымъ, дало бы намъ возможность выждать, когда онъ окончательно увязнетъ въ этой новой борьбѣ, и тогда извлечь пользу изъ этой диверсіи“. На поляхъ донесенія находится слѣдующее собственноручное замѣчаніе Александра: „Отчего большинство моихъ министровъ не похожи на этого молодого человѣка?“ Вышеупомянутый томъ, 109.

[2]) См. донесенія Шёллера отъ 30 марта, 5 и 18 апрѣля, о которыхъ упоминаетъ и на которыя ссылается Duncker, 353—354.

[3]) Tegner, Le baron d'Armfeldt, III, 300.

ждалъ, что его слова нашли сочувственный откликъ. Александръ сказалъ ему, что въ недалекомъ будущемъ пошлетъ его въ Лондонъ вести переговоры о мирѣ и союзѣ съ Англіей, а это было бы равносильно разрыву съ Франціей [1]).

Итакъ, Александръ не разрушалъ окончательно надеждъ сторонниковъ нападенія, хотя опасныя и неудобныя стороны такового съ каждымъ днемъ дѣлались ему яснѣе. Онъ зналъ, что его планъ, о которомъ смутно догадывались при многихъ дворахъ, вызвалъ всюду единодушное порицаніе; что въ этомъ предпріятіи общественное мнѣніе Европы не будетъ на его сторонѣ. Считая, что ему необходимо заручиться добрымъ расположеніемъ Австріи [2]), онъ отъ времени до времени дѣлалъ попытки пріобрѣсти ея дружбу и привлечь ее на свою сторону, но въ отвѣтъ получалъ только холодныя и уклончивыя фразы. Сверхъ того, чисто-стратегическія соображенія, которыя все настойчивѣе высказывались среди его окружающихъ, склоняли его къ мысли искать спасенія въ заранѣе предрѣшенной и систематически подготовленной оборонѣ.

Мысль вести войну съ французами въ стилѣ Фабія, т. е. уклоняться отъ боя, выжидать для сраженій случаевъ, когда французы будутъ истощены походами и лишеніями, давать сраженія на позиціяхъ, покрытыхъ укрѣпленіями, предоставлять непріятелю вмѣсто людей сражаться съ препятствіями и одолѣвать необъятныя пространства, — уже давно приходила нѣкоторымъ на умъ. О достоинствѣ этого плана съ увлеченіемъ говорили Александру нѣмцы, а именно—Вольцогенъ; восхваляли его и русскіе, напримѣръ, будущій военный министръ Барклай-де-Толли. Вскорѣ послѣ битвы при Эйлау Барклай сказалъ: «Если бы я былъ главнокомандующимъ, я уклонялся бы отъ рѣшительнаго сраженія; я отступалъ бы,—такъ что, въ концѣ-концовъ, вмѣсто побѣды, французы дошли бы до второй Полтавы» [3]). Однако, подобные совѣты давались боязливо, отдѣльными лицами, пока одно крупное военное событіе не доказало ихъ высокой цѣнности. Весной 1811 г., когда кампанія въ Португаліи приходила къ концу, начали выясняться подробности дуэли на окраинѣ за-

---

[1]) I d., 301.

[2]) Депеша Штакельбергу отъ 2 іюня 1811 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[3]) Bogdanovitch, I, 93.

падной Европы между Массена и Веллеслеемъ. Массена не могъ достигнуть существенныхъ результатовъ, такъ какъ англійскій генералъ, отступивъ передъ нимъ, предоставилъ французамъ углубиться въ скалистыя горы Португаліи, обращенныя южнымъ зноемъ въ пустыни, и въ концѣ изнурительнаго и тягостнаго пути выставилъ противъ нихъ фронтъ изъ укрѣпленій и редутовъ, о который разбилась ослабѣвшая уже энергія нашихъ войскъ. Въ военномъ искусствѣ чаще чѣмъ въ какомъ-либо иномъ дѣлѣ встрѣчается манія подражательности,—нигдѣ такъ не сказывается вліяніе моды. Съ этихъ поръ въ европейскихъ военныхъ штабахъ единодушно было признано, что Веллеслей нашелъ такъ давно отыскиваемый секретъ сопротивленія французамъ, рецептъ побѣды надъ ними, и что, при всѣхъ случаяхъ, слѣдуетъ примѣнять его методу.

Въ Петербургѣ эта доктрина вышла въ систематически-разработанномъ видѣ изъ-подъ пера генерала Фуля—нѣмца, служившаго въ Россіи, трудолюбиваго и весьма ученаго кабинетнаго стратега, который былъ блестящимъ теоретикомъ, но плохимъ практикомъ. Фуль составилъ планъ кампаніи, положивъ въ основу его данныя, заимствованныя изъ войны въ Португаліи, и приведя ихъ въ соотвѣтствіе съ общепризнанными классическими правилами. По его мнѣнію, слѣдовало отвлечь французовъ, какъ можно дальше, отъ ихъ операціонной базы и только тогда встрѣтить на сильно укрѣпленныхъ оборонительныхъ линіяхъ. Въ примѣненіи къ Россіи предлагалось на незащищенномъ пространствѣ между рѣками Днѣпромъ и Двиной, представляющими естественную преграду, соорудить нѣчто въ родѣ центральнаго редута, нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря колоссальныхъ размѣровъ, — русскій Торресъ-Ведрасъ, который бы и закрылъ оставшійся открытымъ путь. Главная русская армія должна медленно отступать до этой позиціи; здѣсь она остановится и будетъ упорно защищаться, тогда какъ вторая армія, менѣе многочисленная и болѣе подвижная, будетъ тревожить и утомлять врага постоянными нападеніями. Это не было еще планомъ отступленія до послѣдней крайности, т. е. сплошнымъ отступленіемъ; это было сочетаніе фронтальной обороны съ фланговыми нападеніями. Что же касается Пруссіи, то съ ея стороны предполагалось только пассивное содѣйствіе. Она должна была безъ боя отдать столицу и провинціи и не оказывать сопротивленія вторженію; ея

армія должна отступить и запереться вмѣстѣ съ правительствомъ и администраціей въ лежащихъ у моря крѣпостяхъ. Эти, превращенныя въ укрѣпленные лагери, крѣпости должны будутъ задержать часть французскихъ войскъ. Это и будутъ прусскіе Торресъ-Ведрасъ, которые издалека будутъ служить поддержкой русскому Торресъ-Ведрасъ, выдвинутому впереди обѣихъ столицъ Россіи, на далекомъ разстояніи отъ ея границы [1]). Главнымъ недостаткомъ предложеннаго Фулемъ плана было то, что по нему предполагалось раздѣлить русскія силы на двѣ отдѣльно дѣйствующія арміи, которыя могли подвергнуться нападенію въ одиночку. Тѣмъ не менѣе Александръ не прочь былъ принять этотъ планъ, ибо онъ давалъ вполнѣ опредѣленный, почти научный характеръ начинавшей преобладать въ его умѣ идеѣ объ оборонѣ. Въ концѣ мая, онъ явно поддался спасительному инстинкту, подсказавшему ему, что у себя дома Россія неуязвима и внѣ опасности [2]).

Несмотря на все это, онъ желалъ поддерживать съ Франціей официальныя отношенія и не прерывать переговоровъ. По мѣрѣ приближенія войны, онъ въ глубинѣ души яснѣе сознавалъ ея ужасы и не хотѣлъ отказаться отъ мысли уладить дѣло мирнымъ путемъ. Онъ счелъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы Наполеонъ согласился—за отступленіе русскихъ войскъ на извѣстное разстояніе—увести войска изъ Данцига, герцогства Варшавскаго и съ линіи Одера, и не очень бы торопилъ его съ окончательнымъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Онъ охотно примирился бы съ подобнымъ, плохо опредѣленнымъ положеніемъ; ибо оно, устраняя страшный рискъ войны, избавляло его отъ необходимости исполнять принятыя на себя обязательства и со временемъ дало бы ему предлогъ сблизиться съ Англіей на экономической почвѣ.

Что же касается того, чтобы навсегда покончить раздоры съ Франціей, то, признавая это весьма желательнымъ, онъ спрашивалъ, гдѣ же средства для этого? Переданныя Чернышевымъ встрѣчныя предложенія императора, очевидно, были несущественнымъ палліативомъ. Правда, оставалось рѣшеніе, дорогое сердцу Румянцева, которое сводилось къ раздѣлу герцогства Варшав-

---

[1]) Bogdanovitch, I, 72—95. Mémoires de Wolzogen, 55 et suiv.

[2]) См. его письмо королю Прусскому, прибывшее въ Берлинъ между 26 и 28 мая, цитируемое Duncker'омъ, 361—362.

скаго. Александръ, допускавшій только одно, извѣстное уже намъ, рѣшеніе польскаго вопроса, не прочь былъ примириться и съ этой комбинаціей, доказательствомъ чего служатъ слова, сказанныя имъ въ одномъ довѣрительномъ разговорѣ. Говоря однажды австрійскому посланнику графу Сенъ-Жюльену объ Ольденбургѣ и о томъ, гдѣ найти за него вознагражденіе, онъ, «не высказываясь вполнѣ», сказалъ:—«Я отлично знаю эквивалентъ, который могъ бы намъ приличествовать» [1]);—и Сенъ-Жюльенъ, поискавъ въ вѣрномъ источникѣ объясненіе этихъ словъ, писалъ своему двору, что царь не прочь былъ бы взять «часть герцогства Варшавскаго, расположенную на правомъ берегу Вислы».

Правда, что по поводу этого таинственнаго эквивалента, Александръ поторопился добавить: «Но пока объ этомъ не можетъ быть и рѣчи». Дѣйствительно, послѣ пріема, сдѣланнаго намекамъ Чернышева, онъ еще болѣе считалъ неудобнымъ слишкомъ ясно высказываться о своихъ притязаніяхъ, изъ которыхъ Наполеонъ могъ выковать противъ него напитанныя ядомъ стрѣлы. Мы увидимъ, что, въ разговорахъ съ нашимъ посланникомъ, онъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ повторитъ свое требованіе, но при этомъ не столько будетъ стараться о томъ, чтобы его поняли, сколько о томъ, чтобы не компрометировать себя. Онъ будетъ говорить такими намеками, которые трудно даже передать въ удобопонятной формѣ; онъ будетъ вести переговоры неискренно; прикроетъ свою мысль настолько густымъ вуалемъ, чтобы она только просвѣчивала, но чтобы никто не былъ въ состояніи ясно разглядѣть ее, а тѣмъ паче показать другимъ.

5 мая, согласно отправленнымъ изъ Парижа 15 и 17 апрѣля приказаніямъ, Коленкуръ убѣдительно просилъ царя высказаться. Пользуясь выраженіями французскаго министра, посланникъ началъ разговоръ словами: «Если то, чего желаютъ русскіе, не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, это будетъ сдѣлано». Александръ прежде всего отвѣтилъ указаніемъ на свое долготерпѣніе; онъ сказалъ,—«что касается желанія объясниться и сговориться, то попытка къ этому давнымъ-давно была имъ сдѣлана; что не онъ, а мы ни на что не даемъ отвѣта, а только каждый день обращаемся съ однѣми и тѣми же просьбами, какъ будто

---

[1]) Oncken, Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege, II, 611.

три мѣсяца тому назадъ, даже, болѣе, годъ тому назадъ—онъ не отвѣтилъ уже на всѣ вопросы; какъ будто что-нибудь во всемъ этомъ зависитъ отъ него: ничего подобнаго—все зависитъ отъ императора Наполеона». — «Никто, продолжалъ онъ, честнѣе меня не служилъ его интересамъ, никто такъ искренно не лелѣялъ его славы и до сихъ поръ никто не можетъ увѣрять его въ болѣе искренней, въ болѣе полезной дружбѣ. Время признать это. Я всей душой былъ преданъ ему, не считаясь съ обстоятельствами. Пусть же, наконецъ, и онъ отнесется ко мнѣ справедливо» [1]).

Коленкуръ снова повторилъ, что императоръ и король искренно желаетъ удовлетворить Россію; но, что все-таки необходимо знать, «какъ и гдѣ; что относительно этого никогда еще не было объясненій». Тогда Александръ высказался за безусловное и точное соблюденіе договоровъ, что было равносильно требованію возвратить лишеннаго владѣній принца въ его герцогство. Это притязаніе было высказано исключительно ради соблюденія приличій, такъ какъ на него нельзя было смотрѣть серьезно. Спустя нѣкоторое время, какъ бы противъ воли соглашаясь на уступку, царь допустилъ принципъ вознагражденія «справедливаго и приличнаго». Чтобы дать понять, не называя точно, какое вознагражденіе онъ имѣетъ въ виду, онъ воспользовался методомъ исключенія. «Конечно, сказалъ онъ, одного Эрфурта недостаточно». Съ другой стороны, «потребная прибавка должна быть взята отъ государствъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Франціи, но не ему подобаетъ обирать ихъ». Далѣе онъ сказалъ, что «Россія, конечно, не можетъ взять вознагражденіе за счетъ Пруссіи, потому что было бы несправедливо и неразумно изъ любви къ герцогу Ольденбургскому дѣлать эту страну еще болѣе несчастной, да, и, помимо того, не въ интересахъ Россіи ослаблять и безъ того слабую Пруссію». Такимъ образомъ, по исключеніи Пруссіи и второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, оставалось только великое герцогство. Александръ воздержался назвать его, если не считать фразы, «что онъ не имѣетъ никакихъ притязаній ни на владѣнія этого государства, ни на владѣнія другихъ сосѣдей». Это значило играть словами, ибо съ уступкой части герцогства герцогу Ольденбург-

---

[1]) Коленкуръ Маре́, 7 мая 1811 г.

скому, все герцогство было бы головой выдано Россіи. Послѣ фразъ, которымъ можно было придать разныя толкованія, послѣ вторичнаго заявленія, «что онъ ждетъ справедливаго отношенія къ своему близкому родственнику, къ дядѣ такого союзника, какъ онъ», Александръ сразу перескочилъ къ дѣламъ Польши, настаивая на безотлагательной необходимости положить конецъ волненіямъ и упованіямъ поляковъ, и ясно было, что онъ старался сблизить и связать оба вопроса. Правда, бо́льшая часть его словъ сопровождалась такими перефразировками, такими стыдливыми замалчиваніями, онъ такъ тщательно старался скрыть свое желаніе подсказать императору выборъ вознагражденія, что, какъ видно, Коленкуръ не совсѣмъ ясно понялъ, что требуемая противъ возстановленія Польши гарантія сливалась и отожествлялась съ вознагражденіемъ, просимымъ для герцога Ольденбургскаго. Тѣмъ не менѣе, изъ этого разговора и изъ нѣсколькихъ бесѣдъ съ канцлеромъ посолъ вынесъ безусловное и глубокое убѣжденіе, что оба вопроса должны быть рѣшены совмѣстно или въ прямой зависимости одинъ отъ другого; что рѣшеніемъ перваго вопроса само-собой устранится второй или, по меньшей мѣрѣ, потеряетъ свою остроту.

За время этихъ разговоровъ Александръ съ удивительнымъ тактомъ сумѣлъ сохранить поведеніе, какое подобаетъ другу, по-истинѣ оскорбленному, отринутому, которому вѣчно грозятъ и который изъ чувства собственнаго достоинства держится въ сторонѣ; но при всемъ томъ ничего такъ не желаетъ, какъ вернуться къ прежней дружбѣ, лишь бы къ нему сдѣлали первый шагъ. Онъ относился къ нашему посланнику съ большимъ вниманіемъ, отличалъ его; но не скрылъ, что нападки на Черныше́ва во французской печати, равно какъ и рѣчь императора въ Торговомъ Совѣтѣ, оскорбили его до глубины души. Онъ высказался въ весьма сочувственныхъ выраженіяхъ, не переходя, впрочемъ, извѣстныхъ предѣловъ, по поводу рожденія римскаго короля, и выразилъ большое участіе къ радостному событію, выпавшему на долю Франціи. Чтобы отпраздновать это событіе, Коленкуръ задумалъ дать такой балъ, который составилъ бы эпоху въ лѣтописяхъ Петербурга, и возымѣлъ намѣреніе собрать въ стѣнахъ своего дворца, который на этотъ случай предполагалось блестяще декорировать снаружи и внутри, все высшее общество. Русскія власти любезно предложили ему свое содѣй-

ствіе въ устройствѣ бала, но царь увѣдомилъ, что, при настоящемъ положеніи вещей, не можетъ присутствовать на балу. Онъ велѣлъ передать ему, что, если къ нему обратятся съ просьбой офиціальнымъ путемъ, онъ приметъ приглашеніе; но, если до бала не придетъ извѣстія «дружескаго и успокоительнаго характера, онъ въ день бала скажется больнымъ». «Какими глазами взглянутъ на меня Европа и мой народъ, если я отправлюсь танцовать къ французскому посланнику въ тотъ моментъ, когда французскія войска двигаются на меня со всѣхъ сторонъ?... Дайте балъ безъ меня; не приглашайте меня. Вамъ было оказано всевозможное содѣйствіе, чтобы балъ вышелъ на-славу и чтобы онъ превзошелъ все, что было и будетъ сдѣлано иностранцами. Или же подождите нѣсколько дней. Пусть императоръ докажетъ мнѣ тѣмъ, что онъ скажетъ—или Куракину, или Чернышеву, или тѣмъ, что сдѣлаетъ, что онъ дѣйствительно дорожитъ мною и союзомъ, и я съ большимъ удовольствіемъ пріѣду къ вамъ, ибо у меня только одно желаніе—дать императору и его странѣ доказательства моей дружбы. Я же, съ своей стороны, могу увѣрить васъ, что у меня не останется ни задней мысли, ни воспоминанія о теперешнихъ обстоятельствахъ, и что я возстановлю все въ духѣ союза и дружбы, лишь только вы искренно пожелаете этого» [1]).

Тѣмъ временемъ пріѣхалъ въ Петербургъ Лористонъ. Ему былъ оказанъ великолѣпный пріемъ и всевозможныя почести. На первой данной ему аудіенціи Александръ горячо жаловался на замѣченное въ Саксоніи воинственное возбужденіе, но среди своихъ жалобъ нашелъ случай ввернуть и лестныя слова. Какъ искусный политикъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы графиня Лористонъ пріѣхала къ своему мужу и поселилась въ Россіи, ибо ея пріѣздъ доказалъ бы, что посланникъ разсчитываетъ надолго поселиться въ Россіи, а это было бы принято за симптомъ мира [2]).

Въ слѣдующіе дни, когда герцогъ Виченцы подготовлялся къ отъѣзду, Александръ нѣсколько разъ видѣлся съ обоими посланниками. Онъ принималъ ихъ то вмѣстѣ, то каждаго порознь. Лористону онъ повторилъ то же, что говорилъ и Коленкуру, и, кажется, что новый представитель, по нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ словахъ Александра, по выраженію его лица, лучше своего пред-

---

[1]) 135 донесеніе Коленкура императору, отправленное 8 мая 1811 г.

[2]) Лористонъ Маре́, 12 мая 1811 г.

шественника понялъ, что дѣло шло о желаніи посягнуть на неприкосновенность герцогства Варшавскаго. Дѣлая робкій намекъ на своевременность уступки Россіи нѣкоторыхъ земель въ Польшѣ, онъ писалъ:—«Если только у императора Наполеона существуетъ таковое намѣреніе, я думаю, что этимъ путемъ могли бы быть рѣшены оба вопроса: вопросъ о вознагражденіи и вопросъ о договорѣ относительно Польши» [1]).

Пока Александръ доставлялъ Лористону случаи угадать его желанія и самъ пытался узнать отъ него о намѣреніяхъ императора, онъ осыпалъ его всевозможными милостями: на него такъ и сыпались приглашенія на воскресные парады, на обѣды, которые завершались бесѣдами съ глазу-на-глазъ. Въ свѣтѣ, какъ бы угадавшемъ намѣренія своего государя и, видимо, желавшемъ служить имъ, французскій посланникъ видѣлъ только улыбающіяся лица [2]). Одуряющее дѣйствіе чаръ тотчасъ же сказалось. Милостивый пріемъ, обворожительная простота монарха, его пріятный и изящный говоръ, талантъ, съ какимъ онъ умѣлъ внѣдрять свои взгляды въ умъ собесѣдника,—все это произвело и на Лористона свое обычное дѣйствіе. Какъ новичекъ въ политикѣ, этотъ генералъ началъ думать, что Александръ гораздо меньше, чѣмъ это было въ дѣйствительности, отдалился отъ Франціи и императора Наполеона.

Первымъ дѣломъ его было написать въ Парижъ: «Императоръ Александръ не хочетъ войны; онъ будетъ воевать только въ томъ случаѣ, если на него будетъ сдѣлано нападеніе» [3]). Это утвержденіе съ каждымъ днемъ принимало все бо̀льшую вѣроятность. Но Лористонъ пошелъ гораздо дальше: онъ не допускалъ и мысли, чтобы Россія когда бы то ни было питала агрессивныя намѣренія. Оно и понятно. Изъ сообщеній Понятовскаго, которыя сдѣлались извѣстными въ Парижѣ уже послѣ его отъѣзда, до него дошли только слабые отголоски. Да и помимо того, можно ли было устоять противъ доказательствъ, которымъ Александръ съ удивительнымъ искусствомъ сумѣлъ придать оттѣнокъ простодушія и

---

[1]) Частное письмо къ Маре́, 1 іюня 1811 г.

[2]) 17 іюня Лористонъ писалъ Маре́: „Я не могу достаточно нахвалиться любезнымъ пріемомъ и обхожденіемъ во всѣхъ домахъ, гдѣ я бываю. Дачный сезонъ разогналъ общество; тѣмъ не менѣе, бывая на дачахъ, я могу, такъ сказать, запастись знакомствами на зиму“.

[3]) Лористонъ Маре́, 29 мая.

душевной чистоты? Лористона какъ будто хотѣли посвятить во всѣ тайны главнаго штаба. Ему показали карту, на которой мѣста стоянокъ русскихъ корпусовъ были помѣчены на довольно далекомъ разстояніи отъ границы; ему даже предложили послать своего адъютанта, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ этомъ. Притомъ, Александръ и не думалъ скрывать, что созвалъ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи войска, что онъ хочетъ оградить себя отъ внезапнаго нападенія. Онъ говорилъ, что гораздо раньше насъ имѣлъ возможность начать кампанію. Но то, что онъ пропустилъ время, когда ему выгодно было перейти въ наступленіе, не было ли наилучшимъ его оправданіемъ; не служило ли это неопровержимымъ доказательствомъ его чисто-оборонительныхъ намѣреній? «Я готовъ, говорилъ онъ, мнѣ не нужно никакихъ приготовленій, и, однако, я не нападаю. Отчего?—Оттого, что я не хочу войны. Я только становлюсь въ оборонительное положеніе. Да, я вооружаю Бобруйскъ, Ригу, Динабургъ. Но развѣ это можно назвать нападеніемъ? Развѣ это не способъ опредѣленно заявить, что я хочу защищаться и ничего болѣе?» [1]).

Что же касается защиты, онъ говорилъ, что будетъ защищаться со всѣмъ упорствомъ, на какое только способенъ, съ энергіей отчаянія, и въ этомъ отношеніи его слова не были ни актерствомъ, ни политическимъ или дипломатическимъ пріемомъ. То былъ плодъ глубоко-продуманнаго убѣжденія. По мѣрѣ того, какъ въ Александрѣ крѣпло желаніе не вызывать войны, онъ непоколебимо устанавливался на рѣшеніи, которому суждено было создать его нравственное величіе и славу, на рѣшеніи выдержать войну,—если бы ему пришлось подвергнуться этому испытанію,—до конца, до полнаго истощенія своихъ силъ. Онъ высказалъ, что будетъ сражаться «до послѣдней крайности» [2]) что безповоротно рѣшилъ, если счастье измѣнитъ его первымъ усиліямъ, отступить въ самыя отдаленныя губерніи Россіи; что и тамъ онъ будетъ съ такимъ же упорствомъ вести борьбу и, если потребуется, похоронитъ себя подъ развалинами своей имперіи. Александръ надѣялся, что, можетъ быть, извѣстіе о его непреклонномъ рѣшеніи, дойдя до императора, произведетъ на того сильное впечатлѣніе, и что, можетъ быть, благодаря этому,

---

[1]) Лористонъ Маре́, 29 мая.

[2]) Письмо Чарторижскому, 1 апрѣля 1812 г. Mémoires et Correspondance de Czartoryski, II, 282.

ему удастся вырвать у Наполеона крупную уступку въ польскомъ вопросѣ, или, по крайней мѣрѣ, цѣлый рядъ миролюбивыхъ мѣръ. Въ виду этого Александръ, въ чрезвычайно сильныхъ выраженіяхъ, откровенно высказался передъ Лористономъ, въ особенности же передъ герцогомъ Виченцы. Александръ исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній: Коленкуру, думалъ онъ, предстоитъ вернуться въ Парижъ и снова занять при своемъ повелителѣ должность оберъ-шталмейстера. Ему чуть не ежедневно будутъ представляться случаи видѣть императора, бесѣдовать съ нимъ и убѣждать его. Теперь онъ уже сбросилъ съ себя личину, къ которой обязывало его званіе посла: онъ только общій другъ обоихъ императоровъ. Нельзя сдѣлать лучшаго выбора для передачи отъ одного императора другому интимнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнаго порученія. Выраженія, въ какихъ Александръ избралъ Коленкура повѣреннымъ и хранителемъ своихъ наисекретнѣйшихъ помысловъ, поразили и тронули бывшаго посла до глубины души. Не довѣряя бумагѣ, онъ затаилъ ихъ въ себѣ, и запечатлѣлъ въ своей памяти съ тѣмъ, чтобы, когда будетъ давать отчетъ императору о своей миссіи, слово-въ-слово повторить ихъ ему. Тогда-то мы и услышимъ ихъ изъ его устъ.

15 мая Коленкуръ покинулъ Петербургъ. Когда онъ въ послѣдній разъ являлся ко двору, когда дѣлалъ прощальные визиты, всѣ замѣтили въ обострившихся чертахъ его блѣднаго, утомленнаго лица выраженіе глубокой грусти [1]). Несмотря на то, что должность посланника доставила ему подъ конецъ трудно выносимыя огорченія, что климатъ Петербурга разстроилъ его здоровье, онъ сердечно привязался къ Россіи, гдѣ испыталъ и высокія чувства удовлетворенія, и пережилъ столько испытаній. Человѣческой душѣ свойственно привязываться къ мѣстамъ, гдѣ она познала страданія и радости, гдѣ на ея долю выпала крупная дѣятельность, крупная борьба,—словомъ, гдѣ она жила полной жизнью. Коленкуръ привязался къ Александру за его доброе къ нему отношеніе и возростилъ въ своей душѣ культъ искренней къ нему благодарности. Онъ полюбилъ красочность русской жизни, въ которой широкій размахъ сочетался съ утонченнымъ,

---

[1]) Графиня Едлингъ пишетъ въ своихъ Мемуарахъ: „На прощальной аудіенціи Коленкуръ былъ до того взволнованъ, что всѣ были удивлены". Стр. 50.

любознательнымъ умомъ и чарующей душой; съ грустью и сожалѣніемъ разставался онъ съ обществомъ, симпатіи и уваженіе котораго завоевалъ съ такимъ трудомъ. Сверхъ того, сдѣлавъ союзъ главной задачей своей жизни, вопросомъ чести, онъ съ болью въ сердцѣ видѣлъ, какъ союзъ разваливается, какъ превращается въ ничто, уступая мѣсто чреватому опасностями неизвѣстному. Предчувствіе будущаго, сожалѣніе о столькихъ усиліяхъ, потраченныхъ безъ всякаго результата, омрачали его душу въ минуту отъѣзда. Эти думы осаждали его въ продолженіе безконечно-длинныхъ дней и ночей нескончаемаго пути. Но онъ старался не предаваться черезчуръ безнадежнымъ мыслямъ, дабы окончательно не лишиться мужества. Его миссія не была еще кончена. Ему оставалось выполнить послѣдній долгъ. Ему нужно было сказать императору всю правду, въ томъ видѣ, какъ онъ самъ ее понималъ; передать всѣ свѣдѣнія, открыть ему глаза и предостеречь его. Онъ рѣшилъ, что не долженъ отступать передъ этой обязанностью, не останавливаться передъ рискомъ навлечь на себя гнѣвъ императора, и, если потребуется, пожертвовать своей будущностью велѣніямъ своей совѣсти и своего долга.

II.

Коленкуръ пріѣхалъ въ Парижъ 5 іюня утромъ. Онъ засталъ городъ за приготовленіями къ народнымъ празднествамъ по случаю крестинъ наслѣдника. Дома убирались флагами и гирляндами изъ зелени, украшались эмблемами. Улицы, по которымъ должно было слѣдовать шествіе, чистились и освобождались отъ всего лишняго. Парижъ наряжался къ великому празднику. Въ Тюльери, на Елисейскихъ поляхъ, на Сенѣ готовились увеселенія, устраивались фейерверки и иллюминація. Коленкуръ, не останавливаясь, проѣхалъ мимо этихъ праздничныхъ украшеній, и тотчасъ же отправился въ Сенъ-Клу, которое Ихъ Величества избрали на нѣсколько недѣль своимъ мѣстопребываніемъ. Было около одиннадцати часовъ.

Императоръ, кончавшій завтракъ, приказалъ провести его въ кабинетъ. Вскорѣ онъ пришелъ къ нему. Принявъ холодно, не обращаясь къ нему ни съ упреками, ни съ похвалой, онъ сразу же заговорилъ о своихъ обидахъ противъ Александра и съ чувствомъ горечи началъ перечислять ихъ. Припомнилъ, какъ

русскіе бросили его на произволъ судьбы въ 1809 г., какія вздорныя требованія предъявляли въ 1810 г.; указалъ на нарушенія блокады, на начатыя съ давнихъ поръ вооруженія, и, наконецъ, перешелъ къ недавнимъ и текущимъ событіямъ, къ общему характеру передвиженій русскихъ войскъ, указывающихъ на враждебный и наступательный планъ. «Александръ фальшивъ,— раздражаясь, закончилъ онъ,—онъ вооружается, чтобы воевать со мной» [1]).

Коленкуръ съ большимъ мужествомъ началъ доказывать, что Александръ неповиненъ, что его намѣренія честны. Пріѣхавъ въ Парижъ насквозь пропитанный разсужденіями, которыя обаятельный монархъ изложилъ ему съ такимъ искусствомъ, облекши ихъ въ подкупающую форму сердечныхъ изліяній и чарующихъ словъ, герцогъ по всѣмъ вопросамъ выставилъ противъ французскихъ взглядовъ русскіе. Онъ перечислилъ оказанныя Александромъ услуги, затѣмъ случаи несправедливаго къ нему отношенія, прямыя и косвенныя подстрекательства, крупныя обиды, булавочные уколы—все, отъ чего страдала рыцарская душа русскаго монарха.

Наполеонъ выслушалъ все это, не скрывая возрастающаго нетерпѣнія. Иногда, когда отвѣтъ не представлялъ затрудненій, онъ бросалъ его съ видимымъ желаніемъ рѣзко оборвать говорящаго. Такъ, онъ не далъ Коленкуру высказать, что Россія плохо была вознаграждена за свое призрачное содѣйствіе во время войны съ Австріей. Когда же бывшій посланникъ назвалъ несомнѣнно существовавшій, но ускользнувшій отъ его вниманія планъ нападенія «смѣшной сказкой», выдуманной поляками, императоръ сдѣлался окончательно грубъ и рѣзокъ. «Александръ и русскіе, сказалъ онъ, водили васъ за носъ; вы совсѣмъ не знали того, что происходило. Даву и Раппъ много лучше васъ держали меня въ курсѣ дѣла». Не смущаясь этимъ рѣзкимъ замѣчаніемъ, Коленкуръ продолжалъ и довелъ до конца свой отчетъ. Его мнѣніе, которое четыре мѣсяца тому назадъ могло быть во всѣхъ

---

[1]) Разсказъ о разговорѣ между императоромъ и Коленкуромъ, равно какъ и текстъ воспроизведенныхъ словъ, цѣликомъ взяты изъ драгоцѣнной коллекціи неизданныхъ неофиціальныхъ документовъ, изъ которыхъ мы уже дѣлали широкія заимствованія въ I и во II томѣ. Не трудно угадать источникъ, откуда взяты эти документы, точно указать который намъ не дано права.

отношеніяхъ ошибочнымъ, теперь имѣло свое основаніе. Плохо освѣдомленный о тогдашнемъ положеніи, онъ имѣлъ неизмѣримо болѣе ясное представленіе о настоящемъ, и могъ доподлинно утверждать, что Александръ не намѣренъ начинать войны и желаетъ ея избѣгнуть. Въ категорическихъ выраженіяхъ онъ головой ручался за это. Воодушевляясь своими словами, онъ дошелъ до того, что сказалъ: «Я готовъ подвергнуться заточенію, готовъ положить голову на плаху, если событія не оправдаютъ меня».

Эти слова были сказаны такимъ убѣжденнымъ тономъ, что смутили императора, сбили его съ твердой позиціи. Ничего не отвѣтивъ, онъ прервалъ разговоръ, и, погрузившись въ размышленія, началъ ходить по кабинету. Коленкуръ молча смотрѣлъ, какъ тотъ шагалъ взадъ и впередъ, терзаемый неотступными заботами. Передъ его глазами то терялись въ глубинѣ комнаты широкая спина и вздернутыя плечи императора, то вырисовывалось выплывавшее оттуда, осѣненное глубокой думой чело. Какой потокъ противорѣчивыхъ чувствъ бушевалъ въ душѣ императора? Сознавалъ ли онъ, что переживаетъ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ минутъ своего царствованія? Онъ продолжалъ ходить, углубившись въ самого себя, ничего не замѣчая кругомъ. Минуты проходили одна за другой—тяжелыя, нескончаемыя.

Такимъ образомъ, въ полномъ молчаніи, прошло четверть часа. Наконецъ, очнувшись отъ думъ, Наполеонъ подошелъ къ своему собесѣднику и обратился къ нему со слѣдующими словами, въ которыхъ открыто поставилъ такой вопросъ: «Вѣрите ли вы, что Россія не хочетъ войны; что есть вѣроятность, что она останется вѣрной союзу и снова вступитъ въ континентальную систему, если я дамъ ей удовлетвореніе за счетъ Польши?»

Коленкуръ повторилъ то, что и раньше говорилъ въ своихъ депешахъ, т. е., что крупная уступка за счетъ Польши, если она будетъ поддержана умѣренной политикой, обезпечитъ миръ и будетъ способствовать оживленію союза. На вопросъ императора, въ чемъ должна заключаться уступка, Коленкуръ, которому не удалось вполнѣ разобраться въ крайне туманныхъ признаніяхъ Александра, не могъ съ точностью отвѣтить, и удовольствовался тѣмъ, что установилъ ее въ принципѣ. Онъ добавилъ, что, по его мнѣнію, частичная эвакуація Данцига и прусскихъ крѣпостей доставитъ Петербургу большое облегченіе и приведетъ къ улучшенію натянутыхъ отношеній. Однако, идея ослабить теперь

же, до окончательнаго соглашенія, наши оборонительныя и военныя средства не пришлась по душѣ императору. Онъ живо ухватился за эту тему, и тотчасъ же между нимъ и его оппонентомъ завязался оживленный діалогъ. Одинъ нападалъ, другой стойко отражалъ удары.

«Русскіе боятся?» —спросилъ императоръ. «Они боятся?»—повторилъ онъ, какъ будто мысль, что уже одно созерцаніе его войскъ внушило русскимъ страхъ, польстила ему и доставила утѣшеніе его гордости.—«Нѣтъ, они не боятся; но они предпочитаютъ войну положенію, которое уже не миръ».—«Не думаютъ ли они предписывать мнѣ свою волю?»—«Нѣтъ.»—«Однако, требовать, чтобы я, въ угоду Александру, эвакуировалъ Данцигъ,—значитъ предписывать таковую». — «Александръ ни на что точно не указываетъ,—вѣроятно, съ цѣлью, чтобы нельзя было сказать, что онъ угрожаетъ; но онъ подводитъ итоги всему, что произошло со времени свиданія въ Тильзитѣ. Я могъ наблюдать, что внушало безпокойство, и, слѣдовательно, могу сказать, что можетъ дать успокоеніе.»—«Пожалуй, мнѣ скоро придется испрашивать у Александра разрѣшенія дѣлать смотръ войскамъ въ Майнцѣ?» — «Нѣтъ, но то, что они идутъ въ Данцигъ, ему не нравится...»—«Русскіе возгордились: не хотятъ ли они навязать мнѣ войну?»—«Нѣтъ, ни войны, ни своей воли; но они не хотятъ подчиняться чужой.»—«Не думаютъ ли русскіе распоряжаться мною, какъ въ царствованіе Екатерины II распоряжались ихъ ставленникомъ, польскимъ королемъ? Я не Людовикъ XV; французскій народъ не потерпитъ подобнаго униженія.»

Не въ первый разъ уже вызываетъ онъ, по поводу Польши, образъ безпечнаго монарха, допустившаго совершить на своихъ глазахъ преступный раздѣлъ и осужденнаго за это исторіей; точно воспоминаніе объ этомъ позорѣ преслѣдовало и мучило его. Съ возрастающимъ одушевленіемъ онъ два, а можетъ быть, и три раза повторилъ свою фразу о Людовикѣ XV; затѣмъ, наступая на Коленкура, подойдя къ нему вплотную, пронизывая его мечущимъ молніи взоромъ, онъ сказалъ: «Вы хотите унизить меня?»—«Ваше Величество, спокойно отвѣтилъ Коленкуръ, вы спрашиваете меня о средствахъ поддержать союзъ, я указываю вамъ на нихъ. Нужно какъ можно ближе подойти къ тому положенію, какое установилось непосредственно за Эрфуртомъ. Если вы хотите возстановить Польшу, тогда—другое дѣло».—«Я

уже сказалъ вамъ, что не хочу возстановлять Польши».—«Тогда я не понимаю, ради чего Ваше Величество пожертвовали союзомъ съ Россіей».—«Не я, а она порвала его, потому что ее стѣсняетъ континентальная система». Коленкуръ далъ почувствовать, что, своей системой разрѣшеній на торговлю, императоръ первый подалъ примѣръ нарушенія законовъ блокады. При этомъ возраженіи, затронувшемъ слабую сторону его аргументаціи, императоръ почувствовалъ ударъ, и призналъ, что онъ нанесенъ искусно. Онъ улыбнулся, и, взявъ Коленкура за ухо, спросилъ его: «Вы влюблены въ Александра?»—«Нѣтъ, но я поклонникъ мира».—«Я тоже, но я не хочу, чтобы русскіе приказывали мнѣ эвакуировать Данцигъ».—«Они и не говорятъ объ этомъ: вѣдь выражать желаніе и выставлять требованіе—не одно и то же».

Заспоривъ о Данцигѣ, они уклонились отъ главнаго и самаго жгучаго вопроса. Наполеонъ понималъ, что подъ загадочными фразами и недомолвками Александра скрывалась упорная задняя мысль, какое-то желаніе, котораго тотъ не рѣшался высказать; что во всемъ этомъ дѣлѣ была иная подкладка. «Васъ надуваютъ, сказалъ онъ Коленкуру; я—старая лисица; я знаю грековъ». *Коленкуръ*: «Позвольте мнѣ, Ваше Величество, высказать послѣднее соображеніе?» *Императоръ*: «Говорите... (съ нетерпѣніемъ) да говорите же!» И въ его жестѣ, въ голосѣ, въ вопросительномъ взглядѣ чувствовалось приказаніе дать откровенный и ясный отвѣтъ.

Тогда, вернувшись къ главному вопросу, Коленкуръ воспроизвелъ его съ бо́льшею силой, съ бо́льшею широтой, хотя все еще въ общихъ выраженіяхъ. Онъ показалъ его въ томъ видѣ, какъ самъ понималъ. По его мнѣнію, наступило время, когда императоръ долженъ сдѣлать выборъ между двумя вполнѣ опредѣленными рѣшеніями, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности имѣло свои хорошія стороны, но которыя взаимно исключали другъ друга.

Первое состояло въ томъ, чтобы успокоить Россію, и—открыто предоставивъ ей вѣрный залогъ противъ возстановленія Польши, вернуть себѣ эту первоклассную союзницу, рискуя привести въ отчаяніе поляковъ и, можетъ быть, навсегда оттолкнуть ихъ отъ себя. Императору, его мудрости—рѣшать, какой дать залогъ. Пріемлемо и второе рѣшеніе, т. е. поступить какъ разъ наоборотъ: снова взять на себя трудъ возстановленія Польши и до-

вести до конца дѣло, наполовину выполненное въ 1807 и 1809 гг., т. е. цѣликомъ возстановить Польшу. Въ такомъ случаѣ придется воевать съ русскими; но такая война будетъ имѣть извѣстную цѣль: она будетъ за вполнѣ опредѣленный предметъ, ради котораго стоитъ и потрудиться. Ибо тогда—возстановленная въ прежнихъ границахъ, поставленная въ ряду великихъ державъ—Польша сдѣлается нашей точкой опоры на Сѣверѣ и измѣнитъ тамъ въ нашу пользу распредѣленіе силъ. Каждый изъ этихъ плановъ имѣетъ свои выгоды и неудобства; но пробилъ часъ, когда слѣдуетъ открыто избрать тотъ или другой и уже остановиться на немъ окончательно; между ними нѣтъ мѣста межуточному и двусмысленному рѣшенію. Эта суровая альтернатива уже была выставлена Коленкуромъ въ его перепискѣ; его слова были только инымъ изложеніемъ замѣчательныхъ строкъ, написанныхъ имъ въ одной изъ послѣднихъ депешъ: «Императору слѣдуетъ выбрать между Польшей и Россіей, ибо дѣла приняли такой оборотъ, что, для того, чтобы не разочаровывать одной—нужно потерять другую» [1]).

«Какое рѣшеніе приняли бы вы? — спросилъ императоръ. —Союзъ, осторожность и миръ.—Миръ! Нужно, чтобы онъ былъ прочный и почетный. Я не хочу мира, который бы, подобно Амьенскому, разорилъ мою торговлю. Чтобы миръ былъ возможенъ и проченъ, слѣдуетъ, чтобы Англія была убѣждена, что никогда не найдетъ союзниковъ на континентѣ... Нужно, чтобы русскій колоссъ съ его ордами никогда не могъ угрожать Югу набѣгами». И императоръ горячо сталъ защищать это соображеніе, которое влекло его къ войнѣ и тянуло къ Сѣверу, гдѣ онъ хотѣлъ возстановить утраченныя границы старой Европы.

«Ваше Величество склоняетесь на сторону Польши?»—просто сказалъ Коленкуръ. Эти слова сразу же остановили увлекшагося воинственнымъ задоромъ императора и снова повергли его въ раздумье. Дѣйствительно, барьеръ, который онъ думалъ воздвигнуть противъ Россіи, не могъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ Польши. Но что это за барьеръ?—Слабый и неустойчивый, какой-то песчаный валъ, ибо дѣло шло о народѣ, который всегда отличался недостаткомъ выдержки и единодушія. Можно ли было на этомъ шаткомъ фундаментѣ строить гигантскій планъ? Импера-

---

[1]) Коленкуръ Маре́, 8 мая 1811 г.

торъ быстро спохватился, какъ будто его мысль, послѣ скачка въ сторону, вернулась на прежнее мѣсто. «Я не хочу войны, сказалъ онъ, не хочу Польши; но я хочу выгоднаго союза. Съ тѣхъ поръ, какъ стали впускать нейтральныя суда, онъ пересталъ быть выгоднымъ; онъ никогда и не былъ таковымъ». Коленкуръ снова началъ защищать Александра. Онъ ручался за искренность царя, за благородство его чувствъ. Онъ говорилъ объ этомъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ жаромъ, что императоръ полушутя, полусердито сказалъ ему: «Если бы парижскія дамы услышали васъ, онѣ еще болѣе обезумѣли бы отъ любви къ императору Александру. Разсказы о его манерахъ и любезномъ обхожденіи въ Эрфуртѣ вскружили имъ головы. Если прибавить къ тому то, что вы говорите, можно было бы сочинить интересныя сказки для парижанъ».

Похвалы его сопернику, видимо, раздражали его. Однако, онъ сдерживалъ себя, и, казалось, его колебаніямъ не будетъ конца. Посланникъ рѣшилъ, что заручился позволеніемъ продолжать правое и спасительное дѣло, которому посвятилъ себя. Онъ обстоятельно объяснилъ, что, начиная съ 1808 г., всѣ поступки императора давали Россіи поводъ бояться новыхъ переворотовъ. «Но отчего же!—воскликнулъ Наполеонъ, какія же намѣренія предполагаютъ у меня? Чего могу я желать? Развѣ Франція не достаточно велика?» Къ тому же, продолжалъ онъ, развѣ не давалъ онъ русскимъ неопровержимыхъ доказательствъ своего расположенія и своей щедрости? Развѣ ничто всѣ провинціи, всѣ территоріи, присоединенныя къ ихъ имперіи, благодаря его могуществу и его щедрой дружбѣ?—Коленкуръ отвѣтилъ, что эти подарки не были даны добровольно, и не были настолько безкорыстны, чтобы вызвать къ намъ чувства большой благодарности. «Недорого цѣнится то, что дается въ силу необходимости», сказалъ онъ. Такимъ образомъ, разговоръ держался на спорахъ относительно того, что было. Онъ тянулся уже цѣлые часы, разбрасываясь по всѣмъ болѣе или менѣе близко стоявшимъ къ политикѣ послѣднихъ лѣтъ вопросамъ, но какое-то непреодолимое влеченіе постоянно приводило ихъ къ главному затрудненію.

Наполеону хотѣлось доказать, что онъ все дѣлалъ, чтобы успокоить Александра насчетъ Польши; что цѣлый рядъ коварныхъ, возведенныхъ въ систему, возраженій исходилъ отъ противной стороны. Онъ намекнулъ на договоръ о гарантіяхъ, о которомъ

шли переговоры въ 1810 г. «Спорили о словахъ; я хотѣлъ только измѣнить редакцію, сказалъ онъ. — Лучше было, отвѣтилъ Коленкуръ, совсѣмъ отвергнуть договоръ, чѣмъ предлагать измѣненія, которыя ясно доказали, что, послѣ желанія дать это обезпеченіе, политика — въ промежутокъ времени между двумя курьерами, — была измѣнена и имѣлись въ виду уже другіе планы. — Александръ возгордился, сказалъ императоръ; онъ не захотѣлъ договора: онъ самъ отказался отъ него. Сознайтесь откровенно, что онъ добивается войны.—Нѣтъ, Государь, я готовъ дать голову на отсѣченіе, что онъ не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и никогда не перейдетъ своихъ границъ.— Тогда мы съ нимъ вполнѣ солидарны, ибо я не пойду къ нему.—Ну! Пусть будетъ по вашему. Но нужно же объясниться и найти средство возстановить довѣріе». Средство было одно. Это было такое рѣшеніе польскаго вопроса, котораго Коленкуръ не могъ или, вѣрнѣе, не смѣлъ высказать опредѣленно, и которое Наполеонъ угадалъ, но не хотѣлъ допустить. Разговоръ снова остановился на той чертѣ, за которой, очевидно, начиналось запретное пространство, и на которой онъ безконечно вращался, ни на іоту не подвигаясь впередъ.

Оставляя пока въ сторонѣ главное препятствіе къ соглашенію, Наполеонъ заговорилъ о русскихъ вообще: о народѣ, о разныхъ слояхъ общества. Онъ былъ того мнѣнія, что развращенное, себялюбивое, неспособное къ самопожертвованію, неподдающееся дисциплинѣ дворянство заставитъ государя подписать миръ послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій,—тотчасъ же, какъ только вторженіе затронетъ ихъ интересы. «Вы ошибаетесь, Ваше Величество»,—смѣло прервалъ его Коленкуръ, и сталъ доказывать, что у русскихъ чувство патріотизма преобладаетъ надъ всѣми другими чувствами; что оно крѣпко сплотитъ ихъ противъ насъ и доведетъ до героизма.

Ставъ на эту почву, Коленкуръ упорно держался на ней и не хотѣлъ покинуть ея, пока не разсмотритъ вопроса со всѣхъ сторонъ и не исчерпаетъ всѣхъ доводовъ. Съ этой минуты слова его приняли исключительно-важное значеніе,—они звучали пророческимъ предостереженіемъ. Онъ осмѣлился сказать, что Наполеонъ впадаетъ въ опасное заблужденіе насчетъ Россіи, что онъ не знаетъ силы сопротивленія русскаго народа. Съ поразительной ясностью ума, съ удивительной твердостью, по-истинѣ

достойными сохраниться въ лѣтописяхъ, онъ указалъ, чѣмъ можетъ быть война на Сѣверѣ, и, сорвавъ таинственный покровъ съ будущаго, показалъ картину ея мрачныхъ ужасовъ. «Въ Россіи, сказалъ онъ, никто не заблуждается ни относительно генія противника, ни относительно его колоссальныхъ средствъ. Всѣ знаютъ, что будутъ имѣть дѣло съ вѣчнымъ побѣдителемъ, но знаютъ также и то, что страна обширна, что есть куда отступить и что, временно, можно уступить почву. Они знаютъ, Государь, что завлечь васъ во внутрь страны и отдалить отъ Франціи и вашихъ средствъ—значитъ уже занять выгодное положеніе въ борьбѣ съ вами. Ваше Величество не можетъ быть повсюду; они будутъ нападать только тамъ, гдѣ васъ не будетъ. Это не будетъ мимолетной войной. Придетъ время, когда Ваше Величество вынужденъ будетъ вернуться во Францію, и тогда всѣ выгоды перейдутъ на сторону противника. Сверхъ того, слѣдуетъ считаться съ зимой, съ суровымъ климатомъ, и, въ завершеніе всего, съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ ни въ какомъ случаѣ не идти на уступки».

Относительно послѣдняго пункта у Коленкура не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ; все, что сумѣлъ уловить и узнать, убѣдило его въ этомъ. Онъ могъ сказать, что вѣритъ въ это, какъ въ непреложную истину. Какъ наиважнѣйшій аргументъ, онъ привелъ собственныя слова императора Александра, сказанныя ему на прощанье. Вотъ что сказалъ ему царь: «Если императоръ Наполеонъ начнетъ войну со мной, возможно, даже вѣроятно, что онъ разобьетъ насъ—если мы примемъ сраженіе; но это не дастъ ему мира. Испанцы были часто биты, но изъ-за этого они ни побѣждены, ни покорены. Между тѣмъ, они не такъ далеко отъ Парижа, да и климатъ ихъ и средства не наши. Мы не будемъ подставлять себя подъ удары; намъ есть, куда отступить, и мы сохранимъ армію въ полномъ порядкѣ. При такихъ условіяхъ, какія бы бѣдствія ни пришлось испытывать побѣжденнымъ, нельзя предписать имъ миръ; побѣжденные предписываютъ его своему побѣдителю. Императоръ Наполеонъ высказалъ эту мысль Чернышеву послѣ битвы при Ваграмѣ. Онъ самъ сознался, что никогда не согласился бы начать переговоры съ Австріей, если бы та не сумѣла сохранить своей арміи. Будь австрійцы понастойчивѣе, они добились бы лучшихъ условій. Императору нужны такіе же быстрые

результаты, какъ быстра его мысль. Съ нами онъ ихъ не получитъ. Я воспользуюсь его уроками—это уроки мастера своего дѣла. Мы предоставимъ вести за насъ войну нашему климату, нашей зимѣ. Французы храбры, но не такъ выносливы, какъ наши; они скорѣе падаютъ духомъ. Чудеса творятся только тамъ, гдѣ императоръ, но онъ не можетъ быть всюду. Сверхъ того, ему необходимо будетъ поскорѣй вернуться въ свои владѣнія. Я первый не обнажу шпаги, но зато послѣднимъ вложу ее въ ножны. Я скорѣе отступлю въ Камчатку, но не отдамъ ни одной провинціи, не подпишу въ моей завоеванной столицѣ мира, ибо такой миръ былъ бы только перемиріемъ».

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Коленкуръ, лицо императора мало-по-малу принимало иное выраженіе. Теперь онъ былъ весь вниманіе и изумленіе. Онъ выслушалъ все до конца, не проронивъ ни одного слова. При послѣднихъ словахъ Коленкура онъ, видимо, былъ взволнованъ и потрясенъ до глубины души; словно завѣса, прикрывавшая будущее, раскрылась предъ его глазами; словно блескъ молніи озарилъ открывшуюся у ногъ его пропасть. Коленкуръ видѣлъ, что его слова произвели глубокое впечатлѣніе, и думалъ, что выигралъ дѣло. Вмѣсто того, чтобы разсердиться на того, кто высказалъ ему такую неприкрашенную правду, императоръ, напротивъ, оцѣнилъ его откровенность. Его обращеніе измѣнилось. Лицо, до сихъ поръ суровое и непроницаемое, просвѣтлѣло и приняло милостивое выраженіе. Несмотря на позднее время, несмотря на то, что полдень давно уже прошелъ, императоръ заставлялъ Коленкура говорить дальше. Онъ хотѣлъ знать еще больше. Онъ задавалъ тысячу вопросовъ о русской арміи, объ администраціи, объ обществѣ. Онъ заставилъ его разсказать себѣ объ интригахъ салоновъ, о любовныхъ похожденіяхъ, и съ любопытствомъ разспрашивалъ объ этихъ мелочахъ, какъ будто прежде, чѣмъ взяться за великую задачу и снова обсудить ее, его умъ нуждался въ отдыхѣ. Впервые за время разговора онъ поблагодарилъ Коленкура за его усердіе и преданность; впервые нашелъ для него милостивое слово и обратился къ нему за-просто.

Пользуясь этимъ милостивымъ настроеніемъ, неутомимо преслѣдуя благую цѣль, герцогъ съ еще бо́льшей настойчивостью возобновилъ свои усилія. Онъ умолялъ императора внять совѣтамъ мудрости. «Вы, Государь, сказалъ онъ, ошибаетесь насчетъ

Александра и русскихъ. Не судите о Россіи со словъ другихъ; не судите объ арміи по той разбитой, обратившейся въ бѣгство арміи, которую вы видѣли послѣ Фридланда. Цѣлый годъ живя подъ угрозой, русскіе подготовились и укрѣпились. Они приняли въ разсчетъ всѣ возможности, даже возможность крупныхъ бѣдствій; они приняли мѣры, чтобы отразить нападеніе и бороться до послѣдней крайности».

Наполеонъ согласился, что средства Россіи велики, но прибавилъ, что его военныя силы необъятны. Мало-по-малу онъ перешелъ къ исчисленію ихъ. Начавъ съ указанія, что его войска покрываютъ Европу отъ Вислы до Таго, что они разставлены на всѣхъ стратегическихъ пунктахъ и по знаку его сольются въ одну сплошную массу, онъ сказалъ затѣмъ, что имперія представляетъ неизсякаемый источникъ людей; что сто двадцать департаментовъ ежегодно поставляютъ причитающееся съ нихъ количество солдатъ въ постоянно увеличивающіеся кадры; что учебныя команды пополняются рекрутами по мѣрѣ того, какъ изъ нихъ берутся солдаты для составленія новыхъ боевыхъ батальоновъ. Затѣмъ въ центрѣ этихъ, непрерывно увеличивающихся массъ, онъ поставилъ солдатъ, оставшихся у него отъ прежнихъ полковъ, первыхъ его боевыхъ товарищей, тѣхъ старыхъ, непобѣдимыхъ товарищей по Италіи и Египту, Аустерлицу и Іенѣ, тѣхъ испытанныхъ солдатъ, ту человѣческую сталь, закаленную въ сотняхъ боевъ, ту священную фалангу, которая горитъ священнымъ огнемъ великихъ дѣлъ и заражаетъ другихъ своимъ героизмомъ. Наконецъ, увлекаясь своими мечтами, онъ сгруппировалъ вокругъ своихъ французовъ всѣхъ союзниковъ, всѣ свои народы. Онъ призвалъ ихъ къ себѣ со всѣхъ концовъ свѣта: ломбардцевъ Евгенія, неаполитанцевъ Мюрата, испанцевъ, португальцевъ, Мармона съ кроатами, Германію съ ея восемнадцатью контингентами, Жерома съ вестфальцами, ганноверскіе и ганзейскіе полки, которые формировались подъ начальствомъ Даву; Понятовскаго съ его поляками. Онъ составилъ себѣ изъ нихъ безпримѣрную въ исторіи армію; заставилъ ее пройти передъ собой церемоніальнымъ маршемъ, сдѣлалъ ей смотръ, вычислилъ ея наличный составъ, сосчиталъ батальоны, эскадроны, батареи, дивизіи, корпуса, и, по мѣрѣ того, какъ дѣлалъ это огромное исчисленіе, его все болѣе охватывало и опьяняло сознаніе его силы. Имъ овладѣлъ приступъ горделиваго помѣшательства.

Его голосъ дрожалъ, глаза блестѣли, взглядъ и жесты какъ будто говорили: «Развѣ есть что-нибудь невозможное съ такимъ количествомъ людей—и какихъ людей?» Сдѣлавшись свидѣтелемъ такого постепеннаго нарастанія маніи величія, завершившагося полнымъ торжествомъ самонадѣянности, Коленкуръ почувствовалъ, что его надежды рушатся. Онъ понялъ, что почва, съ такимъ трудомъ завоеванная, снова ускользаетъ изъ-подъ его ногъ. Онъ увидалъ, что война снова приближается,—та ужасная война, которую, какъ онъ думалъ, ему удалось устранить, рокового исхода которой онъ такъ боялся,—и смертельная тревога за отечество сжала его сердце.

И дѣйствительно, нѣсколько времени спустя императоръ сказалъ ему: «Ба! одно удачное сраженіе докажетъ, чего стóятъ прекрасныя рѣшенія вашего друга Александра и его песочныя укрѣпленія». Послѣднія слова были намекомъ на песчаные холмы Днѣпра и Двины, которые русскіе приспособили для укрѣпленія оборонительныхъ позицій. Затѣмъ Наполеонъ сказалъ, что самъ онъ не намѣренъ начинать войны, но что Александръ, навѣрно, вызоветъ ее; что этотъ непостоянный монархъ поддался внушеніямъ Англіи; что ему вбили въ голову идеи о завоеваніяхъ и о его превосходствѣ по крови; что эти идеи льстятъ его тщеславію и его сокровеннымъ честолюбивымъ планамъ. «Онъ фальшивъ и слабоволенъ».—*Коленкуръ*: «Онъ упрямъ. Онъ легко уступаетъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, но въ то же время онъ начерталъ себѣ кругъ, за который не переступитъ».—*Императоръ*: «Онъ скрытенъ и лживъ; у него византійскій характеръ».—*Коленкуръ*: «Конечно, онъ не всегда говорилъ мнѣ все, что думалъ; но то, что говорилъ, всегда оправдывалось, и, что обѣщалъ мнѣ для Вашего Величества, всегда держалъ».—*Императоръ*: «Александръ честолюбивъ: въ его желаніи войны есть скрытая цѣль. Повторяю вамъ, онъ стремится къ войнѣ; иначе зачѣмъ бы ему отказываться отъ всѣхъ сдѣлокъ, которыя я предлагаю. У него особые поводы дѣйствовать такимъ образомъ, но онъ скрываетъ ихъ. Вамъ не удалось развѣдать, въ чемъ тутъ секретъ? Говорю вамъ, что у него иные поводы, а не опасенія по поводу Польши и не дѣло объ Ольденбургѣ». — *Коленкуръ*: «Можетъ быть, этихъ дѣлъ и вашей арміи въ Данцигѣ достаточно, чтобы объяснить его тревоги; помимо того, онъ раздѣляетъ безпокойство, которое причиняютъ всѣмъ кабинетамъ перевороты, совершенные Вашимъ

Величествомъ со времени тильзитскаго свиданія и, въ особенности, со времени вѣнскаго мира».—*Императоръ*: «Что до этого Александру? Это дѣлается не у него. Развѣ я не предлагалъ ему брать, что у него подъ-бокомъ? Развѣ я не говорилъ ему, чтобы онъ взялъ Финляндію, Валахію и Молдавію? Развѣ я не предлагалъ ему раздѣла Турціи? Развѣ я не далъ ему триста тысячъ душъ въ Польшѣ послѣ австрійской войны?»—*Коленкуръ*: «Да, но эти приманки не помѣшали ему видѣть, что послѣ того Ваше Величество намѣтили пути для перемѣнъ въ Польшѣ, а это у него дома».—*Императоръ*: «Вы грезите, подобно ему. Я дѣлалъ измѣненія только на далекомъ разстояніи отъ его границъ. Какія же перемѣны въ Европѣ такъ пугаютъ его? Что они могутъ сдѣлать Россіи, которая стоитъ на краю свѣта? Мѣры, которыя вы осуждаете, это тѣ самыя мѣры, которыя лишатъ англичанъ всякой надежды и вынудятъ ихъ къ миру».

Императоръ перешелъ къ обсужденію этихъ мѣръ. Онъ широко развилъ свои идеи; излагалъ ихъ пространно, въ двадцати различныхъ видахъ, вполнѣ отдаваясь своей страсти и своему вдохновенію. Онъ какъ будто потерялъ представленіе о времени. Наступилъ вечеръ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили еще верхушки большихъ деревьевъ парка, но въ залѣ водворились уже сумерки, а императоръ все еще продолжалъ говорить. Широкими штрихами очерчивалъ онъ всю свою политику, указывая главную цѣль своихъ стремленій — нанести смертельный ударъ Англіи сквозь тѣло всякаго государства, которое бы вздумало прикрывать ее собой. Иногда онъ возвращался къ вопросамъ, освѣщавшимъ болѣе подробно главный предметъ разговора; обсуждалъ ихъ безъ всякаго порядка, какъ попало, постоянно перескакивая съ одного на другой; припиралъ и пыталъ Коленкура на всѣ лады, неоднократно задавая ему одни и тѣ же вопросы, чтобы посмотрѣть, получатся ли тѣ же отвѣты; старался поймать своего собесѣдника на противорѣчіи или ошибкѣ. Иногда, послѣ энергично высказаннаго возраженія, онъ прерывалъ разговоръ, задумывался и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ хранилъ молчаніе. Эти рѣзкіе переходы отъ разговора къ молчанію, эти вѣчныя отступленія отъ предмета обсужденія и перескакиванія съ одного предмета на другой доказывали, какъ неугомонно металась его мысль. Онъ старался разсмотрѣть ссору со

всѣхъ сторонъ; доходилъ до источниковъ ея происхожденія, видимо, стремясь получше вникнуть въ ея характеръ и найти выходъ.

Послѣ продолжительной паузы онъ вдругъ сказалъ: «Насъ поссорилъ австрійскій бракъ: Александръ разсердился, что я не женился на его сестрѣ». Это было довольно странное утвержденіе, ибо предложеніе о брачномъ союзѣ отклонено было русскимъ дворомъ, о чемъ Коленкуръ зналъ лучше всякаго другого, такъ какъ ему-то и было поручено передать отказъ. Хотѣлъ ли Наполеонъ, изъ чрезмѣрнаго самолюбія, показать, даже предъ лицомъ этого посредника и довѣреннаго лица, будто онъ по собственному желанію предпочелъ австрійскую принцессу русской великой княжнѣ? Въ нѣсколькихъ словахъ Коленкуръ напомнилъ ему, какъ было дѣло. «Я забылъ эти подробности», развязно сказалъ императоръ, и вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ совершенно вѣрное замѣчаніе: «Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ Петербургѣ разсердились за сближеніе съ Австріей».

Когда все было разобрано, когда все было сказано съ той и другой стороны, императоръ повторилъ вкратцѣ все сказанное и постарался еще разъ вывести заключеніе. «Я не хочу ни войны, ни возстановленія Польши,—въ десятый разъ повторилъ онъ,—но нужно сговориться относительно нейтральныхъ судовъ и другихъ спорныхъ вопросовъ».—*Коленкуръ*: «Если Ваше Величество дѣйствительно этого желаете, это не представитъ затрудненій».—*Императоръ*: «Вы увѣрены въ этомъ?»—*Коленкуръ*: «Увѣренъ, но нужно предложить то, что стоитъ предлагать».—*Императоръ*: «Но что же еще?» — *Коленкуръ*: «Ваше Величество знаетъ не хуже меня и съ давняго времени, въ чемъ причины охлажденія; вы лучше меня знаете, что можете сдѣлать для устраненія ихъ».—*Императоръ*: «Но что? Что предложить?»

Коленкуръ объяснилъ, что относительно торговли слѣдуетъ принять во вниманіе экономическіе интересы Россіи, что нужно удовольствоваться нѣкоторыми смягченіями тарифа, отнестись снисходительно къ допущенію нейтральныхъ судовъ, установить по общему соглашенію систему исключительныхъ разрѣшеній на торговлю. Слѣдовало также сговориться относительно Данцига, облегчить положеніе Пруссіи и дать гарантіи ея безопасности; и, наконецъ, создать герцогу Ольденбургскому положеніе, которое не ставило бы его въ зависимость отъ насъ; чтобы онъ не былъ чѣмъ-то въ родѣ французскаго префекта, каковымъ былъ

бы въ Эрфуртѣ... Но Наполеонъ счелъ безполезнымъ слушать дальше. Онъ вынесъ убѣжденіе, что Коленкуръ всѣ вопросы разрѣшаетъ на русскій ладъ; что все, что онъ говоритъ, внушено ему Александромъ; что на его разсмотрѣніе былъ подвергнутъ не планъ полюбовнаго соглашенія, а списокъ требуемыхъ отъ него уступокъ. Онъ сказалъ Коленкуру, что его замѣстителю, Лористону, поручено обсудить все подробно и урегулировать, если возможно, подлежащіе разбору вопросы; что ему самому нужно отдохнуть.

Несмотря на разрѣшеніе удалиться, Коленкуръ хотѣлъ еще разъ попытаться настоять на своемъ и попросилъ позволенія представить послѣднее соображеніе.

«— Говорите! было ему отвѣчено.

«— Война и миръ въ рукахъ Вашего Величества. Умоляю васъ, ради вашего личнаго счастья, ради блага Франціи, подумать, что вамъ придется сдѣлать выборъ между возможными превратностями войны и несомнѣнными выгодами мира.

«— Вы говорите, какъ русскій, становясь снова суровымъ сказалъ Наполеонъ.

«— Нѣтъ, Государь, какъ честный французъ, какъ вѣрный слуга Вашего Величества.

«— Я не хочу войны, но я не могу запретить полякамъ чувствовать ко мнѣ влеченіе и звать меня на помощь».

Онъ добавилъ, что поляки русскихъ губерній, особенно литовцы, раздѣляютъ нетерпѣніе своихъ варшавскихъ соотечественниковъ; что они обращаются къ нему съ просьбами; что они зовутъ его къ себѣ, и обѣщаютъ, если начнется война, дать ему въ союзники цѣлый возставшій народъ. Въ этой картинѣ Коленкуръ усмотрѣлъ новое заблужденіе и постарался разсѣять его. Съ увѣренностью, которая вполнѣ оправдалась дальнѣйшими событіями, онъ съ положительностью заявилъ, что большинство поляковъ Литвы примѣнилось къ русскому строю; что они врядъ ли рѣшатся скомпрометировать себя совмѣстными дѣйствіями съ нами, врядъ ли станутъ на стезю возможныхъ случайностей и превратностей неизвѣстнаго будущаго, врядъ ли пожелаютъ «сдѣлаться ставкой въ азартной игрѣ». — «Къ тому же, съ невѣроятной смѣлостью продолжалъ Коленкуръ, Ваше Величество не можетъ скрывать отъ себя, что теперь въ Европѣ слишкомъ хорошо извѣстно, что вы желаете создавать государства для себя, а не для ихъ собственной пользы.

«— Вы вѣрите этому?

«— Да, Государь.

«— Вы меня не балуете, отвѣтилъ императоръ обиженнымъ тономъ; однако, пора идти обѣдать». И онъ удалился.

Разговоръ продолжался семь часовъ. Никогда еще Наполеону не случалось выслушивать подобныхъ словъ; никогда опасность, навстрѣчу которой онъ шелъ, не была ему такъ ясно указана. Но въ сдѣланной Коленкуромъ оцѣнкѣ положенія слѣдуетъ отдѣлить истину отъ ошибокъ. Бывшій посланникъ глубоко ошибался, когда выставлялъ русскаго императора искренно готовымъ вернуться къ системѣ, установленной во время свиданій въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Онъ самъ вынужденъ былъ сознаться, что Александръ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія изгнать изъ своихъ гаваней англійскую торговлю подъ американскимъ флагомъ, а этого-то, главнымъ образомъ, и добивался Наполеонъ. Можно думать, что даже уступка Польши не вызвала бы у Александра сердечнаго порыва, не возстановила бы прежняго довѣрія, которое выразилось бы не призрачнымъ возобновленіемъ общей борьбы противъ англичанъ. Сверхъ того, самъ Наполеонъ злоупотребленіями, дерзостью и неистовствами своей политики сдѣлалъ весьма труднымъ возвратъ къ прежнимъ отношеніямъ. Еще менѣе основанія было думать, что Наполеонъ могъ бы достигнуть своей цѣли менѣе важными уступками. Но, если бы онъ согласился смирить свою гордость, если бы согласился уменьшить требованія своей системы, допустилъ бы миръ безъ союза, —ибо въ это время императоръ Александръ, не желая союза, конечно, не хотѣлъ и войны,—онъ избѣгъ бы остраго конфликта и рокового столкновенія. Съ другой стороны, нужно признать и то, что Наполеонъ, не обладая способностью читать въ душѣ русскаго императора, имѣлъ право возразить Коленкуру, что недавнее прошлое не таково, чтобы можно было ручаться за будущее. Онъ въ правѣ былъ сказать: Меня увѣряютъ, мнѣ всѣ твердятъ—и, дѣйствительно, факты, взятые сами по себѣ, даютъ опору такимъ увѣреніямъ,—что у императора Александра былъ умыселъ напасть на меня, что онъ отказался отъ него только вслѣдствіе непредвидѣнныхъ препятствій при выполненіи его плановъ. Кто поручится мнѣ, что онъ не вернется къ прежнимъ затѣямъ, когда я доставлю ему къ тому случай; когда, разрушивъ вар-

шавскую Польшу, открою мою границу; особенно, когда отведу мой авангардъ съ Сѣвера и снова введу войска въ Испанію? Однако, допуская, что вполнѣ естественныя побужденія, толкавшія Россію къ Англіи, рано или поздно привели бы ее къ союзу съ нашей соперницей, все-таки лучше было бы для насъ—во сто кратъ лучше—занять выжидательное положеніе, предоставивъ врагу, выйдя изъ своихъ границъ, напороться на наши штыки, чѣмъ идти за нимъ въ тѣ сѣверныя дебри, гдѣ закатилась уже не одна блестящая звѣзда. Нельзя не признать, что во время разговора былъ моментъ, когда Коленкуръ выступаетъ въ удивительномъ блескѣ, когда онъ поражаетъ высокой мудростью и изумительной прозорливостью,—это тотъ моментъ, когда онъ рисуетъ трудности и опасности наступательной кампаніи и бѣдствія, которыя ждутъ насъ на этомъ пути. Одного этого безстрашнаго предостереженія было бы достаточно, чтобы упрочить его славу. Въ спорѣ съ нимъ императоръ часто былъ правъ на почвѣ политики, но онъ ошибался на почвѣ военной, гдѣ сознаніе своего могущества, дошедшее до бреда безумія, затемнило его сужденіе, затуманило его взоры. Допуская, что онъ былъ въ правѣ думать, что война съ Россіей почти неизбѣжно вытекала изъ того ненормальнаго и остраго положенія, въ какое поставили себя другъ къ другу обѣ имперіи, все-таки его заблужденіемъ, его истиннымъ несчастьемъ было то, что онъ не видѣлъ, что изъ всѣхъ опасностей, которымъ могли подвергнуться его судьба и величіе Франціи, самой ужасной опасностью была война въ Россіи.

ГЛАВА VI.

АУДІЕНЦІЯ 15 АВГУСТА 1811 Г.

Какое заключеніе выводитъ императоръ изъ разговора съ герцогомъ Виченцы.—Онъ перестаетъ вѣрить въ близость войны и пріостанавливаетъ приготовленія.—Онъ почти увѣренъ въ желаніи Александра получить клокъ Польши, но откладываетъ до болѣе подробнаго освѣдомленія окончательное рѣшеніе.—Крестины Римскаго короля.—Свистки на площади Карусель; афиши съ призывомъ къ мятежу.—Чернышевъ указываетъ на эти симптомы.—Императоръ въ церкви Notre-Dame. — Рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ; намекъ на Польшу.—Лористону предписывается держаться твердо.—Затрудненіе въ выборѣ средства возстановить близкія отношенія и придти къ соглашенію.—Дальнѣйшія приготовленія къ войнѣ идутъ втихомолку. — Европа успокаивается.—Лѣтній сезонъ дипломатовъ и высшаго общества.—Курорты Богеміи.—Картины Карлсбада.—Графиня Рекке и ея бардъ.—Дѣятельность Разумовскаго.—Въ Петербургѣ пренія идутъ своимъ порядкомъ.—Разногласіе между императорами дѣлается менѣе обостреннымъ, но болѣе глубокимъ.—Вліяніе Армфельта.—Александръ рѣшаетъ не вести переговоровъ; около того же времени онъ принимаетъ военный планъ Фуля. — Какія причины побуждаютъ его уклоняться отъ соглашенія и тянуть конфликтъ. — Отклоненіе посредничества Австріи и Пруссіи.—Уклончивые пріемы и отсрочки.—Наполеонъ проникаетъ въ его игру и въ это же время узнаетъ о новыхъ нарушеніяхъ блокады.—Взрывъ гнѣва.—День 15 августа въ Тюльери.—Дипломатическая аудіенція; тронная зала.—Нападеніе на Куракина.—Наполеонъ заявляетъ, что никогда не уступитъ и пяди варшавской территоріи.—Цвѣтистая и потрясающая рѣчь; сравненія и угрозы.—Куракину долго не удается вставить свое слово.—Неотразимый ударъ.—Пытка въ продолженіе трехъ четвертей часа.—Работа съ Его Величествомъ.—Наполеонъ приказываетъ составить при себѣ оправдательный документъ своей будущей кампаніи; важное значеніе этого документа: въ немъ излагается фактическая сторона конфликта и блестяще обрисовывается основная причина распри.—Пагубная логика.—Какія причины не позволяютъ Наполеону удовлетворить предполагаемыя желанія Россіи.—Герцогство Варшавское и блокада.—Война рѣшена, но отсрочена.—Наполеонъ ставитъ себѣ за правило продолжать фиктивные переговоры съ Александромъ, исподволь подготовить союзы на случай войны и довести свои военныя силы до колоссальныхъ размѣровъ; время вторженія въ Россію назначается на іюнь 1812 г.

I.

Достопамятный разговоръ 5 іюня не привелъ къ результату, котораго желалъ герцогъ Виченцы; тѣмъ не менѣе, онъ оставилъ извѣстный слѣдъ. Несмотря на всѣ усилія подавить душевное волненіе, въ которое повергли его слова оберъ-шталмейстера, императору не удалось вполнѣ освободиться отъ тревожнаго чувства. Нѣкоторое время онъ былъ задумчивъ, озабоченъ, словно колебался между противорѣчивыми побужденіями. Въ общемъ, разговоръ нисколько не выяснилъ ему главнаго вопроса—вопроса о томъ, какой цѣной можно возстановить согласіе. Онъ все болѣе приходилъ къ убѣжденію, что Россія, какъ условіе, *безъ котораго не можетъ быть и рѣчи* о соглашеніи, потребуетъ уступки части великаго герцогства, но не былъ въ томъ безусловно увѣренъ [1]). Поэтому онъ отложилъ окончательное рѣшеніе до тѣхъ поръ, когда у него будетъ полная увѣренность. Не принимая во вниманіе намековъ, сдѣланныхъ Александромъ Коленкуру и его замѣстителю, онъ ждетъ, чтобы эти намеки были повторены или переданы въ иной формѣ.

Однако, по одному вопросу, онъ теперь же выводитъ изъ разговора точное заключеніе. Увѣренія Коленкура почти-что убѣдили его, что Россія не нападетъ въ теченіе этого года. Слѣдовательно, если войнѣ неизбѣжно суждено быть, у него больше, чѣмъ онъ думалъ, времени подготовиться къ ней; онъ можетъ еще собрать и взвѣсить всѣ данныя для оцѣнки положенія. Считая, что положеніе дѣлъ, рѣшительно не требующее «прежней спѣшности» [2]), даетъ больше свободы его дѣйствіямъ, больше простору его мысли, онъ воздерживается отъ всякаго поступка, имѣющаго рѣшающее значеніе, и даже слегка пріостанавливаетъ военныя приготовленія. 6 іюня, т. е. на другой день послѣ пріема герцога Виченцы, онъ отправляетъ приказы въ отмѣну нѣкоторыхъ данныхъ уже приказаній, вслѣдствіе чего нѣсколько направлявшихся въ Германію отрядовъ задерживаются во Франціи. Въ слѣдующіе дни отмѣняется часть требованій войскъ отъ союзниковъ. Императоръ переноситъ уже свое вниманіе на Испанію и не такъ враждебно смотритъ на Сѣверъ [3]). Это успокоеніе не

---

[1]) См. его письмо къ Маре́, отъ 22 іюня 1811 г. Corresp., 17839.

[2]) Corresp., 17774.

[3]) Id., 17783.

ускользнуло отъ его приближенныхъ, и дало Коленкуру, съ которымъ обходятся то милостиво, то холодно, слабую кратковременную надежду [1]).

Какъ-разъ во время этого затишья произошелъ обрядъ крещенія. Онъ долженъ былъ совпасть съ открытіемъ отложенной по случаю праздниковъ сессіи Законодательнаго Корпуса и со съѣздомъ духовенства, созваннаго съ тѣмъ, чтобы одобрить законъ о подчиненіи церковнаго управленія государству. Европа съ безпокойствомъ ждала всѣхъ этихъ событій, ибо они могли доставить императору случай говорить публично; при чемъ онъ могъ сказать нѣсколько такихъ словъ, которыя освѣтили бы будущее.

Крестины имѣли мѣсто 9 іюня. Въ пять часовъ пополудни, Римскій король былъ торжественно отвезенъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ въ ожиданіи его собрались сословные представители, власти столицы и сто архіепископовъ и епископовъ. Императоръ съ императрицей прослѣдовалъ въ церковь Notre-Dame, въ парадной каретѣ, впереди и сзади которой ѣхали генералы и офицеры его свиты. Толпа съ любопытствомъ и восторгомъ смотрѣла на это зрѣлище; но энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчено было рожденіе наслѣдника, началъ уже ослабѣвать. Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени въ Парижѣ со страшной силой свирѣпствовалъ экономическій кризисъ: въ предмѣстьѣ Св. Антонія не было работы; мастерскія опустѣли, станки были покинуты; оставшіеся безъ работы угрюмые рабочіе толпами слонялись по улицамъ. Контрастъ между этой нищетой и выставленнымъ на показъ офиціальнымъ блескомъ, съ непроизводительнымъ золотомъ и серебромъ, которыми въ изобиліи горѣли костюмы и ливреи, сбруи и экипажи, слишкомъ рѣзко бросался въ глаза, чтобы не наводить на злостныя мысли, не вызвать злобнаго ропота. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней полиція срывала афиши съ призывомъ къ мятежу, которыя расклеивались по ночамъ въ кварталахъ, населенныхъ простымъ народомъ [2]). 9-го, когда императорскій поѣздъ, покинувъ Тюльери, выѣзжалъ изъ-подъ Тріумфальной арки на площадь Карусель, привѣтственные возгласы раздавались гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно; даже раз-

---

[1]) Неизданные документы.

[2]) Бюллетени полиціи, 17 и 28 мая. Archives nationales, AF, IV, 1515.

далось два или три пронзительныхъ свистка. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ объ этомъ изъ язвительнаго донесенія Чернышева [1]). Молодой русскій офицеръ, выслѣживавшій скверныя новости и усердно освѣдомлявшій своего государя о всѣхъ признакахъ, которые могли поощрить враждебныя намѣренія царя, съ особымъ удовольствіемъ сообщалъ ему, что ожесточеніе противъ деспота проникаетъ все глубже въ народныя массы и что Наполеонъ уже не такъ увѣренъ въ населеніи Парижа.

Не этой ли встрѣчѣ, оказанной народомъ, слѣдуетъ приписать грустное настроеніе императора въ эти торжественные дни? Во время всей церемоніи 9 іюня онъ былъ мраченъ, разсѣянъ, молчаливъ, и только въ концѣ службы лучъ свѣта пробился сквозь тучи на его лицѣ. По совершеніи религіозныхъ обрядовъ императоръ принялъ изъ рукъ императрицы завернутаго въ покрывала наслѣдника престола, чтобы представить его народу. Приближались сумерки. По мѣрѣ нарастанія мрака, тысячи свѣчей и особенно люстры на хорахъ, бросавшія въ воздухъ снопы свѣта, загорались еще ярче, отражаясь въ глубинѣ сводовъ миріадами мерцающихъ звѣздъ. И вдругъ въ этомъ сіяніи, въ ореолѣ славы и величія, предсталъ божественный императоръ съ высоко поднятой бѣлоснѣжной ношей на рукахъ. Охватившее его волненіе, нахлынувшій приливъ радости и гордости въ мигъ преобразили его лицо. Въ эту минуту начальникъ герольдовъ воскликнулъ: *Да здравствуетъ Императоръ*! *Да здравствуетъ Римскій король*! и всѣ присутствующіе неистово подхватили этотъ возгласъ, который, какъ ураганъ, понесся въ необъятныя глубины храма [2]). Цѣлая недѣля была посвящена празднествамъ и народнымъ удовольствіямъ, устроеннымъ городомъ. 16-го, за три дня до съѣзда духовенства, императоръ предсѣдательствовалъ на открытіи Законодательнаго Корпуса. Его рѣчь, по обыкновенію, была изложеніемъ его политики. Естественно, что, главнымъ образомъ, онъ говорилъ объ Англіи: она, ея злокозненныя подстрекательства вызвали слухи о войнѣ, изъ-за которыхъ Европа не такъ давно пережила столько волненій, и такъ пострадало народное благосостояніе.

«Англичане, сказалъ императоръ, играютъ на всевозможныхъ

---

[1]) 17 іюня, вышеупомянутый томъ, стр. 178.

[2]) Вышеупомянутое донесеніе Чернышева, стр. 178. Cf. Thiers, XIII, 106, и Moniteur отъ 11 іюня, гдѣ напечатанъ отчетъ объ этой церемоніи.

страстяхъ. То они приписываютъ Франціи планы, которые могутъ вызвать тревогу въ другихъ государствахъ,—планы, которые Франція могла бы привести въ исполненіе, если бы они входили въ ея политику; то взываютъ къ самолюбію народовъ и стараются возбудить ихъ ревность. Они пользуются всѣми случаями, которые порождаютъ неожиданныя событія переживаемаго нами времени, ибо только война на всемъ протяженіи континента можетъ упрочить ихъ благосостояніе. *Я не требую ничего, чего нѣтъ въ договорахъ, которые я заключилъ. Я никогда не пожертвую кровью моихъ подданныхъ ради интересовъ, которые не составляютъ непосредственныхъ интересовъ моего государства.* Я льщу себя надеждой, что миръ на континентѣ не будетъ нарушенъ» [1]).

Фразы, предшествующія этому ясно-выраженному желанію, относились къ Польшѣ; въ нихъ иносказательно давалось обѣщаніе, что Франція не начнетъ войны ради славы и удовольствія освободить какой-нибудь народъ. Эти слова были слабымъ отголоскомъ тѣхъ словъ, которыя императоръ при торжественной обстановкѣ сказалъ въ 1809 г., когда хотѣлъ жениться на сестрѣ Александра [2]). Въ случаѣ, правда, мало-вѣроятномъ, если бы въ настоящее время Россія удовольствовалась подобнымъ удовлетвореніемъ, онъ не прочь дать его.

Лористону поручено было указать въ Россіи на миролюбивый характеръ рѣчи, совпавшей съ цѣлымъ рядомъ успокоительныхъ симптомовъ, и настоять на необходимости безотлагательно придти къ соглашенію. «Внушите Лористону,—пишетъ императоръ герцогу Бассано,—что я желаю мира, и что пора уже поскорѣе покончить со всѣмъ этимъ. Передайте ему, что пріѣздъ Коленкура и его послѣднія письма даютъ надежду, что императоръ измѣнитъ свои рѣшенія; что все это результатъ какого-то недоразумѣнія, и что, если Россія не дѣлаетъ новыхъ приготовленій, я тѣмъ болѣе не буду дѣлать таковыхъ; что нѣсколько времени тому назадъ я потребовалъ отъ Баваріи и Бадена новые полки, но что на-дняхъ я отмѣнилъ это требованіе; что я остановилъ отправку пушекъ, назначенныхъ для крѣпостей на Одерѣ; что же касается обозовъ, которые находятся въ настоящее время въ пути и о прибытіи которыхъ въ Данцигъ могутъ узнать, то

---

[1]) Corresp., 17813.

[2]) См. II т., 202.

слѣдуетъ обратить вниманіе на разстояніе, сославшись на которое можно объяснить, что эти движенія исполняются по приказаніямъ, даннымъ два мѣсяца тому назадъ» [1]).

Наполеонъ ни на минуту не допускаетъ мысли, что ему поставятъ въ упрекъ эти передвиженія, ибо они явились прямымъ слѣдствіемъ положенія, занятаго весной Россіей. Тогда Франція сдѣлалась свидѣтельницей, какъ войска густыми колоннами шли по направленію къ герцогству, и, слѣдовательно, была въ положеніи законной обороны. Ея право приступить къ вооруженіямъ было безусловное, неоспоримое. Ему даже кажется, что Лористонъ не достаточно энергично отстаиваетъ это положеніе. Уже при чтеніи первыхъ депешъ посланника, Наполеонъ замѣтилъ, что тотъ сразу же подпалъ подъ вліяніе Александра, что онъ не устоялъ противъ его обаянія: во время спора былъ слабъ и уступчивъ; не воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ; не сумѣлъ дать справедливой оцѣнки коварнымъ рѣчамъ. Онъ также, если его тамъ не направить, дастъ обольстить себя, «обвить гирляндами цвѣтовъ». Исходя изъ этихъ соображеній, Наполеонъ тотчасъ же приказываетъ герцогу Бассано обратиться къ послу съ строгимъ предписаніемъ—держаться твердо; признаться, не стѣсняясь, въ нашихъ вооруженіяхъ, и заставить признать, что мы были въ правѣ такъ поступать, а не метаться и не отрицать ихъ въ туманныхъ и запутанныхъ фразахъ, да, къ тому же, противъ всякой очевидности. «Скажите Лористону,—пишетъ императоръ министру,—что онъ плохо понимаетъ мое положеніе; что Россіи все извѣстно; что я сказалъ объ этомъ всѣмъ русскимъ; ибо нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что всѣ мои дороги загромождены обозами съ припасами, командами военнаго конвоя и выступившими въ походъ отрядами, и что нельзя тратить по двадцать пять милліоновъ въ мѣсяцъ, не поднимая на ноги все, что есть въ странѣ; но что все это было приказано мною только послѣ того, какъ Россія дала мнѣ понять, что можетъ измѣнить мнѣ, и воспользуется первымъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы начать враждебныя дѣйствія.

«Въ вашемъ письмѣ къ Лористону добавьте: Императоръ находитъ очень страннымъ, что въ этомъ случаѣ вы не нашлись, что отвѣтить... Императоръ не вооружался, когда втихомолку вооружалась Россія. Онъ вооружился на виду у всѣхъ, и только

---

[1]) Corresp., 17832.

тогда, когда Россія, по словамъ самого императора Александра, была готова. Императоръ не издавалъ манифеста [1]), не заводилъ ссоръ на глазахъ европейскихъ дворовъ; онъ даже не далъ отвѣта. Наконецъ, Императоръ ничего такъ не желаетъ, какъ привести дѣла въ то положеніе, въ какомъ они были раньше. Онъ предлагалъ это; но, вмѣсто того, чтобы прислать кого-нибудь для переговоровъ, говорятъ несуразныя вещи. Итакъ, Императору угодно, чтобы вы не отрицали вооруженій и тѣмъ не ставили Саксонію въ затруднительное положеніе, а чтобы настоятельно просили о прекращеніи этого остраго положенія—не путемъ взаимныхъ обвиненій, а путемъ чистосердечныхъ объясненій, стараясь найти средства къ соглашенію, *если таковыя можно найти*» [2]).

Эта оговорка, эта формула сомнѣнія, выдаетъ истинную мысль императора. У него нѣтъ ни желанія, ни предвзятаго намѣренія вести войну. Въ сущности, онъ хотѣлъ бы избѣгнуть ея и былъ бы благодаренъ каждому, кто избавилъ бы его отъ нея. Но онъ не видитъ средствъ устранить разрывъ путемъ мирнаго соглашенія. Мысль полностью удовлетворить желанія Россіи, иначе говоря, расчленить герцогство, по-прежнему ненавистна ему. «Исходите изъ того положенія,—приказываетъ онъ написать Лористону,—что русскимъ войскамъ, чтобы заставить насъ дать согласіе на столь позорное расчлененіе, потребуется оттѣснить насъ къ Рейну» [3]). — «Это было бы позоромъ, энергично продолжаетъ онъ, а для Императора честь дороже жизни». Но, съ другой стороны, онъ понимаетъ, что Россія, не получивъ удовлетворенія, котораго онъ не можетъ дать, никогда не вернется къ прежнему довѣрію; что почти нѣтъ надежды обойти затрудненіе и найти какой-нибудь хитроумный выходъ. Однимъ словомъ, что внѣ того, чего онъ не хочетъ сдѣлать, ничего сдѣлать нельзя. Вотъ почему, несмотря на его миролюбивыя увѣренія, несмотря на его какъ будто искреннія обѣщанія, его неотступно преслѣдуетъ засѣвшая въ немъ и въ большинствѣ случаевъ руководящая его поступками мысль, что въ будущемъ году ему неизбѣжно предстоитъ война. Пріостановивъ на время отправку войскъ въ Германію, онъ очень скоро возвращается къ прежней дѣятельности. Правда, онъ не увеличиваетъ, напротивъ,

---

[1]) Намекъ на публичный протестъ русскихъ по поводу Ольденбурга.

[2]) Corresp., 17832.

[3]) Id.

даже уменьшаетъ стоящія на первой линіи войска. Чтобы отвѣтить на одинъ изъ предметовъ безпокойства Александра, онъ не усиливаетъ гарнизона Данцига; онъ останавливаетъ на Одерѣ одинъ изъ полковъ, назначенныхъ для этой крѣпости, и приказываетъ отступить части вестфальской бригады, командированной для несенія службы въ той же крѣпости. Но вся эта предупредительность имѣетъ цѣлью отвести глаза отъ болѣе важныхъ движеній въ тылу, ибо въ это же время батальоны, формирующіеся въ учебныхъ командахъ, присоединяются къ арміи Даву и незамѣтно увеличиваютъ ее на тридцать тысячъ человѣкъ. По границамъ Германіи Наполеонъ организуетъ подкрѣпленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ болѣе тщательной подготовкой. Стоящія на лѣвомъ берегу Рейна и на южномъ склонѣ Альпъ, спѣшно набранныя и, слѣдовательно, находящіяся не въ полномъ составѣ, команды онъ замѣняетъ настоящими арміями [1]). Онъ хочетъ имѣть возможность въ подходящій моментъ наводнить Германію солдатами, и бурнымъ потокомъ направить ихъ къ границамъ Россіи.

II.

Эти медленныя, методическія приготовленія не такъ бросались въ глаза, какъ лихорадочная дѣятельность предыдущаго времени. Въ Германіи, Австріи, даже въ Польшѣ—во всѣхъ странахъ, которыя боялись сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій и ставкой борьбы,—были увѣрены, что война окончательно устранена. Въ министерствахъ и дворцахъ государей, послѣ страшныхъ волненій, вызванныхъ близостью кризиса и необходимостью принять то или иное рѣшеніе, наступило относительное спокойствіе. Политика оказалась не у дѣлъ; дипломаты устроили себѣ каникулы. Высшій свѣтъ разъѣхался по курортамъ Богеміи наслаждаться солнечными днями этого чуднаго лѣта. Даже проживающіе въ Вѣнѣ русскіе, эти неутомимые сѣятели раздора, очевидно, потеряли надежду на скорый разрывъ. Послѣ бѣшеныхъ натравливаній Австріи къ войнѣ, послѣ неимовѣрныхъ усилій направить ее весной на этотъ путь, они вдругъ снялись съ мѣста и понеслись, по выраженію нашего посланника, «топить свою скорбь въ водахъ Бадена, Карлсбада и Теплица» [2]). Но пере-

---

[1]) Corresp., іюнь и іюль. 1811 г., passim.

[2]) Отто Маре́, 1 іюня 1811 г.

мѣна мѣста не прекратила ихъ дѣятельности; напротивъ, она дала имъ возможность, съ помощью прибывшихъ изъ Россіи подкрѣпленій и многочисленныхъ союзниковъ, которыхъ они нашли на мѣстѣ, возобновить партійную войну и открыть лѣтнюю кампанію, что не могло не оживить и не поддерживать неудовольствія императора.

Въ то время Богемія лежала на пути всѣхъ новостей и интригъ. Послѣ брака Маріи-Луизы непримиримая партія австрійской знати эмигрировала въ Прагу. Она избрала этотъ городъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, и засѣла въ немъ, какъ въ крѣпости. Тайные агенты Англіи, которыми та напитывала Европу, проскользнувъ послѣ высадки въ Швеціи въ Пруссію, направлялись по Саксоніи и Богеміи въ Вѣну, гдѣ они обрабатывали на свой ладъ общество и развращали общественное мнѣніе. Прежде, чѣмъ добраться до конечной цѣли своего путешествія, они наводили справки въ Карлсбадѣ и Теплицѣ. Сюда же, какъ въ центральный пунктъ, какъ въ періодически открывавшуюся говорильню, стекались изъ разныхъ странъ Германіи дѣятели *Союза Добродѣтели*, носители патріотическихъ тайныхъ стремленій, члены тѣхъ тайныхъ братствъ, которыя, при общей апатіи установленныхъ властей, были въ Германіи единственной дѣятельной и воинственной силой.

Тѣ изъ нашихъ представителей въ Австріи и Саксоніи, которымъ было поручено слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ, рисовали довольно пикантную картину курортовъ Богеміи—этихъ мѣстъ свиданій всего изящнаго и всѣхъ интригановъ, гдѣ оппозиція противъ насъ выражалась во всѣхъ видахъ, начиная съ серьезнѣйшихъ и кончая самыми ребяческими, и гдѣ, въ ожиданіи лучшихъ временъ, она забавлялась доставленіемъ себѣ удовлетвореній сантиментальнаго свойства. «Со времени причинившаго много хлопотъ предпріятія Шилли,—пишетъ одинъ агентъ освѣдомленія,—рыцари и кавалерственныя дамы *Союза Добродѣтели* не перестаютъ работать надъ возстановленіемъ древней Германіи; а такъ какъ для благого дѣла ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, то они отправили въ разныя части Германіи искусныхъ миссіонеровъ, которые то краснорѣчіемъ, то мистическими сочиненіями стараются взрастить сѣмена, посѣянныя въ послѣднюю войну. Даже дамы берутъ на себя эти почетныя миссіи; такъ, графиня Рекке отправилась въ Карлсбадъ съ цѣлью

предсѣдательствовать тамъ въ *клубѣ Добродѣтели* и возстановить колонну Арминія. Члены этого сообщества узнаютъ другъ друга по особымъ условнымъ знакамъ и имѣютъ, преимущественно на Сѣверѣ, особые способы для сношеній. Въ видахъ сохраненія древнихъ обычаевъ своей страны, графиня Рекке всюду появляется въ сопровожденіи *барда*, по единодушному мнѣнію клуба, краснорѣчивѣйшаго человѣка и величайшаго поэта своего вѣка. Противъ него говоритъ только его фамилія—*Дидье*, ибо онъ родомъ изъ французской колоніи въ Берлинѣ. Прежде чѣмъ сдѣлаться бардомъ, онъ былъ каноникомъ въ Магдебургѣ. Плодовитый геній этого новаго Тиртея чаруетъ, опьяняетъ и приводитъ въ изступленіе всѣхъ, получившихъ разрѣшеніе присутствовать на сеансахъ.

«Оды, апологіи, военныя пѣсни разнообразятъ удовольствія слушателей. Чтобы дать вѣрное представленіе о тонкости намековъ, достаточно упомянуть о баснѣ *Тигръ*, въ которой, послѣ тысячи приключеній одно другого замысловатѣе, тигръ кончаетъ тѣмъ, что пожираетъ льва, слона, леопардовъ и медвѣдей. Авторъ даетъ понять, что этотъ тигръ—Наполеонъ. Обыкновенно сеансъ кончается военной пѣснью, сочиненной каноникомъ. Разъ, когда послѣдняя ода—мученичество блаженной королевы Прусской—вызвала изступленные аплодисменты, онъ воскликнулъ: «Зачѣмъ не могу я воспѣть ее во-главѣ двухсотъ тысячъ человѣкъ!» Графиня Рекке питаетъ такое отвращеніе ко всему французскому, что, какъ говорятъ, дала обѣтъ не говорить по-французски» [1]).

Около этого страннаго сборища славословящихъ поэтовъ и артистовъ толпятся прусскіе офицеры, «готовые всѣмъ пожертвовать памяти усопшей королевы», «англійскіе шпіоны» и французскіе эмигранты изъ прежнихъ предводителей шуановъ*). Всѣ они стараются воодушевить другъ друга, шушукаются, жестикулируютъ и на словахъ возстаютъ противъ «могущественнаго властителя Европы». Ихъ отвращеніе къ Франціи такъ велико, что извѣстіе о пріѣздѣ одного изъ нашихъ дипломатовъ, императорскаго посланника въ Дрезденѣ, почтеннаго барона де-Бургуэна, заставило улетучиться часть этой шайки, какъ будто при

---

[1]) Archives des affaires étrangères, correspondance de Vienne, 390.

*) Шуанами назывались банды, которыя боролись во Франціи противъ революціи. (Прим. перев.)

приближеніи зачумленнаго. Присутствіе одного изъ нашихъ офицеровъ вызывало скандальныя манифестаціи. «Его орденъ Почетнаго Легіона изводилъ дамъ, которыя хвастались, что выказали твердость характера, т. е. вели себя по отношенію къ нему такъ невѣжливо, какъ только могли» [1]). Можно представить себѣ, какую сенсацію произвелъ въ этой средѣ, гдѣ кипѣло столько страстей, пріѣздъ главы русской партіи въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго; какой былъ переполохъ, когда тотъ, задавшись цѣлью втянуть въ союзъ всѣхъ недовольныхъ и властно вести ихъ на общее дѣло, явился преисполненный отваги и чванства, въ сопровожденіи своихъ друзей, словно полководецъ во-главѣ своихъ войскъ.

Онъ пріѣхалъ съ блестящей свитой, съ почти царской обстановкой и поселился на житье во Францбрунненѣ, близъ Егры. Съ этой командующей позиціи онъ хотѣлъ наблюдать за всѣми курортами Богеміи и объединять всѣ интриги [2]). Правильно организованная дѣятельность графа началась тотчасъ же по пріѣздѣ. При немъ былъ цѣлый штатъ агентовъ, которые работали по его приказаніямъ; у него были свои чиновники, свои канцеляріи. Два верховыхъ ежедневно развозили его огромную корреспонденцію; въ каждомъ сосѣднемъ «курортѣ» онъ поселилъ преданнаго ему человѣка, обязаннаго раздавать пароль, и ни одинъ путешественникъ не уѣзжалъ изъ Богеміи, не увозя въ свою страну слѣдующаго приказа: оказывать на правительства давленіе путемъ общественнаго мнѣнія и склонять ихъ въ ближайшемъ будущемъ взяться за оружіе, «ибо война противъ Франціи должна быть естественнымъ состояніемъ каждаго благоустроеннаго правительства» [3]). Принцы и принцессы королевской крови и оставшіеся за штатомъ государи не гнушались помогать Разумовскому въ дѣлѣ фанатической пропаганды. Главными его сотрудниками были: лишенный владѣній, эмигрировавшій въ Богемію курфюрстъ Гессенскій, принцъ Фердинандъ прусскій и мо-

---

[1]) Отто Маре, 3 августа 1811 г.

[2]) „Онъ привезъ съ собой,—добавляется въ предыдущемъ донесеніи,—двухъ секретарей, четырехъ поваровъ, толпу прислуги, двадцать двѣ лошади и четыре фургона съ обстановкой. Не привыкшіе къ такой роскоши жители очень хотѣли бы дать ему почетный караулъ, но, за неимѣніемъ ничего лучшаго, поставили у двухъ дверей его дома четырехъ превосходно нарисованныхъ часовыхъ—двухъ русскихъ и двухъ казаковъ".

[3]) Отто Маре, 1 іюня.

лодыя герцогини курляндскія, которыя умѣли «безъ всякаго стѣсненія соединять сердечныя дѣла съ политикой» [1]).

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль дерзость этихъ лицъ дошла до того, что наши агенты уже думали, что на ихъ глазахъ въ Карлсбадѣ соберется настоящій конгрессъ недовольныхъ, и что отсюда пойдетъ «пламя новой коалиціи» [2]). До нѣкоторой степени ихъ успокаивало то обстоятельство, что между разными группами иностранцевъ не было единодушія. Большинство изъ нихъ, будучи заклятыми врагами Франціи, въ то же время съ ненавистью смотрѣли другъ на друга. Пруссаки презирали саксонцевъ; саксонцы держались особнякомъ; они отличались равнодушіемъ къ общему дѣлу и почти-что спаслись отъ приступовъ «германской лихорадки» [3]). Русскіе бывали почти исключительно въ обществѣ вѣнской аристократіи и этой обособленностью много вредили себѣ въ глазахъ другихъ нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ поученія и предсказанія растравляли и поддерживали надежды и злобу, поощряли воинственное усердіе тайныхъ обществъ и поддерживали среди народовъ Германіи элементы агитаціи и возстанія.

Въ Петербургѣ слухи о скорой войнѣ почти прекратились. Споръ съ Франціей понизился на одинъ тонъ, и, не прекращаясь, превратился въ затяжной, однообразный и безплодный. Съ той и другой стороны возобновились тѣ же жалобы, повторялись тѣ же доводы. Иногда мѣняли и немного усиливали выраженія, не измѣняя существа доводовъ, какъ будто правительства двухъ великихъ державъ занялись упражненіями въ реторикѣ, т. е. тѣмъ, чтобы безконечно, въ разныхъ видахъ, повторять одно и то же. Только одинъ Румянцевъ, преслѣдуя свою мечту о примиреніи, силился ввести въ споръ кой-какіе новые элементы и постоянно искалъ основу для соглашенія. Разсматривая вопросъ о герцогствѣ съ новой точки зрѣнія, онъ далъ понять Лористону, что, не затрагивая матеріально неприкосновенности герцогства, можно было бы преобразовать его, подавивъ въ немъ при этомъ всякую мысль о расширеніи; что можно было бы отнять у него его автономію, правительство и присвоенныя ему учрежденія, напримѣръ, администрацію изъ уроженцевъ края; что можно было бы

---

[1]) Id., 3 августа 1811 г.

[2]) Id., 10 іюля.

[3]) Id., 3 августа.

лишить его въ нѣкоторомъ родѣ національнаго характера и свести на положеніе простой саксонской провинціи [1]).

Но самъ Александръ пересталъ говорить о Польшѣ. Онъ предоставилъ канцлеру выбиваться изъ силъ въ поискахъ за безполезными средствами къ соглашенію и не шелъ уже за нимъ по этому пути. Болѣе упорный и требовательный, онъ скрывалъ подъ маской невозмутимой кротости свои менѣе миролюбивыя намѣренія, и далъ себѣ клятву покончить съ конфликтомъ только въ томъ случаѣ, если Наполеонъ согласится дать ему желаемый имъ блестящій залогъ. Онъ думалъ, что возвращеніе въ Парижъ герцога Виченцы и его настоянія, можетъ быть, дадутъ результатъ, котораго онъ тщетно ждалъ отъ миссіи Чернышева. Послѣ отъѣзда посланника онъ не могъ скрыть охватившихъ его нетерпѣнія и безпокойства. Онъ вычислилъ продолжительность путешествія Коленкура и время, необходимое для поѣздки курьера изъ Парижа въ Петербургъ; считалъ дни, даже часы. Въ началѣ іюня онъ рѣшилъ, что Коленкуръ уже прибылъ въ Парижъ и что наступилъ рѣшительный моментъ. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько недѣль, а желаннаго отвѣта не получалось. Сопоставляя это молчаніе съ другими симптомами, Александръ истолковалъ его, какъ отказъ [2]). Догадываясь, что Наполеонъ не хочетъ стать на путь уступокъ по дѣламъ Польши, онъ не хотѣлъ уже вести переговоровъ, и отказывался предлагать средства къ успокоенію и соглашенію. Сдѣлавъ попытку—при посредствѣ Коленкура предложить императору загадку и оказать на него давленіе—онъ этимъ исчерпалъ свои добрыя намѣренія.

---

[1]) Лористонъ Маре, 18 іюля 1811 г.

[2]) Наполеонъ сказалъ Куракину, „что уступилъ бы императору Александру два округа герцогства Варшавскаго, вознаградивъ саксонскаго короля за это въ другомъ мѣстѣ, и даже городъ Данцигъ съ его территоріей, если бы царь попросилъ его объ этомъ, а не приступилъ къ вооруженіямъ, имѣющимъ угрожающій характеръ". Александръ передалъ эти слова Лористону, прибавивъ „что этимъ *если* все сказано и что онъ понялъ его". Частное письмо Лористона къ Маре, 1 іюня 1811 г. Съ другой стороны, одна высокопоставленная во Франціи *особа,* увѣрявшая, что имѣетъ свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника, просила Чернышева предупредить Его Величество русскаго императора, что Наполеонъ вовсе не намѣренъ „искренно примириться съ нимъ". Донесеніе отъ 17 іюня, вышеупомянутый томъ, 175. Не та ли это *особа,* которой царь въ началѣ года приказалъ передать собственноручное письмо?

Постороннее вліяніе помогло разсѣять послѣднія колебанія царя. Всѣ показанія современниковъ изъ первоисточниковъ согласно указываютъ на необычайную милость къ шведу Армфельту и на его роль въ событіяхъ этого періода времени. Мало-по-малу милости, поощренія, знаки вниманія поставили его внѣ конкурса, такъ что рядомъ съ сердечнымъ къ нему довѣріемъ не оставалось уже мѣста не только официальнымъ совѣтамъ Румянцева, но даже самъ Сперанскій отошелъ на второй планъ.

Шведъ пріобрѣлъ довѣріе государя независимой манерой держать себя. Александръ хвастался, что ненавидитъ льстецовъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ заставить его принять совѣтъ было дать таковой въ грубоватой формѣ. Этимъ способомъ государю, краснѣвшему при одномъ намекѣ, что онъ самодержецъ, давалась иллюзія, будто онъ повелѣваетъ людьми свободными. Армфельтъ говорилъ съ нимъ увѣренно, не стѣсняясь выраженіями. Не далеко время, когда одинъ проницательный наблюдатель скажетъ о немъ: «Не имѣя въ своемъ обращеніи ничего общаго съ тѣмъ раболѣпнымъ складомъ характера, съ тѣмъ подобострастнымъ языкомъ, которые служатъ отличительной чертой рабскаго народа, баронъ Армфельтъ поразилъ императора и завоевалъ его симпатіи той откровенностью, той смѣлостью, съ какими рисовалъ ему картину того, чѣмъ бы онъ могъ быть и что онъ есть» [1]). Съ настойчивостью, почти жестокой, давалъ онъ чувствовать царю подчиненность его настоящаго положенія, оскорбленія, которыя наноситъ ему Наполеонъ, унизительность и опасность вѣчной уступчивости, необходимость ободриться и оказать сопротивленіе, подъ опасеніемъ сдѣлаться лишь внѣшнимъ подобіемъ императора. Онъ представилъ ему пространную записку со слѣдующимъ эпиграфомъ: «*To be or not to be*» [2]). *). Чуткій къ такимъ суровымъ требованіямъ, Александръ пропитывался внушаемыми ему идеями, но примѣнялъ ихъ сообразно складу своего характера и своего генія, болѣе склоннаго къ пассивному упорству, чѣмъ къ рѣзкимъ проявленіямъ иниціативы. Онъ остановился на политикѣ отказовъ, на системѣ отъ всего уклоняться, все отсрочивать, на замаскированной непримиримости, вовсе не скры-

---

[1]) Графъ Левенхильмъ, 5 апрѣля 1812 г.; archives du royaume de Suède.

[2]) Tegner, III, 301.

*) Быть или не быть. (Прим. перев.)

вая отъ себя, что такимъ поведеніемъ вызываетъ и, въ концѣ концовъ, навлечетъ на себя войну. Первымъ приготовившись и чуть не начавъ войны, онъ далъ затѣмъ согласіе сдѣлать попытку для устраненія ея; но и теперь, какъ и весной, онъ сознаетъ близость и неизбѣжность развязки конфликта, съ той только разницей, что теперь не самъ хочетъ напасть, а чтобы на него напали; не упреждать противника, а заставить его придти къ себѣ.

Дѣйствительно, даже въ то время, когда въ политикѣ царь поддается воинственнымъ подстрекательствамъ Армфельта, онъ окончательно избираетъ своимъ руководителемъ и совѣтникомъ по военнымъ вопросамъ Фуля-выжидателя. Онъ принимаетъ его планъ, ибо предписываетъ приступить къ устройству оборонительныхъ линій въ соотвѣтствіи съ воспринятыми отъ него принципами и поручаетъ нѣмцу Вольцогену произвести эту работу [1]). Правда, онъ склоняется еще къ мысли—прежде выполненія главнаго плана сдѣлать нападеніе на Польшу, но и то съ единственной цѣлью, насколько возможно, разстроить дѣло снабженія арміи завоевателя. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о нападеніи въ строго-очерченныхъ предѣлахъ, задача котораго начать отступленіе съ болѣе отдаленнаго пункта, и, уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, опустошать все на отдаваемой противнику территоріи. Слѣдовательно, дѣло идетъ о чисто-стратегическомъ наступленіи. Пока же Александръ благоразумно рѣшилъ избѣгать малѣйшаго насилія, малѣйшихъ нарушеній союза, вплоть до того момента, когда французы, углубясь въ Германію, подойдутъ настолько близко къ его границамъ, что поставятъ его въ положеніе законной обороны. Цѣль, которую онъ въ этомъ случаѣ преслѣдуетъ—выставить себя въ глазахъ Европы носителемъ и защитникомъ права, долготерпѣніе котораго истощилось. Съ этого времени всѣ его усилія будутъ направлены къ тому, чтобы затянуть конфликтъ; но затянуть, не давая за-

---

[1]) Mémoires de Wolzogen, 57. Въ замѣткѣ, опубликованной въ сборникѣ архивовъ Воронцова, XVI, 390, также упоминается о томъ, что оборонительный планъ принятъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Левенхильмъ опредѣлитъ рѣшенія Александра слѣдующимъ образомъ: „Не вступать ни въ какія сдѣлки съ Франціей и завлечь врага въ мѣста, предназначенныя для обороны“. Депеша отъ 3 марта 1812 г. Archives du royaume de Suède. Армфельтъ писалъ, что онъ очень надѣется, что Бонапартъ „попадетъ въ западню“. Tegner, III, 384.

мѣтить, что онъ затягиваетъ его. Онъ позаботится всю отвѣтственность за разрывъ взвалить на своего соперника и постарается возбудить противъ него всеобщую ненависть.

Съ этой цѣлью онъ избѣгаетъ малѣйшаго намека на герцогство Варшавское. Затаивъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ своей души истинную обиду, онъ ссылается только на явную— на присоединеніе Ольденбурга, и артистически пользуется этимъ дѣломъ, въ которомъ у него, безспорно, прекрасная роль и въ которомъ онъ можетъ разыгрывать изъ себя оскорбленнаго. Грустнымъ и кроткимъ тономъ онъ постоянно жалуется на нанесенное ему оскорбленіе и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ требуетъ удовлетворенія. Когда Франція пристаетъ къ нему, когда она заклинаетъ его высказать свои желанія, онъ ограничивается просьбой о вознагражденіи за причиненный ущербъ, о возвращеніи герцогу родового наслѣдія. Когда съ нимъ говорятъ о соотвѣтственной компенсаціи, онъ не отвѣчаетъ ни да, ни нѣтъ. Онъ обѣщаетъ отправить Куракину полномочія, необходимыя для заключенія соглашенія—и не посылаетъ ихъ. Онъ неизмѣнно говоритъ, что готовъ покончить съ этимъ дѣломъ—и не даетъ для этого никакихъ данныхъ [1]). Въ то же самое время онъ заботится о томъ, чтобы объявить во всеуслышаніе, чтобы оповѣстить всему міру, что захватъ Ольденбурга, какъ ни тягостно для него это событіе, не составляетъ въ его глазахъ *casus belli;* что онъ никогда съ оружіемъ въ рукахъ не потребуетъ возстановленія правъ своего дома. Изъ такого поведенія царя явно вытекаетъ, что если Наполеонъ усиливаетъ наличный составъ войскъ, если онъ втихомолку отправляетъ новыя войска въ Германію и подготовляетъ средства къ нападенію, то онъ дѣлаетъ это не въ силу законной причины, а исключительно вслѣдствіе дошедшихъ до безумія честолюбія и гордости; что все это дѣлается съ цѣлью поработить государство, которое желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ и неизмѣнно хочетъ оставаться его союзникомъ.

Придерживаясь такого поведенія, царь пріобрѣталъ и ту выгоду, что могъ вѣжливо отказаться отъ услугъ государствъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы не допускать конфликта, и желавшихъ предложить свое посредничество въ дѣлѣ примиренія; ибо, не желая примиренія, онъ естественно не нуждался въ

---

[1]) Переписка Лористона, іюль и августъ 1811 г.

посредникахъ. Когда Пруссія и Австрія, послѣ кратковременнаго успокоенія, снова забили тревогу, и, поочередно, то та, то другая, умоляли его принять ихъ услуги, онъ притворился, что крайне удивленъ этимъ. Онъ не понимаетъ, говорилъ онъ, о чемъ съ нимъ говорятъ. Что за надобность въ примирителяхъ, когда о войнѣ нѣтъ и рѣчи? «Его Императорское Величество, — приказываетъ онъ написать въ Вѣну,—тѣмъ болѣе считаетъ долгомъ отклонить вмѣшательство третьяго государства, что принятіемъ такового неизбѣжно будетъ вызвано предположеніе о разладѣ между дворами Петербурга и Тюльери—разладѣ, котораго не существуетъ, такъ какъ Его Императорское Величество неизмѣнно и неуклонно пребываетъ въ своихъ прежнихъ чувствахъ и политическихъ отношеніяхъ къ Франціи, которая, съ своей стороны, непрестанно даетъ ему увѣренія въ своей дружбѣ» [1]).

Тѣмъ не менѣе, осторожно поддерживаемый разладъ доставитъ царю поводы съ каждымъ днемъ все болѣе смотрѣть сквозь пальцы на контрабанду и, въ концѣ-концовъ, позволитъ ему открыть гавани Россіи для правильной торговли съ Англіей. Это одна изъ главныхъ причинъ, заставляющихъ его уклоняться отъ примиренія, которое опять сдѣлало бы его плѣнникомъ союза [2]). Если Наполеонъ допуститъ это отступленіе отъ своей системы, и, видя, что русскіе не двигаются съ своихъ оборонительныхъ позицій, остановитъ, а, затѣмъ вернетъ обратно свои войска, Александръ не погонится за нимъ; но гораздо вѣроятнѣе, что завоеватель будетъ проводить до конца свои разрушительные планы; что онъ начнетъ войну и вторгнется въ Россію. Тогда Александръ съ спокойнымъ мужествомъ приметъ вызовъ, твердо рѣшивъ: пользуясь содѣйствіемъ климата и природы, вести войну ожесточенно, ужасно, до безконечности. Но,—говоритъ онъ себѣ,— я предварительно заручусь крупной моральной выгодой и выиграю свое дѣло въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы. Его разсчетъ былъ вѣренъ, ибо его искусный и выдержанный способъ дѣйствій, не вводя всецѣло въ заблужденіе современниковъ, въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ вводилъ въ обманъ потомство и исторію.

Наполеона онъ не обманулъ. Видя, что Россія уклоняется отъ всякихъ объясненій, императоръ заключилъ изъ этого, что она

---

[1]) Депеша Штакельбергу, 27 октября 1811 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Дальше мы услышимъ это признаніе лично отъ царя.

не хочетъ примиренія, вслѣдствіе того, что отчаялась добиться истиннаго предмета своихъ вожделѣній. Такимъ образомъ, онъ ясно понялъ, онъ вѣрно угадалъ, въ чемъ дѣло. Онъ понялъ, что въ вознагражденіе за Ольденбургъ желаютъ получить часть герцогства и не допускаютъ другого рѣшенія. Отъ него ждали, чтобы онъ отдалъ свою передовую оборонительную линію, чтобы онъ собственной рукой нанесъ ударъ тому самому польскому народу, который неоднократно доказывалъ ему свою преданность; чтобы подвергъ его новому расчлененію. Въ прошломъ году, предлагая ему знаменитый договоръ, просили только о ратификаціи раздѣла; теперь хотятъ, чтобы онъ самъ возобновилъ раздѣлъ и принялъ въ немъ участіе. Такое притязаніе приводитъ его въ бѣшенство. Съ этимъ совпало прибытіе донесеній отъ его агентовъ съ Сѣвера, въ которыхъ сообщалось ему, что съ наступленіемъ весны англійская торговля въ Балтійскомъ морѣ, едва прикрываясь американскимъ флагомъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ въ необычайной прогрессіи. Контрабандныя суда не проскальзываютъ уже въ Ригу или Петербургъ обманнымъ путемъ, въ одиночку. Въ порты Россіи входятъ настоящіе торговые флоты, цѣлыя скопища въ сто пятьдесятъ судовъ за-разъ. Ихъ тамъ принимаютъ безъ всякаго стыда, имъ позволяютъ развозить по побережью и сбывать огромныя партіи товаровъ, и эта торговля, давая Англіи возможность сбывать часть продуктовъ, которые загромождаютъ ея склады и угнетаютъ ея промышленность, мѣшаетъ ей погибнуть отъ перепроизводства и избытка товаровъ [1]). Итакъ, вотъ къ чему клонились мнимыя тревоги Россіи, ея притворные страхи, ея жалобы и ссоры, которыя она старалась завести съ нами. Допуская, что у нея, и въ самомъ дѣлѣ, не было намѣренія начать войну, она, тѣмъ не менѣе, хотѣла заручиться предлогомъ, благодаря которому могла снова завязать съ англичанами выгодныя для нея сношенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырвать у насъ унизительную и пагубную уступку. Съ этого момента ея игра дѣлается императору ясной, «ея система раскрывается» [2]). Констатированіе этихъ фактовъ приводитъ его къ рѣшенію. Отдаваясь вспыхнувшему въ немъ гнѣву, а, кромѣ того, повинуясь и политической идеѣ, и желанію привлечь на свою

---

[1]) Corresp., 18082.

[2]) Id. Эта мысль весьма ясно вытекаетъ изъ депеши Маре́ Лористону отъ 30 августа 1811 г. и изъ его секретнаго письма отъ 19 ноября.

сторону общественное мнѣніе, онъ чувствуетъ потребность всенародно заявить о своихъ обидахъ; онъ хочетъ разоблачить предъ всей Европой замыслы Александра и объявить во всеуслышаніе, что русскіе хотятъ клокъ Польши, и—никогда его не получатъ.

Случай къ этому представился 15 августа, въ день его именинъ. По его приказанію, этотъ день ежегодно праздновался народными увеселеніями и большимъ съѣздомъ ко двору въ Тюльери. Обычный воскресный церемоніалъ совершался по этому случаю при особо-торжественной обстановкѣ. Императоръ лично руководилъ этими грандіозными представленіями, которыя обставлялъ, какъ сцены въ оперѣ,—шествіями, церемоніальными маршами, роскошными символическими изображеніями. Задачей такихъ зрѣлищъ было выдвигать предъ взорами публики блестящую картину его могущества. То былъ цѣлый рядъ величественныхъ и точно распредѣленныхъ выступленій. Передъ обѣдней — высочайшій выходъ изъ парадныхъ покоевъ: шествіе пажей, церемоніймейстеровъ и ихъ помощниковъ, шталмейстеровъ, дворцоваго коменданта и камергеровъ, флигель-адъютантовъ, первыхъ пяти чиновъ имперіи,—наконецъ, самъ императоръ въ сопровожденіи духовника, принцевъ и маршаловъ. Императрица шествовала съ своей половины въ сопровожденіи принцессъ и свиты. Иногда оба шествія сходились на парадной лѣстницѣ, затѣмъ медленно проходили по заламъ и галлереямъ, и вступали въ церковь, куда для лицезрѣнія Ихъ Величествъ допускался народъ. Въ разныхъ мѣстахъ по пути слѣдованія были разставлены отряды гвардіи; гренадеры отдавали честь, барабаны били походъ; мундиры военныхъ и костюмы придворныхъ эффектно выдѣлялись на роскошныхъ украшеніяхъ аппартаментовъ—на золотѣ, мраморѣ и на пурпурѣ драпировокъ. Обстановка—какъ разъ для того, чтобы ослѣпить взоры, взволновать умы и придать еще больше пышности и блеска воздаваемому императору героическому культу [1]). Часто послѣ обѣдни, на дворѣ дворца происходили военные парады. До или послѣ обѣдни, въ парадныхъ аппартаментахъ, неизмѣнно изъ года въ годъ, императоръ давалъ аудіенціи и принималъ дипломатическій корпусъ. Посланники и иностранные министры вводились въ Тронную залу. Только они да министры

---

[1]) Фредерикъ Массонъ далъ эффектную, точно воспроизведенную картину этихъ сценъ въ статьѣ, помѣщенной въ Vie contemporaine, отъ 1 февраля 1894 г.

и небольшое число привилегированныхъ лицъ имѣли право входа туда. Въ этой-то самой священной залѣ дворца Наполеонъ, явившись предварительно предъ ними въ ореолѣ императорской пышности, принималъ ихъ поздравленія.

15 августа 1811 г. дипломатическая аудіенція состоялась до обѣдни. Въ полдень, когда пушечные выстрѣлы возвѣщали городу о торжествѣ этого дня, императоръ вошелъ въ залу и занялъ мѣсто на тронѣ. Тотчасъ же были приняты для принесенія поздравленій и пожеланій высокопоставленныя особы, кардиналы, министры, маршалы, кавалеры Почетнаго Легіона первой степени и другіе сановники [1]). Послѣ нихъ, въ предшествіи церемоній-мейстера и его помощника, былъ введенъ оберъ-гофмаршаломъ дипломатическій корпусъ. Размѣстившись вокругъ трона, члены корпуса заняли мѣста по старшинству ихъ постовъ. Князь Куракинъ занялъ мѣсто, сообразно своему положенію, между княземъ Шварценбергомъ и испанскимъ посломъ. Онъ чувствовалъ себя лучше обыкновеннаго, и сіялъ, какъ солнце, въ своемъ усыпанномъ звѣздами и драгоцѣнными камнями одѣяніи.

Императоръ сошелъ съ трона. Медленнымъ шагомъ два раза обошелъ онъ кругъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ, чтобы кинуть слово, вопросъ, или чтобы ему назвали фамиліи иностранцевъ, ходатайствовавшихъ о чести быть ему представленными. Въ этотъ день въ спискѣ представляющихся находились, кромѣ баварскаго генерала и швейцарскаго полковника, три «гражданина Соединенныхъ Штатовъ» [2]). Все это заняло нѣкоторое время. Въ залѣ было невыносимо жарко. Въ этотъ чудный августовскій день яркіе, жгучіе лучи солнца, падая въ залу сквозь высокія окна и загораясь ослѣпительнымъ блескомъ на массивномъ шитьѣ мундировъ, еще болѣе усиливали тягостное чувство, которое всѣ испытывали отъ продолжительности аудіенціи, отъ толпы, тѣсноты и отъ жуткаго чувства предстоять предъ вершителемъ судебъ, предъ повелителемъ и верховнымъ судьей. Когда обычныя формальности были выполнены, можно было думать, что пріемъ конченъ. Бо́льшая часть присутствующихъ разошлась уже по сосѣднимъ заламъ. Въ Тронной залѣ оставались только дипломатическій корпусъ да нѣсколько министровъ и «красныхъ лентъ». Съ минуты на минуту ждали, что императоръ прикажетъ

---

[1]) Moniteur, отъ 17 августа.

[2]) Id.

предупредить императрицу и отбудетъ въ церковь, чтобы отслушать обѣдню и *Te Deum*, какъ вдругъ онъ направился къ группѣ, въ которой стоялъ Куракинъ [1]).

— «Вы сообщили намъ новости, князь»,—любезнымъ тономъ сказалъ онъ. Дѣло шло о бюллетеняхъ, незадолго передъ тѣмъ сообщенныхъ русскимъ посольствомъ, въ которыхъ извѣщалось о битвѣ въ окрестностяхъ Рущука между турецкой арміей и оставленными Россіей на Дунаѣ войсками подъ начальствомъ Кутузова. Дѣло было жаркое, но не рѣшительное, ибо обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Куракинъ свыше всякой мѣры восхвалялъ храбрость своихъ соотечественниковъ. Наполеонъ воздалъ должное храбрости русскихъ, но обратилъ вниманіе Куракина на то, что, тѣмъ не менѣе, они вынуждены были очистить Рущукъ—свое предмостное укрѣпленіе по ту сторону Дуная, а, слѣдовательно, потеряли линію рѣки. По его мнѣнію, пользоваться рѣкой, какъ средствомъ перехода въ наступленіе, можно только при условіи сохраненія за собой возможности дѣйствовать на обоихъ берегахъ. Въ Эслингѣ онъ считалъ себя побѣдителемъ, потому что сохранилъ островъ Лобау, который давалъ ему доступъ на лѣвый берегъ и позволялъ напасть на австрійскую армію. Пространно, съ обычнымъ мастерствомъ, развилъ онъ эту тему и прочелъ предъ восхищенными слушателями цѣлую лекцію о тактикѣ.

Отказываясь одержать надъ нимъ верхъ на этой почвѣ, Куракинъ согласился, что, дѣйствительно, русскіе должны были отступить за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи для удержанія за собой позиціи достаточнаго количества войскъ, и приписалъ недостатокъ въ людяхъ недостатку денегъ, что, якобы, и заставило царя отозвать во внутрь Россіи часть назначенныхъ противъ Турціи войскъ. Этого только и ждалъ отъ него императоръ и тотчасъ же, съ притворнымъ добродушіемъ, сказалъ ему: «До-

---

[1]) Матеріалы для дальнѣйшаго изложенія взяты изъ разныхъ источниковъ: письмо Маре къ Лористону, 25 августа 1811 г.; бумаги, хранящіяся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ (Россія, 153) подъ названіемъ: Relation tirée des notes de l'ambassadeur d'Autriche et Rapport d'un ministre d'un prince de la Confédération; выдержки изъ донесенія Куракина, приведенныя у Богдановича, I, стр. 31 и слѣд.; донесеніе прусскаго министра Круземарка, разобранное и отчасти опубликованное Duncker'омъ, 374—375, по архивамъ Берлина. Всѣ эти документы сходятся по главнымъ пунктамъ.

рогой другъ, если вы говорите со мной официально, я долженъ сдѣлать видъ, что вѣрю вамъ, или совсѣмъ не отвѣчать вамъ; но, если мы говоримъ конфиденціально, то скажу вамъ, что вы побиты, а побиты вы потому, что у васъ слишкомъ мало войскъ, а мало войскъ потому, что пять дивизій изъ дунайской арміи вы отослали въ польскую, и сдѣлано это не изъ-за стѣсненныхъ финансовъ, которые были бы въ лучшемъ состояніи, если бы эти войска кормились за счетъ непріятеля, а для того, чтобы угрожать мнѣ».

Затѣмъ предметомъ разговора сдѣлались передвиженія русскихъ войскъ близъ границы герцогства Варшавскаго. Наполеонъ, не стѣсняясь, далъ понять, что эти ускоренные марши тѣмъ болѣе встревожили его, что казались ему необъяснимыми. «Я похожъ на дикаря,—сказалъ онъ,—чего не понимаю, то возбуждаетъ во мнѣ недовѣріе». Поэтому, продолжалъ онъ, и онъ счелъ нужнымъ держать ухо востро. Въ концѣ-концовъ, обѣ стороны сочли себя обиженными, стали вооружаться, приступили къ перемѣщенію войскъ въ громадныхъ размѣрахъ, что продолжается и по сіе время, и вотъ—двѣ націи въ боевыхъ позахъ, лицомъ къ лицу, готовы перерѣзать одна другой горло, не объяснившись даже, за что.

И, въ самомъ дѣлѣ, кого хотятъ убѣдить, что истинная причина ссоры Ольденбургъ?—Великія державы не станутъ драться изъ-за Ольденбурга. Къ тому же Франція предлагала вознагражденіе, равнозначущее, «какъ по объему, такъ и по содержанію»; она разъ десять повторяла свои предложенія и не получила отвѣта. Это значитъ, что дѣло идетъ о чемъ то другомъ; значитъ у русскихъ есть задняя мысль, и Наполеонъ внезапно, рѣзкимъ движеніемъ, срываетъ вуаль и обнаруживаетъ сокровенную подкладку спора. Онъ сказалъ: «Я не такъ глупъ, чтобы повѣрить, будто вы хлопочете объ Ольденбургѣ: я ясно вижу, что дѣло идетъ о Польшѣ. Вы приписываете мнѣ планы въ пользу Польши, а я начинаю думать, что вы сами хотите завладѣть ею, можетъ быть, думая, что нѣтъ иного способа укрѣпить съ этой стороны ваши границы». Но, необходимо, продолжалъ онъ, чтобы перестали заблуждаться по этому вопросу, чтобы Россія знала, на что она можетъ разсчитывать. При этихъ словахъ императоръ приходитъ въ страшное волненіе. «Не обольщайте себя,—вскрикиваетъ онъ,—будто я когда-нибудь дамъ вознагражденіе

герцогу за счетъ Варшавы. Нѣтъ! даже тогда, когда ваши войска станутъ лагеремъ на высотахъ Монмартра, я не уступлю ни пяди варшавской территоріи; я поручился за ея неприкосновенность. Требуйте вознагражденіе за Ольденбургъ, но не требуйте ста тысячъ душъ за пятьдесятъ, а прежде всего не требуйте ничего изъ великаго герцогства. Вы не получите изъ него ни одной деревни, ни одной мельницы. Я не думаю о возстановленіи Польши; интересы моего народа не связаны съ ней. Но, если вы вынудите меня къ войнѣ съ вами, я воспользуюсь Польшей, какъ оружіемъ противъ васъ. Объявляю вамъ, что я не хочу войны, и не начну ее въ этомъ году, если вы сами не нападете на меня. Война на Сѣверѣ не въ моемъ духѣ. Но, если кризисъ не прекратится къ ноябрю мѣсяцу, я увеличу наборъ на сто двадцать тысячъ человѣкъ; такъ я буду дѣлать два-три года и, если увижу, что эта система изнурительнѣе войны, я начну съ вами войну... и вы потеряете ваши польскія провинціи».

Далѣе онъ говорилъ, что, упорно отстаивая непріемлемое требованіе, Россія подвергнетъ себя такой же гибельной войнѣ, въ какой пали Пруссія и Австрія. Неужели необходимо, чтобы тотъ же духъ ослѣпленія, тотъ же духъ безумія овладѣвалъ послѣдовательно всѣми государствами и увлекалъ ихъ въ бездну? «Ибо»,—продолжалъ императоръ, внезапно мѣняя тонъ и напуская на себя скромность, граничащую съ наглостью,—«можетъ быть, счастье, можетъ быть, храбрость моихъ войскъ, а, можетъ быть, и то, что я самъ немножко смыслю въ этомъ ремеслѣ, но я всегда одерживалъ побѣды, и надѣюсь и впредь одерживать ихъ, если вы принудите меня къ войнѣ».—«Вы знаете», прибавилъ онъ, «что у меня есть и деньги, и люди». И тотчасъ же на его голосъ являются въ трепетъ приводящія видѣнія, выступаютъ, какъ призраки, громадныя цифры, и со всѣхъ сторонъ стекаются чудовищныя войска. «Вы знаете,—говоритъ онъ,—что у меня восемьсотъ тысячъ солдатъ, что каждый годъ даетъ въ мое распоряженіе 250,000 рекрутовъ, слѣдовательно, въ три года я могу увеличить мою армію на семьсотъ тысячъ человѣкъ, а этого хватитъ, чтобы продолжать войну въ Испаніи и вести ее съ вами. Я не знаю, побью ли я васъ; но знаю, что мы будемъ драться. Вы разсчитываете на союзниковъ. Гдѣ же они? Не Австрія ли, у которой вы отняли триста тысячъ душъ въ Галиціи? Не Пруссія ли?—Она вспомнитъ, что въ Тильзитѣ ея добрый союзникъ

императоръ Александръ отнялъ у нея бѣлостокскій округъ. Не Швеція ли?—Она тоже вспомнитъ, что, отнявъ у нея Финляндію вы наполовину разрушили ее. Такія обиды не забываются. Всѣ эти оскорбленія требуютъ расплаты. Весь континентъ будетъ противъ васъ».

Подъ жестокимъ градомъ сыпавшихся на него упрековъ, до глубины души взволнованный этой сценой, сдѣлавшей его предметомъ всеобщаго вниманія, оскорбленный обвиненіемъ въ вѣроломствѣ, которое косвенно переносилось и на него, Куракинъ совсѣмъ опѣшилъ. Тѣмъ не менѣе, онъ пытался исполнить свой долгъ и употреблялъ величайшія усилія защитить свою страну и своего повелителя. Но какъ говорить съ государемъ, который всякій разговоръ превращаетъ въ монологъ? Тщетно посланникъ истощался въ усиліяхъ, пытаясь вставить свое слово. Приблизительно около четверти часа стоялъ онъ съ открытымъ ртомъ, въ ожиданіи, когда неизсякаемое вдохновеніе его собесѣдника позволитъ ему начать фразу, бывшую у него на языкѣ [1]).

Но вотъ Наполеонъ остановился перевести духъ. Куракинъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы выйти изъ смѣшного положенія и чтобы сказать, что русскій императоръ «самый вѣрный союзникъ Франціи и даже другъ ея императора».—«Это тѣ же рѣчи, что говорятся и въ Петербургѣ моему посланнику», прервалъ его Наполеонъ; «но на что мнѣ слова, если они опровергаются фактами и если сами же вы опровергаете ихъ своимъ протестомъ по поводу присоединенія Ольденбурга?»—«Или вы сдѣлали это въ угоду англичанамъ?» продолжалъ онъ. И онъ перешелъ къ Англіи. Онъ обрисовалъ, какъ она господствуетъ на политическомъ горизонтѣ, какъ нити всѣхъ интригъ сосредоточиваются въ ея рукахъ, какъ она тащитъ и уже перетягиваетъ на свою сторону Россію. Въ подтвержденіе этой картины, онъ напомнилъ о сдѣланныхъ британской торговлѣ облегченіяхъ, о неслыханномъ развитіи контрабанды. Съ особой силой напиралъ онъ на эти обиды, наполнявшія горечью его сердце.

Въ рѣдкія минуты передышки, которыя предоставлялъ ему Наполеонъ, Куракинъ ограничивался увѣреніями, что главная забота и сердечное желаніе его повелителя—прекратить раздоръ. Чтобы наказать Куракина за ссылки на ничѣмъ не оправдывае-

---

[1]) Неизданные документы.

мыя намѣренія царя, Наполеонъ вдругъ задалъ ему категорическій вопросъ и приперъ его къ стѣнѣ: «Что касается того, чтобы сговориться, сказалъ онъ, я готовъ. Имѣются ли у васъ необходимыя полномочія начать переговоры? Если—да, я сейчасъ же дамъ полномочія на переговоры».

Посланникъ вынужденъ былъ отвѣтить, что у него нѣтъ «необходимыхъ полномочій для заключенія сдѣлки»; но, что онъ поторопится сообщить въ Петербургъ о выраженномъ Его Величествомъ желаніи, и ничуть не сомнѣвается, что таковое желаніе заставитъ сдѣлать крупный шагъ на пути къ соглашенію. Неопредѣленность и замѣшательство, сквозившія въ этомъ отвѣтѣ, лишній разъ освѣтили императору положеніе дѣлъ. «Напишите, скептически сказалъ онъ,—я ничего не имѣю противъ; но вѣдь вашъ дворъ давнымъ-давно знаетъ то, что̀ я вамъ только-что сказалъ. Я говорилъ это и Чернышеву, и генералу Шувалову, да и посланники мои въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не перестаютъ повторять это».

Онъ самъ повторилъ все, что говорилось и писалось; говорилъ долго, какъ бы упиваясь своими словами, употребляя выраженія, бьющія на эффектъ, уснащая свою рѣчь изобиліемъ образовъ и метафоръ.—Отчего, спрашивалъ онъ, въ тотъ самый моментъ, когда Россія наиболѣе серьезно была занята на Дунаѣ, она повернулась и стала противъ Польши?—«Вы поступаете, продолжалъ онъ, какъ подстрѣленный заяцъ, который поднимается на лапы и мечется, какъ безумный, выставляя всего себя подъ новый зарядъ». Зачѣмъ тянуть неопредѣленное положеніе—ни войну, ни миръ? «Когда два дворянина поссорятся, когда, напримѣръ, одинъ дастъ другому пощечину, они дерутся, а затѣмъ мирятся. Правительства должны были бы поступать точно такъ же—открыто и честно вести войну или заключить миръ». Такъ нѣтъ! Россія предпочитаетъ уклоняться отъ какого бы то ни было рѣшенія вопросовъ; она, очевидно, до безконечности хочетъ тянуть тягостное для всѣхъ положеніе.—Вотъ какіе взгляды старается внѣдрить императоръ всѣмъ своимъ слушателямъ, всѣмъ дипломатамъ и окружающимъ его европейцамъ; вотъ къ чему направлены его разсужденія и безконечныя повторенія. Воздерживаясь отъ слишкомъ рѣзкихъ выраженій, прикидываясь спокойнымъ, якобы отъ сознанія своей силы, третируя посланника съ благосклонной жалостью, онъ, черезъ его голову, хлещетъ

его правительство. Отдавая полную справедливость добрымъ намѣреніямъ Куракина, онъ подавляетъ его непреодолимой силой своихъ разсужденій. Наконецъ, послѣ пытки, тянувшейся три четверти часа, онъ отпустилъ его, и бѣдный князь удалился, разстроенный, красный какъ ракъ, обливаясь потомъ, еле переводя духъ отъ волненія, задыхаясь подъ тяжестью своего красиваго, шитаго золотомъ, кафтана, разсказывая всѣмъ, «что у Его Величества было очень жарко!» Но такъ какъ принято дипломатическій разговоръ кончать призывомъ къ миру, то и послѣднія слова императора носили миролюбивый характеръ. Въ заключеніе, онъ выразилъ надежду, что можно еще избѣгнуть войны и ея бѣдствій, если Россія пожелаетъ объясниться инымъ путемъ, а не загадками. Но что значило это, ни къ чему не обязывающее его, желаніе придти къ соглашенію рядомъ съ воинственной суровостью его разсужденій, съ угрожающимъ тономъ рѣчи, съ внезапнымъ взрывомъ гнѣва?

III.

На другой день, 16-го, вернувшись въ Сенъ-Клу, Наполеонъ приказалъ доставить себѣ всѣ бумаги, относящіяся къ перепискѣ съ Россіей, начиная со свиданія на Нѣманѣ. Въ этотъ же день статсъ-секретарь, министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано, былъ приглашенъ для *работы съ Его Величествомъ*. Его работа состояла въ томъ, чтобы набрасывать на бумагу соображенія, приходившія на умъ императору при разсмотрѣніи того или иного вопроса, какъ по существу, такъ и на основаніи документовъ, и записывать принятое рѣшеніе. Министръ держалъ перо, округлялъ фразы, иногда смягчалъ выраженія, но идея исходила отъ повелителя. Императоръ чувствовалъ потребность излагать свои идеи въ положительной, догматической формѣ, дабы яснѣе вникнуть въ собственныя мысли и въ тѣ причины, которыми обусловливалось его поведеніе. Это было нѣчто въ родѣ доклада, который онъ составлялъ для самого себя, и выводы изъ котораго устанавливали его волю [1]).

На этотъ разъ задача, подлежащая рѣшенію, была слѣдующая: «Въ такомъ ли положеніи отношенія Франціи къ Россіи, чтобы

---

[1]) См. нѣсколько образцовъ Работы съ Императоромъ у Roederer'a, т. III, стр. 562 и слѣд.

опасаться войны, и нужно ли дѣлать новый рекрутскій наборъ и разрѣшить предлагаемые военными министрами расходы?» [1]).

Наканунѣ, въ разговорѣ съ Куракинымъ, Наполеонъ, *подъ вліяніемъ гнѣва*, объявилъ во всеуслышаніе, что знаетъ притязанія Россіи, и что никогда не согласится на нихъ. Теперь онъ снова берется за этотъ вопросъ, и обсуждаетъ его съ самимъ собой, хладнокровно, съ спокойной головой. Съ привычной ему остротой мышленія, онъ идетъ прямо къ сути дѣла; онъ удаляетъ изъ него все неопредѣленное, выбрасываетъ все случайное, внесенное безъ всякой надобности, только для того, чтобы навести туману и скрыть его истинный характеръ. Онъ освобождаетъ его отъ всего наноснаго, срываетъ всѣ покровы и ставитъ передъ собой, какъ мраморное изваяніе. Обстоятельно, въ строгомъ порядкѣ, разсматриваетъ онъ всѣ умозаключенія, которыя приводятъ его къ мысли, что Россія посягаетъ на неприкосновенность герцогства Варшавскаго. Долженъ ли онъ согласиться на это притязаніе или отказать? Вотъ это-то онъ и хочетъ обсудить. Онъ взвѣшиваетъ всѣ за и противъ, подводитъ итоги доводамъ, говорящимъ въ пользу того и другого рѣшенія. Слѣпой, увлекающійся поклонникъ строгой логики, онъ цѣлымъ рядомъ сильныхъ разсужденій приходитъ къ тому, что рѣшаетъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и высказывается за ужасный конфликтъ и за войну. Благодаря вышеизложенному, мы имѣемъ въ оправданіе его кампаніи 1812 года имъ самимъ продиктованный документъ.

Прежде всего, онъ устанавливаетъ въ принципѣ, что война съ Россіей несвоевременна и нежелательна, ибо отвлечетъ наши силы отъ Испаніи и вынудитъ насъ бросить тамъ все неоконченнымъ. Она вызоветъ ужасающую трату людей и денегъ, и «никогда не дастъ выгодъ, стоющихъ жертвъ, которыхъ она можетъ потребовать». Слѣдовательно, желательно ея избѣгнуть. Возможно ли это? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, императоръ крупными штрихами рисуетъ исторію своихъ отношеній съ Александромъ I-ымъ, начиная съ заключенія союза. Онъ мысленно переносится въ Тильзитъ, затѣмъ въ Эрфуртъ, улавливаетъ въ

---

[1]) Результатъ Работы съ Императоромъ находится, въ видѣ объемистой записки, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Россія, 153. Bignon, X. 89 et suiv, и Ernouf, 301—305, опубликовали выдержки изъ нея.

1809 г. конфликтъ въ первичной стадіи его развитія и неопровержимо доказываетъ, что «безспорная трудность настоящаго положенія» происходитъ отъ поведенія русскихъ до и во время послѣдней кампаніи противъ Австріи; оттого, что ихъ дипломатическая и военная дѣятельность не стала на высоту требованій того времени.

Если бы императоръ Александръ, какъ заклиналъ его Наполеонъ, твердо заговорилъ въ Эрфуртѣ; если бы онъ пригрозилъ Австріи, та поняла бы, что франко-русскій союзъ—не фикція. Она побоялась бы выступить сразу противъ двухъ великихъ монархій и отказалась бы отъ войны. На границахъ Россіи не произошло бы никакой перемѣны: Галиція осталась бы при прежнемъ хозяинѣ. Далѣе говорится: «Если бы Россія—разъ война возникла—приняла въ ней участіе, какъ ей надлежало, съ самаго начала, и употребила бы въ дѣло значительныя силы, она первая вошла бы въ Галицію, и войска герцогства Варшавскаго явились бы туда только въ качествѣ вспомогательныхъ. Случилось какъ разъ обратное. Восточную Галицію завоевали войска герцогства Варшавскаго; обитатели ея взялись за оружіе противъ (нашего) врага, и ко времени заключенія мира эта провинція очутилась въ такомъ положеніи, что ее нельзя было вернуть Австріи, и Его Величество вынужденъ былъ поставить въ числѣ условій ея присоединеніе къ герцогству Варшавскому». Итакъ, Россія очутилась предъ лицомъ на-половину возстановленной Польши, что возбудило ея тревоги. Гарантіи, которыя были даны или же предложены—уступка одного округа Галиціи, отправка варшавскихъ войскъ въ Испанію, договоръ, содержавшій обязательство не возстановлять Польскаго королевства—показались недостаточными. Россія по-прежнему въ тревогѣ; она готова ухватиться за первый случай, чтобы нарушить порядокъ вещей, отвѣтственность за который лежитъ на ней самой и который, тѣмъ не менѣе, она считаетъ несовмѣстимымъ съ своей безопасностью.

Предлогомъ, за который она ухватилась, было присоединеніе Ольденбурга къ Французской имперіи. «Постановленія британской палаты вынудили Его Величество присоединить къ Франціи ганзейскіе города, дабы закрыть порты Сѣвернаго моря англійской торговлѣ. Герцогство Ольденбургское было включено въ это присоединеніе. Россія заступилась за герцога Ольденбургскаго.

Въ вознагражденіе былъ предложенъ Эрфуртъ. Россія отказалась отъ него. Вмѣсто того, чтобы просить другого вознагражденія, она выступила съ публичнымъ протестомъ—пріемъ безпримѣрный въ исторіи союзныхъ государствъ. Она начала протестъ съ оговорокъ и кончила выраженіемъ желанія сохранить союзъ; откуда съ достаточной ясностью слѣдуетъ, что она хотѣла только поднять побольше шума изъ-за Ольденбурга, не доводя дѣла до конца и оставляя средство къ соглашенію.

«Ея планы начали обнаруживаться. Было ясно, что они направлены противъ герцогства Варшавскаго, существованіе и расширеніе котораго внушаютъ ей безпокойство, и что задача этихъ плановъ—если не полное присоединіе герцогства къ русско-польскимъ провинціямъ, то, по крайней мѣрѣ, присоединеніе нѣкоторой его части, что́ неизбѣжно должно привести герцогство къ полному разрушенію. Отказъ принять въ видѣ вознагражденія Эрфуртъ былъ мотивированъ тѣмъ, что эта страна не смежна съ Россіей; но единственная смежная съ Россіей страна, на которую Его Величество можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе—герцогство Варшавское. Намеки, сдѣланные на-словахъ полковникомъ Черышевымъ и графомъ Румянцевымъ, дали понять, что дѣло Ольденбурга устроится тогда, когда придутъ къ соглашенію по дѣламъ Польши. Тогда становится вполнѣ понятнымъ, для чего Россія вмѣшалась въ дѣло Ольденбурга; для чего, выражая протестъ, она подтвердила преданность союзу; почему, наконецъ, отказываясь отъ Эрфурта, она не сообщала, чего желаетъ.

«Если она считаетъ себя оскорбленной, почему не объявляетъ войны? Если хочетъ крупныхъ вознагражденій, отчего не открываетъ переговоровъ?—Вѣдь всякій споръ между правительствами кончается однимъ изъ этихъ двухъ способовъ. Но Россія хочетъ того, въ чемъ не смѣетъ сознаться. Она хочетъ уступки отъ 500,000 до 600,000 жителей герцогства въ вознагражденіе за Ольденбургъ. Вотъ что до очевидности вытекаетъ изъ протеста, намековъ, даже молчанія Россіи.

«Итакъ, все наводитъ на мысль, что можно было бы сохранить миръ при желаніи уступить Русскому государству отъ 500,000 до 600,000 душъ герцогства Варшавскаго, и мнѣніе Его Величества таково, что, если бы въ герцогствѣ существовала особая народность отъ 500,000 до 600,000 душъ, которой бы онъ былъ въ правѣ располагать, и которую могъ бы, не поступаясь своей

честью, присоединить къ Россіи, такая уступка была бы предпочтительнѣе войны. Но всѣ части герцогства одинаковаго происхожденія; составлены изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ; всѣ онѣ принадлежатъ къ одному и тому же народу, который, хотя и подвергся раздѣлу, но всегда поддерживаетъ свое право на существованіе. По мѣрѣ того, какъ одна изъ частей его, которая нѣкогда была отдѣлена, присоединяется къ другой, она сливается съ ней для образованія тѣла націи. Таковъ характеръ теперешняго существованія герцогства Варшавскаго. Слѣдствіемъ отдѣленія отъ него какой-либо части будетъ его разрушеніе. Россіи хорошо извѣстно это. Она прекрасно знаетъ, что, если ей удастся заставить герцогство сдѣлать шагъ назадъ, дѣло не остановится на этомъ; что, когда оно потеряетъ отъ 500,000 до 600,000 жителей, его полная гибель наступитъ при первомъ благопріятномъ случаѣ; что она пріобрѣтетъ надежду привлечь герцогство къ себѣ, какъ только то увидитъ, что тотъ, кто далъ ему жизнь, отрекся отъ его интересовъ; что, хотя поляки и съ сожалѣніемъ разстанутся съ отеческими и либеральными законами саксонскаго короля, они вынуждены будутъ принести эту жертву, дабы упрочить свое положеніе, ибо самое большое несчастье, какое можетъ постигнуть націю,—это неувѣренность въ своемъ будущемъ; что, наконецъ, достаточно нанести существованію герцогства Варшавскаго ударъ въ какомъ бы то ни было отношеніи; достаточно, чтобы оно перестало разсчитывать на защиту мощной руки, благодаря которой оно существуетъ, чтобы все, что остается отъ Польши, попало въ руки Россіи.

«Разсужденія эти правильны. Несомнѣнно, что уступка отъ 500,000 до 600,000 жителей повлечетъ за собой уступку всего герцогства. Слѣдовательно, вопросъ долженъ быть поставленъ иначе. Слѣдуетъ разсмотрѣть: въ интересахъ ли Франціи увеличить Россію на все герцогство?

«Такое увеличеніе перенесетъ границы Россіи на Одеръ и на границы Силезіи. Это государство, которое Европа въ теченіе цѣлаго столѣтія тщетно старалась удержать на Сѣверѣ, и которое, благодаря столькимъ захватамъ, распространилось уже много далѣе своихъ естественныхъ границъ, сдѣлается большой силой на югѣ Германіи, и будетъ вмѣшиваться въ дѣла остальной Европы, чего здравая политика не можетъ допустить. При томъ, получая благодаря новому географическому поло-

женію, опасныя выгоды, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ увеличилось бы, благодаря захвату Финляндіи, Молдавіи, Валахіи и герцогства Варшавскаго на 7 или 8 милліоновъ душъ населенія, и пріобрѣло бы такое усиленіе своего могущества, которое нарушило бы всякую пропорцію между нимъ и другими великими державами. Такимъ образомъ, подготовился бы новый порядокъ вещей, который поставилъ бы подъ угрозу всѣ государства Юга, который вся Европа съ ужасомъ всегда предусматривала и который, быть можетъ, совершится на глазахъ подрастающаго поколѣнія.

«Итакъ, Его Величество рѣшилъ поддерживать силой оружія существованіе герцогства Варшавскаго, каковое существованіе неразрывно съ его цѣлостью. Этого требуютъ интересы Франціи, Германіи, всей Европы; это предписывается политикой, и, сверхъ того, это вмѣняетъ въ обязанность Его Величеству долгъ чести».

Во второй части записки говорится о торговой и экономической распрѣ. Упомянувъ объ указѣ, направленномъ противъ французской торговли, императоръ останавливается на открытіи русскихъ портовъ для ввоза колоніальныхъ товаровъ, и видитъ въ этомъ полное отрицаніе правилъ блокады. Но эти мѣры, взятыя въ отдѣльности, несмотря на всю ихъ важность, не могутъ служить достаточнымъ поводомъ къ разрыву. «Достойны сожалѣнія тѣ государства, которыя вздумали бы сражаться изъ-за частныхъ торговыхъ интересовъ». Но вмѣняемые въ вину факты имѣютъ существенное значеніе, какъ показатели и симптомы. Они указываютъ на все усиливающійся поворотъ Россіи къ Англіи, обнаруживаютъ ея пристрастіе къ нашимъ врагамъ, желаніе сблизиться съ ними, что мало-по-малу приведетъ оба государства къ полному единенію, а посему императоръ рѣшилъ, не дожидаясь этого неизбѣжнаго завершенія русской политики, «поддержать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Если бы Франція предпочла предоставить Россіи заключить миръ съ Англіей, разсчитывая этимъ избѣгнуть войны, она не достигла бы своей цѣли. Миръ, заключенный однимъ изъ союзниковъ съ общимъ ихъ врагомъ,—не только безъ предварительнаго соглашенія, но даже съ нарушеніемъ договоровъ,—быстро приведетъ къ открытому разладу, что въ скоромъ времени понудитъ Россію беззавѣтно отдаться Англіи. Она приметъ участіе въ ея интригахъ, и война будетъ неизбѣжнымъ и ближайшимъ результатомъ такого страннаго положенія».

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривалась распря, конецъ всегда одинъ и тотъ же — война. Всѣ разсужденія императора, всѣ разсматриваемые вопросы, словно сходящіяся къ одному пункту дороги, приводятъ его къ одному и тому же заключенію: къ необходимости войны. Относительно характера войны Наполеонъ рѣшаетъ, что она непремѣнно должна быть наступательной. Но теперешнее положеніе его приготовленій, запоздавшихъ по причинѣ ихъ громадныхъ размѣровъ, пока еще препятствуетъ ему взять на себя инициативу. Затѣмъ переговоры съ Австріей, Пруссіей, съ другими государствами, которыхъ надлежитъ завербовать въ наши ряды, находятся еще въ зачаточномъ состояніи, и, наконецъ, лѣтній сезонъ подходитъ къ концу, что помѣшаетъ успѣшному выполненію въ 1811 г. цѣлаго ряда операцій. На Сѣверѣ, гдѣ огромное затрудненіе для нападающаго представляетъ снабженіе войскъ продовольствіемъ и, въ особенности, фуражемъ, самое выгодное для военныхъ дѣйствій время—конецъ весны. Въ это время поздняя, но обильная растительность «родитъ фуражъ подъ ногами лошадей» [1]). Кавалерія, артиллерія, военные обозы найдутъ на мѣстѣ чѣмъ прокормить лошадей, не прибѣгая къ трудному и разорительному снабженію транспортами. Въ это время года восточная Пруссія и Польша, съ ихъ плодородными равнинами и громадными лугами, превратятся для насъ въ созданный самой природой продовольственный складъ и богатѣйшую житницу.

Рѣшивъ, вслѣдствіе всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій, начать войну, Наполеонъ вторично рѣшаетъ отложить ее. Онъ назначаетъ ее на іюнь 1812 г. Пока же всѣ его усилія должны быть направлены на выигрышъ времени. Онъ подавитъ свой гнѣвъ и неустанно будетъ высказывать Россіи желаніе вступить въ переговоры. Онъ вполнѣ увѣренъ, что его не поймаютъ на словѣ, и что онъ можетъ безнаказанно расточать свои приглашенія. Подъ прикрытіемъ этихъ миролюбивыхъ демонстрацій онъ доведетъ до конца свои вооруженія и соберетъ войска. Тѣмъ временемъ его дипломатія возобновитъ переговоры съ Австріей и Пруссіей, со Швеціей и Турціей, дабы въ назначенное время ему оставалось протянуть только руку, чтобы воспользоваться

---

[1]) Собственныя слова Наполеона. Recueil de la Société impériale d' histoire de Russie, XXI, 374.

вполнѣ созрѣвшими союзами. Такимъ образомъ, безъ шума, безъ огласки, все будетъ подготовлено къ великому предпріятію. Когда же всѣ наши силы войдутъ въ линію, когда союзы будутъ заключены, когда Наполеонъ, на основаніи своихъ глубокихъ разсчетовъ, увидитъ, что наступило время дѣйствовать, онъ внезапно подастъ сигналъ къ нападенію. Тогда онъ сразу двинетъ на востокъ всѣ силы, на собираніе и соединеніе которыхъ въ одну массу онъ назначаетъ почти годъ напряженнаго труда; онъ броситъ впередъ собранные подъ его начальствомъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ и во-главѣ ихъ бѣшено ринется на Россію. Вотъ тотъ грандіозный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коварный планъ, который онъ намѣтилъ въ своемъ умѣ въ началѣ 1811 г. и на которомъ окончательно останавливается въ августѣ. Теперь онъ набрасываетъ его на бумагу. Въ запискѣ отъ 16 августа о немъ говорится только нѣсколько словъ, въ связи съ другими, входящими въ него, операціями и конечной его цѣлью—молніеносной развязкой. Это нѣчто въ родѣ руководства для предстоящей методической дѣятельности, которое онъ для ясности набрасываетъ на бумагу и котораго, какъ увидимъ, строго будетъ держаться.

Изложенныя соображенія, говорится въ запискѣ, «вполнѣ установили мнѣніе Его Величества по вопросу, для котораго онъ искалъ рѣшенія». Вслѣдствіе этого, Его Величество предписалъ дѣйствовать параллельно въ трехъ направленіяхъ. Онъ приказалъ продолжать переговоры съ Россіей; приказалъ, чтобы—«на тотъ случай, если и черезъ шесть мѣсяцевъ, считая съ сегодняшняго дня, Россія будетъ упорствовать въ своей неискренней системѣ: безпрестанно жаловаться и ни по какимъ вопросамъ не входить ни въ какія объясненія,—были открыты переговоры съ Австріей и Пруссіей, дабы Его Величество могъ установить новую систему союзовъ путемъ договоровъ, которые надлежитъ подписать только по истеченіи указаннаго срока». Наконецъ, Его Величество приказалъ, чтобы «теперь же войска поставлены были на военное положеніе, дабы, когда наступитъ іюнь мѣсяцъ — время, благопріятное для военныхъ операцій въ странахъ, куда Его Величеству придется направить оружіе—онъ могъ, если его вынудятъ къ войнѣ, отомстить за попранные договоры, въ соблюденіи коихъ никогда не клянутся всуе, и защитить и укрѣпить герцогство Варшавское, увеличивъ его территорію и усиливъ его мощь».

Читатель замѣтитъ, что въ вышеприведенной послѣдней части записки, императоръ все еще умышленно говоритъ о войнѣ въ предположительныхъ выраженіяхъ: онъ даже кончаетъ перифразой правила: «*Si vis pacem, para bellum*», которое признаетъ общепринятымъ. Но какое значеніе могутъ имѣть нѣсколько оговорокъ, нѣсколько фразъ, сказанныхъ съ преднамѣренной цѣлью, ради приличія, въ сравненіи со всѣмъ текстомъ и общимъ направленіемъ идей? Въ документѣ, предназначенномъ потомству, ни одинъ государь никогда не сознается, что онъ обдуманно и съ предвзятымъ намѣреніемъ рѣшается на войну— даже тогда, когда стремится къ ней и въ глубинѣ души уже предрѣшилъ ее. Помимо того, всякій человѣческій планъ, хотя бы онъ былъ задуманъ могущественнѣйшимъ изъ людей, оставляетъ нѣчто въ удѣлъ неизвѣстному, случайностямъ будущаго. Наполеонъ не исключалъ вполнѣ той возможности, что, испугавшись нашихъ приготовленій, Россія въ послѣднюю минуту, безъ всякихъ условій, безъ гарантій, согласится вернуться къ союзу. Но, если бы это случилось, онъ предоставлялъ себѣ право потребовать уступокъ, пропорціональныхъ усиліямъ и расходамъ, причиненнымъ ему русскими. Онъ вовсе не хотѣлъ безрезультатно идти до границъ ихъ имперіи и дѣлать даромъ громадный, дорого стоющій походъ. Не довольствуясь подчиненіемъ Россіи своей волѣ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, онъ намѣренъ былъ отнять у нея выгоды, данныя въ Эрфуртѣ, лишить ее Молдавіи и Валахіи, и надолго низвести на степень безсильнаго и ничтожнаго государства. Нѣкоторыя мѣста его записки не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно его намѣренія обойтись съ русскими, какъ съ побѣжденными,—даже въ томъ случаѣ, если бы они смирились и вернулись къ нему при одномъ блескѣ его оружія. Въ сущности, онъ допускаетъ только одинъ способъ рѣшенія—рѣшеніе оружіемъ; только одинъ исходъ — сдачу противника или вслѣдствіе пораженія, или подъ угрозой пораженія. Въ этомъ именно смыслѣ дни 15 и 16 августа 1811 г. устанавливаютъ рѣшительную эпоху въ исторіи разрыва. Они отмѣчаютъ моментъ, когда Наполеонъ отказывается вполнѣ отъ мысли о миролюбивой сдѣлкѣ; когда онъ даетъ себѣ слово, явившись во-главѣ своихъ легіоновъ, предписать безъ всякихъ условій свою волю. Въ эти же дни онъ откладываетъ на десять мѣсяцевъ рѣшеніе этой великой распри.

ГЛАВА VII.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ.

Отвѣтъ Александра на слова императора. — Новыя просьбы приступить къ объясненіямъ. — Ихъ настойчивый и неопредѣленный характеръ. — Чего не хотятъ сказать ни тотъ, ни другой императоръ.—Обзоръ нашихъ приготовленій и нашихъ позицій.—Данцигъ.—Варшавская армія.—Нѣмецкіе контингенты.—Армія Даву.—Береговая армія.—Голландскій и Булонскій лагери.—Удино и Ней.—Итальянская армія. — Гвардія.—Наборъ людей и матеріальной части.—Всестороннія заботы императора обезпечить себя провіантомъ, его подвозомъ и транспортами; средства, заготовляемыя для побѣды надъ природой и пространствомъ.—Всеобъемлющая предусмотрительность.—Наполеонъ во всемъ доходитъ до излишества. — Онъ то хитритъ, то угрожаетъ.—Онъ умышленно предоставляетъ шпіонить.—Параллельная дѣятельность Александра.—Раздѣленіе русскихъ войскъ на двѣ главныя группы.—Барклай де-Толли и Багратіонъ.—Александръ торопится заключить миръ съ Портой, чтобы получить возможность свободно располагать своей дунайской арміей. — Какой услуги проситъ онъ отъ Англіи.—Наполеонъ подстрекаетъ турокъ продолжать войну.—Причины, почему онъ медлитъ заручиться Австріей, Пруссіей и Швеціей.—Опасность этой политики. — Выступленіе Бернадота на сцену.—Отъѣздъ наслѣдной принцессы. — Лѣто въ Дроттнингольмѣ.—Беззастѣнчивая контрабанда; сношенія съ Англіей.—Рѣчь Франціи; относительная умѣренность.—Баронъ Алькіѣръ по собственному почину открываетъ кампанію противъ Швеціи. — Оскорбительная нота. — Отвѣтъ въ томъ же тонѣ.—Необычайная сцена между Алькіѣромъ и Бернадотомъ.—Переводъ вспыльчиваго посланника.—Отлученіе Бернадота. — Онъ снова направляется къ Россіи.—Заблужденіе Наполеона относительно Швеціи.—Строгость и долготерпѣніе. — Въ Германіи вспыхиваетъ кризисъ; онъ можетъ ускорить войну и измѣнить ея условія.

I.

На язвительные упреки императора Куракину Александръ отвѣтилъ 25 сентября дипломатическимъ путемъ, въ спокойномъ, полномъ достоинства тонѣ. Онъ энергично защищался, отрицая всякое поползновеніе на какую-либо часть варшавской Польши [1]). Пользуясь неопредѣленностью и неясностью выска-

[1]) Bogdanovitch, I, 33.

занныхъ имъ намековъ, онъ протестовалъ противъ толкованія, какое хотѣли имъ дать. Не добившись желанной уступки, онъ сдѣлалъ видъ, что никогда и не думалъ о ней.

Наполеонъ сообщилъ, что приметъ къ свѣдѣнію его заявленія, но тотчасъ же возразилъ: Разъ вы ничего не хотите въ Польшѣ, чего же вы хотите? Займитесь вопросомъ объ интересахъ Ольденбургскаго дома, говорите откровенно; мы готовы васъ слушать.—И изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, черезъ извѣстные промежутки времени, онъ проситъ петербургскій кабинетъ нарушить молчаніе; проситъ прислать нарочито назначенное для переговоровъ лицо или снабдить Куракина необходимыми для заключенія сдѣлки полномочіями [1]). На эти просьбы Александръ отвѣчалъ своими обычными причитаніями, не указывая даже на что онъ жалуется, и уклончивыми фразами прикрывалъ свое нежеланіе начать переговоры. Эти уклоненія царя отъ сдѣлки, которыя предвидѣлъ Наполеонъ, нисколько не мѣшали императору возобновлять свои предложенія по поводу соглашенія, объ основахъ котораго онъ избѣгалъ высказываться. Такимъ образомъ, конфликтъ между двумя государями замеръ на мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ. Оба избѣгали высказаться и откровенно покончить съ двусмысленнымъ положеніемъ. По настоящему, на первой очереди стоялъ вопросъ о блокадѣ, но Александръ не намѣренъ былъ первымъ заговаривать объ этомъ, а Наполеонъ рѣшилъ начать разговоръ только во-главѣ пятисотъ тысячъ солдатъ. Герцогъ Бассано, въ письмѣ Лористону, дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Говорю вамъ это, милостивый государь, только для личнаго вашего свѣдѣнія: дѣло объ Ольденбургѣ—пустякъ и для Россіи, и для насъ. Все дѣло въ торговыхъ интересахъ и въ континентальной системѣ... Это поясненіе ничуть не уполномочиваетъ васъ приступать къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и выходить за предѣлы предписаннаго вамъ» [2]). Правда, министръ поручаетъ посланнику: осторожно выяснить себѣ намѣренія петербургскаго кабинета, «если бы эти вопросы были затронуты» [3]). Но, хотя императоръ и выразилъ желаніе получить свѣдѣнія по этимъ вопросамъ, онъ ясно сознавалъ, что Россія, нарушивъ континентальную систему и почти

---

[1]) Corresp., 17394, 18242, 18245.

[2]) Конфиденціальное письмо отъ 19 ноября 1811 г.

[3]) Id.

открыто отвергнувъ ее, никогда добровольно не вернется къ ней, что для этого придется прибѣгнуть къ силѣ. Поэтому, не покладая рукъ, собиралъ онъ средства къ нападенію, приводилъ ихъ въ порядокъ и увеличивалъ до безконечности.

Эта работа шла по всей французской Европѣ. На сѣверѣ—данцигскій передовой постъ возросъ почти до размѣровъ арміи, въ составъ которой вошли французскіе, польскіе, вестфальскіе, гессенскіе и баденскіе батальоны. Данцигъ уже не просто крѣпость, снабженная всѣми средствами обороны, достаточными для нея самой,—теперь это «главный складъ для войны на Сѣверѣ» [1]); это снабженный въ изобиліи всѣмъ необходимымъ магазинъ съ мастерскими для производства работъ и починокъ. Въ немъ дѣйствуютъ и литейные заводы, и кузницы, и всякаго рода склады, ибо необходимо, чтобы великая армія, во время прохожденія своего черезъ Данцигъ, могла найти въ этой крѣпости передъ вступленіемъ въ Россію все необходимое для пополненія провіанта и для приведенія въ порядокъ матеріальной части. Къ югу отъ Данцига Наполеонъ увеличиваетъ варшавскую армію и не допускаетъ уже ни малѣйшей разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ войскъ. Онъ приходитъ на помощь мѣстной администраціи, и, не переставая укорять ее въ злоупотребленіи его помощью, приказываетъ дать ей субсидію [2]).

Во второй линіи, за Вислой—гарнизоны Одера получаютъ подкрѣпленія и съ этого времени составляются исключительно изъ французскихъ войскъ. Въ районѣ Эльбы Даву командуетъ уже четырьмя дивизіями; мало-по-малу Наполеонъ составляетъ ему пятую. Строго придерживаясь своей системы комплектованія, онъ, прежде всего, увеличиваетъ наличный составъ уже существующихъ дивизій, исподволь вливая въ нихъ отряды всѣхъ родовъ оружія. Въ эти, уже готовыя, формы, онъ незамѣтно вливаетъ живой матеріалъ. Теперь у Даву 72,000 пѣхоты; 13,000 идутъ къ нему. Съ ихъ приходомъ наличный составъ роты дойдетъ до 150 человѣкъ, батальона—до 900, полка—до 4,500 [3]). Въ районѣ Даву и ближе къ Франціи государи Конфедераціи приглашены «пополнить кавалерію лошадьми и приготовить причи-

---

[1]) Corresp., 18140.

[2]) Id., 18300, 18477.

[3]) Id., 18170, 18175, 18187, 18208, 18215, 18226. Cf. отвѣты Даву въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1654—1656.

тающееся на ихъ долю количество войскъ» [1]). Особое вниманіе удѣляетъ императоръ саксонскимъ войскамъ и вестфальскимъ дивизіямъ; онъ держитъ ихъ въ полной готовности для выступленія въ походъ на флангахъ формирующейся въ Германіи арміи.

Далѣе—въ Голландіи и въ сѣверной Франціи—формируется и почти готова вторая армія въ четыре дивизіи. Она строится эшелонами вдоль побережья отъ Па-де-Калѐ до Восточной Фрисландіи. Имѣя опорные пункты въ Булонскомъ и Утрехтскомъ лагеряхъ, она обращена фронтомъ къ морю и какъ будто выставлена противъ англичанъ. Чтобы вѣрнѣе ввести въ обманъ, Наполеонъ назвалъ ее: *Обсерваціонный приморскій корпусъ*. Въ дѣйствительности же ея назначеніемъ было—перемѣнивъ фронтъ и сдѣлавъ поворотъ направо—перейти въ Германію и составить два корпуса великой арміи. Было рѣшено, что къ концу года войска, собранныя около Утрехта и Нимвегена, станутъ между Мюнстеромъ и Оснабрюкомъ и останутся тамъ впредь до новыхъ приказаній; булонскія же войска направятся на Майнцъ.

Сперва Наполеонъ думалъ присоединить стоявшія около Утрехта и Нимвегена войска—по ихъ вступленіи въ Германію—къ корпусу Даву и составить маршалу армію изъ девяти дивизій—въ двѣсти тысячъ человѣкъ [2]). Но Даву пришелъ въ ужасъ отъ такого обремененія и такой отвѣтственности. Въ достойномъ вниманія письмѣ, которое дѣлаетъ честь и его скромности, и глубокому пониманію истинныхъ началъ командованія, онъ говоритъ императору, что непосредственное управленіе девятью дивизіями превышаетъ силы одного человѣка [3]). Наполеонъ призналъ справедливость его доводовъ. Тогда онъ рѣшаетъ создать изъ голландскихъ войскъ крупную единицу и дать имъ особаго главнокомандующаго въ лицѣ Удино, герцога Реджіо; войска же, которыя придутъ изъ Булони, рѣшаетъ поручить Нею, герцогу Эльшингенскому.

Съ этого времени со всѣхъ концовъ имперіи начинаютъ притекать въ лагери Нидерландовъ наскоро обученные рекруты; они присоединяются къ старымъ солдатамъ, и, благодаря общенію съ ними, заканчиваютъ свое военное образованіе. Матеріальная часть складывается въ Ла-Ферѣ, Мецѣ, Майнцѣ, Везе-

---

[1]) Corresp., 18333.

[2]) Id. 18218, 18285.

[3]) Письмо отъ 4 ноября 1811 г. Archives nationales, AF, IV, 1656.

лѣ и Маастрихтѣ для того, чтобы два корпуса могли взять ее во время похода. То же самое происходитъ и въ Италіи. Всѣ находящіяся тамъ въ распоряженіи Наполеона военныя силы направляются къ центральному сборному пункту, устроенному у подножія Альпъ, между Брешіей и Вероной. Здѣсь, подъ начальствомъ Евгенія, устраивается третья армія, которая, по вступленіи черезъ Регенсбургъ въ Германію, должна будетъ занять мѣсто въ рядахъ колоссальной наступательной колонны. Каждый корпусъ снабжается, сообразно его особенностямъ, штабомъ, администраціей, составомъ вспомогательной службы, парками; пополняется снаряженіемъ и лошадьми. Независимо отъ пяти бригадъ легкой кавалеріи, назначенныхъ состоять при корпусахъ въ Германіи, Наполеонъ создаетъ еще восемь бригадъ, пока не давая имъ опредѣленнаго назначенія; затѣмъ создаетъ шесть дивизій тяжелой кавалеріи,— двѣ въ Ганноверѣ, одну въ Боннѣ, одну въ Майнцѣ, одну въ Эрфуртѣ и послѣднюю на Минчіо. Что касается общаго резерва арміи, онъ уже намѣченъ—имъ будетъ гвардія. Она стоитъ въ треугольникѣ между Парижемъ, Брюсселемъ и Мецомъ. Къ ней постепенно присоединяются вызываемые изъ Испаніи отряды и кадры; она растетъ и крѣпнетъ на мѣстѣ и доходитъ до полнаго и блестящаго состава. Съ вошедшими въ ея составъ гренадерами, егерями, командами вольтижеровъ, застрѣльщиковъ, фузилеровъ и развѣдчиковъ, королевскими пѣшими егерями и итальянскими батальонами, пѣхота ея уже теперь состоитъ изъ четырехъ дивизій; кавалерія—изъ двухъ; артиллерія—изъ двухсотъ восьми пушекъ [1]). Но полки не покидаютъ еще обычныхъ гарнизоновъ и мѣстъ мирныхъ стоянокъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ, подъ разными названіями, составляются всѣ части будущей великой арміи. Наполеонъ отдѣльно изготовляетъ части боевого организма и терпѣливо ждетъ того времени, когда онъ ихъ пригонитъ и спаяетъ, когда соберетъ всѣ составныя части въ одно цѣлое и превратитъ во всесокрушающій аппаратъ [2]).

Такъ какъ предыдушія войны — въ особенности, война въ

---

[1]) Corresp., 18281, 18333, 18365, 18400 и вообще всю Correspondance impériale съ августа 1811 г. до февраля 1812 г. Съ этого времени нѣтъ дня, въ который не было бы отправлено одно или нѣсколько приказаній.

[2]) Corresp., 18337, 18355—18356.

Испаніи—поглотили его лучшіе полки, онъ намѣренъ замѣнить качество количествомъ; онъ хочетъ подавить и побѣдить численностью. На всѣхъ сборныхъ пунктахъ громоздитъ онъ полкъ на полкъ и безъ устали формируетъ бригады и дивизіи изъ разношерстныхъ, силой притянутыхъ элементовъ. Онъ думаетъ, что ему все еще мало людей, что онъ не всѣхъ забралъ. Онъ хочетъ использовать самые отдаленные источники живого матеріала—посылаетъ принцу Евгенію далматовъ и кроатовъ; Удино обѣщаетъ прислать тоже кроатовъ, и назначаетъ имъ мѣсто рядомъ со швейцарскими батальонами; приказываетъ явиться въ Парижъ и дѣлаетъ смотръ двумъ полкамъ, составленнымъ изъ полудикихъ славянъ, которые незадолго до этого сражались съ турками на границахъ Австріи. Одну часть португальскихъ батальоновъ онъ отправляетъ въ Германію—другую въ Голландію. Въ разныхъ корпусахъ, то тутъ, то тамъ, появляются полки изъ страдающихъ лихорадкой испанцевъ, которыхъ вывели изъ ихъ страны и заточили въ рядахъ нашей арміи, откуда они бѣгутъ цѣлыми партіями.

Слѣдующій предметъ его заботъ—увеличеніе артиллеріи. Менѣе обычнаго разсчитывая на людей, онъ хочетъ имѣть побольше пушекъ. У него уже шестьсотъ восемьдесятъ восемь пушекъ и четыре тысячи сто сорокъ двѣ артиллерійскихъ повозки [1]), но будетъ гораздо больше. Зная, что въ Россіи крупнымъ его врагомъ будетъ природа, что ему предстоитъ съ ней страшная борьба, онъ заботится о снабженіи своихъ солдатъ всѣмъ необходимымъ для побѣды надъ нею; онъ заготовляетъ все, что нужно для устройства путей сообщенія и сокращенія разстояній, для проложенія новыхъ и приведенія въ порядокъ старыхъ дорогъ, для постройки мостовъ и устройства переправъ. Онъ доводитъ до необычайныхъ размѣровъ инженерный корпусъ; хочетъ имѣть въ своемъ распоряженіи три понтонныхъ экипажа, и для обслуживанія ихъ особый корпусъ, въ составъ котораго должны войти и гвардейскіе моряки. Онъ самъ приказываетъ заготовить для нихъ разные инструменты, поименовывая ихъ и ставя подъ номерами, чтобы ни одинъ не былъ забытъ. Благодаря его заботамъ, каждый экипажъ становится совершеннѣйшимъ и аккуратнымъ, какъ часовая пружина, механизмомъ. Чтобы вѣрнѣе обезпечить своимъ войскамъ здоровье и выносливость, что-

[1]) Corresp., 18281.

бы обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ для защиты отъ холода и непогоды, онъ дѣлаетъ для нихъ запасы разнаго рода аммуниціи—запасные комплекты одежды, бѣлья и обуви. Онъ не забываетъ заказать «двадцать восемь милліоновъ бутылокъ вина, два милліона бутылокъ водки; итого—тридцать милліоновъ бутылокъ крѣпкихъ напитковъ: этого должно хватить для всей арміи въ теченіе года» [1]). Наконецъ, для перевозки этого неимовѣрно-тяжелаго провіанта, который армія должна тащить за собой, онъ пользуется всѣми извѣстными способами транспорта и передвиженія: собираетъ громадное количество фургоновъ; изобрѣтаетъ и заказываетъ по усовершенствованному образцу новыя повозки; забираетъ тысячами ломовыхъ лошадей и цѣлыя стада быковъ, и организуетъ громадный обозъ, который долженъ слѣдовать за колоннами и вмѣстѣ съ ними погрузиться въ пучины Востока.

Никогда еще умъ его не обнималъ заразъ столько дѣлъ, не проявлялъ такой плодовитости, такого творчества. Никогда еще императоръ не соединялъ при подготовкѣ своихъ предпріятій такого утонченнаго знанія деталей съ такимъ широкимъ пониманіемъ сути дѣла, и, однако, эта-то всеобъемлющая предусмотрительность прямымъ путемъ привела его къ гибели. Какъ это ни кажется невѣроятнымъ, но въ этихъ-то излишнихъ предосторожностяхъ и заключалась его ошибка. Въ походѣ, въ которомъ могло быть такъ много случайностей, онъ ничего не хотѣлъ удѣлить на долю благодѣтельнаго случая; онъ вложилъ слишкомъ много осторожности въ свое колоссальное предпріятіе; слишкомъ много разсуждалъ о его переходящей за предѣлы благоразумія смѣлости; онъ хотѣлъ обезпечить ему успѣхъ съ математической точностью. Вслѣдствіе этого онъ такъ осложнилъ и безъ того гигантское дѣло, что оно превзошло человѣческія силы. Армія, которую онъ себѣ создалъ,—колоссальная по численности, перегруженная и переполненная разнородными элементами, сдѣлавшаяся болѣе тяжелой на подъёмъ,—съ меньшимъ успѣхомъ будетъ выполнять задачи, требующія быстроты и натиска, которыми еще такъ недавно славились его гибкія, подвижныя арміи. Она легче будетъ подвергаться вліянію неблагопріятныхъ условій войны и климата, что, можетъ быть, въ самомъ же началѣ внесло въ нее элементъ разложенія, лишило

[1]) Corresp., 18386. Cf. № 18404.

ее энергіи и силы. Одной изъ причинъ неудачи предпріятія были необычайные размѣры приготовленій и ихъ совершенство.

Двойственной, тонко-разсчитанной игрой Наполеонъ скрывалъ одни изъ этихъ приготовленій и выставлялъ на-показъ другія. Мы уже видѣли, какъ тщательно скрывалъ онъ приливъ новыхъ войскъ въ Германію, какой тайной окружалъ свои усилія помѣстить необходимые для нападенія матеріалы у самаго порога Россіи. Онъ хотѣлъ заставить повѣрить, что еще ни одной части своихъ войскъ не отдавалъ распоряженій, относящихся къ наступленію; что не намѣтилъ еще ни путей, по которымъ они должны двигаться, ни пунктовъ для нападенія. Зато онъ сознавался во всеуслышаніе, что, въ виду необъяснимаго поведенія Александра, онъ считаетъ своимъ долгомъ вооружиться; что онъ вооружается во всю; что внутри его владѣній все поставлено на ноги; что, если, въ концѣ-концовъ, дѣло дойдетъ до войны, Франція начнетъ ее съ такими средствами, какими никогда еще не располагала. «Императоръ не хочетъ войны, онъ все дѣлаетъ, чтобы избѣгнуть ея; но онъ долженъ былъ принять мѣры, чтобы не бояться ея» [1]). Вотъ что предписывается говорить его дипломатіи. Самъ онъ приводилъ цифры, которыя могли ужасающимъ образомъ подѣйствовать на воображеніе. Онъ говорилъ слушателямъ, которые, по своему положенію, могли дать широкую огласку его словамъ: «Нѣтъ! я увѣренъ, что императоръ Александръ и понятія не имѣетъ о тѣхъ силахъ, которыя я могу употребить противъ него. Зная его лично, я не могу не любить его и не отдавать справедливости его прекраснымъ качествамъ; мнѣ, по-истинѣ, обидно за него» [2]). Онъ думалъ, что, можетъ быть, этими косвенными угрозами ему удастся запугать Россію, сломить ея упрямство; что, можетъ быть, въ ту минуту, когда наши войска выступятъ въ походъ, она униженно склонится передъ ними и согласится на самыя суровыя требованія, и что, во всякомъ случаѣ, получивъ такое предостереженіе, она не такъ легко рѣшится на нападеніе и не рискнетъ явиться раньше насъ на Вислу.

Съ этой же цѣлью императоръ по-прежнему систематически закрываетъ глаза на некрасивую дѣятельность Чернышева, раз-

---

[1]) Письмо Маре къ Латуръ-Мобуру, 14 сентября 1811 г.

[2]) Разговоръ съ прусскимъ посланникомъ, переданный Чернышевымъ 12 января 1812 г. Вышеупомянутый томъ, 282.

мѣры которой, впрочемъ, не были ему извѣстны. Правда, у него было подозрѣніе, что молодой офицеръ, съ апрѣля задержавшійся въ Парижѣ, гдѣ онъ, повидимому, рѣшилъ окончательно поселиться, шныритъ около военныхъ канцелярій; но что за бѣда, если онъ на-лету схватитъ кой-какія свѣдѣнія, если узнаетъ кое-что о состояніи нашихъ войскъ, что дастъ ему смутное понятіе о колоссальности нашихъ средствъ. Свѣдѣнія, доставленныя имъ на основаніи этихъ открытій своему двору, не поощрятъ того къ рискованнымъ предпріятіямъ. Вопреки безпокойному нраву и недоумѣвающимъ минамъ Савари, Наполеонъ предоставилъ Чернышеву дѣйствовать, рѣшивъ—остановить его, когда дѣло зайдетъ слишкомъ далеко, и поймать его съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія.

Освѣдомленный, хотя и не вполнѣ, о нашихъ приготовленіяхъ, Александръ тоже не бездѣйствовалъ. По правдѣ говоря, онъ не могъ уже увеличивать своихъ войскъ, такъ какъ давно собралъ все, чѣмъ могъ располагать. Онъ только-что признался австрійскому посланнику, что его корпуса «въ полномъ составѣ» [1]). Онъ съ довѣріемъ полагался на свои арміи въ двадцать семь дивизій, которыя состояли изъ пятисотъ четырнадцати батальоновъ, четыреста девяти эскадроновъ, ста пятидесяти девяти ротъ артиллеріи и тысяча шестисотъ пушекъ [2]); «но,—говорилъ онъ,—изъ-за этого нельзя спать. Я пользуюсь временемъ, которое оставляютъ въ моемъ распоряженіи» [3]).

Онъ старался улучшить организацію военныхъ силъ, внести въ нее больше простоты и гибкости, и усиливалъ свои резервы. По его приказанію, были сдѣланы распоряженія относительно новыхъ призывовъ; готовился наборъ четырехъ человѣкъ на пятьсотъ молодежи призывного возраста. Но этихъ рекрутовъ можно было пустить противъ непріятеля только послѣ многихъ мѣсяцевъ обученія. Въ настоящее же время главный штабъ былъ занятъ размѣщеніемъ, по придуманному Фулемъ плану, находящихся въ боевой готовности войскъ. Арміи, стоявшія до сихъ поръ на границѣ одна позади другой, были соединены въ одну, съ тѣмъ, чтобы, раздѣливъ ихъ на двѣ основныхъ группы, по-

---

[1]) Onken, донесеніе Сенъ-Жюльена, опубликованное въ Приложеніи ко II тому, стр. 611 и слѣд.

[2]) Bogdanovitch, I, 37.

[3]) Onken, l o c o c i t a t o.

ставить въ одну линію. Первая группа формировалась около Вильны, за Нѣманомъ. Она должна была составить главную армію, которой предназначалось отступить къ Дриссинскому укрѣпленному лагерю и сдѣлать его центромъ сопротивленія. Непосредственное начальство надъ этимъ громаднымъ скопищемъ войскъ долженъ былъ принять на себя военный министръ Барклай-де-Толли. Вторая группа формировалась на югъ отъ Вильны, близъ Пружанъ, за Бугомъ. Задачей этой арміи было вести войну, не выбирая позицій: она должна была—постоянно тревожа непріятеля нападеніями мелкихъ отрядовъ, держа подъ угрозой его правый флангъ—изнурять французовъ незначительными стычками и внезапными нападеніями и вынуждать ихъ все время сражаться, никогда не давая имъ случая одержать побѣду. Командованіе второй арміей, предназначавшееся вначалѣ генералу Лаврову, въ концѣ-концовъ, было поручено пылкому Багратіону. Третья армія, подъ начальствомъ Тормасова, должна служить резервомъ и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ разсчитывали начать оборонительную войну, не отказываясь пока отъ мысли занять временно, въ началѣ враждебныхъ дѣйствій, герцогство Варшавское или восточную Пруссію и этимъ быстрымъ вторженіемъ разстроить планы противника [1]).

При новой группировкѣ русскія войска снова, только въ иномъ порядкѣ, вводили въ строй тѣ же двѣсти пятьдесятъ—двѣсти восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые царь мобилизовалъ въ началѣ года. Вотъ приблизительно все, что онъ могъ противопоставить нападенію, такъ какъ вынужденъ былъ держать довольно значительныя силы у границъ Персіи, на Кавказѣ, на побережьѣ Чернаго моря и въ Финляндіи. Оставалось только одно средство увеличить имѣющіяся на-лицо силы, это—кончивъ войну съ Турціей, освободить войска на Дунаѣ, которыми командовалъ Кутузовъ, и, которыхъ, несмотря на то, что отъ нихъ уже были отдѣлены нѣкоторыя части, все еще насчитывалось болѣе сорока тысячъ. Александръ дѣятельно взялся за переговоры съ Портой, стараясь поскорѣе привести ихъ къ концу, и смотрѣлъ на свой дипломатическій трудъ, какъ на необходимое дополненіе стратегическихъ мѣръ.

Чтобы понудить турокъ къ миру, царь рѣшился на новыя

---

[1]) Mémoires de Wolzogen, 77—79.

уступки. Въ январѣ и февралѣ онъ хотѣлъ добиться уступки княжествъ полностью — съ тѣмъ, чтобы бо́льшую часть ихъ отдать Австріи, надѣясь подкупить ее этимъ пожертвованіемъ. Потерпѣвъ неудачу въ Вѣнѣ, онъ отказался отъ мысли сдѣлать аферу изъ турецкихъ провинцій, и рѣшилъ вернуть туркамъ то, что предлагалъ австрійцамъ, т. е. всю Валахію и часть Молдавіи, сохраняя, однако, за собой Бессарабію и часть молдавской территоріи, лежащей между Прутомъ и Серетомъ. Рѣшивъ вести переговоры на этихъ основахъ, царь сталъ искать посредника, который могъ бы частнымъ путемъ довести до свѣдѣнія Порты о его уступкахъ, который заставилъ бы оцѣнить ихъ значеніе и, такимъ образомъ, подготовилъ бы и устроилъ соглашеніе. Ему пришла мысль обратиться къ Англіи. Предвидя свое сближеніе съ ней, онъ тайными путями просилъ ее уже теперь смотрѣть на него, какъ на союзника, и оказать ему услугу въ Константинополѣ, гдѣ Поццо ди-Борго уже цѣлый годъ трудился надъ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти ему доброе расположеніе британской миссіи. Лондонскій кабинетъ собирался аккредитовать при султанѣ, вмѣсто простого повѣреннаго въ дѣлахъ, посланника—Листона. По просьбѣ Александра, Листону поручено было передать Портѣ и поддержать предъ ней предложенія Россіи [1]). Онъ долженъ былъ прибыть къ мѣсту своего назначенія въ концѣ октября. Предполагалось, что въ это время можно будетъ начать переговоры, которые, какъ надѣялись, должны были привести къ желаемому результату и освободить царя отъ несвоевременной, отвлекающей его силы, войны. Кромѣ того, миръ съ турками имѣлъ бы и ту выгоду, что далъ бы возможность улучшить отношенія съ Австріей и позволилъ бы, быть можетъ, добиться отъ Австріи если и не содѣйствія, на которое нельзя уже было разсчитывать, то строго-гарантированнаго нейтралитета.

Догадываясь, что главныя усилія русской дипломатіи направлены на Востокъ, Наполеонъ старался помѣшать ей. Съ 14 сентября онъ приказываетъ внушать туркамъ, что примиреніе съ врагомъ при настоящихъ условіяхъ было бы непростительной

---

[1]) Объ этомъ фактѣ Александръ лично упомянулъ въ разговорѣ съ шведскимъ посломъ Левенхильмомъ. Неизданная корреспонденція Левенхильма, мартъ—май 1812 г. Archives du royaume de Suède.

слабостью, ибо помощь близка. Не говоря еще имъ о неизбѣжномъ разрывѣ съ Александромъ, онъ предоставляетъ имъ думать объ этомъ. «Если—пишетъ Маре́ Латуръ-Мобуру, —Диванъ убѣжденъ, что война будетъ имѣть мѣсто, и, если, исходя изъ этой мысли онъ и самъ сдѣлаетъ новое усиліе энергично продолжать войну— не разрушайте его намѣреній и предоставьте ему думать все, что можетъ придать бо́льшую энергію его военнымъ операціямъ». 21 сентября Латуръ-Мобуръ получилъ предписаніе возобновить высказанную еще весной просьбу прислать во Францію турецкаго уполномоченнаго съ порученіемъ начать переговоры «о соглашеніи и о согласованіи военныхъ операцій».

Чтобы сгладить малѣйшіе слѣды разлада, Наполеонъ не пренебрегаетъ даже низменными средствами. Пока онъ дружилъ съ Александромъ, онъ не считалъ нужнымъ отвѣчать на письмо, которымъ султанъ Махмудъ извѣстилъ его о своемъ восшествіи на престолъ, и такое пренебрежительное невниманіе нанесло мусульманской гордости жгучую обиду. Теперь онъ приказалъ написать Латуръ-Мобуру, что, если въ Константинополѣ заговорятъ съ нимъ объ этомъ инцидентѣ, пусть онъ скажетъ, что императоръ отвѣтилъ на посланіе султана; что онъ писалъ ему изъ Вѣны во время послѣдней кампаніи, но что, безъ сомнѣнія, письмо попало въ руки враговъ или затерялось во время безпорядковъ, неизбѣжныхъ во время крупной войны. Въ подтвержденіе этой небылицы повѣренный въ дѣлахъ представитъ дубликатъ будто бы затерявшагося письма, т. е. бумагу, которую на этотъ случай пришлютъ ему изъ Парижа. Въ копіи никогда не существовавшаго оригинала императоръ старается соблюсти всѣ требованія восточной фразеологіи. Онъ говоритъ Махмуду: «Молю Всевышняго, великій, всемудрый, всемогущій, благороднѣйшій и непобѣдимый властелинъ, дражайшій и наисовершеннѣйшій нашъ другъ, да продлитъ Онъ дни Вашего Высочества, да преисполнитъ ихъ славой и благоденствіемъ и ниспошлетъ благое завершеніе всѣмъ дѣламъ вашимъ» [1]); затѣмъ, онъ выражаетъ пожеланіе, чтобы союзъ обѣихъ имперій, «который былъ дѣломъ столѣтій», снова сталъ нерушимымъ.

Имѣя намѣреніе возобновить переговоры съ Австріей, Пруссіей и Швеціей, онъ, однако, не торопился приступать къ нимъ,

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Turquie, 222.

ибо все еще опасался, чтобы оформленные союзы, которые трудно будетъ скрыть, не предупредили Россію о его враждебныхъ планахъ. Рѣшивъ въ принципѣ оттянуть до января 1812 г. заключеніе союзовъ съ обоими нѣмецкими дворами, онъ даже не возобновлялъ съ ними разговора объ этомъ. Съ Австріей онъ остановился на тѣхъ словахъ, которыми обмѣнялся съ ней еще въ началѣ года; Пруссіи же по-прежнему запрещалъ приступать къ вооруженіямъ, хотя бы это дѣлалось и въ его пользу. Онъ сурово приглашалъ ее не навлекать на себя вниманія какимъ-либо необдуманнымъ поступкомъ, и не позволялъ ей—слабой и униженной, вмѣшиваться въ ссору сильныхъ міра сего. Что же касается Швеціи, увлеченій которой онъ съ каждымъ днемъ боялся все болѣе, то къ ней онъ хотѣлъ обратиться только въ послѣднюю минуту. Узнавъ, что Бернадотъ не перестаетъ, на всякій случай, заблаговременно собирать войска, онъ осуждалъ эти мѣры и властно давалъ совѣтъ прекратить сборы [1]). Онъ хотѣлъ, чтобы никто, отъ Балтики и до Дуная, не шевелился безъ его приказанія. Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Стокгольмѣ должны терпѣливо ждать, когда ему благоугодно будетъ приказать ихъ; тамъ не должны искать случая предупреждать его желанія, не должны возбуждать въ Петербургѣ тревоги несвоевременнымъ усердіемъ. Но его система предательскаго вниманія къ Россіи подготовила ему серьезныя разочарованія, и, весьма вѣроятно, что она-то и создала тѣ недоразумѣнія, которыя присущи плохо-подготовленнымъ союзамъ. Если Австрія и была относительно спокойна, зато остальныя два государства не на шутку волновались—одно, увлекаемое честолюбіемъ и тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, другое—страхомъ, и оба находили, что уже не въ состояніи ждать дольше. Умышленное бездѣйствіе нашей политики, ея разсчитанная медлительность уже оттолкнули отъ насъ Швецію, которая опять начинаетъ уходить изъ нашей орбиты; въ недалекомъ же будущемъ они подвергнутъ насъ опасности потерять и Пруссію.

II.

Послѣ задержки въ переговорахъ, начатыхъ весной со Швеціей, когда Наполеонъ предложилъ Финляндію тому, кто про-

[1]) Corresp., 17916.

силъ у него Норвегію, Бернадотъ нѣсколько разъ, намеками, заводилъ разговоръ о предметѣ своихъ мечтаній. Но, такъ какъ императоръ по-прежнему оставался глухъ къ его просьбамъ, онъ замолчалъ. Почти отчаявшись добиться отъ Франціи предмета своихъ тайныхъ желаній, прекрасно сознавая, что Наполеонъ никогда не позволитъ диктовать себѣ условій союза, и даже считая себя, на основаніи этого, непризнаннымъ и забытымъ, онъ мало-по-малу вернулся къ мысли, вполнѣ отвѣчавшей его чувствамъ затаенной злобы къ императору,—къ мысли просить Норвегію у царя и въ вознагражденіе за это предложить Россіи свой союзъ.

Въ это время одно событіе интимнаго характера поспособствовало его отчужденію отъ Франціи. Наслѣдная принцесса собиралась его покинуть, такъ какъ не могла привыкнуть къ жизни въ странѣ, гдѣ должна была царствовать. «Ея Высочество погибаетъ отъ скуки»,—писалъ одинъ дипломатъ [1]). Въ Стокгольмѣ она не сумѣла ни понравиться, ни найти себѣ занятій. Днемъ она только и дѣлала, что дулась на всѣхъ окружающихъ, а вечера, которые придворныя дамы, храня старый обычай, проводили за прялкой въ тихой бесѣдѣ, казались ей невыносимо длинными. Единственнымъ ея развлеченіемъ было общество одной французской дамы, ея оберъ-гофмейстерины и наперсницы, мадамъ де-Флоттъ, которая скучала еще больше, и причитанія которой окончательно портили ей настроеніе. Сверхъ того, между нею и королевской четой происходили постоянные нелады и столкновенія. Молодая женщина никакъ не могла понять, что могъ существовать на свѣтѣ дворъ, при которомъ не было принято, во всемъ, что касается времяпрепровожденія и образа жизни, вплоть до назначенныхъ для завтрака и обѣда часовъ, держаться парижской моды, и это, вмѣстѣ съ насиліемъ, которое заставляли ее дѣлать надъ ея вкусами и привычками, довело ее до того, что она возненавидѣла жизнь въ Стокгольмѣ [2]). Въ концѣ-концовъ, не будучи въ силахъ переносить долѣе этой жизни, она рѣшила, сославшись на разстроенное здоровье, уѣхать, и, объявивъ о желаніи полѣчиться въ Пломбіерѣ, отправилась на лѣтній сезонъ во Францію. Этому сезону сужъ-

---

[1]) Алькіеръ Шампаньи, 20 марта 1811 г.

[2]) Переписка Тарраша, 31 мая.

дено было тянуться двѣнадцать лѣтъ [1]). Лишивъ Бернадота подруги, которая была воплощеннымъ сигналомъ, призывавшимъ его къ родинѣ, это событіе окончательно отдало его во власть враждебныхъ намъ вліяній.

Несмотря на то, что его мысли опять начали направляться въ сторону Россіи, эта перемѣна не обнаруживалась пока никакими внѣшними проявленіями. Его политика, попавъ въ водоворотъ двухъ оспаривавшихъ ее другъ у друга теченій, по внѣшности оставалась все той же. Можно было думать, что въ это время его главнымъ занятіемъ было культивировать свою популярность. Никогда еще не былъ онъ такъ ласковъ въ обращеніи, никогда не прилагалъ такихъ усилій возвести привѣтливость въ систему. Чтобы смягчить непріятное впечатлѣніе, произведенное на дамъ высшаго свѣта отъѣздомъ принцессы, онъ принялся ухаживать за всѣми дамами, стараясь своимъ вниманіемъ загладить пренебрежительное отношеніе своей жены, и былъ любезенъ за двоихъ [2]). Онъ по-прежнему объѣзжалъ провинціи и не упускалъ случая подвергать рискованнымъ испытаніямъ свой престижъ. Если гдѣ-нибудь вспыхивали безпорядки, онъ тотчасъ же мчался туда, и при его появленіи все успокаивалось. По собственному его выраженію, онъ подавлялъ и усмирялъ возстанія «своимъ, подобнымъ грому и молніи, краснорѣчіемъ» [3]).

Возвращаясь послѣ этихъ подвиговъ въ замокъ Дроттнингольмъ, гдѣ дворъ проводилъ лѣто, онъ «былъ отрадой» [4]) стараго короля, къ сѣдинамъ котораго относился съ глубокимъ почтеніемъ; королева же была отъ него безъ ума. Его пылкая фантазія и удивительныя рóзсказни забавляли всѣхъ; его присутствіе вносило веселье и оживленіе во дворецъ, гдѣ доселѣ царили благородство и холодъ и «гдѣ теперь вся жизнь, съ утра до вечера, проходитъ среди общества» [5]). Но подъ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ, можно даже сказать жизнерадостнымъ настроеніемъ принца, съ каждымъ днемъ все сильнѣе бурлилъ его вѣчно-безпокойный, напряженно-работавшій умъ. Обманутыя надежды

---

[1]) См. сочиненіе барона Hoschild'a: Désirée, reine de Suède e de Norvège, стр. 62.

[2]) Переписка Тарраша, 7 іюня.

[3]) Алькіèръ Маре́, 25 іюня 1811.

[4]) Переписка Тарраша, 19 іюня.

[5]) Id.

ожесточили его противъ Франціи; онѣ внѣдрили въ него чувства такой горькой обиды, такой злобы, которыя рано или поздно должны были прорваться наружу.

Правда, пока еще онъ былъ сдержанъ съ нашимъ посломъ; болѣе того, старался въ обращеніи съ нимъ превзойти самого себя въ предупредительности. Онъ предложилъ барону Алькіѣру дачу близъ Дроттнингольма—для того, говорилъ онъ, чтобы быть сосѣдями и чаще видѣться. Онъ часто бывалъ у него и однажды напросился къ нему на обѣдъ. Это посѣщеніе, во время котораго царили веселье и полное единодушіе, произвело сенсацію въ стокгольмскомъ обществѣ [1]). Но эти знаки вниманія злостнаго притворщика, которыми ему удалось, наконецъ, ослѣпить и привлечь на свою сторону французскаго посланника, были только средствомъ усыпить бдительность Алькіѣра и заставить его закрыть глаза на совершавшіяся повсюду нарушенія постановленій о блокадѣ.

Не ожидая уже отъ Франціи крупной подачки, Бернадотъ твердо рѣшилъ не насиловать, въ угоду намъ, интересовъ и жизненныхъ потребностей своего народа. Дѣйствительно, несмотря на сто разъ данныя обѣщанія, ни одна серьезная мѣра противъ англійской торговли не была принята. Если зимой, благодаря прекращенію навигаціи, и пріостановились на время сношенія, зато при наступленіи весны, когда вскрылось Балтійское море, заключеніе запрещенныхъ сдѣлокъ снова облегчилось: для нихъ открылось свободное поле, и, по крайней мѣрѣ, въ двадцати прибрежныхъ пунктахъ открыто заработала контрабанда. Швеція съ каждымъ днемъ становилась болѣе доступной, болѣе проницаемой для англійскихъ продуктовъ, которые, протекши по ней, вливались въ Россію и затѣмъ растекались по Германіи. Англія и Швеція, офиціально находившіяся въ войнѣ, не обмѣнялись за все время ни однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Британская эскадра, совершавшая свое обычное ежегодное плаваніе въ Балтійскомъ морѣ, находила на шведскихъ островахъ всякаго рода содѣйствіе; она спокойно отдыхала и запасалась провіантомъ. Между нею и крупнымъ портомъ Готенбургомъ, вблизи котораго она по преимуществу крейсировала, были странныя по своей близости отношенія: жители города, безъ всякаго стѣсненія, посѣщали эскадру; англійскіе офицеры сходили на берегъ, и, являясь въ городъ,

---

[1]) Id.

даже не считали нужнымъ снять форму. Все это указывало на близкую связь шведскихъ властей съ нашими врагами или, по меньшей мѣрѣ, на возмутительную терпимость.

Узнавъ объ этихъ фактахъ, Наполеонъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ свое неудовольствіе. Правда, онъ никогда не ждалъ отъ Швеціи примѣрнаго послушанія, но теперь, по его мнѣнію, ея неповиновеніе переходило всякія границы. «Этотъ дворъ заходитъ слишкомъ далеко», написалъ онъ на поляхъ одного донесенія [1]). На глазахъ императора было написано нѣсколько нотъ, адресованныхъ шведскому повѣренному въ дѣлахъ. Онѣ были составлены въ суровомъ и рѣзкомъ тонѣ; въ нихъ вкратцѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ, излагались наши обиды, и предъявлялось требованіе «загладить прошлое и дать гарантію за будущее» [2]). Помимо жалобъ на сношенія съ врагомъ, въ нихъ приносилась жалоба на насиліе, учиненное надъ французскими матросами въ Помераніи. Нужно сказать, что этотъ уголокъ, гдѣ Англія могла сдѣлать высадку въ Германію, привлекалъ исключительное вниманіе императора. Впрочемъ, несмотря на всю горечь фразъ, въ которыхъ онъ выражалъ свое неудовольствіе, онъ позаботился соблюсти извѣстную мѣру. Непреклонно придерживаясь своей системы, ревниво оберегая свои права, онъ, конечно, не закрывалъ глазъ на постоянныя нарушенія блокадной системы, но, при всемъ томъ, не хотѣлъ порывать со Швеціей, дабы окончательно не оттолкнуть ее отъ себя и сохранить за собой возможность въ нужное время воспользоваться ею и направить противъ Россіи. Поэтому, даже въ припадкахъ гнѣва, онъ не давалъ себѣ воли и избѣгалъ доводить отношенія между обоими дворами до непоправимаго разлада.

Къ несчастью, императорскій посланникъ въ Стокгольмѣ, который вдругъ прозрѣлъ и отрекся отъ своего оптимизма, не счелъ нужнымъ подражать относительной сдержанности императора. Слуга оказался строже и требовательнѣе своего повелителя. Когда Алькіѣръ изъ донесеній консуловъ и другихъ многочисленныхъ источниковъ узналъ, что его водили за носъ; когда онъ установилъ внѣ всякихъ сомнѣній, что законы блокады всюду нагло нарушаются, его гнѣвъ былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже было его заблужденіе. Взбѣшенный тѣмъ, что его дурачили, какъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Suède, 296.

[2]) Нота отъ 19 іюля 1811 г. Archives des affaires étrangères, Suède, 296.

малаго ребенка, онъ сдѣлалъ изъ нашихъ препирательствъ со Швеціей предлогъ для личной ссоры. Не довольствуясь тѣмъ, что рѣзкой перемѣной въ обращеніи, невѣжливымъ и грубымъ обхожденіемъ далъ почувствовать свой гнѣвъ и презрѣніе, онъ пошелъ еще дальше и самовольно рѣшился на шагъ исключительной важности. Не получивъ ни предписанія, ни полномочій отъ своего правительства, онъ составилъ и отправилъ барону Энгештрёму ноту, вѣрнѣе сказать, яростное посланіе, въ которомъ излагалъ и обсуждалъ наши обиды съ ядовитостью, совершенно не свойственной дипломатическому тону. Въ своемъ обвинительномъ актѣ онъ не удовольствовался указаніемъ на плутни и ложь нынѣшнихъ правителей Швеціи; онъ обвинилъ ихъ въ измѣнѣ народнымъ интересамъ и пророчилъ имъ самую ужасную участь. Онъ говорилъ, что ужасная революція была карой за ошибки ихъ предшественниковъ, и что теперешній возвратъ къ «жалкой политикѣ» неминуемо «поставитъ шведское правительство въ то же положеніе, которое недавно вызвало крушеніе короля Густава» [1]).

Ни одинъ человѣкъ съ характеромъ, ни одинъ министръ, думающій о національномъ достоинствѣ, не потерпѣлъ бы такихъ угрозъ. Энгештрёмъ, стряхнувъ съ себя присущія ему благодушіе и плаксивость, отвѣтилъ на оскорбленіе оскорбленіемъ. На французское бранное посланіе онъ отвѣтилъ нотой, въ которой жестоко напалъ на нашего посланника, и, въ самыхъ безпощадныхъ выраженіяхъ, обвинялъ его въ намѣреніи поссорить оба двора, чтобы получить возможность покинуть столицу, которая ему не по вкусу. «Климатъ нашей страны,—писалъ онъ ему,— можетъ быть, и вреденъ для васъ; вы можете питать надежды на другое назначеніе; но было бы безчестно вызывать ваше перемѣщеніе бездоказательными утвержденіями... Тѣ, у кого, можетъ быть, имѣется преступная мысль вызвать раздоръ, въ концѣ-концовъ, всегда будутъ выведены на свѣжую воду». Въ заключеніе онъ выразилъ протестъ противъ посланія, которое «своими нападками на честь націи представляетъ образецъ неслыханнаго попранія человѣческихъ правъ» [2]).

По полученіи такого отвѣта Алькіѣръ не помнилъ себя отъ негодованія и гнѣва. Онъ отказался принять шведскую ноту.

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Suède, 296.
[2]) Id.

вернулъ ее ея автору и порвалъ съ нимъ всякія сношенія. Нѣсколько дней спустя, 25 августа, онъ рѣшилъ объясниться съ наслѣднымъ принцемъ. Тотъ не отказалъ ему. Бернадотъ самъ искалъ случая сказать представителю Франціи все, что у него накопилось на душѣ; самъ хотѣлъ громко заявить о своихъ обидахъ. Свиданіе этихъ двухъ людей, въ одинаковой степени зараженныхъ страстями и ненавистью, неизбѣжно должно было привести къ жестокому столкновенію. Это была встрѣча двухъ грозовыхъ тучъ.

Впрочемъ, разговоръ начался въ довольно мягкомъ тонѣ. Бернадотъ согласился, что отвѣтъ Энгештрёма былъ грубъ. Сверхъ всякаго ожиданія, онъ даже признался, что на мѣстѣ Алькіѣра поступилъ бы точно такъ же, т. е. отказался бы принять бумагу; но, вслѣдъ за тѣмъ, въ ѣдкихъ выраженіяхъ, началъ жаловаться на консуловъ и вообще на французскихъ агентовъ, назначенныхъ состоять въ Швеціи. По его словамъ, среди этихъ лицъ, «пропитанныхъ страстями и клеветой», нѣтъ ни одного, который бы не старался, по мотивамъ, въ которыхъ далеко не всегда можно признаться, внести отраву въ обсужденіе спорныхъ вопросовъ, который бы не старался сдѣлать отношенія болѣе натянутыми и даже его самого очернить въ глазахъ императора; что отъ нихъ-то и идетъ всякое злословіе, отъ котораго онъ такъ страдаетъ; что они не даютъ ему ни минуты покоя и сдѣлали ему жизнь невыносимой. «Удивительно, сказалъ онъ, что послѣ столь крупныхъ услугъ, оказанныхъ этой самой Франціи, мнѣ приходится постоянно жаловаться на ея агентовъ».

Въ свою очередь Алькіѣръ тоже началъ горячиться. Въ концѣ-концовъ, онъ сказалъ: «Странно, Ваше Высочество, что вы жалуетесь на эту самую Францію. Если вы ей хорошо служили, то, какъ мнѣ кажется, она васъ и вознаградила хорошо. Осмѣлюсь теперь спросить васъ: что вы сдѣлали для нея со времени пріѣзда въ Швецію? Усилилось ли вліяніе Франціи благодаря вашему возвышенію? Какое доказательство участія и преданности дали вы императору въ теченіе почти цѣлаго года?... Вы расточаете всѣ средства, которыя даетъ ваша страна, англичанамъ, и ничего не пожелали сдѣлать въ пользу Франціи».

Въ отвѣтъ на это Бернадотъ попробовалъ сначала, правда, не особенно энергично, защитить свое поведеніе. Но вдругъ, точно сочтя ниже своего достоинства оправдываться и высказывая все,

что было у него на душѣ, онъ воскликнулъ: «Я ничего не сдѣлаю для Франціи до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что намѣренъ сдѣлать императоръ для меня; я только тогда открыто приму его сторону, когда онъ свяжетъ себя съ нами договоромъ; тогда я исполню свой долгъ. Впрочемъ, я вижу награду и нахожу утѣшеніе въ тѣхъ чувствахъ, какія питаетъ ко мнѣ шведскій народъ. Воспоминаніе о только-что сдѣланномъ мною путешествіи никогда не изгладится изъ моего сердца. Знайте, милостивый государь, что толпы народа хотѣли выпрячь лошадей изъ моей кареты, чтобы самимъ везти ее. При такомъ доказательствѣ его любви, я чуть не лишился чувствъ. У меня едва хватило силъ сказать лицамъ моей свиты: «Но, Боже мой! Что сдѣлалъ я, «чтобы заслужить восторженную любовь этой націи? Что же «сдѣлаетъ она для меня, когда будетъ обязана мнѣ своимъ «счастьемъ?» Я видѣлъ непобѣдимыя войска; ихъ «ура» неслось до самыхъ облаковъ; они производили маневры съ бо́льшей точностью и быстротой, чѣмъ французскіе полки. Это такія войска, съ которыми мнѣ не нужно будетъ дѣлать ни одного выстрѣла, которымъ придется только скомандовать: «Впередъ, маршъ!»—и эти массы, эти колоссы все опрокинутъ на своемъ пути».

«— А! Это ужъ слишкомъ,—прервалъ его Алькіѣръ;—если когда-нибудь эти войска встрѣтятся съ французскими корпусами, все-таки имъ придется оказать намъ честь и выпустить нѣсколько зарядовъ; ибо, безъ сомнѣнія, они не такъ-то легко опрокинутъ насъ, какъ это вамъ кажется».—*Бернадотъ*: «Я прекрасно знаю, что говорю: я сдѣлаю изъ шведскихъ войскъ то же, что сдѣлалъ изъ саксонцевъ, которые, подъ моей командой, были лучшими солдатами въ послѣднюю войну».

Не возражая на этотъ возмутительный вздоръ, Алькіѣръ намекнулъ на безполезность для Швеціи приступать въ настоящее время къ вооруженіямъ. «Напротивъ,—сказалъ ему принцъ,—я твердо рѣшилъ собрать новыя войска. У Даніи сто тысячъ подъ ружьемъ, и я не поручусь, что у нея нѣтъ какихъ-нибудь плановъ противъ меня. Да и помимо того, я долженъ предохранить себя отъ задуманнаго императоромъ во время свиданія въ Эрфуртѣ плана раздѣла Швеціи между Даніей и Россіей». Онъ прибавилъ, что это свѣдѣніе было ему сообщено изъ Петербурга «женщинами, которыя все знали и обо всемъ ему пи-

сали...»—«Но я сумѣю защищаться, восторженно заговорилъ онъ. *Онъ* хорошо знаетъ меня. Хорошо знаетъ и то, что у меня есть средства для этого. Англичане попробовали быть со мной требовательными; и что же! я пригрозилъ имъ, что пущу сто каперскихъ судовъ въ море, и они тотчасъ же понизили тонъ».

Это бахвальство было только началомъ, за нимъ послѣдовала выходка, которая, по своей необычайности, превзошла все остальное. «Впрочемъ,—сказалъ принцъ,—каковы бы ни были у меня причины жаловаться на Францію, я, тѣмъ не менѣе, готовъ при случаѣ все сдѣлать для нея; хотя мои подданные, которыхъ я только-что видѣлъ, только и просили меня о сохраненіи мира, какой бы то ни было цѣной. Они просили меня устранить всякій поводъ къ войнѣ и не воевать—даже ради возвращенія Финляндіи, про которую они мнѣ говорили, что не желаютъ ее. Но, милостивый государь, пусть меня не унижаютъ; я не хочу быть униженнымъ; я скорѣе предпочту во-главѣ моихъ гренадеръ пойти навстрѣчу смерти; по моему, лучше всадить себѣ кинжалъ въ грудь, броситься внизъ головой въ море, или сѣсть верхомъ на пороховую бочку и взлетѣть на воздухъ!»

Въ то время, какъ принцъ, свирѣпо вращая глазами, несъ эту чепуху, открылась дверь въ кабинетъ. Его двѣнадцатилѣтній сынъ переступилъ порогъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Замѣтивъ его приходъ,—можетъ быть, и заранѣе подготовленный — Бернадотъ увидѣлъ въ этомъ случай разыграть бьющую на эффектъ сцену. Онъ бросился къ ребенку и, схвативъ его, произнесъ съ театральнымъ жестомъ: «Вотъ мой сынъ. Онъ послѣдуетъ моему примѣру. Не такъ ли, Оскаръ?—Да, папа.—Дай, я тебя обниму: ты, поистинѣ, мой сынъ!» Алькіѣръ прибавляетъ въ своемъ донесеніи: «Во время этой, столь пошлой, столь безумной, сцены, до крайности взволнованный принцъ былъ совсѣмъ какъ шальной. Я неоднократно пытался удалиться, но онъ каждый разъ удерживалъ меня. Наконецъ, когда я уже добрался до двери кабинета, онъ сказалъ мнѣ: «Я требую отъ васъ обѣщанія, что вы дадите императору «точный отчетъ о нашемъ разговорѣ.—Обѣщаю, если этого не «премѣнно желаетъ Ваше Королевское Высочество». Въ предъ-дущихъ строкахъ—заканчиваетъ Алькіѣръ—я и сдѣлалъ это, все-

милостивѣйшій государь, и прошу Ваше Превосходительство вѣрить, что точно сдержалъ данное слово» [1]).

Но, можетъ быть, послѣднія слова принца были только угрозами отчаяннаго хвастуна? Можетъ быть, вопреки выраженному имъ желанію, Бернадотъ надѣялся, что Алькіѣръ скроетъ часть разговора и не выставитъ его въ припадкѣ изступленія и гнѣва? А, можетъ быть, онъ даже питалъ безумную надежду—угрозой, насилуя волю императора, вырвать у него обѣщаніе крупнаго территоріальнаго вознагражденія; разсчитывалъ получить въ подарокъ Норвегію, которой ему приходилось ждать такъ долго? Какъ бы то ни было, его повторные намеки не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно первоисточника его озлобленія, которое и довело его до такого приступа безумнаго бѣшенства. Конечно, его немало раздражали и наши требованія, относящіяся къ торговлѣ съ Англіей, и придирки Алькіѣра, но главной причиной озлобленія было пренебрежительное молчаніе, которымъ императоръ отвѣчалъ на всѣ его просьбы и заискиванія, и, въ особенности, манера смотрѣть на него, какъ на человѣка, недостойнаго ни довѣрія, ни вниманія. Эта манера императора не только уязвляла его самолюбіе, но и наносила тяжкій ударъ его вожделѣніямъ. Онъ упрекалъ Францію, главнымъ образомъ, не за то, что она слишкомъ много требовала, а за то, что до сихъ поръ ничего не хотѣла дать. Его ярость была яростью выпровоженнаго за двери просителя, или, по меньшей мѣрѣ, просителя, просьба котораго отложена на неопредѣленное время.

Въ происшедшемъ въ Стокгольмѣ скандалѣ Наполеонъ сумѣлъ выдѣлить долю отвѣтственности каждаго лица. По его мнѣнію, Энгештрёмъ въ своей нотѣ и Бернадотъ своими словами нарушили всѣ правила приличія; Алькіѣръ же своимъ невозможнымъ поведеніемъ вызвалъ ихъ на это, такъ какъ не они, а онъ началъ завершившійся скандаломъ споръ. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ не захотѣлъ ни публично отречься отъ своего посланника, ни подвергнуть его опалѣ; ибо въ нотѣ шведскаго мини-

---

[1]) Алькіѣръ Маре́, 26 августа 1811 г. Эта депеша посвящена отчету о разговорѣ и выводамъ, которые дѣлаетъ изъ него нашъ министръ. Нѣкоторыя выдержки изъ нея были приведены и анализированы Bignon'омъ, X, 177—179; Geffroy, Revue des deux Mondes du 1-er novembre 1855, и Thiers'омъ, XIII, 217—219.

стра его побужденія были истолкованы превратно. Однако, сознавая, что пребываніе Алькіѣра въ Стокгольмѣ сдѣлалось невозможнымъ, онъ тотчасъ же, не вступая въ объясненія, убралъ его. По полученіи донесенія о состоявшемся 25 августа разговорѣ, герцогъ Бассано послалъ барону съ обратнымъ курьеромъ предписаніе: сдать все повѣренному въ дѣлахъ; уложить свои пожитки; оставить постъ, не испрашивая аудіенціи и никому не дѣлая прощальныхъ визитовъ; переправиться черезъ Зундъ и перемѣнить стокгольмское посольство на копенгагенское. Этимъ переводомъ давалось нѣкоторое удовлетвореніе Швеціи, которой, въ лицѣ одного изъ ея министровъ, нанесено было оскорбленіе.

Что же касается Бернадота, то, какъ ни надоѣли императору его выходки, какъ ни былъ онъ ему противенъ, онъ оставилъ безъ вниманія его слова, признавъ его недостойнымъ своего гнѣва. Онъ ограничился тѣмъ, что предоставилъ его его одиночеству, и отвернулся отъ него, какъ отъ человѣка непослѣдовательнаго, увлекающагося вздорными идеями, страдающаго маніей честолюбія и гордости. Онъ приказалъ повѣренному въ дѣлахъ, Сабатье де-Кабръ, держаться системы, которую тщетно предписывалъ Алькіѣру, и которая состояла въ томъ, чтобы избѣгать съ принцемъ разговоровъ о политикѣ. Нѣсколько недѣль спустя, повторяя въ еще болѣе категорической формѣ свое предписаніе, онъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ: «Въ инструкціяхъ повѣренному въ дѣлахъ вы скажете, что я запрещаю ему говорить съ наслѣднымъ принцемъ; что, если принцъ пошлетъ за нимъ, онъ долженъ отвѣтить, что ему поручено вести переговоры съ министромъ. Онъ долженъ хранить съ принцемъ полнѣйшее молчаніе, даже не открывать рта. Но, если принцъ позволитъ себѣ разразиться противъ Франціи угрозами,—какъ это уже и случилось однажды,—тогда повѣренный въ дѣлахъ долженъ сказать, что онъ не для того пришелъ, чтобы выслушивать подобныя оскорбленія, и тотчасъ же удалиться» [1]).

Бернадотъ не далъ случая де-Кабру заходить такъ далеко. Онъ сдѣлалъ ему нѣсколько легкихъ намековъ по поводу возможнаго улучшенія отношеній и по поводу дара, который могъ бы успокоить его относительно намѣреній императора. Конечно, намеки эти остались безъ отвѣта. Впрочемъ, можно думать,

---

[1]) Corresp., 18233.

что и самъ онъ не придавалъ имъ существеннаго значенія; они указываютъ только на то, что у автора ихъ бывали минуты колебанія. Дѣйствительно, въ это время взоры его были уже устремлены на Александра. Не заводя пока съ нимъ разговора по существу, не говоря еще о союзѣ, онъ дарилъ его многообѣщающими улыбками и съ каждымъ днемъ все больше ласкалъ его посла [1]). Такимъ образомъ, онъ снова открывалъ себѣ дорогу въ Петербургъ, и, чтобы открыто броситься въ этомъ направленіи, ждалъ только какого-нибудь весьма возможнаго со стороны императора насилія, которое послужило бы ему оправданіемъ въ глазахъ его будущихъ подданныхъ и устранило остатки колебаній націи.

Отъ Наполеона не ускользнула эта перемѣна въ направленіи; но онъ не придалъ ей надлежащаго значенія. Онъ упорно держался своего заблужденія, и по-прежнему думалъ, что для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи Швецію, ему нѣтъ надобности сговариваться съ принцемъ; что, когда придетъ моментъ великаго событія, она сама явится къ нему; что тогда «надежда отвоевать Финляндію подниметъ всю націю, вопреки намѣреніямъ правительства» [2]); что тогда Бернадоту останется только подчиниться и, вопреки своему желанію, сдѣлаться орудіемъ національной идеи. Словомъ, Наполеонъ воображалъ, что, хотя теперь—при условіяхъ борьбы съ Англіей—шведы настроены противъ него, они перейдутъ на его сторону, когда дѣло коснется войны съ Россіей, лишь бы не помѣшать такому обороту дѣла слишкомъ рѣзкимъ разрывомъ. Вотъ почему, въ официальныхъ сношеніяхъ съ ихъ правительствомъ, онъ вѣчно переходилъ отъ строгости къ долготерпѣнію и обратно. Иногда, когда поступки шведовъ указываютъ на ихъ безстыдное пристрастіе къ дѣлу Англіи, къ торговлѣ съ нею, онъ начинаетъ терять терпѣніе; начинаетъ думать о строгомъ наказаніи; думаетъ отдать приказъ занять Померанію—мѣсто, гдѣ на виду у всѣхъ нарушаются его повелѣнія; онъ хочетъ выпустить убійственныя ноты съ объявленіемъ провинціи на военномъ положеніи [3]); но, вслѣдъ затѣмъ, одумывается, подавляетъ свою досаду, даетъ копиться

---

[1]) См. депеши русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, барона Николаи; архивы Воронцова, т. XXII, стр. 427 и слѣд.

[2]) Маре Алькіеру, 17 іюля 1811 г.

[3]) Corresp., 18233.

своимъ обидамъ, сохраняя за собой право позднѣе представить ихъ гуртомъ, дабы въ тотъ моментъ, когда будетъ предлагать шведамъ союзъ и обѣщать Финляндію, потребовать отъ нихъ, въ возмѣщеніе этихъ обидъ, права занять Померанію и самому охранять ее. Вотъ почему его ссора со шведами не переходила въ открытый разрывъ, не усиливала явно осложненій настоящаго времени и проходила почти незамѣтной. Иначе было дѣло съ кризисомъ, внезапно вспыхнувшимъ въ Германіи. Тамъ, все время, безъ умолку, раздавалось бряцаніе оружіемъ; оно усиливалось съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, повергло въ страхъ и смятеніе Европу, вслѣдствіе того, что обезумѣвшая отъ ужаса Пруссія, вообразивъ себѣ, что императоръ намѣревается посягнуть на ея существованіе, вдругъ порывисто поднялась и бросилась къ оружію. Она точно съума сошла отъ воинственнаго задора, и ея настроеніе, спутавъ игру императоровъ, чуть не заставило ихъ преждевременно схватиться за оружіе.

ГЛАВА VI

ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ ПРУССІИ.

Безуміе Пруссіи: она думаетъ, что Наполеонъ хочетъ уничтожить ее.—Фальшивый документъ.—Гарденбергъ бросается въ объятія Россіи и старается привлечь ее въ Германію.—Письмо къ царю.—Командировка Шарнгорста.—Спѣшныя и противныя договору вооруженія; какія объясненія даются императору.—Наполеонъ не хочетъ уничтожать Пруссіи; особый характеръ союза, который онъ думаетъ предписать ей.—Непокорность Пруссіи разстраиваетъ всѣ его разсчеты. — Первыя предостереженія.—Наполеонъ намѣренъ уничтожить Пруссію, если не добьется отъ нея полнаго разоруженія и безусловнаго повиновенія. — Вооруженія продолжаются.—Замаскированная мобилизація.—Солдаты-рабочіе.—Категорическое требованіе.—Кажущаяся покорность.—Легковѣріе Сенъ-Марзана. — Всѣ лгутъ императору. — Пруссія подъ надзоромъ.—Донесенія, изъ которыхъ видно, что сборы войскъ и крѣпостныя работы продолжаются.—Новыя требованія.—Мучительное положеніе Пруссіи.—Инцидентъ съ Блюхеромъ.—Послѣднее требованіе.—Одновременно съ нимъ Наполеонъ предлагаетъ союзъ.—Смертельный страхъ Пруссіи.—Возвращеніе Шарнгорста: результаты его миссіи. — Тайныя свиданія въ Царскомъ Селѣ; Александръ порицаетъ волненіе и неосторожные поступки Пруссіи.—Перемѣна въ русскомъ планѣ.—Военная конвенція.—Нерѣшительность Фридриха-Вильгельма.—Какія причины побуждаютъ его покориться союзу съ Франціей.—Послѣдняя надежда военной партіи.—Всегдашняя мысль короля.—Надежды на Австрію.—Шарнгорстъ, измѣнивъ свою наружность, подъ чужимъ именемъ, уѣзжаетъ въ Вѣну.—Миссія Лефевра.—Наполеонъ теряетъ терпѣніе; онъ склоняется къ мысли уничтожить Пруссію и тѣмъ показать страшный примѣръ для другихъ. — Побѣда русскихъ на Дунаѣ.—Какой проектъ было поручено составить принцу Экмюльскому.—Планъ разгрома.– Наполеонъ даруетъ жизнь Пруссіи, ибо усматриваетъ въ ней готовность подчиниться.—Второй шагъ въ переговорахъ о союзѣ.—Шарнгорстъ въ Вѣнѣ.—Меттернихъ сначала водитъ его за носъ, затѣмъ выпроваживаетъ. — Полное разочарованіе.—Пруссія у ногъ императора.—Предложенія Наполеона Шварценбергу.—Какія хитроумныя комбинаціи заставляютъ Меттерниха поторопиться соглашеніемъ съ Франціей.—Мысль о раздѣлѣ Пруссіи.—Александръ возвращается къ оборонительному плану.—Нессельроде въ отпуску.—Его планъ примиренія.—К р а е у г о л ь н ы й к а м е н ь: роль, предназначенная Австріи.—Миръ построенный на тайной коалиціи.—Нессельроде—отраженіе Талейрана.—Алс-

ксандръ открываетъ Нессельроде тайну своей неуступчивости.—Онъ сознаетъ выгоду попытки, хотя бы притворной, къ примиренію. — Близость мира на Дунаѣ: необходимость удержать Наполеона отъ вмѣшательства.—Отъѣздъ Нессельроде объявленъ, но откладывается со дня-на-день.—Ложное толкованіе словъ императора.—Взаимная неискренность.—Братъ Александра по оружію.—Наполеонъ признается австрійскому посланнику въ своихъ воинственныхъ планахъ.—Покорность Германіи обезпечиваетъ ему свободный путь въ Россію: роковой успѣхъ.

I.

Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, дѣйствуя то искренно, то съ цѣлью обмана, Пруссія умоляла Францію о заключеніи союза. Но съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ пересталъ ей отвѣчать считая, что она слишкомъ упреждаетъ его намѣренія, она вообразила, что его молчаніе означаетъ отказъ отъ переговоровъ; что это симптомъ его непреоборимаго недовѣрія и зловѣщихъ плановъ. Это ошибочное мнѣніе окончательно окрѣпло въ ней, благодаря наглости нѣкоего Эсменара, который состоялъ для литературныхъ услугъ при полиціи въ Парижѣ и о грязномъ промыслѣ котораго и постигшей его непріятности мы уже разсказывали. Прусская дипломатія пріобрѣла отъ него документъ, помѣченный 16 ноября 1810 г. и выданный имъ за докладъ герцога Кадорскаго, бывшаго во время даты документа министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ докладѣ доказывалась необходимость совершеннаго уничтоженія Пруссіи, представленной въ видѣ опаснаго и неисправимаго врага. При внимательномъ изслѣдованіи документа не трудно было бы доказать поддѣлку. Впрочемъ, нельзя поручиться, сочла ли берлинская канцелярія этотъ документъ за безусловно подлинный; но нѣтъ сомнѣнія, что она смотрѣла на него—какъ на отголосокъ замышляемыхъ въ Тюльери плановъ, какъ на документъ, хотя и подложный, но составленный на основаніи дѣйствительно существующихъ документовъ [1]). Сопоставляя это открытіе съ приводящимъ въ отчаяніе молчаніемъ императора, канцелярія пришла къ нелѣпому убѣжденію, что Наполеонъ осудилъ и окончательно приговорилъ Пруссію;

---

[1]) См. по этому дѣлу ученую диссертацію Альфреда Штерна, Abhandlungen und Acktenstücke zur Geschichte der Preussichen Reformzeit (1807—1815), стр. 93—113, съ приведенными текстами. Этотъ документъ былъ проданъ и Чернышеву, который препроводилъ его своему двору. Вышеупомянутый томъ, стр. 213—214.

что въ глубинѣ души онъ вынесъ ей безапелляціонный приговоръ и рѣшилъ, прежде чѣмъ двинуться противъ Россіи, стереть съ карты Европы самое имя Пруссіи.

Для спасенія своего отечества прусскіе министры видѣли только одно средство: призвать русскихъ въ Германію, предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ средства монархіи и съ ихъ помощью начать отчаянную борьбу. Антифранцузская партія въ Берлинѣ окончательно взяла верхъ. Канцлеръ Гарденбергъ, который до сихъ поръ, все еще колеблясь, метался изъ стороны въ сторону, очертя голову бросился въ сторону русскаго союза. По его настоянію, 16 іюля король написалъ царю письмо, предлагая формальный договоръ съ тѣмъ условіемъ, что при малѣйшей опасности русскія войска должны прибыть въ самый центръ Пруссіи. Въ этомъ отношеніи не считали возможнымъ довольствоваться одной надеждой,—желали получить полную увѣренность. Пруссія брала на себя положительныя обязательства и требовала взаимности. Преобразователь арміи, знаменитый генералъ Шарнгорстъ, отправился тайкомъ къ русской границѣ. Царь былъ заранѣе предупрежденъ объ этомъ, при чемъ его просили: разрѣшить Шарнгорсту въѣздъ въ Россію, пригласить его въ Петербургъ и установить вмѣстѣ съ нимъ планъ союзной кампаніи [1]).

Одновременно съ этимъ, чтобы быть наготовѣ къ отчаянной борьбѣ, и, если и пасть, то со славой, прусское правительство довело до лихорадочной спѣшности начатыя съ давнихъ поръ вооруженія. Совершенно не считаясь съ договоромъ, ограничивавшимъ военныя силы Пруссіи, оно призываетъ всѣхъ отпускныхъ солдатъ, всѣхъ *krumper*'овъ, т. е. молодыхъ людей, которыхъ за время призывовъ пообтесали и подготовили къ военному дѣлу. Въ короткое время было созвано приблизительно сто тысячъ человѣкъ; были заготовлены матеріальная часть и провіантъ; крѣпостныя работы быстро двинуты впередъ. На-ряду съ производствомъ фортификаціонныхъ работъ вокругъ прибрежныхъ крѣпостей собирались вблизи этихъ опорныхъ пунктовъ и главныя силы. Мобилизація и концентрація войскъ шли одновременно [2]).

---

[1]) Duncker, Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich-Wilhelms, III, 365—369.—См. также цѣнный трудъ Лемана о Шарнгорстѣ, т. II, 350—352.

[2]) Duncker, 369—370. Lehmann, 380—84. Stern, Abhandlungen und Acktenstücke, etc., 93—94.

Въ виду того, что нужно было выиграть время, ибо осуществленіе воинственныхъ намѣреній зависѣло отъ отвѣта Россіи, попытались хитроумными ухищреніями скрыть эти мѣры. Тѣмъ не менѣе, король и министры отлично сознавали, что такая крупная дѣятельность не надолго ускользнетъ отъ вниманія императора. Поэтому они попробовали до поры до времени оправдать ее въ глазахъ Наполеона, объясняя ее какъ-разъ наоборотъ тому, что было въ дѣйствительности. 26 августа Гарденбергъ сказалъ нашему посланнику въ Пруссіи Сенъ-Марзану, что король—допуская послѣ аудіенціи 15 августа возможность разрыва между Франціей и Россіей и считая себя заранѣе союзникомъ Франціи—увеличиваетъ свои военныя силы въ видахъ оказанія намъ болѣе существенной помощи [1]). Это, усугубленное дерзкой ложью, полупризнаніе было передано въ Парижъ въ началѣ сентября; но и изъ другихъ источниковъ до Наполеона дошли уже свѣдѣнія о призывѣ резервовъ и спѣшномъ производствѣ крѣпостныхъ работъ.

Изъ всѣхъ событій, могущихъ свершиться до его поединка съ Россіей, самымъ непріятнымъ было бы возрожденіе прусскаго военнаго могущества: оно было бы помѣхой на пути къ врагу, на котораго онъ собирался напасть. Довольствуясь полнѣйшимъ ничтожествомъ, до котораго, какъ онъ думалъ, онъ низвелъ Пруссію, онъ не мечталъ о ея разрушеніи. Начертанный имъ 16 августа самому себѣ планъ дѣйствій свидѣтельствуетъ объ истинномъ его намѣреніи—выслушать прусскій дворъ, но тогда, когда найдетъ это своевременнымъ, и только тогда принять его на свою службу. Союзъ, который онъ имѣлъ въ виду навязать Пруссіи, долженъ былъ имѣть совершенно особый характеръ. Онъ не хотѣлъ требовать отъ Фридриха-Вильгельма активнаго содѣйствія, т. е. предоставленія въ его распоряженіе многочисленной арміи. Онъ предполагалъ удовольствоваться скромнымъ контингентомъ, который взялъ бы съ собой на Сѣверъ не столько въ качествѣ помощника, сколько въ качествѣ заложника. Онъ хотѣлъ отъ Пруссіи только непротивленія и послушанія. Онъ имѣлъ въ виду потребовать, чтобы она открыла къ себѣ свободный входъ нашимъ войскамъ и всецѣло предоставила себя въ ихъ распоряженіе; чтобы позволила намъ пройти по

---

[1]) Duncker, 378. Cf. Lefebvre, Histoire des cabinets de l' Europe V, 139—140.

своей территоріи; чтобы уступила на время свои крѣпости, провинціи, дороги, средства сообщенія, перевозочныя средства,— словомъ, всякаго рода средства съ правомъ свободно распоряжаться ими. Не имѣя намѣренія навсегда лишать прусскаго короля его владѣній, Наполеонъ считалъ, что временной захватъ таковыхъ необходимъ для безопасности его похода и для успѣха его военныхъ операцій. Кратковременнымъ упраздненіемъ Пруссіи онъ подготовлялъ себѣ непрерывный, гладкій, свободный отъ препятствій и засадъ путь въ Россію, — своего рода русло, по которому бы потокъ его войскъ, «подобно быстрой рѣкѣ» [1]), пронесся до Нѣмана.

Если же Пруссія встанетъ на ноги, если она пріобрѣтетъ прочное положеніе и крупное значеніе, она существенно помѣшаетъ этому плану. Наполеонъ не зналъ, чему приписать смѣлость Пруссіи; но считалъ, что, какова бы ни была тому причина, послѣдствія ея будутъ крайне нежелательны. Можетъ быть, спрашиваетъ онъ себя, Пруссія вооружается вслѣдствіе соглашенія съ Россіей, въ ея пользу?—Въ такомъ случаѣ, если мы дадимъ ей время окончить ея приготовленія, намъ придется въ будущемъ году сражаться съ ней, прежде чѣмъ подойдемъ къ главному непріятелю,—и Наполеонъ, мысли котораго были прикованы къ войнѣ съ Россіей, приходилъ въ отчаяніе, думая о томъ, что ему придется вторично вести войну съ Пруссіей. Но, можетъ быть, потсдамскій дворъ вооружается безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ дворомъ; можетъ быть, онъ дѣлаетъ это просто изъ страха, изъ боязни внезапнаго и вѣроломнаго нападенія? Затѣмъ, искренно ли онъ предлагаетъ намъ свои войска за гарантирующій его существованіе договоръ?—Даже и въ этомъ случаѣ его поведеніе было для насъ источникомъ всякихъ затрудненій. Наполеонъ не зналъ бы, что дѣлать съ войсками, которыя давались въ его распоряженіе неискренно, не по доброй волѣ, и вѣрность которыхъ онъ вынужденъ былъ бы всегда оставлять подъ сомнѣніемъ. Они будутъ ему не помощью, а помѣхой. Кромѣ того, если пруссаки вооружаются, не сговорившись съ Россіей, — Россія, видя это, будетъ имѣть полное основаніе думать, что они вооружаются противъ нея и по нашему наущенію. Она усмотритъ въ ихъ поведеніи признакъ и доказательство нашихъ враждебныхъ намѣреній; завѣса, ко-

---

[1]) Инструкціи Сенъ-Марзану, Duncker, 401.

торую Наполеонъ старательно натягиваетъ предъ ея глазами, можетъ внезапно раскрыться, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что императоръ Александръ первымъ откроетъ огонь; что онъ вздумаетъ перебросить войска въ Германію, чтобы захватить врасплохъ и наши войска, и войска нашихъ союзниковъ въ моментъ ихъ формированія. Итакъ,—даже при желаніи дать поведенію пруссаковъ наименѣе неблагопріятное толкованіе — ихъ неосторожность въ двухъ отношеніяхъ нарушала разсчеты императора. Она могла ускорить враждебныя дѣйствія—это, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, перенести ихъ въ Германію, тогда какъ Наполеонъ хотѣлъ отсрочить ихъ, а, главное, сосредоточить въ Россіи.

Быстрымъ взглядомъ измѣривъ надвигающуюся опасность, онъ рѣшилъ остановить ее тотчасъ же всѣми имѣющимися въ его власти средствами. Онъ рѣшилъ, что потребуетъ отъ Пруссіи разоруженія и сокращенія наличнаго состава ея войскъ до дозволенной ей цифры, и, чтобы успокоить ее, примирился съ необходимостью начать переговоры о союзѣ раньше назначеннаго имъ срока. Если Пруссія послушно сложитъ оружіе, онъ сохранитъ по отношенію къ ней прежнія намѣренія; позволитъ ей жить и будетъ приспособлять ее для выполненія своихъ плановъ. Если же она посмѣетъ разсуждать или попытается обмануть его, онъ не дастъ ей времени возстановить свои силы, не позволитъ выстроиться впереди Россіи, въ качествѣ ея первой оборонительной линіи. Онъ измѣнитъ свой планъ, тотчасъ же ринется на нее и уничтожитъ. Для обезпеченія себѣ свободнаго прохода черезъ Германію, онъ готовъ вырвать съ корнемъ остатки прусской монархіи и заровнять самое мѣсто, гдѣ она была.

Ему нетрудно сдѣлать это. Армія Даву, гарнизоны Данцига, Штеттина, Кюстрина и Глогау, затѣмъ войска, мобилизованныя въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Саксоніи и Вестфаліи окружаютъ со всѣхъ сторонъ состоящее въ подозрѣніи королевство. Достаточно одного приказанія, мановенія его руки, чтобы это желѣзное кольцо, внезапно сомкнувшись, раздавило Пруссію въ своихъ смертоносныхъ объятіяхъ. Конечно, думаетъ императоръ, это будетъ началомъ ожесточенной войны съ Россіей, но зато казнь Пруссіи свершится безъ всякихъ помѣхъ

и съ такой быстротой, что наши войска, по совершеніи этого, неожиданнаго и смѣлаго дѣла, успѣютъ еще броситься на Вислу и развернуться тамъ, прежде чѣмъ русскіе выйдутъ изъ своихъ границъ и займутъ Германію. Правда, великая борьба начнется гораздо раньше, чѣмъ онъ того желаетъ, но, по крайней мѣрѣ благодаря этому предполагаемый театръ военныхъ дѣйствій не будетъ перемѣщенъ. Какъ видимъ, при существующихъ условіяхъ, Наполеонъ допускаетъ, на худой конецъ, предположеніе — до войны съ Россіей уничтожить Пруссію, въ томъ случаѣ, если она будетъ уклоняться отъ приказаній, которыя онъ ей пошлетъ.

Между тѣмъ, онъ переѣхалъ со своимъ дворомъ въ Компьенъ, гдѣ началъ готовиться къ путешествію въ Голландію и въ свои владѣнія по ту сторону Рейна. 4 сентября, аккредитованный при немъ прусскій посланникъ, баронъ Круземаркъ, былъ спѣшно вызванъ въ Компьенъ. Тамъ, придавая своимъ словамъ серьезный и внушительный тонъ, герцогъ Бассано сказалъ ему слѣдующее: Императоръ искренно желаетъ сблизиться съ Пруссіей; онъ желаетъ имѣть ее своей союзницей. Но ничто не можетъ такъ повредить этимъ добрымъ намѣреніямъ, какъ опрометчивыя мѣры, которыя предпринимаются въ Берлинѣ и которыхъ Его Величество не можетъ допустить. Пруссія совершитъ самоубійство, въ полномъ смыслѣ этого слова, если вызоветъ недовѣріе императора, ибо это не останется безъ послѣдствій. У нея только одно средство сохранить себя—отказаться вполнѣ отъ чрезвычайныхъ вооруженій, заслужить этимъ путемъ благосклонность императора и ждать результатовъ, ничего не предпринимая. Въ тотъ же день Бассано написалъ Сенъ-Марзану, чтобы тотъ сообразовалъ свои слова съ этими угрожающими предостереженіями [1]).

Нѣсколько дней спустя, 13 сентября, по разсмотрѣніи вновь полученныхъ донесеній, изъ которыхъ Наполеонъ видитъ, что военныя приготовленія Пруссіи въ полномъ разгарѣ, онъ приказываетъ отправить Сенъ-Марзану категорическія инструкціи. Въ нихъ французскому посланнику предписывается предъявить королевскому правительству требованіе о прекращеніи крѣпостныхъ работъ и о роспускѣ по домамъ созванныхъ солдатъ. Въ

---

[1]) Маре Сенъ-Марзану, 4 сентября. Въ этой депешѣ министръ иностранныхъ дѣлъ передаетъ свой разговоръ съ Круземаркомъ.

доказательство же нашихъ добрыхъ намѣреній, онъ дастъ формальное увѣреніе, что ему вскорѣ будутъ присланы полномочія на предметъ открытія переговоровъ о союзѣ. Для перехода Пруссіи на мирное положеніе онъ дастъ только три дня; самое бо́льшее, на что онъ можетъ согласиться, это—продлить срокъ на сорокъ восемь часовъ. Если, по прошествіи этого срока, онъ не получитъ полнаго и безусловнаго удовлетворенія, онъ покинетъ Берлинъ, предупредивъ о своемъ отъѣздѣ маршала Даву, принца Экмюльскаго. По этому сигналу Даву тотчасъ же выступитъ въ походъ и со всѣми своими силами нагрянетъ на столицу и на провинціи Пруссіи. Одновременно съ нимъ перейдутъ границу вестфальцы, саксонцы, поляки, и, замкнувъ кольцо охвата, двинутся на Берлинъ. Въ то же время наши гарнизоны на Одерѣ, соединясь и образовавъ непрерывную цѣпь, преградятъ отступленіе королевскому правительству; они помѣшаютъ его бѣгству и принудятъ его къ сдачѣ; обреченное на смерть государство погибнетъ, не успѣвъ опомниться, не успѣвъ крикнуть, не имѣя времени позвать къ себѣ на помощь, и отъ монархіи великаго Фридриха останется одно воспоминаніе.

На всякій случай Даву и Жерому были отправлены соотвѣтствующія приказанія. Тѣмъ не менѣе, въ секретномъ письмѣ Маре́ къ Сенъ-Марзану ясно было указано, что, хотя императоръ и твердо рѣшилъ уничтожить Пруссію, если она своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ вынудитъ его къ этому, но что онъ вовсе не желаетъ этого: напротивъ, его искреннее желаніе—избѣгнуть этой крайности. «Замѣтьте себѣ,—говорится въ письмѣ,—что искреннее желаніе Императора состоитъ въ томъ, чтобы дано было согласіе на разоруженіе; чтобы даны были полномочія для открытія переговоровъ о союзѣ либо въ Берлинѣ, либо въ Парижѣ; чтобы вы имѣли возможность остаться на вашемъ посту, и чтобы Пруссія увѣдомила Россію, что она разоружается потому, что теперь у нея нѣтъ поводовъ безпокоиться за сохраненіе мира. Такое заявленіе Пруссіи необходимо; ибо, при настоящемъ положеніи вещей, однимъ изъ серьезнѣйшихъ послѣдствій принятаго Пруссіей рѣшенія является то, что Россія можетъ подумать, что ея вооруженія были сдѣланы по соглашенію съ Франціей. Слѣдуетъ, чтобы въ теченіе трехъ дней было разсѣяно впечатлѣніе, которое могли произвести на

Россію вооруженія Пруссіи, а это можетъ быть достигнуто только разоруженіемъ» [1]).

Въ тотъ день, когда государственный секретарь набрасывалъ эти строки, въ Берлинѣ уже знали о сдѣланныхъ Круземарку предостереженіяхъ. Прусскій дворъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, ибо отвѣтъ Александра на просьбу о союзѣ и вѣрной и надежной помощи не былъ еще полученъ. Было только извѣстно, что царь съ волненіемъ прочелъ письмо короля; но, очевидно, это не подвинуло значительно дѣла, такъ какъ Шарнгорстъ все еще съ жгучимъ нетерпѣніемъ ждалъ на границѣ разрѣшенія царя, чтобы тайкомъ проскользнуть въ Россію. Дастъ ли ему царь просимое разрѣшеніе, приметъ ли его, сговорится ли съ нимъ объ условіяхъ союза—все это оставалось неизвѣстнымъ. Не имѣя въ рукахъ никакихъ данныхъ, Пруссія хотѣла выиграть время и прибѣгла къ хитрости. Не переставая вооружаться, она рѣшила объявить, что приступаетъ къ разоруженію.

Фридрихъ-Вильгельмъ собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ Наполеона, что отказывается отъ формированія новыхъ сорока восьми батальоновъ и отъ усиленія полковъ по шестнадцать человѣкъ на роту. Дѣйствительно, эта мѣра была отмѣнена, но мобилизація продолжалась въ иной формѣ. Рабочіе, взятые для крѣпостныхъ работъ и для устройства укрѣпленныхъ лагерей, почти сплошь были старыми служаками или не зачисленными офиціально молодыми солдатами; тѣхъ и другихъ потребовали для несенія государственной службы. Это было средствомъ имѣть ихъ подъ рукой, чтобы при первой же надобности можно было сформировать изъ нихъ полки. Этотъ замаскированный способъ призыва не былъ отмѣненъ. Масса крестьянъ и рабочихъ держались въ сборѣ около крѣпостей и, какъ муравьи, копошились у стѣнъ Шпандау, Кольберга, Грауденца и Нейса. Они чинили старыя укрѣпленія, возводили новыя, возили землю, дѣлали насыпи, и въ то же время подчинялись военной дисциплинѣ и ходили на ученья. Не превращаясь пока въ лагерь, Пруссія была похожа на громадную мастерскую. Чтобы превратить рабочихъ въ солдатъ, оставалось только приказать имъ бросить лопаты и кирки, взять ружья и замѣнить рабочую блузу

---

[1]) Маре Сенъ-Марзанъ. Нѣкоторыя выдержки изъ переписки съ Берлиномъ, хранящіяся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, были опубликованы Stern'омъ, Abhandlungen und Acktenstücke, etc.

военной шинелью. Въ одинъ мигъ многочисленныя рабочія артели превратились бы во взводы, роты, батальоны и составили бы армію, которая удвоила бы ту армію, которую Пруссія имѣла законное право держать на дѣйствительной службѣ [1]).

Между тѣмъ Сенъ-Марзанъ получилъ депешу отъ 13 сентября, которая подэтрекнула его усердіе. Онъ, не стѣсняясь, заявилъ, что требуется истинное, а не фиктивное прекращеніе вооруженій; что онъ настаиваетъ на необходимости прекратить всякія работы и распустить всѣхъ рабочихъ по домамъ, т. е. на томъ, что, дѣйствительно, остановило бы мобилизацію. Онъ не скрылъ, что отклонивъ наши требованія, Пруссія сама приготовитъ себѣ гибель [2]).

Кризисъ обострился. Пруссаки попали въ ужасное положеніе. За нѣсколько дней до этого, они узнали, что Шарнгорстъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе переѣхать границу и, при соблюденіи глубочайшей тайны, направился въ Петербургъ. Нѣтъ сомнѣнія,—думали они,—что теперь онъ совѣщается съ царемъ и, можетъ быть, заручился уже обѣщаніемъ полнаго содѣйствія. Теперь, когда соглашеніе съ русскими казалось столь близкимъ, когда въ самомъ непродолжительномъ времени можно было ожидать ихъ прибытія, слишкомъ трудно было королю и Гарденбергу отдаться на волю Наполеона. Они продолжали свою страшно опасную игру,—давать обѣщанія и не держать. Гарденбергъ заявилъ, что король на все согласенъ. Сенъ-Марзану сообщили, и напечатали въ газетахъ, что отданъ приказъ о прекращеніи работъ и о роспускѣ людей. Дѣйствительно, въ Шпандау—городѣ, находящемся близъ Берлина, на глазахъ французскаго посольства — работы были прекращены; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ, куда не могли проникнуть взоры нашего посланника, онѣ производились руками рабочихъ-солдатъ съ удвоенной энергіей. Сенъ-Марзанъ отнесся къ тому, что ему сообщалось, съ большимъ довѣріемъ—настолько, что даже не счелъ нужнымъ провѣрить. Зачарованный тѣмъ, что видѣлъ въ Шпандау, онъ изъ единичнаго факта вывелъ общее заключеніе: онъ донесъ, что Пруссія вернулась къ порядку, остался на своемъ

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре, 26 сентября и 16 октября 1811 г.; Сенъ-Марзанъ Даву, 4 октября 1811 г.; Archives des affaires étrangères. Cf. Lehmann, II, 392—397.

[2]) Маре Сенъ-Марзану, 13 сентября 1811 г. Cf. Stern, 340—342.

посту и возобновилъ дружескія отношенія съ Гарденбергомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Гольцомъ. Берлинская публика, почуявшая было носившуюся въ воздухѣ большую опасность, съ радостью увидала, что гроза удаляется, и, послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ, лихорадочно-безпокойныхъ дней, прусская столица опять впала въ безпросвѣтное томленіе [1]).

Въ Берлинѣ, какъ и въ Петербургѣ да и вообще повсюду, наша дипломатія позволяла водить себя за носъ. Не такъ легко было обмануть императора. Желая знать, отвѣчаютъ ли поступки словамъ, онъ установилъ за Пруссіей надзоръ. Для этого въ его распоряженіи было безчисленное количество средствъ. Во-первыхъ: Штеттинъ, Кюстринъ, Глогау—три пункта, наиболѣе удобные для надзора. Комендантамъ этихъ крѣпостей предписано было вооружиться бдительностью и тщательно слѣдить за тѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ. Затѣмъ, въ циркулярной депешѣ нашимъ консуламъ въ Кольбергѣ, Штеттинѣ, Данцигѣ и Кенигсбергѣ предписано было собирать свѣдѣнія—каждому въ своемъ округѣ [2]). Наконецъ, Даву поручено было покрыть Пруссію цѣлой сѣтью шпіоновъ; онъ долженъ былъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ донесенія, провѣрять ихъ и дополнять своими личными наблюденіями. На этого безукоризненнаго, изъ принципа недовѣрчиваго солдата, императоръ могъ смѣло положиться, — онъ зналъ, что онъ не удовольствуется внѣшностью, а будетъ смотрѣть въ корень.

Чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на сѣверѣ, Наполеонъ отправляется въ Нидерланды. Онъ начинаетъ свой объѣздъ съ Булонскаго и Утрехтскаго лагерей, дѣлаетъ смотръ флоту въ устьяхъ Шельды, останавливается на нѣсколько дней въ Антверпенѣ, въ тамошней крѣпости; затѣмъ вмѣстѣ съ императрицей посѣщаетъ Амстердамъ, Роттердамъ, Нимвегенъ, гдѣ силой согнанные голландцы торжественно воздаютъ ему почести. Но среди пышности официальныхъ пріемовъ — въ дни, которые, какъ будто, исключительно посвящены празднествамъ и подробнѣйшему ознакомленію съ состояніемъ войскъ, онъ находитъ время обернуться къ Пруссіи; онъ то и дѣло бросаетъ на нее недовѣрчивые взгляды, прислушивается къ малѣйшему, несущемуся оттуда шо-

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре́, 21, 24 и 26 сентября. Cf. Stern, 342—346.

[2]) Тождественныя депеши отъ 1 октября. Archives des affaires étrangères, Prusse, 248.

роху, и съ нетерпѣніемъ ждетъ результатовъ предписаннаго имъ разслѣдованія. Вскорѣ, чуть не на всѣхъ остановкахъ его пути начинаютъ нагонять его курьеры, принося ему свѣдѣнія изъ всевозможныхъ источниковъ: письма отъ маршала, донесенія военныхъ властей, донесенія консуловъ, протоколы, составленные на основаніи распросовъ курьеровъ, бюллетени полиціи, клочки бумаги, исписанной впопыхахъ всюду разбросанными шпіонами. Эти свѣдѣнія, неодинаковыя по значенію и цѣнности, всѣ сходятся въ одномъ: за исключеніемъ Шпандау, нигдѣ въ крѣпостяхъ работы не прекращены, нигдѣ сборища людей не исчезли. Въ Кольбергѣ работаютъ изо дня въ день, работаютъ во-всю, какъ будто спѣшатъ кончить срочное дѣло, какъ будто задались цѣлью поставить насъ предъ совершившимся фактомъ. Въ другихъ мѣстахъ побережья—та же дѣятельность. Въ Силезіи, гдѣ воображаютъ, что находятся далеко отъ насъ, открыто производится ученье вновь сформированныхъ частей. Очевидно, Пруссія или хитритъ, или задерживаетъ исполненіе своихъ обѣщаній [1]).

Немедленно же герцогъ Бассано, который, всюду сопровождая императора, неотступно ходитъ за нимъ какъ тѣнь, начинаетъ слать Сенъ-Марзану курьера за курьеромъ. 2 октября, изъ Антверпена онъ пишетъ ему длинное письмо. Изъ Амстердама отправляетъ три письма, при чемъ два въ одинъ день, и въ каждомъ обращается къ нашему агенту съ строгимъ напоминаніемъ о необходимости проникнуть въ намѣренія берлинскаго двора. Онъ сопоставляетъ поступки Пруссіи съ ея словами, и указываетъ, что Пруссія противорѣчитъ самой себѣ. Въ чемъ кроется причина такого несоотвѣтствія?—спрашиваетъ онъ. Нѣтъ ли тутъ умысла ввести насъ въ заблужденіе, нѣтъ ли вѣроломной задней мысли? Можетъ быть, это просто непослѣдовательность, слабость, неспособность остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи, привычная нерѣшительность, которая можетъ уступить быстрому и энергичному давленію? «Во всемъ поведеніи Пруссіи—и, въ частности, въ поведеніи кабинета съ вами — есть какая-то неясность, какая-то тайна, и вашъ долгъ проникнуть въ эту тайну. Для достиженія этого не пренебрегайте никакимъ средствомъ, но, главнымъ образомъ, дайте понять, что напрасно стали бы

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Documents divers, Prusse, 248.

надѣяться обмануть насъ; что требуются не рѣчи, не торжественныя заявленія, а положительные факты, полное, безусловное разоруженіе, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ» [1]). Если Сенъ-Марзанъ добьется этого результата, говорится далѣе, онъ окажетъ своему повелителю крупную услугу. Если же онъ убѣдится въ систематической недобросовѣстности берлинскаго двора, по крайней мѣрѣ, императоръ будетъ знать, чего ему держаться, и Пруссія подвергнется участи, которую сама себѣ уготовитъ. Но всего важнѣе, чтобы нашъ посланникъ распозналъ и уловилъ истину подъ маской безплоднаго притворства; чтобы онъ не боялся упрека въ слишкомъ большой подозрительности и недовѣріи. Повтореніе прежняго слишкомъ большого оптимизма возложитъ на него тяжкую отвѣтственность, ибо таковой оптимизмъ можетъ повредить нашимъ насущнымъ интересамъ.

Подшпоренный такого рода предостереженіями и упреками, отрекшись, вслѣдствіе указаній на неопровержимыя данныя, отъ довѣрчиваго отношенія, Сенъ-Марзанъ ретиво взялся за дѣло. Онъ далъ себѣ клятву не прекращать своихъ требованій и не давать прусскому кабинету покоя до тѣхъ поръ, пока тотъ не станетъ на законную почву. Съ этой минуты наступаетъ для Пруссіи время такого мученія, какое не поддается никакому описанію. Ожидая со дня на день письма отъ Шарнгорста съ обязательствами Александра, она не рѣшается еще искренно уступить нашимъ требованіямъ, хотя и находитъ, что Россія слишкомъ много тратитъ времени на рѣшительный отвѣтъ и безчеловѣчно оставляетъ ее въ пасти льва. Съ другой стороны, прижатая къ стѣнѣ нашими требованіями, схваченная за горло, она безпомощно бьется въ нашихъ рукахъ. Она старается высвободиться, бормочетъ извиненія, изобрѣтаетъ разные предлоги, и истощаетъ свой мозгъ, придумывая, что бы еще солгать.

Гарденбергъ приходитъ къ Сенъ-Марзану и говоритъ, что король безповоротно рѣшилъ удалить рабочихъ изъ крѣпостей, но что ему не хочется сразу лишать работы такую массу людей, оторванныхъ отъ обычныхъ занятій; что онъ боится повергнуть ихъ въ нищету. Какъ человѣколюбивый монархъ, онъ хотѣлъ бы употребить ихъ для культурной работы, для общеполезныхъ крупныхъ сооруженій, что онъ намѣренъ заставить

---

[1]) Маре Сенъ-Марзану, 13 октября.

ихъ чинить шоссе, строить мосты, рыть каналы—новое средство держать ихъ въ сборѣ и въ своемъ распоряженіи [1]). Сенъ-Марзанъ отвѣчаетъ на это, что, согласно инструкціямъ, не можетъ «уступить ни одного рабочаго»; что всѣ рабочіе до послѣдняго человѣка должны быть уволены.

Гарденбергъ не настаиваетъ и мѣняетъ тактику. Чтобы оправдать нарушеніе обязательствъ въ Кольбергѣ, онъ всю вину сваливаетъ на генерала Блюхера, коменданта этой крѣпости: что будто бы тотъ самовольничаетъ; что «этотъ бѣсноватый старикъ», несмотря на формальное запрещеніе короля, продолжалъ работы, ставя свои страсти выше обязанностей, но что его уже отрѣшили отъ должности, и вызвали въ Берлинъ, гдѣ ему дадутъ строгій нагоняй.

Сенъ-Марзанъ возликовалъ, узнавъ объ опалѣ одного изъ нашихъ непримиримыхъ враговъ. Даже самъ императоръ съ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію отозваніе Блюхера. Но что же вслѣдъ за тѣмъ узнаетъ онъ? По свѣдѣніямъ, доставленнымъ герцогу Бассано его тайной полиціей, немилость, постигшая Блюхера, была только кажущейся. По пріѣздѣ его въ Берлинъ, король милостиво принялъ его и нѣсколько разъ приглашалъ къ обѣду. Населенію не возбраняютъ устраивать въ честь его непристойныя манифестаціи. Когда онъ явился «Подъ Липами»—въ этомъ столь излюбленномъ берлинцами мѣстѣ прогулокъ, его на глазахъ снисходительной полиціи встрѣтили рукоплесканіями и радостными возгласами. Все это, безъ сомнѣнія, только подготовка къ новому появленію его на сценѣ, къ назначенію его на высшую должность. Наполеонъ пишетъ на имя герцога Бассано слѣдующую грозную записку, помѣченную Дюссельдорфомъ: «Напишите графу Сенъ-Марзану, что онъ не долженъ допускать назначенія генерала Блюхера на новую должность; что такъ какъ намъ указано на него, какъ на виновника, то не слѣдуетъ возстановлять его въ его правахъ и этимъ давать доказательство своей неискренности» [2]). Тщетно Сенъ-Марзанъ старается объяснить, что доставленныя герцогу свѣдѣнія слишкомъ преувеличены; что Блюхеръ только одинъ разъ обѣдалъ у короля; что овація «Подъ Липами» свелась къ установленному

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Даву, 4 октября 1811 г. Archives des affaires étrangères' volume cité.

[2]) Corresp., 18234.

военнымъ уставомъ отданію чести нѣсколькими офицерами; что генералъ мало показывается и проводитъ время въ Казино за игрой въ вистъ по маленькой [1]), Наполеонъ все-таки упорно и не безъ основанія настаиваетъ на томъ, чтобы не довѣрять Пруссіи и ея лицемѣрной предупредительности.

Правда, онъ только-что узналъ, что во многихъ мѣстахъ работы дѣйствительно прекращены; что рабочіе ушли, но никто не видалъ, чтобы они вернулись домой. Спрашивается, куда дѣвались они? Одинъ изъ нашихъ агентовъ—консулъ въ Штеттинѣ, разрѣшилъ загадку. Онъ раскрылъ, что, вмѣсто того, чтобы отправить домой удаленныхъ изъ Кольберга рабочихъ, ихъ просто-на-просто разбросали на пространствѣ нѣсколькихъ миль вокругъ города. Тутъ ихъ размѣстили по деревнямъ и спрятали въ лѣсахъ, чтобы при первой же надобности снова собрать. «Такимъ образомъ, прусскому правительству стоитъ только свистнуть, чтобы имѣть въ Кольбергѣ то же количество людей, какъ и раньше» [2]). Въ виду того, что другія свѣдѣнія были неточны и не давали безусловнаго повода къ обвиненію; что между ними попадались неясныя и даже противорѣчивыя, Наполеонъ хочетъ получить достовѣрныя свѣдѣнія, дабы имѣть право съ чистымъ сердцемъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла вынести приговоръ Пруссіи, если найдетъ, что она виновна. Онъ приказываетъ Сенъ-Марзану выхлопотать секретарю нашего посольства, Лефевру, право объѣздить всѣ провинціи, побывать во всѣхъ крѣпостяхъ и собственными глазами посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Это чрезмѣрное требованіе возмутило Фридриха-Вильгельма. Онъ содрогнулся отъ такого оскорбленія; на нѣсколько часовъ въ немъ проснулась душа короля. Согласиться на подобную повѣрку — значитъ допустить, что могутъ сомнѣваться въ его словѣ Гогенцоллерна, что въ правѣ подозрѣвать его въ клятвопреступленіи: скорѣе смерть, чѣмъ такой позоръ! Онъ объявилъ, что не хочетъ ронять себя ни въ глазахъ своего народа, ни въ глазахъ войска. Въ сухой запискѣ Гарденбергъ сообщилъ его отказъ [3]).

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Mapé, 10 ноября. Stern, 369.

[2]) Донесеніе отъ 20 октября. Archives des affaires étrangères, volume cité. Cf. Duncker, 392.

[3]) Archives des affaires étrangères, volume cité.

Послѣ этого смѣлаго поступка прошла ночь съ ея зловѣщей темнотой. Королю казалось, что на него уже насѣла армія Даву; ему чудилось, что вокругъ него уже носятся своры нашихъ союзниковъ, готовыя ринуться на добычу. Черезъ восемь дней, думалъ онъ, если онъ будетъ упорствовать, французскіе сигналы раздадутся въ его ушахъ и вражьи пушки тяжело загромыхаютъ по мостовымъ столицы. Гарденбергъ, еще менѣе гордый и болѣе фальшивый, чѣмъ король, умолялъ его лишній разъ покориться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣе стать на ноги. Достойный жалости монархъ уступилъ, унизился, раскаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ и обѣщалъ исправиться. Лефевръ, снабженный пропускомъ прусскаго правительства, получилъ разрѣшеніе подъ предлогомъ ревизіи нашихъ консульствъ, ѣхать, куда ему заблагоразсудится. По секрету приняты были мѣры къ тому, чтобы, дѣлая видъ, что отъ него ничего не скрываютъ, показать ему, какъ можно меньше. Гарденбергъ съ кислой миной попросилъ Сенъ-Марзана вернуть ему записку и просилъ не говорить императору о его поползновеніи къ непослушанію [1]).

Пока нашъ комиссаръ совершалъ свой объѣздъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, съ нетерпѣніемъ ожидая исхода объѣзда, или блуждалъ, кружась вокругъ своей столицы, между Шарлоттенбургомъ и Потсдамомъ, или топтался на одномъ мѣстѣ, снѣдаемый сознаніемъ своего униженія, терзаемый горькими чувствами. Гарденбергъ съ отчаянія написалъ въ Петербургъ. прося, умоляя, и даже требуя отвѣта. Ради Бога,—пишетъ онъ,—пусть согласятся сказать хоть что-нибудь; пусть скажутъ, можетъ ли Пруссія разсчитывать на вступленіе русскихъ въ Германію, или же король долженъ считать себя покинутымъ и покориться жестокой необходимости? Каково бы ни было рѣшеніе, нельзя долѣе медлить. Пруссія умираетъ отъ смертельной тоски: «неизвѣстность насъ убиваетъ» [2]).

Къ осложненіямъ и опасностямъ настоящаго времени прибавилось еще и то обстоятельство, что Наполеонъ, имѣя въ виду испытать Пруссію и вѣрнѣе узнать, что у нея на душѣ, отправилъ Сенъ-Марзану необходимыя полномочія для открытія переговоровъ о союзѣ. Прусскій же министръ, какъ извѣстно, въ

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре́, депеша отъ 20 октября, конфиденціальное письмо отъ 23.

[2]) Duncker, 391.

глубинѣ души рѣшилъ не связывать себя съ нами обязательствами до тѣхъ поръ, пока существуетъ надежда, что Александръ подпишетъ предлагаемый ему договоръ. Но какъ увильнуть отъ нашихъ предложеній послѣ того, какъ сами, чуть не на колѣняхъ, просили о союзѣ? Какъ, не осуждая самого себя, не изобличая себя въ обманѣ, оттянуть переговоры, о которыхъ такъ горячо просили?

При сообщеніи о полученіи полномочій, Гарденбергъ изобразилъ на своемъ лицѣ чувство удовлетворенія. Наконецъ-то,—сказалъ онъ,—императоръ согласился принять Пруссію въ союзницы и избавить ее отъ безпокойства. И вздохъ облегченія, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, его просіявшее лицо и громкій смѣхъ составляли рѣзкій контрастъ съ мрачнымъ настроеніемъ предыдущихъ дней; мало сказать, что онъ былъ радъ—онъ былъ въ «восторгѣ» [1]). 29 октября Гарденбергъ и Гольцъ собрались на совѣщаніе съ Сенъ-Марзаномъ, чтобы выслушать предложенія Франціи. Наполеонъ предлагалъ Пруссіи или принять ее въ Рейнскій Союзъ, или подписать съ нею отдѣльный договоръ о союзѣ. Къ договору должна быть прибавлена секретнѣйшая конвенція на случай войны съ Россіей, и французскій кабинетъ заранѣе намѣтилъ слѣдующія основныя черты конвенціи: Вся прусская территорія, за исключеніемъ Силезіи, куда на время могъ бы уѣхать король, должна быть открыта нашимъ войскамъ и находиться подъ ихъ охраной; прусскія войска должны быть удалены изъ занятыхъ мѣстностей и должны безотлучно находиться въ двухъ или трехъ крѣпостяхъ; вспомогательный контингентъ долженъ быть установленъ въ двадцать тысячъ человѣкъ; Наполеонъ можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію [2]).

Эти условія были переданы королю, который не нашелъ ихъ безусловно непріемлемыми. Онъ готовился къ худшему, и съ этихъ поръ мысль подчиниться французскому союзу внушала ему меньшій ужасъ. Но вотъ, наконецъ, приходитъ отъ Шарнгорста донесеніе о добытыхъ имъ результатахъ, съ извѣщеніемъ о скоромъ возвращеніи, вслѣдствіе чего рѣшено было дождаться его пріѣзда и тогда уже принять окончательное рѣ-

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре́, 27 октября.

[2]) Инструкціи графу Сенъ-Марзану отъ 22 октября 1811 г., опубликованныя Stern'омъ, 350—366.

шеніе. Подъ разными предлогами совѣщанія съ Сенъ-Марзаномъ были пріостановлены. Сперва было выиграно четыре дня, затѣмъ еще два и въ заключеніе еще двадцать четыре часа. Тѣмъ временемъ Шарнгорстъ приближался къ Берлину,ославъ впередъ донесеніе и текстъ договора, который онъ заключилъ съ царемъ, сохранивъ за королемъ право утвердить или отвергнуть. Наконецъ, онъ прибылъ и самъ далъ отчетъ о своей миссіи. Найдетъ ли король въ подписанномъ Шангорстомъ договорѣ, въ его письмахъ, въ его словахъ указаніе, которое опредѣлило бы его рѣшеніе, найдетъ ли въ нихъ руководство для своего поведенія и увѣренность за будущее?

II.

Въ исполненіе своей задачи Шарнгорстъ вложилъ все усердіе, всю душу, всю свою несокрушимую энергію. Ни усталость, ни непріятности, ни физическія лишенія, ни нравственныя страданія—ничто не устрашило его. Нужно сказать, что онъ ѣхалъ въ Россію подъ чужимъ именемъ, и, чтобы не быть узнаннымъ, вынужденъ былъ объѣзжать большія дороги и избѣгалъ пользоваться почтовыми лошадьми. Онъ жестоко страдалъ отъ неимовѣрной тряски крестьянскихъ телѣгъ, и, несмотря на то, что ѣхалъ день и ночь, пріѣхалъ въ Петербургъ только черезъ двѣ недѣли. Въ Петербургѣ онъ остановился или, вѣрнѣе, спрятался у бывшаго камердинера императора. Тутъ ему пришлось восемь дней ждать аудіенціи. Наконецъ, 4 октября, его повезли по проселочнымъ дорогамъ въ Царскосельскій дворецъ, куда тайкомъ отправился и императоръ. Между ними произошло нѣсколько свиданій; они обмѣнивались мыслями и на словахъ, и письменно [1]).

Вначалѣ Александръ былъ холоденъ, сдержанъ и не поддавался ни убѣжденіямъ, ни настойчивымъ просьбамъ. Въ это время его главнымъ желаніемъ было оттянуть разрывъ съ Франціей до заключенія мира съ турками, поспѣшность же Пруссіи разстраивала всѣ его разсчеты. Союзъ съ нею, являясь слишкомъ рано, преждевременно вовлекалъ его въ войну. Уже при первомъ извѣстіи о вооруженіяхъ Пруссіи, онъ умолялъ короля и его совѣтниковъ прекратить вооруженія, не подвергать себя безраз-

---

[1]) Разсказъ о миссіи Шарнгорста находится у Duncker'a, 418—423, и болѣе подробный, у Lehmann'a, 402—415.

судно опасности, не навлекать на себя удара молніи. Сверхъ того, онъ совѣтовалъ имъ не показывать и вида, что они въ добрыхъ отношеніяхъ съ нимъ, и, до извѣстной степени, относиться съ уваженіемъ къ желаніямъ императора. Его такъ же, какъ и Наполеона, Пруссія ставила въ неудобное и стѣснительное положеніе. Своимъ волненіемъ, своимъ безпорядочнымъ метаніемъ изъ стороны въ сторону, своимъ безумствованіемъ несчастная нація была въ тягость обоимъ императорамъ. И тотъ и другой старались—сохраняя за собой право воспользоваться ею послѣдствіи—лишить ее воли теперь.

Александръ согласился съ Шарнгорстомъ, что война неизбѣжна; что она будетъ ужасна и рѣшитъ все. Тѣмъ болѣе причинъ, говорилъ онъ, не приступать не во-время къ столь важному шагу. Онъ все время высказывалъ трогательное участіе къ королю, предлагалъ тайный договоръ, обѣщалъ смотрѣть на вторженіе на прусскую территорію, какъ на нападеніе на самого себя; но лишь только Шарнгорстъ начиналъ настойчивѣе просить его о практическомъ согласованіи дѣйствій Россіи и Пруссіи, такъ у него являлась склонность возбуждать, а не разрѣшать затрудненія. Тѣмъ не менѣе, онъ позволилъ Шарнгорсту сообщить относящіяся къ веденію войны идеи, на которыхъ останавливались въ Берлинѣ, а затѣмъ и самъ развилъ идеи, внушенныя ему Фулемъ. Оба плана—прусскій и русскій — были разсмотрѣны и сравнены.

По прусскому плану, какъ только будетъ произведено нападеніе на Пруссію, русскія войска должны сейчасъ же покинуть свои предѣлы и летѣть на Вислу. Не останавливаясь на этой рѣкѣ, они переправятся черезъ нее. Затѣмъ, развернувшись между Вислой и Одеромъ, примкнувъ лѣвымъ и правымъ флангами къ прусскимъ позиціямъ въ Помераніи и Силезіи, имѣя опору для своихъ фланговъ въ двухъ группахъ крѣпостей и въ союзныхъ войскахъ, они станутъ лицомъ къ врагу и смѣло попытаютъ счастья въ открытомъ бою. Примѣръ въ прошломъ показалъ, что въ строю они могутъ помѣряться силами съ Наполеономъ, при условіи, что мѣсто сраженія будетъ хорошо выбрано и что они не впадутъ въ нѣкоторыя тактическія ошибки. Они должны постараться воспроизвести Эйлау и избѣгнуть Фридланда. Что касается русскаго плана, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ въ іюнѣ, то читатель вспомнитъ, что предва-

рительное вступленіе въ восточную Пруссію и въ Польшу допускалось только, какъ побочное средство, нѣчто въ родѣ усиленной развѣдки, за которой должно послѣдовать добровольное отступленіе на позади стоящія войска; затѣмъ новое отступленіе до слѣдующей группы войскъ—и такъ вплоть до позицій, на которыхъ рѣшено было ждать врага, уже ослабленнаго изнурительнымъ походомъ и измученнаго постоянными мелкими стычками. О соединеніи русскихъ армій съ прусскими, за исключеніемъ наличности исключительно-благопріятныхъ условій, не было и рѣчи. Прусскія войска должны были запереться въ своихъ крѣпостяхъ, держаться въ нихъ, какъ можно дольше, и, такъ сказать, образовать по сторонамъ пути, по которому пойдетъ великая армія рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, занятыхъ ея врагами.

Шарнгорстъ подвергъ этотъ планъ основательной критикѣ. Въ особенности онъ далъ понять, что признать *à priori* необходимость отступленія при приближеніи французовъ — значитъ отдать имъ всю низменную часть Пруссіи съ ея крайне цѣнными средствами. Что же касается прусскихъ войскъ, то, запертыя въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ, предоставленныя самимъ себѣ, лишенныя свободы,—они, рано или поздно, будутъ раздавлены, и монархіи, безполезно пожертвовавшей собой ради общаго дѣла, неизбѣжно придется сдаться. Въ выраженіяхъ, откровенность которыхъ граничила съ дерзостью, Шарнгорстъ объяснилъ, что Пруссія не можетъ осудить себя на неблагодарную роль жертвы, не можетъ уподобиться покинутой крѣпости, которую оставляютъ на погибель среди полчищъ враговъ только для того, чтобы задержать ихъ наступленіе; что, если царь будетъ упорствовать въ своихъ намѣреніяхъ, король вынужденъ будетъ испробовать единственный, остающійся ему открытымъ, путь къ спасенію—выслушать предложенія Франціи.

Изъ этихъ словъ Александръ понялъ, что Пруссія предоставляетъ ему на выборъ только два рѣшенія: или идти въ Пруссію, или смотрѣть на нее, какъ на врага. Но въ будущей войнѣ, когда Наполеонъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи огромное количество войскъ, когда на его сторонѣ навѣрное будетъ численный перевѣсъ, русскимъ нельзя пренебрегать прибавкой отъ восьмидесяти до ста тысячъ хорошо вооруженныхъ, хорошо снаряженныхъ, воспламененныхъ патріотизмомъ и чувствомъ ненависти пруссаковъ. Къ тому же, если царь допуститъ этой

силѣ перейти на сторону врага, такая измѣна послужитъ дурнымъ примѣромъ: она можетъ заразить и другихъ. Это облегчитъ составленіе коалиціи, которой Наполеонъ старается охватить соперника. Предъ такой перспективой Александръ смутился, и—уступилъ. Нехотя, скрѣпя сердце, онъ, мало-по-малу, согласился измѣнить еще разъ свой планъ, и вернулся къ мысли о наступленіи, сохраняя за собой право не переходить извѣстныхъ предѣловъ. Онъ пересталъ упорствовать, и согласился подписать съ Пруссіей военную конвенцію, которая объединила бы обѣ арміи и, до извѣстной степени, связала бы ихъ судьбу. Шарнгорстъ былъ направленъ къ военному министру Барклаю-де-Толли и къ канцлеру Румянцеву. Въ цѣломъ рядѣ совѣщаній, потребовавшихъ большого труда, конвенція была подвергнута подробному обсужденію. Каждая статья устанавливалась только послѣ долгихъ разговоровъ, и, наконецъ, 7 октября, конвенція была подписана [1]).

По этому акту—если Наполеонъ, несмотря на соблюдаемое обоими государствами корректное и осторожное поведеніе, дастъ замѣтить, что хочетъ занять какую-нибудь часть прусской территоріи или приметъ слишкомъ угрожающее положеніе—русскія войска должны выступить въ походъ и съ возможной быстротой двинуться къ Вислѣ. Они постараются даже, насколько позволятъ обстоятельства, переправиться черезъ Вислу, но относительно этого пункта Александръ не принялъ на себя положительныхъ обязательствъ. Онъ приказалъ вычеркнуть изъ конвенціи статью, по которой ему вмѣнялось въ обязанность продвинуть до Силезіи часть своихъ войскъ. Пруссаки же съ своей стороны должны уходить отъ нападающаго, и, проскальзывая между его колоннъ, бѣжать навстрѣчу своимъ союзникамъ и стараться соединиться съ ними. Если быстрота наступленія не допуститъ соединенія съ русскими, тогда они должны броситься въ крѣпости Помераніи или Силезіи, гдѣ сопротивленіе будетъ имъ облегчено близостью русскихъ, которые станутъ на Вислѣ.

Дабы русскіе могли скорѣй придти на Вислу, Шарнгорстъ просилъ, чтобы войска царя, которыя въ настоящее время были въ пяти переходахъ отъ границы, заблаговременно получили приказаніе вступить въ Польшу и Германію, какъ только прусскія

---

[1]) Текстъ конвенціи опубликованъ Martens'омъ, Traités de la Russie, VII, 24—37. Cf. Lehmann, 412—415.

власти подадутъ имъ знакъ и потребуютъ ихъ присутствія. Александръ никогда не признавалъ за чужими властями права распоряжаться его войсками. Поэтому было условлено, что войска выступятъ въ походъ самое позднее черезъ восемь дней послѣ того, какъ русское правительство получитъ отъ прусскаго короля или его генераловъ извѣщеніе объ опасности. Одну же часть прусскаго государства Россія уже теперь обязывалась взять подъ свою охрану. Теперь же русскій корпусъ изъ двѣнадцати батальоновъ и восьми эскадроновъ долженъ былъ выдвинуться за первую линію и стать на самой границѣ Пруссіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ восточная Пруссія внѣдряется между моремъ и русскими владѣніями. Какъ только начнутся враждебныя дѣйствія, этотъ корпусъ долженъ перейти границу, прикрыть Кенигсбергъ и защитить отъ внезапнаго нападенія этотъ важный городъ, которому будутъ угрожать и французскій гарнизонъ въ Данцигѣ, и варшавскіе поляки. Вмѣсто Берлина, который придется покинуть въ первый же моментъ войны, Александръ обязался сохранить королю другую столицу — колыбель Пруссіи, куда тотъ могъ бы перенести свою столицу и свое правительство и гдѣ могъ ы укрыться на время вторженія французовъ.

Вотъ какихъ уступокъ добился Шарнгорстъ отъ русскаго правительства. Если бы заключенная въ Петербургѣ конвенція, за которой долженъ былъ послѣдовать договоръ о союзѣ, была утверждена въ Берлинѣ, Наполеонъ, безъ сомнѣнія, бросился бы ен непереставшую вооружаться Пруссію, и война наступила бы семью мѣсяцами раньше. Военныя операціи начались бы на низовьѣ Вислы. Вмѣсто того, чтобы въ 1812 г. попасть въ безпредѣльныя пространства Россіи, императору пришлось бы въ концѣ 1811 г. снова начать кампанію 1807 г., и можно думать, что то, чего онъ такъ боялся, вѣроятно, было бы его спасеніемъ.

III.

Заключенная въ Петербургѣ военная конвенція, съ ея недомолвками и оговорками, не прекратила колебаній короля; болѣе того, она заставила его пережить ужасные дни. Если въ августѣ онъ рѣшился броситься къ Россіи, вмѣсто того, чтобы обратиться къ Франціи, то это было сдѣлано потому, что предполагаемыя имъ у Наполеона намѣренія не оставляли ему другого выбора.

Думая, что Наполеонъ не хочетъ имѣть его своимъ союзникомъ, что онъ собирается свергнуть его съ престола, онъ не видѣлъ другого исхода, и въ припадкѣ отчаянія обратился за помощью къ Россіи. Теперь же болѣе или менѣе опредѣленныя предложенія Франціи, давая ему возможность выбора, окончательно сбили его съ толку. Получивъ свободу принять рѣшеніе, онъ не былъ способенъ ею воспользоваться. Очевидно было, что сдѣлать въ этотъ рѣшительный моментъ его жизни выборъ между двумя открывавшимися предъ нимъ путями было свыше его силъ. Онъ не вѣритъ, да и прежде никогда не вѣрилъ, въ возможность—съ серьезной надеждой на успѣхъ—сопротивляться побѣдителю при Іенѣ. Возстать противъ непобѣдимаго полководца, даже съ нѣкоторой помощью русскихъ войскъ, не значило ли идти на вѣрную смерть? Съ другой стороны, подчиниться Наполеону—та же смерть, правда не сейчасъ, но все-таки смерть—медленная и позорная. Не скрывается ли въ предложеніяхъ императора западни, думалъ онъ; нѣтъ ли тутъ гнуснаго намѣренія—получивъ въ свое распоряженіе Пруссію, склонивъ ее на унизительное дѣло и воспользовавшись ею—впослѣдствіи, когда у ней не будетъ средствъ къ защитѣ, вѣрнѣе поразить ее? Видя на обоихъ путяхъ только ужасы, Фридрихъ-Вильгельмъ никакъ не могъ разобраться, откуда грозитъ меньшая опасность, не могъ составить себѣ мнѣнія, а тѣмъ болѣе принять рѣшеніе. «Остается только бросить жребій,—растерянно говорилъ онъ,—развѣ что Провидѣніе какимъ-нибудь чудомъ откроетъ намъ глаза» [1]). Отъ этой терзавшей его внутренней борьбы онъ терялъ голову, лишался разсудка. Сенъ-Марзанъ, на основаніи ложныхъ свѣдѣній думалъ, что король успокоился, сдѣлался довѣрчивымъ и былъ даже «очень веселъ» [2]), а, между тѣмъ, несчастный монархъ писалъ 31 октября Гарденбергу: «Мнѣ кажется, что у меня припадокъ горячки; мнѣ чудится, какъ вокругъ меня, со всѣхъ сторонъ, разверзаются пропасти» [3]).

Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ усилія болѣе твердаго и болѣе послѣдовательнаго въ своихъ сужденіяхъ Гарденберга, король далъ понять ему, что считаетъ себя осужденнымъ на фран-

---

[1]) Duncker, 402.

[2]) Письмо къ Маре, 1 ноября 1811 г.

[3]) Duncker, 402.

цузскій союзъ [1]). Отвѣтъ Россіи—говорилъ онъ—даетъ только условное утѣшеніе. Россія даетъ обязательство защищать едва половину Пруссіи. Конечно, ея войска пойдутъ на Вислу. Но пойдутъ ли они съ желательной скоростью? Вѣдь Александръ согласился поневолѣ. А вдругъ онъ воспользуется первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы стать на прежнюю строго-оборонительную почву, отъ которой отказался, когда ему приставили ножъ къ горлу. Фридрихъ-Вильгельмъ выставлялъ на видъ всѣ эти соображенія, которыя, конечно, имѣли большое значеніе. Въ сущности, если бы русскіе дали болѣе успокоительныя обѣщанія и тѣмъ лишили его всякой возможности извинить свою трусость, онъ, вѣроятно, остался бы недоволенъ ими. Главную причину его дѣйствій въ это критическое время слѣдуетъ искать въ неисправимой слабости его характера. Людямъ съ слабымъ и нерѣшительнымъ характеромъ присуще въ критическую минуту предпочитать то рѣшеніе, которое обѣщаетъ имъ безопасность, хотя бы на самый короткій срокъ. Они считаютъ себя счастливыми, когда имъ удается отсрочить опасность, когда они могутъ отдохнуть отъ душевныхъ тревогъ; дальше они не заглядываютъ. Они хлопочутъ не о своемъ будущемъ, а о завтрашнемъ днѣ. Такую кратковременную выгоду и доставлялъ королю союзъ съ Наполеономъ; ясно было, что императоръ, добившись покорности Пруссіи, конечно, позволитъ ей жить или, по крайней мѣрѣ, прозябать нѣкоторое время. Такимъ образомъ, въ перспективѣ у Фридриха-Вильгельма открывался періодъ времени относительнаго спокойствія. Поэтому, въ ту минуту, когда самые смѣлые изъ его генераловъ и министровъ, запасшись русскими обязательствами, надѣялись довести его до цѣли своихъ усилій, онъ выскользнулъ у нихъ изъ рукъ; съ трудомъ дотащенный ими до энергичнаго и мужественнаго рѣшенія, онъ не въ силахъ былъ удержаться на немъ. Мужество окончательно покинуло его, и онъ упалъ въ объятія французскаго союза. Партія дѣйствія, только-что выигравшая дѣло въ Петербургѣ, проигрывала его въ Берлинѣ.

Однако, она не сочла себя побѣжденной и прибѣгла къ послѣдней надеждѣ. Дѣло въ томъ, что, объясняя причины, заставившія его перейти на сторону Франціи, король сдѣлалъ оговорку. Возвращаясь къ одной изъ своихъ излюбленныхъ темъ,

---

[1]) I d., 413—414.

онъ далъ понять, что все измѣнилось бы въ его глазахъ, если бы Австрія, по примѣру царя, тоже согласилась защитить его отъ нападенія, и, поддержавъ его лѣвое крыло, поставила вторую подпорку подъ его колеблющуюся монархію. Гарденбергъ, думавшій, что имѣетъ основаніе не отчаяваться въ Австріи, поймалъ его на словѣ. Онъ предложилъ обратиться къ Вѣнѣ съ отчаяннымъ воззваніемъ о помощи, и, въ концѣ-концовъ, лихорадочные споры свелись къ принятію рѣшенія, благодаря которому все осталось въ неопредѣленномъ положеніи и которое ничего не предрѣшая, задерживало окончательное рѣшеніе короля. Совѣщанія съ Сенъ-Марзаномъ возобновились 6 ноября. Рѣшено было такъ: приступить къ болѣе серьезнымъ разговорамъ съ Франціей, дабы, въ случаѣ необходимости, сохранить за собой возможность заключить съ ней союзъ. Тѣмъ временемъ Шарнгорстъ долженъ былъ снова пуститься въ путь и черезъ Силезію пробраться къ австрійской границѣ. Путешествуя съ еще бо̀льшей, чѣмъ въ предыдущую поѣздку, таинственностью избѣгая большихъ дорогъ, дѣлая крюки и объѣзды, чтобы не попасться на глаза французскихъ шпіоновъ, скрываясь подъ чужимъ именемъ, переряживаясь и гриммируясь на всевозможные лады, онъ долженъ былъ незамѣтно проскользнуть въ Вѣну. Тамъ онъ откровенно разскажетъ австрійцамъ о затрудненіяхъ и объ ужасномъ положеніи Пруссіи, довѣритъ имъ, полагаясь на ихъ скромность, русскія предложенія, выяснитъ значеніе и недочеты этихъ предложеній и будетъ умолять императора Франца согласиться на взаимно-оборонительный договоръ между обоими германскими дворами. Теперь рѣшеніе зависѣло уже не отъ Петербурга, а отъ Вѣны, куда за нимъ и долженъ былъ поѣхать странствующій ради праваго дѣла рыцарь [1]).

Фридрихъ-Вильгельмъ согласился на этотъ шагъ ради очищенія своей совѣсти, чтобы доказать, что не пренебрегъ никакимъ средствомъ избавиться отъ ненавистнаго союза. Въ глубинѣ души онъ не ждалъ ничего хорошаго отъ Австріи, да и вообще ни отъ кого. Въ своемъ безпросвѣтномъ пессимизмѣ онъ смотрѣлъ яснѣе на вещи, чѣмъ его пылкіе и экзальтированные приближенные. Онъ болѣе чѣмъ достаточно поплатился за эгоизмъ кабинетовъ, чтобы повѣрить, что, въ минуту глубо-

---

[1]) Lehmann, 429—435; Duncker, 418—423.

кой скорби, Пруссія добьется чего-нибудь въ Вѣнѣ, конечно, не считая пустыхъ соболѣзнованій. Вообще жестокосердая судьба отучила его вѣрить въ счастье. Онъ находилъ, что во всѣхъ его начинаніяхъ его преслѣдовалъ злой рокъ, и теперь предвидѣлъ самый неблагопріятный исходъ дѣла.

Какъ ни мрачны были его предположенія, все-таки они не доходили до такой степени, чтобы онъ могъ предвидѣть висѣвшую уже нѣсколько дней надъ его головой опасность—самую большую и самую ужасную, какая когда-либо угрожала его коронѣ и династіи. Наполеонъ, все болѣе убѣждавшійся въ томъ, что Пруссія его обманываетъ, что она по-прежнему продолжаетъ военныя приготовленія, потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Онъ занялся тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе свои угрозы.

Первыя донесенія Лефевра не доставили ему ни малѣйшаго удовольствія. Пріѣхавъ въ Кольбергъ, французскій ревизоръ замѣтилъ у властей явную наклонность, по возможности, все скрыть отъ него. Однако, несмотря на предписанныя предосторожности, онъ засталъ рабочихъ за работой; замѣтилъ въ большомъ количествѣ солдатъ, массы людей и матеріаловъ; видѣлъ выроставшіе изъ земли вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ редуты [1]). Въ то же время наши агенты, проживавшіе на побережьѣ, доносили ему о непрерывныхъ работахъ по снабженію крѣпости провіантомъ и оружіемъ. Одинъ изъ нихъ донесъ о проѣздѣ

---

[1]) „Едва мы пріѣхами на дюны—писалъ Лефевръ 27 октября—какъ очутились среди цѣлой рощи спиленныхъ деревъ: рабочіе,которыхъ было много, заготовляли фашины. Мнѣ показалось, что генералъ Тауенцинъ (комендантъ крѣпости) былъ крайне смущенъ этимъ открытіемъ. Мы поѣхали дальше, и вскорѣ снова наткнулись на довольно большое количество рабочихъ, занятыхъ устройствомъ шоссе, которое съ одной стороны должно примкнуть къ большой кольбергской дорогѣ, а съ другой—къ форту, о которомъ я упомянулъ выше... Очевидно, шоссе предназначено обслуживать этотъ редутъ... Насколько я могъ судить, графъ Тауенцинъ, не ожидавшій этого открытія, былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ сказалъ нѣсколько словъ въ оправданіе этой работы; подходящія выраженія не давались ему; онъ былъ, какъ на иголкахъ. Мы въ глубокомъ молчаніи проѣхали все шоссе отъ одного конца до другого и поздно вечеромъ вернулись обратно. Я видѣлъ всѣ наружныя работы, но не въ подробностяхъ: считаю своимъ долгомъ замѣтить, что мы подъѣзжали къ редутамъ не ближе извѣстнаго разстоянія. Какъ только предметы дѣлались слишкомъ хорошо видными, тотчасъ же давалось кучеру приказаніе повернуть обратно". Archives des affaires étrangères,

нѣсколькихъ тяжелыхъ повозокъ; каждая изъ нихъ была запряжена девятью лошадьми и везла по направленію къ Кольбергу огромный ящикъ, будто бы наполненный товарами, а между тѣмъ въ каждомъ изъ этихъ ящиковъ была тщательно уложена и скрыта подъ деревянной оболочкой пушка—на что имѣются доказательства [1]). Такимъ образомъ, всѣ, кто ни наблюдалъ за Пруссіей, ловили ее съ поличнымъ въ обманныхъ дѣяніяхъ. Сверхъ того, узнавъ о прекращеніи переговоровъ съ Сенъ-Марзаномъ и не зная еще о ихъ возобновленіи, императоръ Наполеонъ вынесъ изъ этихъ затяжекъ впечатлѣніе, которое вполнѣ оправдывало его раздраженіе и недовѣріе. Около того же времени до него дошло извѣстіе о выдающейся побѣдѣ русскихъ на Дунаѣ подъ Рущукомъ, что окончательно вывело его изъ себя. Его гнѣвъ вылился въ яростныхъ возгласахъ по адресу этихъ «собакъ, этихъ подлецовъ турокъ» [2]), давшихъ себя побить, но, подъ вліяніемъ обсужденія послѣдствій этой побѣды, императоръ перенесъ свой гнѣвъ на Пруссію. Думая, что турки понесли болѣе тяжелое пораженіе, что они больше пали духомъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности; считая, что теперь уже невозможно помѣшать ихъ миру съ царемъ, онъ боялся, чтобы русскіе, развязавъ себѣ руки на Востокѣ, не рѣшились броситься въ Германію и не начали войны, подстрекнувъ къ возстанію Пруссію, которая, обманывая его, протягиваетъ имъ руку. Чтобы отнять у русскихъ эту опору, онъ задумалъ уничтожить ее съ корнемъ, покончивъ съ Пруссіей, ибо она непремѣнно хочетъ погибнуть. «Я вижу,—говорилъ онъ,—столько недобросовѣстности въ прусскомъ кабинетѣ; я такъ мало вѣрю ему, что, думаю, невозможно будетъ помѣшать его гибели» [3]). И, не принимая еще окончательнаго рѣшенія, онъ принимаетъ мѣры къ нападенію. Въ виду того, что въ настоящее время Пруссія лучше вооружена, чѣмъ два мѣсяца тому назадъ, и, можетъ быть, окажетъ болѣе серьезное сопротивленіе, онъ уже не хочетъ предоставить это дѣло самостоятельному руководству Даву.

---

[1]) Донесеніе консула въ Штеттинѣ, 28 октября. Archives des affaires étrangères, volume cité. Cf. Corresp., 18241.

[2]) Донесеніе Чернышева, 18 декабря, вышеупомянутый томъ, стр. 226. Наполеонъ писалъ Даву: „Русскіе одержали большую побѣду надъ турками, которые вели себя, какъ глупыя животныя. Я чувствую, что миръ вскорѣ будетъ заключенъ“. Corresp., 18259.

) Corresp., 18259.

14 ноября, возвратясь изъ путешествія, онъ приглашаетъ маршала подготовить заблаговременно и представить на его одобреніе планъ военныхъ операцій, задача которыхъ—внезапно напасть на Пруссію и сразу же овладѣть королемъ, дворомъ, правительствомъ, администраціей и арміей [1]).

Маршалъ всегда свято исполнялъ приказанія. Тѣмъ болѣе теперь, когда дѣло шло объ изысканіи средствъ разрушить такое государство, какъ Пруссія, которую онъ считалъ лживой, вѣроломной, всегда готовой воспользоваться малѣйшей неудачей нашего оружія, чтобы схватить насъ за горло. Онъ приложилъ къ данной ему задачѣ всѣ силы ума, съ давнихъ поръ освоившагося съ жестокостями и хитростями войны. Въ немъ не шевельнулось ни малѣйшаго угрызенія совѣсти при выполненіи задачи, возложенной на его преданность и его патріотизмъ. Для насъ должно быть предметомъ скорби, что жестокія средства, которыя онъ предлагалъ примѣнить, не возмутили его, не вызвали колебаній въ его великой душѣ. Составивъ и выработавъ до мелочей планъ внезапнаго нападенія на Пруссію и ея уничтоженія, онъ 25 ноября отправилъ его императору: то былъ ужасный планъ.

Въ день, опредѣленный заранѣе, дивизія Фріана съ конными егерями Бордезуля, дивизія Гюдена съ двумя кирасирскими дивизіями и нѣсколькими резервными частями, и дивизіи Морана и Компана съ тѣмъ, что будетъ къ нимъ прибавлено, охватятъ со всѣхъ сторонъ прусскую территорію. Дивизія Фріана, выступивъ изъ Мекленбурга, гдѣ она стояла по квартирамъ, бросится на Штеттинъ и на линію Одера. Дивизія Гюдена, выйдя изъ Магдебурга, окружитъ Шпандау и все истребитъ въ Берлинѣ. Дивизіи Морана и Компана будутъ дѣйствовать въ промежуткѣ между дивизіями Фріана и Гюдена; вестфальскіе отряды примутъ участіе во всѣхъ движеніяхъ. Чтобы не вызывать сразу же слишкомъ большой тревоги, приказано будетъ сказать въ Берлинѣ, что русскіе вторглись въ Польшу, и что, вслѣдствіе этого, французскія войска занимаютъ прусскую территорію, имѣя въ виду двинуться противъ нихъ. «Можно даже будетъ поручить толковому офицеру передать на словахъ эти увѣренія, а, чтобы

---

[1]) Id.

вѣрнѣе заставить повѣрить, онъ самъ будетъ введенъ въ обманъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ въ Штеттинъ прибудетъ и самъ маршалъ съ частью 5-ой дивизіи Дезе и лично будетъ руководить дѣломъ разгрома. «Пруссакамъ не дадутъ соединиться. Всѣ войска и отдѣльные отряды будутъ разоружены, обозы захвачены. Властямъ будутъ даны строгія приказанія: не допускать скопленія отпускныхъ (людей, уволенныхъ въ отпускъ), рекрутъ и рабочихъ». Въ то же время, даже въ тотъ же или на другой день по нашемъ вступленіи, Понятовскій выступитъ со всѣми своими полками изъ Торна, двинется внизъ по Вислѣ и присоединится къ вышедшей изъ Данцига дивизіи Гранжана съ тѣмъ, чтобы, сомкнувъ кругъ, помѣшать бѣгству и прервать всѣ сношенія между восточными провинціями и попавшимъ въ тиски центромъ Прусской монархіи.

До момента приведенія въ исполненіе приговора, все будетъ держаться въ строжайшемъ секретѣ. «Этотъ секретъ будетъ открытъ только въ послѣднюю минуту, продолжалъ маршалъ, и то только тѣмъ, кому знать надлежитъ. Я думаю принять мѣры, чтобы ввести въ заблужденіе о цѣли похода даже дивизіи Фріана, Морана, Гюдена, Компана и др. Войска узнаютъ истинную цѣль похода только въ тотъ день, когда планъ разоруженія прусской арміи уже будетъ приводиться въ исполненіе. Саксонцы получатъ приказъ двинуться на Глогау только въ тотъ день, когда мы будемъ почти на Одерѣ. До тѣхъ поръ повсюду будетъ царить величайшее спокойствіе, и это спокойствіе въ значительной степени поможетъ ввести въ обманъ пруссаковъ. Я бы предложилъ взять отъ саксонцевъ два или три кавалерійскихъ полка, одинъ или два пѣхотныхъ, и одну или двѣ батареи легкой артиллеріи и употребить ихъ для охраны путей изъ Берлина въ Саксонію, для задержанія всѣхъ, кто захочетъ спастись этимъ путемъ, даже частныхъ лицъ, у которыхъ съ особой заботливостью будутъ отбираться бумаги. Это дастъ возможность захватить многихъ агитаторовъ и забрать бумаги, которыя дадутъ вѣрныя свѣдѣнія о ихъ планахъ. Это войско войдетъ, какъ можно скорѣе, въ сообщеніе съ колонной генерала Гюдена и будетъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ: завладѣетъ Кроссеномъ и т. д.

---

[1]) Проектъ Даву, изъ котораго мы даемъ подробныя выдержки, находится въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1656.

«Я долженъ установить предположеніе, что король можетъ быть захваченъ врасплохъ въ Берлинѣ. Взятіе въ плѣнъ короля будетъ имѣть настолько важное значеніе, что, по-моему, не слѣдуетъ упускать этого случая.

«Осмѣливаюсь просить распоряженій Вашего Величества относительно всѣхъ проживающихъ въ Берлинѣ иностранныхъ пословъ; присутствіе тамъ этихъ господъ всегда чрезвычайно вредно.

«Предлагаю задерживать всѣхъ иностранныхъ курьеровъ, которые ѣдутъ въ Петербургъ или возвращаются оттуда, и, съ соблюденіемъ всевозможныхъ приличій, отбирать у нихъ депеши.

«Я избѣгаю, Государь, посвящать кого бы то ни было въ этотъ планъ, такъ что даже князь Понятовскій узнаетъ о немъ только при полученіи приказаній; и не потому, чтобы не довѣрялъ ему,—я считаю его честнымъ и преданнымъ Вашему Величеству человѣкомъ,—но письмо можетъ валяться, а въ Польшѣ много очень ловкихъ женщинъ.

«Можно надѣяться, что результатомъ этого плана будетъ полный разгромъ, и что никто въ Пруссіи не будетъ знать, ни что ему дѣлать, ни въ какомъ положеніи дѣла, такъ какъ почти всѣ курьеры будутъ перехвачены.

«Чтобы избѣгнуть со стороны гарнизоновъ всякаго поползновенія къ сопротивленію, можно на всякій случай потщательнѣе сфабриковать фальшивый договоръ, въ которомъ будетъ сказано, что король, рѣшивъ дѣйствовать въ тѣсномъ единеніи съ Франціей, согласился отдать на время въ наше распоряженіе крѣпости. крѣпостныя сооруженія и укрѣпленные пункты своей монархіи. Возможно, что, по предъявленіи этой бумаги, передъ нами откроются всѣ двери и всѣ средства будутъ отданы въ наше распоряженіе. Можно будетъ увѣрить прусскія войска, что ихъ отведутъ въ Силезію и тамъ возвратятъ ихъ повелителю. Они узнаютъ о своей участи и поймутъ, что они въ плѣну только тогда, когда отдадутся въ наши руки.

«Я прекрасно знаю, прибавляетъ маршалъ, что ни въ одномъ словѣ этого проекта нѣтъ и слѣда законности; но это будетъ только платежъ прусскому правительству его же монетой. Поэтому-то я и предлагаю его, а также и потому, что онъ выполнитъ желаніе Вашего Величества—какъ можно выгоднѣе начать дѣло. Возможно, что Ваше Величество отвергнетъ большинство

изложенныхъ въ этомъ проектѣ мыслей, въ особенности, мысли, относящіяся къ фальшивому договору; но это можно измѣнить. Во мнѣ зародилась эта мысль вслѣдствіе подобнаго же рода хитрости, къ которой пруссаки прибѣгли въ Майнцѣ. Они сочинили отъ имени генерала Кюстина къ коменданту крѣпости приказъ сдаться на капитуляцію на наилучшихъ условіяхъ, такъ какъ нельзя надѣяться на выручку. Сознаю, что это месть немного жестокая, но ее можно смягчить при выполненіи дѣла».

IV.

Къ счастью для своей славы Наполеонъ отклонилъ этотъ планъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ потребовалъ отъ Даву, чтобы тотъ сообщилъ ему свои мысли, онъ узналъ, что берлинскій кабинетъ снова открылъ совѣщанія и готовъ принять въ принципѣ наши условія; это было лучшей отмѣткой въ его активѣ. Лефевръ, продолжавшій свой объѣздъ, посѣтивъ послѣ Кольберга Пиллау и Грауденцъ, доносилъ, что въ работахъ произошло нѣкоторое замедленіе и что люди собирались и обучались уже съ меньшей энергіей; ему даже показалось, что общество устало, что въ умахъ замѣтна наклонность не идти противъ неизбѣжнаго и допускается идея вполнѣ отдаться на волю Франціи [1]). Въ первый разъ — это собственныя слова Наполеона, сказанныя князю Шварценбергу — императоръ нашелъ, что Пруссія, «какъ будто хочетъ исправиться» [2]), и онъ написалъ брату Жерому, «что, въ случаѣ войны, она, безъ сомнѣнія, пойдетъ съ нами» [3]). Поэтому, онъ еще разъ рѣшилъ не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ въ Германіи и пощадить Пруссію, но не спускать съ нея глазъ. Не отказываясь отъ рѣшенія сломить ее при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи, онъ снова приложилъ старанія привлечь ее мирнымъ путемъ на свою сторону и приказалъ двинуть впередъ переговоры о союзѣ.

15 декабря, въ цѣломъ рядѣ новыхъ инструкцій Сенъ-Марзану герцогъ Бассано точнѣе опредѣлилъ условія соглашенія и форму, какую надлежало имъ придать. Въ виду того, что императоръ все еще притворялся, что считаетъ себя въ союзѣ съ

---

[1]) Полное донесеніе Лефевра изъ Бреславля отъ 24 ноября 1811 г. Archives des affaires étrangères, Prusse, 248.

[2]) Duncker, 424, по донесенію Шварценберга.

[3]) Corresp., 18341.

Александромъ, и ставилъ себѣ въ заслугу, что явно не нарушаетъ тильзитскаго договора, слѣдовало соглашенію съ Пруссіей придать такой видъ, будто оно направлено противъ Англіи; будто договору надлежитъ точнѣе опредѣлить обязанности обѣихъ сторонъ въ морской войнѣ. За этимъ, подлежащимъ огласкѣ, соглашеніемъ должно было скрываться другое секретно-заключенное соглашеніе, временной союзный договоръ противъ пограничныхъ съ Франціей и Пруссіей государствъ; наконецъ, этотъ второй актъ долженъ былъ прикрыть третій, еще болѣе секретный, которымъ бы устанавливалось содѣйствіе Пруссіи противъ Россіи.

Въ послѣднемъ отношеніи Наполеонъ допускалъ извѣстныя облегченія. Прусскія войска, вмѣсто того, чтобы разсѣяться по рядамъ великой арміи, должны были насколько возможно сохранить свою индивидуальность. Весьма слабый гарнизонъ допускался въ Потсдамѣ, такъ какъ король могъ сдѣлать его мѣстомъ своего пребыванія. На этихъ основахъ Сенъ-Марзану приказано было вести переговоры съ прусскими министрами, выслушать ихъ возраженія, въ случаѣ надобности уступить имъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ; мало-по-малу, не торопясь, установить съ ними текстъ трехъ актовъ и затѣмъ представить на одобреніе императора. Около этого же времени императоръ вызвалъ Круземарка въ Тюльери и торжественнымъ, рѣшительнымъ тономъ раскрылъ предъ нимъ свою мысль и оборотную сторону медали—свое искреннее желаніе сговориться съ Пруссіей и свое рѣшеніе безжалостно покарать ее, если не добьется отъ нея безусловной преданности и полнѣйшаго послушанія. Онъ сказалъ, подчеркивая каждое слово, что никогда не думалъ разрушать Пруссію и лишать династію престола изъ принципа. «Я предпочитаю видѣть въ Берлинѣ короля, а не своего брата» [1]). Условія, продолжалъ онъ, переданныя отъ его имени, представляютъ истинное выраженіе его желаній; но разъ Пруссія вступитъ съ нимъ въ обязательство, онъ не потерпитъ ни затаенной мысли, ни малодушія, ни нарушенія данныхъ обязательствъ. Онъ не изъ тѣхъ союзниковъ, которыхъ бросаютъ и къ которымъ снова возвращаются въ зависимости отъ колебаній военнаго счастья, и король сдѣлаетъ опасную ошибку, если вздумаетъ послѣдовать примѣру Фридриха II, который, во время войны за австрійское наслѣдство, переходилъ изъ одного лагеря въ дру-

---

[1]) Duncker, 425, по донесенію Круземарка.

гой. Горе Пруссіи, если она снова возьмется за жалкую и нечистую игру, и впадетъ въ тѣ роковыя заблужденія, изъ-за которыхъ гибнутъ королевства!

Когда это безпощадное предостереженіе раздалось въ Берлинѣ, гдѣ Сенъ-Марзанъ уже двинулъ впередъ переговоры, отъ Шарнгорста не было еще никакихъ опредѣленныхъ извѣстій; его миссія въ Вѣнѣ затягивалась, не приводя ни къ какому результату. Меттернихъ началъ съ возраженій по поводу выбора Шарнгорста эмиссаромъ. Онъ указалъ на то, что Шарнгорстъ слыветъ членомъ революціонныхъ сектъ, которыя, подъ видомъ любви къ отечеству, скрываютъ свои разрушительныя стремленія. Конечно, австрійская щепетильность ужаснулась при мысли о возможности общенія съ такимъ человѣкомъ. Только благодаря вліянію британскихъ агентовъ удалось Шарнгорсту, пріѣхавшему въ Вѣну при такихъ условіяхъ, войти въ сношенія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Меттернихъ, хотя и высказывался противъ него, тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ принялъ его хорошо, и счелъ нужнымъ дать ему нѣкоторую надежду. У него были свои причины—вскорѣ увидятъ какія—не разрушать слишкомъ рано надеждъ Пруссіи, а держать ее извѣстное время въ неопредѣленномъ положеніи. Онъ пообѣщалъ изучить вопросъ и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль занималъ Шарнгорста сладкими рѣчами. Затѣмъ встрѣчи съ главою австрійскаго правительства становились все рѣже, и на послѣднемъ свиданіи, 26 декабря, просьба Пруссіи была окончательно отклонена, что сдѣлало пруссака «невыразимо несчастнымъ». Въ оправданіе своего отказа Его Императорское Величество сослался на разстройство финансовъ и на затруднительное положеніе внутри страны, которыя не позволяютъ ему ставить себя въ предосудительное положеніе ради интересовъ Пруссіи [1]).

Переписка въ условныхъ выраженіяхъ прусскаго правительства съ Шарнгорстомъ уже вызвала въ Берлинѣ предчувствіе этого ужаснаго разочарованія. Событія оправдали короля, не оправдавъ министра; они отняли у Гарденберга послѣдній аргументъ противъ французскаго союза. Однако, мысль стать подъ ненавистное знамя, сражаться въ угоду притѣснителю, вселяла пруссакамъ такой ужасъ, что январь мѣсяцъ подходилъ уже къ концу, а они все

---

[1]) Duncker, 427. Cf. Lehmann, II, 434.

еще не могли рѣшиться на этотъ шагъ. Гарденбергъ все еще смотрѣлъ въ сторону Вѣны, и молилъ о какомъ-нибудь указаніи, которое дало бы ему лучъ надежды. Онъ то затягивалъ, то прерывалъ совѣщанія съ Сенъ-Марзаномъ, и, боясь вывести изъ терпѣнія нашего посланника, дрожащей рукой писалъ ему письма, увѣряя его, что въ этихъ проволочкахъ нѣтъ злого умысла.

Наконецъ, когда, по возвращеніи Шарнгорста, ясно обрисовалось равнодушное отношеніе Австріи, когда вполнѣ выяснилось, что тщетно стучались и въ эту—послѣднюю дверь, Пруссія покорилась своей участи, склонила голову и позволила надѣть на себя ярмо. 29 января 1812 г. Сенъ-Марзанъ получилъ увѣдомленіе, что король и его министры отказываются оспаривать наши требованія. Они соглашались на всѣ условія, какія императору угодно будетъ предписать имъ, выражая при этомъ надежду, что великодушный монархъ, движимый благородными чувствами, по собственному побужденію, милостиво даруетъ имъ нѣкоторое облегченіе. Король выразилъ желаніе, чтобы количество наличнаго состава его войскъ не было ограничено сорока двумя тысячами человѣкъ; чтобы Франція, по занятіи гарнизономъ Берлина, не пропускала черезъ него корпуса, которые выступятъ въ походъ противъ Россіи; чтобы она избавила прусскую столицу отъ этой черезчуръ большой тяготы; главнымъ же его желаніемъ было получить извѣстное облегченіе въ уплатѣ не внесенной военной контрибуціи. Но ни одно изъ этихъ пожеланій не было выставлено, какъ условіе союза, согласіе на который давалось во всякомъ случаѣ. Пруссія уже не вела переговоровъ, она просила и умоляла [1]). Въ первыхъ числахъ февраля Наполеонъ понялъ, что она отдается ему, какъ существо, потерявшее силу и волю; ему оставалось только протянуть руку, чтобы овладѣть ею.

Тогда онъ занялся Австріей. Соглашеніе съ нею въ общихъ чертахъ было намѣчено около года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени серьезныхъ разговоровъ не заводили, а только кокетничали, довольствуясь больше намеками. Теперь, по мнѣнію Наполеона, пришло время упрочить отношенія и, не подписывая пока договора, заручиться союзомъ. 17 декабря онъ открылся Шварценбергу. Довольно разговоровъ, сказалъ онъ австрійскому посланнику: время начинать переговоры; пора ясно

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре́, 29 января 1812 г.

изложить обоюдныя обязательства и замѣнить «болтовню» [1]) дѣлами и итогами.

Приглашеніе императора объясниться не поставило Шварценберга въ затруднительное положеніе, ибо дворъ его только-что снабдилъ его инструкціями, что дало ему возможность не только отвѣтить на наши предложенія, но, въ случаѣ необходимости, и предупредить ихъ. Въ ту минуту, когда императоръ съ ясными словами обратился къ вѣнскому двору, тотъ шелъ уже къ нему навстрѣчу, и, нужно прибавить, что это движеніе, сверхъ всякаго ожиданія несчастной Пруссіи, было ускорено миссіей Шарнгорста.

По призыву на помощь изъ Берлина, по отчаянному воплю Пруссіи, Меттернихъ могъ опредѣлить до какой опасности, до какого ужаса она дошла. Онъ понялъ, что Пруссія наканунѣ отчаянныхъ рѣшеній; что задерганная двумя оспаривающими ее другъ у друга императорами она готова броситься на шею тому или другому. Австрійцамъ существенно важно было не дать этому событію захватить себя врасплохъ. Меттернихъ думалъ такъ: Если Пруссія заключитъ союзъ съ Россіей, если она обопрется на нее, чтобы дать отпоръ требованіямъ Франціи, Наполеонъ непремѣнно нападетъ на нее. По всей вѣроятности, онъ съ перваго же удара раздавитъ и разнесетъ ее вдребезги. Въ такомъ случаѣ Австрія проявитъ къ ней теплое участіе, прольетъ слезу по поводу постигшаго ее великаго бѣдствія. Но, отдавъ долгъ приличіямъ, не слѣдуетъ ли выступить съ претензіями на наслѣдство сосѣдки? Въ теченіе цѣлаго столѣтія Пруссія росла и округляла свои владѣнія за счетъ сосѣдей. Въ останкахъ этого, созданнаго грабежами, государства всѣ признаютъ и найдутъ свое добро. Развѣ нѣтъ у Австріи основанія напомнить, что Силезія незаконно была отнята у нея Фридрихомъ II-ымъ, и что, по праву собственности, она должна вернуться къ прежнему владѣльцу. Но, чтобы съ успѣхомъ потребовать возврата Силезіи, Австріи слѣдуетъ заранѣе втереться въ милость верховнаго распредѣлителя земель и провинцій. Договоръ о союзѣ съ императоромъ дастъ ей право явиться на раздѣлъ Пруссіи. Съ другой стороны, если Пруссія будетъ искать спасенія въ покорности и заключитъ союзъ съ Франціей, прежде чѣмъ это сдѣлаетъ Австрія, императоръ Наполеонъ, заручившись однимъ изъ двухъ

---

[1]) Донесеніе Меттерниха своему государю, 15 января 1812 г. Mémoires de Metternich, II, 442.

нѣмецкихъ государствъ, будетъ менѣе нуждаться въ другомъ и предложитъ ему не столь выгодныя условія. Конкуренція Пруссіи понизитъ цѣну на союзъ съ Австріей; австрійскій дворъ можетъ остаться назади, такъ сказать, за флагомъ. Вотъ почему, какъ при первомъ, такъ и при второмъ предположеніи австрійскій дворъ долженъ какъ можно скорѣе войти въ соглашеніе съ Наполеономъ и занять въ Тюльери вполнѣ опредѣленное положеніе [1]). 28 ноября Меттернихъ пригласилъ Шварценберга упредить Пруссію, и, явившись къ императору, откровенно заговорить о союзѣ; самъ же рѣшилъ на нѣкоторое время поддерживать несбыточныя надежды Шарнгорста и оттянуть рѣшительные шаги Пруссіи. Вотъ благодаря чему Наполеонъ, приступивъ съ австрійскимъ посланникомъ къ обсужденію вопроса о союзѣ, нашелъ въ немъ человѣка, уже снабженнаго инструкціями.

На совѣщаніи 17 декабря легко пришли къ соглашенію. Австрія обязалась дѣйствовать заодно съ нами противъ Россіи. Она согласилась выставить вспомогательный корпусъ. За это Наполеонъ гарантировалъ ей, если бы она того пожелала, обмѣнъ Галиціи на Иллирійскія провинціи въ томъ случаѣ, если результатомъ войны будетъ возрожденіе Польши. Кромѣ того, онъ позволялъ ей надѣяться на пріобрѣтенія на Дунаѣ—въ тѣхъ румынскихъ княжествахъ, которыя онъ считалъ потерянными Турціей, и глухо намекнулъ на улучшеніе границъ со стороны Германіи. Что же касается Силезіи, о которой было упомянуто только вскользь, то онъ не прочь былъ вернуть ее Австріи при малѣйшей попыткѣ Пруссіи уклониться въ сторону и кинуться въ пропасть [2]). Получивъ увѣдомленіе объ этомъ совѣщаніи и его результатахъ, Меттернихъ предоставилъ Шварценбергу полную свободу заключить союзъ и снабдилъ его полномочіями. Наполеонъ вскорѣ убѣдился, что вѣнскій дворъ, подобно берлинскому, ждетъ для заключенія договора только его соизволенія и готовъ дать свою подпись, когда ему будетъ угодно.

Такимъ образомъ, на громадной шахматной доскѣ Центральной Европы, гдѣ завязалась игра различныхъ силъ, все устрои-

---

[1]) Донесеніе Меттерниха опубликовано въ его Мемуарахъ, 422—435. Этотъ документъ по ошибкѣ былъ помѣченъ 28 декабря, но Меттернихъ, говоря позднѣе о своемъ трудѣ, относитъ его на 28 ноября.

[2]) Донесеніе Меттерниха по отчету, данному Шварценбергомъ, 15 января 1812 г. Mémoires, II, 435—440.

лось, благодаря цѣлому ряду шаговъ, приведшихъ къ результатамъ, какъ разъ обратнымъ тѣмъ, какихъ желали достигнуть Россія и Пруссія. Такъ какъ русскій императоръ, движимый политическими и стратегическими соображеніями, не рѣшился взять на себя защиту Пруссіи въ томъ видѣ, какъ она того желала, и не согласился слишкомъ далеко забираться въ Германію, Пруссія, съ отчаянія, кинулась къ Австріи съ просьбой о совѣтѣ и помощи ища у нея точки опоры. Въ свою очередь и Австрія испугалась какъ бы ея сосѣдка не выкинула какого-нибудь безразсуднаго поступка, который могъ и ее поставить въ нежелательное положеніе. Видя, какъ съ поразительной быстротой надвигаются важныя событія, и желая ихъ использовать, она не нашла иного способа, какъ сговориться съ тѣмъ, кому, повидимому, суждено было управлять ими. Она помчалась къ императору и смиренно предложила ему свои услуги.

V.

Не получая обратно изъ Берлина конвенціи отъ 17 октября съ королевской ратификаціей, Александръ понялъ, что у Фридриха-Вильгельма не хватило мужества довести до конца свой проектъ—возстать противъ Наполеона и попытать счастья въ войнѣ. Не допуская еще полной измѣны Пруссіи, царь сравнительно легко примирился съ рѣшеніемъ слабовольнаго короля, которое позволяло ему вернуться къ избранному имъ плану, т. е. къ плану оборонительной войны, на который онъ возлагалъ столько надеждъ. Поэтому онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы оказать давленіе на рѣшенія Пруссіи. Онъ снова застылъ въ неподвижной позѣ; онъ спокойно выслушивалъ подозрительныя просьбы Наполеона и отвѣчалъ на нихъ пренебрежительнымъ молчаніемъ. Но окружающіе его не такъ-то легко мирились съ мыслью о войнѣ, въ которой Россіи приходилось ставить на карту свою судьбу, и мы сейчасъ увидимъ, что страшныя тревоги Пруссіи совпали съ достойной вниманія попыткой наладить возобновленіе переговоровъ между императорами и создать благопріятныя условія для соглашенія. Это было личнымъ дѣломъ одного русскаго; честь эта принадлежитъ тому самому графу Нессельроде, первые выдающіеся шаги котораго предвѣщали блестящую карьеру.

23 октября Нессельроде прибылъ изъ Парижа въ Петербургъ. Ему дано было разрѣшеніе оставить на нѣсколько недѣль свой постъ секретаря при посольствѣ и пріѣхать въ отпускъ. Секретная миссія, которую онъ выполнялъ во Франціи на ряду съ своими офиціальными обязанностями, переписка съ любимцемъ царя и воплощенное ничтожество его непосредственнаго начальника—создали ему авторитетъ и значеніе гораздо выше его служебнаго положенія. Императоръ Александръ уже смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, котораго слѣдуетъ имѣть въ виду: какъ на будущаго министра. Со своей стороны и Наполеонъ публично—на аудіенціи 15 августа—осыпалъ его похвалами. Такое единомысліе императоровъ въ оцѣнкѣ его талантовъ внушило ему честолюбивую мысль разыграть крупную роль; возбудило въ немъ вполнѣ законное желаніе выдѣлиться изъ общаго уровня, избавивъ свое отечество отъ испытаній ужасной войны.

Несмотря на глубокую преданность царю, онъ не могъ не скорбѣть и не осуждать поведенія Александра. Онъ понималъ, что государь, сперва нежелавшій объясняться иначе, какъ загадками и перифразами, а затѣмъ уклонившійся отъ переговоровъ, во многомъ способствовалъ созданію теперешняго положенія вещей и въ значительной степени несъ за это отвѣтственность. Упорно придерживаться этой системы—значило навѣрняка навлечь на себя войну. Нессельроде боялся за ея исходъ. Менѣе смѣлый, чѣмъ его государь, онъ думалъ, что ни одно государство не въ состояніи самостоятельно, безъ союзниковъ, помѣряться силами съ колоссомъ. Въ то время, какъ Александръ, озаренный пророческимъ ясновидѣніемъ, видѣлъ спасеніе Россіи именно въ ея обособленности, въ то время, какъ онъ прекрасно распозналъ своихъ истинныхъ и всесильныхъ союзниковъ—время, климатъ, природу и безконечныя степи,—Нессельроде вѣрилъ только въ силу европейскихъ коалицій и стремился къ этому избитому средству. Хотя въ это время ни Пруссія, ни Австрія не отдались еще въ руки Франціи, однако, молодой дипломатъ прекрасно понималъ, что въ настоящее время Россіи не откуда ждать помощи; слѣдовательно, думалъ онъ, необходимо во что бы то ни стало избѣгнуть войны. По его мнѣнію, такъ какъ Наполеонъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ просилъ, и при томъ съ неутомимой настойчивостью, объ открытіи переговоровъ, то слѣдовало

поймать его на словѣ, хотя бы ради того, чтобы провѣрить его намѣренія, и высказать ему все, что было на сердцѣ. Слѣдовало начать переговоры, пока не поздно; слѣдовало приступить къ нимъ дружелюбно, съ добрыми намѣреніями и немедленно же послать въ Парижъ агента, уполномоченнаго положить конецъ распрѣ. Нессельроде намекалъ, что готовъ выполнить эту роль— начать переговоры о возстановленіи прежней близости и о примиреніи на основахъ, которыя оба императора могли бы принять не роняя своего достоинства.

Каковы же были эти основы? На этотъ предметъ Нессельроде на словахъ развилъ императору Александру свои мысли и затѣмъ запечатлѣлъ ихъ въ крайне интересной докладной запискѣ, гдѣ въ честолюбивомъ секретарѣ уже проглядываетъ государственный человѣкъ съ широкимъ кругозоромъ [1]). Разсмотрѣвъ распрю со всѣхъ сторонъ, онъ указалъ, въ чемъ, по его мнѣнію, можно было бы поступиться и какихъ гарантій слѣдовало добиться.

По вопросу о нейтральныхъ судахъ онъ не допускалъ никакихъ уступокъ. И честь, и интересы Россіи, говорилъ онъ, одинаково обязываютъ ее сохранить за собой свободу въ дѣлахъ торговли. Уже это одно должно отличить ее «отъ толпы слабыхъ союзниковъ, слѣпо повинующихся произволу и капризамъ Франціи». Зато онъ находилъ, что въ дѣлѣ Ольденбурга Россія должна признать себя виновной и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ отказаться отъ принципа территоріальнаго вознагражденія. Что же касается Польши, то можно бы было, опираясь на предложенія самого Наполеона, включить въ договоръ, въ любой формѣ, извѣстную уже статью о ея невозстановленіи. Но Нессельроде, обладавшій положительнымъ умомъ, не придавалъ бо́льшаго, чѣмъ слѣдуетъ, значенія этому платоническому удовлетворенію. По его мнѣнію, Россія должна инымъ путемъ искать обезпеченія своей безопасности. Слѣдовало потребовать отъ Наполеона, чтобы, независимо отъ договора, онъ ограничилъ свои наступательныя силы; чтобы далъ обязательство: сократить до точной цифры армію Понятовскаго и гарнизонъ Данцига, не посылать французскихъ войскъ въ герцогство Варшавское, постепенно вы-

---

[1]) Мы сообщаемъ эту докладную записку въ Приложеніи, подъ цифрой II. Всѣ слѣдующія ссылки до стр. 296 взяты изъ этого документа, въ которомъ Нессельроде постоянно ссылается на предыдущій разговоръ съ царемъ.

вести войска изъ крѣпостей на Одерѣ и освободить Пруссію, которая впредь должна служить буферомъ между обѣими имперіями. Въ возмѣщеніе за это отступленіе французскихъ силъ, Россія можетъ согласиться на нѣкоторыя мѣры къ разоруженію. Она съ полнымъ удобствомъ можетъ отвести свои войска на небольшое разстояніе отъ границы, и Нессельроде совѣтовалъ не дѣлать по этому поводу слишкомъ много затрудненій. Но вотъ, наконецъ, выступаетъ его главная мысль. «Есть еще, пишетъ онъ, одинъ капитальный пунктъ, который слѣдуетъ разсматривать почти какъ краеугольный камень»: слѣдуетъ, чтобы, по соглашенію между обоими императорами, Австрія была приглашена принять участіе въ ихъ сдѣлкѣ и поручилась за статьи договора.

Все еще вѣря въ силу коалицій и не зная, что Австрія уже рѣшила предоставить себя въ распоряженіе императора Наполеона, Нессельроде видѣлъ безопасность и будущее Россіи единственно въ сближеніи съ этимъ государствомъ. По его мнѣнію, вступленіе Австріи въ франко-русское соглашеніе дастъ, по всей вѣроятности, слѣдующій результатъ: оно установитъ между обоими дворами общность обязательствъ, интересовъ и правъ, вслѣдствіе чего навѣрное воскреснетъ прежнее довѣріе, — они вновь пріобрѣтутъ привычку думать и дѣйствовать сообща. Въ нѣдрахъ тройственнаго соглашенія можетъ образоваться тайный двойственный союзъ, и въ предлагаемой комбинаціи выгода Россіи будетъ состоять въ томъ, что въ настоящее время она избѣгнетъ войны, а на будущее подготовитъ новую коалицію, которая, смотря по обстоятельствамъ, будетъ или скрытой, или проявитъ себя на дѣлѣ. Если же Наполеонъ нарушитъ соглашеніе, Австрія, поручившаяся за соблюденіе такового, безъ сомнѣнія, не оставитъ безъ протеста свою подпись. Она сочтетъ долгомъ чести дѣйствовать заодно съ Россіей, и, быть можетъ, достаточно будетъ одного вида тѣсно связанныхъ между собой дворовъ, чтобы заставить побѣдоноснаго императора подумать и относиться съ уваженіемъ. «Тотъ день, когда оба государства въ первый разъ дерзнутъ высказать одни и тѣ же принципы и заговорятъ съ французскимъ правительствомъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, будетъ днемъ, въ который возродится изъ пепла свобода Европы. Этотъ день будетъ предвѣстникомъ воскрешенія политическаго равновѣсія, безъ котораго, что бы ни дѣлали, до-

стоинство государей, самостоятельность государствъ и благосостояніе народовъ будутъ только грустнымъ воспоминаніемъ. Такимъ образомъ, отъ одной хорошо-разсчитанной мѣры получится цѣлый рядъ выгодъ, и Ваше Величество, отвративъ грозу, увидитъ плоды своей мудрой политики—зачатки истиннаго мира, котораго,—если онъ только совмѣстимъ съ существованіемъ императора Наполеона,—при томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находятся всѣ государства, какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ихъ матеріальныхъ средствъ, можно добиться только этимъ путемъ».

При чтеніи этой части докладной записки, трудно отрѣшиться отъ одного воспоминанія: само собой напрашивается извѣстное сопоставленіе. Высказанныя въ ней мысли представляютъ точное воспроизведеніе тѣхъ мыслей, которыя не такъ давно—во время ночныхъ свиданій въ Эрфуртѣ—излагалъ императору Александру Талейранъ и которыя вскорѣ послѣ свиданія въ Эрфуртѣ онъ старался внушить и Меттерниху. Съ тѣхъ поръ, какъ Талейранъ вступилъ съ иноземнымъ государемъ въ заговоръ противъ властолюбивыхъ стремленій Наполеона, онъ видѣлъ только одинъ способъ обуздать великаго разрушителя: это создать союзъ двухъ имперій, могущество которыхъ болѣе или менѣе сохранилось и пережило крушеніе Европы. Чѣмъ больше старался его повелитель разъединить ихъ, тѣмъ больше прилагалъ онъ усилій ихъ сблизить. Какъ Наполеонъ, такъ и Талейранъ съ одинаковой проницательностью усматривали въ сближеніи, если бы таковое установилось между Петербургомъ и Вѣной, узелъ всякой серьезной коалиціи. Наполеонъ старался его разсѣчь, Талейранъ втихомолку работалъ надъ тѣмъ, чтобы завязать его, и, нѣтъ сомнѣнія, что Нессельроде былъ орудіемъ, избраннымъ Талейраномъ для этой чрезвычайно важной задачи. Если припомнить, что, по приказанію Александра, Нессельроде поддерживалъ близкія отношенія съ княземъ Беневентскимъ, что онъ получалъ отъ него совѣты, выслушивалъ дружескія признанія и наставленія, то предположеніе о случайномъ совпаденіи мыслей этихъ двухъ людей падаетъ само-собой. Мысли, изложенныя Нессельроде въ его запискѣ, доказываютъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться уроками своего наставника и что за спиной Нессельроде скрывался Талейранъ.

Александръ горячо оспаривалъ эти мысли и не хотѣлъ со-

гласиться съ своимъ собесѣдникомъ. Видно было, что онъ чувствовалъ величайшее отвращеніе къ переговорамъ. Нессельроде стоялъ на своемъ. Со смѣлостью глубоко-убѣжденнаго человѣка, онъ напомнилъ Александру, что его молчаніе ставитъ его въ ложное и невыгодное положеніе; что Европа истолкуетъ въ дурную сторону причины такого молчанія; что Россія, упорствуя въ своемъ нежеланіи вести переговоры, доставляетъ Наполеону прекрасный случай объявить ей войну. «Отказываться и далѣе отъ переговоровъ, сказалъ онъ, значитъ явно принять на себя вину и признать за нимъ право готовиться къ войнѣ съ нами».

Александръ не могъ не признать силы этихъ доводовъ, но только въ послѣднюю минуту высказалъ свое главное возраженіе, ту затаенную заднюю мысль, которая уже въ теченіе года руководила его поведеніемъ. «Если кончить теперешнюю распрю соглашеніемъ,—сказалъ онъ,—то исчезнетъ и та обида, которую Франція нанесла намъ, присоединивъ къ себѣ Ольденбургъ». Слѣдовательно, онъ желалъ сохранить за собой обиду противъ Франціи; онъ «хотѣлъ приберечь таковую съ цѣлью воспользоваться ею для открытія своихъ гаваней въ тотъ моментъ, когда императоръ Наполеонъ не будетъ въ состояніи вести съ нами войну только изъ-за этой причины».

Нессельроде отвѣтилъ ему слѣдующее: «Я думаю, что въ этомъ отношеніи Ваше Величество можетъ положиться на всѣмъ извѣстный характеръ императора; ибо, навѣрное, императоръ не замедлитъ дать вамъ новые поводы къ жалобамъ и упрекамъ. Къ тому же, ваши обязательства съ нимъ не вѣчны, и если въ теченіе еще нѣкотораго времени они не окажутъ на Англію воздѣйствія, котораго онъ тщетно надѣется при помощи ихъ добиться, Ваше Величество всегда будетъ въ правѣ заявить Франціи, что не можетъ долѣе жертвовать интересами своей имперіи ради идеи, нелѣпость которой доказалъ шестилѣтній опытъ. Никто не усмотритъ въ этомъ заявленіи нарушенія договоровъ, и если къ тому времени намъ удастся упрочить нашу оборону и довести ее до тѣхъ размѣровъ и усовершенствованій, которые она должна имѣть при жизни Наполеона, я даже сомнѣваюсь, чтобы ваше заявленіе могло вызвать войну».

Въ концѣ-концовъ Александръ далъ убѣдить себя или сдѣлалъ видъ, что его убѣдили. Въ это время у него была особая, крайне серьезная причина къ тому, чтобы, подавивъ свои чув-

ства, сдѣлать шагъ къ примиренію и начать переговоры или просто подобіе переговоровъ, и, нужно признать, что Нессельроде искусно сумѣлъ придать особую цѣну этой случайной причинѣ.

Побѣда, одержанная русскими на Дунаѣ, дала предвидѣнный Наполеономъ результатъ. Спасшійся бѣгствомъ въ Рущукъ великій визирь тотчасъ же приказалъ передать Кутузову предложеніе о мирѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился въ Константинополь съ просьбой прислать ему инструкціи и полномочія, а въ ожиданіи ихъ открылъ переговоры. Такимъ образомъ, миръ, который русскіе надѣялись выманить втихомолку, при посредничествѣ Англіи, былъ предложенъ имъ во всеуслышаніе. Онъ былъ почти что обезпеченъ за ними. Но, думалъ Александръ, не создастъ ли очевидность такого завершенія войны препятствій къ заключенію мира? Царь зналъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какой тревогой слѣдилъ Наполеонъ за всѣми перипетіями кампаніи, какую цѣну придавалъ онъ продолженію войны, отвлекавшей боевыя силы Россіи. Теперь, думалъ царь, когда турки, обезумѣвъ отъ пораженія, бросились, сломя голову, въ переговоры, Наполеонъ можетъ рѣшиться на самыя ужасныя дѣянія, только бы убѣдить турокъ отказаться отъ переговоровъ, только бы придать имъ мужество и помѣшать близкому миру, столь невыгодному для его политики! Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что онъ рѣшится двинуть въ Германію главную часть своихъ войскъ, займетъ Пруссію; нападетъ на Россію или открыто будетъ угрожать ей, и этой косвенной помощью туркамъ разстроитъ дѣло русской дипломатіи на Дунаѣ. Можно думать, что именно съ цѣлью остановить Наполеона, предупредить съ его стороны «нежелательныя демонстраціи» [1]), не дать въ настоящее время законнаго повода и возможности сдѣлать еще шагъ впередъ по направленію къ Сѣверу, императоръ Александръ и счелъ нужнымъ сдѣлать попытку къ примиренію и возобновленію переговоровъ. Каковъ бы ни былъ результатъ, царь могъ надѣяться выиграть время для завершенія миромъ войны съ турками и укрѣпленія своего лѣваго фланга.

Нессельроде былъ предупрежденъ, что въ скоромъ времени государь пошлетъ его въ Парижъ съ спеціальнымъ порученіемъ. Чтобы онъ могъ болѣе достойнымъ образомъ явиться въ Тюльери,

---

[1]) Донесеніе Чернышева отъ 10—22 октября, вышеупомянутый томъ, 260.

его повысили въ чинѣ. Ему нашили «еще одинъ галунъ на мундиръ» [1]) и произвели въ статсъ-секретари, что давало ему право на званіе полномочнаго министра. Приблизительно въ это же время Александръ сказалъ Лористону, что, желая положить конецъ раздорамъ и отбросивъ ложный стыдъ, онъ рѣшился заговорить; что хочетъ объясниться устами Нессельроде ясно, откровенно и, не имѣя въ виду быть слишкомъ требовательнымъ, точно и искренно изложить свои желанія. «Я хочу покончить и не буду дѣлать затрудненій» [2]), — таковы были его слова. Онъ сказалъ, что Нессельроде будетъ уполномоченъ вести переговоры о всѣхъ вопросахъ вообще и о каждомъ въ отдѣльности. «Ему будетъ извѣстенъ мой взглядъ; его инструкціи будутъ очень подробны, разработка ихъ уже въ ходу» [3]), прибавилъ Александръ. Дѣйствительно, Нессельроде получилъ приказаніе подготовить для самого-себя вступленіе къ инструкціямъ въ духѣ своей докладной записки [4]).

Хотя планъ примиренія былъ составленъ весьма талантливо, но отъ этого онъ не сдѣлался болѣе осуществимымъ. Наполеонъ никогда не подписалъ бы соглашенія, которое не давало ему возможности вернуть къ себѣ Россію и вновь заточить ее въ континентальную систему. Сверхъ того, съ его стороны было бы большой наивностью, если бы онъ, имѣя на своей сторонѣ Австрію, самъ толкнулъ бы ее въ объятія Александра. Впрочемъ, ему и не пришлось отклонять предложеній Нессельроде. Если и допустить, что одно время царь, дѣйствительно, желалъ вступить въ переговоры, то это желаніе было очень кратковременно. Вдобавокъ вліянія самыхъ противоположныхъ лагерей состязались въ томъ, чтобы разсѣять таковое. Съ одной стороны Армфельтъ и его партія увидѣли въ этомъ желаніи признакъ слабохарактерности; съ другой, Румянцевъ, всѣмъ сердцемъ желая мира, не допускалъ мысли, чтобы примиреніе состоялось черезъ другого посредника, а не черезъ него. Ревнуя царя къ Нессельроде, въ которомъ чуялъ будущаго министра — своего замѣстителя, онъ, по всей вѣроятности, и отсовѣтовалъ послать его. Александръ легко позволилъ отвлечь себя отъ шага, на который

---

[1]) Слова Александра Лористону, по письму Лористона отъ 10 января 1812 г.

[2]) Лористонъ Маре́, 18 и 27 ноября 1811 г.

[3]) l d., 16 и 22 ноября 1811 г.

[4]) Archives de Saint-Pétersbourg.

согласился, скрѣпя сердце. Очень скоро выяснилось, что заявленіе о переговорахъ было только приманкой, пустой выдумкой, которой имѣлось въ виду не допускать французской диверсіи въ пользу Турціи. Въ ноябрѣ и декабрѣ съ Лористономъ постоянно заводили разговоръ о предполагаемой командировкѣ Нессельроде; ему говорили о ней, какъ о дѣлѣ безповоротно рѣшенномъ; а между тѣмъ задерживали и откладывали ее подъ разными предлогами до безконечности. Каждый день Нессельроде былъ наканунѣ отъѣзда и все-таки не поѣхалъ [1]).

Въ продолженіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ Александръ водилъ за носъ нашего посланника, ожидая съ минуты-на-минуту успѣшнаго результата своей уловки, т. е. извѣстій о заключеніи мира на Дунаѣ. Но миръ не состоялся. Султанъ Махмудъ и Диванъ выказали неожиданную стойкость и отказались уступить восточную часть княжествъ. Дѣло провалилось; игра, задуманная съ цѣлью предупредить вмѣшательство Наполеона, потеряла смыслъ. Царь постарался найти и скоро нашелъ предлогъ взять обратно обѣщаніе начать переговоры.

Въ разговорѣ съ пруссакомъ Круземаркомъ, который имѣлъ мѣсто въ Тюльери 16 декабря [2]) и слухи о которомъ дошли до Россіи, Наполеонъ сказалъ, что онъ былъ бы очень радъ пріѣзду Нессельроде, но, при этомъ добавилъ, что, по его мнѣнію, было бы ошибкой придавать этому порученію торжественный характеръ. Эта фраза вполнѣ выражала его мысль. Его желаніемъ было, чтобы Нессельроде вернулся къ нему не въ качествѣ снабженнаго полномочіями парламентёра, а въ качествѣ простого собесѣдника; онъ хотѣлъ начать черезъ него длительные переговоры, которые дали бы ему возможность пережить зиму и облегчили бы отсрочку враждебныхъ дѣйствій до намѣченнаго времени. Онъ не хотѣлъ, чтобы торжественное посольство вручило ему нѣчто въ родѣ ультиматума, отказъ отъ котораго ускорилъ бы войну. Его оговорка относилась только къ внѣшней сторонѣ порученія. Александръ притворился, будто понялъ, что она относится къ сути дѣла. Опираясь на это ложное толкованіе, онъ тотчасъ же заявилъ, что его достоинство не позволяетъ ему отправить

---

[1]) Переписка Лористона, ноябрь и декабрь 1811 г., январь 1812 г., passim.

[2]) См. донесеніе Чернышева отъ 31 декабря—12 января, вышеупомянутый томъ, стр. 280—287. Cf. Thiers, XIII, 396 и Ernouf, 307—308. Каждый изъ этихъ авторовъ истолковываетъ слова императора по предвзятой системѣ.

вѣстника мира къ государю, мало склонному принять его. Затѣмъ, онъ добавилъ,—говоря уже правду,—что русскіе агенты доносятъ ему о нашихъ усиленныхъ приготовленіяхъ, о скоромъ выступленіи нашихъ войскъ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ унизиться до просьбы о мирѣ подъ давленіемъ надвигающейся угрозы и отказывается отправить Нессельроде.

Наполеонъ давно понялъ, что Александръ отказался отъ намѣренія отправить молодого дипломата; онъ рѣшилъ, что, быть можетъ, у царя никогда и не было этого намѣренія. Лишній разъ оба императора убѣдились въ неискренности другъ друга и еще болѣе утвердились въ намѣреніи рѣшить дѣло войной. Александръ далъ барону Армфельту «свое рыцарское слово» никогда не имѣть ничего общаго съ Бонапартомъ. Онъ представилъ шведа императрицѣ, какъ своего будущаго боевого товарища, какъ брата по оружію. «Надѣюсь, сказалъ онъ, что сдѣлаюсь достойнымъ его» [1]). Съ своей стороны Наполеонъ, говоря о русскихъ, сказалъ Шварценбергу: «Эти сумасшедшіе хотятъ воевать со мной; весной я начну съ ними войну во-главѣ пятисотъ тысячъ человѣкъ» [2]). Теперь наступило время, когда, чтобы имѣть возможность начать войну весной, ему нужно было соединить свои арміи, созвать союзниковъ и двинуть всѣ силы на Сѣверъ. Всѣ пути ему открыты. Полное подчиненіе Германіи даетъ ему свободный путь на всемъ пространствѣ отъ Рейна до Нѣмана, отъ Майнца до Вильны. Теперь онъ свободно можетъ подойти къ русской землѣ и углубиться въ ея необозримыя пространства. Мы прослѣдили, какъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, онъ добивался этого результата, съ какимъ искусствомъ замедлялъ ходъ событій, какими глубоко-разсчитанными маневрами то успокаивалъ, то насиловалъ Пруссію; какъ, неспѣша, оплеталъ Австрію, какъ хитрилъ все время, всюду, съ непоколебимымъ упорствомъ. Странное, невыразимо тяжелое впечатлѣніе производитъ это зрѣлище: сердце сжимается отъ боли, когда видишь, какъ онъ неистово стремится къ пріобрѣтенію выгодъ, которыя приведутъ его къ гибели; сколько сверхчеловѣческихъ усилій затрачиваетъ онъ, чтобы добиться ихъ; какъ терпѣливо прокладываетъ себѣ пути къ порогу той Россіи, гдѣ закатится его счастливая звѣзда; съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ обезпечиваетъ себѣ путь къ пропасти!

---

[1]) Tegner, III, 389.
[2]) Duncker, 424, по донесенію Шварценберга.

ГЛАВА IX.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ.

Великая армія должна составиться изъ многихъ армій.—Мѣста стоянки отдѣльныхъ частей. — Колоссальная цифра войскъ. — Какъ ихъ собрать воедино; какой опасности слѣдуетъ избѣгнуть.—Какой планъ составилъ императоръ, чтобы собрать воедино всѣ свои военныя силы и постепенно направить ихъ въ Россію.—Доведенныя до мелочей усилія обезпечить тайну первоначальныхъ движеній.—Переходы войскъ по ночамъ.—Соотвѣтственныя инструкціи Лористону.—Система прогрессивнаго обмана.—Всевозможныя ухищренія.—Присутствіе Чернышева дѣлается стѣснительнымъ; за нимъ устанавливается надзоръ. — Разговоръ въ Елисейскомъ дворцѣ и отправленное оттуда посланіе.—Наконецъ-то Наполеонъ излагаетъ свои требованія относительно блокады.—Относительная искренность его предложеній; ихъ главная цѣль.—Отъѣздъ Чернышева.—Розыскъ.—Записка въ качествѣ улики.—Соперничество между министерствомъ полиціи и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: роль префекта полиціи.—Открытіе и арестъ виновныхъ.—Десять лѣтъ шпіонства и измѣны.—Предстоящій процессъ.—Наполеонъ сдерживаетъ свой гнѣвъ.—Испугъ Куракина.—Какъ ведется дѣло, чтобы онъ не далъ сигнала къ тревогѣ. — Переходъ итальянской арміи черезъ Альпы. — Всѣ войска приходятъ въ движеніе. — Какой договоръ продиктованъ Пруссіи.—Тревога въ Берлинѣ; вступленіе французовъ. — Вступленіе во владѣніе.—Страна ненависти.—Походъ на Сѣверъ.—Войска идутъ эшелонами.—Роль, назначенная прусскому контингенту.—Договоръ съ Австріей.—Воззваніе къ Турціи.—Наполеонъ надѣется возродить Исламъ. — Роль, назначенная оттоманской кавалеріи.—Наполеонъ покоряется необходимости начать переговоры съ Бернадотомъ.—Какія предложенія были переданы наслѣдной принцессѣ. — Захватъ шведской Помераніи: его послѣдствія. — Первыя разочарованія.—Прибытіе и развертываніе нашихъ армій на Вислѣ. — Задуманный отъѣздъ отложенъ.—Борьба съ голодомъ.—Разговоръ съ великимъ канцлеромъ.—Коленкуръ противъ войны; упорныя, но тщетныя усилія Наполеона склонить его въ пользу своихъ плановъ.—Настроеніе императора.—Его слова Савари и Паскьѣ.—Два плана кампаніи; Наполеонъ поддается влеченію къ Москвѣ.—Его воображеніе беретъ верхъ надъ разсудкомъ. — Головокружительныя мечты.—По ту сторону Москвы.— Востокъ.—Египетъ. — Индія. — Разговоръ съ Нарбонномъ.—Воображаемыя картины далекаго божественнаго апоѳеоза.

I.

Въ февралѣ 1811 г. всѣ части, назначенныя войти въ составъ великой арміи, были уже сформированы, но не были еще соединены. Онѣ тянулись, размѣстившись по квартирамъ въ Германіи, сѣверной Франціи и Италіи на пространствѣ отъ Данцига до Парижа, отъ острова Текселя до Вѣны. Когда въ сѣверо-восточномъ углу этого громаднаго четыреугольника гарнизонъ Данцига едва достигъ двадцатипятитысячнаго состава, когда герцогство Варшавское выбивалось изъ силъ, чтобы выставить шестьдесятъ тысячъ воиновъ, армія Даву, поставленная у основанія Датскаго полуострова, уже насчитывала сто тысячъ отборнаго французскаго войска, усиленнаго нѣсколькими нѣмецкими полками. Она должна была составить первый корпусъ великой арміи. Далѣе, между Эльбой и Рейномъ, государства Конфедераціи собрали сто двадцать двѣ тысячи человѣкъ. Прибавивъ къ своимъ войскамъ саксонцевъ, баварцевъ, вюртембержцевъ, вестфальцевъ, бригады Берга, Гессена и Бадена, т. е. войска, выставленныя и снаряженныя королями и принцами, Наполеонъ имѣлъ матеріалъ для сформированія трехъ полныхъ корпусовъ—6-го, 7-го и 8-го—и нѣсколькихъ вспомогательныхъ дивизій и бригадъ. Для образованія 2-го корпуса были назначены три дивизіи Удино и двѣ его же кавалерійскія бригады, собранныя у границъ Вестфаліи. Для 3-го—пятьдесятъ тысячъ человѣкъ Нея, сгруппированныхъ около Майнца. Къ югу отъ Германіи, за Альпами, стояла на-готовѣ итальянская армія, которую имѣлось въ виду назвать 4-ымъ корпусомъ. Въ ея составъ входили, кромѣ нѣсколькихъ французскихъ дивизій, итальянская королевская гвардія, линейныя и легкія войска Цизальпинскаго королевства, полкъ кроатовъ, испанскій Жозефа-Наполеона полкъ, далматскій полкъ, французскіе и итальянскіе егеря,—всего восемьдесятъ тысячъ подъ командой Евгенія, при которомъ назначенъ былъ состоять въ роли руководителя и совѣтника Жюно. Въ самой Франціи ждали приказанія двинуться въ путь гвардія, парки тяжелой артиллеріи, запасы матеріальной части и девять тысячъ повозокъ для перевозки провіанта. Между этими войсками носились громадныя полчища кавалеріи. Изъ нихъ предполагалось составить отдѣльныя, весьма подвижныя и легко управляемыя единицы.

Теперь дѣло шло о томъ, чтобы собрать на сравнительно небольшомъ пространствѣ почти всѣ боевыя силы всей Европы, чтобы слить и спаять въ одно цѣлое всѣ эти разнородные элементы, чтобы создать изъ нихъ одну грозную армію, поставить ее между Рейномъ и Эльбой, лицомъ къ Россіи и затѣмъ двинуть эти массы людей такъ, чтобы онѣ, подобно морской волнѣ, прокатились по всей Германіи къ границамъ Россіи. Трудъ безпримѣрный, требовавшій отъ императора почти сверхчеловѣческаго напряженія ума и точнаго разсчета. Движенія разныхъ частей должны совершаться съ неукоснительной точностью. Всѣ пути сообщенія, всѣ средства для продовольствія войскъ должны быть приготовлены и обезпечены заранѣе, ибо достаточно малѣйшей ошибки, малѣйшаго недочета, чтобы на всемъ пути вызвать загроможденіе, замѣшательство, безпорядокъ и изъ разноязычныхъ, но дисциплинированныхъ массъ создать Вавилонское столпотвореніе вооруженныхъ людей. Главная трудность задачи состояла въ томъ, чтобы выполнить ее съ возможно меньшей оглаской, почти неслышно. Дѣйствительно, и теперь еще русскіе могутъ, если во-время разгадаютъ наши планы, воспользоваться численнымъ превосходствомъ, могутъ напасть на наши аванпосты на Вислѣ, могутъ опустошить страну, имѣющую своимъ назначеніемъ снабжать насъ въ началѣ кампаніи провіантомъ, и, такимъ образомъ, отбросить назадъ уже надвигающееся вторженіе.

Боязнь, что русскіе разстроятъ его планъ военныхъ дѣйствій, постоянно преслѣдовала Наполеона. Чтобы не допустить этого, онъ рѣшилъ облечь глубочайшей тайной свои приготовленія къ войнѣ и свои начальныя операціи. Вскорѣ армія въ четыреста тысячъ человѣкъ должна будетъ потихоньку сняться съ мѣста и чуть не на цыпочкахъ выступить въ походъ. Для соблюденія тишины будутъ приняты всѣ мѣры. Постараются тщательно заглушить и подбить ватой всѣ пружины, которыя надлежитъ пустить въ ходъ. Если бы концентрація войскъ обнаружилась, она должна продолжаться далѣе съ молніеносной быстротой, чтобы какъ можно скорѣе поставить непріятеля предъ совершившимся фактомъ. Затѣмъ, по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ къ Сѣверу, императоръ постарается своей рѣчью смягчить угрожающій характеръ наступленія. Онъ прикажетъ сказать въ Петербургѣ, что подозрительное и непонятное поведеніе Россіи вынуждаетъ его двинуть войска и выставить ихъ въ линію; но что,тѣ мъ не

менѣе, онъ всегда готовъ выслушать всякое предложеніе, подсказанное желаніемъ придти къ мирному соглашенію. Онъ намѣренъ, что дальше, то больше притворяться, все больше высказывать горячее желаніе вступить въ переговоры, и, по мѣрѣ того, какъ его войска будутъ двигаться впередъ, будутъ усиливаться и его увѣренія, и настойчивыя просьбы миролюбиво покончить дѣло.

Планъ концентраціи и выступленія войскъ въ походъ, принятый Наполеономъ, былъ слѣдующій: Итальянская армія, какъ самая отдаленная, выступитъ первой; она перейдетъ Альпы, пройдетъ по Баваріи и по прямой линіи дойдетъ до Бамберга—центра Германіи, на полпути между Рейномъ и Эльбой. Здѣсь она свернетъ направо и пойдетъ на сѣверо-востокъ, по направленію къ Россіи. 2-ой и 3-ій корпуса, 6-ой (баварскій), 7-ой (саксонскій), 8-ой (вестфальскій), сообразуя свое движеніе съ движеніемъ итальянской арміи, будутъ равняться съ ея лѣвымъ крыломъ и строиться въ одну линію съ ней, тогда какъ 1-ый корпусъ—корпусъ Даву,—быстро двинется къ Одеру для того, чтобы русскіе, если бы имъ вздумалось перейти въ наступленіе, тотчасъ же споткнулись объ эту преграду. Тѣмъ временемъ остальныя колонны соединятся и дружно направятся къ непріятельской границѣ. Онѣ будутъ идти, смотря по обстоятельствамъ, то скорѣе, то медленнѣе, но всегда правильными рядами, эшелонами — сперва на Эльбу, затѣмъ отъ Эльбы на Одеръ, наконецъ, крадучись, направятся къ Вислѣ, при чемъ, насколько представится возможнымъ, будутъ останавливаться на каждой изъ этихъ большихъ рѣкъ, чтобы перевести духъ, чтобы выравнять дистанцію и, пользуясь этими рѣками, какъ станціями на которыхъ все заранѣе будетъ заготовлено, собраться съ силами и упорядочить свой походъ на Сѣверъ. Корпусъ Даву будетъ все время идти впереди на одинъ эшелонъ, т. е. на одну рѣку и, подобно подвижной оградѣ, будетъ служить для другихъ колоннъ прикрытіемъ, за которымъ будетъ совершаться движеніе всѣхъ войскъ. Въ это время наша дипломатія должна помогать военнымъ операціямъ. Къ тому времени, когда армія будетъ проходить черезъ Пруссію и мимо Австріи, она должна скрѣпить съ ними нашъ союзъ, дабы оба государства въ назначенномъ имъ мѣстѣ могли присоединиться и принять участіе въ великомъ походѣ. Такимъ образомъ, наши военныя силы будутъ пополняться во ремя сво-

его движенія, и, наконецъ, по прибытіи на Вислу, выравнявшись по лѣвому крылу арміи Даву, будутъ ждать прибытія императора и хорошаго времени года, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ: достичь Нѣмана, подойти вплотную къ Россіи и выставить передъ ея границами цѣлый рядъ армій [1]).

Первые приказы были отправлены въ періодъ отъ 8 по 10 февраля либо самимъ Наполеономъ, либо начальникомъ генеральнаго штаба, принцемъ Невшательскимъ. Не было той предосторожности, къ которой бы ни прибѣгъ Наполеонъ, чтобы обезпечить тайну. Гвардейскимъ стрѣлкамъ, застрѣльщикамъ и артиллеристамъ, которые стояли гарнизономъ въ окрестностяхъ Парижа и которымъ предстояло отправиться въ Брюссель, чтобы тамъ вмѣстѣ съ другими отрядами сформироваться въ дивизію, предписано было выступить ночью, минуя городъ [2]). Эти храбрецы должны отправиться въ величайшій походъ XIX столѣтія, какъ на воровское дѣло. Генералъ Кольберъ, который долженъ былъ отправиться въ Бельгію, чтобы принять начальство надъ своей легкой конницей, уѣдетъ «ни съ кѣмъ не простившись» [3]). Гвардейскіе гренадеры будутъ отправлены изъ Компьена на Мецъ ночью, не зная о цѣли похода. Дѣйствовать быстро, но молча— вотъ приказъ, который, выйдя изъ Франціи, пронесется съ одного конца Германіи до другого, и, дойдя до Эльбы, предупредитъ Даву, чтобы тотъ былъ на-сторожѣ и избѣгалъ всякаго рода нескромности [4]).

Съ особенной точностью и тщательностью принятая система была примѣнена къ итальянской арміи. Жюно, которому надлежало отправиться за этой арміей въ Верону и затѣмъ провести ее черезъ Альпы, предлагается скрыться изъ Парижа, «соблюдая глубочайшую тайну о своемъ отъѣздѣ и назначеніи — такъ, чтобы даже его адъютанты и прислуга не знали, куда онъ ѣдетъ» [5]). Движеніе войскъ должно начаться самое позднее 20-го и, даже 18-го, если это окажется возможнымъ. Пока же войска будутъ скрываться, свернувшись въ комокъ, въ долинахъ Тріента

---

[1]) См. la Correspondance impériale, февраль, мартъ и апрѣль 1811 г., и ясное изложеніе Thiers'a, т. XIII, кн. XLIII.

[2]) Corresp., 18490.

[3]) Id.

[4]) Id., 18494.

[5]) Id., 18489.

и верхней Ломбардіи; только отряды саперъ и артели горцевъ пойдутъ впередъ для очистки заваленныхъ снѣгомъ ущелій и для поддержанія въ полномъ порядкѣ дорогъ, дабы, по выступленіи арміи, ничто не задержало ея движенія, и чтобы она могла вступить въ Германію одновременно съ слухами о ея приближеніи [1]).

Благодаря такимъ предосторожностямъ и такой быстротѣ, къ тому времени, когда слухи о нашихъ первыхъ движеніяхъ дойдутъ до Россіи, концентрація войскъ будетъ уже въ полномъ ходу. Важно было устроить такъ, чтобы въ этотъ періодъ времени нашъ посланникъ въ Петербургѣ имѣлъ возможность изо дня-въ-день опровергать опасенія, которыя неминуемо будутъ тамъ высказываться; чтобы у него на все былъ готовый отвѣтъ и чтобы ему не приходилось при дачѣ объясненій попадать въ неловкое положеніе; нужно было въ изобиліи снабдить его правдоподобными, хорошо придуманными доводами, которымъ могли бы повѣрить. 18 февраля ему была отправлена длинная министерская инструкція. Эта бумага показываетъ, до какой степени французское правительство было изобрѣтательно на всевозможныя хитрости. Въ инструкціи, Лористону подсказывается цѣлый рядъ объясненій, которыми онъ можетъ пользоваться, смотря по тому, какую стадію пути будутъ проходить наши войска; въ ней устанавливаются извѣстныя градаціи двоедушія. Это цѣлый курсъ прогрессивнаго развитія лжи и лицемѣрія, разработанный на пятнадцати страницахъ мелкаго, убористаго письма. Никогда дипломатія не дошла бы до такой беззастѣнчивости въ искусствѣ перелицовывать истину, если бы не видѣла поучительнаго примѣра такой лживости въ искусствѣ Александра драпироваться въ тогу добродѣтели, благородныхъ чувствъ и нѣжной дружбы, съ какимъ онъ въ 1811 г. подготовлялъ внезапное нападеніе на Варшаву и вторженіе въ Германію [2]).

Въ первое время, когда вѣсть о движеніи нашихъ войскъ появится въ видѣ неопредѣленнаго слуха, Лористонъ начнетъ съ

---

[1]) Corresp., 18488, 18492, 18495.

[2]) Взгляды барона Fain'a въ его рукописи о 1812 г., равно какъ Bignon'a и Ernouf'a, въ которыхъ проводится мысль, что у императора было искреннее желаніе начать переговоры и избѣгнуть войны, такъ же не выдерживаютъ критики, какъ и взглядъ Thiers'a, который стремится обвинить во всемъ Наполеона и снять отвѣтственность съ Александра.

рѣшительнаго отрицанія, безъ малѣйшихъ колебаній. «Вы должны, пишетъ ему министръ, безусловно ничего не знать о движеніи войскъ вице-короля до тѣхъ поръ, пока не получатся достовѣрныя извѣстія, что его армія въ Регенсбургѣ. Тогда вы скажете, что не вѣрите этому; что думаете, что дѣло идетъ о нѣсколькихъ батальонахъ, сформированныхъ изъ рекрутовъ римскихъ департаментовъ и Тосканскаго герцогства; что, вѣроятно, эти батальоны проходятъ черезъ Баварію въ Дрезденъ. Вы можете прибавить, что, дѣйствительно, получили свѣдѣнія о такого рода передвиженіи отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Вы дадите это объясненіе въ такихъ выраженіяхъ, чтобы не ставить себя въ неловкое положеніе. Возможно, что, такимъ образомъ, вы выиграете пять-шесть дней, а, можетъ быть, и больше.

«Когда заговорятъ съ вами о движеніи войскъ, которыя стоятъ въ Майнцѣ и Мюнстерѣ, вы сначала не отвѣтите на это и, такимъ образомъ, выиграете еще нѣсколько дней. Затѣмъ, вы скажете, что необходимо имѣть резервъ на сѣверѣ, и что, на время вздорожанія хлѣба, нашли выгоднымъ удалить изъ окрестностей Парижа извѣстное количество потребителей и отправить ихъ въ страны, гдѣ хорошій урожай. Послѣ этого, вы можете дать понять, что пока войска не перешли за Одеръ, на которомъ крѣпости заняты французами, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ; что эти движенія суть внутреннія, а не враждебныя.

«Когда нельзя будетъ отрицать движенія войскъ вице-короля, вы скажете, что Его Величество, дѣйствительно, сосредоточиваетъ свои силы; что Россія, ведя переговоры и не желая войны, давнымъ-давно сосредоточила свои войска; что Его Величество тоже не хочетъ войны, но что ему угодно вести переговоры при одинаковыхъ съ Россіей условіяхъ.

«Вы должны соразмѣрять ваши слова такъ, чтобы выиграть время. Вы должны каждый день говорить другое, и признаваться въ чемъ-либо только тогда, когда въ сообщенныхъ вамъ депешахъ будетъ указано, что это уже извѣстно.

«Его Величество имѣетъ право собирать войска и артиллерію на линіи Одера, равно какъ и императоръ Александръ имѣлъ право собрать свои войска на берегахъ Нѣмана и Борисфена *)

*) Древнее названіе Днѣпра. (Прим. перев.)

и на границахъ герцогства Варшавскаго. Русскія войска уже годъ стоятъ на границахъ конфедеративныхъ государствъ, т. е. на границахъ Франціи, тогда какъ войска императора еще очень далеки отъ русскихъ границъ».

Особенно, говорится далѣе въ инструкціи, придется позаботиться о томъ, чтобы предотвратить вторженіе врага, въ то время, когда наши головныя колонны будутъ переходить Одеръ и занимать территоріи на Вислѣ. Установивъ сперва положеніе, что французы, занимая страны, состоящія подъ ихъ протекторатомъ, не превышаютъ своихъ правъ, и что въ Варшавѣ они у себя дома, посланникъ можетъ сказать, что, наоборотъ, если русскіе хоть на одинъ шагъ перейдутъ свои границы и вступятъ на землю нашихъ союзниковъ,—они тѣмъ самымъ совершатъ враждебный поступокъ и разрушатъ всѣ надежды на миръ. «Въ тотъ день, когда хотя бы одинъ казакъ вступитъ на территорію Конфедераціи, война будетъ объявлена». Но Лористонъ долженъ быть «скупымъ» на эти предостереженія; въ его словахъ угроза должна только чувствоваться; гораздо лучше, если можно пользоваться кротостью и убѣжденіемъ. При этомъ съ неустаннымъ упорствомъ слѣдуетъ говорить и повторять на всѣ лады, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, что императоръ хочетъ сохранить миръ и укрѣпить союзъ, что онъ до конца сохранитъ надежду и желаніе начать переговоры.

Для приданія бо́льшей правдивости этимъ доводамъ и для того, чтобы заманить русскихъ начать переговоры, Лористонъ повторитъ просьбу объ отправкѣ Нессельроде. Въ крайнемъ случаѣ, онъ долженъ дать обѣщаніе, что наши войска не переправятся черезъ Вислу. Наконецъ, какъ послѣднее средство, онъ можетъ завести разговоръ и давать согласіе на свиданіе императоровъ, но при этомъ долженъ сдѣлать видъ, что дѣйствуетъ по собственной иниціативѣ, безъ приказаній свыше, дабы дать императору возможность уклониться отъ свиданія. «Это послѣднее средство, говорится въ инструкціи, слѣдуетъ пустить въ ходъ только при послѣдней крайности—въ томъ случаѣ, если бы русскіе вздумали двинуться на Вислу; этому-то движенію и слѣдуетъ постараться помѣшать или задержать его предложеніемъ свиданія, но не связывая императора никакими обязательствами». Словомъ, посланнику предоставляется полная свобода для достиженія возложенной на него задачи—задержать русскихъ, лишь бы онъ

компрометировалъ только себя одного, не обязывая ничѣмъ своего правительства. «Выиграть время», вотъ фраза, которую постоянно выводитъ перо министра. Онъ повторяетъ ее до пресыщенія, до пяти разъ на нѣсколькихъ строкахъ; онъ вставляетъ ее еще нѣсколько разъ собственноручно въ начисто переписанномъ текстѣ; ему все кажется, что онъ не достаточно ясно далъ понять посланнику, что тотъ не долженъ отступать ни передъ какими средствами, ни передъ какимъ обманомъ, чтобы облегчить нашимъ крадучись пробирающимся войскамъ возможность дойти до необходимой для нападенія базы, т. е. до восточной Пруссіи и сѣверной Польши, изъ которыхъ императоръ хочетъ создать себѣ трамплинъ, чтобы прыгнуть на Россію.

II.

Когда было пущено въ ходъ столько военныхъ хитростей, присутствіе въ Парижѣ неусыпнаго русскаго агента дѣлалось опаснымъ. Слишкомъ большое усердіе Чернышева начинало дѣлаться стѣснительнымъ. Императоръ приказалъ слѣдить за нимъ. Но, опасаясь слишкомъ горячаго усердія Савари, онъ предпочелъ довѣрить это дѣло министру иностранныхъ дѣлъ, своему вѣрному Маре́, который въ достаточной степени усвоилъ себѣ дипломатическій тактъ. Маре́ обратился къ своему другу барону Паскье́ префекту полиціи. Паскье́ далъ ему одного изъ своихъ искуснѣйшихъ сыщиковъ, полицейскаго чиновника Фудра, организовавшаго цѣлый штатъ шпіоновъ, донесенія которыхъ передавались непосредственно въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но герцогъ Ровиго, чувствуя, что дѣло назрѣваетъ, и не желая выпускать его изъ своихъ рукъ въ моментъ его раскрытія, продолжалъ, не взирая ни на что, слѣдить за Чернышевымъ съ усердіемъ подозрительнаго человѣка и не спускалъ съ него глазъ. Онъ, съ своей стороны, тоже передалъ въ префектуру полиціи надлежащія наставленія и приказанія, такъ что полиціи пришлось установить надзоръ одновременно за счетъ обоихъ министерствъ. Всѣ пріемы полицейскаго розыска были пущены въ ходъ. Въ гостиницѣ, гдѣ жилъ Чернышевъ, поселили, подъ видомъ жильца, шпіона, съ порученіемъ слѣдить за флигель-адъютантомъ день и ночь; другому лицу, искусившемуся въ искус-

ствѣ разбираться въ тайнахъ секретныхъ замковъ, поручено было изслѣдовать его денежный сундукъ [1]).

По прошествіи нѣсколькихъ дней было установлено, что Чернышевъ только-что добылъ таблицу, на которой съ ужасающей точностью была воспроизведена вся новая организація арміи. Узнавъ объ этомъ дерзкомъ хищеніи, Наполеонъ убѣдился, что ему измѣняютъ самымъ недостойнымъ и наглымъ образомъ. Дѣло шло уже не о какой-нибудь преступной неосторожности, имѣющей случайный характеръ, а о томъ, что былъ какой-то негодяй, французъ, который обо всемъ давалъ свѣдѣнія будущему врагу и торговалъ своей родиной.

Наполеонъ рѣшилъ показать примѣръ строгости и розыскать и наказать предателя. Не сдерживая болѣе Савари, онъ предоставилъ ему полную свободу дѣйствовать, не лишая, однако, Маре́ права продолжать его розыски, и, такимъ образомъ, устроилъ между министрами нѣчто въ родѣ конкурса. Но онъ хотѣлъ покарать сообщниковъ Чернышева только послѣ его отъѣзда. Онъ не хотѣлъ пріобщать полковника къ дѣлу о преслѣдованіи, ибо это преждевременно осложнило бы нашу ссору съ Россіей. Чтобы сплавить его, онъ придумалъ средство, которое могло послужить на пользу принятой имъ системѣ—до поры до времени скрывать свои намѣренія. Онъ рѣшилъ отправить Чернышева въ Петербургъ съ секретнымъ порученіемъ непосредственно къ самому Александру. Прибѣгая къ пріему, гдѣ успѣхъ его изощренной хитрости могъ доставить ему истинное наслажденіе, онъ задумалъ воспользоваться русскимъ шпіономъ, чтобы вѣрнѣе обмануть Россію; онъ рѣшилъ отправить съ нимъ предложеніе начать переговоры, болѣе точное, болѣе подробное, чѣмъ всѣ предъидущія, но которое было исключительно военной хитростью.

25 февраля онъ приказалъ герцогу Бассано привезти Чернышева въ Елисейскій дворецъ. Тамъ, въ продолженіе двухъ часовъ, онъ говорилъ съ нимъ степенно, сдержанно, какъ будто заранѣе обдумалъ каждое слово [2]). Любезно обходясь съ Черны-

---

[1]) Mémoires de Pasquier, I, 518; Mémoires de Rovigo, V, 208—220.

[2]) Весьма подробный отчетъ о разговорѣ, съ подлинными словами Наполеона, находится въ донесеніи Чернышева и былъ опубликованъ безъ обозначенія числа Императорскимъ Россійскимъ Историческимъ Обществомъ, вышеупомянутый томъ, 125—144.

шевымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, намеками далъ ему понять, что ему извѣстны всѣ его продѣлки и что тому не удалось провести его. Зная, что когда молодой офицеръ пріѣдетъ въ Петербургъ, тамъ уже будетъ извѣстно о нашихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, онъ и не подумалъ отрицать ихъ; напротивъ, онъ, не стѣсняясь, признался въ нихъ, но употребилъ все свое искусство, чтобы доказать, что изъ этого вовсе не вытекаетъ неизбѣжность войны.

И въ этотъ разъ, въ самыхъ энергичныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ, онъ заявилъ, что у него нѣтъ предвзятаго намѣренія возстановлять Польшу; что не это заставляетъ его вооружаться, а справедливые поводы къ недовѣрію, которые доставила ему Россія, въ особенности, систематическое молчаніе, которымъ отвѣчаютъ на всѣ его просьбы объясниться и начать переговоры. «Болѣе пятнадцати мѣсяцевъ, сказалъ онъ, я надсаживаюсь, прося о присылкѣ инструкцій князю Куракину. Однако, ничего не было сдѣлано. Вѣроятно, потому, что онъ не пользуется довѣріемъ своего правительства. Но, въ такомъ случаѣ, отчего не ѣдетъ графъ Нессельроде? Я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ будетъ отправленъ въ Парижъ. Я надѣялся, что, наконецъ-то, мы серьезно займемся ликвидаціей нашихъ раздоровъ. Однако, вотъ уже четыре мѣсяца, какъ намъ говорятъ о его пріѣздѣ, а онъ все не пріѣзжаетъ. Отчего почти годъ тому назадъ, когда императоръ Александръ въ послѣдній разъ прислалъ васъ сюда, вамъ не были даны полномочія? *Несмотря на то, что вы живете здѣсь только ради собиранія военныхъ свѣдѣній*, вы хорошо познакомились съ ходомъ дѣлъ,—вы показали свое искусство,—а въ то время дѣла были такъ просты, что можно было устроить ихъ, не сходя съ мѣста. Моя политика такъ ясна, я такъ мало скрываю свой образъ дѣйствій, что, въ сущности, мнѣ все равно, кого выберутъ для веденія переговоровъ, и, если хотятъ, могутъ прислать мнѣ самого Моркова (дипломатъ, который во времена консульства держалъ себя, какъ личный врагъ генерала Бонапарта), лишь бы заблагоразсудили развязать языкъ и начать переговоры». Чтобы вызвать Россію на разговоръ, продолжалъ онъ, онъ испробовалъ все; онъ не пропустилъ ни одного случая. Прошлогодній разговоръ съ графомъ Шуваловымъ, котораго онъ перехватилъ на пути, и разговоръ 15 августа съ княземъ Куракинымъ преслѣдовали только эту цѣль. Онъ надѣялся, что столько и столь настойчивыхъ усилій могли бы, наконецъ, во-

сторжествовать надъ умышленной неподвижностью, надъ непонятной сдержанностью. Но нѣтъ: онъ ничего не добился. Завернулись въ тогу пренебрежительнаго молчанія и упорно остаются въ ней. Не прекращая вооружаться, молчатъ по-прежнему. Тогда, вынужденный предположить или притязанія, въ которыхъ не хотятъ сознаться, или враждебные планы, онъ долженъ былъ двинуть въ походъ находящіяся въ его распоряженіи войска. Теперь онъ собирается покрыть Германію войсками и снова занять давнымъ-давно покинутыя позиціи: усилія громадныя, дорого стоющія, но не превышающія его средствъ, ибо у него въ кассѣ лежатъ нетронутыми триста милліоновъ. Но этотъ излишекъ средствъ, обезпечивая его безопасность, отнюдь не заставляетъ его желать войны. Онъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы ускорить ее. Поэтому, если русскіе также не имѣютъ заранѣе обдуманнаго намѣренія начать войну, если подозрительныя передвиженія ихъ войскъ внушены имъ ихъ опасеніями по поводу Польши, которыя должны разсѣяться, благодаря его откровеннымъ объясненіямъ, все можетъ быть еще исправлено или устранено, и Наполеонъ, придя къ этимъ твердымъ выводамъ, предлагаетъ соглашеніе на слѣдующихъ трехъ основахъ:

1-е. Строгое соблюденіе Россіей континентальной блокады и изгнаніе нейтральныхъ судовъ; при чемъ блокада будетъ смягчена системой разрѣшеній, подобной той, какая введена во Франціи.

2-е. Торговый договоръ, въ которомъ будутъ приняты во вниманіе главныя требованія русскаго тарифа, но будетъ изъято все, что тотъ актъ заключалъ въ себѣ «непріятнаго и оскорбительнаго для французскаго правительства» *).

3-е. Соглашеніе, по которому Россія должна положить конецъ дѣлу объ Ольденбургѣ и сгладить непріятное впечатлѣніе ея протеста или заявленіемъ, что она ничего не требуетъ для принца, лишеннаго владѣній, или принятіемъ вознагражденія, которое ни въ коемъ случаѣ не будетъ состоять ни изъ Данцига, ни изъ какой бы то ни было части варшавской территоріи.

По мнѣнію Наполеона, не трудно было бы сговориться на этихъ основахъ. Возвращеніе Россіи въ континентальную систему будетъ только возвратомъ къ первоначальнымъ обязанностямъ союза. Что же касается вопросовъ объ Ольденбургѣ и тарифѣ,

*) Очевидно, говорится объ указѣ 19—31 декабря 1810 г. (Прим. перев.)

т. е. о тѣхъ обидахъ, на которыя ссылаются, развѣ могутъ онѣ, если бы за ними не скрывалось чего-то другого, служить причиной къ войнѣ, во время которой будутъ пролиты потоки крови, и все человѣчество облечется въ трауръ? Императоръ, безъ чувства глубокой скорби, не можетъ смотрѣть на то, что изъ-за такихъ пустыхъ придирокъ порывается союзъ, внушенный ему не только разумомъ, но и сердцемъ—его сердечнымъ влеченіемъ къ императору Александру; симпатіей, которую, несмотря ни на что, онъ не можетъ вырвать изъ своего сердца; во взаимность которой онъ хотѣлъ бы вѣрить и которая, думается ему, должна была бы упрочить союзъ на вѣчныя времена. «Сознаюсь,—сказалъ онъ,—что два года тому назадъ я ни за что не повѣрилъ бы въ возможность разрыва между Россіей и Франціей, по крайней мѣрѣ, пока мы живы; а такъ какъ императоръ Александръ молодъ, а я долженъ прожить долго, я считалъ, что покой Европы обезпеченъ нашими взаимными чувствами. Чувства, которыя я къ нему питалъ, не измѣнились—вы можете отъ моего имени увѣрить его въ этомъ; вы можете сказать ему, что, если судьбѣ угодно будетъ, чтобы два величайшихъ на землѣ государства вступили въ бой изъ-за пустыхъ дѣвичьихъ грѣшковъ,—я поведу ее (войну), какъ благородный рыцарь, безъ всякой ненависти, безъ малѣйшаго чувства вражды и, даже, если позволятъ обстоятельства, предложу ему позавтракать вмѣстѣ на аванпостахъ. Шагъ, на который я сегодня рѣшился, будетъ занесенъ въ мою записную книжку въ защиту моего прямодушія. Познакомивъ васъ съ моими истинными чувствами, отправляю васъ къ императору Александру въ качествѣ моего уполномоченнаго и въ надеждѣ, что удастся еще сговориться и не придется проливать кровь ста тысячъ храбрецовъ ради того, что мы не можемъ сговориться о цвѣтѣ ленты».

Напускныя развязность и небрежность, съ какими онъ обсуждалъ вопросы, помогли ему скрыть важность высказанныхъ имъ требованій. Въ этотъ разъ они выражали его истинныя желанія; сквозь всѣ его уловки проглядывалъ лучъ искренности. Наконецъ-то онъ сбросилъ свою сдержанность и изложилъ свое основное требованіе—требованіе объ изгнаніи нейтральныхъ судовъ. Если допустить, что Россія приняла бы ихъ во вниманіе, что она согласилась бы на всѣ его предложенія, отказался ли бы онъ отъ похода, отмѣнилъ ли бы войну? Это вполнѣ воз-

можно, ибо въ этомъ случаѣ Александръ уступилъ бы по всѣмъ главнымъ вопросамъ и получилъ бы взамѣнъ ничего не стоющія удовлетворенія. Онъ цѣликомъ примкнулъ бы къ блокадной системѣ и безъ вознагражденія, безъ увѣренности въ своей безопасности посвятилъ бы себя на служеніе нашему дѣлу.

Наполеонъ принялъ бы такую безхитростную покорность при условіи, чтобы она была обставлена самыми точными гарантіями; безъ нихъ онъ допускалъ только одинъ исходъ конфликта—войну. Именно на это и указывалъ герцогъ Бассано въ новой депешѣ къ Лористону. «Императоръ,—говоритъ онъ,—и не думаетъ о свиданіи. Его даже мало заботятъ переговоры, которые не будутъ имѣть мѣста въ Парижѣ. Онъ не довѣряетъ никакимъ переговорамъ, если только двинутые Его Величествомъ въ походъ четыреста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ съ ихъ громадными боевыми средствами не наведутъ петербургскій кабинетъ на серьезныя размышленія, не заставятъ его вернуться искренно къ установленной въ Тильзитѣ системѣ и не поставятъ Россію въ то подначальное положеніе, въ какомъ она была тогда» [1]). Изъ этого грубаго, надменнаго признанія вовсе не слѣдуетъ, что императоръ желалъ уклониться отъ переговоровъ, такъ какъ именно съ цѣлью вызвать переговоры онъ и отправилъ Чернышева въ Россію. Оно только подтверждаетъ, что императоръ никогда не будетъ смотрѣть на переговоры, какъ на нѣчто серьезное, могущее дать результаты, если Россія не перейдетъ теперь же на роль побѣжденнаго государства, и не вернется къ положенію, въ какомъ она была непосредственно послѣ Фридланда—въ такое, когда она полагала свое счастье въ возможности купить миръ цѣною вынужденнаго, признающаго главенство Франціи, союза. Наполеонъ не устранялъ безусловно этого предположенія, но отводилъ ему въ своихъ разсчетахъ самое ничтожное мѣсто. По его мнѣнію, Александръ слишкомъ гордъ, слишкомъ возмущенъ, чтобы унизиться раньше, чѣмъ потерпитъ новыя пораженія. Онъ надѣялся только на то, что русскій государь, не соглашаясь на наши условія, не рѣшится отвѣтить на высказанное въ опредѣленной и мягкой формѣ предложеніе разрывомъ и немедленнымъ нападеніемъ. Возможно, что изъ боязни людского мнѣнія, быть можетъ, даже

---

[1]) Маре Лористону, 25 февраля.

въ надеждѣ придти къ какому-нибудь компромиссу, онъ начнетъ переговоры и изложитъ свои встрѣчныя предложенія. Такимъ путемъ начнутся и будутъ тянуться неопредѣленныя словопренія «нѣчто въ родѣ переговоровъ» [1]), подъ прикрытіемъ которыхъ наши арміи проберутся до своихъ наступательныхъ позицій и будутъ ждать тамъ подходящаго для нападенія времени года. Отсюда слѣдуетъ, что сдѣланныя Чернышеву предложенія, не будучи сами по себѣ ложными и фиктивными, имѣли цѣлью только отсрочить войну, а не избѣгнуть ея.

Чтобы заставить довѣрчивѣе отнестись къ молодому человѣку, какъ къ своему уполномоченному, Наполеонъ передалъ ему для императора Александра короткое вѣжливое письмо, въ которомъ онъ ссылался на высказанныя имъ на словахъ увѣренія. «Я остановился на рѣшеніи,—писалъ онъ,—поговорить съ полковникомъ Чернышевымъ о прискорбныхъ дѣлахъ послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ. Только отъ Вашего Величества зависитъ положить всему конецъ. Прошу Ваше Величество никогда не сомнѣваться въ моемъ желаніи доказать вамъ мое глубокое къ вамъ уваженіе» [2]).

Получивъ письмо императора,—что было равносильно разрѣшенію уѣхать,—Чернышевъ началъ готовиться къ отъѣзду и остался въ Парижѣ еще нѣсколько часовъ—ровно столько, сколько нужно было, чтобы раздобыть планъ расположенія гвардіи и разсчитаться за него наличными деньгами. 26 февраля онъ сѣлъ въ почтовую карету. Заподозривъ изъ намековъ императора, что за нимъ слѣдятъ, онъ счелъ нужнымъ уничтожить до отъѣзда значительное количество своихъ бумагъ. Эта предосторожность не была лишней. Дѣйствительно, лишь только онъ покинулъ свою квартиру, туда ворвалась полиція подъ предводительствомъ полицейскаго чиновника, руководителя установленнаго за нимъ надзора, и приступила къ обыску. Осматривая и роясь во всѣхъ углахъ, полиція нашла только клочки писемъ и разорванные лоскутки бумаги. Эти сложенные вмѣстѣ обрывки не представляли никакого послѣдовательнаго смысла или указывали только на нестоющую вниманія переписку. Въ каминѣ спальни лежала груда пепла отъ сожженной бумаги. Чтобы разрыть

---

[1]) Marè Отто, 3 апрѣля.

[2]) Corresp., 18523.

этотъ пепелъ, пришлось снять лежащій передъ каминомъ коверъ; подъ ковромъ нашли записку, которая соскользнула туда во время сжиганія бумагъ и спаслась отъ пламени. Записка была слѣдующаго содержанія;

«Графъ, вы осаждаете меня вашими просьбами. Могу ли я сдѣлать для васъ больше того, что дѣлаю? Сколько непріятностей приходится мнѣ переносить ради скоро уходящаго вознагражденія! Вы будете пріятно удивлены тѣмъ, что я дамъ вамъ завтра. Будьте дома въ семь часовъ утра. Теперь десять часовъ; я оставляю перо, чтобы добыть резюме расположенія великой арміи въ Германіи на сегодняшній день. Формируется четвертый корпусъ, составъ котораго извѣстенъ, но у меня нѣтъ времени дать вамъ подробности о немъ. Императорская гвардія войдетъ въ составъ великой арміи. До завтра, въ семь часовъ утра. *Подписано* М.» [1]).

Эта записка давала несомнѣнное доказательство измѣны и наводила на слѣдъ виновнаго. Это былъ такого рода обвинительный лоскутокъ бумаги, съ помощью котораго свѣдущей въ своемъ дѣлѣ полиціи нерѣдко удается возстановить всю картину преступленія.

Агенты доставили свою находку префекту полиціи. Помня, что это дѣло первоначально было поручено ему министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ счелъ долгомъ сообщить герцогу Бассано первые добытые полиціей результаты и собирался отправить ему оригиналы захваченныхъ бумагъ. Но изъ предосторожности и чувства служебнаго чинопочитанія, хотѣлъ оградить себя отъ упрека со стороны своего непосредственнаго начальника, герцога Ровиго, и рѣшился послать ему копіи. 28 февраля Паскьѐ былъ занятъ приготовленіемъ этихъ отправокъ, какъ вдругъ его накрылъ за этимъ дѣломъ самъ министръ полиціи, вошедшій въ его кабинетъ подъ предлогомъ «дружескаго визита». Въ дѣйствительности же, пронюхавъ о захваченныхъ бумагахъ, Савари пришелъ потребовать ихъ, какъ свою собственность, и отобрать находку.

Въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ Паскьѐ поступилъ, какъ исполнительный чиновникъ и смышленый человѣкъ. Онъ передалъ

---

[1]) Этотъ документъ хранится въ національныхъ архивахъ, F7, 6575. Подробности и дальнѣйшія выдержки взяты изъ дѣла и изъ отчета о разборѣ дѣла предъ судомъ присяжныхъ.

оригиналы Савари, который въ правѣ былъ ихъ потребовать, но не подвелъ и другого министра: онъ препроводилъ ему копіи, какъ бы невзначай перепутавъ приготовленные пакеты. Вечеромъ, когда Савари съ торжествующимъ видомъ явился съ докладомъ къ императору въ Елисейскій дворецъ, гдѣ былъ назначенъ съѣздъ ко двору, онъ узналъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ уже предупредилъ Его Величество и что онъ, не теряя ни минуты, передалъ Его Величеству полученныя имъ изъ префектуры копіи. Императоръ подалъ пакетъ герцогу Ровиго. «На-те,—насмѣшливо сказалъ онъ,—посмотрите-ка, что тутъ. Вамъ бы не раскрыть тайныхъ продѣлокъ русскаго офицера, министерству же иностранныхъ дѣлъ удалось сдѣлать это» [1]).

Взбѣшенный, но не потерявшій присутствія духа, Савари, отвѣтилъ, что у него въ рукахъ нѣчто лучшее: не копіи, а оригиналы, и что онъ представляетъ ихъ на благоусмотрѣніе Его Величества. Затѣмъ, горя желаніемъ реванша, желая догнать и перегнать своего коллегу въ завязавшемся между ними состязаніи на скорость, онъ тотчасъ же, отъ своего имени, отправилъ полицейскихъ агентовъ на розыски, взялъ въ свои руки направленіе слѣдствія и повелъ его съ необычайной быстротой. Предъявивъ императору подлинные документы, онъ далъ себѣ клятву доставить ему имена и указать виновныхъ.

Захваченная записка давала только заглавную букву М. Чье имя обозначалось буквой М., кто скрывался за этой таинственной подписью? Это могъ быть только человѣкъ, посвященный по служебному положенію въ тайны расположенія нашихъ войскъ. Первые розыски въ канцеляріяхъ военнаго министерства и въ военномъ управленіи—эти службы составляли во времена имперіи два отдѣльныхъ министерскихъ вѣдомства — не привели ни къ какому результату. Тогда пришла мысль прибѣгнуть къ помощи начальника генеральнаго штаба, въ рукахъ котораго были списки расположенія войскъ и у котораго могли снять съ нихъ копіи. Одинъ изъ главныхъ гражданскихъ сотрудниковъ начальника генеральнаго штаба высказалъ подозрѣніе на нѣкоего Мишеля, которому незадолго до этого давалъ работу. Этого Мишеля нашли въ военномъ управленіи, гдѣ онъ занималъ мѣсто писца

---

[1]) Mémoires de Rovigo, V, 213. Cf. les Mémoires de Pasquier I, 518—519, et Ernouf, 345—347.

въ отдѣлѣ по экипировкѣ войскъ. Это былъ человѣкъ съ самымъ красивымъ почеркомъ въ министерствѣ, но и съ сомнительной репутаціей, «приверженный къ вину» и жившій свыше своихъ всѣмъ извѣстныхъ средствъ. Полиція искусно достала листокъ, исписанный его рукой, и, по сличеніи обѣихъ записокъ, не оставалось уже никакого сомнѣнія, что писалъ ихъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Часъ спустя Мишель былъ доставленъ въ министерство полиціи. Подавленный несомнѣнными уликами, онъ призналъ записку своею, и не отрицалъ, что поддерживалъ сношенія съ Чернышевымъ черезъ нѣкоего Вюстингера, вѣнца по происхожденію, по профессіи швейцара, занимавшаго эту должность въ отелѣ Телюссонъ, гдѣ помѣщалось русское посольство.

Чтобы раскрыть всю тайну, оставалось забрать Вюстингера. Но его нельзя было арестовать въ его квартирѣ, въ посольствѣ, гдѣ онъ находился подъ защитой международнаго права и наравнѣ съ другими пользовался правомъ экстерриторіальности. Чтобы выманить его изъ этого неприкосновеннаго убѣжища, полиція устроила ему западню. Пользуясь общеизвѣстной хитростью, она заставила Мишеля, бывшаго уже въ тюрьмѣ, написать Вюстингеру, не сообщая, конечно, что находится въ заключеніи, и назначить ему свиданіе въ одномъ кафе, гдѣ они обыкновенно встрѣчались. Ничего не подозрѣвая, нѣмецъ явился на приглашеніе. Лишь только онъ вошелъ въ назначенное кафе, его задержали и отвели въ крѣпость. Между тѣмъ, дальнѣйшія признанія Мишеля и обыски въ его квартирѣ привели къ аресту еще нѣсколькихъ чиновниковъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что помогали ему въ его преступныхъ дѣяніяхъ. Объясненія арестованныхъ лицъ, подтверждая и выясняя показанія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, вывели на свѣтъ всѣ козни, раскрыли все дѣло о подкупахъ, уже давно организованное русскими агентами въ главныхъ управленіяхъ Франціи.

Тайныя сношенія начались за восемь-девять лѣтъ до описываемыхъ событій. Во времена консульства, повѣренный въ дѣлахъ Убри, случайно войдя въ сношенія съ Мишелемъ, служившимъ тогда въ канцеляріи по передвиженію войскъ, почуялъ въ немъ человѣка съ подлой душой и продажной совѣстью. Прельстивъ его денежнымъ подаркомъ, онъ сумѣлъ обойти его, ввелъ въ соблазнъ, развратилъ и, въ концѣ-концовъ, выманилъ у него нѣкоторыя военныя свѣдѣнія. Разрывъ 1804 г. и послѣ-

довавшая затѣмъ война прекратили эти сношенія; но русскіе агенты пользовались каждымъ миромъ, каждымъ возобновленіемъ сношеній, чтобы вновь связать порванную нить, и даже союзъ 1807 г. не нарушилъ этого традиціоннаго обычая. За время пребыванія въ Парижѣ двухъ посланниковъ, аккредитованныхъ послѣ 1807 г.—графа Толстого и князя Куракина—вспомнили о Мишелѣ. Средство найти его было самое простое, такъ какъ, если мѣнялись посланники и секретари, то швейцаръ посольства оставался на своемъ мѣстѣ. Такъ было и съ Вюстингеромъ. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ, и одной изъ обязанностей несмѣняемаго швейцара было возстановлять время отъ времени сношенія съ Мишелемъ, котораго онъ никогда не терялъ изъ вида. Лично посланники не принимали участія въ этой торговлѣ, вѣроятно, даже не знали о ней. Обыкновенно это дѣло поручалось кому нибудь изъ причисленныхъ. Сперва имъ завѣдывалъ Несельроде, затѣмъ другой агентъ, нѣкій Крафтъ. Наконецъ, явился Чернышевъ. Желая отличиться и повести дѣло лучше другихъ, онъ счелъ нужнымъ, рядомъ съ казеннымъ, если можно такъ выразиться, шпіонствомъ, дѣйствовавшимъ благодаря усердію чиновъ посольства, создать свое и завелъ свое собственное развѣдочное бюро. Онъ вошелъ въ сношенія съ Мишелемъ, и, улучшивъ существовавшую до сихъ поръ систему, довелъ ее до своего рода совершенства.

Мишель, перейдя въ отдѣлъ по экипировкѣ войскъ, не могъ многаго знать лично, но онъ внесъ подкупъ въ другіе отдѣлы, заручился связями и, такимъ образомъ, устроилъ себѣ косвенный доступъ въ мѣста храненія нашихъ тайнъ. Въ одномъ изъ своихъ преступныхъ дѣяній, онъ проявилъ себя, по-истинѣ, мастерской штукой. Нужно сказать, что дважды въ мѣсяцъ въ военномъ министерствѣ составляли—только для свѣдѣнія императора—таблицу, въ которой очень подробно указывались сила и размѣщеніе всѣхъ армій, всѣхъ корпусовъ до самыхъ незначительныхъ отрядовъ, до ротъ включительно. Мишель ухитрялся знакомиться съ этимъ секретнѣйшимъ и наисвященнѣйшимъ документомъ, въ которомъ хранилось военное счастье Франціи, прежде императора. По изготовленіи таблицы, мальчику при министерской канцеляріи, Мозе́, поручалось отнести ее къ переплетчику для наклейки ея на картонъ, чтобы Его Величеству, которому она затѣмъ вручалась, удобнѣе было перелистывать таблицу.

Мальчикъ долженъ былъ сходить къ переплетчику въ строго-разсчитанный срокъ. Соблазненный нѣсколькими «пятифранковыми монетами», Мозé ускорялъ шаги, и, выигрывая время, имѣлъ возможность сдѣлать привалъ у Мишеля, которому и отдавалъ на время таблицу.

Мишель совратилъ также съ пути долга причисленнаго къ отдѣлу по передвиженію войскъ канцелярскаго служителя Сажé и одного молодого копіиста, по фамиліи Салмона. Сажé доставлялъ самые документы, предназначенные для русскаго офицера, Салмонъ переписывалъ ихъ, и, такимъ образомъ, подъ руководствомъ Мишеля была устроена въ пользу иностранца цѣлая мастерская для производства извлеченій изъ секретнѣйшихъ документовъ.

Чернышевъ платилъ доставителю свѣдѣній болѣе или менѣе крупныя суммы, выдавая ихъ довольно неаккуратно, но, главнымъ образомъ, питалъ его надеждами, и, впутывая въ эти мерзости августѣйшее имя, осмѣлился обѣщать личное покровительство царя и пенсію, которая навсегда обезпечила бы предателя отъ нужды. Иногда на Мишеля нападали угрызенія совѣсти и страшная тоска. Сознавая всю важность содѣянныхъ имъ преступленій, страшась ихъ послѣдствій, онъ пытался отдѣлаться отъ Чернышева. Тогда Чернышевъ прибѣгалъ къ болѣе сильнымъ средствамъ соблазна, или же, выказывая скрывавшуюся подъ слащавой внѣшностью грубую и жестокую натуру, заговаривалъ съ чиновникомъ угрожающимъ тономъ. Онъ безжалостно напоминалъ несчастному, что тотъ уже не принадлежитъ себѣ; что онъ зависитъ отъ того, кто можетъ его погубить. Эти высказываемыя надменнымъ тономъ угрозы и невыносимыя требованія были первымъ наказаніемъ предателю, котораго его преступная дѣятельность поставила въ безвыходное положеніе. Если желаемыя Чернышевымъ свѣдѣнія не доставлялись достаточно быстро, онъ отправлялся разыскивать Мишеля, даже въ его отдаленной квартирѣ, въ улицѣ de la Planche; но обыкновенно свиданія происходили въ посольствѣ у Вюстингера. Здѣсь, въ комнатѣ лакея, изящный офицеръ встрѣчался съ гнуснымъ писцомъ и велъ съ нимъ подлый торгъ.

Тотчасъ послѣ этихъ отвратительныхъ свиданій онъ устремлялся въ высшія сферы. Использовавъ низшихъ чиновъ администраціи, онъ старался узнать, кто среди высшихъ чиновъ жилъ

выше своихъ средствъ и нуждался въ деньгахъ. Выяснилось, что онъ предлагалъ, правда, безуспѣшно, четыреста тысячъ франковъ одному дивизіонному командиру, что пытался провести шпіоновъ даже въ главную квартиру великой арміи. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ министерствѣ торговли и промышленности были открыты слѣды подобныхъ попытокъ. Чѣмъ дальше полиція подвигалась въ дѣлѣ своихъ розысковъ, тѣмъ яснѣе становилось, какъ далеко зашли козни, и тѣмъ очевиднѣе дѣлались ихъ таинственныя, стелющіяся по всѣмъ направленіямъ, развѣтвленія.

Эти факты были увѣковѣчены въ двухъ донесеніяхъ министра полиціи отъ 1 и 7 марта, представленныхъ вмѣстѣ съ подтверждающими ихъ документами императору [1]). Савари забралъ къ себѣ всѣ документы, и, въ силу своихъ служебныхъ правъ, потребовалъ выдачи даже «самыхъ ничтожныхъ свѣдѣній», собранныхъ до этого министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ все время боялся, чтобы глава этого министерства не приписалъ себѣ предъ императоромъ заслугу первыхъ розысковъ, чтобы не заявилъ, что велъ ихъ своими собственными силами, независимо отъ тѣхъ, которыми располагала обыкновенная полиція. Чтобы устранить эту опасность, Савари нашелъ нужнымъ въ одномъ изъ своихъ донесеній установить, что первые результаты были добыты префектурой полиціи, т. е. управленіемъ, которое находится въ его вѣдѣніи и подъ его начальствомъ. Такимъ образомъ, онъ вынужденъ былъ съ похвалой отозваться о дѣятельности префекта и о его достойномъ награды усердіи, долженъ былъ расхваливать его успѣхи и увѣнчать его лаврами, хотя все еще сердился на него за недопускаемыя подначальнымъ положеніемъ любезности, —и, въ результатѣ, главную выгоду изъ этого дѣла извлекъ Паскьѐ. Отъ своего прямого начальника онъ получилъ не безкорыстную похвалу, и сохранилъ за собой право на благодарность другого министра, любимца и довѣреннаго лица императора.

Теперь въ рукахъ Наполеона было доказательство, что Россія, даже во время общепризнанной дружбы, относилась къ нему недовѣрчиво, какъ къ своему врагу; что она всегда питала къ нему скрытую и оскорбительную вражду. Съ этимъ открытіемъ онъ хотѣлъ выступить при подходящемъ случаѣ противъ Александра и создать изъ него новую обиду. Онъ хотѣлъ громкаго скандала, о которомъ заговорила бы вся Европа. Ему

[1]) Archives nationales, F7, 6575.

нужны были не быстрое судопроизводство, не военный судъ при закрытыхъ дверяхъ; напротивъ,—блестящая судебная обстановка, судьи, присяжные, широко обставленныя улики, гласность публичныхъ судебныхъ преній съ ихъ обвинительными и защитительными рѣчами—словомъ, событіе въ практикѣ засѣданій уголовнаго суда. Въ этихъ видахъ дѣло было передано парижскому прокурорскому надзору съ приглашеніемъ вести его по всѣмъ правиламъ. Чтобы придать дѣлу Мишеля уголовный характеръ, его должны были обвинять по 76-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ, по которой приговаривались къ смертной казни тѣ: «кто будетъ строить козни или входить въ сношенія съ иностранными государствами въ видахъ доставленія имъ средствъ на случай войны съ Франціей» [1]). Его сообщники должны были обвиняться въ соучастіи въ томъ же преступленіи и понести наказаніе, смотря по степени ихъ виновности.

Въ виду затяжекъ при выполненіи судебныхъ формальностей, уголовный судъ могъ произнести приговоръ надъ Мишелемъ и привлеченными слѣдствіемъ лицами не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ или даже черезъ шесть недѣль, т. е. въ срединѣ апрѣля, а этого-то и нужно было императору. Желая скандала, онъ, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ отсрочить его до того времени, когда его войска дойдутъ до Вислы и займутъ тамъ прочное положеніе, т. е. когда ему уже не нужно будетъ особенно заботиться о поддержаніи добрыхъ отношеній съ Россіей. Въ настоящее же время были приняты мѣры не разглашать этого дѣла среди публики. Журналы замолчали его; слухъ о немъ не шелъ дальше политическихъ и административныхъ сферъ, гдѣ о немъ говорили съ возмущеніемъ, но шопотомъ.

Вдругъ среди этого затишья раздалась слезная жалоба. Посланникъ Куракинъ, по простотѣ душевной, ничего не знавшій о козняхъ, практиковавшихся подъ его кровлей, никѣмъ не предупрежденный о произведенныхъ полиціей арестахъ, не могъ понять, куда пропалъ его швейцаръ. Онъ спрашивалъ, отчего Вюстингеръ, уйдя изъ отеля днемъ 1 марта, такъ долго не возвращается. Онъ не далекъ былъ отъ мысли о какомъ-нибудь преступленіи частнаго характера, о похищеніи, о лишеніи свободы, о какой-нибудь мрачной драмѣ, жертвой которой сдѣ-

---

[1]) Въ 1848 г. эта статья была измѣнена за отмѣной смертной казни.

лался его вѣрный слуга. Съ громкими воплями требовалъ онъ необходимую принадлежность своего отеля и своимъ растеряннымъ видомъ, своей суетливостью вносилъ въ печальное событіе комическій элементъ. Въ запискѣ, полной отчаянія, онъ умолялъ Бассано поднять на ноги полицію и приказать ей заняться необходимыми розысками. Онъ послалъ примѣты пропавшаго, убѣждалъ герцога незамедлительно сдѣлать надлежащія распоряженія, и, не сомнѣваясь въ его содѣйствіи, заранѣе благодарилъ его [1]).

Выведенный изъ терпѣнія этими жалобами, Наполеонъ сначала поддался было искушенію закрыть ротъ Куракину, тотчасъ же развернувъ предъ его глазами самое дѣло. Въ отвѣтъ посланнику, онъ приказалъ приготовить ноту, въ которой приносилась официальная жалоба на Чернышева и клеймилось его поведеніе. Онъ самъ продиктовалъ эту ноту, составивъ ее въ сильныхъ, чрезвычайно красивыхъ, дышащихъ справедливымъ негодованіемъ выраженіяхъ. «Его Величество, — писалъ онъ, — глубоко огорченъ поведеніемъ графа Чернышева. Онъ съ удивленіемъ узналъ, что человѣкъ, съ которымъ онъ всегда хорошо обходился, который проживалъ въ Парижѣ не въ качествѣ политическаго агента, а какъ флигель-адъютантъ русскаго императора, аккредитованный особымъ письмомъ состоять при особѣ императора, имѣвшій значеніе довѣрительнаго лица, болѣе близкаго, чѣмъ посланникъ, воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы употребить во зло то, что у людей считается самымъ священнымъ. Его Величество льститъ себя надеждой, что и императоръ Александръ будетъ глубоко огорченъ, когда усмотритъ въ поведеніи господина Чернышева роль агента, дѣйствующаго путемъ преступнаго подкупа, каковое дѣяніе осуждается и международнымъ правомъ, и законами чести. Его Величество Императоръ приноситъ жалобу, что при его особѣ, при томъ въ мирное время, подъ званіемъ, призывавшимъ къ довѣрію, содержали шпіоновъ, что позволительно только по отношенію къ врагу и во время войны. Онъ жалуется, что шпіоны были выбраны не изъ низшаго слоя общества, а изъ среды людей, по своему положенію близко стоящихъ къ государю» [2]).

---

[1]) Записка отъ 2 марта. Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

[2]) Corresp., 18541.

Набросавъ на бумагу эти ядовитыя слова, Наполеонъ призадумался. Подобная рѣчь пахла порохомъ. Она могла выдать близость враждебныхъ дѣйствій и помѣшать дѣлу усыпленія, къ чему императоръ прилагалъ всѣ свои старанія, а извѣстно, съ какимъ невѣроятнымъ вниманіемъ, съ какой настойчивостью направлялъ онъ все къ разъ намѣченной цѣли, какъ всѣмъ жертвовалъ ради ея достиженія. Онъ одумался, сдержалъ себя, подавилъ вспышку своего гнѣва. Нота не была отправлена, она осталась въ портфелѣ. На первыхъ порахъ герцогъ Бассано, котораго Куракинъ осаждалъ своими визитами и вопросами, сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ участи Вюстингера. Нѣсколько дней спустя, принявъ таинственный и серьезный видъ и приложивъ палецъ къ губамъ, онъ въ двухъ словахъ все повѣдалъ князю. Вашъ швейцаръ не погибъ,—сказалъ онъ. Его пришлось арестовать, потому что онъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ безопасности государства и былъ пойманъ съ поличнымъ. Дѣло поступило въ судъ; назначено слѣдствіе. Судъ ведетъ дѣло по установленному порядку, безъ огласки, со свойственной ему осторожностью. Отнесемся съ уваженіемъ къ этой тайнѣ. По полученіи вѣрныхъ свѣдѣній, я не премину сообщить вамъ ихъ [1]).

Услышавъ эти слова, Куракинъ вытаращилъ глаза отъ изумленія. Придя въ ужасъ при мысли, что въ его домѣ укрывался заговорщикъ, онъ не рѣшился просить за него и отвѣтилъ философскими разсужденіями о прислугѣ, что было равносильно извиненіямъ [2]). Немного позднѣе герцогъ Бассано осторожно ввернулъ ему, что, къ прискорбію, въ дѣло замѣшано имя Чернышева, что противъ него нашлись нѣкоторыя улики. Французскій министръ прибавилъ, что съ трудомъ допускаетъ мысль, чтобы человѣкъ, носящій эполеты, до такой степени забылъ свой долгъ, и что до болѣе подробнаго разслѣдованія онъ хочетъ вѣрить, что тутъ кроется какое-то недоразумѣніе. Такимъ

---

[1]) Донесеніе Куракина Румянцеву, 6 марта. Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

[2]) „По этому поводу, писалъ онъ въ вышеупомянутомъ донесеніи, я высказалъ соображенія, которыя французскій министръ нашелъ справедливыми, потому что у него также полонъ домъ прислуги и, конечно, трудно разсчитывать на преданность всѣхъ людей, услугами которыхъ пользуешься и которые постоянно окружаютъ насъ“.

образомъ, поостереглись сразу же открыть Куракину всю истину. Ему подбавляли ее по каплямъ, съ безконечными предосторожностями, избѣгая повергнуть старца въ слишкомъ большое волненіе и нанести ему ударъ, который, отразившись въ Петербургѣ, могъ ускорить разрывъ. Благодаря этимъ стараніямъ, донесенія посланника не могли омрачить умиротворяющаго впечатлѣнія, которое должны были произвести, въ связи съ успокоительными словами Лористона, письмо императора и передача Чернышевымъ разговора съ нимъ.

III.

Между тѣмъ какъ Чернышевъ съ порученіемъ, задачей котораго было гипнотизировать Россію, совершалъ свой путь, началось выполненіе плана движенія войскъ, устремившихся со всѣхъ сторонъ къ назначеннымъ пунктамъ. 23 февраля выступаетъ въ походъ и взбирается на Альпы итальянская армія. Она попадаетъ въ царство вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ топоры и кирки саперовъ уже приготовили ей открытый путь; переходитъ перевалы, и въ девять колоннъ — девятью потоками — спускается съ вершинъ горъ. Жюно самъ ведетъ черезъ Бреннеръ головную колонну—бригаду Дельзона, и, перейдя Альпы, вступаетъ въ Инсбрукъ во-главѣ этихъ отборныхъ «прекрасныхъ, горящихъ отвагой» [1]) полковъ. Онъ торопитъ отставшія колонны и скорымъ шагомъ направляетъ ихъ на Баварію. Увеличивая ихъ переходы, сокращая стоянки, онъ въ нѣсколько дней доводитъ свой авангардъ до Регенсбурга.

Его вступленіе въ Германію служитъ сигналомъ къ общему движенію. Все оживаетъ, всѣ войска разомъ снимаются съ мѣстъ и выступаютъ въ походъ. На сѣверѣ армія Даву, собравшись въ плотную массу, бросается вмѣстѣ съ 1-ымъ кавалерійскимъ корпусомъ на Одеръ; южнѣе, вюртембержцы подъ командой своего наслѣднаго принца, вестфальцы подъ командой Жерома, баварцы подъ командой Вандамма, — всѣ сразу покидаютъ свои мѣста и начинаютъ копошиться въ разноплеменномъ муравейникѣ. Удино выстраиваетъ свой корпусъ эшелонами по дорогамъ, ведущимъ отъ Мюнстера на Магдебургъ; Ней направляетъ свой

---

[1]) Герцогъ Абрантесъ начальнику генеральнаго штаба, 3 марта. Archives nationales, AF, IV, 1642.

корпусъ на Эрфуртъ и Лейпцигъ. Но уже съ момента выступленія, несмотря на увлеченіе походомъ, обрисовывается неравенство въ достоинствѣ разныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается великая армія; уже теперь даетъ себя чувствовать ихъ разношерстность. Ней, въ одномъ изъ своихъ донесеній, говоря съ гордостью о старыхъ своихъ батальонахъ, находитъ, что слишкомъ большое количество рекрутовъ въ другихъ батальонахъ портитъ общее впечатлѣніе. Удино обращаетъ вниманіе на истомленные и слабые полки, напримѣръ, на одинъ швейцарскій полкъ, въ которомъ насчитывается триста восемьдесятъ три больныхъ, и на нѣкоторые другіе, въ которыхъ свирѣпствуетъ лихорадка. Онъ приписываетъ эти заболѣванія ужасной обстановкѣ, въ какой доставлены къ нему уклонившіеся отъ воинской повинности рекруты, которыхъ привели въ ряды арміи, какъ арестантовъ, съ кандалами на ногахъ. Лишь только Удино и Ней пустились въ путь, вслѣдъ за ними выступили и пошли по ихъ слѣдамъ другіе корпуса. Черезъ Рейнъ началась переправа 2-го кавалерійскаго корпуса и кирасирскихъ дивизій, входившихъ въ составъ 3-го корпуса. По всей линіи рѣки, къ Везелю, Кельну, Бонну, Кобленцу и, въ особенности, къ Майнцу—къ этому главному сборному пункту, къ этому громаднѣйшему амбару для людей и матеріальной части, съ каждымъ днемъ все больше прибываетъ войскъ, все больше увеличивается давка. По Кастельскому мосту, впереди Майнца, безостановочно проходитъ корпусъ за корпусомъ, непрерывно проѣзжаютъ пушки и артиллерійскіе обозы. Послѣ переправы на правый берегъ первыхъ партій войскъ, на смѣну являются другія. Вдали виднѣются уже колонны гвардіи; 1-ая дивизія молодой гвардіи должна переправиться у Дюссельдорфа, 2-ая у Майнца. Собравшаяся въ Майнцѣ главная квартира въ свою очередь тотчасъ же снимается съ мѣста и тоже уходитъ. 29 февраля принцъ Невшательскій отправилъ приказъ всѣмъ входящимъ въ ея составъ «офицерамъ генеральнаго штаба, офицерамъ артиллерійскихъ и инженерныхъ войскъ вмѣстѣ съ ихъ частями, парку, артиллерійскому обозу, интендантскому обозу, управленіямъ, инспекторамъ и помощникамъ инспекторовъ, интендантамъ, кригсъ-комиссарамъ, главному казначею, всѣмъ чинамъ администраціи, состоящей при главной квартирѣ ротѣ гренадеръ, жандармеріи, полевымъ госпиталямъ и т. д.» выступить 5 марта одной колонной подъ начальствомъ генерала Гюльмино

на Фульду [1]). Въ другихъ пунктахъ вступаютъ въ Германію артиллерійскіе резервы и главный паркъ съ шестьюдесятью артиллерійскими орудіями. Въ тылу выступившихъ въ походъ корпусовъ, спѣша присоединиться къ своимъ частямъ, идутъ по тяжелымъ дорогамъ, ускореннымъ маршемъ, части запоздавшихъ корпусовъ. 3-ій португальскій полкъ догоняетъ дивизію Леграна одинъ иллирійскій полкъ и одинъ швейцарскій разыскиваютъ герцога Эльшингена. По дорогамъ взадъ и впередъ снуютъ отряды, которымъ поручено разыскивать и вести застрявшіе въ пути обозы; крупной рысью проносятся триста тридцать артиллерійскихъ повозокъ; организуется эстафетная служба и ежедневно доставляетъ императору извѣстія объ арміи; формируются и уже переполнены больными госпиталя; устраиваются ремонтныя депо, которыя забираютъ у населенія тысячи лошадей; мчатся на почтовыхъ въ догонку за своими частями запоздавшіе офицеры, отстрѣливаясь по ночамъ отъ засѣвшихъ у дорогъ мародеровъ и разбойниковъ. Уже теперь толпы отсталыхъ и отбившихся отъ своихъ частей сбиваются въ одну кучу съ громыхающими повозками и перепутавшимися провіантскими обозами. Около крѣпостей инженерными частями разрушаются дома, сносятся цѣлыя предмѣстья, чтобы открыть валъ и дать болѣе вѣрный прицѣлъ батареямъ, ибо Наполеонъ все предусмотрѣлъ, даже отступленіе и оборонительную войну. Между тѣмъ корпуса первой линіи идутъ уже сомкнутыми рядами. Эта безконечная лента тянется своимъ путемъ, поглощая на ходу нѣмецкіе контингенты и увеличивая свой составъ всѣмъ, что встрѣчаетъ на пути. Вюртембержцы поступаютъ подъ начальство Нея; вестфальцы распредѣляются между 2-ымъ и 3-имъ корпусами; баварцы становятся на правомъ крылѣ итальянской арміи; саксонцы, поступившіе около Дрездена подъ команду Реньера, должны будутъ, когда дойдетъ до нихъ очередь, присоединиться къ проносящейся мимо волнѣ. Этотъ потокъ армій идетъ по всѣмъ дорогамъ, вдоль дорогъ по полямъ; вторгается въ города, деревни, жилища; пугаетъ и разоряетъ населеніе и наполняетъ шумомъ бушующаго моря всю прежнюю Германію отъ Ганзейскаго побережья вплоть до Богеміи [2]).

---

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1642.

[2]) Донесенія Бертьѐ императору, переписка Бертьѐ съ командирами корпусовъ, февраль и мартъ 1812 г. Archives nationales, AF, IV, 1642. Въ этихъ документахъ находится подробное описаніе похода.

Къ линіи Эльбы, которую уже перешелъ Даву, вскорѣ подошли и другіе корпуса. Удино подошелъ къ ней у Магдебурга. Ней у Торгау; вестфальцы дошли до нея черезъ Галле; итальянская армія и присоединенныя къ ней войска приближались обходомъ черезъ нижнюю Баварію. Чтобы идти дальше, нужно было пройти Пруссіей. Положеніе вещей требовало, чтобы уже теперь все было установлено съ ней офиціальнымъ порядкомъ.

Наполеонъ до послѣдней минуты откладывалъ заключеніе союза съ Пруссіей, рѣшивъ, что гораздо лучше диктовать ей свою волю тогда, когда она будетъ окружена его арміями и связана по рукамъ и по ногамъ. Наконецъ, 23 февраля, герцогъ Бассано пригласилъ къ себѣ барона Круземарка, и, положивъ предъ нимъ договоръ, предложилъ подписать. Хотя Круземаркъ и зналъ, что его дворъ въ принципѣ согласился на всѣ наши требованія, но до сихъ поръ онъ не получилъ еще особыхъ полномочій на предметъ заключенія союза. Онъ заявилъ объ этомъ. Герцогъ отвѣтилъ, что Его Величество не формалистъ и не приметъ подобнаго возраженія; что положеніе дѣлъ не допускаетъ отсрочекъ, ибо наши войска уже выступили въ походъ, и никакіе разговоры не въ состояніи остановить ихъ; что такъ или иначе—по соглашенію ли, силой ли—они войдутъ въ Пруссію; что для Пруссіи же будетъ лучше, если она позволитъ занять свою территорію добровольно, въ силу договора, а не путемъ насилія. Терзаемый сомнѣніями, Круземаркъ вначалѣ слабо защищался, затѣмъ уступилъ. 24 февраля, въ пять часовъ утра, послѣ проведенной въ совѣщаніяхъ ночи, договоръ былъ подписанъ [1]). Онъ заключалъ въ себѣ всѣ статьи, которыхъ требовалъ императоръ, съ очень незначительными измѣненіями. Было установлено, что оцѣнка предметовъ, которые потребуются нашимъ войскамъ, будетъ производиться по обоюдному соглашенію и стоимость ихъ будетъ вычтена изъ суммъ, подлежащихъ уплатѣ въ счетъ прежней военной контрибуціи, на каковую сумму и будетъ уменьшенъ долгъ королевства.

2 марта, когда въ Берлинѣ не было еще извѣстно о заключеніи договора, Фридрихъ-Вильгельмъ, который только-что сѣлъ за обѣденный столъ, получилъ донесеніе, что дивизія Гюдена, составлявшая правое крыло 1-го корпуса, заняла прусскую тер-

---

[1]) Duncker, 439—440.

риторію. Узнавъ о вторженіи, которое, на основаніи имѣющихся данныхъ, не оправдывалось никакимъ соглашеніемъ, король и его совѣтники тотчасъ же рѣшили, что совсѣмъ напрасно унижали себя, что Наполеонъ не принялъ изъявленія ихъ покорности и хочетъ стереть съ лица земли Пруссію. Въ припадкѣ отчаянія, они мечтали о попыткѣ къ сопротивленію, о томъ, чтобы погибнуть съ честью. Были сдѣланы распоряженія призвать къ оружію гарнизоны столицы, Шпандау и Потсдама. Въ шесть часовъ должны были забить тревогу на улицахъ Берлина, а въ пять часовъ пришло извѣстіе о договорѣ [1]). Этотъ актъ, хотя и съ запозданіемъ и только по внѣшности, все-таки спасалъ достоинство Пруссіи. Берлинскій дворъ былъ счастливъ и тѣмъ, что имѣлъ поводъ снова предаться смиренной и апатичной покорности. 5 марта договоръ, несмотря на его суровыя статьи, былъ ратификованъ, ибо всѣ отлично сознавали, «что этого не избѣгнешь: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно» [2]).

Издали доходилъ уже громкій шумъ шаговъ, доносилось бряцаніе оружія и звуки сигналовъ. Это—корпусъ Удино, выйдя изъ Магдебурга, проникалъ въ самое сердце монархіи. 28 марта самая красивая дивизія корпуса, нарочно выбранная, чтобы произвести бо́льшее впечатлѣніе, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами кавалеріи двинулась на Берлинъ. Король принялъ маршала въ Шарлоттенбургѣ и согласился присутствовать на назначенномъ въ тотъ же день смотру нашихъ войскъ. Полки должны были выстроиться на мѣстѣ тотчасъ же по прибытіи. Для большинства изъ нихъ переходъ былъ очень тяжелъ; нѣкоторые сдѣлали утромъ десять льё. Но такъ какъ императоръ приказалъ 2-му корпусу поддержать предъ пруссаками честь арміи и блеснуть предъ ними своей прекрасной выправкой, то всѣ постарались сообразоваться съ этимъ приказаніемъ. Сгорбившіяся отъ усталости спины сразу выпрямились, груди надулись, быстро вычищенныя ружья заблестѣли. Батальоны и эскадроны предстали на смотру въ блестящемъ, безукоризненномъ видѣ, «какъ будто къ параду готовились въ теченіе недѣли» [3]), и безподобнымъ зрѣлищемъ дисциплины и мощи вызвали удивленіе двора и пруссаковъ [4]).

---

[1]) Duncker, 442—443.
[2]) Перехваченная переписка Тарраша.
[3]) Сенъ-Марзанъ Marè, 31 марта.
[4]) Id. Cf. Le maréchal Oudinot, duc de Reggio, d'après les Souvenirs inédits de la maréchale, 153—154.

Вступленіе войскъ въ Берлинъ совершилось въ тотъ же вечеръ, въ то время, когда король, принявъ за своимъ столомъ маршала и чиновъ его штаба, возвращался въ Потсдамъ. Ему позволили оставить въ Потсдамѣ тысяча пятьсотъ пруссаковъ и, изъ особой милости, восемьдесятъ инвалидовъ въ Шпандау. Берлинъ поступилъ въ вѣдѣніе другихъ хозяевъ. Удино со своимъ корпусомъ прошелъ черезъ него, но вслѣдъ за нимъ явились оккупаціонныя войска. Они сняли всѣ посты и размѣстились во всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, за исключеніемъ королевскаго дворца. На улицахъ виднѣлись только наши мундиры, слышался только нашъ языкъ; администрація и полиція были составлены изъ французовъ, и вскорѣ Берлинъ принялъ видъ «города, не имѣющаго ничего общаго съ Пруссіей» [1]).

Корпусъ Удино продолжалъ свой путь на Франкфуртъ-на-Одерѣ, не внося «замѣтнаго безпорядка» [2]); корпусъ Даву шелъ вдоль побережья. Направо отъ него – 3-ій корпусъ и вестфальцы быстро подвигались на Бранденбургъ и пограничную территорію; армія Евгенія черезъ Саксонію подходила къ Силезіи, такъ что одно время французская армія всей своей тяжестью легла на Пруссію. Списокъ предметовъ, требуемыхъ отъ нея натурой, былъ подавляющъ. Въ сроки, опредѣленные приложенной къ договору конвенціей, Пруссія должна была выставить «четыреста тысячъ кенталовъ *) пшеницы, двѣсти тысячъ ржи, двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рису, десять тысячъ сухихъ овощей, два милліона двѣсти тысячъ кенталовъ мяса, два милліона бутылокъ водки, два милліона бутылокъ пива, шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ кенталовъ сѣна, триста пятьдесятъ тысячъ соломы, десять тысячъ мѣръ овса, шесть тысячъ лошадей подъ легкую кавалерію, три тысячи подъ кирасиръ, шесть тысячъ подъ артиллерію и повозки; кромѣ того, три тысячи шестьсотъ запряженныхъ повозокъ и госпиталей на пятнадцать тысячъ больныхъ» [3]). Это значило съ математической точностью лишить страну всѣхъ ея сбереженій, и этотъ преждевременный заборъ въ счетъ военной контрибуціи еще болѣе усилилъ глухое раздраженіе, съ какимъ насъ приняли въ Пруссіи.

---

[1]) Сенъ-Марзанъ Маре́, 5 мая.

[2]) Id., 31 марта.

*) Кенталъ=100 фунтамъ. (Прим. перев.)

[3]) De Clercq, II, 359—362.

На первыхъ же порахъ армія наткнулась на глубоко-враждебное населеніе, и почувствовала себя въ атмосферѣ, насыщенной ненавистью. Въ Вестфаліи и Ганноверѣ народъ еще дѣлалъ различіе между французами и ихъ правительствомъ. Всѣ съ ненавистью относились къ политикѣ императора и къ его администраціи, но многое прощали нашимъ солдатамъ за ихъ веселый нравъ, офицерамъ за обходительный характеръ, и очень часто наши офицеры были приняты въ семействахъ не какъ навязанные, а какъ желанные гости [1]). Ничего подобнаго не было въ Пруссіи. Уже одно названіе французъ было синонимомъ омерзѣнія. Въ замкахъ, гдѣ по билетамъ отводился постой нашимъ офицерамъ, имъ не удавалось вызвать улыбки на лицахъ. Владѣльцы, на долю которыхъ выпадала обязанность принимать ихъ, въ большинствѣ случаевъ дворяне, разоренные предыдущей войной, не хотѣли вступать съ ними въ разговоръ, и если языки иногда и развязывались, то только съ тѣмъ, чтобы высказать таившуюся въ глубинѣ ихъ сердецъ горячую надежду на реваншъ. Въ народѣ сквозь страхъ проглядывала ненависть. Въ самомъ Берлинѣ власти изощрялись въ подлостяхъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не могъ рискнуть выйти за черту города, чтобы не нарваться на оскорбленіе, чтобы не услышать въ догонку гнусныхъ эпитетовъ и даже иногда не подвергнуться нападенію и побоямъ. Проходившіе черезъ деревни отряды видѣли, какъ на нихъ устремлены были взоры, полные ненависти; при ихъ проходѣ имъ грозили кулаками, уста извергали проклятія [2]). Въ Помераніи крестьяне увидали въ рядахъ 1-го корпуса ганзейскіе полки—такихъ же нѣмцевъ, какъ и они, которые противъ воли шли вмѣстѣ съ нами. Они тотчасъ же начали подстрекать ганзейцевъ къ побѣгу и оказывали имъ всевозможное содѣйствіе. Всякій бѣглецъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ у нихъ пристанище и кусокъ хлѣба. Благодаря такому соблазну, одинъ изъ нѣмецкихъ полковъ растаялъ до такой степени, что вынуждены были каждый вечеръ, на мѣстахъ остановокъ, окружать его французскими патрулями, удерживать на мѣстѣ страхомъ разстрѣла и тащить за собой, предварительно заключивъ

---

[1]) Les Souvenirs manuscrits du général Lyautey, которыя намъ разрѣшено было просмотрѣть, даютъ по этому поводу любопытныя подробности.

[2]) Archives nationales, AF, 1V, 1691.

въ такой передвижной тюрьмѣ [1]). Даву первый показалъ ужасный примѣръ. Насилуя смыслъ, преувеличивая строгости военныхъ законовъ, онъ прибѣгъ къ жестокимъ мѣрамъ наказанія. Разстрѣливали по одному подозрѣнію. Всякій, покинувшій строй, долженъ былъ считать себя погибшимъ. Одинъ солдатъ былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ на мѣстѣ за то, что остался нѣсколько часовъ позади, ибо маршалу вообразилось, «что, по всей вѣроятности», этотъ солдатъ «хотѣлъ бѣжать» [2]).

Вотъ какъ шла великая армія, силой удерживая въ своихъ рядахъ элементы, разъ попавшіе въ ея желѣзные клещи. Но большинство удерживалось въ ней узами болѣе могучими, чѣмъ матеріальная сила—тѣмъ неотразимымъ обаяніемъ, которое исходило отъ нея самой и отъ сіявшаго ореоломъ славы имени того, кто стоялъ во-главѣ ея; оно удерживалось тѣмъ чувствомъ, которое внушило такому множеству глубоко-несходныхъ между собой людей желаніе принять участіе въ чемъ-то великомъ, сражаться подъ самыми знаменитыми знаменами, когда-либо развѣвавшимися надъ міромъ. Не взирая ни на что, эти люди шли, шли безостановочно, и, несмотря на суровое время года, несмотря на невозможныя дороги, несмотря на трудность двигаться по пескамъ и торфянымъ болотамъ Пруссіи, походъ на Сѣверъ продолжался ускореннымъ маршемъ. Въ началѣ апрѣля, въ то время, когда передовыя войска Даву были на полпути между Одеромъ и Вислой, главная часть арміи подошла къ Одеру и стала вдоль рѣки отъ Штеттина до верхней Силезіи.

Теперь, чтобы дѣйствовать сообразно намѣченному плану, нужно было съ большой осторожностью провести Даву на Вислу и поставить его въ связь съ передовыми войсками Франціи—поляками; но сдѣлать это нужно было, по возможности, не вызывая тревоги. Не менѣе важно было, чтобы маршалъ, вступивъ въ крайне опасную сферу, тотчасъ же занялъ прочное положеніе на обоихъ берегахъ Вислы; чтобы онъ захватилъ всѣ выгодные стратегическіе пункты и чтобы одновременно съ этимъ другіе корпуса были поставлены въ возможность явиться къ нему на помощь. Поэтому въ теченіе марта Даву получилъ приказаніе: подойти у Торна къ нижнему теченію Вислы, опереть лѣвое

---

[1]) Даву Бертьѐ, 23 марта. Archives nationales, AF, IV, 1642.

[2]) Предыдущее письмо отъ 23 марта.

крыло на Данцигъ и прочно занять этимъ крыломъ дельту Вислы, островъ Ногатъ и плодородный округъ Эльбингъ; правымъ же крыломъ войти въ связь съ поляками Понятовскаго, которые къ тому времени сосредоточатся между Варшавой и Плоцкомъ и будутъ опираться на эти двѣ крѣпости,—и сразу же развернуть внушительную боевую линію. Слѣдовавшая за нимъ главная масса войскъ была раздѣлена на двѣ части. Корпуса вестфальскій, баварскій и саксонскій, какъ сдѣлавшіе меньшій путь, а, слѣдовательно, менѣе утомленные, должны были обогнать наши корпуса и вмѣстѣ съ самостоятельными кавалерійскими частями, которыя всюду шли впереди войскъ, ускореннымъ маршемъ перенестись на пространство между Одеромъ и Вислой; баварцы должны были остановиться въ Познани; саксонцы и вестфальцы въ Калишѣ. Эти три контингента должны были составить въ тылу Даву и поляковъ вторую линію, т. е. линію подкрѣпленія. Корпуса же Нея, Удино и Евгенія должны остаться пока на Одерѣ—въ третьей линіи, гдѣ къ нимъ должны будутъ присоединиться гвардейскія дивизіи и резервы [1]).

Все предписанное должно быть выполнено приблизительно къ 15 апрѣля. Дальнѣйшее представлялось въ слѣдующемъ видѣ: Если русскіе вздумаютъ перейти свои границы, Даву, вѣроятно, будетъ въ состояніи выдержать первый натискъ. Тогда, по первому же сигналу, три нѣмецкихъ корпуса бросятся ему на помощь на Вислу, гдѣ, вмѣстѣ съ поляками, составятъ большую армію подъ командой короля Жерома. Ней, Удино, Евгеній и гвардія съ возможной быстротой, форсированнымъ маршемъ тоже должны поспѣшить къ нему на помощь, и въ нѣсколько дней вся армія соберется на Вислѣ, сольется въ одно цѣлое и станетъ лицомъ къ непріятелю. Если же русскіе не будутъ трогаться съ мѣста, всѣ войска останутся до мая мѣсяца на указанныхъ имъ въ настоящее время позиціяхъ; они будутъ тамъ отдыхать и устраиваться. Въ первой половинѣ мая, образованная изъ нѣмецкихъ корпусовъ вторая линія, затѣмъ третья—изъ корпусовъ, выведенныхъ изъ Франціи и Италіи, должны незамѣтно примкнуть къ первой линіи, т. е. къ Даву и полякамъ; онѣ сперва удвоятъ эту линію, затѣмъ утроятъ, и, въ заключеніе, построившись на Вислѣ, выставятъ противъ русскихъ, отъ которыхъ

---

[1]) Corresp., 18584, 18587, 18588, 18593, 18599, 18605, 18608.

будутъ отдѣлены только узкой полосой земли между Вислой и Нѣманомъ, весь свой наличный составъ: девять корпусовъ, триста девяносто два батальона, триста сорокъ семь эскадроновъ, десять тысячъ шестьдесятъ восемь офицеровъ, шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ пять офицерскихъ лошадей, шестьдесятъ пять тысячъ восемьсотъ сорокъ три лошади подъ нижними чинами, двадцать пять тысячъ девятьсотъ три обозныхъ лошади— всего триста восемьдесятъ семь тысячъ триста сорокъ три человѣка, девяносто восемь тысячъ триста одиннадцать лошадей и девятьсотъ восемьдесятъ пушекъ; крупные парки арміи и не находящіеся въ строю въ счетъ не идутъ [1]).

Стоящій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ прусскій контингентъ долженъ быть наготовѣ, чтобы своевременно вступить въ ряды великой арміи. Входящія въ его составъ войска были двинуты къ границамъ восточной Пруссіи, между Данцигомъ и Кенигсбергомъ; пока, при поддержкѣ и подъ надзоромъ Даву, они должны стеречь для насъ этотъ столь драгоцѣнный по своему стратегическому значенію уголокъ земли, иначе Наполеонъ вынужденъ былъ бы слишкомъ рано показать тамъ французскія войска [2]). При вступленіи въ предѣлы Россіи, великая армія мимоходомъ захватитъ пруссаковъ, присоединивъ къ себѣ и эти двадцать тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ и изъ дивизіи Гранжана, которая въ настоящее время составляетъ гарнизонъ Данцига, императоръ хочетъ создать десятый корпусъ, командованіе которымъ будетъ поручено герцогу Тарентскому.

Въ видахъ усиленія праваго крыла и увеличенія боевого фронта, Наполеонъ въ самое послѣднее время обратился къ Австріи съ приглашеніемъ вступить въ строй. Окончательное соглашеніе было, безъ серьезныхъ споровъ, проведено въ Парижѣ съ Меттернихомъ. По союзному договору, подписанному 14 марта, въ наше распоряженіе давалось тридцать тысячъ австрійцевъ. За это австрійскому правительству предоставлялось право промѣнять остатки Галиціи на равную часть иллирійскихъ провинцій, далѣе подавалась надежда на болѣе значительныя, пока еще точно не установленныя, выгоды, и затѣмъ гарантировалась неприкосновенность Оттоманской имперіи. Задачей послѣдней

---

[1]) Вкратцѣ изложенный списокъ, представленный 10 марта императору начальникомъ генеральнаго штаба. Archives nationales, AF, IV, 1642.

[2]) Corresp., 18608.

статьи было отмѣнить сдѣланныя Россіи въ Эрфуртѣ уступки, возбранить русскимъ какое бы то ни было пріобрѣтеніе въ княжествахъ и, такимъ образомъ, удовлетворить интересы Австріи [1]). Послѣ подписанія договора, оба двора вошли въ тѣсное общеніе. Наполеонъ воспользовался этимъ, чтобы послать въ Вѣну военныя инструкціи и чтобы наблюдать за отправкой на Лембергъ обѣщаннаго количества войскъ. Командованіе австрійцами было предоставлено князю Шварценбергу—тому самому генералу, который въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ исправлялъ должность посланника во Франціи. Оставаясь пока при императорѣ, Шварценбергъ долженъ былъ своевременно получить отъ него инструкціи и сигналъ къ отъѣзду. Тогда онъ быстро нагонитъ свои войска и, хорошо нашколенный, хорошо освѣдомленный, приметъ мѣры, чтобы, въ ту минуту, когда великая армія переправится черезъ Вислу, австрійцы примкнули къ ней и стали противъ губерній Волынской и Подольской. Присоединеніемъ прусскихъ и австрійскихъ контингентовъ Наполеонъ доведетъ армію до четырехсотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ и тысяча ста орудій.

Теперь—имѣя въ виду увеличить линію обхвата и втянуть въ свое дѣло всѣ силы отъ самаго крайняго Сѣвера до юго-восточной Европы включительно—онъ рѣшилъ, что настало время завладѣть Швеціей и окончательно привлечь на свою сторону Турцію. По его планамъ, и та и другая, должны были взять на себя роль крайнихъ праваго и лѣваго крыла, и, бросившись на фланги Россіи и отвлекая ея силы, оказать содѣйствіе движенію великой арміи. Съ января наша дипломатія начала яснѣе высказываться въ Константинополѣ. Въ февралѣ Наполеонъ окончательно срываетъ съ себя маску предъ турками. Онъ признается имъ въ своихъ планахъ, предлагаетъ взаимныя и непреложныя обязательства. 15 февраля Латуръ-Мобуру спѣшно посылаются инструкціи, то же самое дѣлается въ мартѣ и апрѣлѣ; ему отправляются полномочія, проектъ договора, секретныя статьи. Императоръ ждетъ отъ турокъ не обыкновенной войны съ Россіей, а гораздо бо̀льшаго. Онъ хочетъ народной священной войны, поголовнаго ополченія, призыва всѣхъ войскъ и резервовъ Востока и массоваго вторженія въ предѣлы Россіи. Его

[1]) См. текстъ договора у Clercq'a, II, 369—372.

желаніе—вызвать на своемъ правомъ крылѣ движеніе цѣлой части свѣта. Онъ надѣется, что, по его голосу, воскреснетъ старое Оттоманское государство, что оно вернется къ героическому періоду своей исторіи, когда султаны лично водили въ бой свои народы и время отъ времени бросали Азію на Европу. Ему нужно было, чтобы султанъ Махмудъ далъ точное обязательство покинуть Константинополь и стать во-главѣ своихъ войскъ; чтобы было поднято священное знамя Пророка; чтобы до 15 мая, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ человѣкъ были двинуты на Дунай.

Послѣ переправы черезъ Дунай и занятія княжествъ главная часть этихъ войскъ должна вступить на враждебную территорію, тогда какъ отрядъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, составленный преимущественно изъ кавалеріи, направится на сѣверъ и соединится съ нашей арміей въ центрѣ Россіи. Въ воображеніи императора уже рисуются картины, какъ во время похода на его правомъ крылѣ поднимаются и несутся по степи тучи кавалеріи, какъ вдали на горизонтѣ разливается блескъ сверкающихъ пикъ, развѣваются по вѣтру бурнусы, слышится лязгъ ятагановъ; какъ мчится въ стремительную атаку присоединенный къ его войскамъ авангардъ поклонниковъ Пророка. Онъ думаетъ, что спаги и арабы—эти легкокрылые всадники пустыни—будутъ весьма полезны въ его пестрой, составленной изъ народовъ всей Европы, арміи. Онъ будетъ употреблять ихъ для несенія службы на аванпостахъ и для небольшихъ стычекъ. «Оттоманскую кавалерію,—пишутъ отъ его имени въ Константинополь,—можно будетъ съ пользой употребить противъ казаковъ. Его Величество цѣнитъ ея храбрость, и обращенный къ ней призывъ являетъ яркое доказательство его довѣрія» [1]).

За ретивое и отважное содѣйствіе Наполеонъ обѣщаетъ турkамъ вернуть имъ, вмѣстѣ съ княжествами, Крымъ, побережье Чернаго моря и все, что они потеряли въ теченіе столѣтія. Чтобы еще болѣе воодушевить ихъ, онъ самъ пишетъ султану; онъ объявляетъ туркамъ, что пришлетъ къ нимъ посланника, генерала Андреосси, который будетъ для нихъ вторымъ Себастіани. Онъ вступаетъ въ сношенія съ ними всевозможными способами. Въ пламенныхъ рѣчахъ онъ доказываетъ имъ, что наступилъ единственный въ своемъ родѣ случай сразу же отомстить за всѣ обиды, нанесенныя ихъ расѣ.

---

[1]) Маре Латуръ-Мобуру, 8 апрѣля.

Гораздо труднѣе было наладить переговоры со Швеціей, такъ какъ, вслѣдствіе надоѣдливыхъ разногласій, сношенія почти прекратились; осталось только подобіе сношеній черезъ пассивныхъ и безгласныхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ. Въ виду того, что Швеція не шла къ нему, Наполеонъ счелъ нужнымъ обратиться къ ней, надѣясь вызвать въ сердцѣ Бернадота чувство раскаянія и заставить его вернуться къ нему. Съ этой цѣлью онъ приказалъ сдѣлать ему окольнымъ путемъ предложеніе секретнаго характера. Наслѣдная принцесса Швеціи, проведя лѣто въ Пломбьѐрѣ, пріѣхала въ Парижъ и поселилась въ Люксембургѣ, у своей сестры Юліи, королевы Испанской. Неоднократно, въ припадкахъ гнѣва на Швецію, Наполеонъ находилъ неприличнымъ пребываніе принцессы въ Парижѣ, и приказывалъ сказать ей, чтобы она уѣзжала въ Швецію [1]). Но она упорно оставалась. Съ своей стороны и императоръ, когда гнѣвъ его немного утихалъ, закрывалъ глаза на неисполненіе его приказаній, и относился снисходительно къ той, которая напоминала ему нѣжный романъ его молодости [2]). Въ февралѣ 1812 г., встрѣтивъ ее въ Парижѣ, онъ задумалъ воспользоваться ею. Герцогъ Бассано навѣстилъ ее и по секрету сообщилъ ей, чего проситъ и что предлагаетъ императоръ. Императоръ просилъ Швецію снабдить его арміей противъ Россіи; предлагалъ Финляндію и субсидію въ двѣнадцать милліоновъ, подъ видомъ покупки колоніальныхъ товаровъ [3]). Принцесса обѣщала передать эти предложенія и приложила всѣ старанія, чтобы обезпечить имъ успѣхъ.

Къ несчастью, за нѣсколько дней до этой попытки къ соглашенію, Наполеонъ рѣшился на поступокъ, который точно нарочно былъ придуманъ, чтобы испортить все дѣло. Дѣло въ томъ, что, когда онъ приступилъ къ отправкѣ своихъ войскъ въ Германію, онъ узналъ, что населеніе и власти шведской Помераніи все еще жили въ мирѣ съ англичанами и покровительствовали ихъ торговлѣ. Благоразумно ли, думалъ онъ, въ то время, когда мы предпринимаемъ такой далекій походъ, оставлять въ тылу у себя, въ рукахъ враждебно настроенныхъ людей, этотъ клочокъ территоріи, этотъ узкій проходъ, своего рода подземный ходъ, черезъ который наши враги могутъ попасть въ Германію? Под-

---

[1]) Corresp., 18230.

[2]) См. Fr. Masson, Napoléon et les femmes, 13—24.

[3]) Archives des affaires étrangères, Suède, 297. Cf. Ernouf, 337.

даваясь чувству недовѣрія, уступая порыву ярости, котораго онъ уже не въ силахъ былъ преодолѣть, Наполеонъ захотѣлъ, прежде всего, предохранить себя отъ проявленія злой воли Швеціи и уже потомъ предложить ей дружбу и прощеніе. 19 января онъ приказалъ Даву занять Померанію, лишь только явится увѣренность, что тамъ можно захватить «большое количество колоніальныхъ товаровъ» [1]). Даву, которому не былъ указанъ точный срокъ, рѣшилъ немедленно исполнить приказаніе и наложилъ свою руку на вызвавшую подозрѣніе провинцію.

Этимъ захватомъ мы не превысили нашихъ правъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ 1810 г. Швеціи была возвращена Померанія, но съ условіемъ, что она будетъ герметически закрыта для англійскихъ продуктовъ. Нарушеніемъ своихъ обѣщаній Швеція уничтожила обязательства другой стороны. Тѣмъ не менѣе, захватъ Помераніи былъ мѣрой неполитичной, достойной глубокаго сожалѣнія. Эта мѣра вызвала въ Стокгольмѣ взрывъ негодованія; она окончательно оттолкнула отъ насъ все мыслящее въ Швеціи, дала Бернадоту основаніе совершить и предать гласности измѣну, уже рѣшенную имъ въ глубинѣ души. Чтобы гро-могласно отречься отъ Франціи онъ удовольствовался бы и предлогомъ; ему предоставили поводъ. Оскорбленіе, нанесенное его народу, было слишкомъ жгучимъ, чтобы онъ не воспользовался даннымъ ему въ руки оружіемъ. Еще до прибытія въ Стокгольмъ посланія принцессы въ Парижѣ стало уже извѣстно, что, въ отвѣтъ на занятіе Помераніи, шведское правительство объявило нейтралитетъ, что было равносильно возобновленію официальныхъ сношеній съ Англіей и открытому отреченію отъ французской системы. Вскорѣ послѣ того было получено свѣдѣніе, что изъ Швеціи отправился въ Петербургъ посолъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Объявленіе нейтралитета служило только вуалью, подъ прикрытіемъ которой Бернадотъ доводилъ до конца свою враждебную эволюцію и переходилъ на сторону врага.

Дезертирство Бернадота было первымъ разочарованіемъ императора; апатичность Турціи заставляла бояться второго, ибо оттоманы не проявляли особаго рвенія слѣдовать нашимъ указаніямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Тильзитѣ императоръ, отрекшись отъ нихъ, обманулъ ихъ надежды, они потеряли вѣру въ

---

[1]) Corresp., 18447.

него; дѣятельность же нашей дипломатіи въ теченіе года не была такова, чтобы воскресить ихъ довѣріе. На основаніи депешъ Латуръ-Мобура боялись, какъ бы возобновленіе переговоровъ съ Россіей и вторичное открытіе конгресса въ Бухарестѣ не привели къ заключенію мира. Изъ боязни, что Андреосси пріѣдетъ въ Константинополь только для того, чтобы присутствовать при дипломатическомъ пораженіи Франціи, императоръ не рискнулъ его отправить. Такимъ образомъ, Наполеонъ пожиналъ плоды своей системы: онъ хотѣлъ совмѣстить несовмѣстимое, хотѣлъ до конца поддерживать добрыя отношенія съ Россіей и въ то же время создать точки опоры противъ нея. Сознавая, что и въ Стокгольмѣ, и въ Константинополѣ пути плохо были подготовлены, онъ предпочелъ обвинить въ этомъ не самого себя, а свое министерство. «Моя дипломатія,—говорилъ онъ,—должна была бы сдѣлать для меня половину кампаніи, а она почти-что и не думала объ этомъ» [1]). Однако, онъ считалъ, что эта неудача еще поправима. Онъ все еще надѣялся, что шведы прозрѣютъ; что наши воззванія наэлектризуютъ Турцію; что она двинетъ свою армію по ту сторону Дуная, отправитъ флотъ къ берегамъ Крыма, даже окажетъ давленіе на постоянно воевавшую съ Александромъ Персію и уговоритъ ее проявить бо̀льшую дѣятельность. Однимъ словомъ, онъ думалъ, что всѣ народы, пострадавшіе отъ честолюбивыхъ стремленій царей, познаютъ свои интересы, что они возьмутся за оружіе, захотятъ отомстить, и явятся на его зовъ, чтобы завершить блокаду Россіи на пространствѣ отъ полярнаго круга до Каспія.

Пока же, онъ проводитъ дни среди донесеній, склонившись надъ картами. Онъ издали слѣдитъ за походомъ своихъ армій и изъ Парижа руководитъ ихъ движеніями, день-за-днемъ, переходъ за переходомъ. Онъ видитъ, какъ онѣ одна за другой, подобно громаднымъ волнамъ, подходятъ къ Вислѣ и разливаются на всемъ протяженіи назначенныхъ имъ мѣстъ. Въ тылу этого развернутаго фронта, онъ формируетъ огромную резервную колонну, головная часть которой касается Одера, а база опирается на центръ Франціи. Во-первыхъ—между Одеромъ и Эльбой—корпусъ или вѣрнѣе армія изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, ввѣренная герцогу Беллюнскому; затѣмъ корпусъ, сформирован-

---

[1]) Неизданные документы.

ный изъ датчанъ, подъ командой Ожеро. Ему поручается охрана береговъ. Далѣе—между Эльбой и Рейномъ—вторая группа войскъ состоящая изъ рекрутскаго набора 1812 г.; наконецъ, внутри имперіи, кромѣ ста тридцати запасныхъ батальоновъ, приспособленныя къ военной службѣ когорты національной гвардіи, и сто двадцать тысячъ ополченцевъ, спасшихся отъ рекрутскаго набора и взятыхъ прямо отъ домашняго очага для несенія внутренней службы [1]). Если прибавить къ этому триста тысячъ французовъ и союзниковъ, оставленныхъ императоромъ въ Испаніи, и дополнительные наборы, потребованные отъ нѣмецкихъ государей и Швейцаріи, то окажется, что въ его распоряженіи милліонъ двѣсти тысячъ солдатъ, что онъ поставилъ подъ ружье цѣлый родъ людской.

IV.

Наполеонъ хотѣлъ выѣхать изъ Парижа въ первой половинѣ апрѣля [2]). Онъ выразилъ желаніе, чтобы императрица сопровождала его до Дрездена, гдѣ должно было состояться свиданіе съ Ихъ Величествами императоромъ и императрицей Австрійскими. Послѣ непродолжительнаго свиданія, которое должно было тѣснѣе сблизить обѣ императорскія семьи, онъ хотѣлъ уже въ маѣ быть на Вислѣ, и начать кампанію, хотя его постояннымъ желаніемъ было отложить враждебныя дѣйствія до іюня—до того времени, когда полное развитіе сѣверной растительности обезпечитъ существованіе ста тысячъ лошадей, шедшихъ вмѣстѣ съ арміей.

Въ концѣ марта, не получивъ еще отвѣта на посланіе, отправленное изъ Елисейскаго дворца, онъ узналъ окольными путями, что императоръ Александръ высказалъ намѣреніе «не дѣлать ни одного враждебнаго движенія до перваго раздавшагося на его границахъ пушечнаго выстрѣла» [3]). Видъ линіи Нѣмана, гдѣ царило полное спокойствіе и гдѣ русскія войска стояли не-

---

[1]) Thiers, XIII, 433, 452—453.

[2]) Маре Отто, 16 марта. Послѣ подписи союзнаго договора съ Австріей переписка министра иностранныхъ дѣлъ съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ участилась и была настолько подробна, что можетъ служить цѣннымъ источникомъ для изслѣдователя.

[3]) Маре Отто, 1 апрѣля.

подвижно и какъ бы застыли на одномъ мѣстѣ, подтверждалъ это свѣдѣніе. Наполеонъ заключилъ изъ этого, что въ его распоряженіи больше времени. Онъ рѣшилъ провести въ Дрезденѣ, вмѣсто нѣсколькихъ дней, двѣ-три недѣли, хотѣлъ собрать тамъ настоящій конгрессъ изъ высочайшихъ особъ, на которомъ хотѣлъ выступить въ качествѣ верховнаго главы Европы. Пока же онъ могъ продлить свое пребываніе въ Парижѣ до мая, и эта возможность показалась ему счастливымъ событіемъ. Одного мѣсяца ему только-только хватало, чтобы покончить съ разными затрудненіями внутренняго характера, которыя задерживали его отъѣздъ.

Въ этотъ годъ зимній сезонъ въ Парижѣ былъ особенно блестящимъ и оживленнымъ. Императору угодно было этого, и всѣ старались сообразоваться съ желаніемъ, на которое смотрѣли, какъ на приказаніе. Высокопоставленныя особы соперничали въ пріемахъ. Празднества, вечера, концерты, балы слѣдовали одинъ за другимъ: сперва у великаго канцлера и принца Невшательскаго, затѣмъ балы-маскарады у графа Марекальчи, балы въ министерствахъ и посольствахъ [1]). Близость войны внесла особенное оживленіе въ извѣстные круги общества. Среди примкнувшей ко двору старой аристократіи, среди молодежи предмѣстья Сенъ-Жерменъ, это событіе пользовалось большой популярностью. Золотая молодежь, которая незадолго до этого стала поступать на службу и заполнять штабы войскъ, съ радостью отнеслась къ предстоящему походу, который, думала она, доставитъ и ей долю славы, позволитъ ей стать на-ряду со старыми солдатами временъ революціи, съ героями изъ простонародья. Она разсчитывала нахватать горы отличій. Эти юноши съ увлеченіемъ готовились къ войнѣ; они предполагали вести ее въ роскошной обстановкѣ, со всѣми удобствами, даже заказали себѣ богатѣйшіе экипажи, которые загромождали дороги Германіи; они представляли себѣ походъ въ Россію, «какъ шестимѣсячную поѣздку на охоту въ большой компаніи» [2]). Какой контрастъ между этимъ юношескимъ задоромъ и отчаяніемъ, царившимъ въ другихъ классахъ общества! Тамъ были удручающее горе, тяжкія бѣдствія. Въ нѣсколькихъ провинціяхъ появился голодъ. Въ Парижѣ недостатокъ хлѣба, цѣны неприступныя; въ Нормандіи бунтъ голодаю-

---

[1]) Mémoires de Pasquier, I, 516.

[2]) Pradt, Ambassade dans le grand-duché de Varsovie, 64.

щихъ—была пролита кровь. Новые наборы рекрутовъ вызывали сопротивленіе населенія, бунты и безпорядки. Въ каждомъ изъ ста двадцати пяти департаментовъ отряды конныхъ жандармовъ гонялись за уклонившимися отъ рекрутчины и охотились на людей. Со всѣхъ мѣстъ Франціи, сквозь официальную лесть, доносился до императора глухой ропотъ лишенныхъ потомства отцовъ и плачъ матерей.

Но изъ всѣхъ этихъ бѣдствій Наполеона болѣе всего заботилъ голодъ. Голода онъ боялся больше всего, такъ какъ недавно, во времена революціи, видѣлъ, какъ онъ выбрасывалъ на улицу и толкалъ на возмущеніе пришедшихъ въ отчаяніе людей. Въ теченіе марта и апрѣля императоръ боролся съ нимъ предписаніями и декретами; наконецъ, приказомъ ограничилъ цѣну на хлѣбъ и ввелъ законъ о *максимальныхъ цѣнахъ* [1]). Что же касается другихъ бѣдствій Франціи, то, не заблуждаясь относительно ихъ важнаго значенія, онъ разсчитывалъ примѣнить къ нимъ свое обычное средство—побѣду. Онъ говорилъ себѣ, что счастливая война на Сѣверѣ будетъ послѣдней войной; что она покончитъ съ тягостнымъ, опаснымъ и противоестественнымъ положеніемъ вещей—тѣмъ положеніемъ, котораго нельзя долго выдержать; что, обезпечивъ повсюду миръ, она позволитъ ему дать свободно вздохнуть Франціи и всему міру.

Въ такихъ краскахъ онъ и представлялъ ее какъ тѣмъ, у кого любилъ спрашивать совѣта, такъ и тѣмъ, кому хотѣлъ внушить свои мысли. Камбасересу, робко сдѣлавшему нѣсколько возраженій, онъ изложилъ всѣ доводы въ пользу войны. По его словамъ, отдѣлившаяся отъ насъ Россія разстроитъ всю европейскую систему; рано или поздно она обрушится на Францію; лучше предупредить ея нападеніе, чѣмъ ждать его; выгоднѣе и для Франціи, и для императора попытаться теперь же, пока императоръ силенъ и тѣломъ, и душой, пока ему служитъ счастье, сдѣлать рѣшительное и послѣднее усиліе, а не предаваться малодушнымъ утѣхамъ непрочнаго мира. Этими доводами онъ заставилъ замолчать, но не убѣдилъ, великаго канцлера [2]).

Съ Коленкуромъ онъ тоже бесѣдовалъ, но изрѣдка. Порицаніе и оппозиція этого благороднаго человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ, который никогда не интриговалъ, а выска-

---

[1]) См. Pasquier, I, 497—509.

[2]) Thiers, XIII, 458—461.

зывалъ свои мысли только ему и всегда съ полной откровенностью, удручали его, вносили смятеніе въ его душу. Будучи большимъ знатокомъ человѣческаго сердца, онъ ясно видѣлъ, до какой степени возмущаютъ Коленкура его воинственные планы, и не любилъ видѣть его подлѣ себя. Ему хотѣлось бы привлечь его къ своему дѣлу не высочайшими повелѣніями, а путемъ бесѣдъ и обсужденій. Въ его глазахъ Коленкуръ былъ «силой, завоевать которую было бы чрезвычайно важно» [1]).

Однажды, онъ призвалъ его и предложилъ ему высказаться откровенно, и, не стѣсняясь, привести всѣ возраженія, какія тотъ имѣлъ. Его желаніемъ было схватиться съ нимъ по спорнымъ вопросамъ и опровергнуть его возраженія. Когда Коленкуръ упрекнулъ его въ стремленіи обратить всю Европу въ своихъ вассаловъ, когда сказалъ, что онъ все приноситъ въ жертву «своей излюбленной страсти — войнѣ», императоръ не особенно разсердился; «когда что-нибудь казалось ему слишкомъ рѣзкимъ, онъ давалъ ему слегка подзатыльника» [2]) или дралъ его за ухо. Затѣмъ онъ снова заводилъ споръ, и давалъ новую пищу для словесной битвы, ибо во всякой борьбѣ видѣлъ лишній случай одержать побѣду. Утверждая, что не хочетъ войны и надѣется ея избѣгнуть, онъ, тѣмъ не менѣе, признался, что высшіе интересы могутъ вынудить его къ ней. Онъ изложилъ передъ нимъ, каковы эти интересы. То былъ рядъ глубокихъ взглядовъ на его политику и его систему. Онъ справедливо говорилъ, что его не понимаютъ, предполагая въ немъ желаніе завоевывать ради процесса завоеваній; что неправильно обвиняютъ его въ стремленіи безъ надобности присоединять новыя территоріи къ его и безъ того уже слишкомъ обширной имперіи; что всѣ сдѣланныя имъ присоединенія, всѣ захваты, всѣ войны имѣютъ только одну цѣль—свести къ нулю Англію; что у него только одно желаніе, одна мечта—но горячая, упорная, неизмѣнная и непреклонная: принудить англичанъ къ капитуляціи, слѣдствіемъ которой было бы возстановленіе независимости на моряхъ и упроченіе европейскаго мира. Чтобы добиться этого мира, онъ не долженъ отступать ни предъ какимъ предпріятіемъ, сколь бы чудовищнымъ оно ни казалось. Что ему говорятъ объ умѣренности, о благоразуміи, о «разумномъ географическомъ положеніи!»

---

[1]) Неизданные документы.
[2]) Id.

Да развѣ для него—эта заурядная мудрость?—Въ томъ необычайномъ положеніи, которое завѣщано ему прошлымъ, должны примѣняться средства, не имѣющія примѣровъ ни въ исторіи, ни у народовъ, живущихъ при обыкновенныхъ условіяхъ. При теперешнемъ положеніи вещей, онъ не можетъ допустить, чтобы какое бы то ни было государство, подъ покровомъ фиктивнаго союза или пристрастнаго нейтралитета, покровительствовало нашимъ врагамъ. Всѣ должны идти за нимъ или ждать жестокой расправы. Горе тому, кто не захочетъ понять его и слѣдовать за нимъ!

Онъ безконечно долго распространялся на эту тему, исчерпывая всю силу убѣжденія, всю силу своего ума. Онъ старался подѣйствовать на Коленкура не только убѣжденіемъ, но и ласковымъ, милостивымъ обращеніемъ, дѣлаясь то льстецомъ, то коварно-обаятельнымъ, прибѣгая къ свойственной только женщинамъ хитрости и утонченной нѣжности. «Никогда женщина—пишетъ нѣкто, хорошо знавшій его—не влагала столько искусства, чтобы заставить оцѣнить, что ей нравится, и согласиться съ тѣмъ, чего ей хочется»; ни одинъ успѣхъ не льстилъ такъ его самолюбію, какъ эти побѣды надъ человѣческой душой. Коленкуръ почтительно выслушивалъ его, но оставался непоколебимымъ. Разговоръ продолжался до тѣхъ поръ, пока одна смѣлая фраза не дала Наполеону почувствовать, что ему не удалось убѣдить своего собесѣдника. Коленкуръ опять повторилъ ему, что «то, что готовится, будетъ несчастьемъ для Франціи и предметомъ сожалѣній и затрудненій для Его Величества, и что онъ не хочетъ упрекать себя въ томъ, что способствовалъ этому дѣлу». Тогда, обманутый въ своихъ надеждахъ, раздосадованный императоръ повернулся къ нему спиной, и въ теченіе нѣсколькихъ дней обдавалъ его холодомъ, однако, безъ горечи и гнѣва. Раболѣпная толпа придворныхъ подмѣтила холодность императора. Предсказанія Коленкура были объявлены бредомъ болѣзненной фантазіи. Герцога обвинили въ политическомъ бездушіи и модерантизмѣ, въ томъ, что онъ уподобляется Талейрану. Въ извѣстныхъ салонахъ были поставлены живыя картины, въ которыхъ поднявшій завѣсу будущаго мудрецъ былъ изображенъ въ видѣ автомата, пружины котораго приводились въ движеніе рукой «хромого волшебника».

Наполеонъ не одобрялъ этого блаженнаго оптимизма, этой

легкомысленной самоувѣренности. Правда, онъ шелъ неуклонно къ войнѣ, къ которой влекли его его роковая судьба и свойства его характера, тѣмъ не менѣе, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на самый грозный шагъ своей жизни. Онъ былъ задумчивъ и серьезенъ. Однажды онъ сказалъ Савари: «Тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны, оказалъ бы мнѣ огромную услугу. Но дѣлать нечего—она предо мной; нужно изъ нея выпутываться» [1]). Паскьѐ, который указывалъ ему на опасное положеніе внутри страны, онъ отвѣтилъ: «Это только лишнее затрудненіе на придачу ко всѣмъ тѣмъ трудностямъ, какія я встрѣчу въ самомъ крупномъ и самомъ трудномъ дѣлѣ, которое я когда-либо предпринималъ. Но, разъ дѣло начато, нужно получше его кончить» [2]).

Чтобы разсѣять высказываемые страхи, онъ обѣщалъ вести военныя дѣйствія осторожно и не торопясь, не зарываться и не заходить слишкомъ далеко. Въ сущности, рѣшивъ начать войну внезапнымъ вторженіемъ, онъ не зналъ еще, какъ поведетъ ее дальше. Въ его умѣ боролись два плана, и въ разговорахъ онъ намекалъ то на одинъ, то на другой. Одно можно твердо установить. Онъ вполнѣ разсчитывалъ на то, что за Нѣманомъ встрѣтитъ главныя военныя силы Россіи и съ перваго же удара разъединитъ и разгромитъ ихъ. Какъ же слѣдовало, по его мнѣнію, поступить послѣ этого, если бы русскіе не прекратили сопротивленія? Слѣдовало ли, отбросивъ ихъ за Двину и Днѣпръ, остановиться? Слѣдовало ли ограничиться этимъ и, устроившись на завоеванныхъ позиціяхъ, перезимовать и педантично подготовить второй походъ на территоріи возстановленной Польши? Или же слѣдовало воспользоваться боевымъ порывомъ войскъ и двинуть ихъ до Москвы, добраться до сердца Россіи и вонзить въ него свой мечъ? Онъ еще не рѣшилъ этого окончательно и думалъ принять рѣшеніе въ зависимости отъ обстоятельствъ и хода кампаніи [3]). Иногда онъ говорилъ, что остановился на первомъ планѣ и, можетъ быть, вѣрилъ въ это; но уже въ это

---

[1]) Mémoires de Rovigo, V, 226.

[2]) Mémoires de Pasquier, I, 525.

[3]) По первому плану см. его разговоры съ Меттернихомъ въ Дрезденѣ, (Mémoires de Metternich, I, 122), съ Камбасересомъ по Thiers'y, XII, 459—460; по второму—его разговоры съ Нарбонномъ (Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature, par Villemain, 175—176), съ Прадомъ. (Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie, 154).

время затаенное предпочтеніе влекло его ко второму, ибо этотъ блестящій и роковой планъ ослѣплялъ его воображеніе. Онъ болѣе отвѣчалъ его потребности нанести быстрый и тяжкій ударъ Россіи и предписаннымъ ей миромъ ускорить покорность Англіи.

Однако, возможно, что, и при видѣ поверженной Россіи, Англія не смирится сразу и будетъ сопротивляться. Ну что жъ! Зато тогда у императора не будетъ уже препятствій; ему все будетъ легко; пути къ необычайнымъ планамъ нападенія и обузданія своей соперницы, съ которыми онъ недавно носился, раскроются сами собой. И иногда, мысленно погружаясь въ самыя далекія страны, минуя всѣ границы, онъ переносился за предѣлы Россіи, и искалъ мѣсто, на которомъ бы могъ поставить свои Геркулесовы столбы. Бредъ помѣшаннаго, мечты безумнаго честолюбія!— скажутъ объ этомъ планѣ тѣ, кто будетъ измѣрять этого человѣка и его эпоху обычнымъ аршиномъ человѣчества. Но не сталъ ли онъ самъ и не поднялъ ли своихъ французовъ на уровень предпріятій, недоступныхъ пониманію простыхъ смертныхъ? Не пріучилъ ли ихъ жить и вращаться въ атмосферѣ чуднаго, не сдѣлалъ ли ихъ сверхчеловѣками? Когда онъ говорилъ, что превратитъ мечту въ дѣйствительность, никто не удивлялся этому.

Разгромъ Россіи открылъ бы ему путь въ Азію, поставилъ бы въ непосредственное соприкосновеніе съ нею. Въ Москвѣ онъ вторично подошелъ бы къ Востоку, къ тому міру, къ которому онъ не такъ давно приблизился съ другого конца и отъ котораго у него осталось глубокое и неизгладимое впечатлѣніе. На Востокѣ, въ Азіи, онъ встрѣтилъ бы на своемъ пути только нестойкія имперіи, государства въ состояніи разложенія. Что невозможнаго въ предположеніи, что—среди этихъ развалинъ, по одному изъ тѣхъ путей, которые онъ намѣтилъ и изучалъ въ недавнія времена, — одна изъ его армій дойдетъ до Индіи и будетъ угрожать ей? Ставъ твердой ногой въ Россіи, онъ будетъ господиномъ Чернаго моря; его длань будетъ простерта надъ придунайскими областями, надъ Оттоманской имперіей и ея азіатскими владѣніями. Если въ настоящее время турки откажутся отъ предписанной имъ роли, накажетъ ли онъ ихъ за эту измѣну, обрушится ли тогда на нихъ? Пойдетъ ли онъ изъ Москвы на Константинополь, чтобы покончить съ этимъ вар-

варскимъ племенемъ? Возьмется ли опять, ничѣмъ не стѣсняемый, за тѣ проекты завоеванія, раздѣла и похода черезъ Азію, которые въ 1808 г. вынужденъ былъ примѣнять ко вкусамъ и честолюбивымъ стремленіямъ Александра? [1]) Мы уже говорили, что онъ никогда не терялъ изъ вида прилегающихъ къ Средиземному морю странъ Востока, къ которымъ всегда приводило его непреодолимое влеченіе. Въ 1811 г., въ то время, когда, повидимому, онъ весь былъ поглощенъ Сѣверомъ, снабженные инструкціями путешественники доставляли ему топографическія свѣдѣнія объ Египтѣ и Сиріи, о тѣхъ позиціяхъ, которыми ему нужно было владѣть, если бы онъ захотѣлъ проложить себѣ прямой путь въ Индію [2]). Но, можетъ быть, онъ предпочтетъ для нанесенія удара или для угрозы англійской Индіи тотъ путь, по которому нѣкогда предлагалъ провести его Павелъ I-ый? Можетъ быть, послѣ побѣды надъ Россіей, снова связавъ ее съ своей судьбой, онъ думаетъ взять Кавказъ базой внѣевропейскаго похода? Онъ сказалъ Нарбонну: «Теперь, чтобы добраться до Англіи, нужно зайти въ тылъ Азіи съ одной изъ окраинъ Европы. Вамъ извѣстно о миссіяхъ въ Персіи генерала Гардана и Жобера. Ничего существеннаго изъ этого не вышло, но у меня хранится карта, на которой указаны средства народовъ и пути, по которымъ можно пройти отъ Эривани и Тифлиса до англійскихъ владѣній въ Индіи. Быть можетъ, этотъ походъ окажется легче того, который ждетъ насъ черезъ три мѣсяца. Представьте себѣ, что Москва взята, Россія сломлена, съ царемъ заключенъ миръ или же онъ палъ жертвой дворцоваго заговора; что, можетъ быть, явится новый зависящій отъ меня тронъ (Польша), и скажите мнѣ, развѣ есть средство закрыть отправленной изъ Тифлиса великой французской арміи и союзнымъ войскамъ путь къ Гангу; развѣ не достаточно прикосновенія французской шпаги, чтобы во всей Индіи обрушились подмостки торгашескаго величія» [3]).

Нельзя сказать, чтобы онъ старался придать хотя бы одному изъ этихъ проектовъ строго-опредѣленную форму. Въ настоящее

---

[1]) См. по этому поводу интересный разговоръ принца Евгенія съ графиней Едлингъ во время конгресса въ Вѣнѣ; разговоръ этотъ графиня Едлингъ передаетъ въ своихъ Мемуарахъ, 175—176.

[2]) Archives nationales, AF, IV, 1687. Cf. Corresp., 17037—38, 17191.

[3]) Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature 175—176.

время вся сила его воли была направлена и сосредоточена на единственной цѣли: войти въ Россію и предписать ей свою волю. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти головокружительныя мысли часто посѣщали его. Его неоднократные довѣрительные разговоры, дошедшія до насъ воспоминанія окружающихъ его лицъ, даже характеръ и направленіе его ума заставляютъ вѣрить этому. Намъ извѣстно, что ему было свойственно — при выполненіи текущихъ предначертаній — заглядывать въ таинственное будущее и рисовать безпредѣльныя картины; что его отдохновеніемъ были мечты. Возможно и то, что для достойнаго завершенія похода въ Россію, онъ считалъ достаточнымъ удовольствоваться эффектнымъ зрѣлищемъ. По нѣкоторымъ показаніямъ современниковъ, Наполеонъ хотѣлъ удивить міръ необычайнымъ зрѣлищемъ и уже заранѣе имѣлъ въ своемъ распоряженіи необходимые для этого аттрибуты. Въ длинной вереницѣ каретъ, которыя составляли его личный обозъ и были на пути въ Германію, позади двухсотъ верховыхъ лошадей и сорока вьючныхъ лошаковъ, среди двадцати колясокъ, берлиновъ и семидесяти фуръ, запряженныхъ восьмерикомъ [1]), долженъ былъ находиться таинственный фургонъ. Въ немъ, невидимо для непосвященныхъ глазъ, должны были покоиться императорскія регаліи: усѣянная пчелами порфира, корона и держава, скипетръ и шпага. Гдѣ, на какомъ торжествѣ, собирался Наполеонъ выставить на-показъ эти знаки своей власти? Думалъ ли онъ при величественной обстановкѣ возложить на главу одного изъ своихъ близкихъ корону и передать ему въ удѣлъ Польшу, или же, уже подчинивъ себѣ югъ и центръ континента, онъ хотѣлъ при торжественной обстановкѣ принять изъявленіе покорности Сѣвера? Наконецъ, хотѣлъ ли онъ принять титулъ, которымъ его неоднократно привѣтствовали солдаты въ пылу побѣднаго восторга; хотѣлъ ли на порогѣ Востока стяжать себѣ корону Карла Великаго и, въ московскомъ Кремлѣ, среди причудливыхъ, византійской архитектуры, соборовъ, на ступеняхъ *Краснаго Крыльца*, откуда цари показывались своему народу, явиться во образѣ Западно-Римскаго Императора? Ни одно, лично отъ него исходящее, указаніе не даетъ возможности провѣрить всѣ эти предположенія; даже не установленъ точно фактъ, на который ссылаются, чтобы приписать

---

[1]) Baron Denniée, Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812, p. 15.

ему эти планы [1]). Тѣмъ не менѣе, существуетъ общераспространенное мнѣніе, что въ глубинѣ души онъ воображалъ, что походъ въ Россію долженъ увѣнчать его высшимъ посвященіемъ; что онъ долженъ облечь его новой властью, которая поставитъ его превыше всѣхъ царей міра; что на ступеняхъ трона покоренной Россіи онъ явится передъ Европой, какъ богоподобный императоръ въ апоѳеозѣ, полномъ величія и волшебнаго блеска.

---

[1]) По этому темному и таинственному вопросу см. замѣтку въ Приложеніи, подъ цифрой II.

Бернадотъ.

ГЛАВА X.

АЛЕКСАНДРЪ и БЕРНАДОТЪ.

Невозмутимое спокойствіе Александра во время нашихъ первыхъ передвиженій.—Наши враги боятся, что онъ не будетъ достаточно твердъ.—Они жаждутъ подкрѣпленій.—Пріѣздъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла Швеціи.—Бернадотъ хочетъ сдѣлаться иниціаторомъ окончательнаго разрыва съ Франціей и главнымъ двигателемъ послѣдней коалиціи. — Его планъ дипломатическихъ и военныхъ операцій; его тайная мысль.—Графъ Левенхильмъ.—Требованіе Норвегіи.—Кратковременныя колебанія Александра; онъ входитъ въ сдѣлку съ совѣстью.—Отъѣздъ Сухтелена въ Швецію.—Переговоры въ обѣихъ столицахъ.—Взаимное недовѣріе.—Политика императора; политика канцлера.—Прибытіе посланія изъ Елисейскаго дворца.—Волненіе въ высшемъ обществѣ; борьба партій. — Александръ непреклоненъ; однако, пользуется предложеніями Франціи, чтобы заставить Левенхильма уменьшить свои требованія.—Бернадотъ продѣлываетъ то же самое съ Сухтеленомъ, пользуясь предложеніями, переданными ему наслѣдной принцессой. — Странный инцидентъ.—Два договора. — Состязаніе въ благородствѣ. — Союзъ заключенъ.—Александръ отвѣчаетъ на французскія предложенія и излагаетъ свои требованія.—Ультиматумъ отъ 8 апрѣля.—Прежде чѣмъ придти къ соглашенію по существу распри, Россія требуетъ, чтобы были выведены войска изъ Пруссіи и странъ, лежащихъ по ту сторону Эльбы; что предлагаетъ Россія взамѣнъ этого. — Примиреніе невозможно. — Стремленіе нашихъ враговъ отдѣлаться отъ Сперанскаго.—Истинные причины и поводы, обусловившіе немилость.—Вечеръ и ночь 17 марта; ссылка.—Александръ отдается окончательно въ руки европейскихъ эмигрантовъ.—Бѣшеная страсть нашихъ враговъ.—Всегда и всюду Армфельтъ.—Шаги Бернадота.—Вечера въ стокгольмскомъ королевскомъ дворцѣ. — Бернадотъ торопитъ Александра начать военныя дѣйствія.—Отъѣздъ Александра въ Вильну; послѣднее свиданіе съ Лористономъ.—Въ послѣдній разъ склоняется онъ къ мысли двинуть свои войска въ Польшу; случайное событіе, которое заставляетъ его вернуться къ плану безусловной обороны и окончательно остановиться на немъ.—Рокъ уже тяготѣетъ надъ императоромъ.

I.

«Не слѣдуетъ обманывать самого себя,—сказалъ Александръ, узнавъ о походѣ нашихъ войскъ въ Германію;—вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль я буду въ открытой войнѣ съ Франціей» [1]). Безъ бахвальства, безъ громкихъ фразъ, онъ ждалъ удара. Серьезный, иногда грустный, но всегда невозмутимо спокойный, онъ кротко уклонялся отъ всякихъ разговоровъ. Несмотря на эту манеру держать себя, окружавшіе его со всѣхъ сторонъ, не спускавшіе съ него глазъ наши враги боялись той минуты, когда военныя приготовленія Франціи предстанутъ во всемъ ихъ чудовищномъ развитіи. Они не были увѣрены въ Александрѣ. Что произойдетъ тогда въ его душѣ?—спрашивали они. Не поддастся ли онъ—при видѣ столькихъ соединившихся противъ него армій и народовъ, при шумѣ шаговъ всей Европы, идущей къ его границамъ—приступу отчаянія, подобнаго тому, которое нѣкогда бросило его въ объятія Бонапарта? Не будетъ ли онъ унижаться, не пойдетъ ли на позорныя уступки, не повторитъ ли скандальной исторіи Тильзита, воспоминаніе о которой часто приходило на умъ нашимъ врагамъ? Особенно усиливало ихъ опасенія присутствіе подлѣ Александра облеченнаго властью поборника идей мира и примиренія, ибо Румянцевъ все еще состоялъ министромъ и не отказывался отъ надежды на сближеніе. Были и другія причины опасеній: аристократическіе и великосвѣтскіе круги не установили еще вполнѣ своего мнѣнія и искали себѣ руководителя. Ненависть, которую многимъ русскимъ внушалъ Наполеонъ, перешла у нихъ въ своего рода суевѣрный страхъ, въ священный ужасъ. Они задавали себѣ вопросъ: не былъ ли онъ однимъ изъ тѣхъ «апокалиптическихъ» существъ, съ которыми не подобаетъ вступать въ борьбу. Сверхъ того, принятая въ 1807 г. политическая система, какъ ни шла она въ разрѣзъ съ народными чувствами, не могла, за нѣсколько лѣтъ своего существованія, не создать у извѣстной группы лицъ интересовъ, честолюбивыхъ стремленій и надеждъ, связанныхъ съ этой системой. Около нашего посольства, хотя и очень медленно, но все-таки составилась

---

[1]) Депеша графа Левенхильма, 21 февраля 1812 г. Archives de Stockholm.

группа приверженцевъ, которая слѣдовала его внушеніямъ. Сторонники войны не считали себя полными хозяевами и желали получить поддержку.

Подкрѣпленіе пришло въ лицѣ шведскаго посла, объ отъѣздѣ котораго было своевременно донесено во Францію. 18 апрѣля въ Петербургъ явился генералъ-адъютантъ графъ Левенхильмъ; онъ привезъ императору письма отъ короля Карла XIII [1]) и шведскаго наслѣднаго принца. Смѣло поднявъ знамя возмущенія противъ всесильнаго Наполеона, Бернадотъ ударился къ царю. По его словамъ, онъ хотѣлъ быть его нравственной силой, его поддержкой, его главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ, и въ заключеніе представилъ ему подробный планъ дипломатическихъ и военныхъ операцій.

Прежде всего, онъ просилъ, чтобы немедленно былъ отправленъ въ Стокгольмъ русскій посолъ съ порученіемъ подписать оборонительный и наступательный договоръ. Предлагая царю союзъ со Швеціей, Бернадотъ ручался, что привлечетъ къ нему и другія государства; что онъ посѣетъ раздоръ въ Европѣ, похититъ у завоевателя часть его предполагаемыхъ союзниковъ, и, по меньшей мѣрѣ, уравняетъ шансы борьбы. Онъ говорилъ, что русско-шведскій союзъ будетъ служить исходной точкой лиги— встрѣчной коалиціей, которая окажетъ противодѣйствіе подготовляемой Наполеономъ лигѣ; что въ первую голову онъ предлагаетъ свое посредничество между Россіей и Англіей; а затѣмъ его дипломатія начнетъ дѣйствовать въ Константинополѣ. Онъ указалъ на то, что, начиная съ восемнадцатаго столѣтія, турки признавали, что между ихъ государствомъ и Швеціей существуетъ параллельность интересовъ и что это всегда заставляло ихъ принимать близко къ сердцу совѣты Швеціи. Пользуясь этимъ выгоднымъ положеніемъ, шведскій представитель при Портѣ постарается подготовить миръ и даже союзъ между русскими и турками. Благодаря такому соглашенію, можно будетъ держать подъ угрозой всю юго-восточную часть австрійской монархіи — хотя, нужно замѣтить, о союзѣ Австріи съ Наполеономъ въ это время не было еще извѣстно. Угрожая Австріи нападеніемъ турокъ на ея южныя границы, можно будетъ забрать ее въ руки и, по меньшей мѣрѣ вынудить къ бездѣйствію. Въ то время, какъ весь юго-востокъ континента обратится противъ Франціи или

---

[1]) Карлъ XIII только для видимости взялъ въ свои руки бразды правленія.

будетъ сохранять нейтралитетъ, въ то время, какъ войска царя на Сѣверѣ будутъ отражать нападеніе французовъ или даже первые перейдутъ въ нападеніе, избѣгая, однако, генеральнаго сраженія и стараясь изнурять непріятеля, Бернадотъ возьметъ на себя задачу напасть на наши коммуникаціонныя линіи въ Германіи, зайдетъ въ тылъ великой арміи и, такимъ образомъ, выручитъ Россію. Онъ находилъ, что для этого ему достаточно отъ восьмидесяти до ста двадцати тысячъ понюхавшихъ пороху солдатъ. По всѣмъ даннымъ, народы Германіи, въ особенности на побережьѣ, устали страдать. Далѣе—Пруссія ждетъ только поддержки, чтобы порвать свои цѣпи. При появленіи Бернадота, всѣ угнетенные примкнутъ къ нему, и, слѣдуя его примѣру, отпадутъ отъ Наполеона. «Король, — говорилось въ переданной Левенхильму инструкціи, — надѣется, что этотъ данный міру, достойный подражанія, примѣръ разбудитъ много храбрыхъ, которые ждутъ только минуты пробужденія, чтобы развить всю энергію, на какую они способны» [1]).

Но выполненіе этого плана ставилось въ зависимость отъ одного важнаго условія, по которому Бернадотъ не могъ идти на уступки, ибо въ немъ былъ секретъ успѣха его политики, на немъ основывались всѣ его надежды. Бернадоту было нужно, чтобы царь предварительно гарантировалъ шведамъ пріобрѣтеніе Норвегіи. Шведы не могли удовольствоваться даже формальнымъ разрѣшеніемъ присвоить себѣ эту провинцію; необходимо было, чтобы въ дѣлѣ захвата Норвегіи Александръ оказалъ имъ матеріальную помощь и поддержку войсками. Бернадотъ искусно поставилъ въ связь названное содѣйствіе съ проектированной диверсіей въ Германіи. Вотъ какъ, по его мнѣнію, слѣдовало дѣйствовать. Лишь только между французами и русскими начнется война, Александръ долженъ отдѣлить отъ своихъ войскъ отъ пятнадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ и переправить ихъ въ Швецію. Тамъ они присоединятся къ тридцати пяти или сорока тысячамъ шведовъ и къ британскому контингенту. Это войско всей своей тяжестью, врасплохъ, обрушится на Данію, завладѣетъ островомъ Зеландіей и обложитъ Копенгагенъ. Угрозой, а въ случаѣ нужды и силой, король Фридрихъ VI вынужденъ будетъ отдать Норвегію. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ бу-

---

[1]) Секретная инструкція графу Левенхильму, 4 февраля 1812 г Archives de Stockholm.

детъ отторгнутъ отъ союза съ Наполеономъ, и волей-неволей присоединится къ антифранцузской лигѣ. Тогда, взявъ Данію за начальный пунктъ, Бернадотъ двинется—когда найдетъ это нужнымъ—на Эльбу или на Одеръ и появится въ тылу великой арміи [1]).

Но спрашивается, твердо ли рѣшилъ Бернадотъ выполнить послѣднюю часть своего плана? Дѣйствительно ли думалъ онъ, по полученіи Норвегіи, рискнуть на смѣлую вылазку въ Германіи, было ли у него намѣреніе начать борьбу съ самимъ Наполеономъ и этимъ лишить себя возможности вернуться къ нему? По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что онъ хотѣлъ воспользоваться услугами русскихъ, не отдавая себя въ ихъ распоряженіе. Въ пріобрѣтеніи Норвегіи онъ усматривалъ не обязательство открыто принять съ самаго начала участіе въ войнѣ, а средство обезпечить прежде всего свои собственные интересы и вмѣшаться въ войну только при условіи обезпеченнаго успѣха. Послѣ занятія всего Скандинавскаго полуострова, укрѣпившись на немъ и соприкасаясь съ континентальной Европой только тундрами Лапландіи, Швеція была бы почти недосягаема для враговъ. Подъ защитой англійскаго флота, она была бы такъ же неуязвима, какъ и Англія. Она могла спокойно выждать результата франко-русской борьбы и заставить побѣдителя, кто бы онъ ни былъ, съ уваженіемъ отнестись къ себѣ. Но, чтобы императоръ Александръ согласился на этотъ планъ, необходимо было подать ему надежду на цѣлый рядъ удивительныхъ выгодъ. Кромѣ того, эти обѣщанія имѣли своей задачей вѣрнѣе склонить царя къ войнѣ и сдѣлать его глухимъ къ послѣднимъ предложеніямъ Наполеона. Ихъ назначеніемъ было ускорить наступленіе хаоса, который былъ нуженъ принцу, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ и подъ-шумокъ завладѣть своей добычей. Но для успѣха его плана необходимъ былъ полный разрывъ Франціи съ Россіей. Вотъ почему онъ считалъ нужнымъ съ особымъ усердіемъ поработать ради этого дѣла. Что у него было именно такое намѣреніе, вполнѣ подтверждается словами, сказанными его наперсникомъ и другомъ, министромъ юстиціи Веттерштедтомъ. «При настоящемъ положеніи вещей — сказалъ Веттерштедтъ въ совѣтѣ министровъ—самое большое несчастье, какое только

---

[1]) Секретная инструкція графу Левенхильму.

можетъ постигнуть Швецію, заключается не въ томъ, что вспыхнетъ война, а въ томъ, что наши сосѣди по-прежнему будутъ слушаться приказаній Франціи. Повторяю еще разъ, что, каково бы ни было принятое рѣшеніе, на содѣйствіе Россіи можно разсчитывать только послѣ того, какъ между нею и Франціей вспыхнетъ война» [1]). Графъ Левенхильмъ на основаніи своихъ письменныхъ и словесныхъ инструкцій опредѣлялъ характеръ своего порученія въ Россіи такъ: «пріобрѣсти Норвегію и предотвратить возможность неожиданнаго сближенія Россіи съ Франціей» [2]).

Левенхильмъ тотчасъ же принялся за дѣло. Это былъ человѣкъ ловкій, крутой, но умѣвшій, когда нужно, быть уступчивымъ; умѣвшій, смотря по обстоятельствамъ, и напускать на себя и искренность, и грубоватую чисто-военную откровенность, и идти къ намѣченной цѣли окольными путями. Полное отсутствіе совѣсти дѣлало его особенно пригоднымъ къ выполненію высокобезнравственнаго порученія, состоявшаго въ томъ, чтобы уговорить Александра обобрать слабое, беззащитное государство, которому царь всегда покровительствовалъ и которое было искони другомъ его дома. Левенхильмъ прекрасно понималъ, что ему придется натолкнуться на извѣстное сопротивленіе и одержать побѣду надъ чувствомъ порядочности; но его опытъ въ жизни дворовъ научилъ его, что совѣсть государей рѣдко можетъ устоять противъ того, кто сумѣетъ купить ее за хорошую цѣну. Нужно и то сказать, что большой мастеръ въ дѣлахъ интригъ и подкупа человѣческой совѣсти, Армфельтъ, подготовилъ ему пути [3]).

Получивъ доступъ къ царю, Левенхильмъ счелъ нужнымъ начать съ подготовительныхъ фразъ и пустился въ разглагольствованія. Онъ началъ говорить о томъ, что Швеціи необходимо создать себѣ устойчивое положеніе путемъ увеличенія территоріи и боевыхъ силъ. Догадываясь къ чему онъ клонитъ,

---

[1]) Souvenirs du comte Gustave de Wetterstedt, publiés par M. H.-L. Forsell, dans le Recueil des actes de l'Académie de Stockholm, 1886.

[2]) Депеша отъ 23 марта 1812 г. Переписка Левенхильма, хранящаяся въ Стокгольмѣ, является однимъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ того времени. Знакомству съ нею мы обязаны Г. Однеру, ученому директору архивовъ королевства и любезному посредничеству Г. Р. Миллé, французскаго посланника въ Швеціи.

[3]) Депеша Левенхильма, 22 февраля 1812 г.

Александръ рѣшилъ ускорить его признанія и милостивымъ тономъ сказалъ ему: «Говорите со мной откровенно. Мое мнѣніе должно быть вамъ извѣстно.—Государь,—отвѣтилъ шведскій агентъ,—солдатъ плохо справляется съ дипломатическими хитростями. Только откровенность и усердіе могу употребить я на благо моей родины, у которой отнынѣ одинаковые интересы съ вашей имперіей.—Говорите же прямо,—сказалъ царь.—Государь, Норвегія составляетъ предметъ желаній, отъ которыхъ король не можетъ отказаться, не забывъ первѣйшаго долга каждаго правительства—долга обезпечить независимость и безопасность государства...» [1]).

«— Я всегда съ удовольствіемъ буду смотрѣтъ на то, что составляетъ счастье Швеціи»,—сказалъ императоръ, ограничиваясь въ настоящую минуту этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ сочувствія. Болѣе того, когда Левенхильмъ заговорилъ о нападеніи на Данію, Александръ оставилъ за собой право высказаться по этому поводу, когда найдетъ это нужнымъ. Видно было, что умъ его смущенъ, что совѣсть его переживала мучительныя минуты. Его волненіе выразилось тѣмъ, что онъ началъ ходить «взадъ и впередъ» [2]). Не настаивая болѣе, Левенхильмъ подробно изложилъ всѣ выгоды отъ содѣйствія Швеціи въ войнѣ противъ Франціи. Особенное удовольствіе доставило ему вынесенное изъ разговора убѣжденіе, что мысль о войнѣ пустила глубокіе корни въ умѣ его собесѣдника, и что при такомъ воинственномъ настроеніи, Александръ долженъ придавать особую цѣну союзу съ Бернадотомъ и, слѣдовательно, вынужденъ будетъ подчиниться условіямъ союза.

Дѣйствительно, въ слѣдующіе дни Левенхильмъ, по нѣкоторымъ признакамъ, понялъ, что его рѣчи—рѣчи искусителя—достигли цѣли. Онъ узналъ, что императоръ высказался о немъ въ чрезвычайно милостивыхъ выраженіяхъ. Близкіе ко двору люди сдѣлались къ нему безконечно предупредительны, а нѣтъ болѣе ободряющаго симптома, какъ «любезность и предупредительность этихъ господъ, которые такъ точно показываютъ температуру царской милости» [3]). 23 февраля Левенхильмъ получилъ официальное извѣщеніе, что Его Величество въ принципѣ

---

[1]) Депеша отъ 21 февраля 1812 г.

[2]) I d.

[3]) I d.

согласенъ на предъявленныя условія и что бывшій русскій посланникъ въ Швеціи, генералъ баронъ Сухтеленъ, отправится въ Стокгольмъ, чтобы начать переговоры и подписать договоръ.

Этотъ шагъ, вполнѣ отвѣчавшій высказаннымъ съ первыхъ словъ желаніямъ шведскаго двора, совершенно не отвѣчалъ желаніямъ Левенхильма. Начавъ такъ удачно переговоры, онъ хотѣлъ присвоить себѣ всю честь этого дѣла и довести его до конца. Кромѣ того, онъ боялся медлительности Сухтелена, недостатка въ немъ энергіи. Этотъ старецъ, тяжелый на подъемъ, нерѣшительный въ дѣлахъ, непредпріимчивый, былъ человѣкомъ науки, «собирателемъ древностей», случайно забредшимъ въ политику. Въ его рукахъ заключеніе договора могло только затянуться [1]). Левенхильмъ же сознавалъ, что необходимо ковать желѣзо, пока оно горячо, не давая остыть Александру. Онъ позволилъ себѣ остаться въ Петербургѣ, попросилъ прислать ему полномочія, и предложилъ русскимъ выработать вмѣстѣ съ нимъ статьи договора, независимо отъ Сухтелена, который, говорилъ Левенхильмъ, позаботится достигнуть той же цѣли. Царь соблаговолилъ дать согласіе на переговоры одновременно въ двухъ мѣстахъ. Тогда между обоими уполномоченными, изъ которыхъ одинъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ, а другой въ Стокгольмѣ, началось состязаніе на скорость; но Левенхильмъ уже опередилъ своего соперника и хотѣлъ сохранить за собой это преимущество.

Однако, онъ натолкнулся на нѣкоторыя затрудненія. Главное затрудненіе состояло во взаимномъ недовѣріи, питаемомъ обѣими договаривающимися сторонами. Наказаніе сообщниковъ, которые берутся за неправедное дѣло, и состоитъ въ томъ, что они не могутъ придти къ соглашенію съ полнымъ довѣріемъ, основанномъ на взаимномъ уваженіи. Сговариваясь обобрать кого-нибудь, они всегда боятся, чтобы партнеръ не провелъ ихъ самихъ. Съ внѣшней стороны не было тѣхъ доказательствъ привязанности и нѣжной дружбы, которыхъ не проявляли бы другъ къ другу Александръ и Бернадотъ. Когда они говорили одинъ о другомъ въ присутствіи аккредитованныхъ при нихъ пословъ, съ ихъ устъ поминутно срывались эпитеты: «благородный, щедрый, великодушный». Карлъ-Іоаннъ восхва-

---

[1]) Депеши отъ 24 и 25 февраля.

лялъ удивительное благородство русскаго императора, его рыцарски-открытый характеръ, его мужественныя рѣшенія, благодаря которымъ онъ сдѣлается спасителемъ Европы. Что бы онъ не далъ, говорилъ онъ, за то, чтобы видѣть вблизи предметъ своего благоговѣнія! Свиданіе выполнило бы его самыя завѣтныя желанія. Съ своей стороны, и Александръ, не связывая себя преждевременно обѣщаніемъ на свиданіе, приходилъ въ умиленіе предъ переданнымъ ему Левенхильмомъ портретомъ Бернадота, и съ восхищеніемъ разсматривалъ его въ ожиданіи момента, когда будетъ имѣть возможность любоваться оригиналомъ [1]). Однако, несмотря на пылкія изліянія своихъ чувствъ, оба съ тайнымъ опасеніемъ—исподлобья и исподтишка—наблюдали другъ за другомъ. Александръ постоянно боялся, какъ бы вчерашній маршалъ не перешелъ на сторону Наполеона, какъ бы не откликнулся на призывъ къ патріотизму и чести или просто не продалъ бы себя за хорошую цѣну. Бернадотъ же не забывалъ, что Александръ былъ союзникомъ и другомъ Наполеона, что это былъ человѣкъ неустойчивый, склонный къ рѣзкимъ перемѣнамъ. А вдругъ онъ, даже наканунѣ войны, вздумаетъ примириться съ Наполеономъ, вознаградивъ себя за счетъ своихъ сосѣдей? И Бернадотъ уже воображалъ себя въ положеніи покинутаго, принесеннаго въ жертву. Такъ же, какъ и царь, онъ боялся, что ему придется платить за расходы по примиренію *in extremis* *). Александръ старался завладѣть Бернадотомъ—Бернадотъ Александромъ. Каждый старался какъ можно скорѣе и возможно крѣпче забрать въ руки своего будущаго союзника, но не рѣшался довѣриться самъ. Борьба этихъ двухъ чувствъ вселяла въ нихъ съ одной стороны желаніе поскорѣе заключить союзъ, съ другой задерживала ихъ рѣшенія; вслѣдствіе чего переговоры то шли ускореннымъ темпомъ, то рѣзко замедлялись.

Александръ охотно соглашался помочь шведамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія Норвегіи, но желалъ, чтобы это завоеваніе послѣдовало за ихъ вылазкой въ Германію, чтобы оно было вознагражденіемъ за оказанныя услуги, а не задаткомъ. Бернадотъ же непремѣнно желалъ, чтобы ему было уплочено авансомъ, и

---

[1]) Депеша Левенхильма, 25 февраля.

*) Въ послѣднюю минуту. (Прим. перев.)

Левенхильмъ долженъ былъ твердо отстаивать выставленное положеніе—положеніе о предварительномъ содѣйствіи русскихъ въ нападеніи на Копенгагенъ. Подъ конецъ Александръ покорился этому требованію; онъ обѣщалъ свое содѣйствіе противъ Даніи, но хотѣлъ поставить его въ извѣстныя рамки. Вмѣсто того, говорилъ онъ, чтобы напасть врасплохъ на короля Фридриха и грубымъ насиліемъ отнять у него провинцію, нельзя ли прежде обратиться къ нему съ совѣтомъ, подѣйствовать на него кротостью и убѣжденіемъ, уговорить несчастнаго государя позволить обобрать себя для общаго блага и для спасенія Европы? Ему можно было бы пообѣщать вознагражденіе въ Германіи, какъ только она будетъ освобождена изъ-подъ ига Наполеона, и Александръ указалъ на картѣ государства, которыя онъ предназначалъ для утѣшенія Даніи, между прочимъ Ольденбургъ, «которымъ бы онъ охотно пожертвовалъ, несмотря на родственныя связи» [1]). Какое откровеніе въ этихъ послѣднихъ словахъ, и какъ правъ былъ Наполеонъ, видя въ упорномъ рвеніи Александра постоять за дѣло своего дяди только предлогъ для ссоры съ нимъ!

Левенхильмъ вынужденъ былъ принять во вниманіе щепетильность царя и согласился на предложенный шагъ. Въ крайне некрасивыхъ выраженіяхъ извинялся онъ передъ своимъ правительствомъ за данное согласіе. Онъ говорилъ, что сожалѣетъ объ этой ложной стыдливости, но что своего рода платоническая дань уваженія къ праву и справедливости представляетъ извѣстную формальность, отъ которой государи не сумѣли еще отрѣшиться. «Несмотря на ничтожнѣйшую дозу справедливости, входящей въ договоры между сильными государствами, государи всегда старались ссылками на нее скрасить свои планы, и только императоръ французовъ, болѣе смѣлый въ своихъ убѣжденіяхъ, сталъ выше этого обычая» [2]).

Была еще одна причина замедленія. Румянцевъ, не высказывая этого, былъ противъ подготовлявшагося соглашенія со Швеціей, и тормозилъ заключеніе договора, исключавшаго всякую возможность сближенія съ Франціей. Канцлеръ осыпалъ ласками шведскаго посла; говорилъ, что совершенно излѣчился отъ сво-

---

[1]) Депеши Левенхильма отъ 24 февраля и 3 марта 1812 г.

[2]) Депеша отъ 3 марта.

ихъ иллюзій, что всѣмъ сердцемъ присоединяется къ теперешней политической системѣ своего государя; что, подобно ему, онъ врагъ Наполеона и мирнаго соглашенія. Но Левенхильмъ не особенно довѣрялъ «этому новообращенному, возвращенія котораго къ прежней ереси нужно ждать ежеминутно» [1]). Вскорѣ онъ увидѣлъ, что недавнее ревностное отношеніе къ дѣлу, которымъ кичился Румянцевъ, не было искреннимъ, и что министръ втайнѣ придерживается своей прежней политики. Назначенный, въ силу своей должности, офиціально обсуждать статьи договора, Румянцевъ по каждой изъ нихъ находилъ, что возразить, и изыскивалъ средства отвѣчать на всякое требованіе какой-нибудь неопредѣленной и «крайне запутанной» [2]) фразой. Къ счастью Бернадота его дипломатическій сотрудникъ сумѣлъ заручиться свободнымъ доступомъ къ императору съ правомъ обращаться непосредственно къ нему, и нужно сказать, что каждое его обращеніе къ царю, хотя незначительно, но подвигало впередъ полное терніевъ дѣло [3]). Видя, какъ наши арміи покрываютъ Германію, слѣдя за тѣмъ, какъ онѣ непрерывно подвигаются впередъ, переправляются черезъ Эльбу, затѣмъ черезъ Одеръ и подходятъ къ Вислѣ, Александръ I-ый съ каждымъ днемъ все болѣе сознавалъ неотложную потребность помощи, необходимость схватить руку, которую ему протягивалъ Бернадотъ, и избрать его кормчимъ и «буссолью» на время бури [4]). Онъ подгонялъ престарѣлаго министра и отдавалъ одно за другимъ «точныя и ясныя» [5]) приказанія, такъ что къ срединѣ марта переговоры были закончены.

Какъ разъ въ это время Чернышевъ привезъ высказанныя Наполеономъ 25 февраля предложенія. Это посланіе произвело сенсацію и очень встревожило Левенхильма, который усматривалъ въ томъ, какъ отнесется Александръ къ этому посланію, рѣшительное испытаніе твердости его намѣреній. По его мнѣнію, этотъ непостоянный государь, несомнѣнно, выработалъ въ себѣ новую душу, полную энергіи и твердости. Тѣмъ не менѣе, порученная Чернышеву миссія могла воскресить въ

---

[1]) Депеша отъ 24 февраля.
[2]) Id.
[3]) Id.
[4]) Депеша Левенхильма отъ 11 марта.
[5]) Id.

немъ желаніе начать переговоры. Устоятъ ли рѣшенія царя предъ опредѣленнымъ, довольно умѣреннымъ по формѣ, предложеніемъ, поднесеннымъ ему противникомъ на остріѣ шпаги и поддержаннымъ вступленіемъ въ Германію четырехсотъ тысячъ человѣкъ?

Александръ началъ съ того, что, въ знакъ довѣрія, сообщилъ Левенхильму предложенія Франціи. Онъ далъ ему прочесть длинное донесеніе Чернышева съ собственноручными помѣтками, въ которомъ тотъ слово-въ-слово передавалъ разговоръ въ Елисейскомъ дворцѣ. При этомъ онъ прибавилъ, въ видѣ поясненія, что не вѣритъ высказаннымъ Бонапартомъ чувствамъ. «Я смотрю на все это,—справедливо сказалъ онъ,—какъ на желаніе выиграть время, такъ какъ у нихъ не все еще готово къ войнѣ; но я не дамъ обмануть себя» [1]).

Какъ ни были драгоцѣнны эти слова, они не обладали даромъ успокоить Левенхильма. Онъ вѣрилъ въ человѣческую слабость вообще и въ частности въ слабость Александра; его тревожили прежніе поступки русскаго государя. Кромѣ того, ему было извѣстно, что сторонники мира не упустили благопріятнаго случая и начали дѣйствовать. Въ разныхъ кругахъ общества во многихъ салонахъ обнаружилась необычайно дѣятельная работа. Въ нихъ изыскивались всевозможныя средства найти доступъ къ императору и подѣйствовать на его добрыя чувства. Этому дѣлу посвятили себя прелестныя дамы; онѣ старались заманить въ свои сѣти рыцарски-любезнаго монарха и смягчить его сердце. «Императора—съ душевной тревогой писалъ Левенхильмъ—осаждаютъ со всѣхъ сторонъ» [2]). Лористонъ, оставаясь съ виду спокойнымъ, съ улыбкой, невозмутимо говорилъ о мирѣ, и по секрету руководилъ осадными работами. Баварскій посланникъ графъ Брей сдѣлался его главнымъ союзникомъ и помощникомъ. Румянцевъ, не выдавая своего сочувствія, оказывалъ имъ скрытую поддержку и искусно подготовлялъ единомышленниковъ въ самой крѣпости. Съ каждымъ днемъ нападающіе дѣлались смѣлѣе, а ихъ усилія настойчивѣе.

Наблюдая за этимъ кризисомъ и «за положеніемъ имперіи, стоявшей какъ бы на вулканѣ», Левенхильмъ счелъ нужнымъ подбодрить усердіе воинствующей партіи и поднять на ноги

---

[1]) Депеша Левенхильма отъ 25 марта.

[2]) Депеша отъ 5 апрѣля.

«всю здравомыслящую часть общества» [1]). Не заботясь уже о дипломатическомъ характерѣ своего порученія, онъ, очертя голову, бросился въ интриги; не долго думая, онъ взялъ себѣ въ союзники Армфельта съ его шайкой—этихъ вѣчныхъ сѣятелей смуты. Онъ писалъ шведскому королю, что, поступая такимъ образомъ, онъ только сообразуется съ политическими обычаями и нравами Россіи. «Въ странѣ, гдѣ, какъ здѣсь, царятъ интриги, и гдѣ поле для интригъ такъ же обширно, какъ велики честолюбивыя стремленія дѣйствующихъ въ ней лицъ, трудно выполнить свою задачу, не слѣдя за ходомъ дѣла во всѣхъ его извилинахъ, и, если бы я посмѣлъ употребить народную пословицу, я сказалъ бы, что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, приходится выть съ волками» [2]). Согласно этому принципу, посолъ Бернадота сдѣлался двигателемъ и звеномъ всѣхъ антифранцузскихъ происковъ и «главнымъ дѣятелемъ воинствующей партіи» [3]).

Усилія этой партіи были направлены на государя, далеко не столь нерѣшительнаго, какъ это думали; она увѣщевала убѣжденнаго. Александръ не только отвергалъ идею о самоотверженномъ повиновеніи волѣ императора, но, какъ извѣстно, давнымъ-давно не допускалъ уже мирнаго соглашенія. Если Наполеонъ хотѣлъ всего добиться, то Александръ, какъ онъ самъ неоднократно признавался въ этомъ, твердо рѣшилъ ни въ чемъ не уступать. Однако, царь, со свойственной ему проницательностью, понялъ, какую выгоду можетъ извлечь изъ французскихъ предложеній, и что онъ можетъ воспользоваться ими, чтобы по болѣе дешевой цѣнѣ пріобрѣсти союзъ со Швеціей. Не переставая разсыпаться предъ Левенхильмомъ въ энергичныхъ увѣреніяхъ, онъ вскользь замѣтилъ, что намѣренъ на нѣсколько дней отложить отвѣтъ на посланіе Наполеона. Непринужденнымъ тономъ онъ сказалъ: «Меня торопятъ съ отвѣтомъ на письмо Наполеона, но мнѣ не къ чему спѣшить, и, я думаю, нѣтъ ничего дурного въ томъ, если я заставлю его подождать» [4]). Этого замедленія достаточно было, чтобы заронить въ умъ Левенхильма выгодное царю безпокойство, ибо пока отказъ не будетъ объявленъ официально, царь могъ одуматься, смягчиться

---

[1]) Депеша отъ 20 февраля и 3 марта.
[2]) Депеша отъ 23 марта.
[3]) I d.
[4]) Депеша отъ 25 марта.

и уступить. Держа Левенхильма подъ угрозой соглашенія съ Франціей, царь думалъ, что такая угроза, безъ сомнѣнія, заставитъ его понизить свои требованія.

Дѣйствительно, у шведа была только одна мысль: ускорить подпись договора. Онъ уступилъ по нѣсколькимъ довольно важнымъ спорнымъ пунктамъ, и 28 марта состоялось соглашеніе. Когда занялись окончательной редакціей статей, Румянцевъ крайне несвоевременно выступилъ съ непредвидѣннымъ замѣчаніемъ. Приличіе требуетъ, сказалъ онъ, чтобы заготовленный документъ былъ отосланъ въ Стокгольмъ и въ этомъ городѣ подписанъ Сухтеленомъ, назначеннымъ съ самаго начала для этой цѣли. Это было для канцлера предлогомъ выиграть нѣсколько дней, а, между тѣмъ, такая проволочка могла испортить все дѣло. Какое горькое разочарованіе, какая непріятность для Левенхильма, который думалъ, что договоръ уже въ его рукахъ, а, вмѣсто того, увидѣлъ, что предъ нимъ открывается тревожное будущее! [1]).

На этотъ опасный выпадъ шведъ отвѣтилъ крайне смѣлымъ ходомъ. Зная дорогу въ кабинетъ императора, онъ на другой же день отправился туда. Съ первыхъ же словъ государя страхи его разсѣялись. «Разъ вамъ даны необходимыя полномочія для заключенія и подписи договора—сказалъ Александръ—я подпишу здѣсь; наибольшее мое желаніе—установить на прочныхъ основахъ нашъ союзъ» [2]). Онъ далъ понять, что придуманное канцлеромъ средство оттянуть дѣло ему не по душѣ. Но при этомъ, крайне тактично, далъ замѣтить, что не сомнѣвается въ добрыхъ намѣреніяхъ министра. Если Румянцевъ — сказалъ онъ— возбуждаетъ при составленіи протокола договора затрудненія, то онъ дѣлаетъ это ради простой формальности и въ силу привычки, выработанной за время его служебной карьеры. «Что вы хотите? У него свои старые дипломатическіе пріемы, которые часто надоѣдаютъ мнѣ. Человѣкъ всегда остается тѣмъ, что онъ есть. Сапожникъ—сапожникомъ, дипломатъ—дипломатомъ. Но мы—люди военные; мы любимъ дѣлать дѣло быстро и прямодушно». Левенхильмъ тотчасъ же отправился къ Румянцеву и передалъ ему съ знаками глубочайшаго почтенія высочайшую волю. «Императоръ воленъ дѣлать, какъ ему угодно», съ досадой въ голосѣ сказалъ министръ; но тотчасъ же спохватился,

---

[1]) Депеша отъ 28 марта.

[2]) Id.

принялъ свой обычный официальный видъ и, скрывая подъ пріятной улыбкой свое неудовольствіе, разсыпался въ увѣреніяхъ, что и его «желаніе возможно скорѣе покончить это дѣло». 5 апрѣля договоръ былъ окончательно составленъ и подписанъ.

Левенхильмъ ликовалъ и думалъ, что развязался и покончилъ со всѣми хлопотами; онъ не принялъ въ соображеніе одного обстоятельства, благодаря которому пришлось начать все дѣло сызнова. Въ то время, когда онъ торопился достигнуть своей цѣли, старикъ Сухтеленъ, пріѣхавъ въ Стокгольмъ и милостиво принятый наслѣднымъ принцемъ, сверхъ всякаго ожиданія, тотчасъ же взялся за дѣло. Онъ отрѣшился отъ своей привычки—не торопиться, и проявилъ такую прыть, какой отъ него совершенно не ожидали. Ему тоже удалось быстро повернуть дѣло, и 9 апрѣля договоръ былъ подписанъ въ Стокгольмѣ, почти въ то же время, когда Левенхильмъ покончилъ съ своимъ договоромъ, съ промежуткомъ всего въ четыре дня. Въ пылу схватки и изъ боязни промахнуться, Александръ и Бернадотъ опутали другъ друга двойными обязательствами. Но не повредили ли дѣлу такая спѣшка и такой избытокъ обязательствъ? Можетъ быть, благодаря этимъ обстоятельствамъ, текстъ обоихъ договоровъ оказался не одинаковымъ, и самое странное въ этой разницѣ было то, что договоръ, заключенный въ Стокгольмѣ русскимъ посломъ, согласно полномочіямъ и инструкціямъ царя, былъ гораздо менѣе благопріятенъ Россіи, чѣмъ договоръ, заключенный въ Петербургѣ съ чрезвычайнымъ посломъ Швеціи. Тогда какъ по заключенному въ Швеціи договору царь обязывался не только содержать, но и перевезти на свой счетъ русскія дивизіи, назначенныя дѣйствовать противъ Копенгагена,—по договору, заключенному въ Россіи, расходы по перевозкѣ войскъ лежали на Швеціи.

Несмотря на всю странность этой разницы, она объясняется весьма просто. Левенхильмъ отступился отъ своихъ требованій подъ впечатлѣніемъ, которое произвели на него предложенія Наполеона Россіи. Сухтеленъ уступилъ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Онъ былъ въ Стокгольмѣ какъ разъ въ то время, когда и Бернадотъ получилъ изъ Парижа, переданныя ему черезъ наслѣдную принцессу, предложенія. Бернадотъ въ переговорахъ съ Сухтеленомъ воспользовался этими предложеніями съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ Александръ использовалъ посланіе

изъ Елисейскаго дворца въ переговорахъ со шведскимъ агентомъ, и добился такого же результата. Боясь, чтобы Бернадотъ не попалъ въ сѣти Франціи, Сухтеленъ отказался отъ тѣхъ требованій, на которыя согласился Левенхильмъ изъ боязни сближенія между императорами, и это пикантное единодушіе въ побужденіяхъ обоихъ уполномоченныхъ даетъ истинное понятіе о довѣріи, какое питали другъ къ другу новые союзники. Но какъ примирить требованія, которыя съ той и другой стороны опирались на формальный текстъ договора? Который изъ двухъ договоровъ слѣдуетъ выбрать? Который долженъ считаться правильнымъ и дѣйствительнымъ? Могло бы создаться серьезное затрудненіе, если бы Бернадотъ не понялъ, что верхомъ дипломатическаго искусства было закрѣпить за собой признательность Александра, показавъ примѣръ щедрости. Онъ нашелъ, что кстати будетъ выставить себя не мелочнымъ, а щедрымъ и великодушнымъ. Онъ добровольно отказался отъ предоставленныхъ ему стокгольмскимъ договоромъ выгодъ и принялъ петербургскій [1]). Тронутый этимъ благороднымъ порывомъ, Александръ не захотѣлъ отстать въ дѣлѣ великодушія и благородства отъ столь утонченно-любезнаго союзника. Онъ отказался отъ подношенія Бернадота, заявивъ, что Россія и Швеція, каждая въ отдѣльности, будутъ содержать свой контингентъ, и результатомъ соревнованія въ проявленіи благородныхъ чувствъ было то, что условились ограбить Данію на общихъ издержкахъ [2]).

Съ этихъ поръ Александръ не чувствовалъ себя предъ лицомъ Наполеона одинокимъ. Договоръ со Швеціей далъ ему смѣлость гордо отвергнуть наши требованія и изложить, наконецъ, свои. 8 апрѣля онъ отвѣтилъ на посланіе изъ Елисейскаго дворца. Его отвѣтъ составилъ предметъ ноты, которая была отправлена посланнику Куракину съ предписаніемъ передать ее французскому кабинету. Къ нотѣ было приложено вѣжливое и короткое письмо императору французовъ [3]). Въ нотѣ излагались условія, на которыхъ царь, послѣ столь долгаго уклоненія отъ всякаго рода объясненій, соглашался приступить къ переговорамъ.

---

[1]) Сообщеніе Левенхильма имперскому канцлеру, 14 мая.

[2]) Сообщеніе имперскаго канцлера Левенхильму, 31 мая. Archives de Stockholm.

[3]) Этотъ документъ хранится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Russie, 154.

Въ ней опредѣленно говорилось, что только безусловное принятіе этихъ основъ можетъ «сдѣлать возможнымъ соглашеніе». Если Россія рѣшила заговорить послѣ пятнадцати мѣсяцевъ молчанія, то само-собой разумѣется, что ея первое слово было и послѣднимъ. Ея посланіе представляло ультиматумъ въ полномъ значеніи этого слова.

Въ нотѣ отъ 8 апрѣля Александръ, все еще желая скрыть свои планы насчетъ герцогства Варшавскаго, не касался вопроса о Польшѣ. Перенося въ иную сферу и расширяя предметъ распри, онъ замѣнилъ свою личную обиду обще-европейской, которая въ одинаковой степени касалась и его, и его сосѣдей, и ссылался на занятіе французами сѣверной Германіи. Какъ необходимаго и предварительнаго условія соглашенія, ультиматумъ требовалъ полной эвакуаціи Пруссіи, эвакуаціи шведской Помераніи, сокращенія гарнизона въ Данцигѣ, очищенія всѣхъ остальныхъ крѣпостей и всѣхъ стратегическихъ пунктовъ, занятыхъ нашими войсками къ востоку отъ Эльбы. Требовалось, чтобы великая армія очистила Германію, чтобы перестала оказывать давленіе на Сѣверъ и держать Россію подъ угрозой вторженія. Это требованіе было бы вполнѣ законнымъ, если бы императоръ Александръ одновременно съ нимъ предложилъ покончить и споры, которые вынудили Францію и Россію вооружаться въ теченіе цѣлаго года и двинуть къ границамъ свои войска. Требуя, чтобы Наполеонъ покинулъ всѣ позиціи, откуда онъ могъ начать войну съ извѣстной выгодой, Россія требовала отъ него настоящаго разоруженія. Но, когда государства, приготовившись къ войнѣ, все-таки желаютъ избѣгнуть кровопролитія, они разоружаются только послѣ того, какъ установили условія къ соглашенію и связали другъ друга формальными обязательствами. Предлагала ли намъ Россія взамѣнъ требуемой эвакуаціи покончить теперь же и навсегда съ приведшими къ войнѣ вопросами, и, слѣдовательно обезпечить миръ?—Ничего подобнаго. Что же предлагала она?—Она предлагала: послѣ того, какъ Наполеонъ «безповоротно, и какъ предварительную мѣру» отведетъ свои военныя силы на западъ отъ Эльбы, вступить въ переговоры по торговому договору, обсудить средства вредить англійской торговлѣ и признать присоединеніе Ольденбурга за территоріальное вознагражденіе для лишеннаго своихъ владѣній герцога. Но въ чемъ будетъ состоять вознагражденіе? Гдѣ оно бу-

детъ? Какія уступки будутъ сдѣланы нашей торговлѣ? Какія строгія мѣры будутъ приняты противъ Англіи?—Всѣ эти вопросы, составлявшіе суть распри, оставались подъ сомнѣніемъ. Они должны были составить предметъ послѣдующихъ переговоровъ, въ которыхъ петербургскій кабинетъ оставлялъ за собой полную свободу мнѣнія. Онъ говорилъ: пусть Франція прежде всего выведетъ свои войска, а затѣмъ можно будетъ и поговорить. По одному только вопросу Россія высказывалась теперь же и всецѣло не въ нашу пользу. Она заявила, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ смотрѣть на такъ называемую нейтральную торговлю, какъ на отрасль англійской, и не можетъ закрыть ей свои гавани.

Итакъ, отъ Наполеона требовалось одностороннее обязательство, унизительное отступленіе, независящее отъ какой бы то ни было уступки съ другой стороны. Взамѣнъ этого предлагались весьма туманныя надежды, обставленныя точными оговорками. — Вотъ къ чему сводились примирительныя предложенія Александра. Было совершенно ясно, что русскій государь, требуя— на этотъ разъ въ крайне властныхъ выраженіяхъ — залога въ обезпеченіе своей безопасности, ничего не желалъ обѣщать взамѣнъ. Онъ ставилъ свои условія съ полной увѣренностью, что они не будутъ приняты и что, скорѣе всего, Наполеонъ отвѣтитъ на нихъ пушечными выстрѣлами. Но уставъ и изнервничавшись отъ ожиданія, считая, что его приготовленія къ войнѣ достигли полнаго развитія, царь считалъ безполезнымъ задерживать вспышку кризиса. Отказываясь отъ бездѣятельнаго и пассивнаго сопротивленія, онъ рѣшился на громкій шагъ. Подъ видомъ мирныхъ встрѣчныхъ предложеній, онъ заявилъ о несовмѣстимости обоюдныхъ требованій и вызвалъ открытый разрывъ.

II.

Послѣдовавшій за заключеніемъ договора со Швеціей ультиматумъ Россіи былъ весьма крупной побѣдой нашихъ враговъ. Они одержали еще и другую побѣду—во внутреннемъ управленіи. Правда, они не могли добиться отставки Румянцева, которымъ императоръ дорожилъ въ силу привязанности и вслѣдствіе давней привычки къ нему и къ его услугамъ; зато имъ удалось устра-

нить единственнаго человѣка, который вмѣстѣ съ канцлеромъ поддерживалъ въ высшихъ сферахъ нѣкоторую симпатію къ Франціи и служилъ живымъ воспоминаніемъ прошлаго.

Роль Михаила Михайловича Сперанскаго въ періодъ, непосредственно предшествующій войнѣ, не вполнѣ выяснена. Руководя внутреннимъ управленіемъ, онъ, конечно, вмѣшивался и во внѣшнія дѣла; доказательствомъ тому служитъ его переписка съ Нессельроде. Но, по всему видно, что этотъ миролюбивый, всецѣло преданный своей преобразовательной дѣятельности, человѣкъ до конца совѣтовалъ придерживаться мирной политики. Очевидно, онъ уже не въ силахъ былъ помѣшать войнѣ; но опасались, что онъ будетъ работать въ пользу скорѣйшаго окончанія войны, дабы затѣмъ Россія могла вернуться къ дѣлу внутренней реорганизаціи [1]). А между тѣмъ, желаніемъ господствующей въ странѣ партіи была война безъ передышки, безъ пощады, не на животъ, а на смерть.

Путь для нападенія на Сперанскаго былъ подготовленъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ отрѣшился отъ союза съ Наполеономъ, онъ сталъ меньше увлекаться подражаніемъ Франціи и ея идеями, горячимъ поборникомъ которыхъ былъ Сперанскій. Царь началъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ слушать тѣхъ, которые указывали ему на эти нововведенія, какъ на «ядъ для Россіи» [2]), и надѣялись вернуть его на путь узкаго абсолютизма. Теперь онъ допускалъ болѣе смѣлое, болѣе горячее проявленіе ретроградныхъ стремленій, и, рано или поздно, этотъ потокъ реакціи долженъ былъ свалить министра-новатора. Сверхъ того, стойкій въ своихъ принципахъ, Сперанскій видѣлъ предъ собой только свою цѣль, и, идя къ ней съ апостольскимъ самоотверженіемъ, затронулъ на своемъ пути кастовые интересы и этимъ нажилъ себѣ толпы враговъ. Члены служебной іерархіи—*чиновники*—осыпали проклятіями человѣка, который для поступленія на службу установилъ экзаменъ, и при раздачѣ мѣстъ принималъ въ соображеніе заслуги. Этотъ же человѣкъ хотѣлъ упростить страшную путаницу въ законахъ, ввести порядокъ и послѣдовательность въ дѣлахъ администраціи, а, между тѣмъ, безпорядокъ и халатное отношеніе къ дѣлу были настолько удобны,

---

[1]) Tegner, III, 373.

[2]) Joseph de Maistre.

выгодны и прибыльны, что нельзя было не возстать противъ того, кто посягнулъ на эти національные, выработанные обычаемъ, порядки. Недовольство проникло даже въ обыкновенно покорные и безгласные слои. Увеличеніе налоговъ, обусловленное тяжелымъ финансовымъ положеніемъ, вызвало ропотъ народа. Не вникая въ причину этихъ бѣдствій, онъ во всемъ винилъ выскочку, «поповича», измѣнившаго и перевернувшаго вверхъ дномъ всѣ основы государства. Непопулярность министра отражалась на государѣ. Сознавая необходимость наканунѣ большой войны сплотить около себя всѣ жизненныя силы Россіи и возсоздать нравственное единство въ глубоко-разъединенномъ обществѣ, Александръ иногда задавалъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли ему пожертвовать Сперанскимъ, чтобы скрѣпить миръ между народомъ и собой. Однако, онъ еще колебался и не поддавался искушенію. Ему—съ его недовѣрчивой душой, терзаемой сомнѣніями, относившемуся ко всѣмъ съ подозрѣніемъ, было такъ пріятно имѣть друга, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣриться и на котораго могъ положиться.

Положеніе Сперанскаго было только поколеблено; чтобы свалить его, была задумана крупная интрига. Конечно, во-главѣ ея сталъ Армфельтъ. Онъ вступилъ въ союзъ съ министромъ полиціи Балашевымъ и свирѣпымъ Аракчеевымъ—съ русскими людьми, которые съ каждымъ днемъ все болѣе входили въ милость государя. Они раздобыли письма Сперанскаго. Сперанскій сдѣлалъ громадную ошибку, позволивъ себѣ въ своей частной перепискѣ говорить въ весьма неумѣстныхъ и неприличныхъ выраженіяхъ о государѣ, которому онъ всѣмъ былъ обязанъ и который удостоилъ его своей искренней дружбы. Онъ обрисовалъ его, какъ человѣка легкомысленнаго и тщеславнаго, влюбленнаго въ самого себя, посвящающаго пустымъ занятіямъ время, которое долженъ былъ бы отдавать государственной работѣ. Онъ давалъ ему заимствованныя у Вольтера смѣхотворныя прозвища [1]). Несомнѣнно, Сперанскій измѣнилъ чувству дружбы, но онъ не былъ измѣнникомъ отечества. Однако, его обвинили въ этомъ, и утверждали, что онъ состоитъ съ Лористономъ въ подозрительныхъ отношеніяхъ. Общество, въ виду близкой опасности, все болѣе

---

[1]) Шильдеръ, 240. Шильдеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы изъ первоисточника, которые бросаютъ новый свѣтъ на причины, вызвавшія немилость.

приходившее въ лихорадочное состояніе и вездѣ видѣвшее измѣнниковъ, воспринимало и распространяло эти слухи. Во дворецъ посылались доносы и зловѣщія предостереженія. Сперанскій совершилъ ошибку,—ему приписывали преступленія [1]).

Въ то время, когда надъ головой его собиралась гроза, Сперанскій по-прежнему неутомимо работалъ, проводя по восемнадцати часовъ въ сутки за своей конторкой, и почти не выѣзжая въ свѣтъ. Вечеромъ, для отдыха онъ заставлялъ прочитывать себѣ вслухъ какую-нибудь трагедію Корнеля или Расина, иногда главу изъ *Донъ-Кихота*. Но при этой исключительно-умственной жизни, онъ жилъ и сердцемъ. У Сперанскаго была дочь, которую онъ боготворилъ. Иногда онъ смутно сознавалъ висѣвшую надъ нимъ опасность. Чтобы избавиться отъ подстерегавшихъ его ненависти и зависти, онъ просилъ объ ограниченіи круга возложенныхъ на него обязанностей, старался умалить себя и не подавать повода къ нареканіямъ. Онъ даже выразилъ желаніе добровольно уйти со службы.

Но ему не дали на это времени. Когда царю представили письма, въ которыхъ Сперанскій позволилъ себѣ отзываться о немъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, Александръ повѣрилъ всему, и первымъ его побужденіемъ было наказать немилосердно. Но изъ чувства утонченной справедливости, которое дѣлаетъ ему честь, онъ обратился за совѣтомъ къ профессору Парроту, на котораго смотрѣлъ, какъ на своего духовнаго руководителя, здравый смыслъ котораго, его безусловную искренность и безпристрастіе особенно цѣнилъ. Позванный къ нему вечеромъ 16 марта, Парротъ засталъ его въ состояніи страшнаго гнѣва. Онъ рыдалъ отъ ярости и горя, говорилъ, что прикажетъ разстрѣлять Сперанскаго [2]). Парротъ просилъ дать ему двадцать четыре часа, чтобы обдумать это дѣло и высказать свое мнѣніе. Въ теченіе этихъ двадцати четырехъ часовъ участь преобразователя была рѣшена. Александръ одумался и самостоятельно принялъ рѣшеніе. Онъ понялъ, что голословныя обвиненія—не прямыя улики, что онъ не имѣетъ права, мстя за личное оскорбленіе, обойтись съ Сперанскимъ, какъ съ государственнымъ

---

[1]) Tegner, III, 376—379.

[2]) Schildner, 242.

преступникомъ. Онъ ограничился тѣмъ, что лишилъ его своей милости и отправилъ въ ссылку [1]).

17 марта вечеромъ Сперанскій, по обыкновенію, былъ приглашенъ во дворецъ для совмѣстной работы съ императоромъ. Видѣли, какъ онъ прошелъ черезъ пріемную, гдѣ находились дежурный флигель-адъютантъ и князь Николай Голицынъ, и вошелъ къ Его Величеству. Прошло три часа. Когда дверь императорскаго кабинета снова открылась, Сперанскій вышелъ оттуда блѣдный, разстроенный, съ глазами, полными слезъ, и, спотыкаясь, торопливо пошелъ къ выходу, съ видомъ человѣка, который сходитъ съ ума. Голицыну, который старался его остановить и утѣшить, онъ сказалъ: «Прощайте, князь», и вышелъ. Въ ту же минуту на порогѣ кабинета показался императоръ, глубоко взволнованный, съ разстроеннымъ лицомъ, и произнесъ ему вслѣдъ слѣдующія слова: «Еще разъ прощайте, Михаилъ Михайловичъ».

Что произошло между ними?—Разговоръ долгое время оставался тайной. Позднѣе Александръ самъ разсказалъ о немъ. Онъ сказалъ Новосильцеву, что Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ, но былъ виновенъ въ томъ, что отплатилъ за его довѣріе и дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью; что, сверхъ того, его уклоненія отъ общепринятаго пути и неосторожные поступки вызвали къ нему въ народѣ большое недовѣріе. Поэтому,—прибавилъ онъ,—удаляя его отъ себя, я сказалъ ему: «Во всякое другое время я употребилъ бы два года, «чтобы съ величайшимъ вниманіемъ провѣрить всѣ дошедшія до «меня свѣдѣнія о вашемъ поведеніи и о вашихъ поступкахъ. Но «теперь время и обстоятельства не позволяютъ мнѣ сдѣлать «этого. Непріятель стучится въ двери имперіи, и при томъ по«ложеніи, въ какое васъ поставили подозрѣнія, которыя вы на«влекли на себя вашимъ поведеніемъ, и словами, какія вы себѣ «позволили, мнѣ важно, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь не«счастья, я не оказался виновнымъ въ глазахъ моихъ поддан«ныхъ, продолжая оказывать вамъ мое довѣріе и даже оставляя «васъ на занимаемой вами должности. Ваше положеніе таково, «что я даже не совѣтую вамъ оставаться въ Петербургѣ или его

---

[1]) Слѣдующія цитаты и подробности взяты, главнымъ образомъ, изъ сочиненія Корфа о Сперанскомъ и изъ русскихъ источниковъ, сообщенныхъ намъ виконтомъ де-Вогюэ, членомъ французской академіи, въ которыхъ приведены подлинныя слова.

«окрестностяхъ. Я веду крупную игру, и чѣмъ она крупнѣе, тѣмъ «болѣе, въ случаѣ неудачи и въ виду характера народа, кото-«рому внушены ненависть и недовѣріе къ вамъ, вы подвергаетесь «опасности» [1]). Сперанскій избралъ мѣстомъ ссылки Нижній-Новгородъ.

По выходѣ изъ дворца, онъ отправился къ чиновнику Магницкому, своему другу и ближайшему сотруднику. Онъ засталъ его жену всю въ слезахъ, такъ какъ ея мужа только-что забрала полиція и отправила въ Вологду. Онъ вернулся домой. Тамъ былъ уже министръ полиціи со своими людьми и готовился наложить печати. У подъѣзда дома ждала изгнанника *кибитка*— почтовая карета, приспособленная для длинныхъ поѣздокъ—чтобы отвезти его въ Нижній. Сперанскій получилъ разрѣшеніе вложить въ конвертъ нѣсколько бумагъ на имя императора. Онъ не захотѣлъ будить свою дочь, перекрестилъ только дверь ея спальни и оставилъ ей коротенькую записку. Глубокой ночью его быстро увезли, а на другой день, рано утромъ, Петербургъ узналъ о его исчезновеніи.

Тогда произошелъ взрывъ необузданной радости и ненависти. При встрѣчахъ обнимались и поздравляли другъ друга: палъ человѣкъ—источникъ всякихъ бѣдъ! «Это была первая побѣда надъ французами» [2]). Народъ повѣрилъ въ государственную измѣну Михаила Михайловича, и вообразилъ, что онъ хотѣлъ выдать Наполеону тайны обороны. Дѣло Сперанскаго уподобилось дѣлу Мишеля. Но на горизонтѣ выступала болѣе захватывающая драма, и вскорѣ были забыты и сосланный, и кипѣвшія вокругъ него страсти, и роль, которую онъ игралъ въ нихъ; ссылка часто бываетъ и могилой. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Александръ былъ печаленъ и какъ бы вышибленъ изъ колеи. «Вамъ нездоровится, Государь?—спросилъ его Голицынъ.—Нѣтъ, я здоровъ. Но былъ бы ты спокоенъ, если бы тебѣ отрѣзали правую руку?» Слышали, какъ онъ нѣсколько разъ повторилъ, какъ будто хотѣлъ отогнать отъ себя слишкомъ тягостное его сердцу сомнѣніе: «Нѣтъ, Сперанскій не измѣнникъ». Царь принесъ его въ жертву законному чувству мести, а, главнымъ образомъ, требованіямъ общественнаго мнѣнія. Это былъ залогъ, который онъ

---

[1]) Schildner, 243—244.

[2]) I d., 244.

хотѣлъ дать дворянству и народу; но вслѣдствіе этого онъ и самъ всецѣло отдался въ руки иностранцевъ, которые замкнули его теперь въ кругъ, пылающій ненавистью. Онъ ввѣрился Бернадоту, главному обвинителю Армфельту, прибывшему изъ Праги Штейну, Левенхильму, итальянцамъ Паулуччи и Серра-Капріола, эмигранту Вернегу—всѣмъ жаждавшимъ мести людямъ, которые явились вести войну съ Наполеономъ кровью сыновъ Россіи.

Дерзость этихъ господъ, какъ только они отдѣлались отъ Сперанскаго, перешла всякіе предѣлы; съ энергіей бѣшеной злобы они взялись за дѣло международной интриги. Разъединяющія насъ въ настоящее время страсти и вражда блѣднѣютъ, кажутся мизерными, при сравненіи съ этой бѣшеной ненавистью, съ этимъ баснословнымъ озлобленіемъ, составлявшимъ содержаніе всей жизни этихъ людей. Армфельтъ организовалъ тайную дипломатію отъ одного конца Европы до другого. Онъ взывалъ и къ нѣмецкимъ патріотамъ, и къ французамъ, которыхъ достойная уваженія вѣрность несчастному прошлому держала вдали отъ ихъ отечества, т. е. къ непримиримымъ элементамъ эмиграціи. Но, помимо того, онъ обращался къ людямъ съ обманутыми надеждами, ко всѣмъ завистникамъ, къ находящимся не у дѣлъ авантюристамъ, къ изобличеннымъ предателямъ. Онъ расшевелилъ гнѣзда этихъ паразитовъ. Всѣ они закопошились и откликнулись на его призывъ. Онъ написалъ Антрегу и постарался возбудить энергію этого уставшаго интриговать заговорщика [1]); написалъ Дюмурьѐ, который въ своемъ отвѣтѣ предложилъ ему, какъ образецъ будущей борьбы, «войну скиѳовъ съ Даріемъ» [2]). Старикъ Серра-Капріола, числившійся въ Петербургѣ посланникомъ эксъ-короля обѣихъ Сицилій, взялся поднять на ноги Италію. Левенхильмъ добился разрѣшенія для посла возставшихъ кортессовъ открыто прибыть въ Россію и установилъ связь между борьбой въ Испаніи и военными операціями на Сѣверѣ [3]). Бернадотъ, въ стремленіи вредить намъ, доходилъ до умоизступленія. Отвѣчая на предложенія Наполеона въ туманно-примирительномъ тонѣ, ибо считалъ полезнымъ «говорить

---

[1]) Un agent secret sous la Révolution et l'Empire, le comte d'Antraigues, par Léonce Pingaud, p. 377.

[2]) Tegner, III, 383.

[3]) Депеши Левенхильма, 24 марта, 3 апрѣля.

императору фразы, которыя держали бы его въ неизвѣстности» [1]), онъ пускался во всевозможныя предпріятія, программу которыхъ составилъ себѣ заранѣе и задачей которыхъ было вредить намъ. Онъ усиленно хлопоталъ о сближеніи Россіи съ Великобританіей, старался устроить въ Константинополѣ такой миръ, результатомъ котораго могла бы быть война между турками и Франціей; онъ работалъ въ Берлинѣ, работалъ въ Вѣнѣ. Чтобы воздѣйствовать на Австрію, онъ приказалъ написать эрцгерцогу Карлу, затрагивалъ его самолюбіе и старался подѣйствовать на его честолюбіе. «Если дѣла пойдутъ такъ, какъ есть причина на это надѣяться, говорилъ онъ, то три или четыре трона окажутся не занятыми или могутъ быть созданы... Въ особенности долженъ остановить на себѣ его вниманіе тронъ Италіи». —«Однимъ словомъ, говорилъ Бернадотъ, я старался вскружить ему голову; не знаю, каковъ будетъ результатъ» [2]).

Главнымъ же образомъ старался онъ взвинтить и ожесточить противъ Наполеона императора Александра. Онъ постоянно находилъ, что Александръ еще недостаточно враждебно настроенъ противъ Наполеона. Стараясь изо всѣхъ силъ разжечь его вражду, онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не подлить масла въ огонь. Сухтеленъ все еще находился въ Стокгольмѣ, гдѣ съ нимъ обходились, какъ нельзя лучше. Принцъ разрѣшилъ ему приходить въ любой часъ, за исключеніемъ тѣхъ дней, «когда онъ говѣлъ» [3]). По вечерамъ Сухтеленъ имѣлъ доступъ въ интимный кругъ, который собирался у королевы. Эти собранія носили простой, почти патріархальный характеръ. Вокругъ круглаго стола сидѣли за работой королева и нѣсколько дамъ. У Сухтелена было свое опредѣленное мѣсто между королемъ и королевой, которые милостиво бесѣдовали съ нимъ. Позднѣе, когда пріѣзжалъ принцъ, разговоръ становился оживленнѣе. Бернадотъ съ обычнымъ мастерствомъ говорилъ о Наполеонѣ; разсказывалъ на свой ладъ личныя о немъ воспоминанія и доходившія до него изъ Парижа злыя сплетни. Трудно представить себѣ небылицу, которой бы онъ не выдумалъ, чтобы обрисовать «этого человѣка», какъ вѣроломнаго,

---

[1]) Донесеніе Сухтелена, 30 марта 1812 г. Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 433.

[2]) Донесеніе Сухтелена отъ 30 марта, вышеупомянутый томъ, 434.

[3]) Id., 435.

гнуснаго, сумасброднаго—словомъ, во всей мерзости его черной души. Онъ выставлялъ его то бѣшенымъ, то больнымъ и даже убійцей. Послушать его, такъ въ подпольяхъ уже точились кинжалы на императора Александра и на него самого; онъ увѣрялъ, что, по его свѣдѣніямъ, уже обратились «въ Парижъ къ сектѣ иллюминатовъ, чтобы тѣ убѣдили своихъ собратьевъ въ Россіи и въ Швеціи нанести оба удара одновременно» [1]); что этотъ планъ былъ выданъ однимъ изъ членовъ секты, который ужаснулся, узнавъ объ этомъ. Онъ просилъ передать императору Александру, что умоляетъ его заботиться о сохраненіи своей драгоцѣнной жизни. Что же касается его, «онъ не знаетъ страха. Онъ радъ умереть, лишь бы ему удалось заплатить Швеціи долгъ признательности и помочь спасти Сѣверъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы его сразила послѣдняя пуля, выпущенная отступающей арміей Наполеона во время переправы черезъ Рейнъ».

Нѣсколько времени спустя, прибавляя къ превосходящимъ всякую мѣру выдумкамъ нѣкоторую долю правды, онъ приписывалъ Наполеону планы, безуміе которыхъ должно было ободрить его враговъ. «На-дняхъ, сказалъ онъ Сухтелену, я говорилъ вамъ о его планахъ насчетъ Константинополя и Египта. Сегодня мнѣ сообщаютъ еще и другіе. Мнѣ пишутъ, что онъ разсчитываетъ покончить съ Россіей въ два мѣсяца; затѣмъ пойдетъ на Константинополь, куда хочетъ перенести свою столицу чтобы оттуда управлять Россіей и Австріей, какъ и всѣми остальными. Затѣмъ онъ хочетъ напасть на Персію, обосноваться въ Испагани, гдѣ ему не придется имѣть дѣла съ людьми, которые разсуждаютъ; наконецъ, не болѣе, какъ черезъ три года, двинуться на Дели и напасть на англичанъ въ Индіи. Вотъ что мнѣ пишутъ. Отъ него я жду всего; нѣтъ такой сумасбродной выходки, которой бы я не повѣрилъ» [2]). Вступая на болѣе практическую почву, онъ, время отъ времени, какъ результатъ проницательныхъ наблюденій, давалъ полезныя свѣдѣнія о характерѣ Наполеона, о свойствахъ его темперамента, о средствахъ привести его въ замѣшательство и одолѣть его [3]). Онъ

---

[1]) Депеша Сухтелена, 10 апрѣля, вышеупомянутый томъ, 425.

[2]) Депеша Сухтелена, 10 апрѣля, вышеупомянутый томъ, 444—445.

[3]) Говоря объ императорѣ, онъ сказалъ, что „императоръ можетъ растеряться только въ томъ случаѣ, если его ильно побьютъ; что тогда онъ

указывалъ тоже на сильныя и слабыя стороны нашихъ войскъ. Обращая вниманіе на ихъ способность къ страшному натиску, онъ указывалъ и на ихъ впечатлительность, и на склонность внезапно падать духомъ. Онъ умолялъ—«по возможности избѣгать открытыхъ сраженій», морить голодомъ и изнурять наши войска, держать ихъ въ вѣчной тревогѣ внезапными нападеніями, засадами, стычками; когда удастся окружить какой-нибудь отрядъ—брать въ плѣнъ офицеровъ, убивать солдатъ. Въ своихъ, въ полномъ смыслѣ слова, безславящихъ его совѣтахъ этотъ недавній французъ настоятельно рекомендовалъ не давать пощады французскимъ солдатамъ [1]).

Несмотря на всѣ усилія довести Александра до высшей степени раздраженія и укрѣпить его вѣру въ свои силы, наши враги находили, что могутъ быть вполнѣ увѣрены въ немъ только послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, т. е. когда начнется рѣзня. Левенхильмъ высказалъ эту мысль съ звѣрскимъ цинизмомъ. «Только въ тотъ день,—сказалъ онъ,—когда польется кровь, можно быть увѣреннымъ, что ходъ событій не будетъ прерванъ» [2]). Поэтому, съ согласія Бернадота и слѣдуя его инструкціямъ, онъ убѣждалъ Александра начать враждебныя дѣйствія—не ждать, чтобы французы подошли къ русской границѣ, а вторгнуться раньше ихъ въ восточную Пруссію и Польшу.

Это былъ единственный пунктъ, по которому Александръ все еще затруднялся принять опредѣленное рѣшеніе. Онъ взвѣшивалъ и сравнивалъ выгоды, которыя могла дать ему иниціатива военныхъ дѣйствій, съ нравственнымъ ущербомъ, который могъ для него отсюда воспослѣдовать. Его любимой фразой всегда было: я не хочу быть зачинщикомъ. Тѣмъ не менѣе онъ собирался покинуть Петербургъ, чтобы поѣхать въ Вильну, гдѣ хотѣлъ устроить свою главную квартиру и принять на себя

теряетъ голову, и если сумѣть воспользоваться этимъ, онъ способенъ все бросить, даже дать себя убить. Но слѣдуетъ не упускать этого момента, потому что разъ онъ опомнится, онъ найдетъ средства для борьбы тамъ, гдѣ ихъ никто и не подозрѣваетъ". Вышеупомянутый томъ, 438. Въ этихъ словахъ съ удивительной проницательностью было предсказано ослабленіе у Наполеона воли въ 1812 и 1813 гг., т. е. внезапно находившій на этого великаго человѣка, одареннаго желѣзной волей, упадокъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Въ нихъ предсказывалась и необычайная кампанія 1814 г.

[1]) Соловьевъ, 227.

[2]) Депеша отъ 23 марта.

командованіе войсками. Вскорѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нельзя больше откладывать свой отъѣздъ. 21 апрѣля, послѣ торжественнаго богослуженія въ соборѣ Казанской Божіей Матери, онъ прослѣдовалъ во-главѣ космополитической свиты черезъ городъ, и, напутствуемый благопожеланіями и изъявленіями вѣрноподданическихъ чувствъ всего населенія, направился по дорогѣ въ Вильну. За нѣсколько дней до этого онъ пригласилъ къ своему столу много офицеровъ и сказалъ имъ: «Мы принимали участіе въ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники другихъ государствъ, и мнѣ думается, что мы исполнили нашъ долгъ. Теперь наступило время защищать не права другихъ, а наши собственныя права. Вотъ почему, вѣря въ Бога, я надѣюсь, что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, и что мы не уронимъ пріобрѣтенной нами славы» [1]).

Эти слова были просты и величественны. При прощаніи съ французскимъ посланникомъ, Александръ былъ менѣе откровененъ. 10 апрѣля, пригласивъ Лористона къ обѣду, онъ сказалъ ему, что, находя «нужнымъ видѣть свои войска» [2]), онъ предпринимаетъ обычный «объѣздъ»; что надѣется скоро вернуться; что, впрочемъ, гдѣ бы онъ ни былъ, «въ Петербургѣ ли, на границѣ ли, въ Тобольскѣ ли», онъ всегда будетъ готовъ возстановить союзъ, лишь бы отъ него не требовали жертвы, несовмѣстимой съ его честью. Но его волненіе говорило больше, чѣмъ его слова. Оно выдавало мысль, что онъ окончательно разстается съ посланникомъ, и, что, несмотря на неизмѣнность его рѣшенія, онъ страшно безпокоится за грозное будущее. Его голосъ прерывался и звучалъ глухо, «на глазахъ выступали слезы» [3]). Въ минуту своего отъѣзда, онъ приказалъ официально сказать Лористону, «что въ Вильнѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ всегда останется самымъ вѣрнымъ другомъ и союзникомъ императора Наполеона; что онъ уѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ и съ самымъ искреннимъ желаніемъ не вести войны, и, если, къ несчастью, она возникнетъ, ее нельзя будетъ поставить въ вину ему» [4]). Но черезъ нѣсколько часовъ эти увѣренія не помѣшали

---

[1]) Schildner, 245.
[2]) Лористонъ Mapé, 11 апрѣля.
[3]) I d.
[4]) I d.

ему объявить своимъ иностраннымъ друзьямъ, что эта неизбѣжная война навѣрное состоится, ибо онъ не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ въ послѣднюю минуту и приносятъ извиненія на полѣ сраженія. Но, даже уступая клокотавшему вокругъ него воинственному нетерпѣнію, онъ видимо былъ склоненъ двинуть войска только послѣ того, какъ наши войска, переходомъ черезъ Вислу, совершатъ первый актъ враждебности. «Если французы,—сказалъ онъ Левенхильму,—перейдутъ за извѣстную черту (этой чертой была Висла), я тоже пойду впередъ» [1]). Въ письмѣ къ Чарторижскому, онъ не исключалъ возможности движенія впередъ, даже перехода черезъ Вислу и занятія Варшавы [2]).

Но этому желанію перейти въ стратегическое наступленіе не суждено было состояться. Причиной, разрушившей его, было извѣстіе о франко-австрійскомъ союзѣ. Подписывая договоръ отъ 12 марта Наполеонъ и Францъ I-ый обѣщали другъ другу, насколько возможно дольше, хранить въ тайнѣ этотъ актъ. Ошибка одного австрійскаго агента дала дѣлу другой оборотъ. Въ то время представителемъ императора Франца въ Стокгольмѣ былъ графъ Нейппергъ—тотъ самый, который впослѣдствіи заставилъ Марію-Луизу забыть Наполеона и благодаря этому попалъ на страницы исторіи. Узнавъ о договорѣ, Нейппергъ счелъ своимъ долгомъ официально сообщить объ этомъ шведскому правительству. Изъ Стокгольма извѣстіе пришло въ Россію, гдѣ оно произвело самое удручающее впечатлѣніе. Приближенные царя уже давно перестали разсчитывать на Пруссію. Имъ было извѣстно, что эта, находящаяся въ крѣпостной зависимости, монархія уже не принадлежитъ себѣ. Ея окончательное подчиненіе волѣ Франціи никого не удивило; оно внушало скорѣе чувство жалости, чѣмъ гнѣва. Наоборотъ, всѣ до конца надѣялись, что Австрія, менѣе связанная въ своихъ рѣшеніяхъ, не наложитъ сама на себя цѣпи. Сладкія рѣчи Меттерниха и его агентовъ поддерживали это заблужденіе. Все было предусмотрѣно, за исключеніемъ измѣны Австріи; тѣмъ чувствительнѣе былъ ударъ. Не вызвавъ въ Александрѣ ни упадка духа, ни мысли о капитуляціи и мирѣ, прискорбная вѣсть заставила его бояться, что его войска, углубляясь въ варшавскую Польшу, могутъ подвергнуться со

---

[1]) Депеша Левенхильма, 18 апрѣля.

[2]) Mémoires de Czartoryski, II, 281.

стороны австрійцевъ нападенію во флангъ, и опасеніе подобнаго нападенія заставило его остановиться на планѣ исключительно оборонительной войны. Прибывъ въ Вильну, онъ рѣшилъ не трогаться съ мѣста и ждать нападенія, которое, по его мнѣнію, вѣроятно, будетъ ускорено его ультиматумомъ [1]). Рѣшеніе, которому суждено было спасти Россію — ибо столкновеніе на Вислѣ съ превосходящими численностью силами подвергло бы ее неминуемой гибели — окончательно было принято Александромъ только въ послѣднюю минуту, вслѣдствіе событія, независящаго отъ его воли и подготовленнаго самимъ Наполеономъ. Итакъ, все, что по мысли императора должно было навѣрняка обезпечить успѣхъ его великому предпріятію, содѣйствовало его гибели.

---

[1]) Bogdanovitch, I, 60; Schildner, 246.

ГЛАВА XI.

УЛЬТИМАТУМЪ РОССІИ.

Искренность и чистосердечіе Куракина. — Онъ порицаетъ свое правительство.—Онъ по-прежнему желаетъ мира и прославляетъ союзъ.—Дѣло о государственной измѣнѣ.—Рѣчь генералъ-прокурора.—Допросъ подсудимыхъ; ихъ неодинаковая отвѣтственность. — Приговоръ. — Осужденіе Мишеля и Сажé. — Протестъ Куракина по поводу выраженій обвиненія. — Прибытіе ультиматума.—Куракинъ въ Сенъ-Клу.—Гнѣвъ и безпокойство императора.—Кратковременная тревога.—Наполеонъ во что бы то ни стало хочетъ отвлечь русскихъ отъ нападенія, чтобы сдѣлать это самому въ удобное для него время.—Условное предложеніе о перемиріи.—Отправка Нарбонна въ Вильну; характеръ и цѣль даннаго ему порученія.—Громкій шагъ по отношенію къ Англіи.—Французское правительство дѣлаетъ видъ, что соглашается вести съ Куракинымъ переговоры на основѣ ультиматума; затѣмъ разговоръ съ посланникомъ откладывается со-дня-на день; его всячески обманываютъ и дурачатъ.—Повязка спадаетъ съ глазъ Куракина.—Настойчивыя требованія.—Тревожные симптомы.—Казнь Мишеля.—Вторичное похищеніе Вюстингера.—Отъѣздъ Шварценберга.—Куракинъ приходитъ къ убѣжденію, что его обманываютъ и водятъ за носъ; внезапный приступъ отчаянія заставляетъ его измѣнить своему обычному характеру.—Онъ требуетъ свои паспорта, что равносильно объявленію войны.—Этотъ несвоевременный шагъ не отвѣчаетъ планамъ ни того, ни другого императора. — Отъѣздъ Наполеона и Маріи-Луизы въ Дрезденъ. — Замѣтка въ Moniteur'ѣ. — Наполеонъ поручаетъ герцогу Бассано успокоить Куракина и убѣдить его взять обратно требованіе о выдачѣ паспортовъ. — Новый разговоръ. — Слезы. — Герцогъ дѣлаетъ видъ, что берется за дѣло; онъ возбуждаетъ формальное затрудненіе; вопросъ о полномочіяхъ.—Министръ спасается бѣгствомъ отъ посла и уѣзжаетъ въ Германію.—Куракинъ прикрѣпленъ къ своему посту.—Наполеону удалось на время отдалить разрывъ.

I.

Среди правящихъ сферъ Россіи и Франціи, которыя состязались въ двоедушіи, и, стремясь къ войнѣ, всевозможными способами старались убѣдить другъ друга въ противномъ, только одинъ человѣкъ былъ искрененъ и прямодушенъ. То былъ русскій посланникъ во Франціи—то самое лицо, на долю котораго вы-

пала обязанность представить ультиматумъ и поддерживать его во всей его строгости. Прекращеніе распри было всегдашнимъ и горячимъ желаніемъ князя Куракина. Страдая отъ того, что ему не давали «ни приказаній, ни инструкцій, ни о чемъ не освѣдомляли его» [1]), онъ въ душѣ осуждалъ уклончивое молчаніе, котораго уже столько мѣсяцевъ упорно держалась русская канцелярія, и возлагалъ на нее часть вины. Въ началѣ года онъ то впадалъ въ глубокое уныніе, то обольщалъ себя кратковременными надеждами. Въ февралѣ, видя, что наши войска пришли въ движеніе, онъ заключилъ изъ этого, что Наполеонъ безповоротно рѣшился на войну. Немного позднѣе у него явилась надежда, что все кончится благополучно. Узнавъ о разговорѣ императора съ Чернышевымъ и объ отправкѣ его съ особымъ порученіемъ къ царю, онъ повѣрилъ въ искренность этого шага, и, попросту говоря, попался въ разставленныя тенета. Онъ умолялъ своего государя не пренебрегать этимъ послѣднимъ шансомъ къ миру и начать «переговоры, которые ему такъ часто предлагали» [2]). Въ ожиданіи результатовъ онъ по-старому принималъ у себя парижское общество, давалъ великолѣпные балы и большіе обѣды, на которыхъ торжественно пилъ «за союзъ».

Въ срединѣ апрѣля прискорбный инцидентъ доставилъ ему не мало душевныхъ тревогъ и жестоко оскорбилъ его. На основаніи того, что ему было сказано, онъ думалъ, что дѣло о шпіонствѣ, въ которомъ замѣшанъ былъ Чернышевъ, не будетъ предано огласкѣ и что французское правительство постарается замять его. Каково же было его изумленіе, его горестно-удрученное состояніе, когда однажды вечеромъ онъ узналъ изъ *Gasette de France* о началѣ процесса, на которомъ въ нѣкоторомъ родѣ должны были заочно осудить Россію и о которомъ никто не соблаговолилъ предупредить его!

13 апрѣля Сенскій уголовный судъ собрался для разбора дѣла о государственной измѣнѣ. Онъ посвятилъ ему три засѣданія. Предъ судомъ предстало только четверо обвиняемыхъ: Мишель, Сажé, Салмонъ и Мозé, по прозванію Мирабо. Остальные арестованные чиновники, за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ, были

---

[1]) Донесеніе отъ 5 января 1812 г. Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 354.

[2]) Частное письмо отъ 25 апрѣля, вышеупомянутый томъ, 360.

освобождены. Что же касается Вюстингера, то, хотя онъ и служилъ центромъ всей интриги, рѣшили, что его—въ качествѣ иностранца и человѣка, служащаго при русскомъ посольствѣ—нельзя отдать подъ судъ. Но, такъ какъ его показанія были необходимы для выясненія предъ судомъ обстоятельствъ дѣла, а между тѣмъ нельзя было ручаться, что онъ явится въ судъ, то его продержали до дня открытія засѣданій въ тюрьмѣ, откуда онъ и долженъ былъ, какъ «необходимый свидѣтель», являться для дачи показаній. На скамьѣ защиты заняли мѣста многіе знаменитости адвокатуры. Генералъ-прокуроръ Легу занялъ кресло предсѣдателя въ мѣстахъ для прокурорскаго надзора, имѣя ассистентами двухъ товарищей прокурора.

По прочтеніи обвинительнаго акта первымъ выступилъ съ рѣчью генералъ-прокуроръ. Уголовное судопроизводство того времени давало ему на это право. Во вступленіи, онъ выставилъ въ яркомъ свѣтѣ главные факты дѣла. Его рѣчь представляла образецъ высокопарнаго и витіеватаго слога, процвѣтавшаго въ тѣ времена. Эпоха великихъ дѣлъ была эпохой и громкихъ фразъ. Легу отдалъ дань благоговѣйнаго поклоненія либерализму императора; ибо императоръ могъ, сославшись на высшіе интересы государственной обороны, изъять подсудимыхъ изъ-подъ вѣдѣнія ихъ прямыхъ судей, но онъ не воспользовался своимъ правомъ. Излагая фактическую сторону измѣны, Легу не преминулъ облечь въ драматическую форму ея возникновеніе. Первый развратитель чиновниковъ, повѣренный въ дѣлахъ Убри, былъ представленъ имъ во образѣ демона-искусителя, блуждавшаго по Парижу и искавшаго, на кого бы обратить свою преступную силу. Случай сводитъ его съ Мишелемъ. «Въ одинъ прекрасный день они встрѣчаются на бульварѣ, и Убри замѣчаетъ въ рукѣ Мишеля бумагу. Агентъ Россіи дѣлаетъ видъ, что пораженъ красивымъ почеркомъ; онъ говоритъ, что имѣетъ надобность переписать кое-что. Онъ поручаетъ сдѣлать это Мишелю, и, хотя этотъ трудъ ничтожный и содержаніе бумаги не имѣетъ большого значенія, переписчикъ, сверхъ всякаго ожиданія, получаетъ великолѣпную плату—билетъ въ тысячу франковъ!» [1]). Прельщенный такой щедростью, которая должна была бы показаться Мишелю подозрительной, онъ прислушивается къ ковар-

---

[1]) Выдержки изъ рѣчи взяты изъ официальныхъ отчетовъ процесса, опубликованныхъ въ журналахъ, а затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ статей.

нымъ внушеніямъ и позволяетъ сказать себѣ, что можетъ оказать нѣкоторыя услуги. Первое преступленіе—непростительное преступленіе должностного лица—слушать подобныя рѣчи! Такимъ образомъ Мишель вступаетъ на путь преступленій, осуждаетъ себя не сходить съ этого пути, и, подвигаясь безъ отдыха впередъ, проходитъ весь путь до конца. Въ скоромъ времени онъ оказываетъ услугу, которой отъ него требовали, затѣмъ идутъ новыя услуги; съ каждымъ днемъ количество его услугъ возрастаетъ, и вотъ цѣлый рядъ агентовъ Россіи передаютъ съ рукъ на руки этого презрѣннаго посредника; каждый изъ нихъ по-очереди пользуется имъ, и, прежде чѣмъ покинуть Парижъ, завѣщаетъ Мишеля, какъ драгоцѣнный кладъ, своему замѣстителю.

Не столь свѣдущій въ исторіи, какъ въ законовѣдѣніи, Легу путается въ мало извѣстной ему галлереѣ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ, смѣшиваетъ ихъ фамиліи и время дѣйствія, но прикрываетъ нѣкоторыя неточности въ фактахъ цѣлымъ потокомъ краснорѣчія. Онъ уподобляется Фонтану и сыплетъ смѣлыми метафорами, фразами горячаго негодованія, антитезами и звучными словами. По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, ярко обрисовывается, какъ «соблазненный превращается въ соблазнителя», какъ Мишель совращаетъ съ пути долга своихъ сослуживцевъ и организуетъ куплю-продажу совѣсти; какъ онъ мало-по-малу доходитъ до предѣловъ наглости, осмѣливаясь бросить святотатственный взглядъ даже на таинственную, священную таблицу, которая даетъ императору даръ вездѣсущности и «въ нѣкоторомъ родѣ переноситъ его въ его лагери». За спиной соблазненнаго чиновника постоянно стоитъ Чернышевъ. Это онъ внушилъ и приказалъ выполнить этотъ длинный рядъ преступныхъ дѣяній. Знаменитый судья находитъ удовольствіе отпускать колкія эпиграммы по адресу «придворнаго», не побоявшагося замарать себя общеніемъ съ негодяями. Онъ называетъ его «самымъ нескромнымъ, самымъ предпріимчивымъ изъ дипломатовъ», и, въ силу судейской привычки, всякій разъ, когда клеймитъ Мишеля и его соучастниковъ именемъ государственныхъ преступниковъ, онъ вмѣняетъ это въ вину Россіи и требуетъ ее къ отвѣту.

Онъ дѣлаетъ намекъ на «завистливыя государства», которыя своей темной дѣятельностью силятся помѣшать полету генія и

«остановить ходъ предначертанныхъ судебъ міра». Напрасныя попытки, безсильныя козни! Провидѣніе видимо бодрствуетъ надъ императоромъ и его храбрыми солдатами. Оно-то и привело къ тому «что измѣна, въ концѣ-концовъ, выдала сама себя», съ непостижимымъ безразсудствомъ. При этихъ словахъ сообщается присутствующимъ опрометчиво забытая Чернышевымъ записка Мишеля; она прочитывается цѣликомъ и выставляетъ во-очію, во всей его наготѣ, позорное дѣло. Наконецъ, въ заключительной части горячей рѣчи, представитель прокурорскаго надзора убѣждаетъ присяжныхъ, если ходъ процесса поставитъ ихъ предъ лицомъ несомнѣнно-доказанныхъ фактовъ, исполнить свой долгъ, исполнить его до конца, ибо ихъ вердиктъ разнесется по всей Европѣ и отомститъ за подлыя интриги противъ Франціи.

Подсудимые, подавленные такимъ ошеломляющимъ краснорѣчіемъ, убитымъ голосомъ отвѣчали на допросъ предсѣдателя. Затѣмъ предъ судомъ прошелъ рядъ свидѣтелей. Первымъ выступилъ Вюстингеръ, и, такъ какъ онъ былъ золъ на Мишеля за то, что тотъ заманилъ его въ западню, то и постарался очернить его, насколько могъ. Впрочемъ, и безъ того всѣ отвернулись отъ несчастнаго чиновника; его участь не подлежала сомнѣнію. Когда наступило время поставить вопросъ о примѣненіи статей закона, генералъ-прокуроръ, послѣ отвѣта на рѣчи защитниковъ, потребовалъ для Мишеля высшей мѣры наказанія. На выраженное Мишелемъ раскаяніе, Легу, предвидя, что тотъ будетъ приговоренъ къ смертной казни, отвѣтилъ ссылкой на утѣшенія въ загробной жизни.

Участь же остальныхъ обвиняемыхъ была горячо оспариваема защитой. Преніями не было вполнѣ установлено, что Сажé, Салмонъ и Мозé сознательно принимали участіе въ измѣнѣ, и что они знали о преступномъ употребленіи, которое дѣлалъ Мишель изъ переданныхъ въ его руки документовъ. Въ заключеніе, вслѣдствіе безусловно утвердительнаго вердикта по обвиненію Мишеля, утвердительнаго по обвиненію Сажé въ той его части, что онъ за деньги совершалъ «дѣянія, недозволенныя его служебнымъ положеніемъ и не подлежащія оплатѣ» [1]), Мишель былъ приговоренъ къ смерти, съ конфискаціей его имущества; Сажé къ существовавшему еще въ тѣ времена наказанію—выставленію

[1]) Статья 177 Уложенія о наказаніяхъ.

преступника у позорнаго столба съ желѣзнымъ ошейникомъ; къ этому наказанію былъ прибавленъ денежный штрафъ. Салмонъ и Мозé были оправданы.

Исходъ этого печальнаго процесса, который вызвалъ сенсацію во всѣхъ кругахъ парижскаго общества, окончательно разсердилъ князя Куракина, уже и безъ того глубоко оскорбленнаго выраженіями, употребленными обвиненіемъ, и тѣмъ направленіемъ, какое дано было дебатамъ. Когда онъ читалъ въ газетахъ отчеты засѣданій, на его обыкновенно добродушномъ и спокойномъ лицѣ отражались гнѣвъ и негодованіе. Наконецъ, ознакомившись съ вердиктомъ и приговоромъ, припомнивъ всѣ подробности «гнуснаго дѣла» [1]), онъ вывелъ заключеніе, которое, дѣйствительно, могло возмутить его. Прокурорскій надзоръ преслѣдовалъ Мишеля, а судъ осудилъ его за то, что онъ доставилъ иностранному государству—Россійской имперіи—«средства для войны съ Франціей». Это значило въ иносказательной формѣ признать и провозгласить, что Россія искала средствъ для войны, что она замышляла враждебные планы. Можетъ ли посланникъ Россіи, на котораго возложено заботиться о чести и репутаціи своей страны, допустить подобныя утвержденія? Куракинъ нашелъ, что «священный долгъ» налагаетъ на него обязанность возбудить дипломатическій инцидентъ и представить ноту съ протестомъ. Насколько могъ, онъ составилъ ее въ самыхъ твердыхъ и сильныхъ выраженіяхъ [2]). Такъ какъ злостныя, бездоказательныя обвиненія были преданы гласности, то онъ рѣшилъ, что и опроверженіе должно быть гласнымъ, и потребовалъ, чтобы въ газетахъ была напечатана статья, въ которой честь Россіи была бы возстановлена. Конечно, ему было отказано въ этомъ удовлетвореніи, и князь былъ въ крайне-затруднительномъ положеніи, не зная, что дѣлать съ своей особой и со взятой на себя ролью. Колеблясь между желаніемъ поддержать свое достоинство и боязнью вызвать непоправимый разладъ, онъ спрашивалъ себя, не придется ли ему въ скоромъ времени оставить Парижъ. Приходя въ ужасъ при мысли о тягостномъ путешествіи, о тяжеломъ возвращеніи на родину, онъ, тѣмъ не менѣе, заготовлялъ средства для переѣзда. Подумывалъ уже от-

---

[1]) Частное письмо отъ 23 апрѣля, вышеупомянутый томъ, 362.

[2]) Нота, помѣченная 14 апрѣля, хранится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Russie, 154.

править часть своего штата въ Германію, и подготовлялъ перевозку своего хозяйства, въ чаяніи момента, когда ему придется позаботиться о перевозкѣ своей собственной объемистой особы.

Онъ съ грустью предавался этимъ заботамъ, когда 24 апрѣля въ Парижъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, по фамиліи Сердобинъ, присланный къ нему курьеромъ изъ Петербурга и бывшій для него близкимъ человѣкомъ, такъ какъ былъ однимъ изъ его побочныхъ дѣтей, которыхъ плодливый посланникъ всюду посѣялъ на своемъ пути. Этотъ юноша, котораго онъ по-отечески называлъ «мой Сердобинъ» [1]), привезъ ему текстъ ультиматума для представленія французскому правительству. Это порученіе, очень взволновавшее Куракина, доставило ему нѣкоторое удовлетвореніе и польстило его гордости. Наконецъ-то его дворъ, продержавъ его такъ долго въ унизительной бездѣятельности, довѣрилъ ему переговоры капитальнѣйшей важности. Эта манера вернуть его къ дѣятельности польстила его самолюбію. Не задумываясь надъ чрезмѣрностью русскихъ требованій, онъ счелъ возможнымъ заставить Францію принять ихъ, такъ какъ она всегда заявляла, что готова выслушать всякое категорическое объясненіе. Повѣривъ въ серьезность роли примирителя, онъ рѣшилъ посвятить ей весь остатокъ своихъ силъ. Но такъ какъ его правительство предписало ему говорить настойчиво и твердо, онъ хотѣлъ точно сообразоваться съ этимъ приказаніемъ. Собравшись съ духомъ, онъ отправился къ герцогу Бассано, и заявилъ, что эвакуація Пруссіи есть предварительное, главное, не подлежащее даже обсужденію, условіе. Онъ сказалъ: «Только послѣ того, какъ будетъ дано согласіе на это требованіе, посланнику будетъ дано разрѣшеніе обѣщать, что въ соглашеніе могутъ войти нѣкоторыя уступки, изъ которыхъ безусловно исключается торговля нейтральныхъ судовъ, отъ которой Россія никогда не можетъ отказаться». Въ переданной нѣсколько дней спустя нотѣ, Куракинъ письменно повторилъ эти слова [2]). Но Наполеонъ, узнавъ о его словесномъ сообщеніи, пригласилъ его 27 апрѣля на частную аудіенцію въ замокъ Сенъ-Клу.

---

[1]) Частное письмо отъ 23 апрѣля, вышеупомянутый томъ, 362.

[2]) Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

Во время разговора Наполеонъ прежде всего далъ волю своему негодованію.—Итакъ, унизительное отступленіе — вотъ что хотятъ предписать ему безъ всякихъ разговоровъ, прежде какого бы то ни было соглашенія. Развѣ Россія уже побила его, чтобы обходиться съ нимъ такимъ образомъ?—Когда Россія, наконецъ-то, соблаговолила заговорить, ея первое слово — оскорбленіе. Онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, какъ бы задыхаясь. «Какимъ же способомъ хотите вы сговориться со мной?—Герцогъ Бассано уже сказалъ мнѣ, что, прежде всего, вы хотите заставить меня очистить Пруссію. Это невозможно. Это требованіе — оскорбленіе. Это значитъ приставить мнѣ ножъ къ горлу. Моя честь не позволяетъ мнѣ согласиться на это. Вы — благородный человѣкъ; какъ рѣшились вы сдѣлать мнѣ подобное предложеніе? О чемъ думали въ Петербургѣ?... Я не такъ обошелся съ императоромъ Александромъ, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Тильзитъ, послѣ моей побѣды при Фридландѣ... Вы поступаете, какъ Пруссія до битвы при Іенѣ. Она тоже требовала эвакуаціи сѣверной Германіи. Въ настоящее время я тѣмъ болѣе не могу согласиться на эвакуацію Пруссіи. Вопросъ идетъ о моей чести» [1]).

Къ его гнѣву присоединялись жестокая досада и непритворное безпокойство. Суровый характеръ ультиматума какъ будто и на самомъ дѣлѣ указывалъ на намѣреніе русскихъ ускорить разрывъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ Наполеонъ одно время даже думалъ, что императоръ Александръ—какъ и дѣйствительно у того была эта мысль—приказалъ своимъ войскамъ перейти Нѣманъ и пойти навстрѣчу нашимъ войскамъ; ему казалось, что враждебныя дѣйствія уже начались, что на Вислѣ и Пассаргѣ уже идетъ перестрѣлка. Ему было досадно, что его плану наступленія неожиданно ставятся преграды; что его комбинаціи рушатся въ ту самую минуту, когда онѣ на пути къ цѣли; что непріятель перехватываетъ у великой арміи ея операціонную базу.

Онъ до такой степени былъ взволнованъ при мысли, что этотъ случай возможенъ, что подумывалъ прибѣгнуть къ от-

---

[1]) Всѣ ссылки до стр. 398, за исключеніемъ тѣхъ, которыя составляютъ предметъ особыхъ справокъ, взяты изъ донесеній Куракина отъ 27 и 28 апрѣля, 2 и 9 мая 1812 г., т. XXI Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, 362—410.

чаянному средству, не имѣвшему никакого разумнаго основанія, лишь бы во что бы то ни стало затормозить движеніе русскихъ. Подавивъ гнѣвъ и мѣняя съ Куракинымъ тонъ, онъ заговорилъ съ нимъ мягко и произнесъ слово—перемиріе. И, дѣйствительно, онъ предложилъ подписать въ Парижѣ временное перемиріе на случай, если враждебныя дѣйствія уже начались. Это перемиріе должно было остановить готовыя вступить въ бой войска, установить нейтральную почву между Нѣманомъ и Пассаргомъ, дать правительствамъ время опомниться и продлить переговоры. Куракинъ, въ дѣйствительности далеко не такой храбрый, какъ это казалось, съ радостью принялъ предложеніе. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ на всякій случай готовился къ отъѣзду и къ сраженію. Онъ ждалъ только извѣстія отъ Даву, сигнала съ воздушнаго телеграфа, чтобы немедленно выѣхать изъ Парижа. Онъ рѣшилъ, нигдѣ не останавливаясь и пренебрегая правилами вѣжливости по отношенію къ собравшимся на его пути государямъ, почти «со скоростью курьера» [1]) промчаться черезъ Германію и явиться на Вислу, чтобы самому встрѣтить и отразить ударъ.

Его тревога продолжалась недолго. Нѣсколько дней спустя съ Сѣвера пришли болѣе успокоительныя извѣстія. Наши агенты и шпіоны, не ручаясь, что русскіе не перейдутъ въ наступленіе, сообщали съ достовѣрностью, что тѣ еще не покинули своей территоріи и стояли тамъ въ полной боевой готовности. До сихъ поръ Россія не поддержала еще своихъ надменныхъ требованій соотвѣтствующими поступками.

Въ такомъ поведеніи Наполеонъ увидѣлъ указаніе на душевную тревогу, на колебанія Александра. Онъ все еще не понималъ истинныхъ намѣреній своего соперника. Тогда какъ Александръ уже твердо рѣшился на войну, и окончательно рѣшилъ вести ее исключительно у себя дома, не переходя своихъ границъ, Наполеонъ не перестаетъ думать, что тотъ колеблется между желаніемъ напасть и тайной боязнью войны. Въ немъ тотчасъ же возрождается надежда использовать это настроеніе, перехитрить русскихъ, отсрочить, а то и совсѣмъ отклонить ихъ нападеніе, чтобы въ подходящее для него время самому со всѣми своими силами броситься на врага. Дойдя до предложенія перемирія съ цѣлью остановить первыя враждебныя дѣйствія, онъ теперь счи-

---

[1]) Маре́ Отто, 3 апрѣля.

таетъ возможнымъ оттянуть ихъ путемъ новыхъ притворныхъ переговоровъ.

Но, спрашивается, на какой основѣ и черезъ кого начать переговоры? Предложенная Россіей основа, т. е. ультиматумъ—непріемлема, и, къ тому же, это категорическое требованіе не даетъ никакой зацѣпы для обсужденія. Съ другой стороны, съ Куракинымъ, которому русскій дворъ далъ точное порученіе и который весь предался своему дѣлу, можно говорить только объ ультиматумѣ и, попутно, о перемиріи. Чтобы выйти изъ этого положенія и чтобы перемѣнить предметъ переговоровъ, императоръ рѣшаетъ такъ: онъ перенесетъ ихъ въ другое мѣсто. Для этого онъ отправитъ, какъ можно скорѣе, въ Вильну, куда, по его предположенію, вскорѣ долженъ пріѣхать императоръ Александръ, чрезвычайнаго посла, вѣстника съ мирными предложеніями; при чемъ, такъ обставить дѣло, что царь будетъ думать, что порученіе дано было до прибытія въ Парижъ ультиматума. Слѣдовательно, посолъ можетъ не знать объ этомъ документѣ; онъ можетъ совершенно устранить этотъ вызывающій раздоръ элементъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ дебатовъ, которые ему поручено будетъ вести. Такимъ образомъ, Наполеонъ избѣгнетъ необходимости дать отвѣтъ на властныя требованія Россіи—отвѣтъ безусловно отрицательный, который можетъ ускорить войну. Чтобы избавиться отъ обязанности разсердиться, онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слыхалъ.

По счастливой случайности, самый подходящій агентъ для того, чтобы произвести хорошее впечатлѣніе на Александра, уже былъ на полпути отъ Россіи. Незадолго до этого, чтобы наблюдать за выполненіемъ договора съ Пруссіей, Наполеонъ послалъ въ Берлинъ самаго блестящаго изъ своихъ флигель-адъютантовъ, графа Нарбонна. Среди лицъ, которыхъ онъ недавно привлекъ на свою службу изъ состава стараго двора, этотъ бывшій министръ Людовика XVI, вступившій въ 1810 г. въ свиту императора съ чиномъ генерала, былъ самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Живя въ самомъ тѣсномъ общеніи съ обществомъ восемнадцатаго столѣтія, Нарбоннъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ и порядочную лысину, сохранилъ утонченныя манеры и рыцарскую любезность того времени; онъ обладалъ тонкимъ, гибкимъ умомъ, чрезвычайно остроумнымъ и находчивымъ. Его быстрое движеніе по службѣ ввело его въ

курсъ государственныхъ дѣлъ, которыя онъ велъ изящно, увѣренно и тактично. По рожденію и призванію офицеръ, котораго случай выдвинулъ въ министры, онъ былъ и навсегда остался прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ. Это былъ типъ умнаго и образованнаго свѣтскаго человѣка, съ выработанными взглядами и понятіями, который превосходно умѣлъ красиво и поверхностно затрагивать вопросы, не углубляясь и не разбираясь въ нихъ. Никто лучше этого опытнаго царедворца, этого безукоризненнаго и умнаго барина, не могъ выполнить порученія, при которомъ веденіе переговоровъ было послѣднимъ дѣломъ, а главное, что требовалось—умѣть говорить и нравиться.

Нарбоннъ тотчасъ же получилъ приказаніе покинуть Берлинъ и отправиться въ Вильну. Не говоря ему напрямикъ, что его порученіе было только хитростью, въ его инструкціяхъ ясно давалось понять это. Ему предписывалось по пріѣздѣ въ Вильну приложить всѣ старанія, чтобы его, какъ можно дольше, оставили тамъ; ему приказано было зорко наблюдать за движеніями русскихъ войскъ и осторожно добывать военныя свѣдѣнія. Въ разговорахъ съ императоромъ Александромъ онъ долженъ постоянно говорить, что Наполеонъ желаетъ и надѣется придти къ полюбовному соглашенію, и вообще держаться только этихъ общихъ мѣстъ. Но, главнымъ образомъ, все его поведеніе и тонъ его рѣчей должны быть направлены на то, чтобы увѣрять въ добрыхъ чувствахъ, чтобы поселить хотя бы немного довѣрія и тѣмъ ослабить натянутое положеніе. Не позволяя себѣ пускаться въ дѣловыя обсужденія и не затрагивая слишкомъ близко вопросовъ, онъ долженъ расточать такого рода увѣренія, которыя бы на время нашихъ послѣднихъ передвиженій удержали Россію въ состояніи бездѣйствія и оцѣпенѣнія. Въ случаѣ необходимости, онъ долженъ чарующими фразами и усыпляющими словами успокаивать воинственный пылъ Александра и осторожно, не давая ему этого почувствовать, держать его въ состояніи наркоза.

Но, чтобы придать его порученію болѣе правдоподобный характеръ, герцогъ Бассано отправилъ ему пакетъ съ официальной нотой для передачи канцлеру Румянцеву [1]). Въ видѣ

---

[1]) Этотъ документъ и отправленная Нарбонну инструкція находятся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Russie, 154.

предисловія французскій министръ увѣдомлялъ, что императоръ намѣренъ предпринять рѣшительный шагъ по отношенію къ Англіи и еще разъ вызвать ее на переговоры. Дѣйствительно, наканунѣ новой войны на континентѣ, Наполеонъ думалъ, что такого рода платоническое воззваніе къ всеобщему миру произведетъ выгодное и грандіозное впечатлѣніе. Доводя до свѣдѣнія Россіи о своемъ поступкѣ, не доказывалъ ли онъ ей, что все еще считаетъ, что состоитъ въ союзѣ съ ней и что не нарушаетъ статьи тильзитскаго договора, по которой Россіи и Франціи, безъ обоюднаго согласія, воспрещается вступать въ переговоры съ Англіей. Далѣе въ министерской запискѣ энергично перечислялись наши обиды; но при этомъ настойчиво высказывалось мнѣніе, что исключительно отъ Россіи зависитъ мирно покончить споръ. Вся показная мысль записки сводилась къ слѣдующимъ словамъ: «Каково бы ни было положеніе вещей въ моментъ прибытія по назначенію этого письма, миръ будетъ зависѣть исключительно отъ рѣшеній русскаго кабинета».

Для вящшаго подтвержденія этихъ словъ, Наполеонъ написалъ царю письмо въ твердыхъ, но любезныхъ, выраженіяхъ и даже позаботился ввернуть въ него чувствительную нотку. Онъ писалъ, что не заблуждается относительно серьезности создавшагося положенія; но при этомъ увѣрялъ въ своемъ упорномъ желаніи мира, въ своей вѣрности воспоминаніямъ прошлаго и въ намѣреніи остаться другомъ Александра, даже тогда, когда, въ силу несчастно-сложившихся обстоятельствъ, онъ вынужденъ будетъ обходиться съ русскимъ императоромъ, какъ съ врагомъ. «Ваше Величество, говорилъ онъ, позволитъ мнѣ увѣрить васъ, что, если судьбѣ угодно будетъ сдѣлать войну между нами неизбѣжной, война нисколько не измѣнитъ тѣхъ чувствъ, которыя Ваше Величество внушили мнѣ и которыя останутся таковыми, независимо отъ всякихъ превратностей и перемѣнъ» [1]).

Письмо Александру и нота Румянцеву, написанныя въ Парижѣ 3 мая и тотчасъ же отосланныя Нарбонну, были умышленно помѣчены 25 апрѣля. Было вполнѣ допустимо, что въ это время текстъ, въ которомъ выражалась воля Россіи, не

[1]) Corresp., 18669.

прибылъ еще въ Сенъ-Клу. Такимъ образомъ, незнакомство съ ультиматумомъ становилось вполнѣ правдоподобнымъ, на чемъ и основывалъ императоръ свой маневръ.

II.

Отправка Нарбонна не устранила затрудненій, которыя создала для насъ Россія своимъ неожиданнымъ заявленіемъ. Пока генералъ домчится до Вильны, нужно было что-нибудь говорить Куракину, который стоялъ передъ нами съ ультиматумомъ въ рукахъ и ежеминутно требовалъ отвѣта. Но что?—Конечно, если порученіе Нарбонна будетъ имѣть успѣхъ, можно ожидать, что русское правительство умѣритъ усердіе своего представителя и прикажетъ ему быть менѣе настойчивымъ. Но какъ и чѣмъ внушить терпѣніе упорно требовавшему отвѣта Куракину до прибытія такихъ умѣряющихъ его усердіе инструкцій? Императоръ и министръ рѣшили прибѣгнуть къ отсрочкамъ и увертkамъ. Разсчитывая на слабость Куракина, на характеръ этого безобиднаго человѣка, они нашли возможнымъ безнаказанно злоупотреблять его простодушіемъ, рѣшили откладывать отвѣтъ подъ самыми неправдоподобными предлогами со дня-на-день, съ часу-на-часъ, и тотчасъ же начали подвергать несчастнаго старца цѣлому ряду мистификацій.

Въ разговорахъ съ нимъ герцогъ Бассано уже не такъ упорно отвергалъ первую статью ультиматума. Съ своей стороны императоръ сказалъ, что въ принципѣ не прочь эвакуировать Пруссію, лишь бы къ нему обратились съ этимъ требованіемъ въ формѣ, совмѣстимой съ его достоинствомъ и не затрагивающей его чести; лишь бы требованіе объ отступленіи его войскъ было ему предъявлено, какъ одно изъ слѣдствій соглашенія, а не какъ предварительное условіе. Куракинъ, не уступая по существу дѣла, согласился подыскать подходящія выраженія. Вотъ что онъ придумалъ. Тотчасъ же должно быть подписано предварительное соглашеніе, которое должно послужить основой для будущаго, окончательнаго соглашенія. По первой статьѣ этого соглашенія императоръ французовъ теперь же и въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ обязывался эвакуировать Пруссію и сократить гарнизонъ Данцига; слѣдующія статьи обязывали Россію начать переговоры по остальнымъ спорнымъ

вопросамъ. Такимъ образомъ, въ имѣющемся на-лицо проектѣ соглашенія между уступкой съ той и другой стороны будетъ установлено нѣчто въ родѣ соотношенія и равновѣсія, что можетъ смягчить нынѣ существующее несоотвѣтствіе. Герцогъ Бассано сдѣлалъ видъ, что одобряетъ эту мысль, и просилъ Куракина спокойно обдумать и подготовить цѣлый рядъ статей.

Считая, что мирное рѣшеніе, къ которому онъ стремился всей душой, почти-что уже въ рукахъ у него, Куракинъ тотчасъ же принимается за работу, беретъ въ руку перо и составляетъ наикрасивѣйшимъ своимъ слогомъ проектъ договора. Къ великому его удивленію проходитъ день, другой, третій, а онъ не можетъ дать хода своему образцовому произведенію. Когда онъ является къ министру, того никогда не бываетъ дома. Можно было подумать, что министръ забылъ о важномъ дѣлѣ и о существованіи посланника. Куракинъ собирался уже настоятельнымъ письмомъ напомнить ему о себѣ, какъ вдругъ, 2 мая утромъ, когда онъ прогуливался по саду и наслаждался свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, къ нему подошелъ министерскій чиновникъ, и передалъ ему, что Его Превосходительству доставитъ большое удовольствіе видѣть его. Ободренный этимъ приглашеніемъ, князь тотчасъ же отправился къ герцогу Бассано. Онъ спѣшно пріѣхалъ къ министру въ томъ видѣ, въ какомъ былъ дома, «въ сапогахъ, въ сюртукѣ и не причесанный», не желая терять времени на одѣванье усыпаннаго орденами и знаками отличій мундира. Подобный фактъ указывалъ на совершенно не свойственныя ему торопливость и жгучее любопытство.

Герцогъ принялъ его чрезвычайно любезно. Онъ сказалъ ему, что желалъ его видѣть, чтобы сообщить ему полученныя наканунѣ изъ Петербурга прекрасныя извѣстія. Вслѣдъ затѣмъ онъ прочелъ ему депешу, въ которой Лористонъ давалъ отчетъ о своихъ разговорахъ съ царемъ незадолго до отъѣзда царя въ Вильну. Въ доказательство, что время терпитъ и что до разрыва еще очень далеко, Бассано привелъ сердечныя и примирительныя слова русскаго монарха и воспользовался для уплаты по счету посланника русскаго государя той самой монетой, которую Александръ такъ щедро расточалъ нашимъ агентамъ. Особенно достойно вниманія,—замѣтилъ онъ,—что императоръ ни одного слова не сказалъ нашему представителю объ эвакуаціи

Пруссіи. — Что же тутъ удивительнаго, — отвѣтилъ Куракинъ: мой государь избралъ меня единственнымъ посредникомъ, единственнымъ путемъ этихъ окончательныхъ переговоровъ. И Куракинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ приглашенія къ дебатамъ, во время которыхъ онъ могъ бы представить свой проектъ договора, который всегда носилъ въ карманѣ. Къ его величайшему огорченію герцогъ кончилъ разговоръ, даже не намекнувъ на эту бумагу.

Прошло еще три дня; о договорѣ не было и рѣчи. Куракина, поколебленнаго въ его оптимизмѣ и въ дѣйствительности менѣе легковѣрнаго, чѣмъ о немъ думали, все болѣе охватывало безпокойство. Онъ сильно началъ сомнѣваться въ искренности французскаго правительства, въ особенности, въ настоящую минуту, когда онъ боялся, чтобы императоръ, уѣхавъ въ армію, не уклонился отъ всякихъ разговоровъ.

Отказавшись отъ спѣшной поѣздки, которая, въ виду настроенія Россіи, казалась ему ненужной, Наполеонъ остановился на планѣ поѣздки на Сѣверъ черезъ Германію на Дрезденъ, куда онъ хотѣлъ отвезти къ родителямъ Марію-Луизу и куда хотѣлъ пригласить на свиданіе высочайшихъ особъ. Эти дѣла требовали времени, такъ что, при его непремѣнномъ рѣшеніи пріѣхать на Вислу и начать кампанію въ іюнѣ, онъ не могъ продлить своего пребыванія въ Парижѣ долѣе начала мая. Его задерживало только одно соображеніе. Онъ не хотѣлъ первымъ выѣхать изъ своей столицы, и въ виду этого поджидалъ извѣстія объ отъѣздѣ императора Александра въ Вильну и о прибытіи его на окраины. Въ ожиданіи этого извѣстія въ замкѣ Сенъ-Клу дѣлались приготовленія къ продолжительному путешествію, и, несмотря на приказаніе соблюдать тайну, слухъ объ этихъ сборахъ началъ распространяться по городу.

По мѣрѣ того, какъ крѣпли слухи объ отъѣздѣ императора, Куракинъ волновался все болѣе, отлично сознавая, что ему необходимо добиться какого-нибудь отвѣта. Утромъ 6 мая, не будучи въ силахъ сдерживать себя, онъ отправляется въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ улицу дю-Бакъ. Его не принимаютъ. Въ половинѣ пятаго онъ вторично является въ отель, съ трудомъ поднимаетъ по лѣстницамъ и несетъ по заламъ свою грузную тушу, наконецъ, вламывается въ кабинетъ министра и застаетъ его врасплохъ.

На его просьбу ему опять даютъ любезный, но уклончивый отвѣтъ. Герцогъ признался, что не имѣетъ еще отъ императора ни инструкцій, ни полномочій, чтобы покончить съ переговорами. Но зачѣмъ, говорилъ онъ, принимать такъ близко къ сердцу это замедленіе, зачѣмъ такъ безпокоиться? «Не къ чему торопиться,—прибавилъ онъ безпечнымъ тономъ,—у насъ есть и время, и полная возможность придти къ соглашенію». Въ крайне мягкихъ выраженіяхъ онъ пошутилъ по поводу недостатка у посланника хладнокровія и старался успокоить его. Смущенный этимъ потокомъ нѣжныхъ и ласковыхъ словъ, Куракинъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ приготовилъ цѣлую тираду горячихъ упрековъ, а развѣ можно ссориться съ такимъ вѣжливымъ человѣкомъ. Однако, онъ кончилъ тѣмъ, что со всей энергіей, на какую только былъ способенъ, высказалъ, что невозмутимое спокойствіе министра повергаетъ его въ глубокое удивленіе. Развѣ тотъ не знаетъ о страшной опасности положенія? Французскія войска подвигаются впередъ; вскорѣ арміи будутъ стоять лицомъ къ лицу, и эта близость несомнѣнно породитъ войну, если ей не помѣшаютъ немедленнымъ соглашеніемъ. —Все это не такъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ герцогъ: «наши войска стоятъ еще на Вислѣ, ваши не перешли своихъ границъ.—Но вѣдь императоръ уѣзжаетъ.—Да, возможно, что отъѣздъ императора состоится вскорѣ; но время отъѣзда еще не назначено».

«Императоръ уѣдетъ, а вслѣдъ за нимъ покинете Парижъ и вы; сношенія между вами и мною будутъ прерваны. Скажите, каково же тогда будетъ мое положеніе въ Парижѣ, на какую же будущность буду я обреченъ?»—сказалъ Куракинъ, съ ужасомъ подхватившій признаніе министра, и на лицѣ его выразилась сердечная тоска.—«Вы все еще безпокоитесь, заговорилъ герцогъ Бассано. Ничто еще не рѣшено. Императоръ, вашъ повелитель, въ Петербургѣ, а его войска стоятъ позади границъ. Императоръ Наполеонъ въ Парижѣ, а его арміи не перешли Вислы. Время терпитъ, и можно будетъ сговориться».—«Но вотъ уже болѣе недѣли, какъ вы ждете приказаній императора. Я не могу оставаться въ подобной неизвѣстности относительно вашего отвѣта. Поставьте себя на мое мѣсто. Примите во вниманіе громадную отвѣтственность предъ императоромъ, моимъ государемъ, предъ моимъ отечествомъ, предъ просвѣщеннымъ и

безпристрастнымъ обществомъ всѣхъ странъ, которое обсуждаетъ политическія событія и поведеніе тѣхъ, которые играютъ въ нихъ роль. Я не могу удовольствоваться подобными проволочками и, въ особенности, когда намъ нужно предупредить столь близкую войну. Когда же вы увидите императора?

«—Завтра; до и послѣ совѣта министровъ у меня будетъ съ нимъ экстренная работа.

«—Въ которомъ часу вернетесь вы?

«—Не ранѣе восьми часовъ вечера.

«—Въ такомъ случаѣ, мнѣ не придется видѣть васъ завтра. Но надѣюсь видѣть васъ, по крайней мѣрѣ, послѣ завтра — въ четвергъ.

«—Нѣтъ, въ четвергъ не пріѣзжайте. У меня въ этотъ день будетъ съ императоромъ обычная работа, а затѣмъ спектакль въ Сенъ-Клу, на который будетъ приглашенъ дипломатическій корпусъ.

«—Значитъ, въ пятницу. Но надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, къ этому дню вы получите ваши инструкціи, и я, наконецъ, буду въ состояніи представить вамъ два мои проекта: о договорѣ и перемиріи, которые я каждый день беру съ собой и которые уже истрепались въ моемъ карманѣ... Дайте мнѣ на предложенныя мною статьи отвѣты—все равно какіе, лишь бы я могъ представить моему двору какой бы то ни было результатъ того сообщенія, которое я сдѣлалъ по этимъ статьямъ».

Обѣщаніе поговорить въ пятницу 9 мая, но безъ положительнаго обѣщанія дать отвѣтъ — вотъ все, чего могъ добиться Куракинъ.

Вернувшись домой послѣ этого безрезультатнаго разговора, посланникъ предался горькимъ размышленіямъ. Его послѣднія иллюзіи рухнули, когда онъ припомнилъ всѣ мытарства, черезъ которыя прошелъ въ теченіе пятнадцати дней. Его умъ сразу просвѣтлѣлъ. Недобросовѣстность французскаго кабинета была очевидна, ясна, осязаема. Онъ понялъ, что былъ жалкой игрушкой въ рукахъ людей, твердо рѣшившихся не переговоры вести, а только воспользоваться ими, чтобы скрыть свои планы нападенія и обманныя дѣянія.

Къ прискорбной увѣренности въ этомъ присоединялись и другія данныя, которыя окончательно доканали его. Съ нѣкоторыхъ поръ его жизнь въ Парижѣ была сплошнымъ униженіемъ.

Онъ не развязался еще съ хлопотами, причиненными ему интригами Чернышева и процессомъ его сообщниковъ. Это злополучное дѣло, независимо отъ его естественнаго эпилога, имѣло неожиданное продолженіе. 1 мая, на Гревской площади былъ воздвигнутъ эшафотъ. Привели Мишеля, и ножъ гильотины отрубилъ ему голову [1]). Одновременно съ Мишелемъ былъ подвергнутъ позорному наказанію и Сажé. Однако, это искупленіе не укротило гнѣва императорскаго правительства; этимъ дѣло не кончилось. Не только оба оправданные подсудимые, Салмонъ и Мозé, послѣ призрачнаго освобожденія, были, по распоряженію государственной полиціи, снова арестованы и посажены въ тюрьму, какъ государственные преступники, но и Вюстингера постигла та же участь, несмотря на то, что онъ числился служащимъ въ русскомъ посольствѣ. Послѣ судебнаго засѣданія, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ простого свидѣтеля, его освободили и вернули его господину. Куракинъ возликовалъ по поводу этого запоздалаго удовлетворенія; но при этомъ немного удивился, что Вюстингеръ былъ ему возвращенъ безъ слова извиненія, и что этотъ періодическій швейцаръ явился въ отель Θелюссонъ такъ неожиданно, «точно съ неба свалился» [2]). Во вниманіе къ Франціи Куракинъ собирался уже уволить его, какъ вдругъ полиція избавила его отъ этого труда. Спустя нѣсколько дней освобожденіе Вюстингера показалось несовмѣстимымъ съ существующими законами; онъ былъ схваченъ полиціей на улицѣ Бургонь и заключенъ подъ стражу, послѣ чего Куракинъ тщетно протестовалъ противъ вторичнаго произвола властей.

Сверхъ того, съ недавняго времени, по винѣ французскаго правительства, онъ испытывалъ затрудненія при выполненіи первѣйшихъ обязанностей своей должности. Его курьеры, т. е. отправка его донесеній, задерживались. Не подлежало сомнѣнію, что это было слѣдствіемъ предвзятаго рѣшенія изолировать его, подвергнуть блокадѣ, дабы онъ не могъ донести своему правительству объ истинномъ положеніи вещей и о предательскихъ продѣлкахъ Франціи. Наконецъ, у всѣхъ лицъ, причастныхъ ко двору, у всѣхъ посланниковъ союзныхъ императору государствъ

---

[1]) Journal de l'Empire, n⁰ du 2 mai 1812.

[2]) Записка отъ 6 мая. Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

онъ замѣчалъ болѣе чѣмъ двусмысленную манеру держать себя, какое-то желаніе прятаться отъ него, изъ всего дѣлать тайну. 30 апрѣля въ Сенъ-Клу онъ встрѣтился на обѣдѣ у герцога Фріульскаго съ княземъ Шварценбергомъ. За обѣдомъ австрійскій посланникъ наружно выказывалъ ему искреннее расположеніе, что объяснялось ихъ долголѣтней дружбой; никогда еще онъ не былъ къ нему такъ внимателенъ, такъ сердеченъ, и вотъ на слѣдующій день послѣ этихъ изліяній Куракинъ узнаетъ о внезапномъ отъѣздѣ Шварценберга, отправившагося, какъ намъ извѣстно, принять командованіе корпусомъ, который былъ назначенъ дѣйствовать противъ Россіи. Итакъ, всѣ сговорились водить его за носъ и издѣваться надъ нимъ. Значитъ, былъ приказъ сдѣлать его предметомъ забавы и недостойныхъ мистификацій. Тогда, подъ впечатлѣніемъ вполнѣ законнаго чувства обиды, подъ давленіемъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ жгучихъ оскорбленій, прорвалось доведенное до крайнихъ предѣловъ раздраженія самолюбіе бѣдняги, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его душу охватило болѣе возвышенное чувство—желаніе отомстить за своего, оскорбленнаго въ его лицѣ, государя. Гнѣвъ безхарактерныхъ людей часто выражается безразсудными поступками и не считается съ послѣдствіями. Такъ было и съ Куракинымъ. Гнѣвъ толкнулъ его на безразсудно-смѣлый шагъ. Малодушный старецъ превратился вдругъ въ воинственнаго громовержца. До сихъ поръ одна мысль о разрывѣ съ Наполеономъ приводила его въ трепетъ; теперь же онъ стремится натянуть отношенія до послѣдней возможности и ускорить разрывъ.

8 мая, наканунѣ дня, обѣщаннаго для разговора, не повидавшись еще съ герцогомъ Бассано, онъ посылаетъ ноту, способную вызвать немедленный пожаръ. Въ ней онъ заявляетъ, что всякая новая отсрочка вынудитъ его уѣхать изъ Парижа. Въ виду этого обстоятельства онъ требуетъ немедленной выдачи его паспортовъ [1]). По собственной иниціативѣ онъ рѣшается на самый важный шагъ, самый отвѣтственный изъ всей сферы дѣятельности посланника — шагъ, который непосредственно предшествуетъ войнѣ и равносиленъ объявленію войны. Внезапный, но вполнѣ объяснимый, припадокъ бѣшенства дѣ-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

лаетъ то, что убѣжденный противникъ войны самъ объявляетъ войну.

Эта внезапно взорвавшаяся бомба могла разстроить тайные разсчеты какъ французскаго, такъ и русскаго правительствъ. Тактика Александра состояла въ томъ, чтобы вызвать войну, не объявляя ее самому; чтобы вынудить своего противника подать первый сигналъ къ нападенію. Неожиданный шагъ Куракина, причины котораго остались бы недоступными пониманію широкой публики, грозилъ перемѣшать роли. Онъ могъ поставить царя въ затруднительное положеніе, и слѣдствіемъ его могло быть только неудовольствіе царя. Съ другой стороны, онъ подвергалъ опасности весь придуманный императоромъ французовъ планъ затяжекъ. Если Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы открыто отвергнуть ультиматумъ, хитрилъ съ Куракинымъ, то онъ дѣлалъ это съ единственной цѣлью оттянуть моментъ признанія требованій Россіи непріемлемыми и держать подъ сомнѣніемъ неизбѣжность конфликта. Къ несчастью, слишкомъ мало щадя достоинство и терпѣніе Куракина, подвергая его по-истинѣ невыносимому обхожденію, попали въ затруднительное положеніе, котораго такъ хотѣли избѣгнуть. Слишкомъ туго натянутая струна лопнула. Совсѣмъ не желая того, вызвали со стороны Куракина поступокъ, который былъ преждевременнымъ сигналомъ къ разрыву. Если Куракинъ уѣдетъ изъ Парижа, императоръ Александръ будетъ въ полномъ правѣ выпроводить Нарбонна, счесть себя въ положеніи воюющей стороны, двинуть впередъ свои войска и занять территорію между Нѣманомъ и Вислой.

Единственнымъ средствомъ отвратить опасность было успокоить, приласкать Куракина, доставить ему нравственное удовлетвореніе и заставить его взять обратно требованіе о выдачѣ паспортовъ. Какъ ни необходимо было сдѣлать это, Наполеонъ не могъ взять на себя этой задачи. Онъ только-что узналъ, что Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну. Рѣшеніе царя обусловило и его рѣшеніе. Онъ рѣшилъ пуститься въ путь, оставивъ въ Парижѣ министра иностранныхъ дѣлъ и давъ ему порученіе уговорить Куракина и заставить его одуматься.

5 мая онъ вмѣстѣ съ императрицей показался въ оперѣ. Это было его прощаніемъ съ парижанами, которымъ не суждено было болѣе видѣть его торжествующимъ и счастливымъ. 9-го

раннимъ утромъ состоялся отъѣздъ изъ Сенъ-Клу. Днемъ, вслѣдъ за Ихъ Величествами, шумно выѣхали изъ Парижа сотни, тысячи экипажей и заняли всѣ дороги. Въ теченіе нѣсколькихъ дней между Парижемъ и границей не прекращалось движеніе. Всѣ обычныя средства передвиженія, всѣ почтовыя лошади были забраны для казенныхъ надобностей. Населеніе было взволновано страшнымъ грохотомъ: то ѣхалъ императоръ съ блестящей свитой. Но императоръ желаетъ, чтобы думали, что его путешествіе предпринимается, во-первыхъ, ради соблюденія условныхъ приличій, а, во-вторыхъ, для объѣзда войскъ. 10 мая въ *Moniteur*'ѣ появилась слѣдующая, помѣченная 9 числомъ, замѣтка: «Императоръ отбылъ сегодня изъ Парижа для осмотра собранной на Вислѣ великой арміи. Ея Величество Императрица будетъ сопровождать Его Величество до Дрездена, гдѣ она надѣется имѣть счастье видѣть свою августѣйшую семью». Для всѣхъ Наполеонъ уѣзжалъ въ Дрезденъ и Варшаву, для посвященныхъ—въ Москву.

Условленный между Маре́ и Куракинымъ разговоръ состоялся 9-го, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда императора. По сланникъ явился на свиданіе съ сознаніемъ своей правоты, съ твердымъ рѣшеніемъ исполнить свой долгъ; но сердце его обливалось кровью при мысли о рѣшеніи, къ которому вынудила его забота о поддержаніи своего достоинства. Увидя герцога, онъ сказалъ: «Вы видите, до чего вы довели меня». И онъ напомнилъ о своей просьбѣ выдать ему паспорта.—«Какъ могли вы, прервалъ его министръ, такъ быстро принять рѣшеніе, которое возлагаетъ на васъ отвѣтственность за войну? Развѣ вы получили на этотъ предметъ приказанія императора, вашего повелителя?—Нѣтъ, я не могъ получить ихъ. Императоръ, мой повелитель, не могъ ни предвидѣть, ни предполагать того, что со мной случилось, а тѣмъ болѣе продолжавшуюся болѣе пятнадцати дней задержку вашего отвѣта на сообщенія, которыя мнѣ поручено было сдѣлать». Тогда герцогъ, то въ сердечныхъ, то въ суровыхъ выраженіяхъ, попытался убѣдить его; стыдилъ, старался втолковать ему страшное значеніе его поступка. Война возможна, говорилъ онъ, но не неизбѣжна; ему, какъ министру и довѣренному лицу императора, это извѣстно лучше другихъ. И вотъ въ моментъ, когда можно питать самыя серьезныя надежды на миръ, посланникъ Россіи беретъ на себя смѣлость однимъ росчеркомъ пера

разрушить ихъ. Подумалъ ли доселѣ столь благонамѣренный посланникъ о тяжести, которую беретъ на свою совѣсть, объ упрекахъ, которые въ правѣ будутъ сдѣлать ему его государь, его страна, Европа и все человѣчество?—Куракинъ обо всемъ этомъ уже подумалъ; онъ пережилъ все это. Тѣмъ не менѣе ужасное будущее, которое рисовалъ предъ нимъ его собесѣдникъ, и сознаніе принимаемой на себя отвѣтственности все сильнѣе сжимало ему грудь, удручало его душу. Страшное испытаніе истощило его силы. Лицо его побагровѣло, слезы подступили къ горлу, и онъ разразился рыданіями [1]).

Оставаясь безстрастнымъ свидѣтелемъ этого взрыва отчаянія, герцогъ готовился уже использовать его, когда Куракинъ страшнымъ усиліемъ воли поборолъ свое волненіе и взялъ себя въ руки. Онъ отказался взять обратно просьбу о выдачѣ паспортовъ, если Франція не нарушитъ оскорбительнаго молчанія. Онъ вкратцѣ повторилъ свои обиды, перечислилъ поводы къ жалобамъ, и приперъ герцога къ стѣнѣ, предложивъ ему на выборъ или дать отвѣтъ на его ноты, или позволить ему уѣхать.

Несмотря на очевидную трудность выйти изъ тѣснаго круга, въ какой попалъ французскій министръ, онъ нашелъ для этого средство, отыскалъ лазейку. Онъ сдѣлалъ видъ, что готовъ приступить къ обсужденію соглашенія. Только, прежде чѣмъ отвѣтить по существу дѣла, онъ возбудилъ одно чисто-формальное затрудненіе и поставилъ предварительный вопросъ. Вы предлагаете, сказалъ онъ Куракину, подписать соглашеніе на предложенныхъ Россіей основахъ. Хорошо; императоръ вовсе не отказывается отъ этого. Приступимъ же къ дѣлу, обсудимъ его по существу; но, прежде всего, чтобы дѣло было сдѣлано хорошо и имѣло законную силу, выполнимъ формальности, которыя требуются въ подобныхъ случаяхъ правилами дипломатическихъ сношеній. Первая и главная формальность при вступленіи двухъ лицъ въ переговоры заключается въ представленіи полномочій, какъ той, такъ и другой стороной. Есть ли у васъ спеціальный, надлежащимъ порядкомъ оформленный документъ, уполномочивающій васъ заключить и подписать соглашеніе? Если да—благоволите предъявить и сообщить мнѣ эти полномочія.

---

[1]) Письмо герцога Бассано императору отъ 10 мая. Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

Куракинъ долженъ былъ сознаться, что у него таковыхъ не имѣется. Герцогъ догадывался объ этомъ и умышленно напалъ врасплохъ на своего противника. Русскій дворъ былъ такъ далекъ отъ мысли о серьезныхъ переговорахъ, такъ мало имѣлъ надежды на принятіе его требованій, что не позаботился послать своему представителю необходимыя полномочія для составленія акта, которымъ удостовѣряется соглашеніе и придается ему законная сила. Онъ ограничился только извѣщеніемъ, что, въ случаѣ надобности, пришлетъ ему таковыя. Уловка французскаго правительства была хорошо придумана и выводила его изъ затруднительнаго положенія. Его упрекали въ недостаткѣ искренности. Оно отразило этотъ упрекъ, вынудивъ Куракина усмотрѣть недостатокъ чистосердечія или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ серьезнаго отношенія къ дѣлу у своего собственнаго кабинета.

Правда, Куракинъ могъ отвѣтить—что онъ и сдѣлалъ тотчасъ же, какъ только пришелъ въ себя отъ изумленія, въ какое повергъ его этотъ неожиданный оборотъ дѣла—что, въ качествѣ посланника, онъ безусловно имѣлъ право принять и удостовѣрить согласіе Франціи на предложенныя основы; что, хотя онъ и не былъ облеченъ необходимыми полномочіями для подписи формальнаго договора, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ право составить и препроводить его своему правительству. Несмотря ни на что, онъ вѣрилъ въ чистосердечіе своего правительства, судилъ о другихъ по себѣ, и не сомнѣвался въ одобреніи своего государя, даже ручался за него. Всегда искренній, трогавшій своею рыцарской честностью, онъ съ настойчивостью глубоко-убѣжденнаго человѣка умолялъ и заклиналъ герцога не останавливаться передъ ничего не стоющими дипломатическими тонкостями, отказаться отъ опасныхъ придирокъ. «Такъ какъ еще есть время, говорилъ онъ, не будемъ терять ни одной минуты; приступимъ искренно къ переговорамъ по существу дѣла; составимъ проектъ договора, и я подпишу его, сохраняя за моимъ повелителемъ право утвержденія, которое навѣрное будетъ дано. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы окажемъ добрую услугу нашимъ государямъ и нашимъ странамъ.—Нѣтъ, отвѣтилъ герцогъ, наши роли не будутъ одинаковы. У меня имѣются полномочія, у васъ ихъ нѣтъ. Болѣе года мы просили, чтобы вамъ ихъ дали. Какъ же хотите вы, чтобы я велъ переговоры съ вами, прежде чѣмъ вы получите полномочія? Я не могу согласиться на такой способъ дѣйствій». И пре-

слѣдуя цѣль поддержать прежнее неопредѣленное положеніе, онъ возлагалъ на Россію отвѣтственность за проволочки, на которыя жаловался посланникъ, и не признавалъ за нимъ ни права считать себя оскорбленнымъ, ни права требовать свои паспорта.

Эти препирательства заняли весь день 10 мая. Вечеромъ, потерявъ надежду на возможность побороть преднамѣренную безсовѣстность и вернувшись къ мысли покончить все разомъ, Куракинъ далъ себѣ слово на другой день опять отправиться къ министру, окончательно порвать сношенія и вытребовать свои паспорта. Ночь прошла, но рѣшеніе его не измѣнилось. Утромъ Куракинъ уже собрался въ послѣдній разъ поѣхать въ отель въ улицѣ дю-Бакъ, какъ вдругъ, изъ полученной отъ министра несвязной записки, узналъ, что тотъ покинулъ Парижъ и ночью уѣхалъ вслѣдъ за императоромъ. Послѣ отказа отъ переговоровъ, что давало герцогу возможность уклониться отъ отвѣта на ультиматумъ и отъ выдачи паспортовъ, тотъ нашелъ, что всего удобнѣе уѣхать и такимъ образомъ избавиться отъ новыхъ требованій. Теперь онъ былъ на пути къ мѣсту, которое было въ разстояніи двухсотъ льё отъ посланника. Разстроенный, упавшій духомъ Куракинъ очутился предъ пустымъ мѣстомъ, съ сознаніемъ, что его опять-таки одурачили и лишили возможности отомстить придуманнымъ имъ громкимъ способомъ, ибо отъѣздъ министра давалъ императору возможность держать его до безконечности въ ожиданіи отпуска и необходимыхъ средствъ къ отъѣзду. Теперь онъ убѣдился, что осужденъ на пребываніе въ Парижѣ, что пригвожденъ къ своему посту и что, вопреки своему желанію, остается посланникомъ. Онъ рѣшилъ скрыть и свое горе, и свое униженіе на дачѣ, которую нанялъ на лѣто. Вмѣсто отъѣзда въ Россію, онъ уѣхалъ въ деревню. Онъ поселился на дачѣ въ Куасленъ, близъ Сенъ-Клу. Изъ оконъ его дачи видна была императорская резиденція, гдѣ такъ недавно его осыпали отличіями и почестями, и глубокое уныніе нападало на него, когда онъ сравнивалъ свое блестящее прошлое съ настоящимъ безвыходнымъ положеніемъ [1]).

Итакъ, послѣ многихъ пертурбацій, Наполеонъ приблизился къ желанной цѣли. Онъ оттянулъ развязку кризиса, не

---

[1]) См. въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ частныя письма Куракина герцогу Бассано.

прибѣгая къ средствамъ видоизмѣнить его. Онъ задержалъ ходъ событій, сохранивъ за собой возможность дать имъ свободу въ подходящее для него время. Задержавъ Куракина въ Парижѣ, онъ спасъ внѣшній обликъ мира, и создалъ благопріятныя условія для временного успокоенія, достигнуть котораго надѣялся посылкой Нарбонна въ Россію. Стараясь завязать въ Россіи нить переговоровъ, онъ принялъ мѣры, чтобы эта нить не лопнула въ Парижѣ. Онъ устранилъ возможность грубаго и рѣзкаго разрыва у себя за спиной на то время, когда будетъ присутствовать въ Дрезденѣ на торжественныхъ собраніяхъ, когда будетъ принимать почести и выслушивать клятвенныя обѣщанія королей, и, разсчитывая каждый шагъ, приближаться къ границамъ Россіи. Для достиженія этого результата, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ: коварство, лесть, насиліе, деспотизмъ и верхъ двуличія—всѣ средства были для него хороши. Никогда еще сложная игра дипломатіи, ея извороты и мельчайшіе пріемы хитрости не сплетались болѣе причудливо съ планами грандіозной, необузданной политики, взявшей еще разъ на себя задачу перевернуть вверхъ дномъ Европу и въ заранѣе назначенный день передѣлать ея карту.

ГЛАВА XII.

ДРЕЗДЕНЪ.

На пути по Германіи.—Прибытіе въ Дрезденъ.—Какъ устроился императоръ.—Картина саксонскаго двора.—Съѣздъ коронованныхъ особъ.—Королева Вестфальская.—Пріѣздъ императора и императрицы Австрійскихъ.—Мачеха и падчерица.—Торжество 19 апрѣля.—Видъ Дрездена во время конгресса.—Жизнь по-семейному.—Императоръ принимается за работу.—Письмо Куракина, въ которомъ тотъ снова требуетъ свои паспорта.—Послѣдняя увертка.—Лористону посылается приказъ: отправиться въ Вильну и поддерживать въ царѣ ложную надежду на миръ.—Какъ проходитъ день высочайшихъ особъ въ Дрезденѣ.—Утренній пріемъ у императора.—Туалетъ императрицы.—Послѣ полудня.—Вкусы и занятія императора Франца.—Обѣдъ.—Наполеоновскій церемоніалъ.—Наполеонъ и Людовикъ XVI.—Вечеръ.—Государи за игорнымъ столомъ и кругъ придворныхъ.—Ревность австрійскихъ дамъ.—Госпожа Зенфтъ.—Герцогъ Бассано.—Коленкуръ.—Обходъ императора.—Его разговоры съ императоромъ Францемъ.—Ухаживанья за австрійской императрицей.—Ему не удается заслужить ея благосклонность.—Кажущаяся интимность.—Присутствіе дворовъ на спектаклѣ.—Партеръ королей.—Сравненіе Наполеона съ солнцемъ.—Прусскій король.—К р о н п р и н ц ъ.—Установленная между государями іерархія.—Состязаніе въ подлости.—Апогей императорскаго могущества.—Безпримѣрное въ исторіи зрѣлище.—Наполеонъ больше показывается народу; прогулка верхомъ по окрестностямъ Дрездена.—Посѣщеніе храма Божіей Матери.—Императоръ Александръ въ католической церкви въ Литвѣ.—Молитва передъ посвященіемъ.—Возвращеніе Нарбонна; онъ даетъ отчетъ о своей миссіи.—Наступленіе весны; близость благопріятнаго для военныхъ дѣйствій времени года.—Послѣднее обращеніе къ Швеціи и Турціи.—Наполеонъ рѣшаетъ поднять Польшу.—Онъ думаетъ отправить посломъ въ Варшаву Талейрана; какія причины побуждаютъ его остановить на немъ свой выборъ; непредвидѣнныя обстоятельства, заставляющія отказаться отъ этого выбора.—Новая опала Талейрана.—Аббатъ Прадтъ.—Неудачный выборъ.—Какіе предметы поручаются усердію посланника.—Наполеонъ старается выиграть еще нѣсколько дней.—Отъѣздъ изъ Дрездена.—Разъѣздъ высочайшихъ особъ.—Неожиданныя предложенія Бернадота; причина и характеръ этой перемѣны.—Недобросовѣстность наслѣднаго принца.—Онъ старается устроить соглашеніе между Россіей и Портой.—Конгрессъ въ Бухарестѣ и Бухарестскій договоръ.—Миръ безъ союза.—Адмиралъ Чичаговъ.—Проектъ грандіозной восточной диверсіи.—

Александръ надѣется поднять славянъ и двинуть ихъ на Иллирію и французскую Италію.—Идея о національностяхъ обращается во вредъ Франціи.—Полуизмѣна Австріи.—Двуличіе Пруссіи и второстепенныхъ дворовъ Германіи.—Вся Европа лжетъ Наполеону.—Предупрежденія Жерома, Даву и Раппа.—Предсказанія Семонвилля.—Среди высшихъ чиновъ Франціи—вялость и тревожное настроеніе; довѣріе низшихъ классовъ беззавѣтно и непоколебимо.—Письмо солдата.—Армія думаетъ, что идетъ въ Индію.

I.

Для поѣздки въ Дрезденъ императоръ съ императрицей избрали путь на Шалонъ и Мецъ. Въ Майнцѣ они переправились черезъ Рейнъ, затѣмъ, свернувъ немного къ югу, проѣхали мимо границъ Вюртемберга и Баваріи. На всемъ пути ихъ слѣдованія Германія выставила рядъ принцевъ, склонявшихся предъ ними въ почтительно-благоговѣйныхъ позахъ. Въ Майнцѣ ихъ ждали принцы Ангальтскій и Гессенъ-Дармштадскій; въ Вюрцбургѣ встрѣтили вюртембергскій король и великій герцогъ Баденскій; имъ удѣлили нѣсколько минутъ бесѣды. Въ Бамбергѣ, пока перепрягали лошадей, Ихъ Величествамъ засвидѣтельствовали свое почтеніе баварскіе герцоги Вильгельмъ и Пій. Наполеонъ путешествовалъ съ пышностью и великолѣпіемъ азіатскаго владыки. Чуть не все окрестное населеніе было привлечено къ дѣлу починки и равненія дорогъ, по которымъ онъ долженъ былъ прослѣдовать. Ночью вдоль дороги раскладывались костры, которые зажигались при приближеніи императорскаго поѣзда, и, подобно зареву пожара, освѣщали ему путь.

Въ виду того, что продолжительность остановокъ зависѣла отъ здоровья и воли императрицы, день прибытія въ Дрезденъ не могъ быть строго опредѣленъ. Эта неизвѣстность страшно волновала короля и королеву Саксонскихъ, боявшихся, что вдругъ гость пріѣдетъ, а они не успѣютъ во-время выѣхать ему навстрѣчу. 15 мая они рѣшили переѣхать въ расположенный въ восьми льё отъ Дрездена маленькій городокъ Фрейбергъ [1]). Когда наступилъ вечеръ, король не хотѣлъ ложиться спать. Чтобы онъ согласился немного отдохнуть, потребовалось, чтобы его министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Зенфтъ, провелъ ночь на стулѣ у дверей его комнаты въ качествѣ караульнаго, гото-

[1]) Французскій посланникъ въ Дрезденѣ Серра Маре́, 15 мая 1812 г.

ваго предупредить его при первомъ же сигналѣ [1]). Однако, ночь и слѣдующее утро прошли спокойно. Только послѣ полудня было получено извѣщеніе о приближеніи императорскихъ экипажей, которые почти тотчасъ же и прибыли. Послѣ быстраго обмѣна привѣтствіями, оба двора слились въ одну группу. Французы и саксонцы, размѣстившись въ прибывшихъ экипажахъ, пустились въ путь, и въѣздъ въ Дрезденъ состоялся въ тотъ же вечеръ при свѣтѣ факеловъ, колокольномъ звонѣ и грохотѣ пушечныхъ залповъ, на которые эхо окрестныхъ горъ отвѣчало безконечными раскатами.

Императоръ былъ отвезенъ въ королевскій замокъ—въ Резиденцію—какъ говорятъ нѣмцы. Въ замкѣ для поздравленія императора съ благополучнымъ прибытіемъ собрались всѣ принцы саксонской семьи. По парадной лѣстницѣ была разставлена шпалерами вооруженная алебардами швейцарская гвардія, въ треуголкахъ съ бѣлыми перьями, въ парикахъ на три заплетки, въ костюмахъ изъ желтой и фіолетовой тафты. Эта щеголеватая, но далеко не военная, форма одежды вызвала улыбку у нашихъ молодыхъ офицеровъ, которые находили, что гвардія Его Саксонскаго Величества выглядитъ «скоморохами» [2]). Сквозь эти декораціи императора провели въ назначенные ему покои, самые красивые и самые большіе во дворцѣ—тѣ покои, которые нѣкогда занималъ и украсилъ извѣстный своей любовью къ роскоши, король-избиратель, Августъ II.

На слѣдующій день, по случаю пріѣзда императора, торжественно, съ пѣніемъ *Te Deum*, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ императору представлялись чины двора и дипломатическій корпусъ. Русскій посланникъ Каниковъ явился вмѣстѣ со своими коллегами. Императоръ принялъ его милостиво и даже постарался выдѣлить его изъ среды его коллегъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ усмотрѣли въ этомъ симптомъ мира; другіе же, болѣе проницательные, говорили, что, готовясь къ нападенію, завоеватель прячетъ свои когти и «показываетъ бархатную лапку» [3]).

---

[1]) Mémoires du comte de Senft-Pilsach, саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ, стр. 106.

[2]) Journal du maréchal de Castellane, I, 92.

[3]) О подробностяхъ этихъ дней въ Дрезденѣ мы имѣли возможность ознакомиться по неизданному журналу саксонскаго оберъ-гофмейстера. Этотъ журналъ любезно былъ доставленъ намъ Г. Фредерикомъ Массономъ.

Въ тотъ же день императоръ вторично свидѣлся съ своими саксонскими хозяевами и могъ ближе наблюдать ихъ. Онъ нашелъ, что король все тотъ же, какимъ онъ его зналъ въ 1807 г. въ Дрезденѣ и въ 1809 г. въ Парижѣ, т. е. безгранично послушенъ и крайне предупредителенъ. Тотчасъ же между ними воскресла и еще болѣе окрѣпла ихъ старая дружба. По-правдѣ говоря, трудно было найти что-нибудь общее въ характерахъ свирѣпаго императора и принимавшаго его въ Дрезденѣ миролюбиваго монарха. Держась отечески, но съ достоинствомъ, милостиво, но безъ фамильярности, Фридрихъ-Августъ снискалъ себѣ уваженіе и любовь своего народа. Не ища иной славы, онъ удовольствовался бы мирнымъ царствованіемъ надъ своими послушными подданными. Онъ охотно взвалилъ бы всю тяжесть дѣлъ на своего любимца, кроткаго, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, графа Марколини. Онъ почелъ бы за счастье спокойно предаваться исполненію мельчайшихъ обрядностей строгаго благочестія, разнообразя ихъ время отъ времени идиллическими и деревенскими развлеченіями [1]). Но онъ былъ убѣжденъ, что безопасность и будущее его государства зависятъ отъ тѣснаго единенія съ повелителемъ Германіи. Поэтому онъ избралъ его своимъ вдохновителемъ, своею путеводной звѣздой, и, не задавая ему вопросовъ, не стараясь проникнуть въ его планы, съ молчаливымъ благоговѣніемъ слѣдовалъ во всемъ его указаніямъ.

Королева, не обладавшая красивой внѣшностью, пользовавшаяся двусмысленной репутаціей, помогала своему супругу въ устройствѣ пріемовъ, баловъ, не внося въ нихъ лично никакого оживленія. Принцы, братья короля, всецѣло преданные своей семьѣ, исполненію обрядовъ благочестія, своимъ садамъ, были образцомъ обывательскихъ добродѣтелей; но не имѣли ни одного изъ качествъ, какія требовались ихъ высокимъ положеніемъ. Наполеонъ съ перваго же взгляда рѣшилъ, что на нихъ не стоитъ обращать вниманія. Онъ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ имъ, такъ сказать, смотръ, и задалъ нѣсколько вопросовъ,

---

[1]) Во время одного путешествія онъ писалъ Марколини: „Съ утра до вечера я наслаждался пѣніемъ соловьевъ. Они всюду, даже въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ. Имъ было бы гораздо лучше въ моемъ Пильницкомъ саду, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, намъ никогда не удавалось развести ихъ“. Французскій посланникъ въ Саксоніи Бургуэнь Маре́, 8 мая 1811 г.

чтобы составить понятіе о степени ихъ военнаго образованія [1]). Что же касается прочихъ членовъ двора, онъ нашелъ, что всѣ они робко восторгаются имъ, и стараются, насколько позволяютъ имъ ихъ довольно ограниченныя средства, получше принять его. Глубоко и искренно привязанные къ традиціямъ прошлаго, духъ, обычаи и тонкости обращенія котораго они свято блюли, саксонцы, тѣмъ не менѣе, уступили требованіямъ минуты. Не питая нѣжныхъ чувствъ къ знаменитому выскочкѣ, они отдались на его волю, и, съ нѣкоторымъ страхомъ, позволили ему втянуть себя въ нарушавшій ихъ спокойныя привычки круговоротъ дѣлъ и удовольствій. Нигдѣ Наполеонъ не могъ выдѣлиться въ такой степени своимъ необычайнымъ геніемъ, яркимъ блескомъ своего ума и рѣчи; нигдѣ не могъ поразить въ такой степени роскошью и блескомъ новыхъ модъ, какъ въ этомъ обветшаломъ обществѣ, съ его выцвѣтшими тонами, съ еле-видными поблекшими оттѣнками.

Онъ принялъ гостепріимство саксонской королевской четы; но пожелалъ жить своимъ домомъ и держать открытый столъ,—словомъ, быть въ ихъ дворцѣ полнымъ хозяиномъ. Онъ привезъ съ собой цѣликомъ весь свой дворъ—высшихъ чиновъ своей свиты, военный конвой и полный придворный штатъ: камергеровъ, шталмейстеровъ, пажей, дворцоваго коменданта, и, кромѣ того, лицъ, обыкновенно сопровождавшихъ императрицу въ высокоторжественные дни—оберъ-гофмейстерину, оберъ-камергера, оберъ-шталмейстера, завѣдующаго личными дѣлами императрицы, трехъ камергеровъ, трехъ шталмейстеровъ, трехъ придворныхъ дамъ. Въ его свитѣ находились люди съ самыми знаменитыми фамиліями старой и новой Франціи: рядомъ съ Монтебелло были Тюреннь, Ноёль, Монтескьё. Взявъ съ собой огромное количество служащихъ, цѣлый штатъ лакеевъ и поваровъ, императоръ приказалъ перевезти въ Дрезденъ свое серебро, великолѣпный ларецъ императрицы, драгоцѣнности короны—словомъ, все, что внѣшне могло возвысить и украсить высокое положеніе. Въ своемъ новомъ мѣстопребываніи онъ хотѣлъ сдѣлаться блестящимъ центромъ, на который были бы устремлены всѣ взоры, сосредоточено всеобщее вниманіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самъ хотѣлъ воздать почетъ иностраннымъ высочайшимъ особамъ, которыя толпою съѣхались, по его приглашенію, въ Дрезденъ.

---

[1]) Mémoires de Senft, 172.

Вслѣдъ за пріѣздомъ императора начался нескончаемый съѣздъ принцевъ Рейнской Конфедераціи. 17-го утромъ пріѣхали принцы Веймарскій, Кобургскій, Мекленбургскій, великій герцогъ Вюрцбургскій—примасъ Конфедераціи. Подъ-вечеръ саксонскій дворъ встрѣчалъ королеву Екатерину Вестфальскую, пріѣхавшую по особому приглашенію императора. Наполеонъ чувствовалъ особую любовь къ прелестной, жизнерадостной принцессѣ, такъ беззавѣтно любившей своего мужа и составлявшей своею непосредственностью и искренностью своихъ чувствъ счастливое исключеніе въ чопорной средѣ дворовъ. Вниманіе, оказанное ей этимъ приглашеніемъ, бросалось въ глаза тѣмъ болѣе, что императоръ позаботился устранить изъ числа приглашенныхъ другихъ членовъ своей семьи.

За нѣсколько дней до пріѣзда императора проѣхалъ черезъ Дрезденъ Евгеній, который успѣлъ только заглянуть въ столицу Саксоніи и произвести хорошее впечатлѣніе. Онъ получилъ приказаніе, какъ можно скорѣе, нагнать свои войска. Жеромъ не получилъ разрѣшенія отлучиться изъ свой главной квартиры. Для Мюрата запрещеніе было еще опредѣленнѣе и чувствительнѣе. Невзирая на то, что неаполитанскій король, на пути изъ Италіи въ Польшу, естественно долженъ былъ проѣхать черезъ Саксонію, императоръ предписалъ ему ѣхать прямо на Данцигъ, минуя саксонскую столицу. По его словамъ, онъ сдѣлалъ это изъ вниманія къ своему тестю. Онъ сказалъ, что австрійскій императоръ не перестаетъ оплакивать свои итальянскія владѣнія. Видъ принца, водворившагося съ помощью нашего оружія въ Италіи, можетъ оскорбить его взоры. Зачѣмъ портить ему радость свиданія съ дочерью?—Въ дѣйствительности же, причина устраненія Мюрата была совершенно иная, и, въ минуты откровенности, Наполеонъ не нашелъ нужнымъ скрывать ее отъ своихъ приближенныхъ. Хорошо зная Мюрата, онъ считалъ опаснымъ допускать близость отношеній между этимъ, недавно испеченнымъ, королемъ и государями древняго рода, и въ особенности съ австрійскимъ домомъ. «Нѣсколько любезныхъ словъ, сказанныхъ ему императоромъ Францемъ, вскружатъ ему голову» [1]), сказалъ онъ. Наполеонъ думалъ, что тщеславный Мюратъ потеряетъ голову отъ возможной предупредительности австрійскаго импе-

---

[1]) Неизданные документы.

ратора; что польщенный лестнымъ вниманіемъ, которое, быть можетъ, окажетъ ему потомокъ сорока двухъ императоровъ, онъ со свойственной ему невоздержанностью на языкъ, пустится въ нежелательныя откровенности и выскажетъ такія вещи, которыя наложатъ на него извѣстныя обязательства; что такимъ путемъ, можетъ быть, создастся между Австріей, стремившейся въ глубинѣ души вернуть себѣ Италію, и Мюратомъ, мечтавшимъ о независимомъ положеніи, подозрительная дружба, а этому-то императоръ и хотѣлъ помѣшать. Одинаково не довѣряя ни государямъ, которыхъ самъ возвелъ на тронъ, ни государямъ, которымъ предоставилъ царствовать, онъ не считалъ удобнымъ допускать, чтобы между тѣми и другими устанавливались слишкомъ близкія отношенія.

Императоръ и императрица Австрійскіе прибыли 19-го пополудни и были приняты съ тѣми же почестями, какъ и Наполеонъ, съ той только разницей, что саксонская королевская чета не выѣхала имъ навстрѣчу. Пріѣхавъ во дворецъ, они только-что собрались отправиться въ визитомъ къ императору французовъ, когда тотъ, предупредивъ ихъ, приказалъ доложить о себѣ. Нѣсколько минутъ спустя онъ прибылъ съ Маріей-Луизой, въ сопровожденіи всей своей свиты, и оба двора очутились другъ передъ другомъ.

Первое свиданіе прошло церемонно и натянуто. Застѣнчивый, неловкій, сознававшій свое подчиненное положеніе, Францъ I-ый былъ крайне сдержанъ, и растрогался только тогда, когда въ его объятія бросилась та, которую онъ называлъ «своей дорогой Луизой». Здоровье, счастье, свѣтившіяся въ ея глазахъ и отражавшіяся на ея лицѣ, не только не доставили удовольствія, но удивили австрійскую императрицу. Она приготовилась уже оплакивать судьбу своей бѣдной падчерицы, выданной замужъ за ненавистнаго деспота, и, не видя повода жалѣть ее, почувствовала разочарованіе. Что же касается Наполеона, онъ тоже былъ разочарованъ, увидавъ, что никто изъ близкихъ родственниковъ австрійской императорской четы не пріѣхалъ съ ними. Ему было бы пріятно ходить во время пребыванія въ Саксоніи со свитой эрцгерцоговъ. Онъ далъ знать въ Вѣну, что Марія-Луиза была бы рада свидѣться съ своими братьями, и выразилъ сожалѣніе, что не позаботились заранѣе объ исполненіи ея желанія. Въ особенности онъ былъ удивленъ, что не видитъ наслѣднаго принца, эрцгер-

цога Фердинанда, и, когда его мачеха, извиняясь, что не привезла его, сослалась на шестнадцатилѣтній возрастъ молодого принца, на его юношескую робость и застѣнчивость, на его нелюбовь къ свѣту, императоръ съ живостью сказалъ: «Вамъ стоитъ только отдать его мнѣ на одинъ годъ, и вы увидите, какъ я его вышколю» [1]).

Вечеромъ, въ видѣ исключенія, состоялся парадный обѣдъ у саксонскаго короля. На этотъ разъ Наполеонъ предоставилъ своимъ хозяевамъ удовольствіе угощать и чествовать высочайшихъ особъ. Послѣ обѣда, за которымъ прислуживали высшіе чины королевства, высокое общество перешло въ покои королевы, и, столпившись тамъ у выходившихъ на Эльбу оконъ, любовалось видомъ иллюминованнаго Дрездена. Построенные на эспланадѣ передъ дворцомъ арки и египетскіе порталы были залиты огнями иллюминаціи, тянувшимися вдаль по примыкавшему къ эспланадѣ красивому мосту огненной аллеей. Дальше по рѣкѣ—сооруженный на это время плотъ представлялъ не менѣе блестящую декорацію, отражавшуюся въ водѣ и бросавшую на ея поверхность вторую линію огней съ расплывчатымъ и мягкимъ блескомъ. На набережныхъ и на террасахъ тѣснилась толпа, наслаждавшаяся этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, и со всѣхъ сторонъ города, гдѣ иллюминованныя улицы обозначались свѣтящимися бороздами, доносился гулъ веселящагося народа [2]).

Съ пріѣздомъ высочайшихъ особъ прелестная столица Саксоніи стала неузнаваема. Въ обыкновенное время въ ней царили миръ и тишина. На улицахъ, откуда открывался видъ на горы и свѣжую зелень лѣсовъ, было мало народу и полное отсутствіе экипажей. Изрѣдка показывались носилки, въ которыхъ можно было разглядѣть городскихъ дамъ, напудренныхъ и одѣтыхъ по старинной модѣ. По воскреснымъ днямъ, для оживленія пустынныхъ улицъ, по городу ходили хоры школьниковъ въ короткихъ плащахъ и пѣли духовныя кантаты [3]). Въ этомъ щедро-надѣленномъ природой уголкѣ свѣта, украшенномъ искусствомъ и почти пощаженномъ войной, жизнь протекала вяло, въ бездѣятельности; нравы отстали на цѣлый вѣкъ. Впрочемъ, въ этомъ

---

[1]) Бюллетень, переданный секретаремъ посольства Ла-Бланшъ изъ Вѣны 3 іюля. Всѣ новости о свиданіи доходили до Вѣны.

[2]) Gasette universelle d'Augsbourg, 29 mai. Journal de l'Empire, 2 juin.

[3]) Journal de Castellane, I, 95.

году Дрезденъ пережилъ своего рода революцію: въ парадныхъ туалетахъ дамъ придворная мантія была замѣнена фижмами [1]). За исключеніемъ этого, можно было думать, что живешь пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Вся обстановка, начиная со стариннаго стиля памятниковъ, съ ихъ устарѣвшими, но изящными формами, съ волнообразной кривизной линій, съ изобиліемъ эмалевыхъ украшеній на фасадахъ, дополняла иллюзію. И вотъ этотъ-то городъ и выбралъ Наполеонъ, чтобы, наводнивъ его созванными со всей Европы иностранцами разныхъ званій и положеній, заливъ его блескомъ небывалаго великолѣпія, дать въ немъ одно изъ тѣхъ величественныхъ зрѣлищъ, которыя онъ умѣлъ устраивать съ такимъ совершенствомъ.

Правда, въ городѣ было мало войскъ. Наши колонны проходили мимо Дрездена, не заходя въ него. Императоръ избавилъ городъ отъ тяготъ, связанныхъ съ проходомъ черезчуръ многочисленныхъ войскъ. Только нѣсколько отрядовъ гвардіи, въ блестящихъ парадныхъ формахъ, съ побѣдоноснымъ видомъ прогуливались по улицамъ и братались съ красивыми саксонскими гренадерами въ красныхъ мундирахъ съ желтыми лацканами. Но и безъ войскъ въ городѣ было много шуму. Всѣ эти несущіеся по мостовой, привозившіе знатныхъ особъ почтовые экипажи, подъѣзжающія и отъѣзжающія золоченыя парадныя кареты съ визитерами, обиліе и роскошь экипажей, костюмовъ, ливрей,—все это вносило шумъ, суматоху и ослѣпляло взоры. Непрерывно пріѣзжали лица съ громкими именами: сперва графъ Меттернихъ, обогнавшій своего государя; затѣмъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла Пруссіи, явился князь Гатцфельдтъ съ просьбой о разрѣшеніи своему королю пріѣхать; далѣе, герцогъ Бассано, водворившійся со своей канцеляріей въ отелѣ Залмуръ; принцъ Невшательскій, устроившій канцелярію великой арміи въ Брюловскомъ дворцѣ. Вслѣдъ за сильными міра сего нахлынули мелкіе чиновники и толпы прислуги. Разнаго рода просители наполнили переднія и заполонили лѣстницы. Дрезденъ сдѣлался добычей обремененной дѣлами блестящей толпы. Въ тихомъ доселѣ городѣ поселились и скучились первоклассное правительство и три-четыре двора.

Сколько шуму, сколько волненій, сколько жизни! Вездѣ при-

---

[1]) I d.

готовленія къ празднествамъ. На улицахъ и площадяхъ спѣшно воздвигаются декораціи; шестьсотъ рабочихъ приспособляютъ залу итальянской оперы подъ спектакль-гала. Шумъ спѣшныхъ приготовленій, гомонъ толпы покрываются ежечасно раздающимися пушечными выстрѣлами. Сто выстрѣловъ въ честь пріѣзда Ихъ Австрійскихъ Величествъ, сто выстрѣловъ въ началѣ *Te Deum*, затѣмъ три залпа изъ двѣнадцати орудій для обозначенія разныхъ стадій церемоніи; въ то же время саксонскіе гвардейцы, разставленные вокругъ храма, производятъ стрѣльбу изъ мушкетовъ. Возбужденный этимъ грохотомъ, блескомъ и разнообразіемъ зрѣлищъ народъ наполняетъ улицы, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, привлекаетъ ли его вниманіе новый предметъ или уже переставъ интересовать его. Лишь только малѣйшее движеніе во дворахъ указываетъ на выѣздъ или пріѣздъ кого-нибудь изъ свиты, что даетъ случай увидать великихъ міра сего, онъ толпой собирается у воротъ дворцовъ. Иногда его ожиданіе оправдывается. Случается, что изъ раскрытыхъ воротъ Резиденціи выѣзжаетъ окруженная конвоемъ нарядная коляска, впереди которой мчатся берейторы. Это ѣдутъ на прогулку обѣ императрицы, двѣ Маріи-Луизы, падчерица и мачеха, афиширующія свою трогательную дружбу. Французская императрица—въ полномъ расцвѣтѣ красоты и счастья, австрійская—граціозная и хрупкая, старающаяся скрыть подъ гофрированными складками венгерскаго съ длинными рукавами костюма худобу своей таліи и бюста. Толпа съ восторгомъ смотритъ на проѣздъ этихъ улыбающихся видѣній, но ея любопытство не вполнѣ удовлетворено. Всѣ желаютъ видѣть, всѣ ищутъ глазами сверхъестественное существо, которое было душой всей этой сутолоки. Но императоръ до сихъ поръ ни разу не показался публикѣ. Какъ будто желая придать съѣзду высочайшихъ особъ интимный, почти семейный характеръ, онъ проводилъ время со своими хозяевами или уединялся въ своихъ покояхъ. Говорили, что онъ поглощенъ непрерывной работой, что онъ подготовляетъ съ министрами и союзниками рѣшеніе судебъ Европы. «Его Величество—писали изъ Дрездена—видимо, страшно занятъ» [1]).

Дѣйствительно, Наполеонъ тотчасъ же по пріѣздѣ принялся

---

[1]) Фраза, цитируемая въ Journal de l'Empire, n⁰ du 31 mai.

за дѣла по управленію государствомъ и арміей. Не переставая упрочивать положеніе великой арміи на Вислѣ, торопя задержавшіяся въ пути войска, онъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ устройствомъ арміи второй линіи, которая должна была охранять Германію и служить источникомъ подкрѣпленій при вторженіи въ Россію. Онъ устанавливалъ количество, составъ и размѣщеніе корпусовъ. Въ то же время торопилъ министра иностранныхъ дѣлъ съ завершеніемъ нашихъ союзовъ; онъ предписалъ ему поторопиться съ заключеніемъ тѣхъ, которые не были еще оформлены и наверстать потерянное въ Швеціи и Турціи время. Какъ только уходилъ отъ него требовавшій сотни подписей Бертье, къ нему являлся герцогъ Бассано съ письмами посланниковъ, дипломатическими донесеніями и бюллетенями со свѣдѣніями со всѣхъ концовъ Европы.

Среди этихъ бумагъ одна привлекла особое вниманіе императора и разсердила его. То было письмо Куракина отъ 11 мая. Въ немъ Куракинъ въ настойчивыхъ выраженіяхъ повторялъ свою просьбу о паспортахъ и высказывалъ, что внезапный отъѣздъ французскаго правительства не освобождаетъ таковое отъ обязанности отвѣтить ему [1]). Наполеонъ считалъ, что время еще не пришло согласиться на просьбу Куракина. Съ цѣлью обмануть нетерпѣніе стараго князя, онъ приказалъ отправить паспорта только для нѣкоторыхъ изъ членовъ его дома и «для его незаконныхъ дѣтей», но не для него лично. Немного обезпокоенный докучливой настойчивостью Куракина, онъ снова обращается къ Александру, и старается еще разъ вступить съ нимъ въ переговоры, преслѣдуя ту же цѣль—усыпить и парализовать Россію. Какъ помнятъ, такова была задача довѣреннаго Нарбонну порученія. По разсчетамъ Наполеона, въ настоящее время флигель-адъютантъ долженъ уже быть въ Вильнѣ, но до сихъ поръ отъ него не было извѣстій. Былъ ли онъ принятъ императоромъ Александромъ, удалось ли ему возродить въ умѣ русскаго монарха ложную надежду на миръ,—оставалось неизвѣстнымъ. Допуская, что миссія не дастъ желаемаго результата, Наполеонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ старому пути. Съ начала года это была уже четвертая попытка достигнуть все той же цѣли. Какъ помнятъ, онъ началъ съ Лористона—своего аккреди-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

тованнаго посла, затѣмъ послалъ съ порученіемъ Чернышева, потомъ Нарбонна. Теперь онъ снова возвращается къ Лористону, т. е. къ обычному официальному пути.

20 мая отправляется изъ Дрездена курьеръ съ назначеніемъ въ Петербургъ; онъ везетъ длинную депешу посланнику. Въ ней говорится, что, немедленно по полученіи ея, Лористонъ долженъ испросить въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ разрѣшеніе отправиться въ главную квартиру царя, ссылаясь на то, что ему приказано отвезти царю важныя и нетерпящія отлагательства сообщенія. Если его просьба о непосредственномъ обращеніи къ царю, на что посланникъ почти имѣетъ право, не будетъ удовлетворена, онъ приметъ къ свѣдѣнію отказъ и долженъ ждать новыхъ распоряженій. Если же просьба будетъ принята, онъ немедленно поѣдетъ въ Вильну и на остающееся короткое время постарается ввести въ обманъ подобіемъ переговоровъ. Въ депешѣ тщательно указывается почва, на которую онъ долженъ стать. Теперь, въ виду времени, протекшаго со дня отправки ультиматума, Наполеонъ не можетъ уже прикидываться, что ему неизвѣстенъ оскорбительный документъ Александра. Поэтому онъ притворяется, будто думаетъ, что требованія Россіи переданы ему неточно; что Куракинъ извратилъ мысли своего двора, придавъ имъ угрожающую форму; что просьбой о паспортахъ онъ превысилъ свои инструкціи; что именно недомысліе русскаго посланника «честнаго, но крайне ограниченнаго человѣка» [1]) создало это опасное недоразумѣніе. Лористонъ долженъ потребовать объясненій, не настаивая на томъ, чтобы они были черезчуръ откровенными. Онъ скажетъ, что соглашеніе еще возможно; что при малѣйшемъ добромъ желаніи все можетъ быть улажено. На основаніи его словъ Россія естественно должна сдѣлать выводъ, что слѣдуетъ воздержаться отъ непоправимыхъ и слишкомъ поспѣшныхъ шаговъ. Этой уловкой, предпринятой въ послѣднюю минуту, Наполеонъ думаетъ обезпечить себѣ выигрышъ нѣсколькихъ недѣль, т. е. оттянуть разрывъ до того времени, когда растительность настолько поднимется, что позволитъ ему начать кампанію. Съ другой стороны, отсрочка военныхъ дѣйствій дастъ ему возможность составить себѣ дворъ

---

[1]) Слова Наполеона въ его, бывшихъ позднѣе, разговорахъ съ Балашовымъ, приведенныя Татищевымъ, 595.

изъ высочайшихъ особъ и занять въ немъ первенствующее мѣсто.

II.

Въ Дрезденѣ императоръ обставилъ свое пребываніе величественнымъ и строгимъ этикетомъ. Въ девять часовъ утра у него былъ утренній пріемъ. Нѣмецкіе принцы считали своей обязанностью неукоснительно являться на эти пріемы. Затѣмъ императоръ шелъ къ императрицѣ и присутствовалъ при ея туалетѣ. Извѣстно, какое мѣсто занималъ въ придворныхъ обычаяхъ этотъ блестящій пріемъ, когда государыня, окруженная заканчивавшими ея туалетъ камеристками, допускала къ присутствованію немногихъ избранныхъ лицъ. Слѣдовавшій за утреннимъ пріемомъ императора туалетъ Маріи-Луизы давалъ случай собраться во второй разъ. Австрійская императрица часто приходила на этотъ пріемъ, гдѣ видъ чудныхъ нарядовъ, приготовленныхъ для ея падчерицы, и зрѣлище открытыхъ, до верху наполненныхъ брилліантами и жемчугомъ ларцевъ и шкатулокъ возбуждали ея зависть. Любуясь этими сокровищами, она страдала при мысли, что у нея не было такихъ же, ибо, вслѣдствіе тяжелыхъ временъ, она вынуждена была соблюдать тягостную экономію. Какъ только Марія-Луиза замѣчала, что какая-нибудь вещь особенно нравится мачехѣ, она спѣшила поднести ее ей, и австрійская императрица съ нескрываемымъ удовольствіемъ и чувствомъ затаенной досады принимала эти подарки. Не будучи въ силахъ побороть своего желанія обладать ими, она принимала ихъ съ сознаніемъ своего униженія [1]). Наполеонъ стоялъ обыкновенно въ двухъ-трехъ шагахъ отъ императрицъ и разговаривалъ или съ вестфальской королевой, или съ принцами; это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ дня, когда онъ и самъ говорилъ, и позволялъ говорить, нисколько не стѣсняясь. Въ глубинѣ залы придворные шопотомъ давали свои толкованія его словамъ и выводили изъ нихъ многозначительныя заключенія. Они втихомолку предсказывали грядущія событія и намѣчали восходящія звѣзды.

Каждые два-три дня въ полдень Наполеонъ дѣлалъ визитъ

---

[1]) Mémoires de M-me Durand, 140. Cf. письмо герцога Бассано Отту отъ 27 мая 1812 г.

своему тестю и посвящалъ ему нѣсколько минутъ. По его отъѣздѣ, въ то время, когда императрицы вмѣстѣ осматривали дрезденскіе музеи и прелестныя окрестности города, выбитый изъ колеи, ничѣмъ не занятый императоръ Францъ изнывалъ отъ скуки и съ трудомъ дотягивалъ до вечера. Государственныя дѣла мало интересовали его; къ политикѣ онъ всегда питалъ отвращеніе. Не такъ давно онъ сказалъ своему министру Кобенцлю: «Когда вы входите въ мой кабинетъ, мое сердце сжимается при мысли, что вы будете говорить со мной о дѣлахъ». Къ тому же въ Дрезденѣ не было съ нимъ его обычныхъ приближенныхъ—любимцевъ изъ низкопробныхъ людей, грубыя шутки которыхъ потѣшали его и которые выдумывали для его развлеченія забавы и угождали капризамъ его ребяческаго воображенія. Онъ не могъ, какъ въ Вѣнѣ, цѣлыми часами тщательно класть печати на воскъ или готовить кушанья [1]). Отыскивая рѣдкія и интересныя, по его понятіямъ, вещи, онъ пѣшкомъ выходилъ изъ дворца, слонялся по улицамъ, относясь отечески-милостиво къ кланявшейся ему съ чувствомъ глубокаго почтенія толпѣ, и старался заглушить свою скуку, проводя время въ лавкахъ и по-мѣщански дѣлая закупки [2]).

Вечеромъ высочайшія особы встрѣчались за обѣдомъ, который всегда бывалъ у императора французовъ. Незадолго до обѣда всѣ собирались въ его покояхъ. Здѣсь, если вѣрить преданію, въ манерѣ, съ какой Наполеонъ совершалъ свой выходъ и приказывалъ докладывать о себѣ, онъ умышленно придерживался величественной простоты, обособлявшей его отъ всѣхъ съѣхавшихся на его голосъ великихъ міра сего и ставившей его выше ихъ всѣхъ. При входѣ въ аппартаменты каждаго приглашеннаго объявлялось о его прибытіи съ указаніемъ титула и званія. Сперва по порядку съѣзда шло безчисленное количество Превосходительствъ и Высочествъ—Высочества всякаго рода и происхожденія, древняго и недавняго, королевскаго и свѣтлѣйшаго; затѣмъ Величества: Ихъ Величество король и королева Саксон-

---

[1]) Справочные листки, отправленные Отто 22 декабря 1811 г.: „Разсказываютъ, что въ Шлосгофѣ (императорской резиденціи въ Венгріи) императоръ въ костюмѣ повара занимался со Штифтомъ (своимъ докторомъ) приготовленіемъ кленоваго сахара, когда явилась офиціальная депутація сейма съ просьбой къ Его Величеству отправиться въ Пресбургъ.

[2]) Mémoires de M-me Durand, 140.

скіе, Ихъ Императорскіе и Королевскіе Апостолическіе Величества, Ея Величество Императрица Французовъ, королева Итальянская. Когда всѣ высокіе гости были на-лицо, когда ихъ громкіе титулы уже прозвучали по салонамъ, могъ прибыть и хозяинъ. Тогда, послѣ небольшой паузы, двери отворялись настежь и мажордомъ говорилъ просто: «Императоръ».

Онъ входилъ степенной поступью, когда съ веселымъ, когда съ озабоченнымъ лицомъ; дѣлалъ общій поклонъ, и бросалъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, нѣсколько словъ. Затѣмъ всѣ выстраивались въ опредѣленномъ порядкѣ и шествовали къ столу. Французскій придворный, комната котораго выходила на галлерею, по которой проходили высочайшія особы, много разъ видѣлъ шествіе и описываетъ его такъ: «Наполеонъ со шляпой на головѣ шелъ первымъ; нѣсколько шаговъ позади него шелъ австрійскій императоръ подъ руку со своей дочерью, императрицей Маріей-Луизой—послѣднее обстоятельство могло служить объясненіемъ, почему австрійскій монархъ шелъ съ непокрытой головой; остальные, принимавшіе участіе въ шествіи короли и принцы, среди которыхъ находились также королева и принцессы саксонскія, слѣдовали за обоими императорами съ непокрытой головой» [1]). Въ этомъ шествіи недоставало только австрійской императрицы. Ссылаясь на свое слабое здоровье, она обыкновенно приказывала везти себя въ креслѣ на колесикахъ прямо въ столовую залу. Такой способъ уклоняться отъ наполеоновскаго церемоніала былъ очевиднымъ выраженіемъ ея протеста.

Гостей за столомъ было немного. Кромѣ государей приглашалось поочередно нѣсколько принцевъ Конфедераціи и французскихъ сановниковъ. Лакеи служили безукоризненно и быстро; «блюда были изысканныя» [2]); на столѣ красовались горы хрусталя, золотая утварь рѣдкостной работы, произведенія искусства изъ серебра и позолоты, дивный сервизъ, поднесенный Маріи-Луизѣ въ день ея свадьбы городомъ Парижемъ. Императоръ Наполеонъ, которому служили за обѣдомъ его пажи, съ изысканной любезностью исполнялъ обязанности хозяина. Въ это время лицо его всегда прояснялось. Онъ становился сердечнымъ и слово-

---

[1]) Подполковникъ Бодюсъ, Études sur Napoléon, 338.

[2]) Вѣнскій бюллетень, сообщенный Ла-Бланшомъ 3 іюля.

охотливымъ. Прекрасно чувствуя себя съ своими гостями, онъ наслаждался счастьемъ жить по-семейному съ австрійскимъ домомъ. Этимъ общеніемъ онъ думалъ тѣснѣе сблизиться съ законными династіями, пріобщиться къ Бурбонамъ и занять мѣсто среди потомковъ королей, съ которыми онъ теперь отыскалъ неожиданное родство. Разсказываютъ, что въ бытность въ Дрезденѣ, вспоминая однажды о революціи, онъ сказалъ, что дѣла приняли бы иное направленіе, если бы *его бѣдный дядя* выказалъ больше твердости. Бѣдный дядя—былъ Людовикъ XVI. Женившись на Маріи-Луизѣ, Наполеонъ сдѣлался внучатнымъ племянникомъ Людовика XVI и любилъ гордиться этимъ пріобрѣтеннымъ родствомъ.

Послѣ обѣда обыкновенно бывалъ большой раутъ. Двери Резиденціи открывались для лицъ, представленныхъ ко двору, а также для лицъ, состоявшихъ на службѣ высочайшихъ особъ. Они съѣзжались ко двору одинъ за другимъ и наполняли парадные аппартаменты. Въ высокихъ залахъ съ массивными орнаментами, съ потолками съ аллегорической живописью, съ потемнѣвшей отъ времени позолотой, подъ созвѣздіями люстръ собирались всѣ крупныя величины того времени—всѣ, кто пользовался высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Здѣсь можно было видѣть самые разнообразные костюмы, самые блестящіе мундиры, драгоцѣнности и уборы неслыханной роскоши. Въ главной галлереѣ разставлялись игорные столы для высочайшихъ особъ, которыя поочередно садились за нихъ и съ серьезнымъ видомъ принимались за игру, приступая къ этому удовольствію, какъ къ обязанности, возложенной на нихъ ихъ положеніемъ. Вокругъ нихъ образовывался кругъ зрителей, которые оставались все время стоя, въ почтительныхъ позахъ, и очень скоро изнемогали отъ скуки этихъ торжественныхъ парадныхъ собраній [1]).

Разговаривали мало, но наблюдали много. Сопровождавшія австрійскую императрицу дамы съ любопытствомъ разсматривали нашихъ француженокъ и присматривались къ ихъ манерѣ держать себя; замѣчали подробности ихъ туалета и завидовали изяществу и роскоши ихъ нарядовъ, ибо Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы его придворныя дамы являлись въ вышитыхъ золотомъ и серебромъ платьяхъ, въ корсажахъ, залитыхъ драго-

---

[1]) Mémoires de Senft, 169. Bausset, II, 60.

цѣнными камнями, усыпанныхъ цѣлыми рядами жемчуга, въ горящихъ брилліантами діадемахъ; чтобы онѣ выставляли напоказъ богатства, которыми онъ осыпáлъ ихъ мужей. Знатныя вѣнки находили, что, рядомъ съ нашими дамами, онѣ одѣты бѣдно и сравнивали себя съ «Сандрильонами» [1]). Иногда какое-нибудь шопотомъ сказанное слово или ядовитое замѣчаніе выдавали ихъ досаду. Однако, француженки были тутъ не при чемъ; онѣ не позволяли себѣ ни одной надменной выходки, ни разу не дали почувствовать своего превосходства. Привезенный Наполеономъ пèрсоналъ двора отличался церемонной вѣжливостью, корректными манерами и сдержанностью въ словахъ; чувствовалось, что онъ былъ вышколенъ и выдрессированъ рукою мастера. Въ немъ не было уже изысканной граціи стараго режима, того обворожительнаго легкомыслія, къ которому часто примѣшивалось немного тщеславія и самонадѣянности. Наполеонъ не допускалъ, чтобы непосредственность и живость обращенія вносили диссонансъ въ величавую монотонность его приближенныхъ и нарушали установленный имъ строй.

Нѣмецкіе вельможи подражали этой сдержанности; даже принцы старались смѣшаться съ толпой и желали быть только царедворцами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя лица привлекали общее вниманіе. Великій герцогъ Вюрцбургскій, удостоенный особой дружбы императора, обращалъ на себя вниманіе своимъ ухаживаніемъ за герцогиней Монтебелло; прошелъ даже слухъ, что онъ не счелъ бы унизительнымъ жениться на этой прелестной француженкѣ. Баронъ Зенфтъ шумно выставлялъ на видъ свое увлеченіе Наполеономъ, а жена его своимъ, доходившимъ до безумія, восторгомъ еще болѣе подчеркивала это чувство. Эта дама пріобрѣла извѣстность своей безтактностью. Поживя въ Парижѣ, гдѣ ея мужъ продолжительное время занималъ постъ посланника Саксоніи, она пріобрѣла особую любовь къ нашимъ обычаямъ, къ складу нашего ума, къ нашимъ модамъ, и, по возвращеніи въ Дрезденъ, приводила въ отчаяніе нѣмцевъ, дѣлая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ невыгодныя для нихъ сравненія. Принимая портфель министра иностранныхъ дѣлъ, баронъ поставилъ условіемъ, что король «не поставитъ его супругѣ въ вину ея выходки, часто очень неосторожныя, которыя

---

[1]) Вѣнскій бюллетень, переданный 6 іюля.

она привыкла позволять себѣ» [1]). Баронесса Зенфтъ широко злоупотребляла «этимъ видомъ предварительнаго отпущенія грѣховъ» [2]). Впрочемъ, въ настоящее время мужъ и жена какъ будто сговорились изобрѣтать всевозможные виды лести и разнообразить ихъ до безконечности. Они доходили до ребячества. Разсказывали, что они выучили свою маленькую дочку, восьмилѣтняго ребенка, «страстно» цѣловать портретъ императора и говорить: «Я такъ его люблю!» [3]). Это было то, что Наполеонъ, которому была противна эта пошлость, съ давнихъ поръ называлъ «нѣмецкой глупостью».

Его министры и высшіе чины тоже были засыпаны почестями, хотя въ строгой пропорціи съ благосклонностью, которой они, по заключенію нѣмцевъ, пользовались у своего повелителя. При герцогѣ Бассано образовался настоящій дворъ. Всѣ наперерывъ превозносили его выдающійся умъ, его неизсякаемую предупредительность. Дѣйствительно, французскій министръ, любезный отъ природы, старался нравиться—тѣмъ болѣе, когда ему достаточно было только показаться, чтобы заслужить всеобщія похвалы. Коленкуръ, герцогъ Виченцы, обращалъ на себя вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, красивой осанкой, открытой и симпатичной наружностью. Но ему не расточали похвалъ, а только присматривались къ нему съ почтительнымъ вниманіемъ. Не было секретомъ, что онъ былъ противъ войны. Поэтому, всѣ смотрѣли на этого безстрашнаго человѣка, который не боялся противорѣчить владыкѣ міра, какъ на рѣдкій, любопытный, немного опасный феноменъ, отъ котораго слѣдуетъ держаться подальше. Тѣмъ не менѣе, когда онъ однажды вечеромъ разговаривалъ въ амбразурѣ окна съ герцогомъ Истріи, къ нему подошелъ австрійскій императоръ и тономъ дружескаго увѣщанія началъ объяснять ему, что императоръ Александръ безусловно стремится къ войнѣ, такъ какъ отклонилъ посредничество Австріи [4]).

Но вотъ сдержанный шопотъ разговоровъ смолкаетъ: Наполеонъ поднимается и начинаетъ свой обходъ. При его приближеніи чувство мучительнаго ожиданія, чувство необъяснимаго

---

[1]) Бургуэнь Шампаньи, 11 августа 1810 г.
[2]) Id.
[3]) Journal de Castellane, I, 94.
[4]) Неизданные документы.

любопытства и страха заставляетъ усиленно биться сердца, и, въ особенности, охватываетъ дамъ. Ихъ переходящее всѣ предѣлы волненіе сказывается внѣшними признаками. Стоявшіе позади нихъ мужчины видятъ, какъ ихъ обнаженныя плечи сразу становятся пурпуровыми и линія плечъ, блиставшая доселѣ бѣлизной, вдругъ превращается въ красную.

Съ преднамѣренной мѣшковатостью, что давало Наполеону возможность сдерживать порывистость своей походки, онъ проходитъ передъ группами, останавливается то тутъ, то тамъ; кого хвалитъ, кого порицаетъ и обходится съ каждымъ по его заслугамъ. Однажды онъ побесѣдовалъ съ Екатериной Вестфальской, и послѣ этого разговора бѣдная королева удалилась съ красными отъ слезъ глазами. Императоръ сказалъ ей по адресу Жерома нѣсколько жесткихъ словъ, упрекнувъ вестфальскаго короля, командующаго корпусомъ, въ нерадивости по службѣ [1]). Съ австрійскими высокопоставленными лицами, анти-французскія чувства которыхъ были стойки, онъ не скупился на ѣдкія слова и хлесткіе отвѣты. Но какъ старался онъ обольстить и очаровать тѣхъ, которые, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, или желали, или даже только подумывали сдѣлаться друзьями Франціи и которыхъ онъ считалъ нужнымъ покорить! Какъ быстро потухало зловѣщее пламя въ его глазахъ! Какой ласкающій оттѣнокъ пріобрѣталъ его голосъ, какъ обворожительно умѣлъ онъ льстить! Съ какимъ искусствомъ умѣлъ находить подходящее, въ душу проникающее, лестное слово, которое узами удовлетвореннаго тщеславія прикрѣпляло къ нему души людей! Когда ему была представлена графиня Лазанска, руководившая воспитаніемъ Маріи-Луизы, онъ поблагодарилъ ее за то, что она воспитала ему супругу—образецъ совершенства. Съ австрійскими военными онъ обращался по-товарищески, съ дружески-грубой манерой, которая приводила тѣхъ въ восторгъ. «Онъ похлопалъ меня по плечу», говорилъ генералъ Кленау, внѣ себя отъ радости и признательности [2]).

Обойдя присутствующихъ, Наполеонъ овладѣвалъ своимъ тестемъ и увлекалъ его вглубь галлереи. Тамъ,—на глазахъ державшихся на почтительномъ разстояніи гостей, между тѣмъ, какъ

---

[1]) См. объ этомъ разговорѣ Journal de la reine Catherine, опубликованный Du Casse, Revue historique, XXXVI, 330—332.

[2]) Вѣнскій бюллетень, переданный 3 іюля.

гнетущій своимъ блескомъ, изводящій скукой раутъ продолжался своимъ порядкомъ, подъ звуки жиденькаго оркестра, которымъ дирижировалъ маэстро Паеръ,—онъ, неутомимый говорунъ, ходилъ взадъ и впередъ по галлереѣ, таская за собой, заставляя выслушивать свои монологи и подавляя силой своего ума и генія того, кого нѣкогда, въ минуты гнѣва, называлъ «жалкимъ Францемъ» [1]).

Первое время его пылкое воображеніе, горячность, рѣзкія и тривіальныя остроты ошеломляли императора Франца, вызывали въ немъ чувства страха и недовѣрія. Но мало-по-малу вниманіемъ и кажущейся откровенностью Наполеону удалось разсѣять эти непріятныя чувства. Касаясь въ разговорѣ всевозможныхъ предметовъ, говоря о внѣшней и внутренней политикѣ, онъ давалъ указанія своему тестю, дѣлая видъ, что желаетъ знать его мнѣніе и воспользоваться его совѣтами; что посвящаетъ его въ свои самые сокровенные планы; что намѣренъ придти съ нимъ къ соглашенію по важнымъ, секретнымъ вопросамъ; что хочетъ связать себя съ нимъ узами общей тайны. Австрійскій монархъ былъ благодаренъ великому человѣку за довѣріе, которое возвышало его въ его собственныхъ глазахъ и давало ему нѣкоторую вѣру въ самого себя. «Мы сошлись по нѣкоторымъ вопросамъ, о которыхъ даже Меттернихъ ничего не знаетъ» [2]), съ гордостью говорилъ онъ послѣ этихъ бесѣдъ. Не отрекаясь ни отъ своихъ опасеній, ни отъ затаенныхъ мыслей, онъ сталъ бесѣдовать съ своимъ грознымъ зятемъ съ меньшимъ смущеніемъ, даже съ нѣкоторой сердечностью, что создало между ними нѣкоторое подобіе истинной дружбы.

Устоитъ ли австрійская императрица противъ чаръ Наполеона? Съ момента пріѣзда, она поддерживала свою репутацію—репутацію государыни умной, честолюбивой, съ болѣе возвышенными вкусами и болѣе тонкимъ умомъ, чѣмъ у ея супруга. Страстно любя искусство и литературу, она съ удовольствіемъ говорила о нихъ, и охотно высказывала свое мнѣніе о серьезныхъ сочиненіяхъ по метафизикѣ, издававшихся въ то время въ Германіи; но не пренебрегала и политикой. Маленькая, хорошенькая, вѣчно больная, живущая исключительно нервами, она

---

[1]) Corresp., 15500.

[2]) Вѣнскій бюллетень, переданный 18 іюля.

всѣмъ интересовалась, и во все вмѣшивалась съ такой энергіей, на какую нельзя было считать ее способной. Смотря на нее, можно было думать, что малѣйшее напряженіе истощитъ ея силы. А между тѣмъ, какъ только какой-нибудь предметъ возбуждалъ ея страсть или просто любопытство, она дѣлалась неутомимой [1]). За годъ до этого, проѣздомъ на воды въ Карлсбадъ, она посѣтила Дрезденъ, гдѣ пріобрѣла большія симпатіи. На собравшемся теперь блестящемъ съѣздѣ она вызвала тѣ же чувства почтительнаго вниманія. Почти всѣ восхищались ея разнообразными знаніями, ея веселымъ характеромъ; ей были благодарны за то, что, несмотря на свое болѣзненное состояніе, она умѣла быть любезной; сожалѣли, что она постоянно страдаетъ, и когда, во время разговора, въ минуты увлеченія горячимъ споромъ или лихорадочной веселостью, сухой кашель вдругъ обрывалъ ея голосъ, многіе съ болью въ сердцѣ думали о ея судьбѣ и боялись потерять ее [2]). Императоръ Францъ очень любилъ ее; иногда выслушивалъ ея совѣты, и всегда немного побаивался, ибо находилъ, «что его жена слишкомъ умна для него» [3]). Словомъ, эта милая императрица, эта общая любимица была силой, которую Наполеону нужно было или примирить съ собой или, по крайней мѣрѣ, обезоружить. Помимо всего этого упорное предубѣжденіе противъ него, сказывавшееся въ ея манерѣ держать себя, подстрекали его къ борьбѣ. Онъ поклялся завоевать ея симпатіи. Для него это было вопросомъ политическаго значенія, а, главное, вопросомъ самолюбія.

Онъ окружилъ Марію-Луизу д'Эстé вниманіемъ, неустанными заботами, изысканной предупредительностью. Въ ея присутствіи онъ не походилъ на самого себя. Когда она соглашалась идти съ нимъ подъ руку къ столу, онъ стушевывался передъ ней и, въ этихъ случаяхъ, иногда уступалъ первое мѣсто императору Францу. Когда онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, онъ придвигалъ къ

---

[1]) По случаю посѣщенія ею одного музея, по которому ее возили въ ея креслѣ на колесикахъ, нашъ представитель въ Дрезденѣ разсказываетъ о ней слѣдующее: „Нѣсколько времени спустя она встала и прошлась по обѣимъ сторонамъ галлереи, тщательно разсматривая находившіяся въ ней замѣчательныя произведенія искусства, и, видимо, не чувствовала усталости ни отъ стоянія, ни отъ длинныхъ объясненій болтливаго старца, завѣдывающаго галлереей". Бургуэнь Маré, 12 іюля 1811 г.

[2]) См. переписку Отто и Бургуэна, 1810 и 1811 гг.

[3]) Отто Марѐ, 20 октября 1811 г.

ней свое кресло, чтобы, во время разговора, она не напрягала голоса. Ея присутствіе, ея разговоры доставляли ему видимое удовольствіе. Онъ искалъ случаевъ встрѣтиться съ нею, становился на ея пути, и иногда въ дрезденскомъ замкѣ происходили слѣдующія любопытныя сцены: гдѣ-нибудь на поворотѣ галлереи стоитъ портшезъ, въ которомъ императрица приказывала возить себя по огромному дворцу; она сама стоитъ, прислонясь къ портьерѣ, а передъ ней императоръ, опираясь на палку по модѣ XVIII столѣтія, округляя жесты, подражая манерамъ старой аристократіи Версаля, которую онъ незадолго до этого привлекъ къ своему двору, изощряется въ любезностяхъ и старается изобразить изъ себя, по его собственному выраженію, «маленькаго Нарбонна» [1]).

Но напрасно расточалъ онъ передъ императрицей свои любезности: они не увѣнчались успѣхомъ. Воспоминанія, отдалявшія отъ него Марію-Луизу-Беатриче, были слишкомъ тягостны, чтобы она могла съ легкимъ сердцемъ отречься отъ чувства вражды и сдаться. Могла ли дщерь дома д'Эсте забыть свою лишенную трона родню, свою родину—ту, перешедшую въ руки узурпатора, теплую Италію, куда ей иногда такъ хотѣлось вернуться, чтобы поправить свое разстроенное здоровье? Позднѣе, когда она была уже въ Австріи, во время кампаніи 1809 г., она познала всѣ лишенія и униженія, слѣдующія за пораженіемъ—поспѣшное бѣгство, жизнь изгнанницы въ провинціальномъ городѣ, и эти несчастья нанесли новую рану ея мстительной и пылкой душѣ. Помимо всего этого, окруживъ себя въ Вѣнѣ нашими явными врагами, она считала долгомъ чести не отрекаться отъ своихъ привязанностей. Въ Дрезденѣ, вынужденная примѣняться къ требованіямъ и условіямъ положенія, она никогда не переходила намѣченной себѣ границы. На любезности императора она часто отвѣчала то словами, полными достоинства съ оттѣнкомъ высокомѣрія, то едва замѣтными движеніями нетерпѣнія, а для этого требовалось своего рода геройство. Послѣ свиданія съ нимъ нельзя было уловить въ ея разговорахъ ни одного слова одобренія французской системѣ. Когда съ ней заговаривали о политикѣ, она сводила разговоръ на литературу [2]).

---

[1]) Abbé de Pradt, Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie, p. 57.

[2]) Отто Марé, 5 іюня 1812 г.

Эта глухая борьба была замѣтна только людямъ, изощрившимся различать малѣйшія оттѣнки чувствъ подъ той безстрастной маской, какую налагаетъ на лица придворная жизнь. Многимъ казалось, что дружба обѣихъ высочайшихъ фамилій установилась на прочныхъ началахъ. Министры обоихъ дворовъ пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы громко заявить объ этомъ. Герцогъ Бассано и графъ Меттернихъ одновременно сообщали въ Вѣну, что ихъ государи близко ознакомились другъ съ другомъ и, слѣдовательно, научились уважать и цѣнить другъ друга; что ихъ взаимное довѣріе не оставляетъ желать ничего лучшаго [1]). Газеты отмѣтили на своихъ столбцахъ это трогательное единеніе и съ умиленіемъ указывали на единичные факты. Когда же оба двора, появившись въ театрѣ, вмѣстѣ показались публикѣ, весьма распространенная газета прославляла «величественное и трогательное» зрѣлище, какое представляло «собраніе столькихъ коронованныхъ особъ, составлявшихъ одну семью» [2]).

По случаю спектакля все общество высочайшихъ особъ было въ полномъ сборѣ, подобно тому, какъ это было въ Эрфуртѣ, съ той только разницей, что австрійская чета подѣлила мѣсто Александра. Рядъ креселъ позади оркестра предназначался государямъ. Въ центрѣ сидѣли обѣ императрицы, по правую руку Маріи-Луизы д'Эстé сѣлъ императоръ Наполеонъ, Францъ I-ый—по лѣвую своей дочери. Далѣе въ обѣ стороны размѣстились по-старшинству короли и принцы; позади нихъ на скамьяхъ—придворныя дамы. Остальныя придворныя и городскія дамы въ сопровожденіи сановниковъ, камергеровъ и офицеровъ заняли первыя ложи, и, выдѣляясь своими свѣтлыми туалетами на фонѣ блестящихъ мундировъ, дополняли изящество и красоту картины. 20-го состоялся спектакль-галá, на который было приглашено шесть тысячъ человѣкъ. Давалось нѣсколько сценъ изъ модной оперы Паера *Sardines*, мода на которую пережила счастье побѣдителя. Спектакль, который долженъ былъ окончиться кантатой въ честь Наполеона, начался чѣмъ-то въ родѣ апоѳеоза. Главную фигуру въ немъ изображало солнце. Это оперное солнце, которое при поднятіи зана-

---

[1]) Mapé Отто, 27 мая; Меттернихъ Отто, 23 мая. Archives des affaires étrangères.

[2]) Journal de l'Empire, n⁰ du 7 juin.

вѣса засіяло и завертѣлось въ глубинѣ сцены, было окаймлено слѣдующей надписью: *Менѣе велико и менѣе прекрасно, чѣмъ онъ.*—«Должно быть, эти господа думаютъ, что я очень глупъ», сказалъ, пожимая плечами, Наполеонъ, тогда какъ австрійскій императоръ добродушно кивалъ головой, одобряя аллегорію и выражая сочувствіе оказанному Наполеону вниманію [1]).

III.

Послѣдній гость только-что прислалъ извѣщеніе о своемъ прибытіи. Прусскій король, получивъ увѣдомленіе, что императору пріятно будетъ видѣть его, подъѣзжалъ уже къ Дрездену. Онъ ѣхалъ при обыденной обстановкѣ въ сопровожденіи грустно-настроенныхъ, серьезныхъ и чопорныхъ людей, строго державшихся установленныхъ формъ, уже вслѣдствіе того, что они сознавали свое подчиненное положеніе. «Невыносимо скучные, помѣшанные на этикетѣ люди» [2]), писала о нихъ вестфальская королева. На границѣ Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ неофиціальное предупрежденіе, чтобы онъ не разсчитывалъ при въѣздѣ въ Дрезденъ на одинаковый пріемъ съ Ихъ Французскими и Австрійскими Величествами. Между высочайшими особами установилась своего рода іерархія, а Фридрихъ-Вильгельмъ былъ только королемъ [3]). Пріемъ, оказанный ему населеніемъ, сдѣлавшимъ ему скромную овацію, подсластилъ эту горькую пилюлю [4]). Въ жалкой, такъ низко павшей, Пруссіи многіе нѣмцы начали уже усматривать надежду и будущее своей родины, ибо, несмотря на всѣ невзгоды, въ ней тлѣло священное пламя патріотизма и ненависти.

Уже съ давнихъ поръ, Наполеонъ не находилъ достаточно презрительныхъ выраженій для характеристики прусскаго двора. Онъ указывалъ на него, какъ на образецъ двуличія и глупости. Что касается короля, онъ сравнивалъ его съ исполнительнымъ, недальняго ума унтеръ-офицеромъ. Великій воитель ставилъ

---

[1]) Неизданные документы. Cf. le Journal de Castellane, I, 94—95.

[2]) Journal de la Reine, Revue historique, XXXIV, 334.

[3]) Mémoires de Senft, 170.

[4]) Французскій посланникъ въ Саксоніи Серра Маré, 8 іюня 1812 г. Серра замѣстилъ Бургуэна, умершаго въ 1811 г.

Фридриху-Вильгельму въ упрекъ его военную манію, любовь къ мелочамъ военнаго дѣла, его страсть къ пустякамъ въ ущербъ всему дѣлу, что, по его мнѣнію, служило доказательствомъ его безталанности. Говоря о немъ, онъ называлъ его «сержантомъ-инструкторомъ, скотиной» [1]). Но такъ какъ въ его интересахъ было дать нѣкоторое утѣшеніе Пруссіи и получить отъ нея содѣйствіе, обусловленное не только страхомъ, онъ приневолилъ себя: хорошо принялъ короля; первый сдѣлалъ ему визитъ; пожертвовалъ ему полчаса времени—и свиданіе прошло прилично.

Прусскій наслѣдный принцъ пріѣхалъ на другой день, и былъ представленъ своимъ отцомъ Наполеону, который принялъ это за знакъ особаго вниманія и былъ благодаренъ королю. Молодой принцъ считался врагомъ *Tugendbund'a* и всякой революціонной агитаціи. Это было хорошей отмѣткой въ его активѣ. Наполеонъ принялъ его ласково, былъ доволенъ имъ, и герцогъ Бассано въ официальной депешѣ присудилъ *кронпринцу* дипломъ за умѣнье держать себя. «Этотъ впервые появившійся въ свѣтѣ принцъ—говоритъ онъ—держитъ себя умно и изящно» [2]).

Присутствіе пруссаковъ ни въ чемъ не измѣнило жизни въ Дрезденѣ: тѣ же занятія, тѣ же развлеченія, то же строгое распредѣленіе времени. 24-го, какъ внѣ-програмное развлеченіе, въ театрѣ состоялся концертъ съ новой кантатой. Въ Эрфуртѣ, гдѣ Наполеонъ былъ у себя дома и все установилъ по своему вкусу, онъ предпочелъ трагедію и заставилъ своихъ гостей смотрѣть ее пятнадцать вечеровъ подъ-рядъ. Въ Дрезденѣ онъ примѣнялся къ преобладающимъ вкусамъ и привычкамъ саксонскаго двора, и первое мѣсто заняла музыка. *Капелла* короля фигурировала на пріемахъ и свѣтскихъ спектакляхъ съ такимъ же постоянствомъ, какъ на торжественной воскресной обѣднѣ [3]). Вся жизнь двора, всѣ церемоніи протекали подъ тихій аккомпаниментъ степенной, почти духовной музыки.

Изъ-за этой, полной достоинства и благопристойности, обстановки, изъ-за официальной вѣжливости, которой обмѣнивались монархи, изъ-за знаковъ утонченной любезности, оказываемыхъ другъ другу ихъ министрами, все рѣзче выступало одно непристойное явленіе: это было все усиливающееся низкопоклонниче-

---

[1]) Неизданные документы.

[2]) Отто Марé, 27 мая.

[3]) Journal de Castellane, неизданные отрывки.

ство, соревнованіе въ подлости, нескрываемое стремленіе преклониться передъ тѣмъ, въ комъ короли чувствовали своего властелина. Всѣ старались прочесть въ его глазахъ его желаніе, его волю, чтобы тотчасъ же откликнуться на нихъ. Каждое высказанное имъ желаніе было закономъ. Ему стоило только сказать слово,—и Пруссія открыла нашимъ войскамъ свои послѣднія крѣпости, Пиллау и Шпандау; Австрія пообѣщала увеличить предоставленныя въ наше распоряженіе боевыя средства. Министры, которымъ въ вѣжливой формѣ излагаются эти требованія, ведутъ переговоры только для вида, рѣшивъ заранѣе исполнить ихъ. По всему видно, что теперь государи, по молчаливому соглашенію, признаютъ надъ собой высшую власть, законно-возстановленный санъ, и въ эти дни Наполеонъ, поистинѣ, является императоромъ Европы. Теперь, послѣ длиннаго ряда Цезарей германской расы, онъ выступаетъ въ роли наслѣдника Рима и Карла Великаго—римскаго императора «французской націи»; но главенство старой имперіи, за-частую просто почетное, превратилось въ его рукахъ въ грозную дѣйствительность. И чѣмъ дольше тянется свиданіе, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ и развертывается во всемъ своемъ блескѣ эта дѣйствительность. Конечно, теперь намъ извѣстно, что это волшебное воскрешеніе только мимолетное чудо генія, учинившаго насиліе надъ законами человѣчества и исторіи. Теперь мы знаемъ, что чрезмѣрно-возросшее величіе императора подготовляетъ уже и его паденіе; что крушеніе близко; что оно уже витаетъ надъ будущимъ. Но да будетъ намъ позволено на время остановить наши взоры на настоящемъ. Прежде чѣмъ идти дальше, остановимся на этой головокружительной высотѣ и насладимся открывающимся предъ нами зрѣлищемъ, ибо трудно отказать себѣ въ дивномъ, хотя и жестокомъ, удовольствіи—видѣть воспитанныхъ въ ненависти къ Франціи императоровъ и королей, представителей тѣхъ династій, которыя въ теченіе вѣковъ ненавидѣли ее и завидовали ея славѣ, сыновей и внуковъ враждебныхъ намъ монарховъ—потомковъ Фридриха и наслѣдниковъ Фердинандовъ и Леопольдовъ, падающихъ ницъ предъ человѣкомъ, который, вознеся на такую страшную высоту славу и судьбы нашего народа, держитъ подъ своей пятой всѣхъ этихъ государей и королей, униженныхъ, поверженныхъ въ прахъ, съ преклоненнымъ челомъ пресмыкающихся у его ногъ.

Ползая у его ногъ, они все-таки оспариваютъ другъ у друга оставленныя имъ изъ милости частицы власти. Они по-прежнему соперничаютъ, поддерживаютъ старыя притязанія, доносятъ одинъ на другого, и каждый старается извлечь для себя какую-нибудь выгоду въ ущербъ другимъ. Австрія и Саксонія избрали Наполеона посредникомъ въ спорѣ о границахъ. Онъ рѣшилъ споръ и такимъ образомъ сдѣлался судьею королей. Затѣмъ шли униженныя просьбы, обращенія къ его щедрости, просьбы денегъ. На этотъ счетъ Наполеонъ былъ сговорчивъ. Онъ выдалъ лишній милліонъ Саксоніи, предоставилъ Пруссіи нѣкоторыя торговыя льготы, чтобы она могла раздобыть немного денегъ, и временно взялъ на себя уплату жалованья австрійскому контингенту. Въ этой милостынѣ онъ не отказывалъ разореннымъ имъ королямъ. Ихъ министрамъ и свитѣ онъ раздавалъ бриллианты, усыпанные драгоцѣнными камнями портреты, золотыя и эмалевыя табакерки, которые большинство сановниковъ спѣшило обмѣнять на звонкую монету. Въ теченіе трехъ недѣль онъ осыпалъ своими щедротами колѣнопреклоненную толпу придворныхъ и унизившихся до толпы принцевъ.

Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Дрезденѣ, желая удовлетворить любопытство публики, онъ сталъ показываться толпѣ. Онъ проѣхалъ по Дрездену въ одинъ изъ музеевъ, служившихъ украшеніемъ саксонской столицы. 25-го въ королевскомъ имѣньѣ Морицбургѣ была устроена охота на кабановъ, куда высочайшія особы поѣхали въ открытыхъ коляскахъ. Только Наполеонъ привлекалъ всеобщее вниманіе, хотя на немъ былъ «очень простой охотничій костюмъ» [1])—у него было принято, что его охотничьи костюмы должны служить ему два года.— Въ другой разъ онъ выѣхалъ изъ дворца верхомъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, прослѣдовалъ на правый берегъ Эльбы, и объѣхалъ вокругъ Дрездена по горамъ, которыя окаймляютъ городъ и командуютъ надъ нимъ.

На бѣломъ конѣ, покрытомъ ярко-краснымъ, сплошь вышитымъ золотомъ чепракомъ, впереди своей свиты въ блестящихъ, шитыхъ золотомъ, мундирахъ, онъ ѣхалъ шагомъ, одинъ, на виду у всѣхъ, такъ что его характерный силуэтъ рѣзко отдѣлялся отъ группы. Его конвоировали саксонскіе всадники—бѣ-

[1]) Journal de l'Empire, 7 juin.

лые кирасиры въ черныхъ латахъ. За нимъ шла громадная толпа нѣмцевъ, которые хотя и сознавали униженіе своей родины и безконечное число разъ клялись въ ненависти къ притѣснителю, тѣмъ не менѣе, всѣ подпали подъ его обаяніе; всѣ преклонились предъ тѣмъ, что было великаго, прекраснаго, подавляющаго въ этомъ человѣкѣ. Медленно проѣзжалъ онъ по гребнямъ горъ, любуясь разстилавшейся предъ его взорами картиной—прелестными долинами, освѣщенными солнцемъ полями; холмами, покрытыми пестрѣющими виноградниками; дачами, украшенными весенней зеленью; помѣстьями, окруженными трельяжами изъ виноградныхъ лозъ и покрытыми цвѣтами террасами; лѣсистыми вершинами Саксонскихъ Альпъ съ ихъ уходящими вдаль зубчатыми очертаніями — всей этой гармоничной и живописной оправой, въ которой покоится разстилающійся на обоихъ берегахъ рѣки, окруженный садами, лѣсами и горами Дрезденъ. Онъ останавливался на знаменитыхъ своими видами пунктахъ, позволялъ толпѣ близко подходить къ себѣ, смотрѣть на себя, и, не торопясь, совершалъ свою торжественную прогулку. Подъ конецъ, встрѣтивъ на своемъ пути глубоко-чтимую святыню — церковь Божьей Матери, онъ вошелъ въ нее и оставался тамъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, что чрезвычайно тронуло набожныхъ саксонцевъ [1]). Не было ли посѣщеніе этой церкви единственной цѣлью прогулки императора, не вдохновеніе ли свыше направило къ ней его шаги? Не чувствовалъ ли онъ инстинктивной потребности сосредоточиться въ самомъ себѣ, и не хотѣлъ ли—въ тѣ часы, которые онъ, быть можетъ, уподоблялъ ночи, которую предъ высокимъ посвященіемъ въ рыцари оруженосцы проводили на молитвѣ въ церкви,—посѣтить мѣсто молитвы? Найдется ли историкъ, который когда-нибудь проникнетъ въ тайники этой души?

Почти въ тотъ же день, въ костелѣ одной литовской деревни ксендзъ служилъ раннюю обѣдню. По выходѣ изъ алтаря, онъ увидалъ въ глубинѣ храма стоявшаго на колѣняхъ офицера въ русскомъ мундирѣ, съ склоненной на руки головой, погруженнаго въ глубокую молитву. Ксендзъ подошелъ къ нему. Тогда офицеръ

---

[1]) Выдержка изъ донесенія, сообщенная Серра, начальникомъ полиціи въ Дрезденѣ. Archives des affaires étrangères, Saxe, 82. Cf. le Journal de l'Empire, n-0 du 8 juin.

поднялъ голову, и ксендзъ узналъ черты Александра [1]). Проживая уже нѣсколько недѣль въ Вильнѣ, царь одинъ, безъ свиты, часто объѣзжалъ окрестныя деревни и иногда заходилъ въ церкви. Зачѣмъ являлся онъ въ эти мѣста молитвы, чуждыя его вѣрѣ? Хотѣлъ ли онъ польстить самолюбію литовскихъ поляковъ, которыхъ все еще старался привлечь къ своему дѣлу? Хотѣлъ ли оказать ихъ вѣрѣ и преданіямъ особое вниманіе, которое должно было имъ понравиться? Конечно, возможно и это. Но почему не допустить, что онъ заходилъ туда, чтобы наканунѣ тяжкихъ испытаній укрѣпить свою душу? Правда, онъ былъ воспитанъ въ школѣ философовъ и до сихъ поръ стремился къ достиженію исключительно земного идеала; но мы знаемъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ чувствовалъ въ себѣ зародышъ новыхъ стремленій, потребность поднять выше свои взоры, и, быть можетъ, уже въ это время думалъ, что различія вѣры—только воздвигнутыя человѣческими руками стѣны, которыя не достигаютъ неба. Что бы тамъ ни было, но, прежде чѣмъ поставить свою судьбу на карту, подвергнуть ее случайностямъ ужасныхъ боевъ, оба императора старались привлечь на свою сторону Бога, или, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ народовъ заручиться сверхчеловѣческой помощью.

IV.

26 мая примчался изъ Вильны въ Дрезденъ флигель-адъютантъ Нарбоннъ, явившійся съ отчетомъ о своемъ порученіи. Въ тотъ же вечеръ онъ вступилъ въ исправленіе своей должности и явился на собраніе при дворѣ. Его великосвѣтскія манеры и пріятная наружность произвели сенсацію; имя его переходило изъ устъ-въ-уста, и скоро сдѣлались извѣстными всѣ подробности его путешествія, ибо ему приказано было не дѣлать изъ этого тайны.

Онъ пробылъ въ Вильнѣ только два дня. Пріѣхавъ 18 мая, онъ увидалъ, что городъ переполненъ войсками, окруженъ лагерями. Русскіе держали себя сдержанно, но вѣжливо, «съ достоинствомъ, безъ бравады» [2]). Императоръ Александръ принялъ

---

[1]) Comtesse de Choiseul-Gouffier, Réminiscences, 27—28.

[2]) Неизданные документы.

его въ тотъ же день и терпѣливо выслушалъ. На неопредѣленныя увѣренія флигель-адъютанта онъ отвѣчалъ также общими увѣреніями, а затѣмъ повторилъ то, что высказывалъ и раньше. Онъ буквально сказалъ слѣдующее: «Я не обнажу шпаги первымъ. Я не хочу въ глазахъ Европы взять на себя отвѣтственность за кровь, которая прольется въ эту войну». Онъ добавилъ, что до сихъ поръ самые справедливые поводы къ жалобамъ не могли привести его къ рѣшенію порвать обязательства и выслушать англичанъ. «Если бы я захотѣлъ, у меня было бы десять англійскихъ агентовъ вмѣсто одного, но до сихъ поръ я не хотѣлъ ихъ слушать [1]). Когда я измѣню систему, я сдѣлаю это открыто. Спросите Коленкура. На моей границѣ стоятъ триста тысячъ французовъ; императоръ уже призвалъ къ оружію противъ Россіи Австрію, Пруссію, всю Европу, а я еще состою съ нимъ въ союзѣ, и доколѣ мой умъ не откажется вѣрить, что императоръ хочетъ пожертвовать истинными выгодами случайнымъ выгодамъ этой войны, я буду упорно держаться союза. Но я не поступлюсь честью народа, которымъ я управляю. Русскій народъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ передъ опасностью. Присутствіе штыковъ всей Европы на моей границѣ не заставитъ меня говорить иначе. Я былъ терпѣливъ и умѣренъ, но это зависѣло не отъ слабости, а отъ того, что долгъ каждаго государя—не поддаваться чувству непріязни, а исключительно заботиться о спокойствіи и интересахъ своихъ подданныхъ». Затѣмъ, развернувъ карту Россіи и указавъ на самую отдаленную окраину своей имперіи, которая сливается съ восточной Азіей и примыкаетъ къ Берингову проливу, онъ добавилъ: «Если императоръ Наполеонъ рѣшился на войну, и если счастье не будетъ благопріятствовать правому дѣлу, ему придется идти за миромъ до сихъ мѣстъ» [2]).

Все это было сказано серьезно, опредѣлительно, съ кроткой гордостью—такъ, что произвело глубокое впечатлѣніе на Нарбонна. Что же касается возобновленія переговоровъ на новыхъ

---

[1]) За тридцать шесть дней до этого, онъ приказалъ черезъ Сухтелена сдѣлать Англіи формальныя предложенія о мирѣ и союзѣ. См. недавно вышедшій въ свѣтъ томъ XI Мартенса, № 412.

[2]) Неизданные документы. Всѣ сочиненія и мемуары современниковъ передаютъ слова Александра приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

основахъ и указанія средствъ для избѣжанія войны, отвѣтственность за которую Александръ рѣшительно слагалъ съ себя, то царь наотрѣзъ отказался отъ всего этого. По его словамъ, Россія достаточно говорила; нанесенныя ей обиды явны; онѣ на виду у всѣхъ, извѣстны всей Европѣ. «Утверждать, что въ этомъ есть какіе-то секреты—значитъ насмѣхаться надъ всѣмъ міромъ. Теперь разговоры ни къ чему не поведутъ. Если дѣйствительно желали вести переговоры, нужно было изложить это на бумагѣ и въ установленной формѣ». Эти слова были намекомъ на ультиматумъ; это былъ искусный и иносказательный пріемъ поддержать этотъ властно-требовательный актъ.

Въ тотъ же день Нарбонну вручили для передачи государственному секретарю Франціи письмо отъ Румянцева—отвѣтъ на письмо герцога Бассано. Въ немъ канцлеръ ссылался на данныя Куракину инструкціи, не входя въ объясненіе по поводу ихъ содержанія. Вечеромъ Нарбоннъ обѣдалъ за столомъ царя, который приказалъ послѣ обѣда передать ему свой портретъ—общепринятая формальность, которой давалось понять, что порученіе окончено. На слѣдующій день, несмотря на то, что Нарбоннъ не выражалъ ни малѣйшаго намѣренія уѣхать, «метръ д'отель принесъ ему отъ имени императора самой изысканной дорожной провизіи. Графы Кочубей и Нессельроде сдѣлали ему прощальные визиты; наконецъ, явился императорскій курьеръ, и предупредительно доложилъ, что почтовыя лошади заказаны ему къ шести часамъ вечера» [1]). Нельзя было яснѣе и вѣжливѣе дать понять, что ему разрѣшается уѣхать. Словомъ, его продержали какъ разъ столько времени, сколько требовалось для выполненія порученія и изложенія заданнаго ему урока; послѣ чего, съ утонченной деликатностью, его властно посадили въ экипажъ и выпроводили изъ Россіи.

Итакъ, Наполеону не удалось начать черезъ Нарбонна переговоры, единственной задачей которыхъ было задержать начало враждебныхъ дѣйствій; нельзя было ожидать, что и попытка Лористона будетъ удачнѣе. Но, несмотря на полный неуспѣхъ этой военной хитрости, результатъ, о которомъ мечталъ Наполеонъ, все-таки былъ на-лицо. Онъ явился самъ собою, ибо рус-

---

[1]) Ernouf, 362, d'après les Mémoires de la comtesse de Choiseul—Gouffier.

скія войска по-прежнему неподвижно стояли на границѣ и ждали нападенія. Во время этой послѣдней отсрочки сразу наступила поздняя сѣверная весна. На землѣ, еще пропитанной влагой только-что растаявшаго снѣга, быстро появилась растительность. Еще двѣ-три недѣли, и «заколосившаяся рожь дастъ кормъ лошадямъ» [1]), и сама природа дастъ намъ сигналъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Наполеонъ видитъ, что онъ совсѣмъ близокъ къ цѣли, и нетерпѣніе его растетъ по мѣрѣ приближенія къ ней. Теперь онъ спѣшитъ уѣхать изъ Дрездена; ему хочется вырваться изъ искусственной придворной атмосферы, подышать среди своихъ войскъ чистымъ воздухомъ, сбросить покровъ съ своихъ плановъ. Назначивъ свой отъѣздъ на 28-ое, мысленно онъ живетъ уже съ великой арміей; онъ приходитъ съ нею въ непосредственное общеніе цѣлымъ рядомъ мелочно-заботливыхъ предписаній. Между прочимъ, онъ приказываетъ отправить въ Эльбингъ, по ту сторону Вислы, понтонный экипажъ, который будетъ обслуживать его при переправѣ черезъ Нѣманъ. «Весь планъ моей кампаніи—пишетъ онъ 26 мая Даву—построенъ на этомъ понтонномъ экипажѣ, столь же подвижномъ и столь же налаженномъ, какъ пушка» [2]). Онъ принимаетъ мѣры, чтобы къ моменту его пріѣзда развернутыя на Вислѣ боевыя силы могли тотчасъ же перестроиться изъ боевого порядка въ колонны и сконцентрироваться для атаки, чтобы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ четыреста тысячъ человѣкъ, слитыхъ въ одну группу, чтобы всѣ корпуса стояли бокъ-о-бокъ. Въ то же время, вѣчно недовольный и озабоченный тѣмъ, что происходитъ направо и налѣво отъ его операціонной линіи—въ Турціи и Швеціи—онъ приказываетъ Латуръ-Мобуру, во что бы то ни стало, помѣшать заключенію мира на Востокѣ, и, несмотря на свое отвращеніе, позволяетъ Маре́ начать переговоры, на веденіе которыхъ Бернадотъ какъ будто готовъ согласиться. Этимъ двумъ отставшимъ отъ него крыламъ—Турціи и Швеціи—онъ еще разъ подаетъ знакъ присоединиться къ нему. Наконецъ, имѣя въ виду воспользоваться герцогствомъ Варшавскимъ для вызова мятежа въ русской Польшѣ, онъ думаетъ объ организаціи безпорядочныхъ польскихъ бандъ, которыя должны составить его авангардъ. Это дѣло онъ отложилъ на по-

---

[1]) Маре́ Латуръ-Мобуру, 25 мая 1812 г.

[2]) Corresp., 18725.

слѣдокъ, ибо иначе оно преждевременно обнаружило бы его планы и лишило бы его возможности скрывать свою игру. До сихъ поръ, сдерживая ретивую Польшу, теперь онъ намѣренъ опустить повода.

По его просьбѣ саксонскій король подписалъ декретъ, въ которомъ давалъ автономію герцогству и передавалъ верховную власть совѣту министровъ. Теперь необходимо было, чтобы власть, отъ которой отказался нѣмецкій король, немедленно же перешла въ руки французскаго представителя — чрезвычайнаго посланника и намѣстника императора,—и чтобы тотъ вызвалъ патріотическій подъемъ во всѣхъ слояхъ населенія. Задача была трудная, ибо Наполеонъ не хотѣлъ еще произнести чудодѣйственныхъ словъ, которыя привлекли бы на его сторону всѣхъ энергичныхъ людей страны; не хотѣлъ объявить, что Польша возстановляется во всей неприкосновенности ея правъ и ея границъ. Не вполнѣ довѣряя полякамъ, не вѣря въ ихъ способность къ созидательной государственной дѣятельности, при томъ желая щадить австрійцевъ, не отказавшихся еще формально отъ Галиціи и не желая ставить черезчуръ большихъ препятствій для будущаго мира съ Россіей, онъ не зналъ еще, до какихъ размѣровъ ему придется довести дѣло освобожденія Польши, и не хотѣлъ ничего предрѣшать въ этомъ направленіи. Пока требовалось только вызвать въ полякахъ воинственный порывъ во имя рисующагося въ туманѣ идеала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввести среди нихъ хоть немного порядка, единенія и дисциплины, и на первое время заставить эту непослѣдовательную націю идти кучно и единодушно къ намѣченной имъ цѣли.

Еще до отъѣзда въ Дрезденъ онъ подумывалъ, гдѣ найти человѣка, годнаго на такое дѣло? Генералъ врядъ ли будетъ пригоденъ,—онъ будетъ слишкомъ энергиченъ, слишкомъ горячо примется за дѣло; хитрость же и изворотливость не его сфера. Обыкновенный профессіональный дипломатъ не будетъ обладать необходимымъ полетомъ мысли и широтою пріемовъ. Для данной задачи требовался человѣкъ, который импонировалъ бы своимъ положеніемъ, характеромъ, авторитетомъ; который умѣлъ бы быть на высотѣ своей власти, умѣлъ искусно прикасаться къ самымъ чувствительнымъ струнамъ человѣческой души, хитрить съ женщинами, льстить тщеславію военныхъ, умѣрять ихъ чувство зависти и быть главнымъ двигателемъ, не давая этого чувство-

вать. Требовался человѣкъ, привычный къ веденію крупныхъ дѣлъ, искусившійся во всѣхъ хитростяхъ политики, умѣющій искусно управлять страстями и совѣстью,—однимъ словомъ, интриганъ высокаго полета. Наполеонъ подумалъ о Талейранѣ. Довѣрить князю Беневентскому посольство въ Варшавѣ значило бы употребить съ пользой выдающійся умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить изъ Парижа неугомоннаго честолюбца. Начиная съ 1808 и 1809 гг., когда Талейранъ вмѣстѣ съ Фушé, разсчитывая на возможную смерть императора по ту сторону Пиринеевъ — на испанскую пулю, незримо подготовляли перемѣну правительства, Наполеонъ испытывалъ во время своихъ отлучекъ изъ Парижа непріятное чувство отъ присутствія за своей спиной этого слишкомъ предусмотрительнаго человѣка. По его мнѣнію, было бы очень хорошо, если только это возможно, спасти Талейрана отъ самого себя. Онъ думалъ, что высокая должность за-границей, удовлетворяя потребность къ дѣятельности и матеріальные аппетиты этого великаго бѣдняка, быть можетъ, оградитъ его отъ опасныхъ стремленій. «Онъ горюетъ, что болѣе не министръ—говорилъ о немъ Наполеонъ—и, чтобы имѣть деньги, интригуетъ. Окружающіе его люди, подобно ему, всегда нуждаются въ деньгахъ, и готовы на все, чтобы добыть ихъ» [1]). Словомъ, Наполеонъ склонялся къ мысли, что лучше помѣстить Талейрана на правительственномъ посту и держать его тамъ въ заточеніи, чѣмъ оставлять его не у дѣлъ—плести интриги и вздыхать о власти. До отъѣзда изъ Парижа онъ сказалъ князю о своихъ разсчетахъ на него, но вмѣнилъ ему въ обязанность соблюдать строжайшую тайну.

Талейранъ молчалъ; но тотчасъ же учелъ свою будущую должность и сопряженные съ ней денежные обороты, и, зная, что между Парижемъ и Варшавой не было непосредственныхъ денежныхъ операцій, прежде всего позаботился открыть себѣ широкій кредитъ въ извѣстномъ банкѣ Вѣны [2]). Слухи объ этомъ пошли гулять по Вѣнѣ и навели на предположеніе о проектѣ посольства. Дойдя до Парижа, они сдѣлались извѣстными Наполеону и привели его въ бѣшенство. Въ слишкомъ предусмотрительномъ поступкѣ князя, на который его враги не преминули обратить вниманіе императора, Наполеонъ усмотрѣлъ

---

[1]) Неизданные документы.

[2]) Id. Cf. Ernouf, 378.

небрежное отношеніе къ тайнѣ, которую онъ приказалъ ему хранить, косвенное непослушаніе, преступное нарушеніе даннаго обѣщанія, и, быть можетъ, что-либо еще худшее. Онъ пришелъ къ заключенію, что Талейранъ сдѣлался рѣшительно невозможенъ. Отказавшись отъ мысли послать его на Сѣверъ, онъ боялся оставить его въ Парижѣ, и сначала хотѣлъ разрѣшить трудную задачу, отправивъ его въ изгнаніе. Извѣстныя вліянія заставили его отказаться отъ этого намѣренія, но не помѣшали ему подвергнуть князя новой и окончательной немилости.

Вмѣсто Талейрана Наполеонъ взялъ его карикатуру. Аббатъ Прадтъ, архіепископъ Мехельнскій, сопровождалъ Ихъ Величества въ Дрезденъ въ качествѣ духовника. Каждое воскресенье отправлялъ онъ въ католической церкви Дрездена архіерейское служеніе, на которомъ съ достодолжнымъ вниманіемъ присутствовалъ вмѣстѣ съ королевой Вестфальской императоръ, и не подозрѣвавшій, что уже одно присутствіе у алтаря этого недостойнаго прелата оскверняло святость мѣста. А между тѣмъ, онъ хорошо зналъ аббата Прадта, котораго если и награждалъ, то только за рабски-суетливую угодливость, не лишенный бойкости умъ и вычурный стиль. Отъ него не ускользнуло, что аббатъ вѣчно водитъ носомъ по вѣтру; что онъ постоянно перебѣгаетъ въ тотъ лагерь, къ которому повернулось счастье, да еще и похваляется, что заранѣе предвидѣлъ и подготовилъ свою измѣну. Не разъ императоръ ловилъ его въ подпольныхъ интригахъ, и однажды предсказалъ ему, что его страсть интриговать приведетъ его на эшафотъ. Но, какъ мы уже указывали, однимъ изъ основныхъ положеній императора было, что можно извлечь пользу, какъ изъ хорошихъ качествъ человѣка, такъ и изъ недостатковъ. Онъ рѣшилъ, что въ Варшавѣ аббатъ найдетъ случай развернуть съ пользой свои агитаторскіе таланты и можетъ сдѣлаться годнымъ для крупной интриги. Къ тому же, увлекаясь въ это время традиціями Бурбоновъ, императоръ припомнилъ, что не такъ давно, во времена монархіи, посланники изъ духовныхъ лицъ съ успѣхомъ руководили польской неурядицей. Въ аббатѣ Прадтъ онъ хотѣлъ имѣть,—и думалъ, что нашелъ,—своего аббата Полиньяка. Въ результатѣ архіепископъ Мехельнскій, за котораго усиленно стоялъ его родственникъ Дюрокъ, официально былъ назначенъ посланникомъ въ Варшаву. Ему пришлось спѣшно составить себѣ свиту, окружить себя

блестящимъ штатомъ, обзавестись пышной обстановкой и немедленно отправиться въ путь. Нельзя не сознаться, что трудно было найти человѣка, болѣе неподходящаго для выполненія въ высшей степени отвѣтственнаго порученія, какъ этотъ не имѣющій совѣсти священнослужитель, умѣвшій только шпіонить, изобрѣтать небылицы, поносить другихъ, но совершенно лишенный практическаго смысла и умѣнья держать себя. Выборъ этого, не заслуживающаго ни малѣйшаго довѣрія, взбалмошнаго, неискуснаго и трусливаго агента былъ одной изъ вреднѣйшихъ ошибокъ, содѣянныхъ Наполеономъ при распознаваніи и выборѣ людей.

Въ видѣ инструкціи ему была передана пространная записка, составленная подъ руководствомъ императора и дополненная имъ словесными поясненіями [1]). Посланнику предназначалась обширная и разнообразная дѣятельность. Ему поручалось: употребить часть доходовъ герцогства на содержаніе великой арміи, организовать бюро военныхъ развѣдокъ и набрать для него агентовъ, а, главное, сдѣлать Варшаву мѣстомъ свиданія поляковъ со всей бывшей Польши—центральнымъ пунктомъ дѣятельности и пропаганды, пылающій страстями очагъ, пламя котораго разнеслось бы на далекое пространство и вызвало бы мятежъ.

Въ запискѣ говорилось, что, прежде всего, требуется, чтобы министры герцогства эффектнымъ воззваніемъ, содержаніе котораго подскажетъ имъ посланникъ, созвали народное представительство, сеймъ, и предупредили его объ опасности. Когда сеймъ соберется, онъ громогласно поставитъ на очередь великій вопросъ, и постановитъ, чтобы министры представили ему докладъ касательно возстановленія прежняго королевства. Не присваивая себѣ права принимать путемъ подачи голосовъ окончательныхъ по этому докладу рѣшеній, онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ нимъ, и, считая, что соединеніе разъединенныхъ братьевъ негласно совершилось, преобразуется въ общепольскую Конфедерацію, т. е. въ сообщество для дѣятельной борьбы, въ верховный совѣтъ вооруженной націи. По его образцу всюду будутъ формироваться воинствующіе подъ-комитеты — очаги мѣстной агитаціи. Въ каждомъ воеводствѣ будетъ свой собственный очагъ. Затѣмъ слѣдуетъ отправить къ императору депутацію.

---

[1]) Эта записка находится въ Correspondance подъ № 18734.

«Императоръ отвѣтитъ депутатамъ, что одобряетъ одушевляющія поляковъ чувства. Онъ (Его Величество) скажетъ имъ, что возрожденіе ихъ отечества зависитъ только отъ ихъ усердія, отъ ихъ усилій и ихъ патріотизма. Этотъ способъ дѣйствій, котораго предполагаетъ держаться императоръ, въ достаточной степени указываетъ его посланнику, какое положеніе онъ долженъ занять и какого поведенія придерживаться».

Не высказываясь офиціально по поводу будущаго, посланникъ будетъ внушать такія слова, такія дѣянія, которыя бы поддерживали безмѣрныя надежды и опьяняли общественное мнѣніе. Здѣсь, по словамъ аббата, инструкція превращается въ «курсъ дѣятельности политическихъ клубовъ» [1]). Въ ней подробно объясняется, какъ нужно взяться за дѣло, чтобы взволновать народъ во всѣхъ его слояхъ; какъ дѣйствовать, чтобы создать, поддерживать и, всячески разнообразя агитацію, довести умы до бѣлаго каленія. «Требуется обширная и многосторонняя дѣятельность. Нужны и прокламаціи, и сообщенія въ сеймѣ, и выступленія депутатовъ, и, если возможно, столько рѣчей, столько декларацій и отдѣльныхъ манифестовъ, сколько будетъ отдѣловъ въ Конфедераціи. Каждый день нужно выпускать статьи всевозможнаго характера и стиля, направленныя къ одной цѣли, но обращенныя къ разнымъ чувствамъ и разнымъ умамъ. Такимъ путемъ удастся привести всю націю цѣликомъ въ нѣкотораго рода опьяненіе».

Дошедшій до безумія патріотическій экстазъ заставитъ всѣхъ жителей герцогства взяться за оружіе; но, если это горячечное состояніе остановится у границъ герцогства, главная цѣль не будетъ достигнута. Необходимо, чтобы оно передалось за его предѣлы; чтобы сосѣднія страны воспламенились его огнемъ; чтобы поголовное возстаніе распространилось на русскія губерніи. Поэтому, посланнику вмѣняется въ обязанность отправлять въ Литву, Подолію, Волынь, во всѣ части прежней Польши, за исключеніемъ австрійской Галиціи, сочиненія, прокламаціи, пасквили, всякаго рода зажигательные листки, и распространять ихъ тамъ во множествѣ, дабы увлеченная этими воззваніями польская знать въ Россіи сформировалась въ воинственныя банды, въ храбрую, подвижную кавалерію, въ своего рода вер-

---

[1]) Ambassade dans le grand-duché de Varsovie, p. 69.

ховыхъ шуановъ, задачей которыхъ будетъ дѣйствовать на флангахъ и въ тылу непріятеля, непрерывно тревожить его, «поставить его въ то положеніе, въ какомъ была французская армія въ Испаніи и республиканская во времена Вандеи». Созданіемъ повсемѣстной партизанской войны задача посланника будетъ выполнена только на-половину. Кромѣ задачъ революціонера, на него возлагаются задачи организатора. Вызвавъ поголовное возстаніе, онъ долженъ привести въ порядокъ эту безпорядочную толпу, ввести въ нейдисциплину и привести дѣятельность отдѣльныхъ частей въ соотвѣтствіе съ общимъ планомъ возстанія; онъ долженъ управлять возставшими, согласовать ихъ быстрые набѣги съ движеніями великой арміи, наконецъ, обезпечить единство направляющей руки и единство маневрированія, безъ чего не можетъ быть плодотворнаго усилія и отвѣчающаго цѣли содѣйствія.

Въ этомъ сложномъ дѣлѣ слѣдуетъ начать все сразу и продолжать безъ перерыва; но необходимо, чтобы вспышка не произошла преждевременно и чтобы Польша не выступила слишкомъ рано на сцену. Пока у Наполеона остается надежда внушать русскимъ сомнѣнія относительно близости войны, онъ не хочетъ пренебречь этимъ обстоятельствомъ. Поэтому посланникъ на первыхъ порахъ долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы пріобрѣсти полное довѣріе и упрочить свое вліяніе; чтобы привлечь на свою сторону видныхъ дѣятелей и создать изъ своего дома «центръ, куда будутъ стекаться всѣ классы и всевозможные интересы». Такимъ образомъ, онъ соединитъ въ своихъ рукахъ всѣ пружины этого крупнаго дѣла; но чтобы пустить ихъ въ ходъ, долженъ ждать дальнѣйшихъ указаній. Для вящшей предосторожности было условлено, что королевскій декретъ о преобразованіи совѣта министровъ въ исполнительный комитетъ, т. е. объявленіе о крупныхъ нововведеніяхъ, не будетъ опубликованъ раньше 15 іюня. Въ этотъ день императоръ будетъ уже на Вислѣ. Тогда, въ моментъ, когда онъ приметъ командованіе надъ своими войсками и двинетъ ихъ впередъ, станутъ приводиться въ исполненіе и выступятъ на сцену и подготовленныя въ Варшавѣ событія. Выступленіе Польши и результаты агитаціи должны въ точности совпасть съ первыми шагами великой арміи, не опережая ихъ ни на одинъ день.

28 мая послѣ полудня Наполеонъ торжественно простился

съ собравшимися въ Дрезденѣ дворами. Всю слѣдующую ночь во дворцѣ шла непрерывная суматоха. Чины императорской свиты, флигель-адъютанты, ординарцы, шталмейстеры, адъютанты флигель-адъютантовъ—выходили на главный вестибюль и торопливо сбѣгали съ лѣстницъ. Рано утромъ Наполеонъ вышелъ изъ своихъ покоевъ; онъ остановился на нѣсколько минутъ въ залѣ, гдѣ стоялъ почетный караулъ, чтобы въ послѣдній разъ принять добрыя пожеланія и знаки почтенія Фридриха-Августа; затѣмъ, нѣжно обнявъ Марію-Луизу, быстро отправился въ путь. Еще не было и пяти часовъ утра, а его почтовая карета уже катилась по мостовой, и вслѣдъ за нею мчался военный конвой, нарушая утреннюю тишину топотомъ лошадей и бряцаніемъ оружія [1]).

30-го отбылъ въ Потсдамъ и прусскій король, крайне довольный—какъ приказалъ онъ возвѣстить всей Европѣ въ дипломатическомъ циркулярѣ—«драгоцѣнными днями» [2]), проведенными имъ въ Дрезденѣ. Марія-Луиза оставалась въ Дрезденѣ до 4 іюля, затѣмъ отбыла въ Прагу, гдѣ императоръ разрѣшилъ ей провести нѣсколько недѣль у родителей. Тамъ, чтобы утѣшить и поразвлечь ее, предполагалось давать въ ея честь балы, празднества, блестящіе пріемы. Между прочимъ, имѣлись въ виду поѣздка въ Карлсбадъ, посѣщеніе рудниковъ Франкенталя, ихъ иллюминованныхъ на этотъ случай галлерей и гротовъ, стѣны которыхъ, покрытыя блескомъ металлическихъ рудъ, казались усыпанными брилліантами [3]). Императоръ—ея отецъ—будетъ осыпать ее благословеніями, императрица расточать ей не вполнѣ искреннія ласки, и, наконецъ, послѣ многихъ увѣреній въ нѣжныхъ чувствахъ, мачеха и падчерица разстанутся холоднѣе, чѣмъ встрѣтились. Вестфальская королева уѣхала изъ Дрездена черезъ часъ послѣ императрицы и вернулась въ Кассель. Вюрцбургскій великій герцогъ направился въ Теплицъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все общество государей разсѣялось. Въ Дрезденѣ наступили тишина и спокойствие но глаза все еще были ослѣплены всѣмъ видѣннымъ. Какъ будто по небу пронесся метеоръ, оставивъ за собой горящій

---

[1]) Журналъ оберъ-гофмейстера.

[2]) Archives des affaires étrangères, Prusse, 250.

[3]) См. относительно этихъ празднествъ Bausset, II, 60 et suiv.

пурпуромъ и блескомъ слѣдъ. Но, мало-по-малу, его свѣтъ началъ блѣднѣть и гаснуть. Послѣ восторга вступило въ свои права размышленіе, и многіе спрашивали себя, не было ли видѣнное ими чудо только блестящимъ миражемъ. «Чудный сонъ», вздыхая, говорилъ добрый саксонскій король, трепетавшій иногда за сверхчеловѣческую судьбу, съ которой онъ связалъ свою собственную. «Чудный, но слишкомъ короткій, сонъ» [1]).

V.

Герцогъ Бассано остался въ Дрезденѣ до 30 мая. Наканунѣ его отъѣзда вслѣдъ за императоромъ по дорогѣ къ Сѣверу, ему былъ сдѣланъ визитъ, доставившій ему большое удовольствіе. Его посѣтилъ консулъ Синьёль, избранный посредникомъ въ затяжныхъ переговорахъ, которые велись съ Бернадотомъ. Почти два мѣсяца Синьёль непрерывно шмыгалъ между Швеціей и мѣстопребываніемъ французскаго правительства. Теперь, явившись снова, онъ похвастался, что привезъ вѣсти, которыя въ состояніи вполнѣ удовлетворить насъ. Какъ будто счастье, прежде чѣмъ покинуть Наполеона, хотѣло осыпать его своими обманчивыми дарами, ибо послѣдняя, единственная, не считая Россіи, противящаяся ему сила, видимо, склонялась предъ нимъ и готова была вполнѣ подчиниться. Бернадотъ приносилъ повинную и просилъ позволенія занять въ нашихъ рядахъ свое мѣсто. Опираясь на собственноручную записку принца, Синьёль указывалъ на положительныя основы къ примиренію и соглашенію. Оставаясь вѣрнымъ своей неотвязной мечтѣ, Бернадотъ не затрагивалъ вопроса о Финляндіи; онъ желалъ только одного—чтобы ему дали Норвегію, предлагая уступить датчанамъ, въ возмѣщеніе за Норвегію, шведскую Померанію и уплатить двѣнадцать милліоновъ. Онъ говорилъ, что, если согласятся удовлетворить его желаніе, онъ приметъ нашу сторону и не будетъ считаться съ прежними обязательствами; что подпишетъ союзный договоръ, двинетъ противъ Россіи пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, отдастъ себя въ распоряженіе Наполеона и во всемъ будетъ слѣдовать его указаніямъ. Если потребуется,

---

[1]) Серра Маре, 5 іюня 1812 г.

онъ дастъ слово не женить своего сына безъ позволенія императора [1]).

Такая неожиданная перемѣна фронта могла бы поставить въ тупикъ, если бы ее совершилъ кто-нибудь другой, а не Бернадотъ. Впрочемъ, она все-таки заинтриговала историковъ. Ея истинный характеръ и причины были предметомъ многосторонняго разсмотрѣнія. Была ли эта перемѣна искренна? Чистосердечно ли возвращался къ намъ Бернадотъ? Или же слѣдуетъ предположить, что, отказываясь отъ своихъ обязательствъ къ Россіи и открывая переговоры съ Франціей, онъ просто хотѣлъ выиграть время, выждать исхода войны, или, по крайней мѣрѣ, исхода первыхъ сраженій, и тогда уже, безъ промаха принять рѣшеніе? Хотя второе объясненіе гораздо правдоподобнѣе перваго, но истина, въ томъ видѣ, какъ она рисуется по шведскимъ документамъ, говоритъ иное. Бернадотъ заботился сохранить за собой право входа въ нашъ домъ не только изъ страха передъ нашими военными силами. Это не помѣшало ему двумя мѣсяцами раньше принять въ отношеніи императора вызывающій тонъ и заключить союзъ съ его врагами. Причина въ томъ, что онъ боялся, что Россія не посмѣетъ вступить въ борьбу и броситъ его на произволъ судьбы. Этотъ страхъ внушилъ ему въ самое послѣднее время его посолъ въ Петербургѣ, графъ Левенхильмъ, на основаніи нѣкоторыхъ, опровергнутыхъ дальнѣйшими событіями, подозрѣній, которыя, придя на умъ шведскому послу, страшно обезпокоили его. Ключъ къ разгадкѣ этой тайны даетъ отчаянная депеша Левенхильма отъ 17 апрѣля.

Нами было уже указано, что извѣстіе о франко-австрійскомъ союзѣ произвело на царя удручающее впечатлѣніе. Это испытаніе было для него очень тягостно, и Левенхильмъ, который сразу же уловилъ это, счелъ долгомъ предупредить свое правительство. Онъ немедленно же написалъ своему королю. «Императоръ крайне удрученъ извѣстіемъ объ австрійскомъ союзѣ. Здѣсь предполагалось, что Австрія такъ или иначе вмѣшается въ дѣло, но никогда не думали объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Императоръ, какъ видно, вполнѣ предался на волю Божію, и рѣшилъ поступить такъ, какъ повелѣваютъ

---

[1]) Письмо герцога Бассано императору, 30 мая 1812 г. Archives des affaires étrangères, Suède, 297.

ему честь и безопасность Россіи. Но въ душѣ онъ угнетенъ. Онъ видитъ, что вокругъ него создается европейская лига, и начинаетъ бояться за исходъ». Не приведутъ ли эти страхи къ тому, что теперешняя твердость Александра растворится подъ воздѣйствіемъ Румянцева, и царь поддастся его малодушнымъ совѣтамъ? Подобную слабость у царя,—которой, къ слову сказать, совершенно не было,—Левенхильмъ вполнѣ допускалъ и почти предсказывалъ. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что, увидя сочувствіе своимъ излюбленнымъ идеямъ о мирномъ соглашеніи съ Франціей, канцлеръ скоро возьметъ верхъ и не упуститъ случая восторжествовать надъ безконечно болѣе благородными и мужественными стремленіями императора» [1]).

Нужно прибавить, что въ извѣстныхъ кругахъ петербургскаго общества было большое смятеніе. Многіе задавались вопросомъ: не приведутъ ли упорство и воинственная политика императора Россію къ гибели, и не слѣдуетъ ли дворянству прибѣгнуть, ради спасенія государства, къ крайнимъ мѣрамъ? «Вашему Величеству трудно представить себѣ, продолжалъ Левенхильмъ, до чего въ настоящее время доходитъ свобода рѣчей въ столь деспотической странѣ, какъ Россія. Чѣмъ ближе подходитъ гроза, тѣмъ болѣе высказывается сомнѣній въ искусствѣ того, кто держитъ въ своихъ рукахъ бразды правленія... Императоръ, освѣдомленный обо всемъ, не можетъ не знать, до какой степени упало къ нему довѣріе его народа. Поговариваютъ даже о существованіи партіи въ пользу великой княгини Екатерины, супруги принца Ольденбургскаго, во-главѣ которой стоитъ графъ Растопчинъ. Вотъ, государь, по общему мнѣнію причина огорченія императора, тѣмъ болѣе, что Его Величество питаетъ къ великой княгинѣ особенную любовь. При легкости, съ какой русскій народъ примѣняется къ переворотамъ, при его склонности быть подъ управленіемъ женщинъ, ничего нѣтъ удивительнаго, если воспользуются настоящимъ критическимъ временемъ въ имперіи, чтобы произвести переворотъ».

Слухи, передаваемые Левенхильмомъ, дошли до Стокгольма и иными путями [2]). Въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ шведской столицѣ ежеминутно со страхомъ ждали извѣстія, что императоръ Александръ заявилъ о своей покорности, или, что

---

[1]) Archives du royaume de Suède.

Тарашъ Гольцу; Сабатье-де-Кабръ Маре, 21 апрѣля 1812 г.

внутренній переворотъ повергъ Россію въ хаосъ и бросилъ ее, беззащитную, къ ногамъ ея противника.

Ожиданіе подобныхъ событій приводило въ ужасъ Бернадота и его совѣтниковъ. Если Россія не выдержитъ и сдастся до боя, думали они, Швеція останется безъ прикрытія и подвергнется наихудшей участи. Не можетъ быть сомнѣнія, что тогда Наполеонъ, какъ бѣшеный, набросится на нее и заставитъ ее дорого поплатиться за измѣну; можетъ быть, даже поставитъ русскимъ въ обязательство разгромить ее. Слѣдуетъ замѣтить, что Англія не дала еще согласія на русско-шведскій договоръ и выдвигала препятствія [1]). Въ это критическое время, когда Бернадотъ началъ сомнѣваться во всѣхъ своихъ союзникахъ, онъ почувствовалъ необходимость подготовить себѣ путь обращенія къ милосердію Наполеона, и хотѣлъ предохранить себя отъ его гнѣва. Вотъ почему Синьёль получилъ приказаніе спѣшить въ Дрезденъ съ предложеніями, по внѣшности вполнѣ опредѣленнаго характера.

Въ дѣйствительности же о желаніи войти въ соглашеніе не было и рѣчи. Бернадотъ вовсе не хотѣлъ связывать себя съ нами неразрывными, безповоротными обязательствами. Единственной его цѣлью было оставить за собой будущее и избѣгнуть всякаго рода случайностей до тѣхъ поръ, пока горизонтъ не прояснится въ Петербургѣ. Доказательствомъ того служило то, что Синьёль—онъ вынужденъ былъ сознаться въ этомъ герцогу Бассано—не имѣлъ надлежащихъ полномочій. Этотъ предпріимчивый, не пользующійся доброй славой агентъ, занимавшійся сомнительными дѣлами, въ родѣ тѣхъ переговоровъ, которые теперь были ему поручены, предлагалъ герцогу Бассано подписать тотчасъ же любую бумагу, высказывая увѣренность, что принцъ утвердитъ ее, хотя очевидно было, что принцъ умышленно не снабдилъ его формальными полномочіями. Такимъ образомъ, Бернадотъ оставлялъ за собою право, смотря по обстоятельствамъ, или отказаться отъ заключеннаго Синьёлемъ акта, или же поставить его себѣ въ заслугу предъ Наполеономъ, представивъ ему этотъ актъ, какъ доказательство своего раскаянія. Онъ и не думалъ отдаляться отъ Россіи; но въ предвидѣніи того случая, если она потеряетъ мужество, только морочилъ насъ, дѣлая видъ, что отрекается отъ нея и измѣняетъ ей•

---

[1]) См. Ernouf, 338.

Доказательствомъ его несомнѣннаго двуличія служитъ тотъ фактъ, что онъ не прекратилъ своихъ враждебныхъ интригъ. Увѣряя въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, онъ по-прежнему вредилъ намъ, гдѣ только могъ. Въ Германіи его агенты постоянно поддерживали попытки Россіи парализовать дѣйствіе нашихъ союзовъ. Пообѣщавъ царю еще болѣе крупную услугу, давъ ему слово, что уговоритъ турокъ заключить миръ, онъ съ удвоенной энергіей взялся за это дѣло. Одинъ изъ его флигель-адъютантовъ, генералъ баронъ Тавастъ, переплылъ Балтійское море съ порученіемъ поѣхать въ Вильну, и, сговорившись тамъ съ императоромъ Александромъ, не теряя ни минуты, направиться въ Бухарестъ, гдѣ въ это время шли переговоры, и дать дѣлу рѣшительный толчокъ, который привелъ бы къ соглашенію [1]).

Тавастъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, чтобы приписать себѣ честь этого дѣла. Развязка на Востокѣ была уже близка. Чтобы по возможности ослабить слѣдствія франко-австрійскаго договора, Александръ счелъ необходимымъ, во что бы то ни стало, придти къ соглашенію съ Турціей, дабы не имѣть противъ себя этого врага, когда Наполеонъ выставитъ противъ него Австрію. Со спѣшно отправленнымъ курьеромъ Кутузовъ получилъ приказаніе направить всѣ усилія къ заключенію мира; онъ былъ уполномоченъ уменьшить свои притязанія и потребовать только линію Прута, т. е. Бессарабію, и ни клочка Молдавіи. Правда, Александръ не дѣлалъ послѣдней уступки даромъ. Вмѣстѣ съ Бернадотомъ, Армфельтомъ и прочими нашими врагами, онъ желалъ, чтобы миръ былъ закрѣпленъ и упроченъ союзомъ и чтобы Турція присоединилась къ его политикѣ и приняла участіе въ войнѣ. Такимъ образомъ, этого исконнаго союзника Франціи, на котораго Наполеонъ всегда возлагалъ надежды, разсчитывали обратить противъ насъ и бросить на правый флангъ имперіи [2]).

Облеченный полномочіями великій визирь, расположившись на Дунаѣ по близости Бухареста, непосредственно слѣдилъ за ходомъ переговоровъ. У него уже не было арміи, а только жал-

---

[1]) Сабатье де Кабръ Маре́, 21 апрѣля. Сухтеленъ императору Александру, 30 марта и 10 апрѣля.

[2]) Соловьевъ, Александръ I-ый, 222, по перепискѣ императора съ Кутузовымъ.

кіе остатки. По отзывамъ современниковъ, голодъ, болѣзни, дезертирство сократили его войска до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Турція, дѣйствительно, выбилась изъ силъ. Кромѣ этихъ законныхъ причинъ къ переговорамъ, имѣлись и побочныя, въ которыхъ нельзя было признаться. Россія и Англія сыпали золото пригоршнями; драгоманъ Порты Моруцци состоялъ у нихъ на жалованьѣ и искусно эксплоатировалъ противъ насъ недовѣріе Турціи. Говорятъ, что русская канцелярія, чтобы окончательно уронить насъ въ глазахъ Турціи, пустила въ ходъ послѣднее средство. Увѣряютъ, будто она извлекла изъ своихъ архивовъ письмо отъ 2 февраля 1808 г., въ которомъ Наполеонъ приглашалъ царя къ раздѣлу Востока, и представила его, какъ рѣшающій доводъ, на конгрессѣ [1]). Миссія Нарбонна въ Вильнѣ довершила дѣло и окончательно смутила министровъ Порты. Предупрежденіе нашей дипломатіи, что этотъ шагъ простая формальность, ни къ чему не привело. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ попался въ собственную западню. Турки вообразили себѣ, что онъ не рѣшилъ еще порвать окончательно съ Россіей; иначе зачѣмъ вести переговоры. Поэтому, опасаясь, что вдругъ императоры примирятся, что наступитъ второй Тильзитъ, что имъ же придется уплатить расходы по примиренію, они думали только о томъ, чтобы покончить свою распрю съ Россіей и, такимъ образомъ, оградить себя отъ этой ужасной случайности [2]).

Кутузовъ воспользовался этимъ настроеніемъ, и, чтобы поскорѣе покончить дѣло, не настаивалъ на союзѣ; онъ разъединилъ эти два вопроса, и ограничился только заключеніемъ мира, который и былъ подписанъ въ Бухарестѣ 28 мая, съ обычной оговоркой, предоставлявшей право утвержденія государямъ. По договору Турціи возвращались оба княжества, по отдѣленіи отъ нихъ Бессарабіи, присоединенной къ Русской имперіи, которой предоставлялись, сверхъ того, нѣкоторыя территоріальныя права въ Азіи. Въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывалось въ договорѣ согласіе на автономію сербовъ подъ верховной властью султана, туманно подтверждался не точно установленный протекторатъ царя надъ румынскими княжествами и даже надъ всѣми православными христіанами Леванта. Вообще статьи до-

[1]) Ernouf, 323, по запискѣ Маре.

[2]) Переписка Латуръ-Мобура, май 1812 г., passim.

говора носили отпечатокъ той спѣшности, съ какой онѣ были составлены. Двусмысленно, плохо редактированныя онѣ создавали источникъ для споровъ въ будущемъ. Русскіе уполномоченные не заботились о точномъ опредѣленіи правъ своего государя, а старались только обезпечить полную свободу дѣйствій его военнымъ силамъ.

Этотъ, заключенный на скорую руку, миръ явился для Наполеона тяжкимъ ударомъ; онъ уравнивалъ дипломатическія побѣды Франціи и Россіи. Съ другой стороны, миръ безъ союза только на половину удовлетворялъ Александра и Бернадота. «Кутузовъ, писалъ Александръ, не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ весьма важному предмету» [1]). Но нельзя ли инымъ путемъ, рукой другого исправить неоконченную задачу? Нужно замѣтить, что, еще до подписи договора въ Бухарестѣ, Александръ назначилъ главнокомандующимъ дунайской арміи, вмѣсто Кутузова, адмирала Чичагова. Чичаговъ былъ человѣкомъ изобрѣтательнымъ и предпріимчивымъ. Онъ восторгался Наполеономъ, изучилъ его пріемы, подражалъ даже его манерамъ и жестикуляціи и считалъ необходимымъ сражаться съ нимъ его собственнымъ оружіемъ, т. е. разрушительными ударами. Передъ отъѣздомъ въ Яссы—въ главную квартиру, онъ повергъ на благоусмотрѣніе царя и канцлера колоссальный и необычайный планъ, суть котораго состояла въ томъ, чтобы съ помощью турецкаго, а, главнымъ образомъ, христіанскаго Востока устроить противъ насъ грандіозную диверсію.

Переговоры съ Портой продолжались, и, съ цѣлью добиться скорѣйшей ратификаціи договора, были перенесены изъ Бухареста въ Константинополь. Отчего, говорилъ Чичаговъ, не воспользоваться этимъ случаемъ и не поднять снова вопроса о союзѣ, ослѣпивъ взоры султана надеждой пріобрѣсти Далмацію и Іонические острова? Отчего не попытаться добиться отъ турокъ, если не активнаго содѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательнаго непротивленія: права на проходъ черезъ ихъ территорію и разрѣшенія воспользоваться ихъ христіанскими подданными для нападенія на иллирійскія провинціи? Прибавимъ, что дунайскіе и балканскіе христіане—молдаваны, валахи, сербы, босняки, черногорцы,—возбужденные восьмилѣтней борьбой, въ

---

[1]) Соловьевъ, 223.

которой они принимали участіе, вооруженные съ головы до ногъ, готовы были снова ринуться въ бой. Чичаговъ предлагалъ слѣдующее: онъ испроситъ у султана разрѣшеніе набрать изъ нихъ вспомогательныя банды, призоветъ къ себѣ этихъ мятежныхъ повстанцевъ, сформируетъ полки, создастъ изъ этихъ народовъ армію, во-главѣ которой, какъ союзникъ Порты, переправится черезъ Дунай; пересѣчетъ полуостровъ, нападетъ съ высотъ иллирійскихъ Альпъ на французскую Далмацію и дойдетъ до Адріатики. Послѣ захвата побережья и внезапнаго нападенія на Тріестъ, онъ обогнетъ съ сѣвера Венеціанскій заливъ, перейдетъ Альпы и протянетъ руку возставшимъ тирольцамъ и угнетеннымъ швейцарцамъ. Въ это же время англо-русскій флотъ нападетъ съ юга на Италію и вызоветъ возстаніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Словомъ, дѣло шло о томъ, чтобы перебросить въ государство завоевателя войну, которую тотъ перенесъ за восемьсотъ льё отъ своей границы, и въ то время, какъ второй Аннибалъ пустится въ далекія предпріятія, выполнить маневръ въ стилѣ Сципіона. Адмиралъ получилъ приказаніе дѣйствовать согласно этимъ даннымъ, дать туркамъ почувствовать красоту этого плана и возбудить ихъ аппетиты [1]). Но онъ долженъ умолчать о томъ, что, въ видахъ болѣе вѣрнаго воодушевленія христіанскихъ племенъ, а, главнымъ образомъ, славянскихъ народовъ, ему поручено говорить имъ объ освобожденіи изъ-подъ власти турокъ; что онъ долженъ разжечь едва начинавшія проявляться въ нихъ стремленія къ свободѣ и заронить въ нихъ надежду на созданіе славянской имперіи подъ покровительствомъ и защитой Россіи. Такимъ образомъ, идея о сліяніи родственныхъ народностей для образованія крупныхъ національныхъ единицъ, возникшая изъ событій, порожденныхъ французской революціей, явившаяся слѣдствіемъ перемѣны взглядовъ на существовавшіе доселѣ принципы, дѣлалась, какъ въ Германіи, такъ и на Востокѣ, орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ. Идея о панславизмѣ обозначилась въ русской политикѣ сперва,

---

[1]) Mémoires de Tchitchagof, опубликованные въ Revue contemporaine du 15 mars 1855. Solovief, 223. Въ собственноручномъ письмѣ отъ 12 апрѣля англійскому агенту Торнтону, находившемуся въ Швеціи Александръ излагалъ весь планъ диверсіи, прося помочь англійскими эскадрами и деньгами. Martens, XI, nº 412.

какъ средство отразить нашествіе Наполеона и отвлечь въ сторону часть его армій.

Сомнительно, чтобы Александръ и Румянцевъ заблуждались насчетъ фантастичности и романическаго характера подобнаго предпріятія и его шансовъ на успѣхъ, равно какъ и относительно возможности организовать у турокъ, съ ихъ согласія и на ихъ глазахъ, возстаніе ихъ христіанскихъ подданныхъ. Но, можетъ быть, одна угроза подобнаго возстанія могла привести къ практическому и крайне желательному результату, на который неоднократно указывалъ Бернадотъ? У *райи* придунайской области были въ Австріи кровные братья. Христіанскимъ племенамъ сѣверной Турціи сочувствовали по ту сторону границы однородныя имъ группы. Толчокъ, данный первымъ, сообщится и вторымъ. Черезъ молдаво-валаховъ не трудно вызвать волненіе среди румынъ Трансильваніи; черезъ славянъ Турціи—среди славянъ Австріи. Создавъ на флангахъ Австріи многочисленные очаги волненія, разсыпавъ порохъ окрестъ ея восточныхъ владѣній, Россія получитъ возможность занести пожаръ во внутрь Австріи, заставитъ ее дрожать за свое существованіе, и, можетъ быть, помѣшаетъ ей оказать Наполеону существенную помощь.

Переговоры о русско-турецкомъ союзѣ велись въ Константинополѣ, при энергичной поддержкѣ шведскихъ и англійскихъ агентовъ, весь конецъ мая и въ теченіе іюня. Тѣмъ временемъ Чичаговъ укрѣплялъ свою позицію на Дунаѣ—базу своихъ будущихъ военныхъ операцій. Имѣя въ виду серьезное нападеніе на французскія владѣнія, онъ держалъ сербовъ и черногорцевъ наготовѣ, поддерживалъ тайныя сношенія съ недовольными въ Далмаціи, снабжалъ оружіемъ валаховъ, мечталъ о томъ, чтобы перебросить ихъ съ частью русскихъ войскъ въ Трансильванію и подготовлялъ противъ Австріи обходное движеніе [1]).

Но необходимость подобной диверсіи сдѣлалась уже менѣе настоятельной. Въ концѣ апрѣля, въ Вильну прибыло сообщеніе, имѣвшее характеръ добраго предзнаменованія. Еще до того, какъ проводить своего государя съ супругой на свиданіе съ Наполеономъ, еще до клятвъ и сердечныхъ изліяній въ Дрезденѣ, Меттернихъ позаботился представить по секрету доказательство

---

[1]) Переписка Отто, Андреосси и Латуръ-Мобура, іюнь и іюль 1812 г., passim.

истиннаго характера предстоящихъ сценъ. Изъ его словъ было ясно, что все это будетъ пустой комедіей. Рѣшивъ извѣстить русскій кабинетъ о заключеніи франко-австрійскаго союза, онъ сопровождалъ свое сообщеніе такими комментаріями, которыхъ было вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить въ ничтожномъ значеніи союза. Онъ далъ понять, что его дворъ вовсе не смотритъ серьезно на подписанныя съ Франціей обязательства; что вспомогательный корпусъ будетъ, насколько возможно, воздерживаться отъ участія въ войнѣ и едва перейдетъ границу; что, если Россіи угодно будетъ вникнуть въ положеніе Австріи и отнестись къ ней снисходительно, оба государства могутъ втайнѣ оставаться друзьями, хотя, по внѣшности, и будутъ состоять въ войнѣ [1]).

Русское министерство приняло къ свѣдѣнію слова Меттерниха, но просило, чтобы Австрія дала ему ручательство своихъ намѣреній—какую-нибудь гарантію—и обязалась точно ограничить свою дѣятельность. Въ этихъ видахъ, въ строжайшей тайнѣ, открыты были переговоры. Чтобы во время хода переговоровъ оказать давленіе на рѣшенія Австріи, Александръ предоставилъ Чичагову вести на Югѣ пропаганду. Онъ сообщилъ въ Вѣну, что въ его распоряженіи имѣются средства вызвать возстаніе среди мадьяръ и что онъ не задумается воспользоваться ими, если его поставятъ въ необходимость сдѣлать это. Эти угрозы, пущенныя въ ходъ салонами и русскими партіями въ Вѣнѣ, оказали вліяніе на общество, а черезъ него и на правительство; это и было главной причиной, заставившей Австрію сдѣлать еще шагъ на пути тайныхъ компромиссовъ.

Въ нѣсколькихъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, сообщеніяхъ, Меттернихъ далъ формальное увѣреніе, что вспомогательный корпусъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ усиленъ и даже не будетъ доведенъ до полнаго состава; что постараются изыскать средство дать Наполеону, вмѣсто тридцати тысячъ человѣкъ, двадцать шесть тысячъ; что Австрія никогда серьезно не вмѣшается въ распрю; что она не двинетъ своихъ главныхъ силъ и сохранитъ ихъ для лучшаго употребленія. Въ награду за такую полу-измѣну Австрія требовала, чтобы война была строго ограничена и чтобы, кромѣ того мѣста, гдѣ австрійскія войска, къ сожалѣнію, должны

---

[1]) Martens, Traités de la Russie avec l'Autriche, III. 87.

будутъ вступить на русскую территорію, т. е. направо отъ великой арміи, не было совершено ни одного враждебнаго дѣйствія на всемъ протяженіи границъ обѣихъ имперій. Иначе говоря, Австрія требовала, чтобы русскіе отказались отъ контръ-атаки со стороны Венгріи и Трансильваніи. Александръ принялъ второе положеніе соглашенія, и отказался отъ диверсіи на Востокѣ, которую къ тому же стремительность нападенія Франціи дѣлала невыполнимой. На этихъ основахъ между Вѣной и Петербургомъ состоялось, хотя и на словахъ, но формальное соглашеніе; произошелъ обмѣнъ взаимныхъ обѣщаній; съ той и другой стороны было дано слово. Договоромъ, подобнымъ тому, какой оба двора заключили въ формѣ намековъ въ 1809 г., они обязались взаимно щадить одинъ другого, соразмѣрять свои удары, и въ теченіе фиктивной войны тайно потворствовать другъ другу [1]).

Поведеніе Австріи не было единичнымъ фактомъ. Большинство нашихъ союзниковъ замышляло измѣну и ждало только удобнаго времени. Прусскій король, скрѣпивъ своей подписью союзный договоръ съ нами, написалъ царю письмо съ извиненіями. Было рѣшено, что, несмотря на войну, сношенія съ Россіей будутъ продолжаться черезъ тайныхъ, но формально аккредитованныхъ представителей. «Вотъ какъ слѣдуетъ поступать государствамъ, которыя съ давнихъ поръ состоятъ друзьями и которымъ суждено снова сдѣлаться таковыми» [2]), говорила Пруссія. Королевства Конфедераціи, тѣ самыя королевства, которыя или создалъ, или расширилъ самъ Наполеонъ, отличались не меньшимъ двуличіемъ. Русскій посолъ въ Баваріи, Барятинскій, утверждаетъ, «что начиная съ короля и кончая послѣднимъ гражданиномъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, думающихъ, что они герои или мечтающихъ сдѣлаться таковыми, всѣ классы общества съ одинаковымъ отвращеніемъ смотрятъ на возможную войну съ Россіей» [3]). Король говоритъ, «что онъ въ ужасномъ положеніи»; наслѣдный принцъ гордится тѣмъ, что отклонилъ отъ себя командованіе войсками. Эта война, говоритъ онъ, «противна моимъ принципамъ; вотъ почему я не хочу вести ее, хотя страстно люблю мое ремесло» [4]). Когда царю придется отозвать своихъ агентовъ ото всѣхъ по внѣш-

---

[1]) Martens, III, 87, 89. Соловьевъ, 223—224.
[2]) Соловьевъ, 215.
[3]) Martens, VII, 112.
[4]) Id.

ности «офранцузившихся» [1]) дворовъ, баварскій министръ Монжеласъ откажетъ Барятинскому въ выдачѣ паспортовъ на выѣздъ въ Россію; если Барятинскій пожелаетъ получить ихъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать лѣчиться на воды, ему выдадутъ, но при условіи, что онъ останется гдѣ-нибудь по-близости, напримѣръ, въ Карлсбадѣ, ибо разлука будетъ только временной, съ сохраненіемъ надежды снова свидѣться [2]). Со всѣхъ концовъ Германіи—за рѣдкими исключеніями—Александръ получаетъ тѣ же увѣренія въ тайной симпатіи. Его всѣ осуждаютъ; считаютъ, что онъ слишкомъ смѣло и безъ серьезныхъ поводовъ подвергаетъ себя опасности, но никто не можетъ удержаться, чтобы не высказать ему пожеланія успѣха.

Такимъ образомъ, прослѣдивъ въ только-что сдѣланномъ нами обзорѣ настроеніе Европы, начиная со шведскихъ интригъ въ Стокгольмѣ и направляясь черезъ Константинополь, Вѣну и Мюнхенъ въ самое сердце Европы, мы видѣли, что великая армія со всѣхъ сторонъ охвачена сѣтью затаенной вражды; что эта вражда для своего проявленія ждетъ только момента, когда измѣнитъ намъ судьба и счастье повернется не въ нашу сторону. Вотъ реваншъ за ту лесть, которая расточалась тріумфатору въ Дрезденѣ, вотъ обратная сторона этой лучезарной картины. Да, короли оказываютъ Наполеону содѣйствіе, но содѣйствіе вынужденное. По секрету они говорятъ, что не признаютъ обязательствъ, вырванныхъ у нихъ силой. На устахъ у нихъ любовь и преданность, въ сердцѣ—измѣна; они клянутся въ дружбѣ, на дѣлѣ же они простые рабы. Навернется случай порвать цѣпи, и они безъ зазрѣнія совѣсти воспользуются имъ, въ увѣренности, что найдутъ въ своемъ народѣ откликъ своимъ стремленіямъ и своей ненависти.

Ближайшіе помощники императора—маршалы, корпусные командиры и состоявшіе при арміи администраторы и чиновники смутно сознавали опасность. Во время похода по Германіи, они замѣтили, что идутъ по минированной почвѣ, гдѣ для взрыва достаточно малѣйшаго сотрясенія. Комендanты крѣпостей и на-

---

[1]) Joseph de Maistre, Correspondance.

[2]) Въ Вюртембергѣ министръ Цеппелинъ заявилъ Алопеусу, что „Его Величество вовсе не намѣренъ считать себя въ войнѣ съ Россіей". Martens, VII, 124.

чальствующія лица до французскихъ королей включительно, которыхъ Наполеонъ поставилъ на-стражѣ Германіи, въ теченіе цѣлаго года, не переставая, предупреждали его. Осенью 1811 г. Жеромъ написалъ ему поразительное по своей проницательности письмо [1]). Письма Раппа, коменданта Данцига, полны знаменательными признаніями. Въ нихъ Раппъ высказываетъ безпокойство по поводу ненависти, которая скопляется вокругъ него, хотя онъ наноситъ жителямъ «только неизбѣжный вредъ». Нѣкоторое время спустя, онъ не выдерживаетъ, и, выйдя за предѣлы своей военной компетенціи, посылаетъ политическое донесеніе со слѣдующими выводами: «Всюду умы взвинчены, всюду ожесточеніе. Дѣло обстоитъ такъ, что если кампанія будетъ для насъ несчастлива (чего нѣтъ основаній допускать) всѣ — отъ Рейна до Сибири—поднимутся противъ насъ. Я не распространитель тревожныхъ слуховъ, и не люблю слыть за человѣка, который все видитъ въ мрачномъ свѣтѣ, но то, о чемъ я предупреждаю—достовѣрно» [2]). Даже Даву — непоколебимый Даву— поддается подобію страха. Онъ вспоминаетъ, что въ 1809 г. дѣло висѣло на волоскѣ, и умоляетъ, чтобы хорошенько вдумались въ этотъ урокъ.

Эти донесенія выводятъ изъ терпѣнія, злятъ Наполеона. Онъ дѣлаетъ Раппу строгій выговоръ и отсылаетъ его къ его роли солдата. Онъ и самъ видитъ опасность, но не допускаетъ, чтобы другіе замѣчали ее, а тѣмъ болѣе указывали ему на нее, ибо, благодаря своему непобѣдимому счастью, а, главное, столькимъ и столь тщательно выполненнымъ мѣрамъ для обезпеченія успѣха кампаніи, онъ увѣренъ, что преодолѣетъ опасности. Правда, въ дѣлѣ подготовки все, до послѣднихъ мелочей, было превосходно задумано и разсчитано, но выполненіе оставляло желать многаго. Вслѣдствіе огромнаго количества средствъ, вслѣдствіе необычайной ихъ сложности, онъ не можетъ самъ слѣдить за выполненіемъ своихъ приказаній. Онъ не въ состояніи обнять столько предметовъ, какъ бы велики ни были его силы. Лица же, которымъ онъ поручаетъ выполненіе, не обладаютъ ни его авторитетомъ, ни его зоркимъ взглядомъ. Невнимательное отношеніе подчиненныхъ, безпечность солдатъ, нерадивость и иногда недобросовѣстность администраціи, уже въ силу своихъ громад-

---

[1]) Correspondance du roi Jérôme, V, 247—249.
18 ноября 1811 г. Archives nationales, AF, IV, 1656.

ныхъ размѣровъ ускользающія отъ надзора, приводятъ къ недочетамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пути уже загромождены, начинается сутолока. Дисциплина падаетъ; средства, требующія доставки, и съѣстные припасы запаздываютъ. Армія не желаетъ поддерживать въ хорошемъ состояніи то, что имѣетъ: люди не заботятся о своей аммуниціи, морятъ лошадей, и многіе корпуса явятся предъ непріятелемъ съ негодными къ употребленію лошадьми, съ недостаточнымъ количествомъ провіанта, съ дурно организованнымъ служебнымъ персоналомъ и недостаточно обученными солдатами [1]).

Между начальниками происходятъ нежелательныя пререканія. Даву и Бертье въ открытой ссорѣ; Даву озлобленъ, Мюратъ недоволенъ, Жюно усталъ и тѣломъ и душой. А сколько другихъ начальниковъ идутъ отяжелѣвшимъ шагомъ, еле волоча ноги, безъ прежняго увлеченія и былой энергіи! Они слишкомъ богаты, слишкомъ знатны; въ нихъ нѣтъ уже прежнихъ порывовъ слѣпой, беззавѣтной преданности: они размышляютъ и критикуютъ. Отголоски глухой оппозиціи ближайшихъ къ императору лицъ доходятъ до нихъ и подрываютъ ихъ довѣріе. Они знаютъ, что предпріятіе осуждается такими людьми, какъ Камбасересъ, Молліенъ, Декре́, Лавалеттъ. Изъ разговоровъ они знаютъ, что не только Коленкуръ, но и другія лица, хорошо знакомыя съ Россіей, высказывали императору свои опасенія; что одинъ изъ нихъ, полковникъ Понтонъ, на колѣняхъ умолялъ его остановиться. Эти разсказы ходятъ по штабъ-квартирамъ и вселяютъ неувѣренность, для возбужденія которой достаточно простого здраваго смысла. Даже въ свитѣ императора гуляютъ тревожныя фразы. Шопотомъ повторяются слова Семонвилля, бывшаго члена народнаго конвента, нынѣ сенатора, который пріобрѣлъ такую извѣстность своимъ умѣньемъ предугадывать будущее, что правительство, отъ котораго онъ началъ сторониться, считается обреченнымъ на гибель. Говорятъ, что во время пребыванія своего въ Женевѣ у префекта Капелла, онъ сказалъ при видѣ проходившихъ мимо солдатъ, отправлявшихся въ армію: «Ни одинъ изъ нихъ не вернется: они идутъ на убой» [2]). Считая, что од-

---

[1]) Mémoires inédits de M. de Saint-Chamans, которыя должны въ скоромъ времени появиться въ свѣтъ, содержатъ по этому поводу характерныя подробности.

[2]) Неизданные документы.

ного крупнаго бѣдствія достаточно, чтобы разсѣять чары и все перевернуть вверхъ дномъ, онъ рискнулъ прибавить, что походъ въ Россію даетъ надежды Бурбонамъ.

Подобнаго рода предчувствія и сокровенныя мысли не проникаютъ еще въ главную массу нашихъ войскъ. Чѣмъ ниже спускаешься по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе видишь довѣрія, мужества и беззавѣтной преданности. Изъ конца въ конецъ несмѣтной арміи, которая, по приказанію императора, стоитъ еще на Вислѣ, всѣ чины, помимо высшаго начальства, объяты воинственнымъ трепетомъ, трепетомъ страстнаго желанія поскорѣе вступить въ дѣло. Выслужившіеся изъ рядовыхъ и желающіе пробить себѣ дорогу офицеры, жаждущая пріобрѣсти военную славу золотая молодежь,—всѣ они желаютъ, чтобы поскорѣе началась кампанія. Они стремятся къ чинамъ, къ отличіямъ, къ великимъ подвигамъ; они жаждутъ славы и наживы.

Помимо того, нравственное вліяніе Наполеона на эти безхитростныя души такъ сильно, что не оставляетъ мѣста размышленію, и, несмотря ни на что, только онъ, только обаяніе его личности сплачиваетъ всѣ части этого разрозненнаго сборища; только его имя заставляетъ умолкать раздоры и воспламеняетъ въ сердцахъ единодушный порывъ. Даже наиболѣе враждебные контингенты—пруссаки, испанцы, славяне съ береговъ Адріатики, т. е. тѣ элементы, которыхъ силой включили въ ряды арміи,—подпадаютъ подъ его вліяніе. Они ненавидятъ его, и все-таки идутъ за нимъ, ибо чувствуютъ своего рода гордость сражаться подъ командой такого вождя; они знаютъ, что достаточно одного его одобрительнаго отзыва, чтобы навсегда поставить ихъ въ почетный рядъ. Что же касается французскихъ солдатъ, то и украшенные нашивками ветераны, и молодые, взятые отъ сохи рекруты остаются, подобно народу, изъ нѣдръ котораго они вышли, непоколебимо преданными человѣку, зачаровавшему ихъ воображеніе. За свою кровь они всего ждутъ отъ него,—неслыханныхъ наградъ, великаго будущаго и всякихъ благъ земныхъ. Среди нихъ распространилось убѣжденіе, что Россія только стадія на пути въ другія страны, что они пойдутъ дальше, что Наполеонъ поведетъ ихъ вглубь сказочной Азіи, въ волшебный міръ, гдѣ нужно только нагибаться, чтобы запасаться сокровищами и собирать короны. Ихъ вѣра въ подобное будущее—беззавѣтная и непреложная—высказывается въ ихъ

дѣтски-наивныхъ письмахъ. Послѣ вѣроломнаго поддакиванія союзныхъ королей, послѣ предостереженій министровъ и генераловъ, послѣ мрачныхъ донесеній начальниковъ, послѣ предсказаній недовольныхъ высокопоставленныхъ лицъ, приведемъ письмо солдата. Вотъ что пишетъ своимъ родителямъ одинъ фузилеръ 6-го гвардейскаго полка, перваго батальона, четвертой роты:

«Сперва мы вступимъ въ Россію, гдѣ намъ придется немножко подраться, чтобы проложить себѣ путь дальше. Императоръ, должно быть, уже пріѣхалъ въ Россію, чтобы объявить ему—тамошнему маленькому императору—войну. О! мы живо раздѣлаемъ его подъ бѣлый соусъ! Если бы мы были одни и то было бы достаточно. Ахъ! отецъ, и какъ же здорово готовятся къ войнѣ. Наши старые солдаты говорятъ, что никогда не видали ничего подобнаго. И это правда, ибо ведутъ сильное и огромное войско, но мы не знаемъ для Россіи ли оно. Кто говоритъ, что пойдемъ въ Остъ-Индію, кто—въ Египетъ (*Egipte*); не знаешь, кому вѣрить. Мнѣ лично рѣшительно все равно. Я хотѣлъ бы, чтобы мы пошли (*irions*) на край свѣта». Тотъ же солдатъ пишетъ въ другомъ письмѣ: «Мы идемъ въ Остъ-Индію; она находится въ тысяча трехстахъ льё отъ Парижа» [1]).

Итакъ, Индія—этотъ волшебный магнитъ, который увлекалъ нѣкогда великихъ искателей приключеній въ борьбу съ морскими волнами, мерцаетъ и предъ очами нашихъ солдатъ. Вдали, по ту сторону мрачной и таинственной Россіи, имъ чудится страна, сіяющая свѣтомъ и золотомъ, съ залитыми солнцемъ долинами покоя, сладостныхъ утѣхъ и блаженства. Вотъ видѣнія, которыя грезятся имъ въ ихъ лагеряхъ на Вислѣ, во время спанья на сырой землѣ, на холодномъ вѣтру сѣверной весны, неприглядной, какъ наша зима. И по утрамъ, когда у полковыхъ знаменъ раздается съ барабаннымъ боемъ и звуками сигнальныхъ рожковъ утренняя заря, всѣ эти взрослыя дѣти Галліи вскакиваютъ съ беззаботнымъ, радостнымъ, какъ пѣснь жаворонка, весельемъ. Ретиво принимаются они за дневную работу, за ученья, за подготовительныя къ походу занятія. Они смотрятъ на будущее съ полной надеждой, не помышляя объ опасностяхъ. Они убѣждены, что ими руководитъ божество, что непогрѣшимый вождь ведетъ ихъ къ побѣдѣ.

---

[1]) Эти письма сообщилъ намъ M. Maurice Levert, который напечаталъ часть ихъ въ Revue de la France moderne.

ГЛАВА XIII.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВТОРЖЕНІЕ [1]).

Наполеонъ въ Познани.—Энтузіазмъ населенія.—Отвѣтъ Бернадоту.—Пребываніе въ Торнѣ.—Послѣднія приготовленія.—Главная забота императора: вопросъ о хлѣбѣ.—Планъ нападенія.—Наполеонъ отправляетъ свои войска въ походъ до объявленія войны.—Воинственное настроеніе Наполеона.—C h a n t d u d é p a r t.—Встрѣча съ Мюратомъ; сантиментальная комедія.—Опустошительный походъ черезъ восточную Пруссію и нижнюю Польшу; загроможденіе путей; первые безпорядки.—Манифестъ о войнѣ.—Обманъ въ послѣднюю минуту.—Извѣстія изъ Петербурга.—Отказъ русскаго императора принять французскаго посланника.—Наполеонъ догоняетъ головную колонну.—Его прокламація къ войскамъ.—Онъ мчится на аванпосты и подъѣзжаетъ къ Нѣману.—Онъ видитъ Россію.—Переодѣваніе.—Развѣдка верхомъ.—Приключеніе.—Мрачныя предчувствія.—Прибытіе войскъ.—День 23 іюня.—Ночь.—Привалъ при мертвой тишинѣ.—Первые выстрѣлы.—Восходъ солнца.—Волшебная картина.—Энтузіазмъ войскъ; императоръ веселъ и дѣятеленъ.—Инцидентъ на рѣкѣ Виліи.—Занятіе Ковно.—Сорока-восьмичасовое дефилированіе войскъ.—Вторженіе начинается.

I.

Изъ Дрездена Наполеонъ, не останавливаясь, проѣхалъ въ Познань. Съ его вступленіемъ на польскую землю среди поля-

[1]) Данныя для изложенія заимствованы изъ неизданныхъ источниковъ на которые мы будемъ указывать по мѣрѣ хода нашего разсказа, а также изъ громаднаго количества сочиненій и м е м у а р о в ъ, оставленныхъ современниками; главныя изъ нихъ послѣ знаменитыхъ трудовъ Ségur'a,—сочиненія Baudus, Berthezène, Boulard, Bourgoing, Castellane, Chambray, Denniée, Dupuy, Fezensac, Grouchy, Gourgaud, Labaume, Marbot, Roguet, Soltyk.

ковъ вспыхнулъ энтузіазмъ, который, по мѣрѣ движенія императора впередъ, охватывалъ все бо́льшіе районы, какъ будто рядомъ съ нимъ шелъ прообразъ ихъ возродившейся родины. Въ Познани его встрѣтили неистовыми, бурными возгласами «ура»; все населеніе привѣтствовало его пріѣздъ и заранѣе праздновало его побѣды. Вечеромъ на шпицѣ каѳедральнаго собора, сверкая огнями, загорѣлась огромная лавровая корона, которая, какъ свѣтящійся маякъ, разбрасывала на далекое пространство лучи свѣта и надежды. Солдаты, граждане, власти, знать, женщины— поочередно являлись привѣтствовать освободителя. Онъ привѣтливо принималъ почести, былъ ласковъ съ простымъ народомъ, строгъ со знатью, которую держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. «Съ 1806 г. онъ не сдѣлалъ успѣховъ», сказала одна свѣтская дама [1]). Какъ разъ въ это время онъ получилъ послѣднія предложенія Бернадота. Герцогъ Бассано поспѣшилъ передать ихъ императору, и высказалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ пренебрегать ими. Но Наполеонъ, уже цѣлый годъ наблюдавшій за эволюціями Бернадота, за колебаніями его политики, и въ этотъ разъ сообразилъ, что этотъ честолюбецъ не имѣлъ въ виду быть ему преданнымъ, а желалъ только оградить себя. «Пусть выступаетъ въ походъ, коль скоро объ его родины предписываютъ ему это, сказалъ онъ; въ противномъ случаѣ, пусть мнѣ больше не говорятъ объ этомъ человѣкѣ!» [2]). Въ послѣдній разъ встрѣтивъ на своемъ пути бывшаго имперскаго маршала, лицемѣрно забѣгавшаго къ нему съ неискреннимъ предложеніемъ сдѣлки, онъ бросилъ ему этотъ отвѣтъ и прошелъ мимо.

Онъ приказалъ объявить въ Варшавѣ, что желаетъ посѣтить столицу герцогства, въ сущности не имѣя намѣренія выполнить свое обѣщаніе. Распространяя такой слухъ не только въ Варшавѣ, но и по всему Сѣверу, онъ разсчитывалъ наэлектризовать поляковъ и держать въ постоянномъ ожиданіи, такъ сказать на чеку, разставленные въ великомъ герцогствѣ французскіе и союзные корпуса. Главной же его цѣлью было внушить русскимъ, что рѣшительное нападеніе произойдетъ со стороны Варшавы, по направленію Гродненской и Волынской губерній; благодаря этому маневру, онъ разсчитывалъ отвлечь въ эту сторону ихъ вниманіе и

---

[1]) Souvenirs d'un officier polonais (Brandt), опубликованныя барономъ Ernouf'омъ, стр. 230.

[2]) Ernouf, 341, по личнымъ воспоминаніямъ герцога Бассано.

силы [1]). Планъ его былъ такой. Въ то время, когда обманутый относительно его истинныхъ плановъ непріятель начнетъ выставлять бо́льшую часть своихъ войскъ противъ Варшавы и противъ нашего праваго фланга, онъ передвинетъ свой лѣвый флангъ къ сѣверу. Направивъ главную часть арміи вдоль побережья Балтійскаго моря, онъ переброситъ ее съ нижней Вислы на Кенигсбергъ, затѣмъ на Нѣманъ, переправится черезъ Нѣманъ около Ковно и внезапно вступитъ въ Литву. Его главная цѣль—Вильна. Въ этомъ мѣстѣ онъ разсчитываетъ пробить брешь въ русской арміи, прорвать ея линію, разбить ее на нѣсколько отдѣльныхъ частей, разгромить одну за другой эти части и этими молніеносными ударами рѣшить или, по меньшей мѣрѣ, предрѣшить судьбу кампаніи.

Поэтому, по выѣздѣ изъ Познани, онъ уклоняется влѣво, и, свернувъ съ варшавской дороги, подъѣзжаетъ къ Вислѣ у Торна. Его главная квартира и лица его свиты, что само-по-себѣ составляетъ почти цѣлую армію, еще до него прибыли въ Торнъ и внесли въ городъ много оживленія и шума. Торнъ—важный стратегическій пунктъ и центръ боевыхъ силъ Наполеона. Здѣсь онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками, расположившимися въ мѣстахъ безчисленныхъ стоянокъ. Вблизи, немного позади Торна, стоитъ гвардія; впереди, вправо, влѣво отъ него—всюду стоятъ полки его великой арміи. Налѣво до самаго моря—разставлены эшелонами занимающіе оба берега нижней Вислы корпуса Нея, Удино, Даву, формирующійся корпусъ Макдональда; направо—въ семичасовомъ разстояніи отъ Торна—стоитъ Евгеній съ итальянской арміей и баварцами; онъ прикасается къ полякамъ Понятовскаго, которые, въ свою очередь, опираются на три сгруппированныхъ около Варшавы корпуса подъ командой короля Жерома. Этотъ рядъ арміи, подкрѣпленный четырьмя состоящими исключительно изъ кавалеріи корпусами, замыкается на обоихъ флангахъ прибывшими на свои мѣста прусскимъ и австрійскимъ контингентами. Онъ тянется безъ перерыва на протяженіи двухсотъ льё, выставляя противъ непріятеля полмилліона штыковъ.

Не двигая впередъ ни одной части своихъ войскъ, Наполеонъ обдумываетъ мѣры, которыя непосредственно предшествуютъ на-

---

[1]) Id., 385. Corresp., 18769, 18780, 18800.

чалу кампаніи и принимаетъ послѣднія предосторожности. Онъ придвигаетъ резервы, доводитъ до полнаго комплекта наличный составъ и предметы снаряженія; приказываетъ ссыпать сперва въ ящики, затѣмъ изъ ящиковъ въ лядунки, милліоны патроновъ, въ громадномъ количествѣ сложенныхъ въ магазинахъ на Вислѣ. Его всегдашняя забота—вопросъ о продовольствіи; въ этомъ вопросѣ онъ усматриваетъ и главное затрудненіе, и величайшую опасность предстоящей кампаніи. Онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: необходимо, чтобы у всѣхъ войскъ въ минуту ихъ столкновенія съ непріятелемъ было провіанта на двадцать-двадцать пять дней. Для достиженія установленной цифры предлагается всѣмъ корпуснымъ командирамъ забрать въ занятой странѣ все зерно и тотчасъ же обратить его въ муку. Императоръ неуклонно и лично наблюдаетъ за этимъ дѣломъ, подгоняя своихъ сотрудниковъ. Въ двадцати пунктахъ—въ Плоцкѣ, Модлинѣ, Варшавѣ, по всей линіи Вислы, приказываетъ онъ молоть, «усиленно молоть» [1]), и добытыя такимъ путемъ груды муки, распредѣляетъ между корпусами, не трогая несмѣтныхъ запасовъ провіанта, которые везутся вслѣдъ за арміей на десяткахъ тысячъ подводъ.

Въ началѣ первой недѣли іюня эти важныя приготовленія были закончены или, по крайней мѣрѣ, казались законченными. Сверхъ того, въ странахъ, по которымъ нашимъ войскамъ предстояло идти къ Нѣману, весна уже сдѣлала свое дѣло. Высокая, густая, сочная трава обѣщала обильный запасъ фуража—передъ нами разстилался огромный коверъ луговъ восточной Пруссіи. Итакъ, насталъ благопріятный для начала дѣйствій часъ—тотъ часъ, который Наполеонъ назначилъ десять мѣсяцевъ тому назадъ и къ которому готовился съ такимъ терпѣніемъ, коварствомъ, съ такими усиліями скрыть свои приготовленія. Наконецъ-то онъ достигъ столь упорно-преслѣдуемой цѣли: русскіе не тронулись съ мѣста и не помѣшали ему довести до конца его подготовительный трудъ. Ему удалось собрать войска, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, доставить на мѣсто, доведя до изумительныхъ размѣровъ и высшей степени совершенства свои военныя средства, которыхъ, по его мнѣнію, было вполнѣ достаточно, чтобы сокрушить всевозможныя препятствія. Въ на-

---

[1]) Corresp., 18765.

стоящій моментъ онъ имѣетъ преимущество предъ непріятелемъ; онъ вездѣ превосходитъ его и количествомъ силъ, и выгодами стратегическаго положенія. Теперь онъ можетъ обрушиться на него со всѣми своими силами. Теперь великая армія покинетъ стоянки и перейдетъ въ наступленіе, и да свершится предназначенное Рокомъ! Долгое время сдерживая рвеніе своихъ войскъ, императоръ даетъ имъ волю. До сихъ поръ онъ все затягивалъ; теперь со всѣмъ торопитъ.

Онъ останавливается на слѣдующемъ планѣ дѣйствій. Корпуса лѣваго фланга, во-главѣ съ корпусомъ Даву, должны быстро двинуться въ походъ и сконцентрироваться на пространствѣ между дельтой рѣки Вислы и мѣстностью, прилегающей къ Кенигсбергу, затѣмъ идти на Нѣманъ и переправиться черезъ рѣку. Центръ, т. е. армія Евгенія, послѣдуетъ за этими корпусами: она пойдетъ въ томъ же направленіи и сольется съ ними. Выдвинувъ такимъ образомъ лѣвый флангъ и центръ, императоръ «откажется» на время отъ праваго фланга, оставитъ его на мѣстѣ. Вестфальскій король съ тремя корпусами, поддерживая связь съ австрійцами Шварценберга, останется въ окрестностяхъ Варшавы вмѣстѣ съ польской арміей Понятовскаго въ выжидательномъ и наблюдательномъ положеніи. Если стоящая передъ ними армія Багратіона, замѣтивъ движеніе нашего лѣваго фланга, попытается остановить его диверсіей, и, произведя контръ-атаку, нападетъ на Варшаву, войска Жерома встрѣтятъ и задержатъ ее. Императоръ предоставитъ ей «завязнуть тамъ» [1]), а самъ тѣмъ временемъ переправится черезъ Нѣманъ. Оттѣснивъ другія русскія войска и затѣмъ, внезапно перемѣнивъ направленіе, онъ нападетъ на нее съ тыла, и или истребитъ ее, или захватитъ въ плѣнъ. Если же армія Багратіона, вдохновившись инымъ рѣшеніемъ, пойдетъ внизъ по теченію пограничной рѣки на соединеніе съ войсками, которыя будутъ защищать переправу черезъ рѣку и прикрывать Вильну, Жеромъ, лишь только ясно обрисуется эта эволюція, долженъ перейти въ наступленіе. Онъ перейдетъ Нѣманъ около Гродно, броситься вслѣдъ за Багратіономъ, будетъ преслѣдовать его по пятамъ, ударитъ ему въ тылъ или во флангъ, постарается замкнуть кольцо, которымъ императоръ хочетъ охватить лѣвый флангъ русскихъ, и, присоединясь со всѣми своими силами къ общему движенію, окажетъ содѣйствіе вторженію.

---

[1]) Corresp., 18785.

Приказы корпуснымъ командирамъ о выступленіи въ походъ были отправлены начальникомъ главнаго штаба принцемъ Невшательскимъ; для Даву, Евгенія и Жерома императоръ прибавилъ отъ себя особыя инструкціи, которыя вполнѣ разоблачаютъ его мысль [1]). Наполеонъ рѣшительно обнажаетъ шпагу, а между тѣмъ, между нимъ и Россіей не произошло никакого новаго инцидента. Со времени возвращенія Нарбонна дипломатическое положеніе не измѣнилось. Императоръ Александръ еще не увѣдомилъ, признаетъ ли онъ правильнымъ безразсудный поступокъ князя Куракина и беретъ ли на себя отвѣтственность за его декларацію о разрывѣ. Наполеону еще неизвѣстно, какой пріемъ оказанъ былъ графу Лористону въ Вильнѣ; былъ ли его представитель принятъ и выслушанъ царемъ; обратилъ-ли царь вниманіе на его намеки на мирное соглашеніе—все это безспорное и ясное доказательство того, что цѣлью этого шага было желаніе отсрочить войну, но не избѣгнуть ея. Наполеонъ идетъ на врага потому, что готовъ къ войнѣ; потому, что считаетъ, что всѣ выгоды на его сторонѣ; что онъ въ состояніи побѣдоносно покончить съ распрей, отъ мирнаго рѣшенія которой давно отказались и онъ самъ, и его противникъ. Тѣмъ не менѣе, дѣлая послѣднія распоряженія, онъ еще не объявляетъ войны. Чтобы, насколько возможно дольше, поддерживать въ русскихъ заблужденіе насчетъ ихъ безопасности, чтобы придать подготовленному нападенію болѣе удручающій характеръ внезапности, онъ до послѣдняго момента не будетъ признавать офиціально, что состоитъ въ разрывѣ съ ними. Прежде чѣмъ гласно объявить о своихъ обидахъ и выпустить манифестъ о войнѣ, онъ будетъ еще выжидать, пока его войска не выиграютъ нѣсколько переходовъ, пока они вплотную не подойдутъ къ русской границѣ и, такъ сказать, не насядутъ на врага.

Въ Торнѣ онъ остается еще нѣсколько дней, чтобы сдѣлать смотръ отправляющимся въ походъ войскамъ, посѣтить магазины, госпитали, улучшить организацію службъ, и окинуть все хозяйскимъ взглядомъ. До оставленія гвардіей ея квартиръ, онъ пожелалъ видѣть входящіе въ ея составъ корпуса и съ особымъ вниманіемъ сдѣлалъ имъ смотръ. Онъ любилъ эти мужественныя солдатскія фигуры, ихъ желѣзную грудь, любилъ этихъ храбре-

---

[1]) Corresp., 18766—18772.

цовъ, которые въ его присутствіи горѣли внутреннимъ огнемъ, которые недвижно стояли на парадѣ и стремительно сокрушали все на своемъ пути. Ихъ выправка и видъ порадовали его. Несмотря на утомительный и тягостный путь, ихъ лица сіяли восторгомъ, глаза горѣли. Одинъ командиръ артиллеріи приблизился къ Его Величеству и сказалъ: «Съ такими войсками, Государь, вы можете пойти на завоеваніе Индіи» [1]). Императоръ былъ, видимо, доволенъ комплиментомъ. Въ эти дни, сдержанный на словахъ, онъ былъ щедръ на милости.

Онъ пожелалъ лично отдать гвардейскимъ полкамъ приказъ о выступленіи въ походъ, самъ отправилъ ихъ въ путь и присутствовалъ при ихъ уходѣ [2]). Непрерывное прохожденіе войскъ, ихъ сдѣлавшіяся знаменитыми формы, несмолкаемый грохотъ барабановъ, звуки трубъ, привѣтствія этихъ чудныхъ войскъ; отъѣздъ офицеровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ приказъ, долженствующій сдвинуть съ мѣста и привести въ движеніе огромное количество людей—все это громадное движеніе, совершавшееся вокругъ него, по мановенію его руки, оживляло его, приводило въ лихорадочное состояніе. Теперь, когда жребій безповоротно брошенъ, онъ всецѣло отдается своимъ воинственнымъ инстинктамъ; онъ опять становится только солдатомъ, самымъ великимъ и самымъ пылкимъ, какой когда-либо существовалъ. Онъ мечтаетъ только о побѣдахъ, о завоеваніяхъ. По вечерамъ, покончивъ съ отправкой безконечныхъ приказовъ и немного отдохнувъ—онъ спалъ урывками—императоръ прогуливался подъ сводами залъ стараго монастыря, въ которомъ имѣлъ пребываніе, и во время ходьбы, усиливавшей быстроту и полетъ его фантазіи, нерѣдко приходилъ въ восторженное состояніе при мысли, что поведетъ въ бой столько людей и подастъ сигналъ къ переселенію народовъ. Однажды ночью, спавшіе рядомъ съ его покоемъ дежурные офицеры были поражены, услышавъ, какъ онъ громкимъ голосомъ запѣлъ пріуроченную къ обстоятельствамъ пѣсню, одинъ изъ тѣхъ революціонныхъ припѣвовъ, которые такъ часто вели французовъ къ побѣдамъ. Онъ пѣлъ знаменитую строфу изъ *Chant du départ:*

---

[1]) Mémoires militaires du général baron Boulart, 241.

[2]) Id., 240—241.

Et du Nord au Midi la trompette guerrière
A sonné l'heure des combats.
Tremblez, ennemis de la France... [1]) *).

6 іюня онъ покинулъ Торнъ. Въ это время корпуса лѣваго фланга уже снимались съ мѣстъ и выступали въ походъ. Его нетерпѣніе пуститься въ путь было такъ велико, что онъ упредилъ назначенный имъ самимъ часъ отъѣзда. Такъ какъ его экипажи не были готовы, онъ сѣлъ на коня и верхомъ промчался часть перехода, предоставивъ своей растерявшейся отъ столь поспѣшнаго отъѣзда свитѣ слѣдовать за нимъ, кто какъ могъ. Въ слѣдующіе дни, такъ какъ, отправившись въ легкой почтовой каретѣ, онъ ѣхалъ быстрѣе, чѣмъ шли его тяжелыя колонны, онъ рѣшилъ, что успѣетъ, не отставая отъ нихъ, посѣтить Данцигъ, оставшійся теперь въ тылу нашей операціонной линіи, и осмотрѣть этотъ огромный складъ оружія и провіанта. Онъ разсчиталъ, что этотъ крюкъ займетъ у него приблизительно полнедѣли. Вѣрный своей системѣ скрывать свои планы, онъ говорилъ властямъ Данцига и чинамъ штаба, что ведетъ переговоры и что миръ возможенъ. Болѣе откровенный съ Раппомъ, комендантомъ крѣпости, онъ признался ему, что война начинается, и подстрекалъ его къ дѣятельности [2]).

Въ Данцигѣ онъ засталъ Даву и не отдалъ должной справедливости этому безподобному организатору. Затѣмъ встрѣтился съ Мюратомъ. Первыя минуты свиданія зятьевъ были холодны и тягостны. Оба они имѣли законныя причины жаловаться одинъ на другого, и съ нѣкоторыхъ поръ, не стѣсняясь, высказывали свои обиды. Мюратъ, недовольный тѣмъ, что его не пригласили на свиданіе государей, неоднократно говорилъ, что императору доставляетъ удовольствіе умалять и унижать его; что въ немъ видятъ только неаполитанскаго вице-короля; что на него смотрятъ, какъ на орудіе власти и тираніи, но что онъ сумѣетъ избавиться отъ несносныхъ требованій. Наполеонъ упрекалъ Мюрата въ томъ, что у того все нагляднѣе проявляется наклонность къ неповиновенію; что своимъ поведеніемъ,

---

[1]) Souvenirs d'un officier polonais, 232.

*) И съ Сѣвера до Юга прозвучала труба, возвѣщая часъ битвъ. Трепещите, враги Франціи...

[2]) Неизданные документы. Cf. Les Mémoires de Rapp., 169—173.

своей рѣчью онъ уклоняется отъ прямого пути; что втайнѣ питаетъ къ нему злобу и заводитъ подозрительныя шашни. Онъ встрѣтилъ его съ суровымъ лицомъ, съ словами горечи; затѣмъ, круто измѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ въ духѣ оскорбленной и неоцѣненной дружбы. Онъ растрогался, началъ изливаться въ жалобахъ; сдѣлалъ неблагодарному трогательную сцену; припомнилъ ему ихъ долголѣтнюю дружбу; говорилъ, что они побратались на полѣ брани. Король, человѣкъ съ открытой душой, весьма склонный къ великодушнымъ порывамъ, не устоялъ предъ такимъ обращеніемъ; онъ, въ свою очередь, тоже растрогался, почти до слезъ, забылъ на время все прежнее, и Наполеонъ снова покорилъ его. Вечеромъ того же дня, въ присутствіи своихъ близкихъ друзей, Наполеонъ хвастался, что такъ превосходно сыгралъ комедію. Чтобы снова завладѣть Мюратомъ,—говорилъ онъ,—онъ чрезвычайно кстати то выражалъ ему свое «неудовольствіе, то игралъ на чувствахъ, ибо съ этимъ итальянскимъ *Pantaleone* *) все это необходимо». «Въ сущности,—продолжалъ онъ,—это доброй души человѣкъ. Онъ любитъ меня больше своихъ *Lazaroni*. Когда онъ на моихъ глазахъ—онъ мой; но вдали отъ меня, какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ преданъ тѣмъ, кто ему льститъ и кто близокъ къ нему. Онъ подпалъ подъ вліяніе своей жены, женщины властолюбивой. Она и вбиваетъ ему въ голову кучу плановъ, кучу глупостей. Онъ дошелъ до того, что мечтаетъ властвовать надъ всей Италіей, что отклоняетъ его отъ мысли сдѣлаться польскимъ королемъ. А впрочемъ, не все ли равно! Я посажу тамъ Жерома; я устрою Жерому чудное королевство; но для этого слѣдуетъ, чтобы онъ отличился въ чемъ-нибудь, ибо поляки любятъ славу».

Давъ затѣмъ болѣе общій оборотъ разговору, онъ началъ жаловаться на всѣхъ созданныхъ имъ королей; называлъ ихъ слабыми, хвастунишками, плохо понимающими свою роль. Говорилъ, что они видятъ только пріятныя стороны высокаго положенія и не признаютъ его обязанностей; что они стараются подражать законнымъ государямъ, а нужно постараться заставить забыть о нихъ. Къ чему имъ блистать, зачѣмъ эта манія стремиться ввысь, страсть въ роскоши, къ чванству и къ

---

*) Полишинель. (Прим. перев.)

громаднымъ тратамъ? «Мои братья не помогаютъ мнѣ», съ горечью повторялъ императоръ. Однако, продолжалъ онъ, онъ служитъ имъ хорошимъ примѣромъ. Его непрерывный трудъ, его строгая экономія должны бы были служить имъ образцомъ. Видали ли когда-нибудь, чтобы онъ ради своего удовольствія копейкой попользовался изъ суммъ, потребныхъ на государственныя нужды и общественную пользу? Онъ долго говорилъ на эту тему и кончилъ разговоръ удивительно вѣрными словами: «Я король народа. Я дѣлаю затраты только для того, чтобы поощрять искусства, чтобы оставить націи славныя и полезныя воспоминанія. Никто не скажетъ, что я одаряю любимцевъ и любовницъ. Я вознаграждаю за услуги, оказанныя отечеству—и только» [1]).

II

Впереди императора, между Данцигомъ и Кенигсбергомъ, черезъ восточную Пруссію и сѣверные округа Польши двигались, по долгу задерживаясь на стоянкахъ, семь выступившихъ въ походъ корпусовъ арміи. Помѣщавшійся влѣво отъ нихъ огромный заливъ—Фришъ-гафъ, который образовало въ этомъ мѣстѣ Балтійское море, былъ загроможденъ судами, ибо наиболѣе тяжелые предметы, какъ-то: матеріалы для наводки мостовъ, осадная артиллерія—шли водой. Страна, черезъ которую проходили наши войска, была плодородна, но скучна и однообразна. Поскольку хваталъ глазъ, виднѣлись зеленые пустыри, вперемежку съ лѣсомъ и болотами; на всемъ пути — огромные луга, еловые и березовые лѣса, рѣки съ топкими берегами. Кое-гдѣ были разбросаны выстроенные изъ бревенъ однообразные поселки. Всюду одна и та же картина—угрюмая, безконечная. Несмотря на приказаніе быстро идти впередъ, войска вынуждены были дѣлать остановки, отклоняться въ сторону и иногда возвращаться назадъ, ибо громадный обозъ, который тащила за собой армія, стѣснялъ ея движенія. Обозы съ продовольствіемъ и съ предметами боевого снаряженія постоянно мѣшали другъ другу, благодаря чему въ тылу нашихъ колоннъ

---

[1]) Неизданные документы.

двигался одухотворенный хаосъ. Чтобы въ началѣ кампаніи не тратить запасовъ продовольствія, войска обшаривали и забирали все, что было въ странѣ. Императору угодно было, чтобы все совершалось законнымъ порядкомъ, путемъ закупокъ. Солдаты не считались съ этимъ приказаніемъ, а просто брали. Они опустошали амбары, снимали на подстилку лошадямъ солому съ крышъ, обходились съ союзной страной, какъ съ завоеванной. Фуражъ забирали, не считаясь съ нуждами населенія и безъ всякой системы. Кавалерія, проходившая первой, забирала все сѣно и всю траву; артиллеріи и обозу приходилось снимать незрѣлые рожь, ячмень и овесъ, разорять населеніе и все-таки давать животнымъ отвратительный кормъ. Вынужденные часть дня посвящать на розыски фуража, люди начали усваивать привычки и характеръ безпорядочныхъ, недисциплинированныхъ войскъ; съ перваго же момента выяснилась невозможность держать въ порядкѣ разноплеменную и разноязычную толпу; трудно было заставить повиноваться эту, напоминающую переселеніе народовъ, армію, гдѣ за каждымъ полкомъ шло цѣлое стадо животныхъ и тянулся нескончаемый хвостъ подводъ.

Наши союзники-нѣмцы держались подальше отъ дорогъ и грабили безпощадно. Во многихъ мѣстахъ происходили уже безобразія—грабились дома, истреблялся урожай, опустошались деревни; семьи оставались безъ крова и хлѣба и ввергались въ нищету. Еще не было войны, а всѣ гнусности войны были уже на-лицо. Въ особенности отличался своими дѣяніями вюртембергскій контингентъ. Онъ сбился съ пути, бросался то вправо, то влѣво, путался между другими корпусами, вносилъ всюду опустошеніе, безпорядокъ, и мѣшалъ движенію, «задерживая всѣ роды оружія» [1]). Пришлось показать примѣръ строгости и заклеймить эту часть строгимъ выговоромъ въ приказѣ по арміи. Наши французы оказались болѣе стойкими противъ испытаній и соблазновъ войны, но и у нихъ, среди молодыхъ солдатъ, сказывались уже признаки утомленія и недовольства. Они не могли понять, зачѣмъ заставляютъ ихъ тащить на себѣ столько провіанта. Лишняя ноша вызывала среди нихъ ропотъ. Да и сама страна, гдѣ все бѣжало и пряталось при ихъ приближеніи, вызывала ихъ озлобленіе. Они находили, что Пруссія, а, главное,

---

[1]) Corresp., 18809.

Польша—безобразны, грязны и бѣдны. Они плохо чувствовали себя, ночуя въ неудобныхъ помѣщеніяхъ, страдая отъ ночныхъ холодовъ и утреннихъ тумановъ, наступавшихъ послѣ удушливой дневной жары. Но, по свойству своего характера—строить воздушные замки—они мирились съ настоящимъ, рисуя себѣ будущее въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Они жили надеждой найти по ту сторону Нѣмана другую—лучшую почву, иной, не столь недружелюбно-принимающій солдата, народъ, и стремились въ Россію, какъ въ обѣтованную землю [1]).

13 іюня головная колонна подъ командой Даву прошла Кенигсбергъ и подошла къ Инстербургу, расположенному на полпути между столицей восточной Пруссіи и Нѣманомъ. За ней шли другіе корпуса, отставшіе вслѣдствіе загроможденія путей. Въ тотъ же день примчался изъ Данцига въ Кенигсбергъ императоръ, который желалъ ускорить и упорядочить движеніе. Онъ задерживаетъ, впредь до полученія свѣдѣній о положеніи непріятеля, движеніе авангарда и подгоняетъ остальныя колонны. Чтобы вѣрнѣе держать въ рукахъ свою армію, чтобы сдѣлать неотразимымъ натискъ этой массы, которую онъ вскорѣ бросить на границы Россіи, онъ стягиваетъ, такъ сказать уплотняетъ, ее. Теперь, готовясь дать войскамъ послѣдній толчокъ, который перенесетъ ихъ по ту сторону Нѣмана, онъ приказываетъ составить акты, въ которыхъ торжественно и въ узаконенной формѣ объявляется война.

Высокомѣрное требованіе Россіи вывести войска изъ Пруссіи до соглашенія по существу спора и представленная Куракинымъ просьба о паспортахъ доставляютъ Наполеону вполнѣ достаточные для этого поводы. Теперь онъ возбуждаетъ вопросъ о нанесенныхъ ему обидахъ, которыя до сихъ поръ умышленно держалъ подъ сукномъ; теперь онъ пользуется и вооружается ими. Онъ поднимаетъ брошенную ему перчатку и отвѣчаетъ на вызовъ. Но на какомъ основаніи припишетъ онъ самому русскому правительству то поведеніе, которое онъ доселѣ умыш-

---

[1]) Mémoires de Boulart, 240—241; Souvenirs d'un officier polonais, 231—234; Mes campagnes, par Pion des Loches, 279—280 Peyrusse, Mémorial et Archives, 77; Souvenirs manuscrits du général Lyautey; Mémoires inédits de Saint-Chamans; въ послѣднихъ мемуарахъ дается особенно-характерное описаніе этой части похода.

ленно разсматривалъ, какъ личные поступки сумасброднаго посланника; на какомъ основаніи приметъ его поступки за злоумышленное проявленіе враждебной воли самого правительства, даже не выслушавъ его объясненій?—Россія сама косвеннымъ путемъ только-что помогла ему дать дѣлу это второе толкованіе. Она не сдѣлала тайны изъ поставленныхъ въ ультиматумѣ условій. Ея заграничные агенты были своевременно освѣдомлены о нихъ. Они говорили о нихъ въ высокомѣрномъ и хвастливомъ тонѣ; они точно опредѣляли ихъ смыслъ и подчеркивали ихъ значеніе. Печать ухватилась за эти разговоры; англійскіе журналы воспроизвели на своихъ страницахъ требованія Александра, обсуждали и одобряли ихъ, и вся Европа узнала, что непремѣннымъ условіемъ начала переговоровъ царь хотѣлъ поставить освобожденіе Германіи и удаленіе изъ нея нашихъ войскъ. Огласка, данная оскорбительному требованію, подтверждала оскорбленіе, дѣлая его болѣе тяжкимъ и невыносимымъ. На эту причину и долженъ былъ сослаться прибывшій въ главную квартиру герцогъ Бассано въ нотѣ о разрывѣ, адресованной Россіи и сообщенной всѣмъ европейскимъ кабинетамъ [1]).

Одновременно съ объявленіемъ о войнѣ герцогъ подписалъ докладъ—сочетаніе софизмовъ съ истиной, въ которомъ вкратцѣ излагались наши отношенія къ Россіи за послѣднее время, и произносилась противъ нея грозная обвинительная рѣчь. Этотъ докладъ предназначался сенату; его должны были прочесть въ торжественномъ засѣданіи, напечатать вмѣстѣ съ оправдательными документами въ *Moniteur*'ѣ и разъяснить въ газетахъ. Итакъ, Наполеонъ громогласно объявляетъ о своихъ причинахъ къ войнѣ и дѣлаетъ Францію и Европу судьями своего права. Въ письмахъ, тоже предназначенныхъ гласности, герцогъ Бассано въ тотъ же день написалъ въ одномъ—Куракину, что императоръ уступаетъ его просьбѣ и позволяетъ послать ему его паспорта; въ другомъ—Лористону, чтобы тотъ потребовалъ свои паспорта и покинулъ русскую территорію.

Подписанные въ Кенигсбергѣ 16 іюня документы и письма были помѣчены ложнымъ числомъ, нѣсколькими днями раньше, а именно, 12 числомъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ и мѣстомъ ихъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

отправленія былъ указанъ Торнъ. Этотъ, совершонный въ послѣднюю минуту, обманъ имѣлъ цѣлью заставить думать, что императоръ двинулъ свои войска по ту сторону Вислы только послѣ того, какъ узналъ, что русскіе предали оскорбительной огласкѣ свои требованія и что только это новое оскорбленіе сломило его упорное стремленіе къ миру и заставило его рѣшиться объявить войну. Кромѣ того, способъ помѣтить документы заднимъ числомъ былъ выгоденъ тѣмъ, что, благодаря этому, для непосвященныхъ увеличивался промежутокъ между объявленіемъ войны и самой войной, благодаря чему скрывалась отъ публики страшная стремительность нашего наступленія. Имѣлось въ виду, чтобы русскіе получили наши сообщенія одновременно съ прибытіемъ на ихъ территорію императора, который явится въ сопровожденіи всѣхъ своихъ войскъ, дабы заставить русскихъ сознаться въ своей неправотѣ и понести должное возмездіе. Предупрежденіе о нападеніи и самые удары послѣдуютъ непосредственно другъ за другомъ.

Изъ Кенигсберга императоръ спѣшитъ къ своимъ колоннамъ. Изъ нихъ пришедшія раньше снова со всѣхъ сторонъ выступаютъ въ походъ, отставшія же, не останавливаясь, продолжаютъ двигаться впередъ. По мѣрѣ того, какъ онъ догоняетъ ихъ, онъ дѣлаетъ имъ смотръ. По его приказанію, на улицахъ деревень выстраиваются передъ нимъ полки; барабаны бьютъ походъ, играетъ музыка, и эти сцены, всегда приводящія въ волненіе, веселятъ сердца солдатъ [1]). Такимъ образомъ, императоръ добирается до передового корпуса Даву. Гвардія только-что нагнала этотъ корпусъ и слѣдуетъ за нимъ въ недалекомъ разстояніи. Тутъ онъ находится среди самой красивой, самой здоровой и самой стойкой части своей арміи, среди безподобныхъ войскъ, которыхъ еще не коснулся зарождающійся въ другихъ корпусахъ упадокъ дисциплины. Но служба по снабженію арміи и тутъ оставляетъ желать многаго, ея неисправность вноситъ нѣкоторый безпорядокъ. Наполеонъ старается улучшить эту службу, довести до совершенства; эта забота неотступно преслѣдуетъ его. «Въ этой странѣ, пишетъ онъ своимъ помощникамъ, самое главное—хлѣбъ» [2]). Чтобы теперь же обезпечить правильность

---

[1]) Notice sur la vie militaire et privée du général marquis de Caraman, содержащія его письма къ женѣ, стр. 114.

[2]) Corresp., 18818.

распредѣленія хлѣба и сдѣлать на будущее время обильный его запасъ, онъ увеличиваетъ число военныхъ пекарень. По его приказанію, во многихъ мѣстахъ устанавливаются и топятся переносныя печи, въ которыхъ легіоны солдатъ-работниковъ пекутъ хлѣбъ. Эти походныя печи перемѣщаются вмѣстѣ съ корпусами; онѣ приходятъ прежде всѣхъ на мѣста биваковъ, гдѣ работаютъ цѣлый день, а ночью горизонтъ на далекомъ пространствѣ свѣтится отъ нихъ заревомъ пожара. Императоръ лично руководитъ устройствомъ этихъ подвижныхъ мастерскихъ; онъ постоянно посѣщаетъ ихъ, осматриваетъ, заботится, чтобы онѣ всегда были снабжены всѣмъ необходимымъ. Съ этихъ поръ онъ идетъ вмѣстѣ съ передовыми корпусами, и, ставъ во-главѣ колоннъ, упорядочиваетъ и ускоряетъ движеніе войскъ, прибавляетъ шагу. 17-го ночуетъ въ Инстербургѣ, 19-го въ Гумбинненѣ, и разстояніе до Нѣмана сокращается съ каждымъ днемъ.

Въ Гумбинненѣ прибылъ въ главную квартиру курьеръ изъ нашего посольства въ Россіи. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Петербурга и привезъ извѣстіе, что императоръ Александръ, не довольствуясь тѣмъ, что выпроводилъ Нарбонна, отказался принять и Лористона, запретивъ ему пріѣхать въ Вильну. Такимъ образомъ, царь нарушилъ правила международной вѣжливости и общепризнанныя права посланниковъ, и этимъ еще разъ доказалъ свое желаніе уклониться отъ всякаго новаго обсужденія. Наполеонъ отмѣтилъ эту выдающуюся обиду. Онъ затаилъ ее въ своей душѣ, рѣшивъ воспользоваться ею въ томъ случаѣ, если бы русскіе, послѣ начала враждебныхъ дѣйствій, захотѣли открыть пренія и стали бы оспаривать его права оскорбленнаго.

21-го рано утромъ онъ пріѣхалъ въ Вылковишки. Отсюда до Нѣмана оставалось приблизительно семь льё пути по лѣсистой, песчаной, усѣянной холмами мѣстности. Въ Вылковишкахъ онъ остановился на нѣсколько часовъ, и, въ этомъ скромномъ мѣстечкѣ, въ этомъ жалкомъ скопищѣ крытыхъ соломой избушекъ, пока вокругъ него располагались семьдесятъ пять тысячъ человѣкъ Даву, продиктовалъ горячую прокламацію, въ которой призывалъ своихъ солдатъ «ко второй польской войнѣ» [1].

Прокламація была отправлена всѣмъ корпуснымъ командирамъ съ приказаніемъ прочесть ее передъ фронтомъ полковъ, когда

---

[1]) Corresp., 1885, по оригиналу, хранящемуся въ военномъ архивѣ.

они подойдутъ къ Нѣману и будутъ готовиться къ переправѣ. Онъ рѣшилъ, что, въ эту торжественную минуту, она произведетъ на ихъ воображеніе болѣе сильное впечатлѣніе и вызоветъ среди нихъ пламенный энтузіазмъ. Остальную часть дня Наполеонъ употребилъ на принятіе необходимыхъ мѣръ, чтобы на слѣдующій день—23-го—вся его армія подтянулась къ Нѣману и стала позади лѣсистыхъ холмовъ, идущихъ вдоль лѣваго берега. На этой послѣдней остановкѣ онъ отдалъ наиподробнѣйшія приказанія; онъ указалъ Даву, Удино, Нею и командующему гвардейской пѣхотой герцогу Тревизу ихъ путь и ихъ назначеніе. Движеніе войскъ должно было начаться передъ разсвѣтомъ и производиться быстро—такъ, чтобы всѣ полки аккуратно явились къ назначенному времени и заняли свое мѣсто на громадномъ сборномъ пунктѣ. Но самъ онъ въ пылу увлеченія не ждетъ, пока пройдетъ ночь, пока войска снимутся съ биваковъ. Онъ рѣшаетъ, что въ этотъ разъ не пойдетъ съ ними; онъ покидаетъ ихъ и выѣзжаетъ впередъ.

Подъ-вечеръ онъ въѣхалъ въ большой сосновый боръ, окаймлявшій берегъ рѣки; поужиналъ въ домѣ ксендза маленькой, затерянной среди лѣса деревушки и задалъ ксендзу рядъ вопросовъ. «За кого молитесь вы,—спросилъ онъ,—за меня или за русскихъ?—За Ваше Величество,—отвѣтилъ тотъ.—Какъ полякъ и католикъ, продолжалъ онъ, вы должны это дѣлать».—И приказалъ выдать ему двѣсти наполеондоровъ [1]). Въ одиннадцать часовъ онъ снова сѣлъ въ карету и отправился дальше въ сопровожденіи Дюрока, Коленкура и Бессьера—своихъ обычныхъ товарищей по путешествію и войнѣ, оставивъ далеко позади себя остальную свиту, главную квартиру и экипажи. Изъ офицеровъ генеральнаго штаба только одинъ—адъютантъ графа Лобау, будущій маршалъ Кастельянъ, могъ угнаться за ними, сдѣлавъ двадцать восемь льё на одной и той же лошади. Окруженный слабымъ конвоемъ, но находясь подъ защитой кавалерійскихъ отрядовъ, которые во всѣхъ направленіяхъ производили рекогносцировку мѣстности, императоръ обгоняетъ идущую по дорогѣ пѣхоту, обгоняетъ головныя колонны, обгоняетъ конные форпосты и ѣдетъ прямо къ Нѣману, горя нетерпѣніемъ увидать рѣку и намѣтить мѣсто переправы.

---

[1]) Journal de Castellane, I, 104.

Онъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы ни одна часть французской кавалеріи, ни одинъ отрядъ нашихъ войскъ не показывались на берегу. Только нѣсколько офицеровъ, между прочимъ генералъ Гаксо, были посланы для производства съемки очертаній рѣки; но имъ приказано было выполнить это порученіе въ строжайшей тайнѣ—такъ, чтобы ихъ не замѣтили. Надѣясь, что русскіе еще не знаютъ, что мы такъ близко подошли къ нимъ, все еще думая обмануть ихъ бдительность до момента переправы черезъ Нѣманъ, разсчитывая неожиданно для нихъ выполнить эту гигантскую операцію, императоръ заботился о томъ, чтобы видъ французскаго мундира не указалъ имъ преждевременно на близость опасности. «Необходимо, сказалъ онъ, чтобы первый пѣхотинецъ, котораго увидитъ непріятель, былъ понтонеръ» [1]). Только нѣсколько эскадроновъ варшавскихъ уланъ и варшавской легкой кавалеріи стояли на охранѣ на лѣвомъ берегу рѣки; но въ ихъ присутствіи не было ничего подозрительнаго, ибо они находились на собственной территоріи и уже нѣсколько мѣсяцевъ занимали эту позицію. Русскіе офицеры, осматривавшіе изъ Ковно въ зрительныя трубы горизонтъ, давно привыкли видѣть ихъ.

Ночью съ 22 на 23 іюня, одинъ изъ этихъ полковъ—3-ій полкъ легкой кавалеріи—расположился на бивакахъ въ закрытой мѣстности, въ полуторахъ льё отъ Нѣмана, у дороги, которая идетъ изъ Вылковишекъ къ рѣкѣ, противъ самой Ковны. Въ это время года, особенно на этой широтѣ, ночи очень короткія. Темнота держится очень непродолжительное время въ промежуткѣ между продолжительными сумерками и долгимъ разсвѣтомъ, которые едва отѣняютъ природу своимъ прозрачнымъ покровомъ. Въ два часа ночи, когда забѣлѣвшее небо предвѣщало уже близость разсвѣта, кавалеристы спали еще на землѣ, тяжелымъ, непробуднымъ сномъ, подлѣ сложенныхъ въ козла пикъ. Вдругъ раздался громкій звонъ бубенчиковъ и шумъ колесъ. Запряженный шестеркой дымящихся, покрытыхъ потомъ, лошадей почтовый экипажъ, окруженный нѣсколькими всадниками, останавливается на дорогѣ. Изъ него быстро выходитъ путешественникъ со своимъ спутникомъ; это императоръ и Бертье. Императоръ весь въ пыли, лицо его пожелтѣло и осу-

---

[1]) Corresp., 18839.

нулось отъ утомительнаго путешествія. Его тотчасъ же узнаютъ и окружаютъ. Польскіе офицеры, захваченные врасплохъ, спящими, сконфуженные суетятся около него. Выйдя изъ экипажа, императоръ осматривается, наводитъ кое-какія справки. Въ нѣсколькихъ стахъ метровъ впереди виднѣются первые дома польской деревни Алексота, гдѣ кончается дорога; дальше—рѣка и непріятель. Изъ деревни, расположенной на возвышенности, господствующей надъ Нѣманомъ, открывается видъ на Ковно. На эту-то возвышенность и хочетъ императоръ прежде всего пойти на развѣдку [1]).

Но не привлекутъ ли вниманіе непріятеля его мундиръ, эполеты и шляпа съ трехцвѣтной кокардой, не возбудятъ ли они тревогу? Не нарушитъ ли онъ собственнаго приказанія, преждевременно показавъ врагу француза? Ничего подобнаго! говоритъ онъ. Онъ пойдетъ—*incognito* [2]), переодѣвшись. И вотъ въ открытомъ полѣ снимаетъ онъ свой мундиръ офицера гвардейскихъ егерей и надѣваетъ снятый съ польскаго полковника сюртукъ. Затѣмъ онъ требуетъ подходящій къ новому костюму головной уборъ. Ему подаютъ уланскій киверъ. Онъ разсматриваетъ его, примѣряетъ, находитъ, что онъ слишкомъ тяжелъ и беретъ простую фуражку; заставляетъ переодѣться и Бертье. Въ этомъ странномъ нарядѣ, въ сопровожденіи группы офицеровъ, они направляются къ деревнѣ. Императоръ приказываетъ открыть самый зажиточный домъ, окна котораго выходятъ на рѣку. Теперь, съ этого наблюдательнаго поста, онъ можетъ любоваться тяжелой массой воды, катящейся у его ногъ; за ней онъ различаетъ правый берегъ и видитъ Россію.

Въ незначительномъ и угрюмомъ городѣ Ковно съ бѣлыми постройками католическаго монастыря на окраинѣ не было видно никакого оживленія, никакой жизни: онъ казался не то необитаемымъ, не то покинутымъ; ничто не указывало на присутствіе въ немъ многочисленнаго войска, на приготовленія къ оборонѣ. Вправо и влѣво отъ него тянулся песчаный, мѣстами покрытый травою, берегъ, а далѣе виднѣлись сливавшіеся съ гори-

---

[1]) Soltyk, Napoléon en 1812, Mémoires historiques sur la campagne de Russie, 8—10. Солтыкъ былъ офицеромъ польской кавалеріи и съ этого дня былъ причисленъ къ императорскому генеральному штабу.

[2]) Corresp., 18755.

зонтомъ, мягкіе контуры пересѣченной мѣстности, пестрѣвшей лѣсомъ и кое-гдѣ разбросанными постройками. Въ этой развернувшейся предъ нимъ при слабомъ свѣтѣ приближающагося разсвѣта картинѣ Наполеонъ читалъ, какъ на картѣ. Онъ быстро схватилъ главные рельефы мѣстности, значеніе и направленіе ея линій.

Когда онъ вполнѣ вникъ въ разстилавшійся предъ нимъ видъ, когда запечатлѣлъ его въ своей памяти, онъ возвратился пѣшкомъ въ лагерь легкой кавалеріи, болѣе бодрый, освѣжившись, какъ будто эта развѣдка успокоила его нервы. Онъ весело спросилъ, идетъ ли ему польскій костюмъ. «Теперь, прибавилъ онъ, нужно отдать то, что намъ не принадлежитъ», и снялъ свой нарядъ. Дорогою онъ закусилъ немного. Между тѣмъ стали прибывать его экипажи, верховыя лошади, часть его штата. Пріѣхалъ принцъ Экмюльскій; явился увѣдомленный о прибытіи императора генералъ Гаксо, который уже нѣсколько дней находился въ этихъ мѣстахъ. Тогда Наполеонъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи старшихъ чиновъ своего штаба поѣхалъ на вторую развѣдку. Съѣхавъ съ дороги, онъ повернулъ направо, пытаясь проѣхать къ Нѣману по полю и желая видѣть его выше Ковно. Онъ не былъ намѣренъ устраивать переправу передъ городомъ и, слѣдовательно, атаковать русскую позицію съ фронта; онъ хотѣлъ обойти ее и напасть съ фланга. Поэтому онъ рѣшилъ переправиться немного выше города, на нѣсколько льё вверхъ по теченію. Въ эту-то сторону онъ и отправился искать мѣстности, удобной для наводки мостовъ.

Подъѣхавъ къ цѣпи холмовъ, которые, идя вдоль рѣки и закрывая ее, лишаютъ возможности ее видѣть, онъ сошелъ съ коня, оставилъ позади себя свою свиту, и, взявъ съ собой только инженернаго генерала Гаксо, началъ обходить гребни холмовъ, тщательно скрываясь и стараясь держаться по возможности подъ деревьями; хотя и безъ этихъ предосторожностей слабый свѣтъ наступавшаго утра дѣлалъ его мало замѣтнымъ для глазъ непріятеля. Такимъ образомъ онъ могъ вблизи осмотрѣть рѣку, могъ измѣрить глазомъ ея ширину и изучить изгибы и особенности ея теченія. Около деревни Понямонъ рѣка образуетъ рѣзкую кривизну, почти кольцо, выпуклая сторона котораго повернута къ западу и углубляется въ польскую землю. Въ этомъ мѣстѣ лѣвый берегъ стоитъ выше праваго, сверхъ того

онъ командуетъ надъ нимъ, благодаря врѣзавшимся въ кривизну, расположеннымъ амфитеатромъ, холмамъ, которые расходятся отсюда въ разныя стороны. Поставленныя на эти высоты батареи, могли, въ случаѣ надобности, прикрыть своимъ огнемъ противоположный берегъ и сдѣлать его недоступнымъ непріятелю, обезпечивъ, такимъ образомъ, безопасность высадки. Кромѣ того, наши колонны, войдя въ кольцо, могли развернуться, не боясь нападенія на свои фланги; онѣ могли опереться и лѣвымъ и правымъ крыломъ на его изгибы и затѣмъ спокойно выйти изъ него. Наполеонъ рѣшилъ, что переправа совершится на слѣдующій день—24-го, въ томъ мѣстѣ, гдѣ какъ будто сама русская территорія шла ему навстрѣчу и приглашала его вступить на нее.

Послѣ секретной развѣдки онъ возвратился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свой штабъ. Снова всѣ сѣли на коней, и въ то время, какъ разсвѣтъ медленно вступалъ въ свои права, принялись объѣзжать и изслѣдовать мѣстность позади высотъ. Теперь Наполеонъ ѣхалъ по воздѣланнымъ холмамъ, по посѣвамъ ржи и пшеницы, по долинамъ и буграмъ. Онъ мысленно намѣчалъ позиціи, на которыхъ будетъ размѣщать войска по мѣрѣ ихъ прибытія, запоминалъ небольшія лощины, гдѣ могъ бы продержать ихъ въ теченіе ночи скученными, незамѣтно для непріятельскаго глаза, пока понтонныя команды, принявшись ночью за работу, создадутъ сооруженія, необходимыя для выполненія крайне важной операціи слѣдующаго дня. Онъ ѣхалъ безостановочно, мчался, по своему обыкновенію, во весь опоръ, и, неутомимый тѣломъ и умомъ, составлялъ свой планъ и обдумывалъ распоряженія. Дюрокъ, Бертье, Коленкуръ, Бессьеръ, Даву, Гаксо—галопомъ слѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Вдругъ они увидѣли, что лошадь его шарахнулась въ сторону, самъ онъ свернулся съ сѣдла, упалъ и исчезъ изъ глазъ.

Всѣ бросились къ мѣсту, гдѣ упалъ императоръ. Они нашли его уже на ногахъ. Онъ самъ поднялся, отдѣлавшись только ушибомъ бедра. Онъ стоялъ выпрямившись, неподвижный, около дрожавшаго коня. Причиной прыжка, вслѣдствіе котораго занятый своими думами и, по обыкновенію, небрежно сидѣвшій на лошади всадникъ вылетѣлъ изъ сѣдла, былъ проскочившій между ногъ лошади заяцъ. Подобныя исторіи бывали съ императоромъ

во время походовъ довольно часто. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно свирѣпствовалъ, напускался на своего коня, на тѣхъ, кто ему сѣдлалъ его, на оберъ-шталмейстера, и винилъ всѣхъ въ своей неловкости. Въ этотъ разъ онъ не произнесъ ни одного слова. Насупившись, какъ будто пораженный какой-то мыслью, онъ молча вскочилъ на сѣдло, и небольшая группа всадниковъ помчалась дальше навстрѣчу тоскливому, пасмурному утру. Внезапный страхъ обуялъ сердца его спутниковъ, и никто изъ нихъ не могъ побороть мрачнаго предчувствія, «ибо, при столь важныхъ обстоятельствахъ, наканунѣ столь важныхъ событій, поневолѣ дѣлаешься суевѣрнымъ», сказалъ одинъ изъ спутниковъ императора. Нѣсколько минутъ спустя Бертье, ѣхавшій рядомъ съ Коленкуромъ, дотронулся до его руки и сказалъ: «Лучше бы намъ не переправляться черезъ Нѣманъ; это паденіе—дурное предзнаменованіе» [1]).

Наконецъ, императоръ доѣхалъ до мѣста, гдѣ рѣшилъ провести день, и гдѣ, по его соображеніямъ, онъ будетъ въ центрѣ подходившихъ войскъ. Палатки его были уже поставлены. Это были двѣ хорошо знакомыя солдатамъ палатки изъ полосатаго—бѣлаго съ голубымъ—тика; одна для него, другая для начальника штаба; передъ первой прохаживался взадъ и впередъ стоявшій на караулѣ гренадеръ. Устроившись въ палаткѣ, императоръ приказалъ принести карты, свѣдѣнія о состояніи войскъ, свои рабочія принадлежности, и въ то время, когда молодые офицеры его свиты устраивались на сосѣднемъ гумнѣ, гдѣ острый и злой языкъ графа Нарбонна поддерживалъ веселое настроеніе, принялся диктовать приказы. Онъ точно опредѣлилъ операціи предстоящей ночи: какъ и когда навести мосты, въ какомъ порядкѣ и какъ начать переправу въ ранніе часы завтрашняго дня. Онъ составилъ длинную инструкцію, достойную удивленія по точности и ясности изложенія. Все въ ней было предусмотрѣно, разсчитано, предписано. Войскамъ оставалось только выполнить движеніе, порядокъ котораго заранѣе былъ опредѣленъ до мельчайшихъ подробностей [2]).

---

[1]) Неизданные документы написаны однимъ изъ высшихъ чиновъ штаба. Эти документы, провѣренные съ помощью крайне подробнаго труда Солтыка и мемуаровъ другихъ авторовъ, позволили намъ воспроизвести жизнь Наполеона въ теченіе часовъ, предшествовавшихъ переправѣ.

[2]) Ordre pour le passage du Niémen, Corresp., 18857.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ начали прибывать войска. Сперва пришли авангарды и штабы, затѣмъ крупной рысью подъѣхали и заняли возвышенности батареи полевой артиллеріи; еще позднѣе явились главныя массы—пѣхота, кавалерія, артиллерія. Онѣ изливались по всѣмъ дорогамъ, поднимались на кручи горъ и наполняли долины, уподобляясь нароставшему съ неимовѣрной быстротой наводненію. Императоръ смотрѣлъ на эту картину и апатично, безъ одушевленія, безъ того огня, которымъ обыкновенно горѣли его глаза, отдавалъ необходимыя приказанія по размѣщенію корпусовъ. «Обыкновенно веселый, полный огня въ минуты, когда его войска выполняли какое-нибудь крупное дѣло, онъ весь день былъ очень серьезенъ и озабоченъ» [1]). Онъ, видимо, не освободился еще отъ непріятнаго чувства и оставался подъ гнетомъ тяжелаго впечатлѣнія. Послѣ паденія съ лошади, онъ чувствовалъ себя немного разбитымъ, а, главное, былъ разстроенъ. Въ воздухѣ стояла духота; жара раздражала нервы. Небо, покрытое тяжелыми свинцовыми тучами, сквозь которыя по временамъ прорывались ослѣпительные снопы лучей палящаго солнца, давило и жгло. Ища прохлады и тѣни, императоръ отъ времени до времени скрывался въ палатку. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ онъ снова выходилъ, садился передъ палаткой на складной стулъ, перелистывалъ толстую книгу въ красномъ переплетѣ, въ которой находились свѣдѣнія о наличномъ составѣ русскихъ войскъ, затѣмъ прерывалъ свое занятіе и задумывался. Суевѣрный, какъ Цезарь, онъ думалъ о случившемся съ нимъ происшествіи. Иногда онъ заговаривалъ о немъ, дѣлая видъ, что смѣется надъ этимъ случаемъ; но смѣхъ его звучалъ фальшиво и быстро обрывался. Онъ раздражался, читая на лицахъ то же безпокойство, какое охватывало и его, и, несмотря на всѣ усилія казаться невозмутимо-увѣреннымъ и веселымъ, чувствовалъ, какъ въ душѣ его поднималась глухая тоска.

Его тяжелое настроеніе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не получалъ извѣстій съ непріятельскаго берега. Изъ этой мертвой страны не доносилось ни одного звука; ни малѣйшаго движенія не показывалось въ ней. Только на плоскомъ песчаномъ берегу блуждало нѣсколько казаковъ, да проѣзжали по временамъ кавалерійскіе патрули, проскальзывавшіе

---

[1]) Неизданные документы

между группами деревъ. Но эти мимолетныя видѣнія исчезали такъ же быстро, какъ и появлялись. Гдѣ же непріятель? Что дѣлаетъ онъ?—спрашивалъ себя императоръ. — Навѣрно, онъ стоитъ въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки; вѣроятно, онъ уже догадался, что мы подошли, и готовится встрѣтить нашу атаку. Если онъ приметъ сраженіе, онъ въ скоромъ времени доставитъ намъ побѣду—и Наполеонъ страстно мечтаетъ о сраженіи и о первой побѣдѣ.

Что же касается поляковъ на правомъ берегу — жителей Литвы, то, безъ сомнѣнія, думалъ онъ, они ждутъ насъ, какъ освободителей. Они навѣрно поднимутся при нашемъ приближеніи, бросятся намъ навстрѣчу и проложатъ намъ путь. Наполеонъ ждетъ отъ нихъ какого-нибудь дружественнаго знака и, не получая, старается вызвать его. Онъ оказываетъ особое вниманіе всему польскому. Утромъ этого дня, онъ назначилъ въ свою свиту нѣсколько польскихъ офицеровъ, разсчитывая воспользоваться ими, какъ посредниками для сношеній съ ихъ соотечественниками по ту сторону рѣки, и удивляется, что до сихъ поръ ни одинъ изъ поляковъ русской Польши не является къ нему. Кончилось тѣмъ, что ему привели трехъ литовцевъ, случайно найденныхъ на лѣвомъ берегу. Это были бѣдняки крѣпостные, отвратительнаго вида, съ тупыми лицами. Наполеонъ приказалъ спросить ихъ: Знаютъ ли они, что крестьянамъ великаго герцогства уже дарована свобода? Надѣются ли они на подобное же благодѣяніе? Страдаютъ ли они отъ русскихъ порядковъ? Желаютъ ли избавиться отъ нихъ? Такъ какъ они медлили съ отвѣтомъ, то императоръ, обращаясь къ переводчикамъ, рѣзко сказалъ: «Спросите ихъ, польское ли у нихъ сердце» [1]). И, чтобы они лучше его поняли, присоединилъ къ словамъ жестъ, положивъ руку на сердце. Изумленные, словно окаменѣвшіе, крестьяне, не говоря ни слова, съ тупымъ видомъ продолжали глядѣть на него. Ничего не добившись отъ нихъ, онъ отпустилъ ихъ съ милостивыми словами.

Чтобы имѣть свѣдѣнія о томъ, что происходитъ по ту сторону рѣки, были пущены въ ходъ всѣ общепринятыя мѣры предосторожности; была выпущена цѣлая туча шпіоновъ; но ни одинъ изъ нихъ не возвращался, не показывался въ главной

---

[1]) Soltyk, 16.

квартирѣ. Даву ворчалъ и жаловался, что ничего не знаетъ. По опросѣ остальныхъ корпусныхъ командировъ оказалось, что и они не имѣютъ никакихъ свѣдѣній, что ни одинъ шпіонъ не вернулся. Видѣли только одного маріенпольскаго жида, прибывшаго изъ литовскихъ губерній, который проскользнулъ черезъ непріятельскую линію. Онъ разсказалъ, что русскіе всюду снимаютъ аванпосты, что войска уходятъ изъ Литвы, что замѣтно громадное отступательное движеніе. При этомъ извѣстіи императоръ нахмурилъ брови; но поспѣшилъ сказать, что, вѣроятно, непріятель сосредоточивается около Вильны, чтобы дать сраженіе впереди нея. Онъ не допускалъ, чтобы дѣла обстояли иначе; онъ горячо отрицалъ возможность отступленія на неопредѣленное разстояніе и не терпѣлъ, чтобы объ этомъ говорили, хотя это предположеніе начало озабочивать его.

Подъ-вечеръ онъ потребовалъ къ себѣ Коленкура, и, желая поговорить съ нимъ, пригласилъ въ свою палатку. Разговоръ начался съ намековъ на утреннее происшествіе. Императоръ спросилъ, вызвало ли оно тревогу въ главной квартирѣ, говорятъ ли еще о немъ. Затѣмъ онъ долго разспрашивалъ бывшаго посланника въ Россіи о странѣ, о состояніи дорогъ, о способахъ сообщенія, о жителяхъ. «Обладаютъ ли крестьяне энергіей?— спросилъ онъ. Способны ли они подняться, подобно испанцамъ, способны ли на партизанскую войну? Думаете ли вы, что русскіе безъ боя отдадутъ Вильну?» Видимо, онъ страшно хотѣлъ этого сраженія, и просилъ герцога откровенно высказать свое мнѣніе относительно плана отступленія, приписываемаго непріятелю. Коленкуръ отвѣтилъ, что онъ лично не вѣритъ въ возможность правильныхъ сраженій. «Въ Россіи земли настолько много, что они могутъ уступить намъ большое ея количество»; они, вѣроятно, постараются заманить насъ внутрь страны; постараются разъединить наши силы и отдалить насъ отъ нашихъ средствъ. — «Тогда Польша моя! сказалъ императоръ, возвысивъ голосъ. Какой позоръ для Александра, какой неизгладимый позоръ потерять ее безъ сраженія! Это значитъ опозорить себя въ глазахъ поляковъ». Онъ продолжалъ говорить съ возрастающимъ оживленіемъ, употреблялъ оскорбительныя выраженія, какъ будто обращался къ самому императору Александру, какъ будто, задѣвъ его за живое своими оскорбле-

ніями, хотѣлъ вывести его изъ его бездѣйствія, бросить ему вызовъ, заставить его вступить въ бой.

Онъ добавилъ, что отступленіе не спасетъ русскихъ; что онъ нападетъ на нихъ съ быстротой молніи; что навѣрное захватитъ ихъ артиллерію и обозы, а по всей вѣроятности, и цѣлые корпуса; что за Вильной, гдѣ онъ, вѣроятно, прорветъ ихъ линію и разъединитъ ихъ силы, онъ будетъ въ состояніи обойти и окружить, по крайней мѣрѣ, одну изъ ихъ армій. Онъ сказалъ, что постарается поскорѣе прибыть въ Вильну, чтобы приступить къ выполненію этихъ разрушительныхъ плановъ; онъ высчитывалъ, во сколько часовъ его войска дойдутъ до города, «какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы идти въ караулъ».—«До истеченія двухъ мѣсяцевъ, сказалъ онъ въ видѣ заключенія, Александръ будетъ просить меня о мирѣ: крупные помѣщики принудятъ его къ этому».

Онъ съ увлеченіемъ заговорилъ о своихъ надеждахъ; забрасывалъ Коленкура вопросами; но отвѣты на нихъ начиналъ самъ, очевидно, разсчитывая на то, что его собесѣдникъ будетъ продолжать и развивать ихъ въ его духѣ. Онъ старался вырвать у него, хотя бы невзначай, какую-нибудь одобрительную фразу, какое-нибудь слово сочувствія, которое поддержало бы въ немъ вѣру, которое, вопреки начинавшей выясняться дѣйствительности, позволило бы ему предаваться иллюзіямъ и служило бы оправданіемъ его мечтамъ. Но герцогъ Виченцы молчалъ; онъ словно окаменѣлъ въ своемъ мрачномъ прямодушіи, въ своемъ честномъ упорствѣ — ничего не говорить противъ совѣсти. Раздраженный такимъ молчаливымъ противорѣчіемъ, императоръ настоялъ, чтобы герцогъ заговорилъ и объяснился. Тогда ему пришлось выслушать повтореніе того, что разоблачилъ самъ Александръ, т. е. какой планъ обороны изложилъ онъ, а именно: что русскій государь постарается избѣгать вступать въ открытый бой съ противникомъ, геніальность котораго ему извѣстна; что онъ начнетъ длительную и упорную войну; послѣдуетъ примѣру испанцевъ, которые часто были биты, но никогда не покорялись; что «онъ скорѣе отступитъ въ Камчатку, чѣмъ уступитъ провинціи и подпишетъ непрочный миръ». Въ этотъ разъ Наполеонъ выслушалъ эти зловѣщія слова, которыя уже слышалъ отъ Коленкура, съ большимъ вниманіемъ, съ громаднымъ терпѣ-

ніемъ, какъ будто они глубже поразили его умъ. Затѣмъ, ничего не отвѣтивъ, прекратилъ разговоръ.

III.

Время шло къ вечеру, и съ каждымъ часомъ приближался моментъ, назначенный для подготовительныхъ работъ къ переправѣ. До наступленія ночи императоръ еще разъ сѣлъ на коня и объѣхалъ лагери. Мѣста, еще утромъ пустынныя и мертвыя, почернѣли отъ войскъ, кишѣли людьми. Онъ приказалъ перенести свои палатки ближе къ Нѣману, и въ то время, какъ его первыя приказанія приводились въ точности въ исполненіе, предался кратковременному отдыху.

Съ восьми часовъ вечера, подкрѣпившись горячей пищей, воіiска Даву начали занимать высоты. Они построились въ шестнадцать линій по числу полковъ; каждый полковникъ стоялъ во-главѣ 1-го батальона, передъ знаменемъ; генералы—въ центрѣ своихъ бригадъ или дивизій. Эта шедшая впереди другихъ авангардная армія безъ шума, не зажигая огней, заняла назначенную ей на ночь позицію, застыла на мѣстѣ, какъ бы прижалась къ землѣ и ждала только момента, чтобы разомъ подняться, подойти къ Нѣману и начать вторженіе. Слѣва отъ нея выравнивались по-обѣимъ сторонамъ деревни Алексота кавалерійскія дивизіи Мюрата. Впереди 1-го корпуса инженерные саперы и гвардейскіе моряки, подъ начальствомъ генерала Эбле, начали спускать къ рѣкѣ матеріалы для устройства переправы. Наступившіе сумерки скрывали ихъ отъ глазъ. Съ наступленіемъ ночи триста стрѣлковъ 13-го армейскаго полка переѣхали на лодкахъ рѣку и вышли на противоположномъ берегу; они нашли его незанятымъ; послѣ нихъ, съ соблюденіемъ величайшей тишины, были спущены на воду понтонные мосты.

Въ полночь переправа была готова. По ту сторону рѣки продолжали двигаться впередъ стрѣлки, которыхъ вскорѣ нагнало нѣсколько отрядовъ легкой пѣхоты и поляковъ. Передъ ними разстилался лѣсъ; осмотрѣвъ его опушку, они вошли въ него. Изъ чащи лѣса донеслись до нихъ лошадиный топотъ и лязгъ оружія. Они поняли, что вблизи ихъ находится незримый непріятель, что онъ слѣдитъ за ними; то тутъ, то тамъ высо-

вывались пики; виднѣлись мчавшіеся галопомъ казаки и даже русскіе гусары, которыхъ въ ночной темнотѣ можно было отличить по ихъ длиннымъ бѣлымъ султанамъ. Вдругъ раздался окликъ: «Кто идетъ!»...—«Франція»!—отвѣтили наши. Голосъ, принадлежавшій русскому офицеру, продолжалъ по-французски: «Что вамъ здѣсь нужно?—F... это вы сейчасъ увидите!» [1]) отвѣтили наши. Опустивъ карабины, они дали залпъ, но непріятель успѣлъ уже исчезнуть; они стрѣляли по призраку. По выходѣ изъ лѣса они добрались до лежащей въ кольцѣ рѣки деревни, которую императоръ приказалъ занять, укрѣпить перекопами, баррикадами и превратить въ редутъ. При входѣ въ деревню наши солдаты услышали шумъ быстраго галопа. Они увидали удиравшихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, повернувшись на сѣдлѣ, открыли по нашимъ огонь. Одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ глухо раздались въ ночной тиши одиночные выстрѣлы, заставившіе вздрогнуть отдыхавшаго въ палаткѣ императора; они разсердили его, ибо онъ желалъ, чтобы ни малѣйшій шумъ не выдалъ до утра его таинственныхъ операцій. Итакъ, первые выстрѣлы великой войны были сдѣланы.

Короткая двухчасовая ночь прошла. Мосты были наведены, и входящая въ составъ 1-го корпуса дивизія Морана проскользнула на ту сторону рѣки на поддержку и подкрѣпленіе аванпостовъ. Въ часъ съ четвертью небо стало свѣтлѣть. Мало-по-малу темнота спустилась съ холмовъ лѣваго берега, гдѣ неясно стали обрисовываться копошившіяся войска. Разстилавшійся надъ долиной ночной покровъ сталъ медленно таять. Внезапно появившееся на горизонтѣ солнце зажглось и начало подниматься на безоблачномъ небѣ. Его лучи, достигнувъ земли, побѣжали по фронту рядовъ нашихъ войскъ и заиграли на штыкахъ, пикахъ, сабляхъ, каскахъ и кирасахъ. Все освѣтилось, все обозначилось, и предъ взорами предстала величественная, законченная, какъ по общему замыслу, такъ и въ мельчайшихъ деталяхъ, картина. На широкой водной пеленѣ, изрытой островами, стоятъ три наведенныхъ моста; на противоположномъ берегу, загораживая своими черными рядами входъ въ кольцо, стоитъ развернутая въ боевомъ порядкѣ дивизія Морана; на откосѣ, близъ мостовъ, занимаетъ позицію артиллерійскій ре-

---

[1]) Soltyk, 21.

зервъ 1-го корпуса съ направленными на сѣверъ орудіями; на высокомъ берегу равняются въ линію другія батареи; галопомъ несутся офицеры и эскадроны польской кавалеріи съ колышащимися надъ головами, переливающимися разноцвѣтными огнями пиками; наконецъ, на расположенныхъ амфитеатромъ холмахъ развертывается и двигается въ путь громадное количество войскъ. Двѣсти тысячъ человѣкъ снимаются съ мѣстъ и идутъ въ полномъ порядкѣ, не торопясь, ровнымъ и бодрымъ шагомъ. Всюду картины точно-разсчитанной дѣятельности и дисциплинированной силы, зрѣлище строго-обдуманнаго и методическаго вторженія въ моментъ его грознаго и быстраго движенія. Армія первой линіи, вся цѣликомъ, съ безчисленными штабами, стоитъ въ парадныхъ боевыхъ формахъ, въ мундирахъ всѣхъ цвѣтовъ, съ длинными рядами красныхъ султановъ, съ горящими на солнцѣ орлами, съ знаменитыми знаменами, покрытыми славными надписями. На этотъ день армія освобождена отъ тяжелаго обоза. Она легка и подвижна; она полна энергіи и одушевленія; пропитана преданностью и самопожертвованіемъ. Прежнія горести, уныніе, лишенія и страданія длинныхъ переходовъ, все это—уже забытый сонъ. Радостное утро разсѣяло этотъ густой туманъ; оно раскрыло сердца и наполняетъ ихъ волшебными надеждами. Колонны спускаются съ вершинъ и занимаютъ склоны, въ которыхъ вымыты три главныхъ лощины; по нимъ блестящей сталью лавой спускаются войска; не смѣшиваясь, они сходятся вплотную у мѣста переправы; вытягиваются на мостахъ длинными узкими лентами, затѣмъ снова расширяются, возстановляютъ прежнія дистанціи—и затѣмъ медленно разливаются по русской землѣ.

Войска Даву переправились раннимъ утромъ. Сперва пѣхотныя дивизіи съ батареями конной артиллеріи и бригадами легкой кавалеріи, безъ обозовъ и экипажей; только желѣзо, люди и лошади. Императоръ разрѣшилъ проѣхать только одному экипажу—съ вещами принца Экмюльскаго. Но вскорѣ мосты задрожали и заскрипѣли подъ тяжелыми массами. Съ грохотомъ прошли дивизіи тяжелой кавалеріи и кирасиры—воины-гиганты съ римскими гребнями и развѣвающимися конскими хвостами на каскахъ. Послѣ 1-го корпуса пошла гвардія, ея молодые и старые полки, блестѣвшіе золотомъ, украшенные шнурами и нашивками—цвѣтъ и краса арміи. Тутъ энтузіазмъ—безграни-

ченъ. Во время похода въ ея рядахъ и въ штабахъ постоянно были веселыя мысли, говорили только о побѣдахъ. Одинъ гвардейскій майоръ сказалъ, что войска будутъ праздновать день 15 августа въ Петербургѣ, и эта острота имѣла успѣхъ. Хотя приподнятое настроеніе и не раздѣляется всѣми, хотя нѣсколько недовольныхъ—кое-кто изъ офицеровъ спеціальныхъ родовъ оружія—указываютъ на трудности предпріятія и сомнѣваются въ успѣхѣ кампаніи, однако, эти грустныя нотки затериваются среди всеобщаго ликованія и восторга. Всѣхъ этихъ людей воодушевляетъ, главнымъ образомъ, сознаніе, что они на глазахъ и въ рукахъ привыкшаго къ побѣдамъ вождя; ихъ воодушевляетъ чувство, что онъ около нихъ, съ ними; что онъ окружаетъ ихъ своимъ присутствіемъ, ибо до нихъ со всѣхъ сторонъ—съ вершинъ холмовъ, съ рѣки—доносится ура! указывающее на его прибытіе; въ разныхъ мѣстахъ они поминутно видятъ родной имъ силуэтъ человѣка, руководящаго предпріятіемъ.

Съ трехъ часовъ утра онъ уже на лошади, лично наблюдаетъ за всѣмъ и всюду вноситъ жизнь. Чтобы онъ могъ съ бо́льшими удобствами присутствовать при проходѣ войскъ, гвардейскіе артиллеристы приготовили для него на дорогѣ къ мостамъ незатѣйливый тронъ изъ вѣтвей и дерна, съ балдахиномъ изъ зелени. Но онъ недолго пробылъ на этомъ парадномъ посту. Ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ жаждалъ дѣятельности. На разсвѣтѣ онъ былъ уже на враждебномъ берегу. Когда проходили 9-ый уланскій и 7-ой гусарскій полки, офицеры и солдаты узнали въ фигурѣ, стоящей на площадкѣ на другомъ концѣ моста, императора. Опьяненный развертывавшейся предъ его взорами величественной картиной, охваченный сознаніемъ своего всемогущества, не сомнѣваясь въ своемъ счастьѣ, онъ вернулъ себѣ прежнюю увѣренность, хорошее расположеніе духа и веселое настроеніе. Играя хлыстикомъ, онъ вполголоса напѣвалъ пѣсеньку *Marlborough s'en va-t-en guerre*. «Эта подходящая къ случаю и въ то время разсмѣшившая насъ пѣсня, вполнѣ оправдалась на дѣлѣ», пишетъ командиръ Дюпюи [1]).

Вскорѣ императоръ проѣхалъ за рѣку и нагналъ переправившіяся дивизіи. Бодрый, всецѣло отдаваясь своему дѣлу, онъ га-

---

[1]) Souvenirs militaires, 166.

лопомъ носился между ними и указывалъ каждой ея дорогу и направленіе. На протяженіи двухъ съ половиной льё онъ сопровождалъ движеніе авангарда, иногда останавливаясь, чтобы разспросить изрѣдка встрѣчавшихся жителей страны; но сообщаемыя ими свѣдѣнія не имѣли опредѣленнаго характера. Изъ донесеній вернувшихся шпіоновъ онъ узналъ, что непріятель выставилъ противъ него только завѣсу изъ кавалерійскихъ частей. Итакъ, въ теченіе дня онъ не будетъ имѣть дѣла съ серьезнымъ сопротивленіемъ. Дѣйствительно, наши войска безпрепятственно подвигались впередъ, гоня передъ собой нѣсколько отрядовъ казаковъ, которые, разсѣиваясь при ихъ приближеніи, уносились, какъ вспугнутая стая птицъ. Ковна была занята безъ боя, и армія, развернувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей въ Вильну, могла спокойно расположиться около города и заняться усиленными развѣдками по всѣмъ направленіямъ.

Слѣва тотчасъ же натолкнулись на вторую рѣку—Вилію, которая пройдя черезъ Вильну и длиннымъ обходомъ приблизившись къ Нѣману, вливается въ него ниже Ковны. Необходимо было переправиться черезъ этотъ притокъ и узнать, что происходитъ за нимъ, дабы избѣгнуть неожиданнаго нападенія непріятеля на нашъ флангъ въ то время, когда главныя силы арміи пойдутъ на Вильну. 13-му полку армейской пѣхоты поручено было найти въ присутствіи самого императора бродъ. Такъ какъ поиски продолжались довольно долго, то командовавшій полкомъ полковникъ Гюгенекъ, потерявъ терпѣніе. вызвалъ охотниковъ переплыть рѣку и произвести рекогносцировку противоположнаго берега. На этотъ вызовъ выступили изъ рядовъ триста солдатъ и горячо взялись за выполненіе опаснаго дѣла. Ихъ удача родитъ зависть; смѣлость дѣлается заразительной. На берегу Виліи стояло нѣсколько французскихъ и польскихъ кавалеристовъ. Присутствіе императора вызываетъ въ нихъ желаніе отличиться, кружитъ имъ головы, доводитъ до безумной отваги; еще нѣсколько минутъ—и всѣ всадники съ лошадьми, оружіемъ, въ полной аммуниціи бросаются въ воду, стараясь добраться до праваго берега. Быстрое, стремительное теченіе увлекаетъ и крутитъ ихъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ съ трудомъ борются съ бурнымъ потокомъ; скоро они выбиваются изъ силъ, предаются на волю Божію, и, наконецъ, потерявъ всякую надежду на спасеніе, но съ сознаніемъ исполненнаго долга, кричатъ въ послѣдній разъ:

«Да здравствуетъ императоръ!» и погружаются въ пучину. При видѣ этого несчастья, полковникъ Гюгенекъ поддается велѣніямъ своего мужественнаго сердца. Не снимая блестящаго мундира, онъ даетъ шпоры коню, направляетъ его въ рѣку и бросается на помощь всадникамъ. Ему посчастливилось схватить одного изъ нихъ и съ торжествомъ доставить на крутой берегъ. Однако, его подвигъ не заслуживаетъ одобренія. Императоръ встрѣчаетъ его холодно. Онъ находитъ, что его поступокъ, достойный похвалы въ частномъ человѣкѣ, не достоинъ стоящаго передъ непріятелемъ начальника части, который имѣетъ право жертвовать своей жизнью только ради родины. Озаботившись лично о мѣрахъ къ спасенію кавалеристовъ, изъ которыхъ погибъ только одинъ, онъ осыпалъ упреками полковника за его доблестный и человѣколюбивый порывъ, называя его напрасной тратой геройства [1]).

Отдавъ приказаніе перебросить мостъ черезъ Вилію и переправить на ту сторону дивизію Леграна съ нѣсколькими кавалерійскими полками для выслѣживанія и наблюденія за непріятельскими отрядами, замѣченными въ этомъ направленіи, онъ кончаетъ день въ Ковнѣ, остановившись въ монастырѣ, въ гостяхъ у монаховъ. Отсюда онъ торопитъ съ подвозомъ провіанта, устраиваетъ развѣдочную службу, увеличиваетъ мѣры предосторожности для обезпеченія лѣваго крыла, ускоряетъ общее движеніе и переправу войскъ, которыя по тремъ мостамъ непрерывно идутъ съ лѣваго берега Нѣмана.

Въ этомъ мѣстѣ вторженіе идетъ безостановочно, нескончаемо, корпусъ за корпусомъ. Послѣ семидесятипяти тысячъ Даву, послѣ двадцати тысячъ кавалеристовъ Мюрата, послѣ гвардіи, идутъ двадцать тысячъ солдатъ Удино—третій корпусъ въ полномъ составѣ. На смѣну этихъ массъ прибываютъ другія. Сперва три дивизіи Нея. Идя изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, онѣ усиленными переходами догоняютъ армію. Послѣ нихъ подходятъ еще войска — новые авангарды, новые штабы, новые плотносомкнутые ряды колоннъ. Всюду пестрота мундировъ и необычайное разнообразіе народностей. Легкая конница баварцевъ и саксонцевъ смѣшалась съ нашими кирасирами; поляки распре-

---

[1]) Читатель видитъ, въ чемъ заключался этотъ случай, раздутый и искаженный Толстымъ.

дѣлены по всѣмъ кавалерійскимъ корпусамъ; бригады Гессена и Бадена представляютъ Германію въ составѣ императорской гвардіи; затѣмъ развернутый въ бригаду голландскій полкъ, пополненный корсиканскими, флорентійскими и римскими рекрутами, вюртембержская пѣхота, замкнутая между двумя французскими дивизіями. Несмотря на стеченіе народовъ и на загроможденіе мѣстности, операція продолжается въ томъ же порядкѣ, съ тѣмъ же рвеніемъ. Между тѣмъ, вслѣдъ за великолѣпнымъ утромъ, за благодѣтельной утренней прохладой наступила убійственная жара. Небо начало заволакиваться; по потемнѣвшему горизонту пошли гулять багровые отблески, засверкала молнія. Вскорѣ разразилась гроза, и ураганъ съ проливнымъ дождемъ обрушился на наши батальоны. Они встрѣтили его, не дрогнувъ. «Эта безполезная ярость неба противъ земли» [1]) представляла чудную картину,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ гвардейскій офицеръ, фанатическій поклонникъ императора. Впрочемъ, гроза скоро прошла; первое испытаніе было непродолжительно. Переправа ни на минуту не была прервана, и войска всѣхъ родовъ оружія безъ остановки проходили по прочно наведеннымъ мостамъ. Она продолжалась въ теченіе сорока восьми часовъ, 24-ое и 25-ое, день и ночь. 26-го пришли къ рѣкѣ кирасиры и драгуны Груши, которыми и завершился весь наличный составъ войскъ, переведенный самимъ императоромъ на правый берегъ [2]).

По вступленіи на непріятельскую землю каждый корпусъ получалъ свое направленіе и шелъ къ указанному ему болѣе или менѣе далекому посту. Начались усиленные, трудные, установленные по волѣ императора переходы при такой удушливой влажной жарѣ, которая заставляла нашихъ ветерановъ жалѣть о знойной Испаніи. Иногда, чтобы забыть о своей усталости, войска принимались пѣть. Полковой запѣвало начиналъ какую-нибудь народную пѣсню, какой-нибудь популярный куплетъ, а пѣхотинцы хоромъ подхватывали припѣвъ, ритмъ котораго подбадривалъ ихъ и облегчалъ движеніе. Старинныя пѣсни нашихъ провинцій—бретонскія, провансальскія, пикардійскія, нормандскія, то грустныя, то веселыя, то восторженныя, то заунывъ-

---

[1]) Boulart, 242.

[2]) Corresp., 18863.

ныя служили нашимъ ссыльнымъ солдатамъ какъ бы вѣстью съ родины, какъ бы воспоминаніемъ о семейномъ очагѣ, и неслись вмѣстѣ съ ними въ эти далекіе края, гдѣ никогда не видали людей съ Запада. Эти люди покорно двигались впередъ; они довѣрчиво шли на Сѣверъ, къ неизвѣстному будущему, и съ удивленіемъ присматривались и къ почвѣ, столь не похожей на наши веселыя поля, и къ безплодной, нѣмой, холмистой и все-таки однообразной мѣстности, гдѣ точь-въ-точь повторялись одни и тѣ же рельефы, гдѣ съ неизмѣннымъ однообразіемъ слѣдовали одна за другой все тѣ же картины; они съ удивленіемъ смотрѣли на страну, которой нѣтъ конца и гдѣ все такъ похоже одно на другое. Люди шли то по топкой грязи, то по пыльнымъ дорогамъ, проходили по унылымъ березовымъ и буковымъ лѣсамъ, карабкались по песчанымъ холмамъ. Начался походъ, продолжительность котораго не поддавалась никакому опредѣленію; Россія засасывала наши колонны въ свои бездонныя пучины.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРИБЫТІЕ ВЪ ВИЛЬНУ.—ПОСЛѢДНІЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Военный совѣтъ Александра.—Разноголосица.—Поѣздки по окрестностямъ Вильны.—Вліяніе Александра на женщинъ.—Праздникъ 24 іюня; дурное предзнаменованіе.—Извѣстіе о вторженіи непріятеля приходитъ къ царю во время бала; невозмутимое спокойствіе Александра.—Рокъ и Промыселъ Божій.—Инстинктивное отступленіе.—Миссія Балашова.—Предложеніе примиренія in extremis; причины и истинная цѣль этого шага.—Балашовъ на аванпостахъ.—Встрѣча съ неаполитанскимъ королемъ.—Пріемъ Даву.—Наполеонъ хочетъ принять русскаго посла только на другой день послѣ побѣды.—Онъ узнаетъ объ отступленіи русскихъ.—Его разочарованіе.—Онъ ускореннымъ маршемъ отправляетъ свою армію на Вильну.—Первые признаки разложенія арміи.—Вступленіе Наполеона въ Вильну; ледяной пріемъ; пожаръ магазиновъ.—Запоздалыя, принудительныя овація. — Императоръ упорно хватается за надежду отрѣзать и захватить въ плѣнъ часть русскихъ войскъ.—Непрерывныя грозы; стихіи ополчаются противъ насъ.—Жертвы грозы.—Непріятель ускользаетъ и испаряется.—Неоправдавшаяся радость.—Колонна Дорохова въ большой опасности; ея исчезновеніе.—Неудачное начало кампаніи.—Холодное отношеніе литовцевъ.—Наполеонъ рѣшаетъ принять Балашова.—Продолжительный и достопримѣчательный разговоръ съ Балашовымъ.—Жесткія рѣчи.—Цѣль императора—заставить Александра дрожать за свою личную безопасность и довести его до быстрой сдачи.—Балашовъ за императорскимъ столомъ.—Знаменитые отвѣты.—Оскорбительныя слова Наполеона Коленкуру; рѣшительный отпоръ.—Отъѣздъ Балашова.—Протестъ Коленкура; просьба объ отставкѣ.—Терпѣніе императора: какимъ образомъ прекращаетъ онъ сцену.—Окончательное прекращеніе всякихъ отношеній между императорами.—Война наступаетъ непосредственно за разрывомъ.

I.

Въ тотъ день, когда Наполеонъ во-главѣ двухсотъ тысячъ человѣкъ переходилъ Нѣманъ, графъ Растопчинъ, назначенный губернаторомъ Москвы, писалъ царю: «У вашего государства два могучихъ защитника—пространство и климатъ. Русскій импера-

торъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ» [1]).

Не всѣ лица, входившія въ составъ военнаго совѣта Александра, держались такого мнѣнія. Въ недѣли, непосредственно предшествовавшія вторженію, имѣли мѣсто горячіе споры. Сторонники нападенія ожесточенно, яростно отстаивали свои идеи. Другіе совѣтники настаивали, чтобы, по крайней мѣрѣ, передъ Вильной дано было сраженіе, чтобы Польша не была уступлена безъ боя. Почти всѣ осуждали официально принятый планъ Фуля, но никто не могъ сказать положительно, чѣмъ его замѣнить. Засѣданія совѣта лихорадочно слѣдовали одно за другимъ, не приводя ни къ какимъ результатамъ. Въ дѣло вмѣшались интриги; Армфельтъ бѣсновался, «изъ кожи лѣзъ» [2]). Онъ называлъ Фуля злосчастнымъ человѣкомъ, исчадіемъ ада; говорилъ, что проклятый нѣмецъ, обезьянничающій съ Веллингтона, былъ помѣсью «рака съ зайцемъ» [3]). Вольцогенъ—тѣнь и отраженіе Фуля—въ свою очередь, называлъ Армфельта «интриганомъ, пользующимся дурной славой» [4]); Паулуччи критиковалъ все вкривь и вкось; Беннигсенъ поминутно мѣнялъ мнѣнія и противорѣчилъ самому себѣ; главный интендантъ Канкринъ считался образцомъ бездарности; умѣвшій хорошо сражаться, но плохо говорившій Барклай могъ бы сказать много замѣчательнаго, но ему не удалось ничего высказать. Старикъ Румянцевъ, едва оправившійся отъ апоплексическаго удара, съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ искривленнымъ гемиплегіей ртомъ, гримасничая, присутствовалъ при крушеніи своей системы, своихъ надеждъ на миръ [5]).

Постоянный приливъ иностранцевъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ въ главную квартиру, усиливалъ и безъ того невообразимые безпорядокъ и смятеніе этой Вавилонской башни. Одинъ за другимъ явились прусскій ex-министръ Штейнъ, шведъ Тавастъ, англійскій агентъ Бентинкъ; всѣ они вмѣшивались въ пренія и усиливали разладъ. Армія была прекрасная, хорошо на-

---

[1]) Schildner, 245.

[2]) Tegner, III. 397.

[3]) I d., 396.

[4]) I d., 394.

[5]) Tegner, III, 390—397; Schildner, 246—247. Бюллетени, посланные Лористономъ съ его послѣдними депешами, май 1812 г.

лаженная; администрація—разнуздана; командный составъ ненадеженъ, не друженъ, плохо освѣдомленъ о намѣреніяхъ и силахъ противника. Какъ будто война, предусмотрѣнная, предрѣшенная восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, застала врасплохъ весь штабъ. Что же касается императора, то, не видя въ планѣ Фуля какого-нибудь чуда, онъ все-таки остановился на немъ, ибо нужно же было имѣть какой-нибудь планъ, тѣмъ болѣе, что для замѣны его не было найдено лучшаго. Собственно говоря, царь надѣялся побѣдить независимо отъ талантовъ и операцій своихъ генераловъ. Онъ основывалъ свои надежды на силѣ своей воли, на рѣшеніи сопротивляться безъ конца, упорно, до послѣдней крайности; на томъ, что борьба будетъ въ странѣ, которая какъ бы самой природой была создана и приспособлена для безконечнаго сопротивленія.

Послѣ дня, проведеннаго среди вздорныхъ интригъ и вѣчно спорящихъ совѣтниковъ, онъ посѣщалъ по вечерамъ сосѣдніе замки, гдѣ приводилъ въ восторгъ хозяевъ своей знаменитой любезностью, своей чарующей простотой, своими полными обаянія разговорами, въ которыхъ его живой и тонкій умъ свѣтился нѣжнымъ блескомъ. Онъ былъ любезенъ со всѣми, внимателенъ къ старикамъ и женщинамъ. Послѣ обѣда онъ просилъ дамъ сѣсть за фортепіано, внимательно слушалъ ихъ любимые романсы и любезно переворачивалъ страницы нотъ. Онъ любилъ ѣздить *incognito* по деревнямъ, гдѣ охотно присаживался у домашняго очага простолюдиновъ, и вызывалъ ихъ на разговоры, разоблачая себя только при отъѣздѣ какимъ-нибудь щедрымъ подаркомъ, какой-нибудь милостью, которые дѣлали людей счастливыми. Въ этомъ вниманіи къ своимъ литовскимъ подданнымъ, въ этой отеческой заботливости онъ видѣлъ средство сдѣлать ихъ глухими къ предложеніямъ грабителя [1]).

Въ Вильнѣ онъ часто приглашалъ знать; привлекалъ къ себѣ женщинъ, окружалъ ихъ утонченной любезностью, и, дѣйствуя на ихъ тщеславіе, отличая своимъ вниманіемъ то ту, то другую обольстительную красавицу, поддерживалъ среди нихъ соперничество и соревнованіе въ искусствѣ нравиться ему. Близость военныхъ дѣйствій не остановила въ кругахъ, близкихъ къ императору, пышной и полной удовольствій жизни, считав-

---

[1]) Mémoires de la comtesse de Choiseul-Gouffier, 55—77

шейся въ тѣ времена необходимымъ спутникомъ двора, при какихъ бы условіяхъ онъ ни находился. Блестящія собранія, пріемы слѣдовали одни за другими. На 24 іюня гарнизонные и штабные офицеры получили разрѣшеніе устроить въ честь Его Величества загородный балъ. На этотъ праздникъ, который долженъ былъ начаться днемъ и продолжаться до глубокой ночи, имѣлось въ виду пригласить все высшее общество города и окрестностей. Мѣстомъ для бала избрано было помѣстье графини Беннигсенъ Закреты, которое она предоставила на этотъ случай офицерству. Закреты были лѣтнимъ мѣстопребываніемъ въ польскомъ духѣ, т. е. простой архитектуры домъ, вокругъ котораго былъ разбитъ великолѣпный паркъ. Не было упущено ничего, что могло придать красоту природѣ. Тутъ были убранныя цвѣтами террасы, изумрудныя лужайки съ проточной водой, насыпной островъ, искусственный водопадъ, съ большимъ художественнымъ вкусомъ сдѣланныя просѣки, черезъ которыя открывался видъ на окрестныя поля и на покрытые свѣжей зеленью холмы. Какая чудная обстановка для нарядnаго лѣтняго собранія! На газонѣ противъ виллы соорудили бальную залу съ галлереями. За два дня до праздника на ней рухнула крыша, и всѣ содрогнулись при мысли, что подобный инцидентъ—случись онъ двумя днями позднѣе—превратился бы въ катастрофу. Нѣкоторые увидали въ этомъ зловѣщее предзнаменованіе. «Мы покончимъ съ нимъ наши счеты танцами подъ открытымъ небомъ» [1]), спокойно сказалъ Александръ.

И, дѣйствительно, балъ начался на лугу между рощами, въ которыхъ были спрятаны оркестры и хоры; подъ-вечеръ перешли въ аппартаменты, и длинный рядъ паръ, принимавшихъ участіе *въ полонезѣ*—національномъ польскомъ танцѣ, пройдя по саду, въ тактъ музыкѣ, поднялся по лѣстницѣ, и, извиваясь длинной лентой, обошелъ галлереи. Императоръ Александръ пріѣхалъ рано. Съ его появленіемъ всюду явились красота и оживленіе. Вдругъ, въ разгаръ вечера къ нему подошелъ министръ полиціи, генералъ Балашовъ, и съ страшнымъ волненіемъ въ голосѣ прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ: присланный изъ Ковно гонецъ привезъ донесеніе, что французы

---

[1]) Schildner, 247.

громадными массами переправляются черезъ рѣку и что началось вторженіе [1]).

При этомъ извѣстіи Александръ не растерялся и проявилъ полное самообладаніе; на его лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Чтобы не разстраивать собранія, онъ приказалъ Балашову держать въ тайнѣ это извѣстіе, а самъ такъ же любезно и привѣтливо продолжалъ переходить отъ одной группы къ другой. Онъ восторгался ночнымъ праздникомъ, освѣщеніемъ рощъ, игрой свѣта на водопадѣ, и, обративъ вниманіе на луну, которая, сіяя на небѣ, вливала свои блѣдные лучи въ сіяніе разставленныхъ по землѣ огней, назвалъ ее «самой красивой частью иллюминаціи» [2]). Пробывъ еще около часа, онъ удалился. Тотчасъ же по его отъѣздѣ среди присутствующихъ распространилась ужасная вѣсть; ураганъ ужаса пронесся надъ праздникомъ и разогналъ общество.

По возвращеніи въ Вильну Александръ провелъ за работой остатокъ ночи. Отправивъ въ Петербургъ основу дипломатической ноты, которая должна была служить отвѣтомъ на французскій манифестъ и опровергнуть его по всѣмъ пунктамъ, онъ, въ благородныхъ и полныхъ достоинства выраженіяхъ, составилъ дневной приказъ по арміямъ. Въ воззваніи къ войскамъ Наполеонъ сказалъ: «Россія увлечена злымъ рокомъ; да свершится предназначенное ей». Противъ слѣпого божества, которое призывалъ его соперникъ, Александръ указалъ на Промыселъ Божій. «На нападающаго Богъ»),—сказалъ онъ.

Генеральный штабъ, находящійся при его квартирѣ, принималъ необходимыя мѣры для выполненія знаменитаго плана. Было рѣшено, что главная армія Барклая отступитъ отъ Вильны на Свенцяны, затѣмъ на Дриссу, а Багратіонъ, во-главѣ второй арміи, бросится на флангъ французовъ, тщательно избѣгая вступать въ бой съ превосходящими его силами. Спустя нѣкоторое время, когда были получены болѣе точныя свѣдѣнія о численномъ превосходствѣ французовъ, Багратіону было приказано отступить и, когда будетъ возможно, присоединиться къ главной арміи [4]). Изложенныя на бумагѣ кабинетныя правила тотчасъ же уступили

---

[1]) Bogdanovitch, I, 113.

[2]) Mémoires de la comtesse de Choiseul-Gouffier, 90.

[3]) Bogdanovitch, I, 113.

[4]) Bogdanovitch, I, 113 et suiv.

мѣсто внутреннему чувству, которое подсказывало, что спасеніе и побѣда не въ собственныхъ силахъ, а въ необъятности пространствъ, и которое заставило всѣ корпуса отступать и сплачиваться въ одну массу. Счастье русскихъ, что въ эту кампанію они подчинились не плану, а инстинкту.

27 іюня Александръ собирался покинуть Вильну. Но предварительно онъ приступилъ къ выполненію одной чрезвычайно важной формальности, которая должна была оправдать его, если не передъ его совѣстью, то, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія. 26-го онъ приказалъ позвать Балашова, который, исполняя должность министра полиціи, въ то же время состоялъ въ числѣ его флигель-адъютантовъ, и, обращаясь къ нему на ты, что часто употребляется русскими государями въ разговорахъ съ подданными, сказалъ ему: «Ты, конечно, не знаешь, зачѣмъ я позвалъ тебя,—я хочу послать тебя къ императору Наполеону» [1]). Затѣмъ онъ объяснилъ ему, что его миссія будетъ состоять въ томъ, чтобы отвезти послѣднее предложеніе о переговорахъ и о мирѣ.

Конечно, у Александра не было ни надежды, ни желанія остановить войну. Онъ зналъ, что вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ столь же безповоротно его противникомъ, какъ и имъ самимъ. Въ расточаемыхъ ему Наполеономъ предложеніяхъ о примиреніи, ему не трудно было разгадать простую хитрость, которая имѣла задачей обмануть и парализовать Россію на то время, пока завоеватель подготовлялъ свои средства. Правда, если принять во вниманіе только показную сторону дѣла, то Наполеонъ нѣсколько разъ обращался къ Россіи съ предложеніями о примиреніи, на которыя не получалъ отвѣта. Эти настойчивыя усилія были истолкованы европейской публикой въ пользу и въ оправданіе французскаго императора; изъ нихъ сдѣлали выводъ, что, разъ Россія систематически отказывается отъ послѣднихъ шансовъ на миръ, значитъ, она желаетъ войны. Чтобы разсѣять это

---

[1]) Эти слова приведены Балашовымъ въ его чрезвычайно подробномъ собственноручномъ докладѣ о своей миссіи. Тьеръ былъ знакомъ съ этимъ документомъ; Богдановичъ пользовался имъ; онъ былъ почти цѣликомъ напечатанъ въ Recueil de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, 1882. Татищевъ помѣстилъ крайне важныя выдержки изъ него въ своемъ сочиненіи объ Александрѣ I-омъ и Наполеонѣ, 590 — 609.

впечатлѣніе, Александру необходимо было не оставаться въ долгу и отвѣтить такими же благовидными попытками, возстановить въ этомъ отношеніи равновѣсіе и даже склонить вѣсы на свою сторону. Наполеонъ отправилъ къ нему флигель-адъютанта Нарбонна, и онъ, съ своей стороны, рѣшилъ отправить флигель-адъютанта. Въ своемъ письмѣ Наполеонъ выразилъ желаніе, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, исчерпать всѣ пути къ примиренію. Не давъ тогда отвѣта, Александръ хочетъ составить его теперь въ подобномъ же духѣ. Въ дни, предшествовавшіе переправѣ черезъ Нѣманъ, онъ подготовилъ проектъ письма къ Наполеону. Онъ тоже сдѣлалъ предложеніе вести переговоры, беря за исходную точку ультиматумъ, и, обнаруживая, наконецъ, свою затаенную мысль, прибавилъ: «*что намѣренъ открыть свои гавани судамъ всѣхъ націй*, если Наполеонъ будетъ затягивать теперешнее неопредѣленное положеніе» [1]). Это значило, подъ личиной желанія мира, сдѣлать его совершенно невозможнымъ. Такъ какъ теперь это письмо уже не годилось, Александръ замѣнилъ его другимъ, которое и рѣшилъ довѣрить Балашову. Во второмъ письмѣ онъ порицалъ Куракина за просьбу о паспортахъ, которая послужила предлогомъ для нападенія. «Если вы, Ваше Величество, — говорилъ онъ, — не намѣрены проливать кровь вашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія и если согласны удалить ваши войска съ русской территоріи, я сочту все, что произошло, не имѣвшимъ мѣста, и примиреніе между нами всегда возможно» [2]).

Подобный шагъ со стороны Александра, который долженъ былъ получить самую широкую огласку, покажется тѣмъ болѣе достойнымъ похвалы, что былъ сдѣланъ въ ту минуту, когда его территорія была уже нарушена, когда нападающіе нахлынули на его границы. Заговорить о мирѣ послѣ того, какъ ему было нанесено грубое оскорбленіе — можно ли лучше показать искренность своихъ намѣреній, желаніе щадить человѣчество и избѣгнуть пролитія крови? Превосходно изучивъ своего соперника, онъ не боялся, что тотъ поймаетъ его на словѣ, а, между тѣмъ, облекаясь въ тогу умѣренности и кротости, онъ надѣялся вернуть къ себѣ колеблющіеся умы и окончательно привлечь на свою сторону сочувствіе Европы.

---

[1]) Schildner, 247.

[2]) Tatistchef, 588.

Въ ночь съ 27 на 28 онъ опять велѣлъ позвать къ себѣ Балашова, передалъ ему письмо и въ торжественныхъ выраженіяхъ подробно истолковалъ его. Балашовъ долженъ былъ сказать, что переговоры могутъ начаться тотчасъ же, если Наполеонъ того желаетъ; но при одномъ обязательномъ, «непремѣнномъ» условіи, чтобы французская армія предварительно переправилась обратно черезъ Нѣманъ. «До тѣхъ поръ, пока хотя бы одинъ вооруженный солдатъ останется на русской территоріи, императоръ Александръ не произнесетъ и не выслушаетъ ни одного слова о мирѣ — въ этомъ онъ клянется своей честью» [1]).

Балашовъ уѣхалъ тотчасъ же. Когда взошло солнце, онъ былъ уже въ нѣсколькихъ льё отъ Вильны, въ деревнѣ Рыконты, занятой еще русскими, гдѣ ему сообщили, что въ недалекомъ разстояніи находятся французскіе аванпосты. Тогда онъ взялъ съ собой унтеръ-офицера изъ гвардейскихъ казаковъ, рядового казака и трубача, и продолжалъ путь. Приблизительно часъ спустя, вдали обрисовались силуэты двухъ стоявшихъ на караулѣ французскихъ гусаръ, съ поднятыми пистолетами. Замѣтивъ маленькую группу русскихъ, гусары прицѣлились и хотѣли выстрѣлить; звукъ трубы остановилъ ихъ. Они узнали сигналъ, которымъ обыкновенно возвѣщалось о прибытіи парламентеровъ. Одинъ изъ гусаровъ галопомъ подъѣхалъ къ Балашову, приставилъ къ его груди пистолетъ, и потребовалъ, чтобы онъ остановился. Другой отправился предупредить полкового командира, который доложилъ объ этомъ неаполитанскому королю, находившемуся всегда по-близости аванпостовъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился адъютантъ короля, которому поручено было проводить Балашова въ главную квартиру принца Экмюльскаго, расположенную немного дальше, поближе къ императору.

Продолжая путь съ конвоемъ французскихъ офицеровъ, Балашовъ вскорѣ столкнулся съ блестящей группой свитскихъ, во-главѣ которой ему не трудно было узнать по «немного театральному» костюму самого Мюрата. Вотъ изъ чего состоялъ въ высшей степени фантастичный нарядъ неаполитанскаго короля: большая шляпа полукруглой формы съ развѣвающимися по вѣтру перьями, среди которыхъ выдѣлялся высоко и побѣдоносно стоящій султанъ; зеленаго бархата доломанъ, на манеръ гусарскаго,

---

[1]) Эта и слѣдующія цитаты до стр. 507 взяты изъ донесенія Балашова.

обшитый золотыми жгутами; наброшенный на плечо ментикъ; вышитые золотыми жгутами ярко-малиноваго цвѣта рейтузы; сапоги изъ желтой кожи; множество драгоцѣнныхъ украшеній, и, въ довершеніе эффекта, серьги, драгоцѣнные камни которыхъ горѣли разноцвѣтными огнями по обѣимъ сторонамъ его лица. Когда Мюратъ проѣзжалъ въ такомъ нарядѣ мимо нашихъ лагерей, солдаты улыбались, и находили, что онъ одѣтъ, «какъ тамбуръ-мажоръ». Въ бою же, когда покрывавшее его золото чернѣло отъ пороховой копоти, когда вихрь сраженія трепалъ перья на его шляпѣ, когда стрѣльба изъ ружей и пушекъ окружала его молніями, онъ походилъ на сіяющаго золотомъ, неуязвимаго бога войны. Увидавъ Балашова, онъ сошелъ съ коня; Балашовъ послѣдовалъ его примѣру. Затѣмъ, снявъ шляпу широкимъ жестомъ, онъ, подобно изящному романическому рыцарю, съ улыбкой на устахъ, подошелъ къ послу непріятеля. «Я счастливъ видѣть васъ, генералъ,—сказалъ онъ,—но сперва надѣнемъ шляпы».

Завязался разговоръ. Въ продолженіе нѣкотораго времени, въ крайне-вѣжливой формѣ, шелъ споръ по вопросу, кто желалъ разрыва, кто первый провинился, и кто былъ зачинщикомъ. Въ сущности, Мюрату не нравилась эта война на краю свѣта, оторвавшая его отъ теплой страны, гдѣ ему хорошо жилось и гдѣ онъ вошелъ во вкусъ королевскаго сана. Онъ страдалъ вдали отъ своего королевства и отъ своей семьи; жаловался на трудности сообщеній, на рѣдко приходившія къ нему извѣстія, ибо этотъ герой ста сраженій обладалъ нѣжнымъ сердцемъ и безпокоился за близкихъ его сердцу людей. Вполнѣ искренно онъ закончилъ разговоръ словами: «Я очень желаю, чтобы императоры сговорились и прекратили войну, которая началась, вопреки моему желанію». Послѣ этихъ словъ, возвращаясь снова къ призывавшимъ его важнымъ обязанностямъ, онъ съ любезной непринужденностью простился съ Балашовымъ, сѣлъ на коня и долго еще вдали по виленской дорогѣ виднѣлся колыхавшійся крупъ его лошади и развѣвавшійся по вѣтру султанъ.

Совершенно иной пріемъ оказанъ былъ Балашову въ бѣдномъ домишкѣ, гдѣ остановился принцъ Экмюльскій. Въ походѣ этотъ знаменитый, суровый солдатъ отдавался весь своему дѣлу. Онъ былъ поглощенъ, и какъ бы мучился, сознаніемъ своей отвѣтственности; лицо его было строго, озабочено, мрачно; подчасъ его дурное расположеніе духа прорывалось наружу, и онъ со

скорбнымъ видомъ вершилъ великія дѣла. Въ моментъ прибытія Балашова онъ былъ занятъ отправкой приказовъ, педантично подготовлялъ выступленіе въ походъ, приводилъ въ движеніе свои 75,000 человѣкъ, и былъ крайне раздосадованъ, когда его оторвали отъ дѣла. Когда Балашовъ сказалъ, что ему поручено передать посланіе императору, и спросилъ, гдѣ находится Его Величество, маршалъ заносчиво отвѣтилъ: «Ничего не знаю», и добавилъ: «Давайте ваше письмо, я ему доставлю». Балашовъ отвѣтилъ, что его государь строго-на-строго приказалъ ему передать посланіе въ собственныя руки. Такой формализмъ окончательно вывелъ Даву изъ терпѣнія. «Все равно, — съ сердцемъ сказалъ онъ; здѣсь вы у насъ: нужно дѣлать, что вамъ велятъ». Балашовъ передалъ письмо, но сумѣлъ дать понять, насколько его достоинство было оскорблено подобнымъ насиліемъ. «Вотъ письмо, маршалъ, — отвѣтилъ онъ, и, самъ возвысивъ голосъ, сказалъ: «сверхъ того, я попрошу васъ забыть о моей особѣ и вообще о мнѣ и помнить только о званіи флигель-адъютанта Его Величества императора Александра, которое я имѣю честь носить». Эти слова заставили Даву умѣрить тонъ. «Милостивый государь, сказалъ онъ, къ вамъ отнесутся съ должнымъ вниманіемъ».

Дѣйствительно, пока онъ отправлялъ офицера съ письмомъ къ императору, онъ оставилъ у себя, въ той же самой комнатѣ, врага, который, по обычаямъ войны, былъ его гостемъ. Нѣкоторое время оба молча, въ смущеніи, смотрѣли другъ на друга, подыскивая, но не находя предмета для разговора. Даву имѣлъ угрюмый и разсѣянный видъ. Балашовъ, послѣ всего происшедшаго, считалъ, что не его дѣло дѣлать первый шагъ. Наконецъ, маршалъ нарушилъ это молчаливое tête-à-tête, и, позвавъ адъютанта, сказалъ: «Пусть подаютъ завтракъ». Вслѣдъ за тѣмъ весь штабъ сѣлъ за столъ. Во время завтрака Даву старался завязать бесѣду съ Балашовымъ и поддерживать нѣчто въ родѣ разговора, но во всѣхъ его словахъ проглядывало глубокое недовѣріе. Въ попыткѣ начать переговоры онъ видѣлъ только ловкій ходъ, придуманный русскими, чтобы выиграть время и съ бо̀льшими удобствами совершить отступленіе. Онъ напрямикъ сказалъ это Балашову. Кромѣ того, онъ не хотѣлъ, чтобы тотъ блуждалъ взорами по нашимъ войскамъ, позиціямъ и боевымъ средствамъ. Чуя въ парламентерѣ шпіона, онъ хотѣлъ поскорѣе

избавиться отъ него и съ нетерпѣніемъ ждалъ приказаній императора.

II.

Скоро во всѣхъ частяхъ французской арміи узнали о прибытіи русскаго эмиссара. Слухъ объ этомъ распространился съ быстротой молніи, и произвелъ сенсацію въ главной квартирѣ, гдѣ возбудилъ среди нѣкоторыхъ чиновъ главнаго штаба, сожалѣвшихъ объ открытіи враждебныхъ дѣйствій, смутную надежду на миръ. Что касается императора—онъ торжествовалъ. Онъ видѣлъ въ этомъ первый признакъ растерянности русскихъ, и приписалъ появленіе Балашова страху, который обуялъ царя и его совѣтниковъ при извѣстіи о быстротѣ нашего вторженія. Онъ сказалъ Бертье: «Мой братъ Александръ, такъ гордо обошедшійся съ Нарбонномъ, кажется, хочетъ уже примириться; онъ испугался. Мои маневры смутили русскихъ. Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ они будутъ у моихъ ногъ» [1]).

Впрочемъ, онъ не торопился принять Балашова. Онъ попросилъ Даву задержать его у себя до новаго приказанія, рѣшивъ допустить его въ свое присутствіе только послѣ первой побѣды и взятія Вильны. Онъ рѣшилъ, что прикажетъ привести къ себѣ Балашова только тогда, когда послѣ блестящаго дѣла передъ нимъ откроются врата Вильны, и что приметъ его въ томъ самомъ городѣ, гдѣ этотъ посолъ получилъ инструкціи своего государя. Стараясь постоянно бить на эффектъ, всегда тщательно заботясь о красивыхъ декораціяхъ и сценической обстановкѣ, онъ разсчитывалъ ошеломить представителя Россіи, принявъ его въ собственномъ дворцѣ, даже въ собственномъ кабинетѣ императора Александра, и представши предъ нимъ воплощеннымъ олицетвореніемъ побѣды. Тогда, только-что начавъ войну и уже одержавъ побѣду, онъ будетъ въ правѣ заговорить громко, предъявить въ болѣе суровой формѣ свои требованія, и, быть можетъ, при посредничествѣ Балашова, довести до свѣдѣнія враговъ первыя основы капитуляціи, которую хотѣлъ предписать имъ и которой разсчитывалъ быстро завершить кампанію.

---

[1]) Неизданные документы.

Но прежде, чѣмъ нанести задуманный ударъ, прежде, чѣмъ идти на Вильну, онъ принимаетъ необходимыя мѣры предосторожности для обезпеченія успѣха своему предпріятію. Обставляя всегда чрезвычайно обстоятельно выполненіе своихъ смѣлыхъ плановъ, онъ проводитъ еще два дня, 25 и 26 іюня, въ Ковно, посвящая эти дни подготовкѣ къ бою, производству развѣдокъ, заготовкѣ провіанта и освѣщенію мѣстности. Онъ зналъ только то, что предъ нимъ стоитъ первая русская армія подъ командой Барклая-де-Толли; этого мало: онъ хочетъ знать составъ и распредѣленіе всѣхъ корпусовъ этой арміи, хочетъ имѣть свѣдѣнія о ихъ числѣ, силѣ и мѣстонахожденіи; по его словамъ, онъ хочетъ прежде всего «разобраться на этой шахматной доскѣ». Даву и Мюрату поручается изслѣдовать мѣстность на далекое разстояніе. Этимъ корпуснымъ командирамъ приказывается: быстро произвести развѣдки, но при этомъ избѣгать пускать въ дѣло слишкомъ сильные отряды, заботиться о томъ, чтобы не разбрасывать своихъ войскъ и не подвергать ихъ опасности. Наполеонъ умѣряетъ пылъ Мюрата, стремительно бросившагося впередъ и упрекаетъ его въ торопливости. Лѣвое крыло постоянно заботитъ его. По его мнѣнію, оно слабо и слишкомъ выдвинуто впередъ. Онъ уже перебросилъ по ту сторону Виліи часть корпусовъ Удино и Нея; онъ приказываетъ, во что бы то ни стало, разузнать о томъ, что происходитъ впереди нихъ, устанавливаетъ связь съ дивизіями Макдональда, которыя только-что перешли Нѣманъ между Тильзитомъ и Георгенбургомъ и должны были дѣйствовать параллельно съ главной арміей. Онъ подгоняетъ стоящіе еще на лѣвомъ берегу Нѣмана корпуса Евгенія, которые должны были дойти до Пренъ, а не дошли еще и до рѣки [1]). Онъ хочетъ начать движеніе только тогда, когда обезпечитъ фланги и стянетъ войска. Тогда, ставъ во-главѣ колоннъ, назначенныхъ для главнаго нападенія, онъ быстро двинетъ ихъ на Вильну, гдѣ, по его разсчетамъ, найдетъ готоваго встрѣтиться съ нимъ противника, и гдѣ ждетъ его побѣда.

Эта надежда сразиться и побѣдить подъ Вильной быстро рушилась. 26-го императоръ узналъ, что отряды нашей кавалеріи находятся въ разстояніи пяти льё отъ литовской столицы, и что они подошли къ ней, не встрѣтивъ сопротивленія. Неу-

---

[1]) Corresp., 18858—18873.

ловимая линія русскихъ аванпостовъ отступала передъ ними, нигдѣ не задерживаясь и уступая малѣйшему натиску. Главныя силы непріятеля покинули превосходную позицію въ Трокахъ, служившую оплотомъ Вильнѣ, и, пройдя черезъ Вильну, уходили по направленію къ сѣверу-востоку. Корпуса Витгенштейна и Багговута, съ которыми Удино и Ней старались войти въ соприкосновеніе, отходили въ томъ же направленіи. Все указывало на то, что первая русская армія дѣйствовала по заранѣе обдуманному плану—отступать, уклоняясь отъ боя.

Эти извѣстія страшно раздосадовали императора. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить этому, и только по полученіи повторныхъ и вѣрныхъ донесеній, уступилъ передъ очевидностью [1]). Его досада вызвала въ немъ подъемъ энергіи, подвинула его на лихорадочную дѣятельность. Видя, что непріятель уклоняется отъ сраженія, онъ съ жаромъ хватается за планъ захватить его врасплохъ въ моментъ безпорядочнаго спѣшнаго отступленія и, по крайней мѣрѣ, отрѣзать и взять въ плѣнъ нѣсколько корпусовъ.

Часть войскъ Барклая-де-Толли, именно, лѣвое крыло подъ командой Тучкова и Дохтурова, находилась еще къ югу отъ Вильны. Чтобы добраться до главнаго сборнаго пункта, который, по всѣмъ даннымъ, былъ намѣченъ на довольно далекомъ разстояніи къ сѣверу-востоку, по направленію къ Двинску и укрѣпленному Дриссинскому лагерю, этимъ войскамъ нужно было обогнуть Вильну и сдѣлать длинный обходъ. Наполеонъ думалъ: если наша армія стремительно бросится на Вильну, и, пройдя черезъ нее, придетъ раньше русскихъ на пунктъ, черезъ который имъ неизбѣжно нужно пройти, то, можетъ быть, ей удастся преградить имъ путь, отрѣзать отступленіе и нанести непоправимое пораженіе? Кромѣ того, стоявшая до сихъ поръ на границахъ герцогства Варшавскаго вторая русская армія—армія Багратіона—навѣрное, должна тоже двинуться къ сѣверу на соединеніе съ первой, чтобы оказать ей содѣйствіе въ выполненіи общаго плана обороны. Не зная о нашемъ приходѣ въ Вильну, колонны Багратіона наткнутся на неожиданно водворившіяся въ этомъ мѣстѣ наши главныя силы. Встрѣченныя съ фронта императоромъ, подвергаясь съ фланга нападенію Евгенія,

---

[1]) Неизданные документы.

преслѣдуемыя съ тылу поляками Понятовскаго, саксонцами и вестфальцами Жерома, которымъ былъ отправленъ приказъ начать движеніе и вступить въ Россію, онѣ, вѣроятно, не вырвутся изъ этихъ тисковъ. Поэтому, прежде чѣмъ распечатать посланіе Александра и дать отвѣтъ на его послѣднія предложенія, онъ успѣетъ еще добиться блестящихъ результатовъ. «Если русскіе не захотятъ сражаться передъ Вильной,—сказалъ онъ,—я заберу нѣкоторую ихъ часть»[1]). При достиженіи этой цѣли, весь вопросъ сводился къ быстротѣ и выигрышу времени; требовалась только совокупность быстрыхъ и точно выполненныхъ маневровъ. 26 іюня, днемъ, императоръ приказываетъ ускорить движеніе на Вильну. Онъ предписываетъ всѣмъ корпусамъ снова двинуться въ путь, идти вольно, быстро, безъ приваловъ и отдыха. «Ему хотѣлось бы дать всѣмъ крылья» [2]),—говоритъ одинъ очевидецъ.

Получивъ такой энергичный приказъ, армія въ одинъ духъ отмахала около десяти льё, отдѣлявшихъ ее отъ Вильны, но этотъ усиленный переходъ потребовалъ отъ нея слишкомъ большой затраты силъ. Много солдатъ, взятыхъ на службу слишкомъ молодыми, не пріобрѣли необходимой выносливости; они не могли угнаться за старыми; края дорогъ были усѣяны отсталыми; нѣкоторые умирали на дорогѣ отъ усталости, изнуренія, голода и жажды. Дѣйствительно, несмотря на необычайную заботливость императора, армія не была въ достаточной мѣрѣ снабжена провіантомъ; до переправы у людей въ мѣшкахъ было провіанта только на нѣсколько дней, теперь «онъ былъ приконченъ». Обозы, везшіе больше, чѣмъ нужно, продовольствія, задерживались вслѣдствіе своего огромнаго количества, своей тяжести и того страшнаго загроможденія, которое они создавали на своемъ пути. Они испытывали страшныя затрудненія и не могли поспѣвать за войсками. Бо́льшая часть повозокъ съ хлѣбомъ, говядиной, дровами остались позади. Немногія повозки, которымъ удалось догнать колонны, брались приступомъ, и несмотря на сопротивленіе интендантовъ, взламывались и опоражнивались. На дорогѣ происходили сцены безпорядка и насилія; то тутъ, то тамъ бушевала толпа; въ воздухѣ стояли руготня

---

[1]) Неизданные документы.
[2]) Id.

и проклятія,—все это создавало новыя препятствія, и страшно задерживало прибытіе другихъ обозовъ.

Лишенная самаго необходимаго, умирая съ голода, бо́льшая часть арміи должна была жить на счетъ страны, на счетъ той самой русской Польши, которую Наполеонъ, желая склонить на свою сторону, особенно хотѣлъ щадить. Эта бѣдная, некультурная страна съ трудомъ удовлетворяла свои собственныя потребности; жилища встрѣчались рѣдко, въ одиночку; деревни были расположены далеко отъ дорогъ, затеряны среди лѣсовъ. Чтобы добраться до нихъ, солдатамъ приходилось бросать ряды, разбѣгаться въ разныя стороны и забираться далеко отъ дороги. Многіе изъ нихъ, какъ только замѣчали группу домовъ или одиночное жилище, собирались въ шайки, набрасывались на добычу, и угрозой и побоями отбирали у крестьянъ ихъ скудное имущество. Они грабили хижины, и уносили на дрова мебель, оставляя позади себя развалины, внося всюду опустошеніе и накликая на свою голову проклятія тѣхъ, которыхъ пришли освободить. Число шаекъ, а также грабителей, дѣйствовавшихъ въ одиночку, увеличивалось съ часу-на-часъ. Мародерство—эта язва нашихъ войскъ—принимало неслыханные размѣры. Цѣлые отряды, цѣлые полки распадались, дробились, распылялись въ человѣческую пыль, которая падала на страну и опустошала ее. Эти безпорядки, эти признаки упадка дисциплины и распада—роковые предвѣстники будущаго, возникли сами собой, въ силу создавшагося положенія вещей. Обманывая всѣ предварительные разсчеты, сводя къ нулю усилія генія, они указывали на главный недостатокъ предпріятія—на слишкомъ большія требованія, которыя поставилъ Наполеонъ слабымъ человѣческимъ силамъ. Небывалыхъ размѣровъ военная махина, которую онъ смастерилъ, стѣсненная сложностью и необычайнымъ множествомъ пружинъ, работала плохо; ея замысловатыя колеса сразу же портились или отказывались дѣйствовать. Эта громадная машина—только-что пущенная въ ходъ—уже скрипѣла и разваливалась.

Наши кавалерійскіе авангарды подошли къ Вильнѣ въ ночь съ 27 на 28 іюня; они безъ боя заняли превосходную оборонительную позицію—крутыя высоты въ три уступа, которыя представляли природный укрѣпленный лагерь. «Самая стратегическая мѣстность, какую только можно встрѣтить»,—сказалъ знатокъ

этого дѣла Жомини [1]). Не соблазняясь столь удачно приспособленной къ сопротивленію мѣстностью, конница и легкая пѣхота непріятеля продолжали отступать. Наши войска наблюдали за ихъ движеніями и преслѣдовали ихъ по пятамъ. Временами, когда преслѣдованіе становилось невыносимымъ, русскіе поворачивались къ намъ фронтомъ, вступали въ непродолжительный бой, но затѣмъ снова отступали. Вблизи Вильны произошла довольно горячая, кончившаяся не въ нашу пользу, стычка, во время которой былъ взятъ въ плѣнъ братъ генерала Сегюра.

Тѣмъ не менѣе, 28-го утромъ наши егеря и драгуны проникли въ городъ. Населеніе ждало насъ и готовило намъ встрѣчу. Хотя среди жителей не было полнаго единодушія, но у большинства въ рѣзкой формѣ сказались патріотическій пылъ, страшная ненависть ко всему русскому и большой подъемъ духа. Радуясь нашему приходу, они ожидали увидѣть освободителей, которые обойдутся съ ними, какъ съ союзниками и, вмѣстѣ съ независимостью, внесутъ къ нимъ порядокъ. Вмѣсто того, они увидали толпу голодныхъ, которые набросились на предмѣстья города, взламывали лавки, грабили трактиры и склады съ провіантомъ, и тащили все, что попадалось имъ подъ руку. При такомъ зрѣлищѣ ужасъ напалъ на всѣхъ; всѣ думали только о томъ, чтобы запереться и забаррикадироваться у себя въ домѣ, укрыть въ надежномъ мѣстѣ свое добро и спрятаться самимъ подальше. Царившій при нашемъ вступленіи безпорядокъ сразу остановилъ народный порывъ и охладилъ энтузіазмъ.

Между тѣмъ, вслѣдъ за авангардомъ, крупной рысью въѣхалъ въ городъ императоръ со свитой и частью своего штаба. Онъ былъ увѣренъ, что въ Вильнѣ его ждетъ такой же пріемъ, какъ въ Познани. Онъ надѣялся, что его встрѣтитъ взрывъ радости; что на пути его будутъ тріумфальныя арки; что прелестныя польки, которыя въ другихъ мѣстахъ разжигали умы и всей душой отдавались дѣлу народнаго возрожденія, будутъ усыпать путь его дождемъ цвѣтовъ. Онъ учитывалъ этотъ порывъ польскихъ чувствъ и включилъ его въ свои разсчеты. Онъ надѣялся, что литовская столица при первомъ же его появленіи перейдетъ на его сторону; что она подниметъ знамя мятежа и

---

[1]) Письмо герцога Бассано министру полиціи, 21 іюля 1812 г. Archives nationales, AF, IV, 1648.

дастъ толчокъ остальнымъ частямъ провинціи; что воодушевленная этимъ примѣромъ русская Польша цѣликомъ встанетъ подъ его знамена, и облегчитъ его задачу, выставивъ противъ Россіи, рядомъ съ нашей арміей, воскресшую, ожившую націю. Онъ вступилъ въ Вильну въ девять часовъ утра. Вмѣсто праздничнаго, обезумѣвшаго отъ восторга и любви къ нему города, о которомъ онъ мечталъ, онъ нашелъ мертвый городъ. Длинныя, некрасивыя и пустынныя предмѣстья носили слѣды погрома; въ центральныхъ кварталахъ съ мрачными и кривыми улицами царили безмолвіе и тишина; нигдѣ не показывались шедшія ему навстрѣчу толпы обывателей; въ окнахъ—ни одного женскаго лица. Только нѣсколько человѣкъ изъ подонковъ населенія, главнымъ образомъ, жиды, съ гнуснымъ, подобострастнымъ выраженіемъ, трусливо прокрадывались вдоль стѣнъ.

Въ первую минуту этотъ холодный пріемъ не особенно огорчилъ императора. Онъ могъ быть объясненъ неожиданностью его пріѣзда. По своему обыкновенію, онъ не объявилъ о своемъ прибытіи; слѣдовательно, возможно, что онъ захватилъ всѣхъ врасплохъ. Можетъ быть, думалъ онъ, нужно дать обывателямъ время опомниться; нужно подождать, пока они выйдутъ ему навстрѣчу, проявятъ усердіе и подготовятъ пріемъ? Онъ проѣхалъ вдоль всего города до противоположнаго конца, къ перекинутому черезъ Вилію деревянному мосту, по которому при отступленіи только-что прошли русскіе. Здѣсь его ждало новое разочарованіе: мостъ представлялъ изъ себя дымящуюся, догоравшую развалину. Чтобы задержать преслѣдованіе, непріятельская армія зажгла его позади себя. По берегамъ рѣки поднимались къ небу густые столбы дыма; нѣсколько рядовъ построекъ по близости рѣки превратились въ пылающій костеръ. Это было все, что осталось отъ многочисленныхъ амбаровъ, куда русскіе въ теченіе восемнадцати мѣсяц въ складывали всевозможные продовольственные припасы. Вынужденные бросить эти богатые склады, драгоцѣнный кладъ для нашей лишенной пока всего необходимаго арміи, они отдали ихъ пламени, лишь бы они не доставались намъ.

Эта картина разрушенія заставила императора призадуматься; въ теченіе нѣкотораго времени онъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ на нее. Между тѣмъ вокругъ него стало собираться простонародье. Онъ спросилъ стаканъ пива и поблагодарилъ, сказавъ: *Dobre*

piwa, хорошее пиво. Онъ выучилъ нѣсколько польскимъ словъ и пользовался ими при всякомъ удобномъ случаѣ [1]). Онъ принялъ мѣры для ограниченія пожара; сдѣлалъ смотръ одной дивизіи; затѣмъ вернулся въ городъ, и направился къ дворцу, въ которомъ хотѣлъ остановиться.

Немыслимо, думалъ онъ, чтобы за это время не распространился слухъ о его пріѣздѣ. Вѣдь должны же были видѣть, какъ проѣхали и вошли во дворецъ остальной его штабъ, его слуги, экипажи, его штатъ—все что обыкновенно сопровождало его. Несмотря на столько безусловныхъ признаковъ его присутствія, видъ города не мѣнялся; никого не появлялось у оконъ, не было и помину объ украшеніяхъ; улицы по-прежнему были пустынны; ни малѣйшаго слѣда восторга или даже простого любопытства. Теперь императоръ не могъ побороть своего волненія, его разочарованіе прорвалось наружу. Когда онъ въѣхалъ во дворъ дворца и сошелъ съ коня, когда помѣстился въ аппартаментахъ императора Александра, когда занялъ покои, гдѣ проживалъ его бѣжавшій соперникъ, его лицо не выражало гордости отъ сознанія, что онъ такъ побѣдоносно занялъ его мѣсто. Съ грустью вспоминая прошлое, онъ сравнивалъ холодность Вильны съ тѣми страстными возгласами, съ какими его принимали въ городахъ великаго герцогства, и не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Здѣшніе поляки совсѣмъ не похожи на познанскихъ поляковъ» [2]).

Онъ сурово обуздалъ безпорядки, благодаря которымъ не оправдались его надежды; назначилъ страшныя наказанія за нарушеніе дисциплины и мародерство; приказалъ загнать въ огороженное вблизи города мѣсто всѣхъ отсталыхъ, которыхъ удалось подобрать; не отступалъ ни передъ какими средствами, чтобы успокоить населеніе и воскресить довѣріе [3]). Стараніями начальника генеральнаго штаба были разысканы и освѣдомлены о намѣреніяхъ императора представители городского управленія и вліятельныя въ городѣ лица. Къ нимъ осторожно и по секрету обратились съ призывомъ, пригласили ихъ покинуть свои убѣжища, явиться къ императору и выразить свои чувства. Такимъ образомъ, удалось вызвать нѣкоторое подобіе запоздалаго про-

---

[1]) Réminiscences de la comtesse de Choiseul-Gouffier, p. 63.

[2]) Неизданные документы.

[3]) Cahiers du capitaine de Coignet, 192.

явленія симпатіи и радости, создать нѣчто въ родѣ энтузіазма и устроить на пути слѣдованія нашихъ корпусовъ, которые продолжали проходить черезъ городъ и располагаться вокругъ него, подобіе овацій съ ихъ обычными аксессуарами: цвѣтами, вѣнками и украшеніями.

Между тѣмъ, Даву со своими пятью дивизіями былъ уже на лицо. Мюратъ привелъ всю свою кавалерію. Ней и Удино подходили слѣва съ высотъ; прочіе же полки громадной колонны, состоящіе изъ гвардіи и резервовъ, позадержались въ пути и шли эшелонами по дорогѣ изъ Ковно въ Вильну. Съ 28-го по 30-ое Наполеонъ подготовлялъ обходныя движенія, имѣвшія задачей опередить отступающія русскія войска и захватить часть ихъ. По его плану, въ то время, когда неаполитанскій король, подкрѣпленный нѣсколькими дивизіями пѣхоты, будетъ подвигаться по прямой линіи впередъ и, подобно клину, врѣжется между обѣими непріятельскими арміями, Удино, Ней и Макдональдъ по-прежнему будутъ двигаться къ сѣверо-востоку, преслѣдуя по пятамъ Барклая-де-Толли; по всей вѣроятности, тревожимая армія Барклая-де-Толли не уйдетъ безъ урона. «Мнѣ достанется ножка или крылышко» [1]), сказалъ императоръ. Онъ предписалъ Даву взять съ собой часть пѣхоты, какъ можно больше кавалеріи и поворотить направо по направленію къ югу. По его мнѣнію, съ этой-то стороны и долженъ былъ представиться благопріятный случай для выгодныхъ нападеній.

Въ это время въ очень недалекомъ разстояніи, къ юго-востоку отъ Вильны, близъ Ошмянъ, обозначились русскія силы. Что это были за войска, забравшіяся такъ близко къ намъ и, очевидно, не знавшія о грозившей имъ опасности? Быть можетъ, это корпуса Дохтурова и Тучкова, которые, потерявъ голову, стараются кратчайшимъ путемъ присоединиться къ Барклаю? Наполеонъ болѣе склоняется къ тому, что это авангардъ Багратіона [2]). Онъ все еще думаетъ, что армія, которой командуетъ князь, идетъ по направленію къ Вильнѣ. Изъ перехваченныхъ эстафетъ онъ узнаетъ, что слухъ о нашемъ быстромъ появленіи въ Вильнѣ не проникъ еще вглубь Россіи. Слѣдовательно, можно надѣяться, что Багратіона не успѣли во-время

---

[1]) Неизданные документы.

[2]) Corresp., 18875, 18877.

предупредить; всѣ данныя говорили за то, что его армія, не зная о грозившей ей опасности, очертя голову, бросится въ разставленныя ей сѣти и не ускользнетъ отъ полнаго или частичнаго разгрома. Чтобы поставить ее между двухъ огней, Наполеонъ приказываетъ Евгенію и Понятовскому ускорить фланговое движеніе и горячими посланіями побуждаетъ ихъ къ этому. Самъ онъ постоянно усиливаетъ, въ особенности кавалеріей, войска Даву, которыя, находясь въ головныхъ колоннахъ, должны гнаться за непріятелемъ; онъ отправляетъ изъ Вильны одну за другой дивизію Дессе, дивизію Сенъ-Жермена, валенсійскихъ кирасиръ и гвардейскихъ уланъ; поручаетъ Нансути и Груши, съ ихъ составленными всецѣло изъ конныхъ дивизій корпусами, оказать содѣйствіе движеніямъ принца Экмюльскаго съ тѣмъ, чтобы тотъ могъ «свершить хорошія и блестящія дѣла» [1]). Упорно предаваясь надеждѣ въ скоромъ времени захватить въ плѣнъ цѣлую армію, прилагая всѣ старанія подготовить это дѣло, Наполеонъ ежедневно встаетъ въ два часа утра и отправляетъ приказанія; онъ весь отдается военнымъ комбинаціямъ, и, какъ бы забывъ о вѣстникѣ мира, не считаетъ нужнымъ принять Балашова, который все еще остается подъ надзоромъ Даву.

III.

Императоръ построилъ свои разсчеты, не принявъ во вниманіе болѣе грознаго врага, чѣмъ разбросанныя и уступавшія ему по численности русскія войска. Климатъ Сѣвера подготовилъ ему первое жестокое предостереженіе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней погода стояла перемѣнная — то солнце, то дождь, съ явной наклонностью испортиться въ конецъ. 29-го, послѣ полудня, надъ великой арміей на всемъ занимаемомъ нашими войсками пространствѣ собралась и разразилась гроза. Гвардію она захватила на пути къ Вильнѣ; другіе, находившіеся правѣе,—корпуса во время ихъ пребыванія въ городѣ и передвиженій вблизи него, армію же принца Евгенія — еще на берегахъ Нѣмана. Ярость стихій была ужасна. Молнія пересѣкала небо во всѣхъ направленіяхъ; она ежеминутно падала на землю, ударяла въ наши колонны, убивала въ пути солдатъ. Послѣ грозы—словно небо

[1]) Id., 18880.

разверзлось: полилъ дождь, какой бываетъ только на Сѣверѣ, безпросвѣтный, ледяной. Наступилъ жестокій холодъ. Словно законы природы извратились, словно среди жаркаго лѣта наступила суровая зима.

Войска провели ночь на затопленныхъ водой бивакахъ, безъ огня, безъ защиты отъ ужасныхъ порывовъ вихря, завернувшись въ плащи, съ которыхъ потоками текла вода. На утро предъ ихъ глазами предстала отчаянная картина. Мѣста стоянокъ превратились въ озера изъ грязи; всѣ необходимые для жизни солдатъ предметы были поломаны и разметаны вѣтромъ; опрокинутыя повозки представляли грустную картину разрушенія. Наконецъ,— что было всего важнѣе и что наносило непоправимый ущербъ — на землѣ сотнями, тысячами лежали съ окоченѣвшими членами мертвыя или умирающія лошади. Питаясь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль одной травой, не получая овса, измученныя непосильной работой животныя были въ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Они оказались не въ состояніи бороться съ внезапнымъ паденіемъ температуры, съ насквозь пронизывавшимъ ихъ холодомъ, и, обезсилѣвъ, падали. Явленіе безпримѣрное въ исторіи войнъ: одна ночь свершила дѣло цѣлой эпидеміи; наши солдаты, въ оцѣпенѣніи, съ ужасомъ стояли передъ этими жертвами грозы.

Всѣ съ отчаяніемъ думали о лишнихъ трудахъ, о хлопотахъ, какіе, вслѣдствіе этого несчастья, выпадутъ на ихъ долю. Изъ офицеровъ — одни думали о своихъ несчастныхъ эскадронахъ; другіе — о лишенныхъ лошадей батареяхъ; третьи — о бѣдственномъ положеніи своихъ экипажей. Нѣкоторые страшно сердились на войну, которая такъ плохо началась, и на того, кто завелъ ихъ въ эту страну. Командиръ гвардейской артиллеріи, генералъ Сорбьѐ, кричалъ, «что нужно быть безумнымъ, чтобы пускаться въ подобныя предпріятія» [1]). Когда былъ сдѣланъ приблизительный подсчетъ несчастья и потерь, было установлено, что число погибшихъ лошадей доходило до нѣсколькихъ тысячъ — по нѣкоторымъ даннымъ, до десяти. Это бѣдствіе непоправимо ослабило кавалерію и артиллерію, задержало подвозъ провіанта, отчасти нарушило порядокъ перевозки, и внушало арміи боязнь,

---

[1]) Picn des Loches, 282.

что впереди ей предстоитъ еще много лишеній и тяжкихъ страданій [1]).

Начиная съ этого времени упорно продолжавшаяся дурная погода задерживала всѣ дѣла и мѣшала военнымъ операціямъ Армія надрывалась въ безплодныхъ усиліяхъ выбраться изъ топи, въ которой она увязла, и едва могла двинуться въ путь. Во всѣхъ прибывавшихъ въ главную квартиру донесеніяхъ указывалось на трудности передвиженія. Всѣ корпусные командиры въ одинъ голосъ жаловались, смотря по натурѣ и характеру, одни въ болѣе, другіе въ менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Вспыльчивый генералъ Роге, производившій со своей дивизіей развѣдки для итальянской арміи, ругалъ и проклиналъ дождь. Ней двигался впередъ, но какая удивительная энергія требовалась для этого! Онъ ползъ, какъ черепаха, и не развертывая фронта. 30-го онъ писалъ императору: «Дождь, не прекращающійся со вчерашняго дня — съ трехъ часовъ пополудни, позволяетъ арміи идти только по большой дорогѣ; проселочныя затоплены и представляютъ наполненныя водой ямы, изъ которыхъ пѣхотные солдаты не могутъ выкарабкаться и по которымъ даже кавалерія проходитъ съ величайшимъ трудомъ» [2]). Мюратъ приводилъ въ примѣръ самыя непріятныя воспоминанія изъ своей военной жизни, которыя остались у него отъ зимней кампаніи въ болотахъ Польши въ концѣ 1806 г. «Дороги, говоритъ онъ, страшно испортились; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ казалось, что я снова въ Пултускѣ». Евгеній больше другихъ впалъ въ уныніе. Въ его перепискѣ весьма много опасеній за будущее и мало надеждъ. Онъ писалъ начальнику штаба: «Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ больше теряемъ лошадей... Я не могу въ точности сказать Вашей Свѣтлости числа павшихъ транспортныхъ лошадей, но оно очень велико. Я въ отчаяніи, что долженъ постоянно говорить Вашей Свѣтлости объ ужасномъ состояніи провіанта и лошадей, но мой долгъ не скрывать этого отъ васъ. Я могу надѣяться только на средства, которыя мы, можетъ быть, найдемъ впереди, ибо, если мѣстность, по которой намъ придется идти, такъ же обез-

---

[1]) Переписки, находящіяся въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1644. Cf. Boulart, Brandt, Chambray, Cogniet, Gourgaud, Labaume, Ségur.

[2]) Эта и слѣдующія выдержки изъ писемъ взяты изъ національныхъ архивовъ, AF, IV, 1644.

долена, какъ и та, по которой мы уже прошли, я положительно не знаю, до чего мы дойдемъ въ самомъ непродолжительномъ времени».

Несмотря на недостатокъ въ самомъ необходимомъ, на зловѣщія предвидѣнія, поиски непріятеля не останавливались; всѣ старались поскорѣе добраться до него, ибо всѣ чувствовали, что онъ тутъ — вблизи, что до него рукой подать. Утромъ, 1 іюля, когда ненадолго разгулялась погода, въ окрестностяхъ Вильны поднялась тревога. Наканунѣ генералъ Пажоль, дошедшій до Ошмянъ, наткнулся на сибирскихъ драгунъ, синихъ гусаръ и казаковъ. Произошла горячая схватка на саблях. Городъ былъ взятъ, отнятъ и снова взятъ. Бордезуль, находившійся вблизи тѣхъ же мѣстъ, тоже донесъ о сильномъ непріятельскомъ отрядѣ. Императору и всей главной квартирѣ пришло на умъ, что на Вильну идетъ Багратіонъ, что онъ попадетъ въ развернутую вокругъ города сѣть войскъ и попадется въ западню. Въ нашихъ лагеряхъ пронесся крикъ: *къ оружію*! Солдаты надѣялись на сраженіе. Но почти тотчасъ же поливший дождь затянулъ горизонтъ и покрылъ все своей сѣрой пеленой; снова водворились мракъ и неопредѣленность. Вдругъ, въ самый сильный ливень, солдаты увидали среди себя императора на бѣломъ конѣ. Онъ пріѣхалъ съ Бертье, чтобы изучить мѣста, которыя разсчитывалъ сдѣлать базой блестящей операціи. Онъ старался разсмотрѣть рельефы почвы и подступы позиціи. Видѣли, какъ онъ наводилъ зрительную трубу на покрытые пеленой дождя лѣса и холмы. Вокругъ него яростно бушевалъ вѣтеръ. Вода капала съ намокшихъ краевъ его шляпы и ручьями текла по сѣрому сюртуку. По прошествіи нѣкотораго времени онъ сказалъ: «Ужасъ, какой дождь» [1]), и, повернувъ коня, направился къ городу.

Переброшенныя на югъ отъ Вильны кавалерійскія части то видѣли непріятеля, то теряли его изъ виду, и никакъ не могли въ точности выяснить, какія это силы и куда онѣ идутъ; не знали, имѣютъ ли онѣ дѣло съ Багратіономъ или съ кѣмъ-либо другимъ. Въ дѣйствительности Багратіонъ никогда не подходилъ къ Вильнѣ. Покинувъ при первомъ извѣстіи о переправѣ верхнее теченіе Нѣмана, онъ, вмѣсто того, чтобы направиться къ сѣверу,

---

[1]) Souvenirs d'un officier polonais, 229.

на свой страхъ бросился на востокъ по направленію къ Минску, во внутрь Россіи. Считая невозможнымъ нагнать теперь же первую армію, онъ надѣялся присоединиться къ ней только путемъ огромнаго обхода. Теперь онъ былъ уже въ безопасности. Чтобы предпринять противъ него обходное движеніе, пришлось бы расширить кругъ нашихъ эволюцій, двинуть Даву на Минскъ и подождать, пока Понятовскій и Жеромъ войдутъ въ линію. Такая операція требовала для своего выполненія много времени и при томъ съ сомнительнымъ успѣхомъ. Русскіе, на которыхъ наткнулся Пажоль въ Ошмянахъ, принадлежали къ корпусу Дохтурова; но этотъ генералъ, избѣгая показываться подъ Вильной, огибалъ городъ, держась отъ него на весьма большомъ разстояніи. Наши драгуны и егеря столкнулись и имѣли дѣло только съ кавалерійской колонной Дохтурова, прикрывавшей и защищавшей его лѣвое крыло, въ то время, какъ его корпусъ, пользуясь этимъ прикрытіемъ, проскальзывалъ съ возможной скоростью, оставляя позади себя опасное мѣсто. Можно было еще броситься ему вслѣдъ, нагнать его и нанести ему вредъ во время отступленія, но уже не было никакой возможности окружить и забрать его.

Только одна часть непріятельской арміи оставалась подъ ударомъ и подвергалась страшной опасности. Это было нѣсколько пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ подъ командой генералъ-майора Дорохова, входившихъ въ составъ 6-го корпуса Барклая. Не получивъ во-время приказанія присоединиться къ общему отступленію, этотъ арьергардъ задержался на югъ отъ Вильны; какъ вдругъ онъ увидалъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ наши посты. Теперь онъ блуждалъ, какъ безумный; ежеминутно мѣнялъ направленіе, и, всюду натыкаясь на нашихъ, метался въ отчаяніи во всѣ стороны, ища выхода. Люди шли день и ночь, голодные, изнуренные, со стертыми ногами, въ поту и крови. Нѣкоторые солдаты несли по три, по четыре ружья, выпавшихъ изъ рукъ ихъ ослабѣвшихъ товарищей, и, несмотря на это, они шли безъ остановки, подгоняемые властнымъ голосомъ своего командира, который говорилъ имъ, что сейчасъ придутъ французы и всѣхъ ихъ заберутъ въ плѣнъ.

На ихъ счастье характеръ мѣстности облегчалъ имъ бѣгство. Нашимъ войскамъ, преслѣдовавшимъ Дохтурова и Дорохова, трудно было оріентироваться въ странѣ, покрытой лѣсами,

пересѣченной оврагами и лѣсными прогалинами. Они не могли разобраться въ свѣдѣніяхъ, которыя давали имъ мѣстные жители; путали названія мѣстностей и фамиліи, принимали Дохтурова за Дорохова и обратно. Даву, Пажоль, Нансути, Моранъ, Бордезуль—ежеминутно входили въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, но не могли схватить его; чувствовали только, что онъ скользитъ у нихъ между пальцами. Бывало такъ, что легкая кавалерія входила въ деревню вслѣдъ за казаками. Избы были еще нагрѣты ихъ присутствіемъ, пропитаны ихъ запахомъ, заражены насѣкомыми; но неуловимый врагъ уже исчезъ. По временамъ казалось, что непріятель хочетъ принять бой. Его пѣхота показывалась на опушкѣ лѣса; застрѣльщики открывали огонь; наши конные отряды отходили въ сторону. Но, когда командиры, собравъ войска и получивъ подкрѣпленія, двигались на непріятеля, того уже и слѣдъ простылъ. Отъ того, что наканунѣ казалось намъ значительной величиной, оставались только неясные контуры, которые мало-по-малу расплывались въ туманной дали. Эта мелькомъ показывавшаяся армія-призракъ испарялась при нашемъ приближеніи; она таяла на нашихъ глазахъ, исчезала при одномъ прикосновеніи [1]).

Однако, на сѣверъ отъ Вильны, въ районѣ, гдѣ Ней и Удино дѣйствовали противъ Багговута и Витгенштейна, гдѣ стоявшіе другъ противъ друга французскіе и русскіе корпуса постоянно приходили въ соприкосновеніе, не обнаруживая своихъ силъ, имѣло мѣсто нѣсколько отдѣльныхъ схватокъ, нѣсколько горячихъ аванпостныхъ дѣлъ. Обѣ стороны дрались храбро, но безъ ожесточенія. Французы и русскіе, между которыми не стояла ни традиціонная вражда, ни оскорбленія, нанесенныя народомъ народу, не вошли еще во вкусъ борьбы, не успѣли воспылать другъ къ другу ненавистью [2]). 28 іюня у герцога Реджіо была

---

[1]) Письма Даву, Пажоля, Морана, Бордезуля. Archives nationales, AF, 1613, 1644. Письма Бертье королю Жерому, приведенныя Du Casse, Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1812, стр. 137 и слѣд. Bogdanovitch, I, 132 и слѣд., по донесеніямъ русскихъ генераловъ.

[2]) Генералъ Льотей въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ разсказываетъ по этому поводу сцену, которая напоминаетъ извѣстные эпизоды изъ Крымской войны. „Начавшійся раннимъ утромъ бой былъ прерванъ среди дня на одинъ или два часа. Насъ отдѣлялъ отъ русскихъ оврагъ, наполненной грязной водой. И намъ и имъ необходимо было на-

стычка съ стоявшимъ въ окрестностяхъ Вилькоміра корпусомъ Витгенштейна. Не взирая на то, что у герцога—кромѣ кавалеріи—была только одна дивизія пѣхоты, онъ энергично схватился съ непріятелемъ, убилъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ, и оттѣснилъ его на большое разстояніе, не причинивъ, однако, серьезнаго вреда. Императоръ поздравилъ командира и войска 2-го корпуса. Но какое значеніе могло имѣть для него, мечтавшаго о второмъ Аустерлицѣ или Фридландѣ, или, по меньшей мѣрѣ, Абенсбергѣ и Экмюлѣ, это блестящее авангардное дѣло. Всѣмъ офицерамъ, являвшимся къ нему съ донесеніями, онъ прежде всего задавалъ вопросъ: «Сколько плѣнныхъ?» [1]). Отвѣты вовсе не отвѣчали его желаніямъ. Ему сообщалось, что было подобрано нѣсколько человѣкъ отсталыхъ, нѣсколько дезертировъ, захвачено нѣсколько заблудившихся отрядовъ и обозовъ. Этимъ и ограничивалась наша добыча, и императоръ тщетно ждалъ тѣхъ колоннъ обезоруженнаго непріятеля, тѣхъ безконечныхъ рядовъ артиллерійскихъ обозовъ, тѣхъ охапокъ захваченныхъ знаменъ, которыя нѣкогда представляли ем , при возвращеніи съ поля сраженія, его солдаты.

Чтобы обновить нравственное состояніе своей арміи, а главное, чтобы поднять противъ Россіи литовскихъ поляковъ, ему необходимы были трофеи, блестящіе бюллетени о побѣдахъ. Несмотря на то, что имъ были пущены въ ходъ всевозможныя средства, чтобы вызвать мятежъ и разжечь энтузіазмъ, поведеніе населенія ничуть не оправдывало его ожиданій. Чтобы заставить почетныхъ жителей Вильны выступить на сцену, чтобы убѣдить ихъ дать свое имя и принять участіе въ рискованномъ дѣлѣ, пришлось разыскивать ихъ по домамъ, вербовать одного за другимъ, упрашивать, чтобы они примкнули къ намъ, почти силой добиваться ихъ содѣйствія. Въ селахъ у каждаго класса населенія были свои причины къ недовѣрію. Буйства нашихъ солдатъ и разбои нѣмецкихъ союзниковъ приводили въ отчаяніе

поить лошадей, и съ нашей и съ ихъ стороны подошли къ оврагу. Русскіе пили съ одного берега, мы съ другого. Завязался не вполнѣ понятный разговоръ жестами; обмѣнялись водкой и табакомъ; мы были богаче и щедрѣе ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, эти добрые друзья обмѣнивались уже пушечными выстрѣлами. Я встрѣтилъ молодого офицера, говорившаго по-французски; въ ожиданіи лучшаго, мы обмѣнялись нѣсколькими любезными словами".

[1]) Неизданные документы.

крестьянъ, убѣгавшихъ и прятавшихся въ лѣсахъ при нашемъ приближеніи. Чтобы вернуть ихъ въ села и примирить съ собой, Наполеонъ обѣщалъ имъ личную свободу, отмѣну крѣпостного права; но эти обѣщанія возстановляли противъ него вельможъ, крупныхъ помѣщиковъ, рабовладѣльцевъ. Несмотря на все это, большинство знати хорошо относилось къ Наполеону, но упорное сомнѣніе относительно его истинныхъ намѣреній насчетъ Польши, затѣмъ неувѣренность въ успѣхѣ его оружія и боязнь мщенія русскихъ сдерживали порывъ ихъ сердецъ [1]). Все, что происходило въ Литвѣ—подготовка народнаго самоуправленія, образованіе временного правительства, наборъ мѣстной милиціи—все это было дѣломъ немногихъ вельможъ, съ давнихъ поръ преданныхъ нашему дѣлу и уже скомпрометированныхъ въ глазахъ непріятеля. Народъ вяло слѣдовалъ за ними и ни разу не выступилъ по собственному почину. Императоръ видѣлъ преданныхъ ему отдѣльныхъ лицъ, но не общее движеніе; людей, но не націю. Онъ дважды ошибся въ своихъ разсчетахъ: армія царя, ускользнувъ отъ него безъ боя, разрушила его первоначальные планы; русская Польша поднялась только наполовину и не оказывала ему рѣшительнаго содѣйствія. За разочарованіемъ въ военномъ дѣлѣ, наступило разочарованіе въ дѣлѣ политики.

IV.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ принять Балашова и вытребовалъ его въ свою главную квартиру. За неимѣніемъ другихъ трофеевъ, онъ хотѣлъ представить полякамъ его; ибо армія и населеніе могли подумать, что посолъ царя пріѣхалъ въ роли просителя; что его присутствіе указываетъ на то, что Россія еще до борьбы признаетъ себя побѣжденной. 30 іюня Балашова привезли опять въ Вильну. Его помѣстили въ домѣ принца Невшательскаго, гдѣ принцъ просилъ его «быть, какъ у себя дома» [2]), и гдѣ его предупредили, что императоръ тотчасъ же дастъ ему аудіенцію.

Фиктивные переговоры, иниціативу которыхъ взялъ на себя Александръ, могли привести только къ безрезультатнымъ пре-

---

[1]) См. по этому предмету Chambray, Histoire de l'expédition de Russie, 45.

[2]) Донесеніе Балашова.

пирательствамъ о старыхъ недоразумѣніяхъ. Если бы Наполеонъ согласился на условія своего противника, поставленныя въ выраженіяхъ, неподлежащихъ обсужденію, если бы отвелъ свои войска обратно за Нѣманъ, онъ тѣмъ самымъ нанесъ бы смертельный ударъ не одной своей гордости. Признаваясь предъ всѣмъ міромъ въ своемъ безсиліи, выставляя на видъ свою ошибку, онъ разрушилъ бы свой престижъ; подорвалъ бы обаяніе, которое приковывало къ его судьбѣ столько народовъ; поощрилъ бы русскихъ къ оборонѣ, а Европу къ возстанію. Не подлежитъ сомнѣнію, что мысль объ отступленіи даже не промелькнула въ его умѣ. Неудачное начало кампаніи несомнѣнно огорчало его. Онъ часто бывалъ «серьезенъ, озабоченъ, мраченъ» [1]); но трудности не могли сломить его; наоборотъ, онѣ еще болѣе воодушевляли его львиное сердце, а успѣшность, съ какой русскіе ускользали отъ него, подстрекала его еще настойчивѣе преслѣдовать ихъ, еще болѣе стремиться овладѣть этой добычей. Даже предполагая, что Александръ—отказавшись отъ своихъ предварительныхъ требованій—согласится, въ виду появленія нашихъ войскъ на его территоріи, вести переговоры; что онъ впредь будетъ уважать законы континентальной блокады и будетъ дѣйствовать противъ англичанъ согласно нашимъ требованіямъ, эта сдѣлка, которую императоръ принялъ бы во всякое другое время, теперь не удовлетворила бы его. Въ присутствіи Бертье, Коленкура и Бессьера, онъ, не стѣсняясь, сказалъ: «Александръ издѣвается надо мной. Не думаетъ ли онъ, что я пришелъ въ Вильну за тѣмъ, чтобы начать переговоры о торговыхъ договорахъ? — Нужно покончить съ этимъ сѣвернымъ колоссомъ, нужно отбросить его и поставить между нимъ и цивилизованнымъ міромъ Польшу. Пусть русскіе принимаютъ англичанъ въ Архангельскѣ— на это я согласенъ; но Балтійское море должно быть для нихъ закрыто... Прошло то время, когда Екатерина заставляла дрожать Людовика XV, и, одновременно съ тѣмъ, заставляла славословить себя во всѣхъ парижскихъ листкахъ. Со времени Эрфурта Александръ слишкомъ зазнался. Пріобрѣтеніе Финляндіи вскружило ему голову. Если ему нужны побѣды, пусть сражается съ персами, но пусть не вмѣшивается въ дѣла Европы. Цивилизація

---

[1]) Неизданные документы.

не можетъ имѣть ничего общаго съ этими жителями Сѣвера» [1]).

Рѣшивъ отнять отъ русскихъ всѣ предоставленныя имъ завоеванія или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, онъ разсчитываетъ добиться этого въ самомъ непродолжительномъ времени нѣсколькими громкими, смѣло нанесенными ударами, и думаетъ, что сумѣетъ найти для этого случай. Его все еще не покидала надежда, что Александръ, который столь же быстро падалъ духомъ, какъ и увлекался несбыточными горделивыми надеждами, смирится и раскается, лишь только почувствуетъ на себѣ остріе шпаги. По его мнѣнію, чтобы поскорѣй навести царя на мысль о необходимости покориться,—не нужно было дѣлать ему этотъ шагъ слишкомъ тягостнымъ по формѣ: необходимо было оставить открытымъ и даже облегчить бывшему союзнику путь къ возврату. Поэтому Наполеонъ, вовсе не придавая серьезнаго значенія объясненіямъ Балашова, рѣшилъ принять его вѣжливо, съ цѣлью поощрить на будущее время къ присылкѣ новыхъ пословъ. Несмотря на войну, онъ стремился найти средства поддерживать правильныя сношенія съ Александромъ для того, чтобы тотъ при первомъ охватившемъ его душу смущеніи, послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій, зналъ, куда обратиться съ предложеніемъ о мирѣ и капитуляціи, и какъ довести до него о своемъ раскаяніи. При томъ, желая и иными способами приблизить минуту безусловной покорности, онъ намѣренъ былъ въ присутствіи Балашова показать, что совершенно застрахованъ отъ неудачи, что вѣра его въ успѣхъ непоколебима. Намѣреваясь запугать Русскаго указаніемъ на свои силы и средства, онъ хочетъ придать своей любезности тонъ подавляющаго превосходства.

1 іюля, въ десять часовъ утра, онъ послалъ одного изъ своихъ камергеровъ за Балашовымъ. Привезенный во дворецъ флигель-адъютантъ былъ введенъ въ залу, въ которой въ послѣдній разъ видѣлъ Александра и которая служила теперь кабинетомъ императору французовъ. Ничто въ ней не измѣнилось, исключая хозяина. Въ смежной комнатѣ Наполеонъ кончалъ завтракъ. Черезъ нѣсколько минутъ Балашовъ ясно услыхалъ шумъ отодвигаемаго кресла; вслѣдъ затѣмъ отвори-

---

[1]) Id.

лись двери, и императоръ спокойно, не торопясь, съ видомъ завоевателя, который удобно устроился и прекрасно чувствуетъ себя въ непріятельской странѣ, вошелъ въ кабинетъ, куда приказалъ «подать себѣ кофе».

На поклонъ Балашова онъ любезно отвѣтилъ: «Радъ познакомиться съ вами, генералъ. Я слышалъ о васъ много хорошаго. Знаю, что вы искренно привязаны къ императору Александру. что вы одинъ изъ его преданныхъ друзей. Буду говорить съ вами откровенно и поручаю вамъ точно передать мои слова вашему государю» [1]).

Послѣ этого вступленія первыя его слова были: «Мнѣ все это очень прискорбно, но императоръ Александръ окруженъ дурными совѣтниками». По своему обыкновенію, онъ предпочитаетъ напасть не на государя, а на его приближенныхъ.—Къ чему эта война?—продолжалъ онъ. Два великихъ монарха толкаютъ своихъ подданныхъ на рѣзню, а, между тѣмъ, предметъ ихъ ссоры точно не опредѣленъ. Балашовъ отвѣтилъ, что его государь не желаетъ войны; что онъ все сдѣлалъ, чтобы избѣжать ея. Какъ на вѣское доказательство этого, онъ сослался на предложеніе о мирѣ, передать которое было ему поручено. Тогда Наполеонъ заговорилъ о прошломъ. Завязался споръ о событіяхъ, которыя были случайной причиной разрыва. Оба собесѣдника до пресыщенія высказывали свои обиды, не желая признавать и принимать во вниманіе обидъ противника. По мѣрѣ того, какъ императоръ вспоминалъ поступки, въ которыхъ ясно обозначилось, что Россія намѣрена дѣйствовать наперекоръ Франціи, что она относится къ Франціи пренебрежительно, даже не желаетъ вступать съ нею въ разговоры, онъ начиналъ говорить съ бо́льшей запальчивостью, съ возрастающей рѣзкостью, все больше подогрѣвая себя огнемъ собственныхъ рѣчей. Его, быть можетъ, и притворный въ началѣ разговора, гнѣвъ перешелъ въ дѣйствительный, и онъ не на шутку вошелъ въ роль обиженнаго.

Онъ началъ большими шагами ходить по комнатѣ. По нѣкоторымъ вырывавшимся у него знакамъ нетерпѣнія можно было судить о его внутреннемъ волненіи. Неплотно запертая форточка въ окнѣ открылась, и въ комнату ворвалась холодная

---

[1]) Эта и всѣ слѣдующія цитаты до стр. 535 взяты изъ донесенія Балашова.

струя воздуха. Императоръ съ силой захлопнулъ форточку. Но форточка была плохо подогнана. Не прошло и минуты, какъ подъ напоромъ вѣтра она снова открылась и начала биться. Императоръ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не могъ выносить этого раздражающаго шума. Съ бѣшенствомъ схватилъ онъ форточку, оторвалъ и выбросилъ на улицу. Слышно было, какъ она упала на землю, и какъ зазвенѣло разбитое стекло.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ обратился къ своему собесѣднику съ горькими жалобами на то, что Россія, вынудивъ его ополчиться противъ нея, помѣшала ему кончить войну съ Испаніей и умиротворить Европу. Затѣмъ, срывая завѣсу и оставляя въ сторонѣ словопренія и дипломатическія тонкости, которыхъ до сихъ поръ держался, онъ прямо подошелъ къ сути дѣла. Онъ превосходно очертилъ все, что съ давнихъ поръ казалось ему двусмысленнымъ и подозрительнымъ въ поведеніи Александра. Онъ далъ понять, что русскій государь неуклонно шелъ къ войнѣ съ того момента, какъ позволилъ разнымъ темнымъ личностямъ – нашимъ завѣдомымъ врагамъ—приблизиться къ своей особѣ и овладѣть его довѣріемъ. Кѣмъ окруженъ онъ, кто составляетъ его интимный кругъ? Развѣ это русскіе, впитавшіе въ себя смыслъ и традиціи національной политики?—Ничего подобнаго. Его окружаетъ группа иностранцевъ: не имѣющіе родины совѣтчики, какой-то кружокъ эмигрантовъ и изгнанниковъ—пруссакъ Штейнъ, шведъ Армфельтъ, бѣжавшій изъ нашей арміи Винцингероде и многіе другіе—эти вѣчные сѣятели интригъ и раздоровъ. Съ полнымъ основаніемъ указывалъ Наполеонъ на спрятавшихся, на засѣвшихъ за спиной клявшагося ему въ вѣрности государя, своихъ личныхъ, ожесточенныхъ враговъ, которыхъ онъ всегда встрѣчалъ на своемъ пути и которые возстановляли противъ него королей и составляли европейскіе заговоры. Изгнанные имъ изъ всѣхъ странъ, на которыя распространялась его власть, эти люди отправились въ Россію съ тѣмъ, чтобы похитить у него союзника, про котораго онъ думалъ, что подчинилъ его обаянію своего генія. Его гнѣвъ разразился противъ этихъ соблазнителей, а затѣмъ и противъ слабохарактернаго монарха, позволившаго овладѣть собой и направить себя на ложный путь.

Тщетно давалъ онъ себѣ слово быть спокойнымъ—не показывать гнѣва, а только сожалѣніе; бранить, но дружески и свысока. Увлеченный чувствомъ ненависти, онъ нарушилъ данное себѣ слово, пересталъ сдерживаться, началъ наносить обиды и оскорбленія. Его голосъ сдѣлался отрывистымъ и пронзительнымъ. Каждая фраза дышала страстью или ненавистью. Каждое слово было оскорбленіемъ.

Императоръ Александръ, говорилъ онъ, хвастается своими благородными чувствами. Онъ хочетъ быть рыцаремъ на тронѣ. Но окружать себя презрѣнными людьми, позорищемъ и отребьемъ Европы, значитъ ли слѣдовать этому правилу? Среди самихъ русскихъ кто его избранники? Кому ввѣрилъ онъ начальство надъ своими арміями и судьбу страны? «Я не знаю Барклая-де-Толли, но Беннигсенъ!....» Намекъ на насильственную смерть Павла I-го—на заговоръ, въ которомъ Беннигсенъ принималъ участіе и которое ускорило воцареніе Александра, былъ на устахъ императора. Онъ нѣсколько разъ проглядывалъ въ его разговорѣ.

Мы неоднократно указывали, что, до какой бы степени ни доходили припадки его гнѣва, онъ всегда отлично умѣлъ владѣть собою и пользоваться проявленіемъ своего гнѣва для достиженія своихъ цѣлей. Теперь его желаніемъ было не столько оскорбить Александра, сколько застращать его. Конечно, онъ не прочь смѣшать его съ грязью, но, главное, хочетъ нагнать на него страху. Его цѣль доказать, что царь, довѣрившись иностранцамъ и пріобщившись къ ихъ враждѣ, идетъ въ разрѣзъ съ національными традиціями; что при первомъ удобномъ случаѣ приверженцы этихъ традицій возстанутъ противъ него и могутъ подвергнуть опасности его корону и даже жизнь. Нужно сказать, что въ теченіе одного вѣка недовольство высшихъ классовъ въ Россіи неоднократно проявлялось заговорами, покушеніями, дворцовыми или казарменными переворотами. На протяженіи шестидесяти лѣтъ эти внутренніе кризисы приводили къ перемѣнамъ царствованія. На основаніи этихъ прецедентовъ, вся Европа была убѣждена въ неустойчивости власти въ Петербургѣ. Вотъ одна изъ причинъ, почему Наполеонъ безусловно вѣрилъ въ успѣхъ своего предпріятія, и что побуждало его отважиться на него. Въ разговорахъ онъ почти ручался, что при томъ критиче-

скомъ и тяжеломъ положеніи, въ какое онъ вскорѣ поставитъ Россію, возмущеніе высшихъ классовъ окажетъ косвенное содѣйствіе вторженію и быстро положитъ конецъ сопротивленію. Во всякомъ случаѣ, чтобы заставить Александра поскорѣе сдаться, онъ старается напугать его возможностью мятежа; онъ стремится лишить его мужества, и всѣ его слова, всѣ намеки направлены къ тому, чтобы внушить сыну Павла I-го мысль, что участь его отца можетъ быть и его участью. Онъ старается внушить ему мрачныя видѣнія, окружить его призраками загробнаго міра, которые бы навели его на мысли объ ожидающей его будущности.

Развѣ, сказалъ онъ, императоръ Александръ такъ прочно сидитъ на престолѣ, что можетъ безнаказанно доводить своихъ подданныхъ до отчаянія и подвергать ихъ бѣдствіямъ неудачной войны? Люди, продолжалъ онъ, которымъ Александръ отдаетъ на поруганіе свое довѣріе, первые, лишь только это покажется имъ выгодно, обратятся противъ него; они измѣнятъ ему, продадутъ его, «затянутъ веревку, которая пресѣчетъ его жизнь». Развѣ эти слова не были намекомъ на шарфъ, которымъ будто бы умертвили Павла I-го? Что нужно для повторенія подобныхъ ужасовъ? продолжалъ онъ.—Для этого достаточно порядочнаго толчка со стороны—такого, который встряхнулъ бы общественное мнѣніе; достаточно извѣстія о проигранномъ сраженіи, о крупномъ военномъ погромѣ! А такой погромъ неизбѣженъ. Тутъ Наполеонъ цѣлымъ рядомъ безподобныхъ и потрясающихъ данныхъ старается доказать, что война неминуемо сложится во вредъ русскимъ и приведетъ ихъ въ разстройство. Онъ утверждаетъ, что она плохо началась для нихъ и что способъ, которымъ она началась, позволяетъ предсказать ея исходъ; онъ выбивается изъ силъ, чтобы доказать это. Онъ старается показать, что всѣ событія начальнаго періода враждебныхъ дѣйствій, которыя, какъ намъ извѣстно, доставили ему столько разочарованій, слагаются въ его пользу. Развѣ несоразмѣрность силъ въ людяхъ, въ деньгахъ—словомъ, во всякаго рода средствахъ, не очевидна; развѣ она не подавляюща?—спрашиваетъ Наполеонъ. Онъ хвастается, что ему все извѣстно о русскихъ арміяхъ; что онъ знаетъ составъ и достоинство каждой изъ нихъ; знаетъ число дивизій, средній наличный составъ батальоновъ. Онъ при-

водитъ цифры, излагаетъ всѣ подробности; при чемъ самодовольно вспоминаетъ о своей собственной мощи, дѣлаетъ выкладки, сравненія, и, искусно сопоставляя свои и русскія войска, старается показать, что сила всюду на его сторонѣ. Превосходно умѣя придавать утвержденіямъ, по меньшей мѣрѣ, смѣлымъ, характеръ строго-выведенныхъ истинъ, онъ доказываетъ, что задача успѣшной кампаніи имъ уже рѣшена; что онъ увѣренъ, безусловно увѣренъ въ своемъ дѣлѣ; что онъ увѣренъ, какъ дважды два—четыре, въ побѣдѣ.

Да и кто въ Европѣ, высказываетъ онъ, можетъ сомнѣваться въ подобномъ результатѣ? — Даже англичане сожалѣютъ о войнѣ, ибо предвидятъ «несчастье для Россіи и, быть можетъ, наихудшее несчастье», т. е. переворотъ. Что же касается континентальной Европы, то она идетъ съ нами, она слѣдуетъ за нашей звѣздой. Правда, русскіе хвастаются, что отняли у насъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ союзниковъ. Говорятъ о мирѣ, который они будто бы заключили съ турками — и Наполеону, въ сущности крайне недовольному и сильно заинтригованному этимъ договоромъ, очень хотѣлось бы узнать, каковы его условія. Онъ подвергаетъ Балашова правильному допросу, но тотъ уклоняется отъ отвѣтовъ. Тогда онъ дѣлаетъ видъ, что относится пренебрежительно къ туркамъ и шведамъ — къ этимъ жалкимъ союзникамъ, не имѣющимъ существеннаго значенія. Вотъ увидятъ, продолжаетъ онъ, что, лишь только счастье повернется въ его сторону, они вернутся къ нему, что они примкнутъ къ побѣдителю. Онъ говоритъ, что прекрасно знаетъ, что у него стараются похитить, переманить его нѣмецкихъ союзниковъ; его войска перехватили письмо, написанное однимъ принцемъ — родственникомъ русской императорской семьи, въ которомъ подговариваютъ пруссаковъ къ дезертирству. Жалкіе способы! Развѣ такъ должны дѣйствовать императоры? Пусть государи ведутъ войну— это ихъ право; но, по крайней мѣрѣ, они должны влагать въ свои войны подобающія этимъ великимъ турнирамъ благородство и величіе души. Впрочемъ, чего надѣются достигнуть подобными пріемами? Только того, что избавятъ его армію отъ «нѣсколькихъ бездѣльниковъ»; что отнимутъ у него нѣсколько сотъ солдатъ. Но вѣдь у него ихъ 550,000—да, 550,000 полностью—противъ 200,000 русскихъ. «Скажите императору Александру, что я даю

ему мое честное слово, что у меня по сю сторону Вислы 550,000 человѣкъ».

Продѣлавъ этотъ выпадъ, онъ смягчается, мѣняетъ тонъ, и легко, почти небрежно, подходитъ къ тому, къ чему хотѣлъ придти. Выводъ, который должно было сдѣлать изъ его словъ, изъ того, чего онъ не договаривалъ и на что намекалъ, былъ тотъ, что императоръ Александръ можетъ быть увѣренъ, что будетъ побитъ; что онъ окруженъ опасностями; что ему остается только одинъ выходъ: какъ можно скорѣе прекратить борьбу и покориться его волѣ. Что же касается его, то онъ будетъ воевать, ибо его вынуждаютъ къ этому; но что отъ этого онъ не сдѣлается ни болѣе воинственнымъ, ни болѣе озлобленнымъ; что «онъ ничего не имѣетъ ни противъ переговоровъ, ни противъ мира». Конечно, пусть не обращаются къ нему съ требованіями объ эвакуаціи Вильны или объ отступленіи его арміи. На подобныя условія нельзя смотрѣть серьезно. Но, если императоръ Александръ пожелаетъ дать себѣ отчетъ о существующемъ положеніи и рѣшится на надлежащія жертвы, то всякій, кто бы ни явился отъ него, будетъ желаннымъ гостемъ. Можетъ быть, онъ захочетъ вернуть графа Лористона, чтобы всегда имѣть подъ рукой человѣка, съ которымъ можно было бы начать переговоры? — Ему нужно сдѣлать только знакъ, и прежній посланникъ снова поѣдетъ въ Петербургъ. Можетъ быть, онъ хочетъ теперь же установить условія войны — такъ, чтобы охранить требованія гуманности и цивилизаціи, заключить договоръ на самыхъ либеральныхъ основахъ, поставить въ лучшія условія раненыхъ и плѣнныхъ?— Наполеонъ готовъ вести эти переговоры параллельно съ враждебными дѣйствіями, — и здѣсь-то все болѣе обнаруживается его сокровенная мысль. Его главное желаніе—не прерывать сношеній съ Александромъ, сохранить возможность въ свое время снова завладѣть имъ и, уже покорнаго и раскаявшагося, снова привлечь къ себѣ. Поэтому онъ начинаетъ говорить о царѣ съ сожалѣніемъ, какъ о заблудшемся другѣ, къ которому, невзирая ни на что, въ глубинѣ души, относятся снисходительно и съ которымъ желаютъ снова сойтись. Затѣмъ, выложивъ во время разговора всѣ эти мысли, не настаивая, однако, на нихъ и предоставляя своему противнику заботу уловить ихъ и воспользоваться ими, онъ съ удивительной развязностью заговорилъ о безразличныхъ вещахъ.

Онъ разспрашиваетъ Балашова о русскомъ дворѣ, справляется о канцлерѣ. «Говорятъ, графъ Румянцевъ боленъ? У него былъ ударъ?... Скажите, пожалуйста, отчего удалили... того, который состоялъ у васъ въ Государственномъ Совѣтѣ... Какъ его фамилія? Спи... Спер...» Онъ намекалъ на Сперанскаго; но у него не было памяти на фамиліи, и къ тому же ему нравилось искажать ихъ. Онъ хочетъ знать, за что попалъ въ опалу человѣкъ, котораго онъ когда-то видѣлъ въ Эрфуртѣ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ, изъ простого любопытства, задаетъ подобные вопросы, какъ будто его прекрасное положеніе, его спокойное, увѣренное настроеніе позволяютъ ему развлечься болтовней. Въ заключеніе, совсѣмъ развеселившись и сдѣлавшись пріятнымъ, онъ завершилъ разговоръ слѣдующими, болѣе чѣмъ любезными словами: «Не хочу долѣе злоупотреблять вашимъ временемъ, генералъ. Въ теченіе дня я приготовлю вамъ письмо къ императору Александру».

V.

Въ семь часовъ вечера Балашовъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ Его Величеству. Кромѣ него, приглашенными были: Бертье, Дюрокъ, Бессьеръ и Коленкуръ. Коленкуръ получилъ приглашеніе внѣ правилъ и былъ немного удивленъ этимъ, ибо съ нѣкоторыхъ поръ его повелитель не баловалъ его подобными милостями. Само собой разумѣется, что во время обѣда главнымъ образомъ говорилъ и направлялъ разговоръ императоръ; но онъ снова сдѣлался надменнымъ, своенравнымъ и задорнымъ. Говоря съ собесѣдникомъ не съ глазу-на-глазъ, а передъ цѣлой аудиторіей, онъ имѣлъ въ виду убѣдить не его одного, а подѣйствовать на опредѣленное количество лицъ. Его очевидной цѣлью было поставить Балашова въ затруднительное положеніе и смутить его при свидѣтеляхъ неожиданными вопросами. Можно было думать, что въ его лицѣ онъ хотѣлъ смутить и унизить Россію. На его несчастье, онъ имѣлъ дѣло съ противникомъ, котораго трудно было сконфузить; онъ столкнулся съ патріотомъ, обладавшимъ живымъ умомъ и рѣдкой находчивостью. Въ происшедшемъ словесномъ состязаніи его противникъ мужественно оспаривалъ у него побѣду.

Въ началѣ разговора Наполеонъ принялъ откровенно-дру-

жескій и добродушно-насмѣшливый тонъ. Онъ коснулся самыхъ игривыхъ предметовъ, какъ будто находилъ нужнымъ дать отдыхъ своему уму послѣ дневныхъ занятій. Онъ намекнулъ на частную жизнь Александра, на его успѣхи у женщинъ, на его любовныя похожденія, которыя, повидимому, поглощали его даже въ то время, когда наши войска переходили границу.

— «Правда ли, спросилъ онъ, что въ Вильнѣ императоръ Александръ каждый день пилъ чай у мѣстной красавицы?» И, повернувшись къ стоявшему за его кресломъ дежурному камергеру Тюренню, спросилъ: — «Какъ вы называете ее, Тюреннь?»

— «Сулистровска, Государь»,—отвѣтилъ камергеръ, на обязанности котораго лежало имѣть точныя свѣдѣнія объ этихъ предметахъ.

— «Да, Сулистровска». И Наполеонъ вопросительно взглянулъ на Балашова.

— «Государь,—отвѣтилъ Балашовъ,—императоръ Александръ всегда любезенъ съ дамами, но въ Вильнѣ я видѣлъ, что онъ былъ занятъ совсѣмъ другимъ дѣломъ.

— «Отчего бы и не такъ?—сказалъ императоръ. Въ главной квартирѣ это еще допустимо».

Но онъ ставилъ Александру въ упрекъ еще болѣе компрометирующія связи. Онъ хотѣлъ знать, правда ли, что русскій монархъ, не довольствуясь тѣмъ, что принялъ на свою службу Штейна и Армфельта, позволилъ подобнымъ людямъ сѣсть за свой столъ и ѣсть его хлѣбъ?

— «Скажите откровенно, вѣдь Штейнъ обѣдалъ у русскаго императора?

— «Государь, всѣ знатныя особы приглашаются на парадные обѣды Его Величества.

— «Какъ можно сажать Штейна за столъ русскаго императора? Если даже императоръ Александръ рѣшился выслушать его, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало приглашать его къ обѣду. Неужто онъ вообразилъ, что Штейнъ можетъ быть ему преданъ? Ангелъ и дьяволъ никогда не должны быть вмѣстѣ».

Послѣ того, онъ съ любопытствомъ самонадѣянности заговорилъ о Россіи, какъ о странѣ, которую онъ въ скоромъ времени посѣтитъ и исколеситъ во всѣхъ направленіяхъ. Москва была уже у него на языкѣ.

— «Генералъ,--спросилъ онъ,—сколько, по вашему мнѣнію, жителей въ Москвѣ?

— «Триста тысячъ, Государь.

— «А домовъ?

— «Десять тысячъ, Государь.

— «А церквей?

— «Болѣе трехсотъ сорока.

— «Отчего такъ много?

— «Нашъ народъ часто бываетъ въ нихъ.

— «Какая тому причина?

— «Та, что нашъ народъ набоженъ.

— «Ба, въ наши дни нѣтъ набожныхъ людей!

— «Прошу прощенія, Государь, не вездѣ такъ. Можетъ быть, въ Германіи и Италіи нѣтъ уже набожныхъ людей, но въ Испаніи и Россіи они еще есть».

Намекъ былъ колкій и заслуженный. Нельзя было умнѣе сказать императору, что до сихъ поръ среди народовъ только одному народу удалось держать его подъ угрозой, и это былъ вѣрующій народъ; что другой столь же непоколебимый въ своей вѣрѣ народъ сумѣетъ, уповая на Бога, послѣдовать данному примѣру, и что Россія будетъ для него второй Испаніей. Послѣ такого отпора императоръ замолчалъ на нѣсколько минутъ; затѣмъ, повторяя нападеніе, и, смотря въ упоръ на Балашова, онъ сказалъ:

— «По какой дорогѣ идти на Москву?»

На такой недвусмысленный вопросъ отвѣта пришлось подождать съ минуту. Балашовъ не торопился, видимо обдумывая его, затѣмъ сказалъ:

— «Государь, этимъ вопросомъ вы ставите меня въ затруднительное положеніе. Русскіе, подобно французамъ, говорятъ, что всякая дорога ведетъ въ Римъ. Дорогу въ Москву можно избрать по желанію. Карлъ XII взялъ ее на Полтаву».

Напомнивъ неожиданно объ имени и печальной судьбѣ шведскаго завоевателя, предупреждая императора, что, вмѣсто того, чтобы идти въ Москву, онъ можетъ попасть въ Полтаву, Балашовъ отвѣчалъ на похвальбу пророческой угрозой и сквитался очень остроумно. Но нельзя сказать, чтобы его кстати сказанныя слова произвели тогда особенно сильное впечатлѣніе на

присутствующихъ. Его отвѣты пріобрѣли извѣстность уже позднѣе, когда событія выдвинули ихъ и подчеркнули ихъ значеніе.

Послѣ обѣда перешли въ сосѣднюю залу. Тутъ императоръ пустился въ философскія разсужденія, высказывая сожалѣніе объ ослѣпленіи государей и о безразсудствѣ людей. «Боже мой! Чего люди хотятъ?» Императоръ Александръ получилъ отъ него все, чего только могъ желать—все, о чемъ его предшественники даже не смѣли и мечтать: Финляндію, Молдавію, Валахію, кусокъ Польши. Если бы онъ по-прежнему оставался въ союзѣ, его царствованіе было бы записано золотыми буквами въ лѣтописяхъ его народа. «Онъ испортилъ лучшее царствованіе, которое когда-либо было въ Россіи... На свое несчастье онъ бросился въ эту войну; можетъ быть, виной тому дурные совѣты, а то и предопредѣленіе судьбы». И какими способами онъ ведетъ ее? Снова начиная горячиться и приходя въ ярость, Наполеонъ повторилъ свои жалобы, всѣ причины къ неудовольствію, все тотъ же непосредственно къ личности царя относящійся доводъ, которымъ старался затронуть въ государѣ общечеловѣческія свойства и который долженъ былъ внѣдрить въ Александра тревогу за личную безопасность и заставить его дрожать за свою жизнь. Императоръ Александръ, говорилъ онъ, ставъ во-главѣ своихъ армій, не только не защищенъ отъ своихъ подданныхъ, но подставляетъ себя въ первую очередь, и, въ случаѣ неудачи, отдаетъ себя въ жертву ихъ ярости. «Онъ беретъ на себя отвѣтственность за пораженіе. Война — моя сфера. Я привыкъ къ ней. Совсѣмъ иное дѣло онъ. Онъ—императоръ по рожденію. Онъ долженъ царствовать, а для командованія назначить генерала. Если тотъ хорошо будетъ вести дѣло—наградить его, плохо — наказать. Пусть генералъ будетъ отвѣтственнымъ предъ нимъ, а не онъ предъ народомъ; ибо и государи тоже несутъ извѣстную отвѣтственность; не слѣдуетъ забывать этого».

Онъ еще долго продолжалъ говорить на эту тему, и, быстрыми шагами прохаживаясь передъ стоявшими передъ нимъ гостями, не скупился на зловѣщія предостереженія и жесткія слова. Вдругъ онъ направился къ Коленкуру, который оставался серьезнымъ, не вмѣшиваясь въ разговоръ и не проявляя ни малѣйшаго знака одобренія. Ударивъ его слегка по щекѣ, онъ обратился къ нему со слѣдующимъ вопросомъ: «Ну, что же вы, старый царедворецъ петербургскаго двора, ничего не говорите?» Возвысивъ

голосъ, онъ добавилъ: «О! Императоръ Александръ хорошо обращается съ посланниками. Онъ строитъ политику на ласковомъ обращеніи. Онъ сдѣлалъ изъ васъ русскаго» [1]).

При этихъ словахъ Коленкуръ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Вслѣдствіе того, что онъ имѣлъ мужество высказываться противъ войны, ему много разъ, и даже публично, приходилось выслушивать эпитетъ русскаго, что оскорбляло его чувства патріота. Онъ страдалъ отъ этого; но до сихъ поръ переносилъ непріятную шутку, которой его повелитель упорно его преслѣдовалъ. Въ этотъ разъ, это было уже слишкомъ. Повторять въ присутствіи иностранца, врага, упрекъ, противъ котораго говорила вся его жизнь, значило сомнѣваться въ его чувствахъ француза и въ его вѣрности. Несправедливость переходила границы, придирчивость обращалась въ оскорбленіе. Коленкуръ не въ силахъ былъ сдержаться и отвѣтилъ тономъ, какого императоръ не привыкъ слышать: «Вашему Величеству угодно дѣлать видъ, будто сомнѣваетесь, что я хорошій французъ; вы дѣлаете такъ, конечно, только потому, что я не въ мѣру доказалъ это своей откровенностью. Милостивое вниманіе императора Александра относилось къ Вашему Величеству; какъ вашъ вѣрный подданный, Государь, я никогда не забуду о немъ» [2]).

По выраженію лица говорившаго всѣ поняли, что герцогъ оскорбленъ до глубины души. Морозъ пробѣжалъ по кожѣ присутствующихъ; самъ императоръ почувствовалъ себя неловко и былъ смущенъ. Онъ перемѣнилъ разговоръ, поговорилъ еще съ Балашовымъ и любезно отпустилъ его. Но вмѣстѣ съ приготовленнымъ императору Александру письмомъ, въ которомъ онъ подводилъ итоги ссоры, онъ приказалъ передать ему экземпляръ воинственной рѣчи, съ которой обратился къ своимъ войскамъ передъ переправой черезъ Нѣманъ. Это было его отвѣтомъ на требованіе отступить за рѣку. Обращаясь къ Бертье и фамильярно называя его по имени, онъ сказалъ ему: «Александръ, вы можете дать прокламацію генералу—это не секретъ» [3]).

Въ то время, какъ Балашовъ выходилъ изъ дворца и садился въ карету съ тѣмъ, чтобы отправиться къ своему императору,

---

[1]) Неизданные документы.
[2]) Id.
[3]) Донесеніе Балашова.

у Наполеона происходила бурная сцена, которою и завершились событія этого дня [1]). Оставшись въ кругу своихъ приближенныхъ, императоръ подошелъ къ Коленкуру, стоявшему въ сторонѣ съ разстроеннымъ и мрачнымъ лицомъ. Жалѣя и почти стыдясь, что огорчилъ вѣрнаго слугу, почти друга, онъ хотѣлъ положить конецъ ссорѣ и постарался умастить нанесенную имъ рану. Тономъ благосклоннаго упрека онъ сказалъ герцогу: «Вы напрасно сердитесь», и, чтобы доказать, что онъ только пошутилъ, онъ сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ шутить. «Конечно, сказалъ онъ, вы опечалены тѣмъ, что я собираюсь причинить зло вашему другу». Затѣмъ онъ повторилъ свою излюбленную фразу: «Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ русскіе вельможи принудятъ Александра просить у меня мира». Въ послѣдній разъ онъ взялъ на себя трудъ объяснить герцогу и присутствующимъ, почему онъ ведетъ эту войну. По обыкновенію мѣшая правду съ ложью, онъ, однако, вполнѣ справедливо напомнилъ, что союзъ съ Россіей былъ только способомъ привлечь ее на свою сторону, что это былъ обманчивый призракъ; но изъ этого факта онъ выводилъ невѣрное заключеніе, что наступательная война на Сѣверѣ предписывалась условіями времени; что она самая полезная, самая политичная изъ всѣхъ его предпріятій; что она неизбѣжно приведетъ къ общему миру.

Но Коленкуръ не слушалъ его. Всецѣло поглощенный нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, думая только о защитѣ своей чести, онъ съ страшной запальчивостью заговорилъ объ оскорбившихъ его словахъ. Онъ сказалъ, вѣрнѣе закричалъ, что считаетъ себя болѣе французомъ, чѣмъ виновники этой войны; «что Его Величество при всѣхъ заявилъ, что онъ не одобряетъ этой войны, но что онъ гордится этимъ. Въ виду же того, что высказываются подозрѣнія относительно его патріотизма и его преданности, онъ проситъ позволенія удалиться изъ главной квартиры, и удалиться безотлагательно, на другой же день; что проситъ Его Величество дать ему командованіе въ Испаніи; проситъ разрѣшенія служить ему вдали отъ его особы». Тщетно императоръ старался успокоить его милостивыми словами, Ко-

---

[1]) Разсказъ объ инцидентѣ, о которомъ Сегюръ, повидимому, зналъ, цѣликомъ взятъ изъ неизданныхъ документовъ, на которые мы постоянно ссылаемся въ этой главѣ.

ленкуръ не унимался. Поддавшись чувству негодованія, онъ потерялъ всякую мѣру. Онъ, видимо, не въ силахъ былъ совладать ни со своими словами, ни съ жестами. Остальные генералы, озадаченные такой вспышкой, въ ужасѣ отъ такой смѣлости, въ страхѣ, что ихъ друга постигнетъ непоправимая немилость, окружили его и старались успокоить. Но Наполеонъ не мѣшалъ ему высказываться; онъ все время оставался чрезвычайно спокойнымъ и кроткимъ. Вспыльчивый императоръ сдѣлался самымъ терпѣливымъ повелителемъ. Удивительный знатокъ людей, онъ подчинялъ свои поступки чувству уваженія. Искренно привязанный къ тѣмъ, кто пріобрѣлъ его любовь, онъ никогда не покидалъ ихъ, и, въ концѣ-концовъ, отдавалъ имъ справедливость, хотя очень часто заставлялъ ихъ страдать отъ своей вспыльчивости и недостатковъ своего характера. Онъ превосходно умѣлъ распознавать людей, истинно ему преданныхъ, и многое прощалъ имъ. Вмѣсто того, чтобы приказать Коленкуру замолчать, онъ просто сказалъ ему: «Что съ вами? Кто сомнѣвается въ вашей вѣрности? Я отлично знаю, что вы честный человѣкъ. Я только пошутилъ. Вы слишкомъ обидчивы. Вы отлично знаете, что я васъ уважаю. Теперь вы мелете вздоръ. Я больше не буду отвѣчать вамъ на то, что вы говорите». Но такъ какъ сцена продолжалась, то, чтобы прекратить ее, онъ рѣшилъ удалиться, прошелъ въ свой кабинетъ и заперся. Коленкуръ хотѣлъ броситься за нимъ и потребовать отставки. Дюроку и Бертье пришлось силой удержать его. Впослѣдствіи потребовались неимовѣрныя усилія, чтобы этотъ выведенный изъ себя честный человѣкъ забылъ свои обиды и вступилъ снова въ отправленіе своихъ обязанностей. Честно, съ рѣдкимъ мужествомъ предупредивъ императора, указавъ ему на ожидавшую его пропасть, онъ, въ концѣ-концовъ, согласился дѣлить съ нимъ до конца испытанія и опасности кампаніи.

Посланіе, привезенное Балашовымъ, и отвѣтъ Наполеона были послѣдними сношеніями между разошедшимися навсегда союзниками Тильзита и Эрфурта. Съ этихъ поръ и на предложенія, и на угрозы Наполеона Александръ будетъ отвѣчать ледянымъ молчаніемъ. Не противникъ его, воздержавшійся отъ объявленія войны на-смерть, а онъ самъ стремится къ такой войнѣ. Онъ поклялся, что бы ни случилось, выдержать ее и довести

до конца. Чтобы предохранить себя отъ малѣйшей слабости, отъ какихъ бы то ни было уступокъ, онъ приготовился къ пораженіямъ, къ занятію непріятелемъ своихъ городовъ, къ опустошенію своихъ провинцій; онъ пріучилъ себя къ мысли временно пожертвовать половиной своего государства, чтобы спасти другую. Онъ уклонился отъ второй на территоріи Польши войны, которую предлагалъ ему Наполеонъ въ видѣ короткаго поединка, и вотъ начинается война въ Россіи, война безъ сраженій, война съ природой и пространствомъ. 16 іюля Наполеонъ выступилъ изъ Вильны. Израсходовавъ массу энергіи на реорганизацію своихъ войскъ и на снабженіе ихъ провіантомъ, онъ двинулъ ихъ на Двину и Днѣпръ. Онъ все время старается изолировать и окружить ту или другую изъ русскихъ армій, изобрѣтаетъ множество талантливыхъ, грандіозныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойныхъ его комбинацій, которыя навѣрное обезпечили бы ему побѣду, если бы черезчуръ большое развитіе театра военныхъ дѣйствій не позволяло непріятелю постоянно ускользать отъ него и разстраивать его планы преслѣдованія. Въ погонѣ за убѣгающимъ противникомъ Наполеонъ будетъ идти все дальше и дальше. Онъ углубится въ безпредѣльное пространство, пройдетъ по мрачной, таинственной имперіи, и, среди окружающей его со всѣхъ сторонъ тьмы, инстинктивно направится къ свѣтлой, сіяющей на горизонтѣ точкѣ, отъ которой онъ не въ силахъ оторвать глазъ. Онъ не рѣшаетъ еще безповоротно идти на Москву, но судьба, которой онъ повинуется съ самаго начала своей карьеры— та судьба, которой онъ былъ и рабомъ и творцомъ, влечетъ его къ этой столицѣ. Его сверхчеловѣческая судьба обязываетъ его непрерывно подниматься все на бо́льшую высоту; она позволяетъ ему держать въ повиновеніи народы только при условіи, что онъ постоянно поражаетъ ихъ новыми чудесами съ постоянно возрастающимъ исключительнымъ блескомъ и величіемъ. Москва — этотъ причудливый и волшебный городъ, городъ его мечтаній, притягиваетъ его къ себѣ еще и потому, что это почти азіатское завоеваніе обѣщаетъ его гордости неизвѣданныя еще наслажденія: оно искушаетъ его, какъ захватъ новаго міра. Наконецъ, онъ надѣется, что, завладѣвъ національной святыней русскихъ, онъ вызоветъ въ нихъ столь сильное потрясеніе, что оно броситъ ихъ къ его ногамъ. Чѣмъ труднѣе и тя-

желѣе кажется ему война съ русскими, чѣмъ больше она усѣяна испытаніями и опасностями, тѣмъ упорнѣе цѣпляется онъ за надежду—дойдя до сердца Россіи, быстро покончить войну съ нею. Онъ сказалъ Коленкуру: «Я подпишу миръ въ Москвѣ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Шестьдесятъ дней спустя Наполеонъ былъ въ Москвѣ. Его армія проложила кровавый слѣдъ по русской землѣ и со славой и честью свершила свой путь. Этапы ея ознаменовались тяжкими испытаніями, страданіями, безрезультатными успѣхами и славными неудачами. Сперва бои подъ Островной и Витебскомъ съ Барклаемъ, который, отступая съ большимъ разсчетомъ, не давалъ случая разбить себя; затѣмъ Могилевъ, гдѣ Багратіону не было нанесено настолько сильнаго пораженія, чтобы лишить его возможности продолжать свой круговой обходъ и соединиться съ первой арміей; далѣе Смоленскъ, гдѣ русская пѣхота была изрублена на мѣстѣ и все-таки держалась сомкнутыми рядами. Въ Смоленскѣ—остановка тягостная, тревожная; здѣсь констатированы были громадныя потери — сто тысячъ человѣкъ не явились на перекличку,—они вырваны были изъ арміи болѣзнями и дезертирствомъ; затѣмъ, ужасная схватка при Валутиной; еще дальше лихорадочная, тщетная погоня за рѣшительнымъ сраженіемъ; наконецъ, столь желанный бой, ибо ропотъ войскъ заставилъ Кутузова принять сраженіе, отъ котораго русскіе такъ долго уклонялись. Наступилъ день Бородина — тотъ адскій бой, когда отъ пушечной пальбы земля дрожала на протяженіи восемнадцати верстъ [1]) и въ которомъ полегло солдатъ не меньше, чѣмъ взрослаго населенія въ огромномъ городѣ. Послѣ рѣзни предъ нами предстала, какъ огромный оазисъ среди пустынныхъ равнинъ, Москва, съ ея бѣлыми стѣнами, съ ея покрытыми золотомъ, вермильономъ и лазурью соборами съ сіяющими, какъ небесныя созвѣздія, куполами, съ ея дворцами, парками и зеленѣющими садами. Но лишь только армія бросилась въ городъ, добыча исчезла, унеслась въ огненномъ облакѣ. Поселившись въ Кремлѣ, Наполеонъ царилъ надъ развалинами; его окружали одиннадцать тысячъ сгорѣвшихъ домовъ. Пожаръ продолжалъ дѣлать свое дѣло, пожирая остатки города; среди сгорѣвшихъ

---

[1]) Joseph de Maistre, Correspondance, IV, 219.

домовъ уцѣлѣло только триста сорокъ церквей, поднимавшихся надъ пепломъ пожарища. Армія, пресыщенная награбленнымъ добромъ, по горло засыпанная ненужнымъ богатствомъ, которое она отвоевала у пламени, отдалась, не смѣя заглянуть въ будущее, безпробудному пьянству. Въ окрестностяхъ Москвы было разграблено четыре тысячи усадебъ и деревень. Въ лѣсахъ скиталось, уподобляясь первобытнымъ людямъ, выгнанное изъ жилищъ населеніе въ двѣсти тысячъ душъ. Еще далѣе собирались уже шайки озвѣрѣлыхъ крестьянъ; они нападали на наши обозы, рѣзали одинокихъ солдатъ или живыми закапывали ихъ въ землю.

Среди этого опустошенія Наполеонъ ничего не предпринималъ и ждалъ. Онъ обратился къ царю съ предложеніями мира, и со дня-на-день ждетъ, что Александръ пришлетъ кого-нибудь для переговоровъ, признаетъ себя побѣжденнымъ и вручитъ ему свою шпагу. Наполеонъ увѣренъ, что въ скоромъ времени явится столь желанный парламентеръ. Почему бы ему и не явиться? думаетъ онъ. Вѣдь это въ порядкѣ вещей, ибо русскіе все время и всюду терпѣли пораженія. Съ ними должна повториться та же исторія, что и съ австрійцами, съ пруссаками и многими другими, съ которыми все рѣшалось однимъ сраженіемъ съ послѣдующимъ занятіемъ столицъ. Однако, предложеніе о мирѣ не приходило, и Наполеонъ, съ удивленіемъ смотря на пожаръ и систематическое разрушеніе, спрашивалъ себя, съ какимъ народомъ имѣетъ онъ дѣло; что за племя, которое само сжигаетъ свои города, которое думаетъ, что этимъ выполняетъ святое дѣло. Иногда онъ придумываетъ великолѣпныя военныя комбинаціи, отказаться отъ выполненія которыхъ вынуждаетъ его слабость его полководцевъ и солдатъ. По временамъ онъ мечтаетъ прибѣгнуть къ гигантскимъ и необыкновенымъ средствамъ: думаетъ объявить себя польскимъ королемъ, воскресить смоленское княжество или татарскія республики, соблазнить русское дворянство обѣщаніемъ конституціи, а народъ отмѣной крѣпостного права, и хочетъ выпустить революціонное воззваніе, которое, вызвавъ соціальную войну, облегчило бы его задачу. Онъ думаетъ о средствахъ оказать нравственное давленіе на Россію, силится найти въ этой глыбѣ какую-нибудь трещину, чтобы, вогнавъ въ нее клинъ, раздробить это государство на части. Въ концѣ-концовъ онъ ни на чемъ не останавливается. Придя къ сознанію, что всѣ его планы несбыточны, что все это пустое

мѣсто, чувствуя, что его геній безсиленъ, что его изобрѣтательность, его нравственныя силы истощены, онъ предается мрачному бездѣйствію; онъ старается ни о чемъ не думать, и, чтобы забыться, переносится въ область воображаемаго и читаетъ романы. По ночамъ онъ приказываетъ ставить около окна двѣ зажженыя свѣчи, чтобы проходящіе мимо дворца солдаты, видя свѣтъ, думали, что онъ, увлеченный работой, еще не спитъ и что его всегда дѣятельный и изобрѣтательный умъ придумываетъ спасеніе [1]).

Александръ уѣхалъ въ Петербургъ, признавъ, что его присутствіе въ арміи стѣсняетъ свободу дѣйствій и способствуетъ разладу. Онъ былъ въ восторгѣ отъ солдатъ и недоволенъ генералами. Ему опротивѣло ихъ соперничество; ихъ ссоры гудѣли у него въ ушахъ. Онъ понималъ, что все идетъ плохо. Твердо рѣшивъ не сдаваться, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ удрученъ народнымъ бѣдствіемъ. Вернувшись изъ арміи, онъ жилъ близъ столицы на Каменномъ Островѣ, въ скромной лѣтней резиденціи. Нерѣдко видѣли его одиноко, въ задумчивости блуждающаго въ окрестныхъ рощахъ. Онъ искалъ источника силы и надежды, который бы утолилъ его лихорадочное волненіе. Однажды онъ спросилъ Библію. Впервые открывъ эту книгу утѣшенія, онъ нашелъ примѣнимое къ его положенію мѣсто и почерпнулъ въ немъ силы [2]). Его душа очищалась въ горнилѣ бѣдствій—ея величіе росло вмѣстѣ съ несчастьями.

Кутузовъ до конца обманывалъ его; лгалъ ему безъ зазрѣнія совѣсти. Послѣ Бородина старый генералиссимусъ выпустилъ бюллетени о побѣдѣ, а на другой день послѣ его сообщенія распространилось извѣстіе, что Москва взята и сожжена.

Вѣсть объ ужасномъ осквернены священнаго города огорчила Александра, но, кромѣ того, озлобила его. Она вызвала въ немъ чувство жестокаго гнѣва, заледенила его сердце; она создала въ немъ страстное желаніе отомстить, дала волю и силу его рѣшенію. Онъ увидѣлъ въ этомъ неизгладимое оскорбленіе, нанесенное и ему лично, и его народу, и рѣшилъ, что только полное истребленіе врага можетъ искупить его. Въ глазахъ русскихъ—поднять святотатственную руку на Москву то же, что ударить

---

[1]) Journal de Castellane, I, 161.

[2]) Mémoires de la comtesse Edling, 77—78.

ихъ мать. Вся страна отъ края до края была глубоко потрясена этимъ событіемъ. Но оставалось вопросомъ, къ чему приведетъ это душевное потрясеніе. Скажется ли оно подъемомъ энергіи и еще бо́льшимъ ожесточеніемъ войны? Или же вызоветъ окончательный упадокъ духа, подорветъ мужество, лишитъ власть средствъ продолжать войну? Вотъ на что никто не могъ отвѣтить. Въ петербургскомъ обществѣ шли дурные толки; оно съ озлобленіемъ перечисляло совершенныя ошибки, обвиняло въ неспособности генераловъ и возлагало отвѣтственность на верховную власть. Народъ злобно и угрюмо молчалъ; на лицахъ застыло выраженіе сердечной тоски. Разъ пала Москва — этотъ любимый Божіей Матерью, хранимый ангелами городъ; разъ «чужакъ, безъ разрѣшенія императора, проникъ въ Кремль», не значитъ ли это, что самъ Богъ отвернулся отъ Россіи и проклялъ ея вождей? Впервые народъ какъ будто усумнился въ царѣ, усумнился въ помощи Божіей. Лица, окружающія Александра, жили въ постоянномъ страхѣ, почти въ ожиданіи катастрофы. Боялись дворцоваго заговора, волненія дворянъ, народнаго мятежа. Наполеонъ предвидѣлъ и предсказывалъ такія событія; онъ возлагалъ на нихъ большія надежды. Сбудутся ли онѣ? Приведетъ ли ожидаемый переворотъ, совершенный на глазахъ врага, къ потерѣ способности къ сопротивленію? Сдастся ли Россія?

Между тѣмъ, жизнь при дворѣ шла, какъ бы машинально, своимъ порядкомъ. Церемоніалъ и этикетъ не отрекались отъ своихъ правъ. 18 сентября нужно было отпраздновать годовщину коронаціи. Обычай требовалъ, чтобы въ этотъ день императоръ съ императорской фамиліей показались народу и при торжественной обстановкѣ прослѣдовали въ соборъ для присутствованія на благодарственномъ молебствіи. Приближенные царя страшно боялись за эту поѣздку. Послѣ усиленныхъ просьбъ удалось убѣдить его отправиться въ храмъ вмѣстѣ съ императрицами въ каретѣ, а не верхомъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать. Толпа присутствовала при проѣздѣ молча, безъ обычныхъ привѣтствій. Она смотрѣла на проѣзжавшихъ мимо нея кавалергардовъ въ роскошныхъ мундирахъ, на экипажи-галà — эти большія съ зеркальными стѣнками золоченыя кареты. Она имѣла возможность разсмотрѣть ордена и знаки отличія, туалеты государынь и придворныхъ дамъ; ихъ обнаженныя плечи, греческія прически, діадемы изъ драгоцѣнныхъ камней — словомъ,

всю роскошную и нарядную обстановку, составлявшую рѣзкій контрастъ съ ужасами этого времени. Подъѣхавъ къ церкви, высочайшія особы и свита вышли изъ экипажей, и поднялись на паперть между двумя рядами народа, который почти касался ихъ. Толпа не проронила ни одного звука, даже шопота не было. Тишина была такая, что ясно были слышны звонъ шпоръ и шуршанье длинныхъ, тащившихся по мраморнымъ ступенямъ, шелковыхъ платьевъ. Но вотъ религіозная церемонія кончилась. Поѣздъ вернулся во дворецъ въ томъ же порядкѣ, среди той же трагической тишины, и каждый поздравилъ себя, что прошелъ этотъ день [1]).

Послѣ того прошло около мѣсяца. Императоръ получилъ извѣстія болѣе утѣшительнаго характера; донесенія о нравственномъ состояніи войскъ, о ихъ упорномъ желаніи защищаться, о бѣдственномъ положеніи французовъ ободрили его и еще болѣе укрѣпили его въ рѣшеніи не обращать вниманія на предложенія о мирѣ. Но настроеніе населенія по-прежнему внушало безпокойство; оно было загадочно и непроницаемо. Никому не удавалось заглянуть въ эти темныя души; никто не зналъ, что происходитъ въ толщѣ народныхъ массъ. Дни ожиданія, наслаиваясь одинъ на другой, сгущали страшную, висѣвшую надъ городомъ тревогу. Вдругъ въ одинъ изъ такихъ дней свинцовую атмосферу столицы прорѣзалъ пушечный выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости, тяжелая громада которой, увѣнчанная длиннымъ золотымъ шпицемъ, подобно яркому лучу свѣта уходящимъ въ глубину неба, возвышается на окраинѣ Петербурга. Раздается одинъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій; выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ правильные промежутки времени и заканчиваются залпомъ—залпомъ, полнымъ радости, гордости и торжества. Съ души свалилась тяжесть. Москва свободна. Французская армія дала сигналъ къ отступленію.

Въ эти дни Россія побѣдила Наполеона; побѣдила безъ сраженія. Въ окрестностяхъ Москвы враждебныя дѣйствія прекратились сами собой. Въ однихъ мѣстахъ было условлено прекратить военныя дѣйствія, въ другихъ перемиріе установилось по молчаливому соглашенію. Аванпосты подходили другъ къ другу и вступали въ бесѣду. Мюратъ, какъ всегда, въ шляпѣ, укра-

---

1) Mémoires de la comtesse Edling, 79—80.

шенной перьями, спокойно парадировалъ передъ русскими, и когда одинъ казакъ исподтишка прицѣлился въ него и хотѣлъ выстрѣлить, унтеръ-офицеръ отвелъ въ сторону ружье и не допустилъ убійства героя. Теперь борьба завязалась между двумя моральными силами: съ одной стороны обаяніе Наполеона, которое могло отдать въ его руки матеріально побѣжденную Россію, съ другой,—вѣра русскихъ въ правоту своего дѣла, въ неистощимое богатство ихъ средствъ, въ надежду на помощь Провидѣнія. Этотъ культъ, воздаваемый отечеству, слившись съ ихъ христіанскимъ чувствомъ, не допустилъ ихъ, невзирая ни на какія бѣдствія, до отчаянія. Изъ этихъ двухъ силъ одержала верхъ самая благородная, самая святая. Да! была минута, когда душа Россіи была поколеблена и смущена; но Россія опомнилась и совладала съ собой. Великое испытаніе поколебало ее, но не сразило. Дворянство, потерявшее свое имущество, свои имѣнья и дворцы, не отшатнулось отъ царя; изъ среды его не поднялось ни одного голоса, который властно потребовалъ бы мира. Народъ отрекся отъ своихъ сомнѣній, обуздалъ свое горе. Онъ понялъ планъ сопротивленія и спасенія родины, которымъ вдохновлялся императоръ, и инстинктивно примкнулъ къ нему. Съ мрачной покорностью судьбѣ онъ сплотился около своего государя — своего отца. Въ эти торжественные дни у государя и народа была одна душа, одна скорбь, одна молитва; между ними, по молчаливому соглашенію, состоялся тѣсный договоръ. Каждый, съ печалью въ душѣ, стойко остался на своемъ мѣстѣ и исполнилъ свой долгъ. Пораженная, израненная Россія встала на ноги; она поднялась плотной, нераздѣльной массой и была несокрушимо сильна своей вѣрой и своимъ послушаніемъ. А такъ какъ наша армія была уже надорвана и не могла идти дальше, такъ какъ на помощь непріятелю уже подходила зима, то нужно было уходить. Наполеонъ слишкомъ поздно рѣшился на это. Теперь онъ старался хитрить съ судьбой, обольщалъ себя надеждой оставить гарнизонъ въ Кремлѣ и зазимовать на позиціяхъ, вблизи своего завоеванія; говорилъ не объ отступленіи, а о маневрированіи. Онъ старался обмануть самого себя, обмануть другихъ; галантно писалъ Маріи-Луизѣ, что покидаетъ Москву только для того, чтобы быть поближе къ ней [1]); помѣщалъ

[1]) Перехваченное русскими письмо; Archives de Saint-Pétersbourg.

въ бюллетеняхъ, что не стоитъ сохранять Москву, ибо она ничто иное, какъ трупъ. Чтобы закрѣпить за собой уже потерявшую значеніе побѣду, онъ на-спѣхъ собиралъ трофеи, ограбилъ церкви, опустошилъ Кремль. Обремененная награбленнымъ добромъ армія потащила за собой пятнадцать тысячъ повозокъ, увела въ своихъ рядахъ толпу обездоленныхъ людей и бродягъ, и, забравъ эти отбросы, подобно грязной рѣкѣ, вытекла изъ воротъ Москвы.

Зима превратила неудачу въ бѣдствіе. Наполеонъ инстинктивно направился на югъ, въ южныя губерніи, въ теплыя и урожайныя мѣста. Но подъ Мало-Ярославцемъ Кутузовъ преградилъ ему путь. Произошло убійственное сраженіе, въ которомъ истощенная армія, потерявъ вѣру въ свои силы, не смогла преодолѣть препятствія. Она отбросилась на свой тылъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ перемѣнила фронтъ, и, не слушаясь уже императора, увлекая его за собой, пошла по старой, уже опустошенной дорогѣ—по тому разоренному пути, гдѣ встрѣчались только развалины и трупы убитыхъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Пришлось пройти вдоль Москвы рѣки, опять смотрѣть на нагіе, обобранные трупы убитыхъ въ великомъ бою, которые, насколько глазъ хваталъ, покрывали холмы и бѣлѣли вдали, какъ громадныя стада овецъ [1]). Въ слѣдующіе затѣмъ дни раненые и хромые, которые не въ состояніи были слѣдовать за арміей, тысячами валялись по дорогѣ и умирали рядомъ съ русскими плѣнными, которыхъ убивалъ португальскій контингентъ, чтобы избавиться отъ труда стеречь и кормить ихъ. Вездѣ валялись «свѣжіе или старые» [2]) трупы, всякаго рода и племени; цѣлое море труповъ окружаетъ армію, и, какъ ни привыкла она къ картинѣ смерти, однако, эта картина дѣйствуетъ на ея воображеніе, волнуетъ ее. Вдругъ наступаетъ зима съ ея морозами. Небо потемнѣло; снѣгъ повалилъ хлопьями. Вмѣстѣ съ зимой начался великій развалъ арміи. Лошади падаютъ на скользкой землѣ; приходится убивать ихъ, взрывать зарядные ящики, бросать повозки, бросать орудія. Кавалеріи больше не существуетъ; почти нѣтъ артиллеріи; мало съѣстныхъ припасовъ: къ холоду присоединяется голодъ. Страшныя, острыя физическія страданія

---

[1]) Souvenirs d'un officier polonais, 306.

[2]) Journal de Castellane, I, 180.

надрываютъ сердце, ослабляютъ энергію, заставляютъ забывать чувство долга, возвращаютъ человѣка въ первобытное варварское состояніе, возбуждаютъ въ немъ животные инстинкты. На первый планъ выступаютъ потребности природы: единственной заботой дѣлается ѣсть и, по возможности, не очень страдать Безпорядокъ и отсутствіе дисциплины прогрессируютъ съ каждымъ днемъ. Корпуса таютъ, дивизіи разсѣиваются, отъ полковъ остаются жалкіе остатки. Не проходитъ часа, чтобы какой-нибудь батальонъ, какая-нибудь рота, батарея не развалилась и не превратилась въ безпорядочную толпу, въ ужасную массу отсталыхъ и оторванныхъ отъ своихъ частей солдатъ. Вся армія мало-помалу превращается въ безпорядочную толпу. Но вотъ непріятель нагоняетъ насъ и начинаетъ тѣснить. Спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ несется *гиканье* казаковъ; сперва слышится ихъ крикъ, вѣрнѣе, неясный вой, такъ что непривычное ухо съ трудомъ отличаетъ его отъ воя вѣтра въ сосновомъ лѣсу [1]); вслѣдъ за тѣмъ раздается бѣшеный галопъ ихъ коней, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ показываются пики. Наши противники сознаютъ, что счастье повертывается къ нимъ; они вопятъ объ отомщеніи и бросаются на насъ, какъ бѣшеные. Въ ихъ сердцѣ загорается надежда на полное отмщеніе; является желаніе преслѣдовать насъ до конца, до полнаго истребленія. Ихъ офицеры гарцуютъ вокругъ нашихъ безпорядочныхъ отрядовъ, и, разрѣжая въ нихъ свои пистолеты, кричатъ: Парижъ, Парижъ! [2]). Армія Кутузова вытягивается по флангу нашей колонны, постоянно нападаетъ на нее, наноситъ ей пораженія, разбиваетъ ее на отдѣльныя части, которыя то ведутъ бой въ одиночку, то опять смыкаются. Каждый день отмѣченъ какимъ-нибудь несчастьемъ. Корпусъ Евгенія подвергся нападенію на рѣкѣ Вопь и былъ разбитъ. Даву отрѣзанъ—сперва подъ Вязьмой, затѣмъ подъ Краснымъ. Императоръ съ гвардіей вынужденъ былъ вернуться ему на выручку. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ Ней чуть не вынужденъ былъ сдаться; онъ былъ на краю гибели, и, если спасся, то только какимъ-то чудомъ, благодаря необычайной, почти сверхчеловѣческой энергіи. Къ этому присоединяются обманутые разсчеты и обычные спутники не-

---

[1]) Souvenirs manucrits du général Lyautey.

[2]) Id.

счастливо сложившейся кампаніи. Въ Смоленскѣ оказалось провіанта меньше, чѣмъ думали; магазины въ Минскѣ захвачены непріятелемъ; Сенъ-Сиръ потерялъ линію Двины; Удино и Викторъ опоздали придти на выручку; выжидательное поведеніе австрійцевъ даетъ поводъ думать о скорой измѣнѣ. Ужасы отступленія растутъ съ каждой минутой, съ каждымъ переходомъ. По выходѣ изъ Смоленска насчитывается едва тридцать семь тысячъ воиновъ. Отъ вошедшей въ Россію гордой колонны въ четыреста пятьдесятъ тысячъ солдатъ осталась бѣгущая по снѣгу толпа людей, оставляющая за собой длинный, залитый кровью слѣдъ да не имѣющій уже имени сбродъ остатковъ частей великой арміи. Цѣлыя тысячи безоружныхъ отдѣляются отъ бѣгущей толпы и ждутъ или смерти въ лѣсахъ, подъ пиками казаковъ, или отправки рабами для населенія далекихъ пустынныхъ колоній.

Вокругъ остатковъ нашей арміи стягивается и замыкается желѣзное кольцо. Впереди Березина, по которой идетъ ледъ, что дѣлаетъ ее почти непроходимой; сзади—преслѣдуетъ по пятамъ Кутузовъ; справа подходитъ Витгенштейнъ, слѣва—Чичаговъ съ дѣйствовавшей въ Молдавіи арміей, освободившейся послѣ Бухарестскаго мира. Невольно напрашивалась мысль: не пришелъ ли всему конецъ, не наступилъ ли полный и непоправимый разгромъ? Русскіе были увѣрены, что захватятъ всѣхъ, безъ изъятія. Генералы роздали войскамъ примѣты императора, чтобы казаки, забравъ его въ плѣнъ, случайно не убили его, и чтобы Россія могла гордиться этой добычей [1]). Но вдохновеніе императора подготовляетъ спасеніе; необычайный подъемъ мужества и нечеловѣческія усилія войскъ приводятъ его въ исполненіе. Послѣ семидесятидвухчасовой работы въ водѣ, среди движущихся льдинъ, между обоими берегами устанавливается и поддерживается сообщеніе. Армія начинаетъ переправу, купивъ ее

---

[1]) Вотъ эти примѣты: „Станъ полный, коренастый; волосы черные, гладкіе, короткіе; борода густая, черная, обритая около ушей; нахмуренныя брови дугой; взглядъ или желчный, или свирѣпый; носъ горбомъ, запачканъ табакомъ; подбородокъ сильно выдающійся; одѣтъ въ простой мундиръ безъ знаковъ отличія, а чаще всего, чтобы не обращать на себя вниманія, въ сѣрый полукафтанъ; его постоянно сопровождаетъ мамелюкъ". Дневной приказъ отъ 12 октября 1812 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 154.

цѣной сраженій съ Чичаговымъ и Витгенштейномъ, и цѣной еще болѣе ужасной борьбы съ толпой отсталыхъ, съ отдѣлившимися отъ нея самой частями, и пролагаетъ себѣ путь по кашѣ, образовавшейся изъ оторванныхъ снарядами частей человѣческаго тѣла.

Въ Сморгони императоръ, отчаявшись въ спасеніи арміи и боясь, чтобы Германія не преградила ему дорогу, а Франція не ускользнула изъ его рукъ, бросаетъ свои войска. По его отъѣздѣ Сѣверъ наноситъ имъ послѣдніе, ужасные удары. Температура падаетъ до двадцати четырехъ, двадцати пяти, двадцати семи градусовъ Реомюра. Страданія достигаютъ высшихъ предѣловъ — такой степени, что даже теперь, спустя три поколѣнія, воспоминанія о нихъ вызываютъ въ насъ острую, насквозь пронизывающую боль и по кожѣ подираетъ морозъ. Ужасныя картины. Отмороженныя руки не въ силахъ держать ружья, пальцы отваливаются, цѣлыя части тѣла отгниваютъ; вмѣсто арміи — сплошная рана, на которую страшно смотрѣть. Стоявшія дотолѣ въ Германіи войска, посланныя подобрать остатки арміи, сами заражаются общимъ безпорядкомъ; ихъ тоже охватываетъ духъ пораженія, заѣдаетъ хаосъ. Наконецъ, показывается Вильна съ ея натопленными домами, и безформенная ватага врывается въ городъ; тамъ она находитъ только лишенія и презрительное или враждебное отношеніе; но все-таки кровъ и стѣны, куда, какъ затравленный звѣрь, бросаются солдаты, чтобы свалиться и заснуть, ни о чемъ не думая. На другой день нагрянулъ непріятель. Онъ засыпаетъ насъ ядрами; нужно опять бѣжать или умирать. Менѣе изувѣченные уходятъ, остальные, обреченные на избіеніе, остаются. Виленскіе жиды, возненавидѣвшіе насъ изъ боязни рекрутчины, упреждаютъ работу казаковъ. Это отродье топчетъ и добиваетъ каблуками побѣдителей Европы. Когда въ городъ вошли русскіе, имъ пришлось сжечь двадцать пять тысячъ труповъ, сваленныхъ въ этомъ мѣстѣ ужасовъ и заразы, худшемъ, чѣмъ адъ при Березинѣ. По ту сторону Вильны ледяная гора останавливаетъ остатки французской колонны. Артиллеріи не удается подняться на скользкую гору; послѣ тщетныхъ усилій взобраться на нее, войска вынуждены отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Приходится бросить послѣднія пушки, сломать и отдать послѣднія повозки. Содержимое фургоновъ выкидывается и разбрасывается по дорогѣ. Бѣглецы и казаки расхищаютъ

всевозможныя сокровища арміи. Однако, небольшое количество пѣхоты перевалило черезъ гору, и идетъ дальше, еле волоча ноги. Около Ковно маршалы возвращаются къ своему старому ремеслу. Ней опять превращается въ солдата, беретъ въ руки ружье и разстрѣливаетъ послѣдніе патроны; но ничто не въ силахъ предотвратить окончательной гибели арміи. Все кончено Триста тридцать тысячъ человѣкъ полегло костьми или взяты въ плѣнъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ въ одиночку или небольшими группами, безъ ружей, безъ мундировъ, одѣтые въ странныя, вызывающія смѣхъ и жалость, отрепья, перешли по льду черезъ Нѣманъ. Все свершилось въ теченіе какихъ-нибудь шести недѣль; но эти недѣли тянулись такъ долго, были такъ жестоки, какъ будто это была цѣлая вѣчность страданій. Бертье написалъ императору: «Нѣтъ больше арміи» [1]). Онъ ошибался и въ другомъ письмѣ противорѣчилъ самому себѣ. Онъ пишетъ, что около все еще высоко поднятыхъ орловъ жмутся небольшія группы офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которыхъ уравняло несчастье. Преодолѣвая страданія и природу, оставляя за собой на снѣговой равнинѣ блестящій слѣдъ героизма, они отступали до конца, и, среди полнаго развала того, что составляло нашу матеріальную силу, сберегли душу великой арміи.

Около этихъ безсмертныхъ остатковъ Наполеонъ создалъ новую армію, и пошелъ во-главѣ ея на непріятеля, который между тѣмъ вторгся въ Германію и вызвалъ возстаніе въ Пруссіи. Императоръ одержалъ побѣду при Люценѣ, затѣмъ при Бауценѣ. За этими обезсилившими его успѣхами послѣдовало дипломатическое сраженіе въ Дрезденѣ и Прагѣ, гдѣ союзники завели разговоръ о мирѣ, не имѣя намѣренія заключить его; гдѣ Меттернихъ взялъ на себя задачу разсѣять сомнѣнія своего государя и убѣдить его въ неискренности императора; гдѣ императоръ призналъ законныя требованія своихъ враговъ, но отказался сдѣлать во́-время уступки, которыя затрагивали только его гордость. Онъ призналъ, что споръ между нимъ и Александромъ рѣшенъ военнымъ счастьемъ; согласился уплатить царю ставку борьбы и предложилъ ему уступки, но не хотѣлъ дать таковыхъ ни измѣнившей ему Пруссіи, ни спекулировавшей на его несчастьѣ Австріи. Онъ съ безразсуднымъ упорствомъ предавался слѣпой

---

[1]) Archives nationales, AF, VI, 1643.

надеждѣ разъединить своихъ враговъ, примириться съ Александромъ, быть можетъ, снова завладѣть имъ и запугать Австрію. Когда событія вывели его изъ заблужденія, когда онъ готовъ былъ пойти на всѣ уступки—было уже слишкомъ поздно. Къ этому времени вся Европа объединилась и съ бѣшенствомъ поднялась на него. Сперва она терпѣла отъ него пораженія, но зато била его полководцевъ, затѣмъ мало-по-малу начала тѣснить и его самого; замкнула его въ тѣсный кругъ и, наконецъ, задавила численнымъ превосходствомъ.

Александръ довелъ свою месть до конца. Онъ съ яростью кинулся на поверженнаго колосса, который еще такъ недавно касался головою неба. По взятіи Москвы, онъ, будто бы, сказалъ слѣдующія слова: «Отнынѣ нѣтъ мира съ Наполеономъ. Мы не можемъ царствовать вмѣстѣ; онъ или я, я или онъ» [1]). Онъ сдержалъ свое слово. Называя себя при всякомъ удобномъ случаѣ другомъ человѣчества и цивилизаціи, онъ проникся мыслью, что, утоляя свое злопамятство, онъ служитъ тому и другому. До него не было монарха, который бы велъ войну съ такимъ увлеченіемъ и съ такой ненавистью. Послѣ переговоровъ въ Прагѣ, онъ самъ ѣдетъ на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ, заклинаетъ Франца отклонить запоздалыя уступки Наполеона и порвать съ нимъ всякія сношенія; онъ вырываетъ у него согласіе подписать конвенцію и втягиваетъ его въ общую свалку. Послѣ Лейпцига, когда побѣдоносная Европа хлынула на Францію и перешла наши границы, онъ является олицетвореніемъ самой жестокой истребительной политики противъ Наполеона; онъ вноситъ въ нее духъ искорененія. На конгрессѣ въ Шатильонѣ онъ не довольствуется униженіемъ императора и оттѣсненіемъ Франціи въ прежнія границы. По прошествіи шести дней онъ приказываетъ прекратить переговоры, и если и соглашается возобновить призрачные дебаты, то только потому, что пораженія у Шампобера и Монмираля смутили его союзниковъ и заставили ихъ усумниться въ своемъ счастьѣ [2]). При первой же возможности онъ внушаетъ имъ вѣру въ свои силы. Онъ становится душой, энергіей, отвагой коалиціи. Въ его поступкахъ, словахъ постоянно проглядываетъ стремленіе не вести больше перего-

---

[1]) Tatistchef, 612.

[2]) Henry Houssaye, 1814, 86—110.

воровъ съ Наполеономъ, а свергнуть его съ престола, и, уже отнявши у него Европу, отнять и Францію. Но главное его желаніе отомстить за Москву въ Парижѣ. Онъ, въ свою очередь, хочетъ войти въ столицу врага—показаться тамъ въ ореолѣ своей славы и великодушія. Его месть будетъ состоять въ томъ, что, завоевавъ Парижъ, онъ помилуетъ его [1]). Въ критическій моментъ кампаніи, онъ настоялъ на прямомъ ударѣ — на походѣ на гордый и чарующій городъ, который Европа столь же ненавидѣла, какъ и Наполеона, который проклинала и къ которому все-таки стремилась всей душой.

Наконецъ, Парижъ занятъ; императоръ низложенъ. Тогда Александръ обрѣлъ въ себѣ прежнія чувства умѣренности и человѣколюбія. Его политическій инстинктъ, не затемненный уже чувствомъ ненависти, внушилъ ему, что Франція нужна Европѣ и, въ особенности, Россіи. Онъ взялъ на себя задачу успокоить и утѣшить ее. Въ 1815 г. онъ избавилъ Францію отъ черезчуръ жестокихъ увѣчій, отъ слишкомъ большого расчлененія, и оказалъ намъ эту великую услугу съ тѣмъ скромнымъ тактомъ, который еще больше увеличиваетъ цѣну этой услуги. Будемъ же ему благодарны за то, что онъ не возложилъ на Францію отвѣтственность за свою борьбу съ Наполеономъ, за поединокъ на-смерть, къ которому привелъ ихъ союзъ.

Послѣ этихъ сценъ прошло восемьдесятъ лѣтъ. Мы думаемъ, что теперь настало время отнестись безпристрастно и вывести изъ нихъ поученіе. Намъ кажется, что выводъ, который мы сдѣлали въ предисловіи къ нашему труду, ярко выступаетъ изъ тѣхъ событій, которыя мы прослѣдили и которыя долго и тщательно изучали. Мы сказали, что союзъ несъ въ самомъ себѣ зародышъ смерти, начало своего разрушенія, ибо это былъ союзъ ради войны и завоеваній. Онъ преслѣдовалъ цѣли расхищенія и поглощенія другихъ государствъ, а договоры, направленные къ такой цѣли, никогда не заключаются безъ обоюдной задней мысли, безъ взаимнаго недовѣрія, изъ которыхъ неизбѣжно рождаются соперничество и ненависть. Дѣйствительно, въ Тильзитѣ мы были свидѣтелями, какъ Наполеонъ пробудилъ и подстрекнулъ въ Александрѣ честолюбивыя стремленія къ территоріальнымъ захватамъ, но при этомъ далъ себѣ слово удовлетворять его

---

[1]) I d., 88.

стремлен въ строго-разсчитанныхъ дозахъ. Про себя же онъ думалъ, что, обезпечивъ себя со стороны Россіи, онъ можетъ безпрепятственно пуститься во всевозможныя предпріятія; что онъ можетъ перевернуть вверхъ дномъ весь міръ, захватывать непокорныя государства, гнуть ихъ въ бараній рогъ и подчинять своей политической системѣ. Неизвѣстно, было ли говорено во время свиданія на Нѣманѣ объ Испаніи. Вѣроятно, что нападеніе на нее—первоисточникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій—признавалось въ тильзитскомъ договорѣ. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ увеличивалъ и расширялъ свои захваты, онъ сознавалъ необходимость удовлетворить алчность своего союзника и вмѣсто неограниченныхъ и смутныхъ надеждъ дать ему нѣчто болѣе существенное. За Испанію онъ заплатилъ русскимъ Финляндіей; позднѣе, чтобы предохранить себя отъ послѣдствій испанской войны, онъ предоставилъ царю княжества; за кусокъ Востока онъ купилъ обѣщаніе содѣйствія на случай возмущенія Австріи. Но Александръ уже потерялъ къ нему довѣріе; въ свою очередь, и онъ захотѣлъ получать, ничего не давая самъ. Онъ подписалъ эрфуртскій договоръ, но не выполнилъ его условій. Не отказываясь брать за счетъ Турціи, онъ оказалъ намъ противъ Австріи только фиктивную помощь, и кампанія 1809 г., наступившая, правда, по ошибкѣ императора, но противъ его воли, привела къ новымъ раздѣламъ; въ результатѣ недовѣріе возросло до крайнихъ предѣловъ, сдѣлалось непримиримымъ. Получивъ отъ Александра недоброкачественную помощь, Наполеонъ вынужденъ былъ позаботиться о своей безопасности и принять противъ царя нѣкоторыя мѣры предосторожности, вслѣдствіе чего онъ несоразмѣрно распредѣлилъ доли и вознаградилъ преданность поляковъ въ ущербъ Россіи. Въ этотъ день союзу былъ нанесенъ смертельный ударъ. Наполеонъ сдѣлалъ нѣкоторыя усилія вернуть союзъ къ жизни; Александръ приложилъ старанія избѣгнуть войны; но ихъ попытки могли кончиться только неудачей. Ихъ вина была не въ томъ, что они объявили другъ другу войну, а въ томъ, что поставили себя въ такое положеніе, при которомъ неминуемо должна была вспыхнуть между ними война. Съ того момента, какъ они захотѣли раздѣлить между собою власть, они осуждены были оспаривать ее другъ у друга, и результатами борьбы, роковой для Наполеона и Франціи, были: спасеніе Англіи, усиленіе ея мощи и возвы-

шеніе Пруссіи, т. е. подготовка для Россіи грозныхъ соперниковъ, тогда какъ осуществленіе естественныхъ задачъ ея политики не подвинулось впередъ ни на шагъ.

Въ слѣдующія полстолѣтія Франція и Россія дѣлали попытки къ сближенію; но онѣ или прерывались, или отходили на задній планъ. Неоднократно Франція и Россія объяснялись въ любви, и думали, что поняли другъ друга. Испытанныя разочарованія не разрушили добрыхъ стремленій; они только лучше доказали, какъ велика та сила сродства, которая влекла оба государства одно къ другому. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы наглядно, всенародно и неопровержимо выступила параллельность ихъ интересовъ, чтобы чувство солидарности глубоко вкоренилось въ національное сознаніе обѣихъ сторонъ, чтобы оно сказалось сердечнымъ порывомъ и замѣнило существовавшій въ 1807 и 1808 гг. непрочный союзъ императоровъ союзомъ народовъ, нужно было, чтобы вліяніе французской революціи дало въ Европѣ свои конечные результаты, чтобы Франція и Россія жестоко поплатились, хотя далеко не въ одинаковой степени, за свои ошибки. Вмѣстѣ съ тѣмъ предъ правительствами обѣихъ странъ впервые обрисовались истинныя, разумныя условія союза. Нѣтъ сомнѣнія, они поняли, что внѣ полноты взаимно-сдерживающихъ обязательствъ, все будетъ несбыточнымъ и опаснымъ. Въ заключенномъ такимъ образомъ союзѣ не поддающійся сердечнымъ порывамъ, сохраняющій, невзирая на выкрики толпы, хладнокровіе наблюдатель усматриваетъ для Франціи и Россіи и величайшее счастье, и жертву съ ихъ стороны; онъ видитъ въ немъ съ одной стороны счастливую гарантію ихъ безопасности и достоинства; съ другой — отсрочку традиціонныхъ и нерушимыхъ стремленій и надеждъ, принесенныхъ сообща въ жертву миру и человѣчеству. Заложенный и закрѣпленный на этихъ основахъ союзъ могъ бы взять за девизъ слѣдующія гордыя слова: «Я сохраню то, что есть». Возстановивъ равновѣсіе въ Европѣ, теперь менѣе сложное, онъ существуетъ для сохраненія его. Онъ поддерживаетъ существующій строй, ничуть не заблуждаясь насчетъ его несовершенствъ и опасностей; онъ поддерживаетъ, какъ сохраненныя, такъ и захваченныя позиціи; онъ даже поддерживаетъ содѣянныя въ прошломъ несправедливости, дабы предупредить болѣе крупныя въ будущемъ. Созданный въ цѣляхъ обороны и охраны, онъ можетъ проявить—и будетъ проявлять свою дѣятельность только въ

видахъ обузданія честолюбивыхъ замысловъ, нарушающихъ существующій укладъ, въ видахъ поддержанія равновѣсія силъ. На мѣсто завоевательныхъ стремленій союза временъ первой имперіи онъ поставитъ справедливое раздѣленіе вліяній. Этимъ ограничиваются его задачи, въ этомъ его величіе и право на существованіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА НАПОЛЕОНА I-ГО СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ КОЛЕНКУРОМЪ, ГЕРЦОГОМЪ ВИЧЕНЦЫ (1808—1809).

Въ первомъ томѣ мы указали, что въ напечатанной *Корреспонденціи* и въ хранящихся въ національныхъ архивахъ рукописяхъ недостаетъ писемъ, написанныхъ Наполеономъ генералу Коленкуру, герцогу Виченцы, въ бытность Коленкура посломъ въ Россіи. Мы добавили, что пространные отвѣты посланника дали намъ возможность возстановить, если не самый текстъ, то смыслъ этихъ инструкцій. Послѣ того эти письма были найдены въ видѣ копій—безусловно подлинныхъ—въ бумагахъ, оставленныхъ графомъ де Ла-Ферроней, французскимъ посланникомъ въ Россіи во времена реставраціи. Маркизъ Шабрилланъ, владѣлецъ этихъ бумагъ, и маркизъ Коста-де-Борегаръ, который пользовался ими, любезно разрѣшили намъ опубликовать эту цѣнную серію писемъ. Эти письма являются естественнымъ дополненіемъ нашего труда и заполняютъ самый важный изъ пробѣловъ, указанныхъ въ перепискѣ Наполеона въ томъ видѣ, какъ она была опубликована во время второй имперіи [1]).

Парижъ, 2 февраля 1808 г. [2]).

Генералъ Коленкуръ, я получилъ ваши письма. Послѣднее, на которое я теперь отвѣчаю—отъ 13 января. При семъ вы найдете письмо къ императору Александру. Я не сомнѣваюсь, что графъ Толстой пишетъ много глупостей. Въ моемъ присутствіи это человѣкъ холодный и сдержанный, но у него, какъ у большинства военныхъ, привычка много говорить о военныхъ предметахъ, что составляетъ плохую тему для разговоровъ. Нѣсколько дней тому назадъ, на охотѣ въ Сенъ-Жерменъ, онъ ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ маршаломъ Неемъ, при чемъ они обмѣнялись рѣзкими словами и даже вызвали другъ друга на дуэль. Было замѣчено, что, во время этого разговора, у Толстого сорвалось съ языка три мысли. Во-первыхъ, что въ

---

[1]) О безусловной подлинности переданныхъ намъ копій см. изслѣдованіе, опубликованное нами въ Revue bleue, 30 mars 1895.

[2]) Относительно всѣхъ событій или инцидентовъ, на которые намекается въ письмахъ, см. I-ый томъ и первыя три главы II-го тома.

скоромъ времени у насъ будетъ война; во-вторыхъ, что императоръ Александръ слишкомъ слабъ, и что, если бы Толстой былъ хотя бы пятнадцать дней императоромъ, дѣла приняли бы иное направленіе; въ-третьихъ, если бы пришлось подѣлить Европу, то слѣдовало бы, чтобы справа Россія примыкала къ Эльбѣ, слѣва—къ Венеціи. Можете себѣ представить, что могъ отвѣтить на это маршалъ Ней, который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что дѣлается, и столько же знаетъ о моихъ планахъ, сколько послѣдній барабанщикъ арміи. Что же касается войны, то онъ сказалъ Толстому, что будетъ въ восторгѣ, если она скоро начнется; что русскіе всегда были биты; что въ Парижѣ онъ скучаетъ безъ дѣла; а что касается заявленія, чтобы справа Россія примыкала къ Эльбѣ, а слѣва къ Венеціи, то съ этимъ мы далеко не согласны; что, наоборотъ, по его мнѣнію слѣдуетъ отбросить Россію за Днѣстръ. Принцы Боргезе и Саксенъ-Кобургскій были въ томъ же экипажѣ. Можете судить о впечатлѣніи, какое могутъ произвести такіе смѣхотворные споры. Толстой говорилъ то же самое Савари и другимъ лицамъ. Онъ сказалъ Савари: „Вы потеряли голову въ Петербургѣ; нужно думать не о степяхъ Молдавіи и Валахіи, а о Пруссіи“. Савари отвѣтилъ ему то, что и долженъ былъ отвѣтить. Я дѣлаю видъ, что ничего объ этомъ не знаю. Я очень хорошо обхожусь съ Толстымъ, но не говорю съ нимъ о дѣлахъ; онъ ничего въ нихъ не смыслитъ и негоденъ для нихъ. Однимъ словомъ, Толстой—дивизіонный генералъ, который никогда не стоялъ близко къ управленію дѣлами и который критикуетъ все вкривь и вкось. По его мнѣнію, императоръ плохо руководилъ военными дѣлами: нужно было сдѣлать то, нужно было сдѣлать это, и т. д., и т. д. Но когда ему говорятъ: „Скажите министры“, онъ отвѣчаетъ, что министры никогда ни въ чемъ не виноваты, такъ какъ императоръ набираетъ ихъ, откуда хочетъ; что его дѣло сдѣлать удачный выборъ. Не дѣлайте никакого употребленія изъ этихъ подробностей. Это можетъ встревожить петербургскій дворъ и можетъ произвести только дурное впечатлѣніе. Я не хочу навлекать неудовольствія на этого простодушнаго маршала (*sic*) Толстого, который, какъ видно, очень преданъ своему государю. Я хотѣлъ сообщить вамъ все это только для вашего руководства; но дѣло въ томъ, что у Россіи плохіе слуги. Толстой не годится для своего дѣла, котораго не знаетъ и не любитъ. Но, какъ видно, онъ лично преданъ императору, чего далеко нельзя сказать о молодыхъ людяхъ посольства; впрочемъ, обо мнѣ, даже по секрету, они говорятъ въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ. Единственно, что непріятно поражаетъ нашу страну, это манера, съ какой они говорятъ о своемъ правительствѣ и своемъ государѣ.

Тотчасъ же по полученіи вашего письма отъ 13-го, я отправилъ адъютанта въ Копенгагенъ съ приказаніемъ Бернадоту переправить въ Сканію 14,000 французовъ и голландцевъ. Съ своей стороны Дрейеръ написалъ объ этомъ своему двору; ему очень нравится эта мысль.

Непремѣнно скажите императору, что я хочу всего, чего онъ хочетъ; что моя система неразрывно связана съ его системой; что между нами не можетъ произойти столкновенія, ибо міръ достаточно великъ для насъ обоихъ; что я не тороплю его съ эвакуаціей Молдавіи и Валахіи, пусть и онъ не торопитъ меня съ эвакуаціей Пруссіи; что извѣстіе объ эвакуаціи Пруссіи

вызвало большую радость въ Лондонѣ, что служитъ доказательствомъ, что она можетъ послужить намъ только во вредъ [1]).

Скажите Румянцеву и императору, что я не далекъ отъ мысли о походѣ въ Индію, о раздѣлѣ Оттоманской имперіи и объ отправкѣ на сей предметъ арміи отъ 20 до 25,000 русскихъ, отъ 8—10,000 австрійцевъ и отъ 35—40,000 французовъ въ Азію, а оттуда въ Индію; что ничего нѣтъ легче этой операціи; что не подлежитъ сомнѣнію, что, прежде чѣмъ эта армія придетъ на Евфратъ, Англія уже будетъ объята ужасомъ; что я знаю, что, для достиженія этого результата, нужно учинить раздѣлъ Турецкой имперіи; но это дѣло требуетъ, чтобы я повидался предварительно съ императоромъ; что я не могу откровенно говорить объ этомъ съ Толстымъ, у котораго нѣтъ полномочій отъ своего двора и который, видимо, не сторонникъ этого плана. Поговорите откровенно по этому поводу съ Румянцевымъ; изучите съ нимъ карту, представьте мнѣ данныя для сужденія, и ваши и его мысли. Свиданіе съ императоромъ тотчасъ же разрѣшило бы вопросъ; но, если свиданіе не можетъ состояться, необходимо, чтобы Румянцевъ, изложивъ ваши общія мысли, прислалъ мнѣ человѣка—сторонника этого плана, съ которымъ бы я могъ сговориться; съ Толстымъ говорить объ этихъ дѣлахъ невозможно.— Что же касается Швеціи, то я ничего не имѣю противъ того, чтобы императоръ Александръ завладѣлъ ею, даже Стокгольмомъ. Слѣдуетъ даже побудить его сдѣлать это съ цѣлью вернуть Даніи флотъ и колоніи. У Россіи никогда не будетъ подобнаго случая поставить Петербургъ въ центръ и отдѣлаться отъ этого географическаго врага. Дайте понять Румянцеву, что, говоря такимъ образомъ, я не воодушевляюсь робкой политикой, а единственно желаніемъ—путемъ усиленія обоихъ государствъ дать миръ вселенной; что, безъ сомнѣнія, русская нація нуждается въ поступательномъ движеніи; что я ни отъ чего не отказываюсь, но нужно обо всемъ сговориться. Я произвелъ рекрутскій наборъ, потому что мнѣ вездѣ нужно быть сильнымъ. Я приказалъ увеличить мою армію въ Далмаціи до 40,000 человѣкъ; чтобы довести армію въ Корфу до 15,000 человѣкъ, полки уже въ пути. Все это, вмѣстѣ съ усиленіемъ тѣхъ войскъ, которыя у меня въ Португаліи, вынудило меня набрать новую армію; что я съ удовольствіемъ буду смотрѣть на расширеніе предѣловъ Россіи и на рекрутскіе наборы, которые она будетъ производить; что я ни въ чемъ не завидую ей; что я буду помогать Россіи всѣми моими средствами. Если императоръ Александръ можетъ пріѣхать въ Парижъ, онъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Если онъ можетъ сдѣлать только полпути, поставьте циркуль на карту и отмѣтьте середину между Петербургомъ и Парижемъ. Чтобы взять на себя это обязательство, вамъ нѣтъ надобности ждать отвѣта. Я навѣрное прибуду въ срокъ къ мѣсту свиданія. Если свиданіе никоимъ образомъ не можетъ состояться, тогда Румянцевъ и вы изложите письменно ваши мысли, предварительно хорошенько взвѣсивъ ихъ; пусть пришлютъ мнѣ человѣка, который бы держался взглядовъ Румянцева. Укажите ему (Румянцеву), какъ поступаетъ

---

[1]) Этотъ и слѣдующій параграфы, которые были сообщены въ копіяхъ петербургскому кабинету и хранятся въ его архивахъ, были опубликованы Татищевымъ, Alexandre I-er et Napoléon, 309—311.

Англія, какъ она, безъ стѣсненія, забираетъ все. Португалія—ея союзникъ: она отбираетъ у нея Мадеру. Только путемъ энергичныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій можемъ мы довести до наивысшаго предѣла величіе нашихъ имперій; только такимъ путемъ Россія можетъ осчастливить своихъ подданныхъ и положить основу благосостоянію своего народа. Это главное. Что за дѣло до остального?

Императору плохо служатъ здѣсь. Два русскихъ корабля, которые стоятъ уже четыре мѣсяца въ Порто-Феррайо, не хотятъ выйти изъ этой дрянной гавани, гдѣ они гибнутъ, а между тѣмъ они могли бы идти въ Тулонъ, гдѣ у нихъ всего будетъ въ волю. Русскіе корабли, которые въ Тріестѣ, могли бы принести пользу общему дѣлу, а тамъ они безполезны, и я не ручаюсь, что, если англичане осадятъ Лиссабонъ, Сенявинъ не посодѣйствуетъ его защитѣ и кончитъ тѣмъ, что попадетъ въ плѣнъ. Необходимо, чтобы министерство дало опредѣленныя приказанія этимъ эскадрамъ и сказало имъ, на мирномъ или на военномъ онѣ положеніи. Это *mezzo termine* ни къ чему не ведетъ и недостойно великой державы. За симъ, молю Бога, и т. д.

P. S.—*Moniteur* познакомитъ васъ съ послѣдними извѣстіями изъ Англіи, если вы ихъ еще не знаете.

Парижъ, 6 февраля.

Генералъ Коленкуръ, 2 февраля я послалъ вамъ письмо съ господиномъ Арбергомъ. 5-го была охота въ Сенъ-Жерменъ; я приказалъ пригласить на нее Толстого и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ говорилъ мнѣ о замѣткахъ въ *Moniteur*'ѣ, высказалъ опасеніе, что мы не эвакуируемъ Пруссіи и далъ мнѣ замѣтить странныя вещи. Датскій посланникъ Дрейеръ, который часто бесѣдуетъ съ нимъ, написалъ въ этомъ духѣ своему двору. У этого человѣка превратныя понятія о могуществѣ Англіи; онъ утверждаетъ, что ни въ Финляндіи, ни въ Сканіи ничего сдѣлать нельзя. Если бы это и было такъ, зачѣмъ говорить это. Я нашелъ въ его разговорѣ прямоту, но мало идей и одну только мысль: страхъ передъ Франціей. Я обратилъ его вниманіе на то, что всѣ выходки его посольства ведутъ къ тому, чтобы уронить довѣріе къ императору Александру и внести тревогу въ страну; что относительно эвакуаціи Пруссіи мы не заключали съ императоромъ условій *sine qua non;* что необходимо считаться съ обстоятельствами; что дѣла съ Австріей были окончены только пятнадцать дней тому назадъ, когда были выведены войска изъ Браунау; что тильзитскимъ договоромъ не установлено время эвакуаціи Пруссіи, равно какъ и время эвакуаціи Молдавіи и Валахіи; что моя главная цѣль—идти вмѣстѣ съ Россіей; что не слѣдуетъ бояться Франціи и не довѣрять ея намѣреніямъ.

Парижъ, 17 февраля.

Генералъ Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо отъ 29 января. Шампаньи представилъ мнѣ ваши депеши. Вы найдете при семъ перехваченное письмо г. Дрейера, которое познакомитъ васъ съ дурнымъ направленіемъ Толстого. По полученіи вашихъ писемъ, я написалъ, какъ говорилъ вамъ, Бернадоту, чтобы онъ переправилъ 12,000 человѣкъ въ Сканію, и вотъ Толстой сталъ поперекъ дороги и причинилъ безпокойство Дрейеру. Обратите вниманіе, что письмо Дрейера отъ 12-го; а это доказываетъ, что разговоръ съ Толстымъ

былъ у него 12-го, а, между тѣмъ, мой разговоръ съ Толстымъ въ Сенъ-Жерменѣ происходилъ 5-го; послѣ этого разговора онъ написалъ письмо, и, повидимому, этотъ разговоръ долженъ былъ разсѣять его опасенія. Вы воспользуетесь письмомъ Дрейера постольку, поскольку найдете это удобнымъ. Толстой мало расположенъ къ Румянцеву. Если его не отзовутъ, что очень важно, то пусть императоръ напишетъ ему или прикажетъ написать. Надѣюсь въ скоромъ времени получить отъ васъ письмо, такъ какъ мой курьеръ долженъ былъ пріѣхать къ вамъ нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда вашего. Очень желаю знать, что думаютъ объ отвѣтѣ въ *Moniteur*'ѣ на англійскую декларацію. Не слѣдуетъ безпокоиться о русской эскадрѣ; но необходимо, чтобы извѣстили ее, на мирномъ она положеніи или на военномъ. Моя тулонская эскадра, состоящая изъ 9 кораблей, ушла 10 февраля, чтобы снабдить провіантомъ Корфу, отвезти туда необходимые боевые запасы и другіе предметы и затѣмъ очистить отъ пиратовъ Средиземное море. Мои брестская и лоріентская эскадры также ушли, чтобы гоняться за англичанами и присоединиться въ указанномъ мѣстѣ къ тулонской эскадрѣ. Но оба русскіе корабля, которые стоятъ у острова Эльбы, не хотятъ придти въ Тулонъ. Если бы они получили приказанія, это принесло бы пользу общему дѣлу, а имъ было бы выгодно пріобрѣсти опытъ въ морскомъ дѣлѣ. Равнымъ образомъ я приказалъ бы взять эскадру, которая въ Тріестѣ, и ввести ее въ одну изъ моихъ гаваней, если бы она получила на то приказанія; но ни одна эскадра не получаетъ опредѣленныхъ предписаній, а здѣшній посланникъ не даетъ имъ надлежащихъ указаній. Не знаю, отъ чего это зависитъ; указываю только на фактъ. Послѣ вашей депеши отъ 29 января, я написалъ два письма императору. Я еще не получилъ его письма, о которомъ вы мнѣ сообщаете и которое мнѣ, вѣроятно, передастъ графъ Толстой завтра. Что же касается дѣлъ съ Испаніей, я ничего не скажу вамъ о нихъ; но вы должны понять, что мнѣ необходимо заставить дѣйствовать государство, которое не приноситъ никакой пользы общему дѣлу. Мои войска вошли въ Римъ; безполезно говорить объ этомъ; но, если съ вами заговорятъ, скажите, что, такъ какъ папа религіозный глава моей страны, то мнѣ подобаетъ упрочить за собой духовную власть;—тутъ дѣло идетъ не о территоріальномъ расширеніи, а о мѣрахъ предосторожности.

P. S.—18 февраля.—Я только-что видѣлъ Толстого, который вручилъ мнѣ письмо императора. Я много говорилъ съ нимъ. Думаю, что, если ему окажутъ довѣріе и будутъ хорошо руководить изъ Петербурга, тогда безразлично, кто здѣсь будетъ посланникомъ, онъ или другой. Въ моихъ предыдущихъ письмахъ я въ достаточной мѣрѣ обрисовалъ его, теперь обрисую его окончательно въ двухъ словахъ: это дивизіонный генералъ, который не сознаетъ, что не слѣдуетъ говорить того, что онъ говоритъ; онъ немного въ разладѣ съ направленіемъ двора, но все-таки преданъ императору.—Принцъ Понте-Корво пишетъ мнѣ отъ 11-го, что ему предстоитъ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ въ Килѣ и что онъ немедленно выступаетъ въ походъ. Вы понимаете, что я не могу пройти черезъ островъ Рюгенъ, ибо тамъ у меня нѣтъ кораблей, чтобы защитить путь; но, сегодня, я пишу, чтобы войска были посажены на суда, чтобы и съ этой стороны угрожать шведскому королю.—О переговорахъ съ Англіей нѣтъ и рѣчи; но всѣ идущіе оттуда

слухи доказываютъ, что желаютъ всеобщаго мира и сознаютъ безуміе теперешней борьбы. Впрочемъ, скажите императору, что переговоры не будутъ ни приняты, ни начаты прежде, чѣмъ я не сговорюсь съ нимъ. Думаю, что онъ во всякомъ случаѣ получитъ Финляндію, что будетъ для него выгодно, ибо тогда красавицы Петербурга не будутъ слышать пушечныхъ выстрѣловъ.

Парижъ, 6 марта 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, Шампаньи не такъ давно отправилъ къ вамъ курьера, съ которымъ я не писалъ вамъ, ибо мнѣ нечего было сказать вамъ. Я получилъ ваши письма отъ 26 февраля. Подожду отвѣта императора и вашего курьера, и тогда напишу вамъ. Принцъ Понте-Корво вступилъ въ Гольштейнъ 3 марта. Думаю, что теперь онъ уже на берегахъ Балтійскаго моря. Съ нимъ болѣе 20,000 человѣкъ, что съ 10,000 человѣкъ, которыхъ могутъ дать ему датчане, составитъ корпусъ въ 30,000 человѣкъ. Если погода будетъ благопріятна, онъ скоро будетъ въ Швеціи, и желаемая императоромъ диверсія скоро состоится.—Королева Каролина имѣла дерзость объявить войну Россіи: она захватила стоявшій въ палермской гавани русскій фрегатъ и подняла на немъ флагъ Сициліи. Посланникъ и консулъ Россіи со свитой, приблизительно въ шестьдесятъ человѣкъ высадились въ Чивита-Веккіи и находятся теперь въ Римѣ.—Герцогъ Мондрагонъ уѣхалъ.—Полагаю, что мое послѣднее письмо разсѣяло безпокойство насчетъ набора лошадей и рекрутовъ. Если остались еще нѣкоторыя облачки, вы можете добавить, что вся моя гвардія вернулась; что тридцать полковъ отозваны во Францію; что нѣсколько тысячъ человѣкъ, признанныхъ инвалидами или хромыми, оставили армію и не были замѣщены; что всѣ вспомогательныя войска, приблизительно сто тысячъ человѣкъ, распущены по домамъ; что большой корпусъ подъ командой принца Понте-Корво идетъ въ Швецію, и что, въ дѣйствительности, великая армія уменьшена болѣе чѣмъ на половину своего прежняго состава.—Вамъ, конечно, не будутъ говорить о дѣлахъ въ Испаніи; но, въ случаѣ, если съ вами заговорятъ о нихъ, вы можете сказать, что царящая при дворѣ и въ управленіи анархія вынуждаетъ меня вмѣшаться въ ея дѣла; что уже три мѣсяца ходятъ слухи, что я отправлюсь туда; однако, это не должно помѣшать нашему свиданію. Вы знаете, что во Франціи я въ два-три дня проѣзжаю двѣсти льё. Слѣдовательно, это ни въ какомъ отношеніи не можетъ задержать дѣлъ.—Шампаньи посылаетъ вамъ ноту, которая была отослана Себастіани; вы можете показать ее въ министерствѣ. Я сдѣлалъ запросъ Портѣ, какъ поступитъ она, если ей не будутъ возвращены Валахія и Молдавія и какія въ ея распоряженіи средства заставить эвакуировать ихъ. Она отвѣтила, что начнетъ войну, и представила огромный списокъ своихъ средствъ.—Не забудьте, что прусскій посланникъ все еще въ Лондонѣ; и хотя и говорятъ, что ему приказано вернуться, онъ не возвращается. Ничто не можетъ сравниться съ глупостью и недобросовѣстностью мемельскаго двора.—Алопеусъ старается убѣдить меня, что англичане желаютъ мира. Шампаньи посылаетъ вамъ копію письма, которое онъ хочетъ написать [1]). За симъ, молю Бога и т. д.

---

[1]) Объ этомъ поползновеніи начать переговоры съ Англіей см. недавно вышедшій томъ Мартенса, *Traités de la Russie*, XI, 150—51.

Сенъ-Клу, 31 марта 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, Сенъ-Аньянъ пріѣхалъ въ два часа пополудни; теперь шесть. Дѣла въ Испаніи давно требуютъ моего присутствія. Я отказывался отъ этой поѣздки изъ опасенія, что данное вамъ полномочіе условиться о днѣ свиданія заставило императора уже уѣхать. Изъ присланныхъ вами многочисленныхъ депешъ вижу, что свиданіе отложено. Разъ это такъ, я послѣ обѣда уѣзжаю въ Бордо, чтобы быть въ центрѣ дѣлъ. Вотъ ваше руководство для дѣлъ въ Испаніи. Приложенный при семъ *Moniteur* познакомитъ васъ съ опубликованными въ Мадридѣ актами. Но извѣстія, которыя я получилъ сегодня утромъ съ курьеромъ, мѣняютъ положеніе вещей. Король Карлъ протестовалъ, и заявилъ, что его сынъ заставилъ его подписать отреченіе отъ престола; если бы онъ не подписалъ, грозили ночью убить королеву. 23-го, моя армія вступила въ Мадридъ, гдѣ ей былъ оказанъ великолѣпный пріемъ. Мои войска размѣщены въ городскихъ казармахъ и расположились лагеремъ на высотахъ. Я не призналъ принца Астурійскаго и, быть можетъ, и не признаю его, но я еще не увѣренъ въ этомъ. Несчастный король бросается въ мои объятія, и говоритъ, что его хотятъ убить. Былъ вызванъ бунтъ съ цѣлью убить принца Мира. Къ счастью, мои войска пришли во-время и спасли его; принцъ еще живъ. Великій герцогъ Бергскій прибылъ въ Мадридъ четыре часа спустя послѣ войскъ. Церемоніалъ помѣшалъ ему имѣть свиданіе съ новымъ королемъ, такъ какъ онъ не зналъ, признаю ли я его. Письма короля Карла вызываютъ слезы. Сообщаю это для васъ лично: храните это въ тайнѣ. Вы можете намекнуть объ этомъ императору и испанскому посланнику,—онъ приверженецъ принца Мира, и будетъ говорить въ вашемъ духѣ. Вы скажете императору, что я откладывалъ поѣздку въ Испанію, чтобы не опоздать на свиданіе, но что я уѣхалъ черезъ два часа по полученіи вашихъ писемъ. На-дняхъ отвѣчу на всѣ ваши депеши. Передавая императору *Moniteur*, вы скажете ему, что я не при чемъ въ дѣлахъ Испаніи; что, когда произошли эти событія, мои войска были въ 40 льё отъ Мадрида; что всѣ ненавидятъ принца Мира и любятъ короля Карла. Равнымъ образомъ вы скажете ему, что короля принудили подписать отреченіе и что вы не будете удивлены, если я приму рѣшеніе возстановить его на тронѣ. Дурные языки въ Петербургѣ скажутъ, что я руководилъ всѣмъ этимъ. За симъ, да хранитъ васъ Богъ.

Байонна, 18 апрѣля 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, въ Байоннѣ я получилъ ваше письмо отъ 24 марта. Вы должны были уже получить мое письмо. Я уѣхалъ непосредственно за прибытіемъ вашего курьера въ Парижъ. Если бы онъ привезъ извѣщеніе, что день свиданія назначенъ, я немедленно же отправился бы на свиданіе. Радуюсь успѣхамъ русскаго императора въ Швеціи. Надѣюсь, что дѣла не задержатъ меня надолго здѣсь. Инфантъ Донъ-Карлосъ здѣсь. Жду бывшаго короля Карла, который очень желаетъ поговорить со мной, а также жду принца Астурійскаго—новаго короля. Дѣла въ Испаніи очень запутываются. Вы скажете императору, что король Карлъ протестуетъ противъ своего отреченія и всецѣло полагается на мою дружбу. Это ставитъ меня въ очень затруднительное положеніе. Скажите это только одному императору. Надѣюсь, однако, вскорѣ освободиться отъ всего этого. Вы вскорѣ получите записку о дѣлахъ въ Константинополѣ. Пока же вы не должны скрывать

отъ Румянцева, что въ этомъ дѣлѣ есть шероховатости, и что, если причиной тому ультиматумъ Россіи, трудно будетъ уладить дѣло; но что я не думаю этого; что я просилъ о свиданіи не изъ простой формальности, а потому, что предвидѣлъ эти затрудненія; *что нужно тридцать курьеровъ, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ; что тридцать курьеровъ по два мѣсяца каждый потребуютъ трехъ лѣтъ, а мы кончили бы все въ тридцати совѣщаніяхъ, по два на день, что заняло бы пятнадцать дней.* Маршалъ Сультъ собралъ всѣ корабли, стоявшіе около острова Рюгена. Принцъ Понте-Корво въ Фіоніи. У него 15,000 французовъ, 15,000 испанцевъ, 15,000 датчанъ. Онъ уже прошелъ бы, если бы Данія такъ долго не виляла съ вопросомъ о разрѣшеніи пройти по ея территоріи. Теперь она находитъ, что онъ недостаточно быстро идетъ; чудесъ не бываетъ. Теперь, быть можетъ, весна помѣшаетъ переходу. Но постараются сдѣлать даже невозможное, и диверсія все-таки будетъ имѣть свое значеніе. Я только-что получилъ манифестъ шведскаго короля. Въ немъ сплошная ложь. Мнѣ не извѣстно, занимались ли политикой, во время попойки, генералъ Гранжанъ, котораго я не знаю, и другіе офицеры. Впрочемъ, не слѣдуетъ придавать значенія болтовнѣ военныхъ и при томъ въ присутствіи неуполномоченныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы это была правда. Мы слишкомъ большіе друзья Даніи, чтобы думать объ отобраніи отъ нея Норвегіи. Что же касается г. Бурьена, все это ложь: онъ отвѣтитъ за это обвиненіе. Такъ какъ онъ служитъ по дипломатической части, то, если это окажется вѣрнымъ, онъ будетъ строго наказанъ. Но какъ сдѣлалъ онъ то, что ему приписываютъ, разъ онъ не видалъ шведскаго посланника въ Гамбургѣ? Нельзя себѣ представить болѣе безумнаго манифеста. Повторите же Румянцеву, что турецкій вопросъ – дѣло весьма запутанное; что желательно свиданіе безъ предварительныхъ условій. Не переставайте настаивать, что это не простая формальность, а средство быстро уладить всѣ вопросы. Я нахожу, что вы говорите недостаточно внушительно и недостаточно защитили мои интересы. Въ ожиданіи будущаго Россія уже обладательница чудной провинціи, каковой результатъ болѣе чѣмъ не отвѣчаетъ ея дѣламъ, но я ничуть не завидую ей въ этомъ.

У меня нѣтъ времени писать больше. Я сильно занятъ здѣсь дѣлами, которыя доставляютъ мнѣ много хлопотъ. Дарю отправитъ вамъ это письмо эстафетой. За симъ, молю Бога, и т. д.

Байонна, 26 апрѣля 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, при семъ найдете письмо Дрейера, изъ котораго вы увидите, что Толстой по-прежнему невозможенъ. Говорю это только для вашего руководства. Французскіе журналы полны глупостей. Что принцъ Мира оставилъ такъ много денегъ, это—неправда: не было найдено ни одного су. Сегодня вечеромъ жду пріѣзда этого несчастнаго человѣка, котораго мои войска вырвали изъ рукъ испанцевъ. Его заперли въ тюрьму, гдѣ жизнь его висѣла на волоскѣ и гдѣ онъ поминутно слышалъ крики населенія, которое хотѣло вздернуть его на фонарь. Когда мнѣ его передали, онъ не брился семь дней и болѣе мѣсяца не мѣнялъ рубашки. У меня здѣсь принцъ Астурійскій, съ которымъ я обхожусь хорошо, но котораго не признаю. Черезъ три дня я жду короля Карла и королеву. Испанскіе гранды пріѣзжаютъ сюда

ежеминутно. Въ Испаніи все спокойно. Всѣ крѣпости въ нашихъ рукахъ Мадридъ, гдѣ находится великій герцогъ Бергскій, занятъ 60,000 человѣкъ. Отецъ обвиняетъ сына, сынъ обвиняетъ отца. Въ Испаніи много партій. Думаю, что развязка близка.—Если съ вами заговорятъ объ экспедиціи въ Сканію, вотъ каково положеніе дѣла: Я могъ начать эту экспедицію только съ 40,000 человѣкъ. У принца Понте-Корво было 15,000 французовъ и 15,000 испанцевъ. Необходимо было, чтобы датчане дали 10,000 человѣкъ. Но я желалъ, и долженъ былъ желать, чтобы эти 40,000 человѣкъ высадились сразу; если бы одна часть высадилась, а другая осталась на другомъ берегу, экспедиція не удалась бы, и пришлось бы отдать войска на избіеніе. Вы понимаете, что я не могъ допустить подобной ошибки. Принцъ Понте-Корво поѣхалъ въ Копенгагенъ, и увидалъ, что средствъ къ переправѣ хватаетъ только на 15,000 человѣкъ; слѣдовательно, нужно было бы совершить три поѣздки. Итакъ, переправу пришлось отложить. Ему приказано было переправить сразу всѣ 40,000 человѣкъ; вотъ суть дѣла. Въ настоящее время датскій король можетъ сосредоточить свои войска въ Зеландіи; у него 25,000 человѣкъ. Я приказалъ принцу Понте-Корво переправить 6,000 человѣкъ. Слѣдовательно, Даніи нечего бояться. Если она боится, ея страхъ не имѣетъ основанія, если только эти люди не изъ картона.

Албанцы только-что убили безъ всякаго повода и причины полкового командира и четырехъ итальянскихъ офицеровъ. Въ Константинополѣ царитъ страшное волненіе. Все налаживается къ тому, чтобы свиданіе, которое по моему разсчету можетъ состояться въ іюлѣ, привело къ доброму результату. Для этого слѣдуетъ, чтобы Россія прсявила поменьше честолюбія. У меня нѣтъ извѣстій изъ Австріи; я вижу, что она то вооружается, то разоружается; мнѣ неизвѣстно, что она дѣлаетъ. Къ вамъ скоро пріѣдетъ курьеръ Шампаньи съ первыми нотами о дѣлахъ Турціи. Повторяю, жаль, что свиданіе не состоялось; вмѣсто того, чтобы быть здѣсь, я былъ бы въ Эрфуртѣ. Думаю, что потребуется слишкомъ много времени, чтобы придти къ соглашенію черезъ курьеровъ. За симъ, молю Бога и т. д.

P. S.—Сію минуту получилъ ваше письмо отъ 5 апрѣля. Я нахожу, что вы слишкомъ безпокоитесь о шведскомъ походѣ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе все, что дѣлаетъ императоръ, но не требуется, чтобы вы такъ усердствовали. У васъ имѣлись инструкціи по вопросу о Финляндіи; вамъ не были даны инструкціи для остального.

Мнѣ извѣстно, что въ Петербургѣ жалуются на то, что я не дѣлаю подарковъ офицерамъ, которые привозятъ депеши. Дѣло въ томъ, что я ни одного изъ нихъ не видѣлъ. У насъ принято, что я дѣлаю подарки только тѣмъ офицерамъ, которые передаютъ непосредственно мнѣ письма императора. Если они передаютъ письма въ посольство, я ихъ не знаю. Если же желаютъ, чтобы съ офицеромъ обошлись съ должнымъ вниманіемъ, необходимо, чтобы его фамилія была упомянута въ письмѣ государя. Если бы, напримѣръ, въ письмѣ было сказано: „Посылаю вамъ одного изъ моихъ офицеровъ“, не называя его, этотъ остающійся неизвѣстнымъ офицеръ не можетъ разсчитывать на особый почетъ. Впрочемъ, къ императору относятся съ такимъ уваженіемъ, что офицеры его принимаются здѣсь очень хорошо

Но, когда они доставляютъ депеши въ посольство, они не представляются. Даю вамъ эти подробности для вашего руководства.

Слѣдующее письмо безъ числа; оно было написано въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая.

Господинъ Коленкуръ, я получилъ ваше письмо отъ 12 апрѣля. Поздравьте отъ меня императора со взятіемъ Свеаборга.—Вы уже получили объясненія по поводу копенгагенскихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что нужно имѣть возможность переправиться и при томъ переправиться, по крайней мѣрѣ, съ 30,000 человѣкъ за-разъ, ибо нельзя поручиться за вторую переправу, и, если первыя высадившіяся войска будутъ изолированы, они рискуютъ потерпѣть неудачу. Принцъ Понте-Корво шелъ форсированнымъ маршемъ въ надеждѣ, что Бельты будутъ покрыты льдомъ. Онъ самъ отправился въ Копенгагенъ, чтобы обезпечить себѣ средства къ переправѣ, и, видя, что можно за-разъ переправить только 15,000 человѣкъ, прекратилъ походъ. Но движеніе войскъ продолжается, и нѣсколько тысячъ человѣкъ переправились въ Зеландію. Но эти операціи могутъ совершаться только съ большой осторожностью.—Вотъ Финляндія и русская провинція.—Турецкія дѣла требуютъ большихъ разговоровъ. Досадно, что императоръ отложилъ свиданіе. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Испанію, я былъ бы въ Эрфуртѣ. Надѣюсь, что черезъ десять-двѣнадцать дней я кончу здѣсь мои дѣла.—У меня здѣсь король Карлъ и королева, принцъ Астурійскій, инфантъ Донъ-Карлосъ,—однимъ словомъ, вся испанская семья. Они крайне раздражены одинъ противъ другого. Разладъ между ними дошелъ до послѣдней степени. Все это можетъ кончиться перемѣной династіи.

— Для вашего руководства скажу вамъ, что, съ пріѣзда Алопеуса, я ни слова не слыхалъ объ Англіи, и лишь только что-нибудь узнаю, Россія тотчасъ же будетъ извѣщена объ этомъ; тамъ должны разсчитывать на это.—Равнымъ образомъ я ничего не слышу объ Австріи, и мнѣ ничего неизвѣстно о ея вооруженіяхъ. Со всѣхъ сторонъ мнѣ доносятъ, что въ Венгрію отправляется огромное количество пушекъ, провіанта и войскъ. Нужно, чтобы Россія непремѣнно знала объ этомъ, и знала бы также, что предо мной австрійцы отрицаютъ эти вооруженія, или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что они незначительны. За симъ, молю Бога и т. д.

Байонна, 8 мая 1808 г.

Господинъ Коленкуръ, прочелъ присланное вами [1]) сочиненіе о французской тактикѣ. Я нашелъ, что въ немъ все сплошь невѣрно и пошло. За симъ, молю Бога, да сохранитъ онъ васъ.

Байонна, 31 мая 1808 г.

Господинъ Коленкуръ, получилъ ваши письма отъ 28 апрѣля и отъ 4 и 7 мая. Министръ иностранныхъ дѣлъ, должно быть, писалъ вамъ. Я не одобряю того, что вы написали въ вашей запискѣ императору. Французскому посланнику не подобаетъ писать, что русскіе должны идти въ Сток-

---

[1]) Дѣло идетъ о появившемся въ Россіи сочиненіи, которое досталъ себѣ Коленкуръ.

гольмъ.—Здѣшнія дѣла вполнѣ закончены. Вы найдете при семъ мою прокламацію къ испанцамъ. Испанцы спокойны и даже преданы мнѣ. Англичане, привлеченные желаніемъ поживиться отъ испанскихъ дѣлъ и надеждой захватить самыя крупныя суда, явились передъ Кадиксомъ съ сильнымъ флотомъ. Но съ ними не захотѣли разговаривать. Они отправили парламентера на кораблѣ въ 80 тоннъ; по нимъ стрѣляли калеными ядрами и сломали у нихъ мачту.—Мнѣ кажется, что вы не въ достаточной степени высказываете мой доводъ. Я хотѣлъ свиданія, чтобы постараться устроить наши дѣла съ Россіей. Въ Россіи не хотѣли свиданія, такъ какъ хотѣли его только при извѣстныхъ условіяхъ и въ томъ случаѣ, если я заранѣе соглашусь на все, что предлагаетъ Румянцевъ. Но для того, чтобы переговорить объ этихъ дѣлахъ, я и желалъ свиданія. Тутъ софизмъ, который вы не въ достаточной мѣрѣ уловили и не дали почувствовать. Въ настоящее время мои намѣренія тѣ же: я желаю свиданія. Съ 20 іюня я свободенъ, но я хочу свиданія безъ условій. Кромѣ того, нужно условиться заранѣе, что я не принимаю предложенныхъ Румянцевымъ основъ, которыя для меня слишкомъ невыгодны. Я сказалъ императору Александру: Примирите интересы обѣихъ имперій. Но жертвовать интересами одной имперіи ради другой и даже ставить ее въ зависимое положеніе не значитъ примирять интересы обѣихъ имперій. Къ тому же тогда между нами неизбѣжно произойдетъ столкновеніе, ибо Россія, владѣя выходами изъ Дарданеллъ, будетъ у вратъ Тулона, Неаполя и Корфу. Поэтому необходимо, чтобы вы дали понять, что Россія хочетъ слишкомъ многаго, и что немыслимо, чтобы Франція могла согласиться на эти сдѣлки; что этотъ вопросъ крайне трудно рѣшить и что оттого-то я и хотѣлъ попробовать сговориться во время совѣщанія. Сущность великаго вопроса все въ томъ же: Кому будетъ принадлежать Константинополь? За симъ, молю Бога, да сохранитъ онъ васъ.

Байонна, 15 іюня, полдень.

Господинъ Коленкуръ, Талейранъ заболѣлъ и остался въ Берлинѣ [1]). Ваши письма отъ 22 и 25 марта привезены мнѣ эстафетой. Для вашего руководства вы найдете при семъ бумаги, которыя познакомятъ васъ съ тѣмъ, что произошло въ дѣлахъ Испаніи. Завтра собирается здѣсь совѣтъ; онъ довольно многочисленъ. Испанскій король уже признанъ, объявленъ по всей Испаніи и скоро уѣдетъ въ Мадридъ. Я не оставляю за собой ни одной деревни. Испанская конституція очень либеральна; народное представительство сохраняетъ въ ней всѣ свои права.—Англичане поджигаютъ испанцевъ; нѣсколько городовъ подняли знамя мятежа; но это пустяки, и, когда вы будете читать это письмо, вѣроятно, все будетъ успокоено. Нѣсколько летучихъ отрядовъ дали уже пять-шесть уроковъ. — Я согласенъ на свиданіе. Предоставляю вамъ назначить время. Вы не получите этого письма раньше 1 іюля. Императоръ ничего еще не рѣшитъ до 15-го. Вы должны предупредить меня съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставалось 16-18 дней на доставку вашего письма, 10 дней мнѣ на поѣздку на свиданіе и 5-6 дней на

---

[1]) Здѣсь говорится не о князѣ Беневентскомъ, а объ одномъ изъ его родственниковъ, которому поручалось отвозить дипломатическія депеши.

приготовленія. Слѣдовательно, требуется, чтобы императоръ не выѣхалъ къ мѣсту свиданія раньше 35-го дня послѣ отправки вашего письма изъ Петербурга. Поэтому, свиданіе не можетъ состояться раньше сентября, и, откровенно говоря, я предпочитаю это время года всякому другому; во-первыхъ, потому что не будетъ такъ жарко, а во-вторыхъ, я кончу здѣсь мои дѣла и могу нѣсколько дней пробыть въ Парижѣ.—Нѣсколько полковъ переправились въ Зеландію. Флиссингенская эскадра выходитъ на рейдъ. Англичанамъ причиняютъ всевозможныя безпокойства. Два русскихъ корабля теперь въ Тулонѣ, гдѣ ихъ приводятъ въ порядокъ.—Вы не преминете замѣтить, что Франція ничего не выиграетъ отъ перемѣны династіи въ Испаніи, если не считать бо̀льшей безопасности въ случаѣ общей войны, и что Испанія будетъ болѣе независима подъ управленіемъ одного изъ моихъ братьевъ, чѣмъ подъ управленіемъ Бурбона; что, къ тому же, ею такъ плохо управляли, она до такой степени была отдана во власть интриги, въ народѣ царило такое броженіе безъ опредѣленной цѣли, что реформа сдѣлалась необходимой.—Думаю, что императоръ правъ, не обращая вниманія на недавнее новшество въ англійскихъ эскадрахъ; но ему нечего бояться ихъ, что я и сказалъ русскому офицеру, который недавно уѣхалъ отсюда. Единственное, что могло бы внушить безпокойство—это острова, если бы ихъ не успѣли укрѣпить.—Сообщите мнѣ, что представляетъ изъ себя маленькій Монморанси. Оправдалъ ли онъ то, чего можно было ожидать отъ его молодости? Скажите испанскому посланнику, чтобы онъ велъ себя корректно, что новый король утвердитъ его и пришлетъ ему полномочія; что онъ долженъ говорить въ благопріятномъ смыслѣ, и долженъ всегда, какъ на непреложный доводъ, опираться на конституцію, которая преобразуетъ и доведетъ его родину до такого процвѣтанія, какого никогда нельзя было бы ждать отъ управленія Бурбоновъ.

P. S. При семъ вы найдете коротенькую записку по-испански, съ которой познакомитесь, а затѣмъ передадите испанскому посланнику.—Какъ вамъ извѣстно, за мѣсяцъ до своего назначенія, испанскій король былъ избранъ кастильскимъ совѣтомъ и городомъ Мадридомъ. Впрочемъ, пишу все это для вашего руководства. Чѣмъ меньше будутъ говорить съ вами объ этомъ, тѣмъ менѣе слѣдуетъ поднимать разговоръ.

Байонна, 16 іюня 1808 г.

Г. Коленкуръ, нѣсколько актеровъ изъ Оперы бѣжали изъ Парижа въ Россію. Мнѣ желательно, чтобы вы не знали о ихъ дурномъ поведеніи. У насъ въ Парижѣ не будетъ недостатка въ танцовщикахъ и актрисахъ. За симъ, молю Бога и т. д. [1]).

Парижъ, 28 іюня 1808 г.

Г. Коленкуръ, только вчера получилъ ваше письмо отъ 4-го. Какъ видно, вашъ курьеръ заболѣлъ въ Кенигсбергѣ. Вѣроятно, вы уже получили мое письмо отъ 15-го. Вы найдете при семъ новыя бумаги относи-

---

[1]) Это коротенькое письмо—единственное изъ всей серіи, которое въ рукописи находится въ національныхъ архивахъ; оно было опубликовано подъ № 14, 107 въ Correspondance.

тельно испанскихъ дѣлъ; впрочемъ, вѣроятно, вы уже прочли ихъ въ *Moniteur*'ѣ. Нѣсколько провинцій подняли знамя мятежа; ихъ усмиряютъ. Для Россіи результатомъ этой кампаніи будетъ то, что одна часть англійскаго флота, предназначеннаго для Балтійскаго моря, отправится въ Америку, а другая—въ Кадиксъ. Я съ прискорбіемъ узналъ, что русскіе потерпѣли нѣсколько неудачъ на сѣверѣ Финляндіи. Нѣсколько полковъ пришли въ Копенгагенъ. Въ настоящее время походъ не состоялся, но все можетъ легко устроиться въ будущемъ ноябрѣ. До ноября осталось только четыре мѣсяца, слѣдовательно, нельзя терять времени. Нужно, чтобы Россія убѣдила Данію обратиться ко мнѣ съ просьбой переправить въ Норвегію 40,000 человѣкъ, и чтобы русскіе были готовы перейти Финскій заливъ, когда онъ замерзнетъ. Встрѣча произойдетъ въ Швеціи, и тогда англичане вынуждены будутъ уйти оттуда съ позоромъ, и Швеція будетъ завоевана. Скажите императору, что черезъ 15 дней я буду въ Парижѣ. Вы понимаете, что, прежде чѣмъ говорить съ нимъ объ испанскихъ дѣлахъ, я желаю знать, какъ на нихъ посмотрятъ въ Петербургѣ. Вы должны были уже получить отъ Шампаньи инструкціи о томъ, что вамъ слѣдуетъ говорить. Испанія не будетъ имѣть для меня бо̀льшей цѣнности, чѣмъ прежде имѣла. Испанскій король уѣзжаетъ послѣ завтра въ Мадридъ. Посылаю вамъ статью изъ вѣнскаго журнала, которую нахожу нелѣпой. Покажите ее въ Петербургѣ, и сообщите, что о ней думаютъ. За симъ, молю Бога, да хранитъ онъ васъ.

Байонна, 9 іюля 1808 г.

Г. Коленкуръ, вы найдете при семъ новую испанскую конституцію и бюллетень послѣдняго засѣданія совѣта съ принесенной на немъ присягой. Король уѣзжаетъ въ Мадридъ завтра въ 5 часовъ утра. Вотъ назначенные королемъ министры: по министерству иностранныхъ дѣлъ, *Кеваллосъ*, тотъ же самый, что былъ раньше; государственный секретарь, *Уркійо*, который былъ первымъ министромъ шесть лѣтъ тому назадъ; по министерству внутреннихъ дѣлъ *Жовелланосъ*, бывшій министръ юстиціи, который былъ сосланъ на Минорку; по морскому—*Маззаредо*; по военному—*О'фарриллъ*; по министерству по дѣламъ Индіи, *Азанза*; по финансамъ, *Кабаррусъ*. Получилъ ваше письмо отъ 17-го. Досадно, что англійская статья произвела дурное впечатлѣніе на императора. Я вторично далъ приказаніе по министерству полиціи смотрѣть за тѣмъ, чтобы ничего враждебнаго нашему союзу съ Россіей не печаталось.—Я уже писалъ вамъ насчетъ французскихъ актеровъ и актрисъ, которые находятся въ Петербургѣ. Ихъ могутъ оставить у себя и забавляться ими, сколько угодно. Тѣмъ не менѣе императоръ правъ, говоря, что его агенты поступили дурно, сманивъ нашихъ актеровъ. Бѣгству этихъ людей посодѣйствовалъ Бенкендорфъ. Если представится случай говорить объ этомъ, скажите, что я съ своей стороны очень радъ, что у насъ въ Парижѣ есть чѣмъ позабавить императора. Вы найдете при семъ два письма къ императору, одно—относительно смерти великой княжны — уже давно написанное. Не понимаю, какъ могли забыть отправить его вамъ. Вы должны исходить изъ того положенія, что я не знаю, чего хочетъ Австрія; что она сильно вооружается; что спѣшно принимаетъ мѣры для этого; что строитъ крѣпости въ Венгріи; что, говорятъ, она разрушаетъ стѣны Кракова и выводитъ войска изъ Галиціи. Когда спрашиваютъ у австрійцевъ объ-

ясненій насчетъ вооруженій, они отвѣчаютъ, что совсѣмъ не вооружаются. Однако, это болѣе чѣмъ очевидно. До сихъ поръ я смотрѣлъ на это съ сожалѣніемъ. Думаю даже ничего не говорить объ этомъ. Тѣмъ не менѣе, если это надоѣдаетъ императору, мы можемъ черезъ Андреосси и князя Куракина сообща приказать сказать имъ, чтобы они разоружились и оставили всѣхъ въ покоѣ. У меня съ ними нѣтъ никакой распри; мы стоимъ на самой дружеской ногѣ. Въ сущности, эти вооруженія приносятъ вредъ только имъ, ибо разстраиваютъ ихъ финансы.

P. S.—Король уѣхалъ сегодня утромъ. Я проводилъ его до границы. Весь Совѣтъ провожалъ его приблизительно въ ста экипажахъ, но эти экипажи были снаряжены немного поспѣшно.

Англичане во множествѣ крейсируютъ передъ Кадиксомъ и Ферролемъ, съ цѣлью поддерживать возстаніе. Я увѣренъ, что второй флотъ, который былъ предназначенъ въ Швецію, отправленъ въ Кадиксъ и другія мѣста. Такимъ образомъ, это отвлекаетъ ихъ отъ того, что дѣлаетъ Россія.

Байонна, 21 іюля 1808 г.

Г. Коленкуръ, вы должны поблагодарить императора за то, что онъ приказалъ сказать мнѣ относительно испанскаго короля. Онъ не имѣетъ дѣла съ неблагодарнымъ, и такъ какъ онъ, не дожидаясь моей просьбы, сдѣлалъ дѣло мнѣ столь пріятное, то вы можете сказать ему, что я только-что далъ приказанія покончить дѣла съ Пруссіей. При томъ лѣтній сезонъ подходитъ къ концу, а зимой мои войска не будутъ въ состояніи ее очистить. Я хотѣлъ дождаться исхода моихъ переговоровъ съ императоромъ, но, такъ какъ они отложены, а зима приближается, вы скажете, что, въ виду того, что дѣла въ Турціи почти-что улажены, весьма вѣроятно, что по полученіи этого письма договоръ съ ней будетъ уже подписанъ. Испанскія дѣла идутъ хорошо. 14-го маршалъ Бессьеръ одержалъ славную побѣду, повлекшую за собой покореніе Леонскаго королевства и сѣверныхъ провинцій. Разсказывая объ этомъ императору, вы скажете ему, что англичане всюду въ Испаніи подливаютъ масла въ огонь, что они сыплютъ деньгами, вступаютъ въ сношенія съ монахами и что, вѣроятно, теперь тамъ идетъ смута. Сегодня ночью я уѣзжаю, чтобы объѣхать мои южныя провинціи, и оттуда вернусь въ Парижъ, куда пріѣду до 15 августа. За симъ, молю Бога, да хранитъ онъ васъ.

Рошфоръ, 5 августа.

Находясь постоянно въ разъѣздахъ [*пропускъ въ текстѣ*]—я спѣшу отправить его, съ извѣщеніемъ о происшедшихъ за это время перемѣнахъ. Вчера прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ объ ужасной катастрофѣ съ генераломъ Дюпономъ. Этотъ генералъ, углубившись въ Андалузію, далъ отрѣзать себѣ отступленіе, далъ себя окружить, отдѣлить отъ двухъ своихъ дивизій и, послѣ плохо обдуманнаго и плохо веденнаго дѣла, сдался на капитуляцію. Отъ восьми до девяти тысячъ французовъ вынуждены были положить оружіе, равно какъ и два или три швейцарскихъ полка, состоявшихъ на службѣ Испаніи и перешедшихъ на нашу сторону. Это одно изъ самыхъ необычайныхъ по нелѣпости и глупости дѣлъ. При настоящемъ положеніи вещей это событіе произвело огромное впечатлѣніе въ Испаніи. Умы возбуждаются. Моя армія вынуждена будетъ очистить Мадридъ, чтобы сконцентрироваться.

Въ настоящую минуту 40,000 англичанъ высаживаются въ разныхъ мѣстахъ. Сообщаю вамъ это извѣстіе для вашего руководства. Думаю, вамъ слѣдуетъ подождать прибытія курьера, который въ скоромъ времени будетъ вамъ отправленъ, дабы, когда будете говорить о другихъ новостяхъ, у васъ былъ предлогъ сослаться на его пріѣздъ и сказать, что у васъ нѣтъ свѣжихъ извѣстій. Послѣ крайне серьезнаго оборота, какой принимаютъ дѣла въ Испаніи, возможно, что эту зиму я оставлю на лѣвомъ берегу Эльбы 150,000 французовъ, сверхъ 100,000 союзныхъ войскъ. 80,000 человѣкъ я отправлю. Въ такомъ положеніи я проведу зиму. Данцигъ будетъ охраняться саксонцами и поляками. Польшу я предоставлю ея собственнымъ войскамъ, чтобы не угрожать ни Россіи, ни Австріи. Все это также только для вашего руководства. Все заставляетъ думать, что поступки Австріи обусловливаются страхомъ. Я оставляю достаточно войскъ, чтобы сдержать ее. Но, если она позволитъ Англіи увлечь себя, она ошибется въ своихъ разсчетахъ. При существующихъ условіяхъ мнѣ было бы пріятно, если бы императоръ заговорилъ и довелъ до свѣдѣнія Австріи о своемъ неудовольствіи по поводу ея вооруженій.—Вотъ и шведскій король окончательно покинутъ англичанами. Сообщайте мнѣ, что изъ этого выйдетъ. Дѣло темное. Я крайне доволенъ настроеніемъ французовъ въ провинціяхъ. Завтра я проѣду черезъ Вандею.

Рошфоръ, 6 августа 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, я писалъ вамъ вчера. Задерживаю мой отъѣздъ изъ Рошфора на два часа, чтобы отвѣтить на ваши петербургскія письма отъ 16 и 17 іюля, которыя я только-что получилъ. Австрія вооружается и становится заносчивой. Если только у нея нѣтъ какого-нибудь соглашенія съ Россіей, эти вооруженія и эта заносчивость смѣшны. Англичане высаживаютъ много людей на берега Испаніи. Въ настоящую минуту это представляетъ для меня нѣкоторое неудобство въ виду того, что это поразительно подстрекаетъ къ возстаніямъ въ Испаніи и Португаліи; но, по крайней мѣрѣ, я утѣшаюсь тѣмъ, что эти событія послужили диверсіей въ пользу императора и совершенно освободили его отъ враговъ. Уѣзжаю для объѣзда Вандеи. 15 августа буду въ Парижѣ. Буду ждать тамъ, что вы напишете мнѣ относительно свиданія.—Вотъ уже годъ, какъ продолжается мой союзъ съ императоромъ; итакъ, онъ долженъ внушить довѣріе той и другой сторонѣ. Я не далекъ отъ мысли вывести мои войска съ границы Вислы и предоставить занимать ее полякамъ и саксонцамъ. Благодаря этому французскій часовой будетъ отдѣленъ отъ русскаго разстояніемъ между Эльбой и Нѣманомъ. Если вы получаете англійскіе журналы, вы увидите, что 5/6 заключающихся въ нихъ извѣстій или невѣрны, или вымышлены. Я сообщилъ вамъ то, что есть въ этихъ сообщеніяхъ вѣрнаго. Лиссабону угрожаютъ англійскіе корабли и мятежъ. Между русскимъ адмираломъ и генераломъ Жюно царитъ полное согласіе; не знаю, что изъ этого выйдетъ. Я, однако, быстро подвигаю мои войска. Дѣла по-прежнему очень серьезны, такъ какъ часть испанской арміи перешла на сторону англичанъ. Вы не премините вспомнить, что армія генерала Дюпона состояла изъ рекрутовъ, и, что это дѣло, хотя и крайне плохо руководимое, не случилось бы со старыми войсками, которыя въ своей душѣ нашли бы чѣмъ замазать промахи генерала.

Сенъ-Клу, 20 августа 1808 г.

Г. Коленкуръ, посылаю вамъ докладъ морского министра и проектъ декрета, который онъ мнѣ предлагаетъ. Я не хочу принять его, не узнавъ предварительно, подходитъ ли это императору. Императоръ дѣлаетъ безполезныя затраты, сохраняя ни къ чему не годные корабли. Вооруженные транспорты не годятся для войны. Эти корабли совсѣмъ гнилые. Остается турецкій корабль, который можно было бы отправить въ Анкону, гдѣ его разоружили бы. Вслѣдствіе этого останется не у дѣлъ довольно большое количество матросовъ. Съ этими матросами поступятъ такъ, какъ пожелаетъ императоръ: ихъ или отправятъ въ Россію, или я возьму ихъ на свое иждивеніе и помѣщу экипажи трехъ пришедшихъ въ негодность кораблей на три моихъ флиссингенскихъ корабля или на другіе. Они будутъ на моемъ жалованьѣ и будутъ служить на положеніи союзниковъ. Офицеры пріобрѣтутъ познанія; матросы пріучатся къ дѣлу, и это принесетъ всѣмъ пользу. Но, необходимо, чтобы эти экипажи числились безусловно на моей службѣ, ибо моя эскадра можетъ пострадать, если въ составъ соединенной эскадры войдутъ независимые элементы. Поговорите объ этомъ съ морскимъ министромъ. Можетъ быть, было бы удобнѣе, если бы императоръ или его министръ сами приняли это рѣшеніе? Вы должны настоять на томъ, чтобы турецкій корабль былъ отправленъ въ Анконскую гавань, гдѣ онъ будетъ разоруженъ. За симъ, молю Бога, да хранитъ онъ васъ.

Сенъ-Клу, 23 августа 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо отъ 1 августа. Вчера я получилъ чудные подарки императора. Я заказалъ великолѣпную мебель, чтобы рельефнѣе выдѣлить ихъ; они дѣйствительно очень красивы. Генералъ Коленкуръ, Монтескье везетъ вамъ два бюста императора, сдѣланныхъ въ Севрѣ по присланной имъ модели. Кажется уже изготовлено около пятидесяти штукъ. Поэтому вы можете выписать ихъ, сколько вамъ угодно. Я видѣлъ въ Севрѣ красивый сервизъ изъ египетскаго фарфора, который можно отправить императору 1 сентября. Надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ имъ.

Выказанныя Дюпономъ, Мареско и нѣкоторыми другими глупость и трусость непонятны; они только и дѣлали что глупость за глупостью. Это испортило мои дѣла въ Испаніи и вынуждаетъ меня приступить къ рекрутскому набору, чтобы пополнить мои потери и быть всегда на-готовѣ. 1-ый и 6-ой корпусъ и три драгунскихъ дивизіи великой арміи отправились въ Майнцъ. Я увожу съ береговъ Рейна количество войскъ приблизительно равное тѣмъ войскамъ, которыя я беру, чтобы подкрѣпить три корпуса маршаловъ Даву, Сульта и принца Понте-Корво. Я оставляю въ Германіи 60 эскадроновъ кирасиръ, три дивизіи драгунъ и приблизительно двадцать полковъ легкой кавалеріи. Впрочемъ, я поставилъ на военную ногу всѣ войска Рейнской Конфедераціи, такъ что я могу выступить противъ Австріи съ 200,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, я очень желалъ бы, чтобы императоръ приказалъ поговорить съ Австріей, хотя у меня нѣтъ повода къ распрѣ съ ней. Я заключилъ конвенцію съ Пруссіей, и, если, какъ я думаю, у меня не будетъ ссоры съ Австріей, Силезія и Берлинъ еще до наступленія зимы будутъ въ распоряженіи Пруссіи, что послужитъ серьезнымъ поводомъ для успокоенія Австріи

и даже Россіи. Нужно, чтобы князю Куракину въ Австріи было дано полномочіе, и чтобы ему было предоставлено сказать, что, если австрійцы сдѣляютъ хотя бы малѣйшее неумѣстное движеніе, Россія присоединитъ къ моимъ войскамъ сто тысячъ человѣкъ. Сообщите мнѣ, каковы намѣренія императора по этому вопросу. Въ его интересахъ, чтобы я быстро покончилъ съ испанскими дѣлами. Лишнихъ тридцать тысячъ человѣкъ могутъ ускорить взятіе извѣстной гавани и причинить огромный вредъ англичанамъ. До сего времени я взялъ изъ Германіи приблизительно такое количество войскъ, какое посылаю, но, если бы я былъ увѣренъ, что, если Австрія придерется ко мнѣ, Россія будетъ дѣйствовать заодно со мной, я могъ бы вывести оттуда гораздо больше войскъ, что было бы очень выгодно. Наборъ конфедеративныхъ войскъ дорого стоитъ ихъ государямъ. Поговорите объ этомъ съ императоромъ. Если онъ сдѣлаетъ заявленіе вѣнскому двору и, въ случаѣ нападенія на меня Австріи, двинетъ 100,000 человѣкъ, я распущу войска конфедеративныхъ государей по домамъ, что будетъ большимъ благодѣяніемъ для всей Германіи. О Португаліи ничего нѣтъ новаго. По сей часъ оттуда нѣтъ извѣстій. Ваше письмо пришло двумя днями раньше письма изъ Константинополя, которое Шампаньи посылаетъ вамъ. Вы узнаете изъ него, что 28 іюля Селимъ былъ убитъ, Мустафа свергнутъ съ трона, и на его мѣсто посаженъ новый султанъ. Не вѣрьте никакому дурному извѣстію. Испанія будетъ покорена, когда кончится жара, которая превращаетъ страну въ безводную пустыню и дѣлаетъ ее невыносимой для нашихъ войскъ.

Сенъ-Клу, 26 августа 1808 г.

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо отъ 9-го. Третьяго дня уѣхалъ Монтескье; поэтому это письмо можетъ дойти до васъ раньше его. Вотъ что произошло. Два дня тому назадъ къ Меттерниху прибылъ курьеръ изъ Вѣны съ извѣщеніемъ о рѣшеніи его двора дать мнѣ удовлетвореніе по всѣмъ вопросамъ и къ первому сентябрю привести все въ прежнее состояніе. Меттернихъ получилъ даже приказаніе испросить у меня аудіенцію и на словахъ передать мнѣ эти увѣренія, что онъ и сдѣлалъ вчера до Комедіи. Я далъ ему часовую аудіенцію, въ продолженіе которой онъ расточалъ мнѣ всевозможныя увѣренія въ добрыхъ чувствахъ, и заявилъ, что его дворъ готовъ признать новаго испанскаго короля. Итакъ, у меня есть основаніе думать, что къ 1 сентября, т. е. черезъ нѣсколько дней, все вернется въ прежнее состояніе. Тогда я распущу по домамъ конфедеративныя войска, и въ Германіи снова все будутъ спокойно. Конвенція съ Пруссіей еще не подписана; надѣюсь, что это будетъ сдѣлано завтра или послѣзавтра. Какъ только я увижу, что Австрія держитъ свои обѣщанія, я постараюсь собрать 100,000 человѣкъ въ Байоннскомъ лагерѣ. 1-ый и 6-ой корпусъ великой арміи подходятъ къ Майнцу.—Англичане хотятъ напасть на Португалію. До 15 августа ничего новаго въ Лиссабонѣ не произошло. Жюно былъ въ хорошемъ положеніи, равно какъ и русская эскадра.—Благодаря крайней непредусмотрительности принца Понте-Корво, находящаяся на Сѣверѣ испанская дивизія сѣла на корабли и отправилась въ Испанію; хотя я неоднократно говорилъ ему, что онъ долженъ размѣстить свои войска такъ, чтобы быть увѣреннымъ въ нихъ, но Ла Романа и другіе испанскіе генералы вскружили ему голову. Вы можете говорить объ этомъ дѣлѣ. Вы можете сказать,

что, не желая обезоруживать мои войска, я предпочитаю и перешедшихъ на мою службу солдатъ лучше побѣдить въ Испаніи, чѣмъ лишать ихъ оружія; но что эта измѣна возмутила меня, и измѣнники будутъ наказаны. Дѣла въ Испаніи идутъ посредственно. Испанскій король въ Бургосѣ. Армія занимаетъ линію Дуеро.—Сарагосса взята; каждый домъ подвергался осадѣ, такъ что городъ совершенно разрушенъ и не существуетъ болѣе. Мои добрыя войска прибываютъ со всѣхъ сторонъ, и тотчасъ же, какъ спадетъ жара, произойдетъ суровая расправа съ мятежниками. Партія короля состоитъ изъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, но они дрожатъ предъ кинжаломъ монаховъ и предъ настояніями англійскихъ агентовъ.—Вамъ не слѣдуетъ такъ сильно торопить императора Александра дѣйствовать противъ Австріи, такъ какъ она, видимо, не хочетъ давать къ этому повода.—Вы получите со слѣдующимъ курьеромъ доклады, сдѣланные, въ видахъ опроверженія ложныхъ слуховъ, по моему приказанію, Сенату о заключенныхъ съ испанскимъ королемъ договорахъ, и реляціи, которыя ясно обрисовываютъ прошлыя и настоящія событія въ Испаніи, хотя исторія съ Дюпономъ болѣе чѣмъ вѣрна. Онъ и Мареско выказали столько же глупости, сколько трусости и малодушія. Я подозрѣваю, что Виллутрей велъ себя въ этомъ дѣлѣ не такъ, какъ подобаетъ офицеру моей свиты. Вѣроятно, я не оставлю его при себѣ.—Прежній испанскій король все еще въ Компьенѣ, хвораетъ подагрой. Принцы—въ Валансей.—Со времени послѣднихъ извѣстій изъ Константинополя, мы ничего не знаемъ. За симъ, молю Бога и т. д.

P. S. — Количество бѣжавшихъ съ маркизомъ Ла Романа испанскихъ войскъ доходитъ только до 5,000 человѣкъ; 7,000 остались въ рукахъ принца Понте-Корво. Я приказалъ ихъ разоружитъ и держать, какъ плѣнниковъ.

Сенъ-Клу, 7 сентября 1808 г.

Г. Коленкуръ, я только-что получилъ ваше письмо отъ 23 августа. Уѣду отсюда 20 сентября, чтобы во-время пріѣхать въ Эрфуртъ. Генералъ Удино уѣзжаетъ, чтобы принять начальство надъ Эрфуртомъ. Гоффурьеры уѣзжаютъ, чтобы приготовить квартиры. Баталіонъ моей гвардіи отправляется туда для несенія гарнизонной службы. Маршалъ Ланнъ уѣзжаетъ для встрѣчи императора на Вислѣ. Находящійся въ Берлинѣ маршалъ Сультъ предупрежденъ, чтобы все было устроено, какъ подобаетъ. Несмотря на всѣ мѣры, боюсь, что въ Эрфуртѣ будетъ неудобно. Можетъ быть, было бы лучше, если бы предпочли Веймаръ. Замокъ тамъ великолѣпный и тамъ было бы удобнѣе. Я не могу припомнить причинъ, заставившихъ предпочесть Эрфуртъ. Если это сдѣлано ради меня, мнѣ было бы такъ же хорошо и въ Веймарѣ. Тѣмъ не менѣе, въ Эрфуртѣ все будетъ готово.—Вы найдете при семъ *Moniteur*, который познакомитъ васъ съ испанскими дѣлами. Я имѣю извѣстія изъ Португаліи отъ 20 августа; въ Лиссабонѣ все было въ наилучшемъ видѣ; между русскими и французами наилучшія отношенія, и тѣ и другіе готовы были защищаться противъ всякой случайности. Вчера состоялось въ Сенатѣ чрезвычайное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ великаго канцлера, на которомъ присутствовали принцы. Шампаньи прочелъ два доклада о текущихъ дѣлахъ и сдѣлалъ сообщеніе о многихъ договорахъ, заключенныхъ съ принцами испанскаго дома. Вслѣдствіе этого состоялось сенатское рѣшеніе о наборѣ 160,000 ратниковъ. Впрочемъ, все

совершенно спокойно. Въ Испаніи мы беремъ верхъ; между мятежниками произошелъ разладъ. Король выигрываетъ съ каждымъ днемъ; прибываютъ сильныя подкрѣпленія, и все уже готово, чтобы двинуться впередъ.—Такъ какъ у императора нѣтъ особыхъ дѣлъ, которыя бы его задерживали въ Россіи, онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы изъ Эрфурта проѣхалъ въ Парижъ. Если вы думаете, что это входитъ въ его планы, немедленно же увѣдомьте меня объ этомъ. Вслѣдствіе вашего послѣдняго письма, неаполитанскій посланникъ Мондрагонъ уѣзжаетъ изъ Парижа и продолжитъ свое путешествіе. Испанскій посланникъ получитъ вскорѣ новыя вѣрительныя граматы.

P. S.—Къ *Moniteur*'у отъ 5 числа прилагаю сегодняшій номеръ, въ которомъ напечатаны разные документы относительно испанскихъ дѣлъ. Не будетъ никакого неудобства, если вы передадите экземпляръ Румянцеву и сообщите ихъ содержаніе императору.

Сенъ-Клу, 7 сентября 1808 г.

Генералъ Коленкуръ, маршалъ Ланнъ ѣдетъ на Вислу навстрѣчу русскому императору, съ назначеніемъ распредѣлить всѣ конвои и привѣтствовать государя; онъ передастъ ему отъ меня письмо. За симъ, молю Бога и т. д.

Сенъ-Клу, 14 сентября 1808 г.

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо отъ 29 августа. Въ вышедшихъ номерахъ *Moniteur*'а вы уже нашли, а во вчерашнемъ номерѣ, который я вамъ посылаю, найдете всѣ документы, относящіеся къ испанскимъ дѣламъ. Среди мятежниковъ царитъ величайшее смятеніе; мои войска быстро приближаются къ Испаніи, моя армія крѣпнетъ съ каждымъ днемъ. Испанскій король въ Бургосѣ; въ тридцати льё отъ него нѣтъ ни одного непріятеля.—Императоръ долженъ былъ встрѣтиться съ маршаломъ Ланномъ на Вислѣ. Генералъ Удино находится въ Эрфуртѣ, надъ которымъ онъ принялъ начальство. Часть моего штата уже прибыла туда. Князь Беневентскій уѣзжаетъ 16-го и пріѣдетъ въ Эрфуртъ 20-го. Шампаньи уѣзжаетъ 18-го. Я уѣду 20-го. Принцъ Невшательскій поѣдетъ со мной.—Принцъ Вильгельмъ простился со мной сегодня утромъ. Всѣ прусскія дѣла кончены. Наконецъ, до 1 сентября состоится наборъ 80,000 рекрутовъ 1806, 1807, 1808 и 1809 гг. Набирать другіе 80,000 я подожду; посмотрю, каковъ будетъ исходъ событій. Меня очень тронули слова императора. Послѣднія извѣстія изъ Лиссабона отъ 18 августа; въ то время англичане, повидимому, производили большія движенія. Дальнѣйшихъ свѣдѣній у меня нѣтъ.

Аранда де Дуеро, 27 ноября 1308

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо безъ числа, предполагаю, что оно отъ 5 ноября. Думаю, что Шампаньи сообщитъ вамъ съ курьеромъ обо всемъ, что произошло важнаго въ Испаніи, какъ-то: сраженіе при Бургосѣ, дѣла при Эспиноза и Тудела, въ которыхъ были истреблены арміи Галиціи, Астуріи, Эстремадуры, Арагоніи, Андалузіи, Валенціи и Кастиліи. Генералъ Сенъ-Сиръ тотчасъ же по взятіи Роза, что случится въ скоромъ времени, вступитъ въ Каталонію, чтобы соединиться съ генераломъ Дюгемомъ, у котораго въ Барселонѣ 15,000 человѣкъ, вполнѣ снабженныхъ провіантомъ и находящихся въ превосходномъ состояніи. Вы можете сказать императору, что черезъ шесть дней я буду въ Мадридѣ, откуда напишу ему. Нѣтъ ничего хуже испанскихъ войскъ; 6,000 нашихъ людей атакуютъ 20, 30

и даже 36,000. Это по-истинѣ сволочь; даже войска Ла Романа, которыхъ мы вышколили въ Германіи, не выдержали. Въ концѣ-концовъ полки Замора и Принцессы постигла участь измѣнниковъ; они погибли. Англичане сосредоточиваются въ Португаліи. Они двинули дивизіи въ Испанію, но, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, отступаютъ. — Нѣсколько дней тому назадъ я отправилъ Шампаньи приказанія отвѣтить на ноту Англіи. Что же касается Австріи, то ея поведеніе только смѣшно. Я оставляю въ Германіи 100,000 человѣкъ; въ Италіи у меня 150,000 и половина рекрутскаго набора; она уже въ пути. Впрочемъ, главное дѣло здѣсь уже сдѣлано.—Русскій посланникъ въ Мадридѣ былъ оскорбленъ чернью, которая забавлялась тѣмъ, что таскала по улицамъ и затѣмъ повѣсила двухъ состоящихъ на его службѣ французовъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней онъ будетъ освобожденъ. За симъ, молю Бога и т. д.

Мадридъ, 5 декабря 180S г

Г. Коленкуръ, со вчерашняго дня мы въ Мадридѣ. Бюллетени познакомятъ васъ съ событіями, которыя имѣли мѣсто послѣ сраженія при Бургосѣ, послѣ битвъ при Эспиноза и Тудела, и сраженій при Сомо-Сіерро и Ретиро. Англичане имѣли подлость дойти до Эскуріала, и оставаться тамъ нѣсколько дней; но при первомъ же извѣстіи, что я приближаюсь къ (*sic*) Сомо-Сіерра, отступили, бросивъ испанскій резервъ.—Говорятъ, что русскій посланникъ уѣхалъ три недѣли тому назадъ въ Картагену, гдѣ долженъ былъ сѣсть на корабль и уѣхать черезъ Тріестъ во Францію. Погода здѣсь чудная; совсѣмъ какъ май мѣсяцъ. Наши колонны идутъ на Лиссабонъ.

Мадридъ, 10 декабря 1898 г.

Г. Коленкуръ, вы найдете при семъ полученное мною донесеніе о русскомъ кораблѣ. Смотря по тому, какъ найдете удобнѣе, можете сообщать или не сообщать его императору.

Вальядолидъ, 7 января 1809 г.

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваше письмо отъ 8 декабря. Бюллетени быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ. Извѣстія изъ Константинополя, извѣстія изъ Австріи, а также необходимость быть ближе къ Франціи вынудили меня вернуться въ центръ, ибо отсюда до Луго 100 льё, что съ обратной поѣздкой курьеровъ составитъ 200 льё. Я оставилъ герцога Далматинскаго съ 30,000 человѣкъ для преслѣдованія отступающихъ англичанъ; маршалъ Ней стоитъ во второй линіи на горахъ, отдѣляющихъ Галицію отъ Леонскаго королевства. Герцогъ Далматинскій долженъ быть уже въ Луго. Возможно, что, когда вы получите это письмо, я буду уже въ Парижѣ. Скажите императору, что въ Италіи и Далмаціи я могу выставить противъ Австріи 150,000 человѣкъ, не считая неаполитанской арміи; что на Рейнѣ у меня 150,000 человѣкъ и, кромѣ того, 100,000 человѣкъ Конфедераціи; что, наконецъ, при первомъ же сигналѣ я могу вступить въ Австрію съ 400,000 человѣкъ; что въ настоящее время моя гвардія въ Вальядолидѣ, гдѣ я дамъ ей отдохнуть восемь дней и затѣмъ направлю въ Байонну; что я готовъ двинуться на Австрію, если она не измѣнитъ своего поведенія, и, что, если бы не желаніе не дѣлать вреда нашему союзу, я уже началъ бы войну съ этой имперіей, ибо испанскія дѣла, которыя занимаютъ у меня 200,000 че-

ловѣкъ, не мѣшаютъ мнѣ думать, что, разъ я увѣренъ въ Россіи, я вдвое сильнѣе Австріи; что единственное зло, которое я вижу въ этомъ, это то, что это стоитъ много денегъ; что я только-что произвелъ наборъ еще въ 80,000 человѣкъ; что я желаю, чтобы мы приняли, наконецъ, подобающій тонъ съ Австріей. Я уже предлагалъ это въ Эрфуртѣ. Иначе намъ не удастся покончить, какъ слѣдуетъ, турецкихъ дѣлъ. Можетъ быть, у насъ былъ бы миръ, если бы англичане не возлагали надеждъ на настроеніе Австріи. — Что касается русскихъ кораблей въ Тулонѣ, нѣтъ сомнѣнія, что за нихъ будетъ уплочено. Я только-что написалъ по этому поводу.—Вы можете увѣрить, что испанской арміи болѣе не существуетъ, и если вся страна не покорена, то только потому, что очень грязно и нужно много времени; но всему бываетъ конецъ. За симъ, молю Бога и т. д.

Вальядолидъ, 14 января 1808 г.

Г. Коленкуръ, при семъ вы найдете письмо, которое я хотѣлъ написать императору; но я нашелъ, что въ немъ сказано слишкомъ много для письма, которое будетъ сохранено. Посылаю его вамъ, дабы вы могли воспользоваться имъ, какъ общей инструкціей. Я напишу императору менѣе содержательное письмо. За симъ, молю Бога и т. д.

Проектъ письма къ императору Александру, посланнаго въ видѣ инструкціи для посланника.

Мой Братъ, давно уже не писалъ я В. И. В. Однако, это не значитъ, что я не вспоминалъ часто, даже среди грома орудій, о счастливыхъ минутахъ, которыя вы доставили мнѣ въ Эрфуртѣ. Одно время я надѣялся сообщить В. В. о захватѣ англійской арміи. Она ускользнула отъ меня только на двѣнадцать часовъ. Ручьи, которые въ обыкновенное время очень мелки, вышли, благодаря ливнямъ, изъ береговъ, а неблагопріятная погода задержала движеніе моихъ войскъ на 24 часа. Англичанъ жестоко преслѣдовали. 4,000 англичанъ и остатки корпуса Ла Романа были взяты въ плѣнъ; были взяты 18 пушекъ, отъ 700 до 800 повозокъ съ боевыми припасами и багажемъ и даже часть ихъ казны; по принятому у нихъ нелѣпому обычаю, они обязаны были сами убить своихъ лошадей. Дороги и улицы въ городахъ были завалены ихъ трупами. Эта жестокая манера—убивать бѣдныхъ животныхъ—сильно возстановила противъ нихъ населеніе. Я лично преслѣдовалъ ихъ до горъ Галиціи. Далѣе я предоставилъ это дѣло маршалу Сульту. Надѣюсь, что, если будутъ дуть противные имъ вѣтры, они не будутъ въ состояніи сѣсть на суда. Они не возьмутъ съ собой лошадей, которыхъ осталось у нихъ не болѣе тысячи пятисотъ или тысячи восьмисотъ. Послѣ завтра король вступитъ въ Мадридъ. Угроза обойтись съ ними, какъ съ покоренной страной и боязнь потерять самостоятельность сильно повліяли на нихъ. У нихъ нѣтъ больше арміи. Если вся страна еще не занята, то только потому, что она велика и нужно на это время.

Когда Ваше Величество будетъ читать это письмо, я буду уже въ моей столицѣ. Моя гвардія и часть старыхъ кадровъ возвращаются въ Байонну. Я хотѣлъ сформировать мой Булонскій лагерь, который сильно бы тревожилъ англичанъ, но вооруженія Австріи помѣшали мнѣ сдѣлать это. Я

собралъ въ Лiонѣ 20,000 человѣкъ, чтобы посадить ихъ на мою тулонскую эскадру и пригрозить англичанамъ походомъ въ Египетъ или Сирію, чего они очень боятся; вооруженія Австріи опять-таки помѣшали мнѣ сдѣлать это. Я хочу приказать этимъ войскамъ перейти Альпы и вступить въ Италію. Я имѣю вѣрныя доказательства, что Австрія дала обѣщаніе не признавать короля Жозефа. Ея повѣренный въ дѣлахъ послѣдовалъ за мятежниками. Онъ бѣжалъ изъ Мадрида и теперь находится въ Кадиксѣ. Я располагаю вѣрными доказательствами, что Австрія обѣщала снабдить мятежниковъ 20,000 ружей. Англія надѣялась поддержать смуту въ Испаніи, заставить насъ порвать съ Турціей, заставить Австрію объявить намъ войну и, вмѣстѣ со Швеціей, уравновѣсить наше могущество. Весьма сожалѣю, что Ваше Величество не приняли въ Эрфуртѣ энергичныхъ мѣръ противъ Австріи. Миръ съ Англіей невозможенъ, пока останется хотя бы малѣйшая надежда вызвать смуты на континентѣ. Ваше Величество легко поймете, что я не придаю значенія признанію Австріей короля Жозефа. Я придаю гораздо бо́льшее значеніе тому, чтобы она разоружилась, и положила конецъ тревожному состоянію, въ которомъ держитъ Европу. Я предчувствую, что война неизбѣжна, если вы, Ваше Величество, и я не заговоримъ съ Австріей рѣшительно и твердо, и если мы не вырвемъ ея слабохарактернаго монарха изъ вихря англійскихъ интригъ, въ который онъ вовлеченъ. Вашему Величеству извѣстно, какъ мало придаю я значенія ея войскамъ и вооруженіямъ. Кто знаетъ ихъ лучше Вашего Величества? Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что Европа переживаетъ критическое время и что не можетъ быть надежды на миръ съ Англіей, пока не пройдетъ этотъ кризисъ. Если Австрія хочетъ мира, Ваше Величество и я ручаемся за него; пусть она разоружится; пусть признаетъ Валахію, Молдавію и Финляндію подъ владычествомъ Вашего Величества и пусть перестанетъ ставить препятствія интересамъ нашихъ государствъ. Если же она будетъ противиться этому, необходимо, чтобы наши посланники совмѣстно сдѣлали соотвѣтствующіе шаги и уѣхали немедленно и одновременно. Императоръ не позволитъ имъ уѣхать, и миръ будетъ возстановленъ. Если же онъ такъ ослѣпленъ, что позволитъ имъ уѣхать, мы—вы и я—примемъ съ общаго согласія мѣры, чтобы покончить съ государствомъ, которое въ теченіе пятнадцати лѣтъ постоянно терпитъ пораженія, постоянно нарушаетъ спокойствіе на континентѣ и втайнѣ потворствуетъ вліянію Англіи. Мое желаніе, равно какъ, внѣ всякаго сомнѣнія, и желаніе Вашего Величества, чтобы Австрія была счастлива, спокойна; чтобы она разоружилась и по отношенію ко мнѣ пользовалась миролюбивыми и деликатными средствами, а не прибѣгала къ силѣ. Если это невозможно, нужно принудить ее оружіемъ: вотъ путь къ миру. Вы видите, Ваше Величество, что я откровенно говорю съ вами. Изъ прямыхъ источниковъ я узналъ, что Англія была крайне встревожена походомъ моихъ дивизій на Булонь. Австрія оказала ей существенную услугу, заставивъ меня отмѣнить его. Безъ сомнѣнія, Ваше Величество вполнѣ убѣжденъ въ принципѣ, что даже одно облако на континентѣ помѣшаетъ англичанамъ заключить миръ. Если между нами сердечное единеніе, единство интересовъ и намѣреній, такового облака не должно быть; но необходимы довѣріе и твердая воля.

Вальядолидъ, 14 января 1809 г.

Г. Коленкуръ, сію минуту получилъ ваше письмо отъ 20 декабря. Посылаю вамъ Понтона, ибо мнѣ казалось, что онъ былъ пріятенъ императору. Императоръ можетъ пользоваться имъ, какъ ему будетъ угодно и сколько времени пожелаетъ.—9-го мы вступили въ Луго. 9-го герцогъ Далматинскій пришелъ въ Бетансосъ, близъ Коруньи. Англичане потеряли приблизительно половину своей арміи, 600 повозокъ съ боевыми припасами и багажемъ и отъ 3 до 4,000 плѣнныхъ. Корпусъ Ла Романа совершенно уничтоженъ и разсѣянъ. Вы можете безусловно вѣрить бюллетенямъ, въ нихъ говорится все. Черезъ четыре дня король торжественно вступитъ въ Мадридъ. За два мѣсяца нація очень измѣнилась; она устала отъ народныхъ волненій, и очень желаетъ видѣть конецъ всему этому. Я уже сообщалъ вамъ, что съ той минуты, какъ выражено было желаніе, чтобы на герцога Ольденбургскаго смотрѣли, какъ на члена императорской фамиліи, не должно быть и подобія затрудненій. Разъ императоръ даетъ ему титулъ Императорскаго Высочества, все кончено; даже въ Парижѣ его будутъ такъ величать. Русскій императоръ можетъ сдѣлать то, что сдѣлалъ австрійскій императоръ и даже я самъ. Всѣхъ членовъ одной семьи величаютъ при чужихъ дворахъ такъ, какъ ихъ величаютъ при ихъ собственныхъ. Этотъ принципъ уничтожаетъ всѣ препятствія. Вы напрасно дѣлали изъ этого затрудненія. Каждый въ правѣ предписывать для своей семьи какіе онъ хочетъ законы, и, разъ они предписаны для семьи, ни одинъ посланникъ не имѣетъ права считать себя равнымъ. Вы не должны уступать старшинства ни принцу Ольденбургскому, ни его отцу, но должны уступить зятю русскаго императора, если онъ даетъ ему это званіе при своемъ дворѣ. Но довольно объ этомъ.—Что касается Австріи, я предвидѣлъ то, что случилось. Если бы императоръ захотѣлъ говорить твердо въ Эрфуртѣ, этого бы не было. Она обѣщала дать оружіе мятежникамъ, и все было уже готово, чтобы отправить его изъ Тріеста. У нея тайныя обязательства съ Англіей, и, чтобы открыто перейти на ея сторону, она ждетъ только затрудненій съ Портой. Императоръ можетъ разсчитывать на это. Если императоръ не заговоритъ громко, война на континентѣ неизбѣжна. Австрія падетъ къ нашимъ ногамъ, если мы сообща сдѣлаемъ твердые шаги и пригрозимъ ей удалить нашихъ посланниковъ въ случаѣ, если не дадутъ того, чего мы требуемъ. Признаніе короля Жозефа ничего не значитъ само по себѣ. Оно важно только потому, что отказъ придаетъ смѣлость Англіи и предвѣщаетъ смуты на континентѣ. Разоруженіе Австріи—вотъ главное. Австрія не можетъ сказать, что теперешній составъ ея войскъ представляетъ ея обычное военное положеніе. У нея нѣтъ средствъ поддержать его. Она ставитъ Европу въ критическое положеніе; ей и придется платить за битые горшки.—Для васъ одного: когда вы прочтете это, я буду въ Парижѣ. Разсчитываю вернуться 20 этого мѣсяца. Вся моя гвардія въ Вальядолидѣ и 2,000 моихъ конныхъ стрѣлковъ въ Викторіи. Я только-что приказалъ приступить къ набору 80,000 рекрутъ нынѣшняго года. Я готовъ ко всему. Но нашъ союзъ можетъ поддержать миръ на континентѣ только при условіи, что заговорятъ рѣшительнымъ тономъ и примутъ твердое рѣшеніе.—Что же касается прусскихъ дѣлъ, я не понимаю, о чемъ вы говорите. Договоръ съ Пруссіей былъ заключенъ до эрфуртскихъ совѣщаній, и съ тѣхъ поръ ничего не было въ немъ измѣнено. Я просилъ Румянцева остаться

въ Парижѣ до 1 февраля. Я желаю видѣть его въ Парижѣ, и мы посмотримъ, слѣдуетъ ли сдѣлать новый шагъ. Дѣла здѣсь идутъ настолько хорошо, насколько можно желать. Я маневрировалъ такъ, чтобы овладѣть англійской арміей; двѣ случайности помѣшали мнѣ: 1-е, переходъ черезъ Пуэрто де Гвадаррама—довольно высокую гору и до такой степени непроходимую въ моментъ нашего перехода, что она задержала на два дня нашъ походъ. Чтобы заставить перейти ее, я долженъ былъ стать во-главѣ пѣхоты. Артилерія прошла только восемнадцать часовъ спустя. Насъ встрѣтили дожди и грязь, которые задержали насъ еще на двѣнадцать часовъ. Англичане ускользнули только на одинъ переходъ. Сомнѣваюсь, чтобы половина изъ нихъ сѣла на корабли; если же они и сядутъ на корабли, то безъ лошадей, безъ припасовъ, страшно измученные, крайне деморализованные, а главное, съ позоромъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, напишу вамъ. За симъ, молю Бога и т. д.

Парижъ, 6 февраля 1809 г.

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваши письма отъ 15 и 17 января. Мнѣ прискорбно, что ваше здоровье разстраивается... Думаю, что Румянцевъ останется здѣсь еще нѣсколько дней. Мы только-что получили извѣстія изъ Англіи. Посмотримъ, можно ли что-нибудь извлечь изъ нихъ. Румянцевъ посылаетъ ихъ императору.—Мой послѣдній наборъ въ 80,000 человѣкъ будетъ готовъ къ военной службѣ раньше двухъ недѣль, такъ что въ Германіи у меня будетъ столько же войскъ, сколько было передъ тѣмъ, какъ я взялъ оттуда часть ихъ для испанской арміи. Въ Италіи у меня будетъ болѣе сильная армія, чѣмъ когда бы то ни было. Я писалъ вамъ, что поведеніе Австріи помѣшало мнѣ сформировать лагери въ Булони, Брестѣ и Тулонѣ. Эти три лагеря навели бы ужасъ на Англію, потому что я могъ бы угрожать всѣмъ ея колоніямъ.—Австрія глупѣетъ съ каждымъ днемъ, и я убѣжденъ, что не представится возможность вредить Англіи, пока не заставимъ это государство разоружиться. За симъ, молю Бога и т. д.

Парижъ, 23 февраля 1809 г.

Г. Коленкуръ, получилъ ваши письма отъ 5 февраля. Письма, полученныя вами по моемъ пріѣздѣ въ Парижъ, познакомили уже васъ съ положеніемъ дѣлъ. Англія заключила миръ съ Портой. Это является слѣдствіемъ соглашенія Австріи съ Англіей. Англійское посольство было торжественно принято въ Константинополѣ интернунціемъ. Императоръ, вѣроятно, подобно мнѣ, будетъ возмущенъ этимъ попраніемъ нейтралитета и чувства уваженія, съ какимъ должна относиться къ намъ Австрія. Вооруженія продолжаются по всей Австріи. Мои войска, которыя шли въ Булонь, Тулонъ и Брестъ, гдѣ вмѣстѣ съ эскадрой должны были угрожать Англіи и ея колоніямъ, вернулись обратно и цѣликомъ двинуты въ Страсбургъ, чтобы создать тамъ обсерваціонный лагерь изъ 80,000 человѣкъ. Герцогъ Риволи приметъ командованіе надъ этимъ обсерваціоннымъ лагеремъ. Генералъ Удино перешелъ со своимъ корпусомъ въ Аугсбургъ. Вамъ извѣстно, что этотъ корпусъ состоитъ изъ 12,000 человѣкъ гренадеръ и 4-хъ батальоновъ стрѣлковъ; четыре вновь сформированныхъ роты этихъ батальоновъ выступили въ походъ, чтобы присоединиться къ нимъ, что доведетъ этотъ корпусъ, вмѣстѣ съ кавалеріей, приблизительно до 40,000 человѣкъ. Я вытребовалъ для охраны

шведской Помераніи войска изъ Мекленбургъ-Шверина, и приказалъ соединиться всѣмъ корпусамъ рейнской арміи, состоящимъ изъ прежнихъ корпусовъ маршаловъ Даву и Сульта, что составитъ 30 полковъ пѣхоты. Всѣ войска Конфедераціи въ сборѣ. Моя итальянская армія въ полномъ составѣ. Здѣсь весьма энергично производится рекрутскій наборъ. При такомъ положеніи вещей, я могу, если понадобится, вступить въ Австрію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ съ силами вдвое бо̀льшими того, сколько нужно для покоренія ея. Тѣмъ не менѣе, я ничего не сдѣлаю такого, что могло бы мало-мальски повредить моему согласію съ Россіей; но нельзя и думать о мирѣ съ Англіей, пока мы не увѣрены въ Австріи. Если бы, какъ я разсчитывалъ сдѣлать это, у меня въ настоящее время было 80,000 человѣкъ въ Булони, 30,000 въ Флиссингенѣ, 30,000 въ Брестѣ и 30,000 въ Тулонѣ, Англія очутилась бы въ весьма незавидномъ положеніи.

Въ Флиссингенѣ, Брестѣ и Тулонѣ у меня собраны огромныя средства для высадки, и хотя мой флотъ уступаетъ флоту Англіи, но онъ не ничтожный. У меня на рейдахъ 60 вооруженныхъ кораблей и столько же фрегатовъ. Если бы одна изъ этихъ экспедицій проскользнула въ Индію или Ямайку, или, если бы обѣ эскадры соединились, онѣ нанесли бы громадный вредъ Англіи. Странныя вооруженія Австріи парализовали всѣ эти средства. Вооруженія Австріи равносильны тому, какъ если бы она заключила союзный договоръ съ Англіей; они создаютъ даже болѣе важную диверсію, чѣмъ война, ибо война была бы скоро окончена; они стоятъ дороже, ибо Австріи придется расплачиваться за все. Вотъ что вамъ слѣдуетъ внушить императору. Внушите ему, что я не отказываюсь ждать нѣсколько мѣсяцевъ, но, что было бы крайне несправедливо, если бы результатъ моего союза съ Россіей выразился бы въ томъ, что парализовалъ бы мои средства и держалъ бы меня въ разорительномъ, трудномъ и безцѣльномъ положеніи. На что ссылается Австрія? Что ей угрожаетъ? Развѣ угроза сдѣлалась больше оттого, что я взялъ изъ Германіи половину моихъ войскъ, чтобы двинуть ихъ въ Испанію, за 500 льё отъ нея, и оттого, что я удалилъ остатокъ моей арміи изъ Силезіи? Въ угоду Россіи я отказался отъ этихъ гарантій противъ Австріи. Чтобы идти заодно съ Россіей, я позволилъ Австріи возвысить тонъ. Пора кончить съ этимъ. Нашъ союзъ дѣлается достойнымъ презрѣнія въ глазахъ Европы. Онъ не можетъ доставить ей благодѣтельнаго спокойствія. И результаты, которые мы видимъ въ Константинополѣ, столь же позорны, какъ и противны интересамъ нашихъ подданныхъ. Нужно, чтобы Австрія и на самомъ дѣлѣ разоружилась; чтобы я могъ въ теченіе лѣта вернуть мои войска; чтобы я могъ, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, спокойно отправить въ море 25—30,000 человѣкъ, не боясь, что у меня въ любой моментъ будетъ война на континентѣ. Необходимо, чтобы разоруженіе Австріи было не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ. Необходимо, чтобы Австрія отозвала изъ Константинополя своего интернунція и прекратила постыдную торговлю, которую она поддерживаетъ съ Англіей. При этихъ условіяхъ, я не прочь гарантировать неприкосновенность Австріи противъ Россіи и чтобы Россія гарантировала ей таковую противъ меня. Но если эти средства окажутся безполезными, тогда нужно двинуться на нее, разоружить ее, и или раздѣлить на три короны и возложить эти короны на главы трехъ принцевъ

австрійскаго дома, или оставить ее нераздѣльной, но такъ, чтобы она могла поставить подъ ружье только сто тысячъ человѣкъ, и—приведя ее въ такое положеніе—заставить ее дѣйствовать заодно съ нами противъ Порты и противъ Англіи.—Моя брестская эскадра вышла въ море; эскадры въ Лоріентѣ и Рошфорѣ также вышли въ море, и вскорѣ я буду въ состояніи сообщить вамъ о какомъ-нибудь морскомъ дѣлѣ. Если бы я не узналъ въ Испаніи о движеніяхъ Австріи и если бы мои войска не вынуждены были (слово пропущено) изъ Меца и Ліона, мои эскадры ушли бы съ десантомъ въ 20,000 человѣкъ.

Парижъ, 6 марта 1809 г.

Г. Коленкуръ, получилъ ваше письмо отъ 3 февраля. Подробности, сообщенныя вами о представленіи Шварценберга, доставили мнѣ удовольствіе. Знаменитое письмо къ австрійскому императору, на которое жалуются, находится въ рукахъ Румянцева. Если вы не знаете еще его содержанія, можете попросить Румянцева сообщить его вамъ. Что же касается моихъ словъ, сказанныхъ Винценту, они въ томъ же родѣ, какъ и слова, сказанныя мною въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса Меттерниху. Можетъ быть, Австрія искала основаній для своего поведенія въ баснѣ волкъ и ягненокъ? Было бы любопытно, если бы она сообщила мнѣ, что я ягненокъ, а ей хотѣлось бы быть волкомъ. Шампаньи отправилъ вамъ курьера, который доставитъ вамъ его разговоръ съ Меттернихомъ. Вы постараетесь показать эту бумагу императору. Посылаю вамъ письмо изъ Дрездена, изъ котораго вы узнаете, до какой степени встревожены всѣ при саксонскомъ дворѣ; то же самое происходитъ и при баварскомъ.—Вскорѣ послѣ заявленія Меттерниха я долженъ былъ отправить мои войска въ Булонскій лагерь, въ Брестъ и Тулонъ. Они были уже въ пути, но безразсудныя дѣйствія Австріи заставили меня отдать приказъ остановить ихъ на Саонѣ и Мертѣ. Со времени этого заявленія всюду во Франціи началось движеніе. 20 марта, герцогъ Риволи будетъ въ Ульмѣ съ 20 пѣхотными полками, съ 10 полками кавалеріи и 60 пушками. Генералъ Удино съ корпусомъ вдвое бо̀льшимъ, чѣмъ въ предыдущія кампаніи, т. е. 18,000 пѣхоты, 8,000 кавалеріи и 40 пушекъ, находится въ Аугсбургѣ. Герцогъ Ауерштедтскій съ 4 пѣхотными дивизіями, составленными изъ 20 полковъ, съ дивизіей, составленной изъ всѣхъ кирасирскихъ полковъ и 15 полками легкой кавалеріи, стоитъ въ Бамбергѣ, Байрейтѣ и Вюрцбургѣ. Баварскія войска составляютъ 3 дивизіи и стоятъ въ Мюнхенѣ, Штраубингенѣ и Ландсгутѣ: эта армія состоитъ изъ 40,000 человѣкъ и будетъ находиться подъ командой герцога Данцигскаго. Вюртембержцы собраны въ Нересгеймѣ; гессенъ-дармштадскія войска въ Мергентгеймѣ; баденскія, въ числѣ 6,000 человѣкъ, въ Форцгеймѣ. Саксонская армія, состоящая изъ 30,000 человѣкъ собирается въ Дрезденѣ. Принцъ Понте-Корво отправляется туда же съ саксонскими войсками. Вестфальскій король будетъ командовать резервомъ, готовымъ двинуться туда, гдѣ онъ будетъ нуженъ. Князь Понятовскій командуетъ поляками, лѣвое крыло которыхъ опирается на Варшаву, а правое простирается до Кракова. Черезъ нѣсколько дней я отправлю изъ Парижа 1,500 человѣкъ конной гвардіи и 3,000 пѣхоты. Все остальное уже въ пути. Головная колонна прошла уже Бордо. Моя далматинская армія станетъ на границахъ Кроаціи, имѣя свою главную квартиру

въ Зарахъ, гдѣ у нея укрѣпленный лагерь и провіанта на одинъ годъ. Итальянская армія, состоящая изъ 6 французскихъ пѣхотныхъ дивизій и 2 итальянскихъ, будетъ собрана въ концѣ марта въ Фріулѣ. Она состоитъ приблизительно изъ 100,000 солдатъ. Австрійцы увидятъ, что насъ не всѣхъ убили на славномъ полѣ сраженія при Ронсево. Все, что доходитъ изъ Вѣны—сплошное безуміе. Разсчитываю, что императоръ Александръ сдержитъ свое обѣщаніе и двинетъ свои войска. Тогда, если Австрія захочетъ попытать счастья, я увѣренъ, что мы сможемъ соединиться въ Вѣнѣ.—Шампаньи отправитъ къ вамъ завтра курьера, съ которымъ вы получите ноту, которая будетъ передана Меттерниху: она познакомитъ васъ съ положеніемъ вопроса.—Англичане опубликовали документы о переговорахъ и статьи эрфуртскаго договора. Все это урѣзано и поддѣлано, что вынуждаетъ меня сдѣлать сообщеніе Сенату, дабы возстановить текстъ всѣхъ этихъ документовъ.—Примите угрожающій и твердый тонъ съ Шварценбергомъ. Настоящее положеніе вещей не можетъ продолжаться. Я хочу мира съ Австріей, но мира прочнаго и такого, какого я въ правѣ требовать послѣ того, какъ трижды спасъ независимость этого государства.

Я отправилъ брестскій флотъ въ море. Моей цѣлью было снять блокаду съ Лоріента, чтобы выпустить оттуда пять кораблей, которые я посылаю въ колоніи. Эта первая операція удалась. Послѣ этого, флотъ долженъ былъ отправиться въ Рошфоръ, чтобы соединиться съ эскадрой острова Э и захватить четыре англійскихъ корабля, которые имѣли глупость стать на якорь на рейдѣ Пертью-Бретона. Но мой тупоумный контръ-адмиралъ вздумалъ позабавиться охотою за четырьмя непріятельскими кораблями, которыхъ встрѣтилъ въ пути; вслѣдствіе чего четыре корабля, стоявшіе на якорѣ, вовремя были предупреждены и успѣли выйти въ открытое море. Ихъ не застали только на нѣсколько часовъ; и если бы не эта потеря времени, ихъ непремѣнно захватили бы; соединеніе эскадръ у острова Э состоялось; у меня тамъ 16 линейныхъ кораблей и 5 фрегатовъ. Если бы Булонскій лагерь былъ сформированъ, если бы у меня было 16,000 человѣкъ въ Брестѣ и 30,000 въ Тулонѣ, я задалъ бы ходу англичанамъ: а этого-то я и надѣялся добиться моимъ союзомъ съ Россіей.

Вы, вѣроятно, прочли въ *Moniteur*'ѣ два письма вѣнскаго газетчика редактору *Gazette de Hambourg*. На первый взглядъ кажется, что эти письма не имѣютъ значенія; но кто захочетъ поразмыслить, пойметъ, что это способъ вести переписку съ Англіей, а хвастливое указаніе на силы Австрійскаго дома—средство поддержать надежды враговъ Франціи.—Въ письмахъ говорится о неблагопріятномъ направленіи Россіи, потому что знаютъ, что объ этомъ не можетъ быть иного мнѣнія и потому что, признавая безъ обиняковъ союзъ Россіи съ Франціей, хотятъ убѣдить, что Австрія въ состояніи выдержать борьбу съ обѣими имперіями.—Австрія должна совершенно разоружиться и удовольствоваться гарантіями со стороны Россіи и Франціи, какъ это предложилъ Румянцевъ.—Что же касается провинцій этой заранѣе побѣжденной монархіи, я для себя ничего не хочу; мы сдѣлаемъ изъ нихъ то употребленіе, какое найдемъ нужнымъ. Можно будетъ раздѣлить Австрійскую имперію на три составляющихъ ее короны, что будетъ одинаково выгодно Франціи и Россіи, такъ какъ эта операція, во-первыхъ, ослабитъ значеніе угрожающей

Польшѣ Венгріи, Богемское королевство уже съ давнихъ поръ завидуетъ Конфедеративнымъ странамъ, а собственно Австрія оплакиваетъ свое владычество надъ Италіей. Что же касается боязни Россіи, которую могли бы ей внушить по отношенію ко мнѣ, то развѣ мы не разобщены Пруссіей, которой я вернулъ въ цѣлости крѣпости, которыя могъ бы срыть, и развѣ мы не разобщены также и австрійскими государствами?—Когда эти государства сдѣлаются отдѣльными величинами, намъ можно будетъ уменьшить количество нашихъ войскъ, замѣнить повсемѣстные наборы, которые ведутъ даже къ вооруженію женщинъ, небольшимъ количествомъ регулярныхъ войскъ и, такимъ образомъ, измѣнить введенную покойнымъ прусскимъ королемъ систему большихъ армій. Казармы превратятся въ дома призрѣнія, а рекруты будутъ заниматься хлѣбопашествомъ.—Пруссія уже дѣлаетъ это; нужно заставить и Австрію сдѣлать то же. Что же касается выполненія, я согласенъ на все; все равно, пожелаетъ ли императоръ Александръ присоединиться ко мнѣ въ Дрезденѣ во-главѣ 40,000 человѣкъ, или же пойдетъ прямо на Вѣну съ 60 или 80,000 человѣкъ. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ я беру на себя три четверти пути.—Если дѣла дойдутъ до того, что вамъ нужно будетъ подписать что-нибудь относящееся къ раздѣлу трехъ государствъ, считайте себя уполномоченнымъ на это.—Если же послѣ завоеванія захотятъ гарантировать неприкосновенность монархіи, я согласенъ и на это, лишь бы она была вполнѣ разоружена. Я съ довѣріемъ отнесся къ Вѣнѣ, я могъ расчленить Австрію. Я повѣрилъ обѣщаніямъ императора; я думалъ, что полученный имъ урокъ подѣйствуетъ. Я думалъ, что онъ дастъ мнѣ возможность всецѣло отдаться морской войнѣ. Трехлѣтній опытъ доказалъ, что я ошибся; что разумъ и политика не могутъ побороть страстей и униженнаго самолюбія. Возможно, что австрійская Польша можетъ дать поводъ къ безпокойству въ Петербургѣ, но она не можетъ служить препятствіемъ.—Можно будетъ раздѣлить ее между Россіей и Саксоніей или же создать независимое государство.—Декларація англійскаго короля должна убѣдить императора Александра, что, пока у англійскаго короля будетъ надежда сѣять смуту на континентѣ, морскому миру не бывать, и, если Австрія не согласится разоружиться, и будетъ терять время, то Англія выиграетъ во времени настолько, насколько Европа потеряетъ. Впрочемъ, мѣсяцъ, два или три для меня не имѣютъ значенія; мои войска останутся въ Германіи до тѣхъ поръ, пока мое соглашеніе съ Россіей не будетъ прочно установлено.—Теперь мартъ. Можно вести переговоры до августа; но тогда необходимо, чтобы Австрія или сама рѣшилась, или чтобы ее принудили къ этому силой. Этого требуетъ честь нашихъ государствъ, это вмѣняютъ намъ въ обязанность интересы міра. За симъ, молю Бога и т. д.

Мальмезонъ, 21 марта 1809 г.

Г. Коленкуръ, получилъ ваше письмо отъ 28 февраля съ приложенными къ нему документами. Нѣсколько курьеровъ Шампаньи должны были доставить вамъ краткое изложеніе разговора министра съ Меттернихомъ и копію съ ноты, которую онъ передалъ ему нѣсколько дней спустя.—Вотъ каково положеніе вещей въ настоящее время. Австрія черезъ Тріестъ получила деньги. Эти деньги могли придти только изъ Англіи. Австрія муссируетъ Турцію; она покрыла своими войсками Богемію, Иннъ, Каринтію и Карніо-

лію. Нельзя допустить, чтобы императоръ не зналъ черезъ Вѣну о всѣхъ дѣлаемыхъ Австріей сумасбродствахъ. Шампаньи посылаетъ вамъ на нѣмецкомъ языкѣ копію съ прокламаціи принца Карла, которая равносильна объявленію войны. Тѣмъ не менѣе, Меттернихъ все еще говоритъ въ мирномъ тонѣ и до сихъ поръ не сдѣлалъ еще декларацiи. Низшіе агенты наводили справки въ вѣнскомъ кабинетѣ съ цѣлью узнать, не слѣдуетъ ли, въ виду возможнаго объявленія войны, опасаться чего-либо для царствующаго саксонскаго дома. Вмѣсто того, чтобы дать отвѣтъ, что нѣтъ никакого повода къ войнѣ, поспѣшили увѣрить, что саксонскому королю и его семьѣ нечего бояться и что къ нимъ отнесутся съ уваженіемъ. Вы видите, что съ 28 февраля дѣла очень ухудшились. Румянцевъ, вѣроятно, давно уже пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ выскажетъ тамъ мнѣніе, согласное съ моимъ. Я и не думаю нападать; но, при настоящихъ условіяхъ, думаю, что необходимо принять мѣры, чтобы русскія войска были двинуты и чтобы русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ былъ отозванъ въ случаѣ, если австрійцы перейдутъ свои границы. Необходимо, чтобы это приказаніе было извѣстно Шварценбергу и чтобы оно было сообщено въ Вѣну. Австрійское министерство увѣрено, что Россія ничего не предприметъ и что въ этой войнѣ будетъ соблюдать нейтралитетъ, даже тогда, когда объявитъ войну. Вы понимаете, насколько это будетъ противно чести Россіи и гибельно для общаго дѣла.—Вотъ мое военное положеніе: Саксонская армія собрана около Дрездена, и принцъ Понте-Корво, вѣроятно, уже поѣхалъ туда, чтобы принять надъ ней командованіе. Главная квартира герцога Ауерштедтскаго въ Вюрцбургѣ; его армія занимаетъ Байрейтъ, Нюренбергъ и Бамбергъ. Корпусъ Удино стоитъ на Лехѣ. Герцогъ Риволи разставилъ свой корпусъ вблизи Ульма. Вюртембержцы въ Нересгеймѣ. Баварцы въ Мюнхенѣ, Штраубингѣ и Ландсгутѣ. Инженерный генералъ Шамбарльгакъ въ Нассау, гдѣ онъ строитъ предмостное укрѣпленіе, чтобы обезпечить переправу черезъ Иннъ. Идутъ работы надъ укрѣпленіемъ крѣпостей Куфштейнъ, Гронахъ и Форцгеймъ. Поляки должны собраться подъ Варшавой и вдоль р. Пилицы. Склады наполняются отовсюду. Здѣсь не сдѣлано еще офиціальнаго сообщенія, ничего дѣльнаго еще не издано, ибо хотятъ хранить молчаніе до послѣдней минуты. Мнѣніе Додюна, моего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, и большинства лицъ проживающихъ въ этомъ городѣ то, что Австрія зашла слишкомъ далеко и уже не въ силахъ остановиться, и что, если война можетъ быть избѣгнута, то только благодаря зрѣлищу грозныхъ силъ Россіи, которыя могутъ отнять у этихъ людей всякую возможность надежды на успѣхъ. Одинъ австрійскій генералъ сѣлъ на корабль въ Тріестѣ и отправился въ Лондонъ, чтобы условиться насчетъ операцій. При такомъ положеніи дѣлъ, нужно предвидѣть два случая: 1-ое. Если Австрія нападетъ—не слѣдуетъ составлять ноты; русскій повѣренный въ дѣлахъ долженъ уѣхать изъ Вѣны, а русскія войска тотчасъ же вступить въ Галицію и угрожать нападеніемъ на Венгрію, чтобы задержать часть силъ на этой сторонѣ. Если судить по своему разуму, то все заставляетъ думать, что Австрія, видя, какое количество французскихъ войскъ наводняетъ Германію и не ожидая, что они такъ быстро вернутся, не легко рѣшится перейти въ нападеніе. Но слѣдуетъ предвидѣть этотъ случай и послать инструкціи русскимъ и французскимъ агентамъ въ Вѣнѣ. Мысль, что

рууское посольство тотчасъ же уѣдетъ, можетъ быть, окажетъ сдерживающее дѣйствіе на воинственное настроеніе господствующей партіи. Второй случай тотъ, что въ теченіе апрѣля и мая дѣла останутся въ теперешнемъ состояніи, и что въ это время можно будетъ вести переговоры. Въ такомъ случаѣ, нота, которую предлагаетъ передать русскій императоръ, кажется мнѣ подходящей. За симъ, молю Бога и т. д.

Парижъ, 24 марта 1809 г.

Г. Коленкуръ, курьеръ Шампаньи доставитъ вамъ извѣстіе о произведенномъ Австріей покушеніи. Вы, вѣроятно, видѣли уже прокламацію принца Карла. Въ Тріестѣ, да и повсюду, все тѣ же волненія. Всюду громкіе призывы къ войнѣ. Событія идутъ скорѣе, чѣмъ думаютъ въ Петербургѣ. Вы не пишете, гдѣ находятся русскія войска. Если Россія не выступитъ въ походъ, у меня одного будетъ на рукахъ Австрія и даже Босняки. Я достаточно говорилъ объ этомъ Румянцеву. Для своей заносчивости англичане разсчитывали и на Австрію, и на Турцію, и на то, что мои войска заняты въ Испаніи, а войска русскаго императора въ Финляндіи и Турціи. Наступило время доказать противное.—Я смотрю на Додюна, какъ на плѣнника въ Вѣнѣ; только вчера въ 4 часа пополудни узналъ о задержаніи его курьера въ Браунау. Я тотчасъ же приказалъ сказать Меттерниху, что у меня не (неразборчивое слово). Я не могъ бы его видѣть. Я приказалъ поступать такъ же съ курьерами австрійцевъ, и задерживать ихъ депеши, пока не будутъ возвращены мои. Я не ожидалъ такого непредвидѣннаго покушенія и не отправилъ еще ни моей гвардіи, ни моего багажа. Но сегодня утромъ я поспѣшилъ отправить кавалерію и артиллерію моей гвардіи и мои походные экипажи. Тѣмъ не менѣе, въ расположеніи моихъ войскъ не произошло никакихъ измѣненій. Я не хочу нападать, пока не получу отъ васъ извѣстій; но все заставляетъ меня думать, что Австрія нападетъ первая. Неужели результатомъ нашего союза будетъ то, что мнѣ одному придется сражаться со всей Австріей и, кромѣ того, съ нѣсколькими тысячами босняковъ? Неужели императоръ захочетъ, чтобы его союзъ не имѣлъ никакого значенія и не принесъ никакой пользы общему дѣлу? Что же касается средствъ, то мнѣ кажется, что у императора имѣются свободныя войска на границахъ Трансильваніи, въ Петербургѣ и около Галиціи. Всякій планъ хорошъ, лишь бы занять часть австрійскихъ войскъ. Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ вамъ объ этомъ. Можетъ быть, императоръ пожелаетъ прислать мнѣ вспомогательный корпусъ? Я берусь кормить его. Пусть онъ прикажетъ ему перейти Вислу между Варшавой и Торномъ и пододвинетъ его къ Дрездену. Можетъ быть, онъ хочетъ вступить въ Галицію или въ Трансильванію? Пусть двинетъ войска, которыя у него стоятъ тамъ. Отчего бы ему не помѣшать сношеніямъ съ Австріей и не подвергнуть ее такому же тягостному положенію, въ какомъ находимся мы—Австрія и я? Такое намѣреніе Россіи могло бы напугать ее.—Нота императора кажется мнѣ хорошей. Если онъ прикажетъ передать ее Шварценбергу, вы можете передать Шварценбергу подобную же ноту. Пусть Австрія разоружится, я удовольствуюсь этимъ; но она, какъ видно, рѣшила начать войну. Прокламація принца Карла отъ 9 марта вышла на девятый день послѣ пріема Шварценберга. Получаемыя мною извѣстія изъ Англіи приняли опредѣленный характеръ: въ Лондонѣ радость.

Австрійскіе агенты уже взбунтовали нѣсколько тирольскихъ общинъ. Посланникъ Порты въ Парижѣ получилъ приказаніе вступить въ сношенія съ австрійскимъ посольствомъ и писать черезъ его посредство. Въ Петербургѣ—не меньше чѣмъ здѣсь—должно быть извѣстно, какіе разговоры ведетъ публика въ Австріи. Повторяю еще разъ—если что и можетъ еще предупредить войну, въ чемъ я начинаю сомнѣваться, ибо австрійцы совсѣмъ потеряли голову, то это: 1-ое, что Россія отнесется къ нимъ полувраждебно, т. е. двинетъ къ границамъ Трансильваніи и Галиціи войска; и, если она хочетъ отдать одинъ корпусъ на мое содержаніе, пусть пошлетъ его въ герцогство Варшавское;—въ такомъ случаѣ настойте на томъ, чтобы онъ не проходилъ черезъ Варшаву; 2-ое, чтобы въ петербургскихъ журналахъ были помѣщены статьи о прокламаціяхъ принца Карла и о статьяхъ *Gazette de Pétersbourg* относительно Турціи; 3-е, чтобы въ русскихъ провинціяхъ поприжали австрійцевъ и начали дурно обращаться съ ними. Слухъ объ этомъ распространится въ монархіи и покажетъ, что войны не желаютъ. Если что-нибудь можетъ помѣшать разрыву, то только эти мѣры.—Повѣренные въ дѣлахъ Россіи и Франціи должны объявить, что получили приказаніе покинуть Вѣну, если Австрія сдѣлаетъ малѣйшее враждебное движеніе. Но, можетъ быть, эти мѣры уже запоздали. Вы, конечно, понимаете, что я ничего не боюсь. Но, послѣ того, какъ я потерялъ союзъ съ Турціей, послѣ того, какъ изъ-за эрфуртскаго совѣщанія я навлекъ на себя войну съ Австріей, послѣ того какъ мой тѣсный союзъ съ Россіей отвлекъ отъ французской партіи принца Карла—явнаго врага русскихъ, я въ правѣ ожидать, что, для блага этого союза и ради всеобщаго спокойствія, Россія будетъ дѣйствовать рѣшительно.—Мои войска, стоящія въ Италіи, будутъ всѣ выставлены къ 1 апрѣля, и къ тому же времени будутъ готовы войска, стоящія въ Германіи. Предоставляю вамъ самыя широкія полномочія. Если императоръ желаетъ прислать мнѣ 4 хорошихъ дивизіи, въ общемъ 45—60,000 человѣкъ, пусть двинетъ ихъ въ походъ, и въ то же время доведетъ до свѣдѣнія Австріи, что посылаетъ мнѣ эту помощь, такъ какъ она продолжаетъ занимать угрожающее положеніе. Это наведетъ ужасъ на Австрію и Англію. Онѣ увидятъ, что союзъ не фиктивный, а существуетъ на самомъ дѣлѣ. Если императоръ хочетъ самъ управлять своими войсками, у него всѣ средства къ этому. Пройдя черезъ Галицію, онъ вскорѣ достигнетъ Ольмюца. Тамъ его армія будетъ жить хорошо, запасется провіантомъ, совершитъ мощную диверсію и будетъ угрожать непосредственно самой Австріи, что вынудитъ ее двинуть въ эту сторону 60,000 человѣкъ. Черезъ Трансильванію онъ можетъ угрожать Венгріи и не давать хода венгерскому возстанію. Если нашъ союзъ не вздоръ, мы сдѣлаемъ все, чего захотимъ. Вы уполномочиваетесь подписать всякаго рода договоръ или конвенцію, которые пожелали бы вамъ предложить. Если Галиція будетъ завоевана, императоръ можетъ оставить себѣ половину, а другую половину можно отдать герцогству Варшавскому. Я не хочу никакого увеличенія. Я хочу только морского мира, а вооруженная Австрія служитъ препятствіемъ къ этому миру.—Словомъ, все имѣетъ такой видъ, какъ будто я въ войнѣ съ Австріей, и это всѣмъ очевидно; подобная же внѣшность должна быть и между Россіей и Австріей. Мои войска готовы выступить въ походъ; русскія войска также должны быть готовы къ

выступленію.—Голосъ Румянцева въ Вѣнѣ не можетъ привести ни къ чему Тамъ съ величайшимъ хладнокровіемъ говорятъ, что русскіе заняты въ Турціи, Финляндіи и Швеціи, а что мои войска заняты въ Испаніи и Корфу. На этихъ мечтахъ строятъ свои успѣхи; заблужденіе, которое заставляетъ пожимать плечами мыслящихъ людей. Намъ также нужно дѣйствовать. Больше я ничего не могу сказать вамъ; вы столь же хорошо, какъ и я, понимаете положеніе вещей. Скажите Румянцеву, что вы уполномочены подписать ноту и передать ее вмѣстѣ съ нимъ. Я раздѣляю чувства императора и согласенъ на ноту, которую онъ хочетъ представить. Но ничто не подѣйствуетъ, если онъ не приметъ высокомѣрнаго и серьезнаго тона. Нельзя выразить, какъ всѣ раздражены здѣсь задержаніемъ курьера. За симъ, молю Бога, и т. д.

Парижъ, 9 апрѣля 1809 г.

Г. Коленкуръ, только-что получилъ ваши письма отъ 22 и 23 марта. Я крайне доволенъ тѣмъ, что вы сообщаете мнѣ о намѣреніяхъ Россіи и, въ особенности, Румянцева. Шампаньи отправляетъ къ вамъ курьера, чтобы познакомить васъ съ положеніемъ дѣлъ. Австрійцы, предварительно собравшись въ Богеміи, вернулись въ Зальцбургъ. Они отходятъ въ настоящее время на Вельсъ. Они крайне удивлены силой моихъ армій, чего они вовсе не ожидали. Дѣйствительно, въ Далмаціи ли, въ Италіи ли, на Рейнѣ ли—всюду я выставлю противъ нихъ 400,000 человѣкъ. Все готово. Принцъ Невшательскій находится при главной квартирѣ. Дарю, всѣ—при арміи. Мои лошади и часть моей гвардіи прибыли два дня тому назадъ въ Страсбургъ. Другая часть здѣсь или подходитъ изъ Испаніи. Я увеличилъ мою гвардію двумя полками стрѣлковъ и 4 полками рекрутовъ. Я уже писалъ вамъ въ письмѣ отъ 24 марта, что, если императоръ пожелаетъ прислать мнѣ три или четыре дивизіи, я беру на себя ихъ прокормъ и содержаніе съ момента ихъ перехода черезъ Вислу; что, если онъ хочетъ дѣйствовать самъ по себѣ, пусть двинетъ корпусъ на Галицію. Адъютантъ герцога Зюдерманландскаго пріѣдетъ завтра въ Парижъ. Черезъ нѣсколько дней пошлю вамъ новаго курьера. Хочу дождаться извѣстій о впечатлѣніи, какое произвела въ Россіи революція въ Швеціи. Посылаю вамъ приказъ, данный мною командиру русской эскадры въ Тулонѣ.

Парижъ, 10 апрѣля 1809 г. [1]).

Г. Коленкуръ, изъ передвиженій австрійцевъ и изъ перехваченныхъ мною писемъ видно, что они начнутъ враждебныя дѣйствія самое позднее 15 или 20-го. Сегодня утромъ князь Куракинъ передалъ мнѣ письмо императора. Получилъ отъ герцога Зюдерманландскаго письмо, которое показалъ Куракину. Подожду отвѣчать ему, пока не получу новыхъ извѣстій изъ Россіи. Во всякомъ случаѣ мой отвѣтъ будетъ неопредѣленнаго характера. Шампаньи пишетъ вамъ подробнѣе. Если императоръ не поспѣшитъ вступить въ враждебную страну, онъ не принесетъ никакой пользы. Его генералы будутъ предупреждены о времени начала враждебныхъ дѣйствій, хотя, думаю, вы еще раньше узнаете объ этомъ черезъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ

---

[1]) Съ этого письма кончается непосредственная переписка Наполеона съ его посланникомъ въ Россіи.

въ Вѣнѣ. Изъ перехваченныхъ писемъ видно, что австрійскій императоръ отправляется самъ въ главную квартиру, вѣроятно, въ Зальцбургъ.

II.

ВОЗИЛЪ ЛИ НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССІЮ ИМПЕРАТОРСКІЯ РЕГАЛІИ?

Въ крайне рѣдкой брошюрѣ, подъ названіемъ: *Petites causes et grands effets, le secret de 1812*, г. Сюдръ передаетъ слѣдующій фактъ со словъ участвовавшаго въ русскомъ походѣ г. Дестютта де-Траси. Во время похода на Москву, между Вильной и Витебскомъ, г. де-Траси замѣтилъ, среди транспорта съ багажемъ, фургонъ съ императорскими гербами, охраняемый кавалерійскимъ пикетомъ. Командующій этимъ отрядомъ офицеръ объяснилъ ему, что въ фургонѣ находятся императорскія регаліи; что ему проговорился объ этомъ одинъ младшій чинъ. Позднѣе, г. де-Траси узналъ отъ одного изъ членовъ императорской фамиліи причину перевозки этихъ регалій. Послѣ побѣдоноснаго мира Наполеонъ хотѣлъ короноваться въ Москвѣ и принять титулъ *императора Запада, главы европейской Конфедераціи, защитника христіанской вѣры*. (Cf. *le Supplément littéraire du Figaro, 4 mai 1895*).

Въ *Revue rétrospective* (№ отъ 10 мая 1895 г.) виконтъ Груши опубликовалъ нѣсколько выдержекъ изъ *Mémoires du comte de Langeron*, который, состоя на службѣ Россіи, сдѣлалъ походъ 1812 г. Въ разсказѣ объ отступленіи находится слѣдующая фраза: „Въ пяти верстахъ отъ Вильны, по ковенской дорогѣ, французы бросили свои послѣдніе экипажи—среди другихъ и экипажи Наполеона. Въ нихъ нашли его портфели, одежды, ордена, скипетръ и императорскую мантію, въ которую, какъ говорятъ, закутался казакъ". (Cf. *le Supplément littéraire du Figaro, 11 mai 1895*).

Къ этимъ показаніямъ мы можемъ добавить еще одно. 6 апрѣля 1812 г., говоря о Наполеонѣ и желая еще больше подтвердить его доходившее до безразсудства честолюбіе, Бернадотъ сказалъ русскому послу Сухтелену: „Онъ приказалъ привезти въ Германію принадлежности для коронаціи, вѣроятно, чтобы короноваться императоромъ". (*Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie*, XXI, 438). Въ Парижѣ у Бернадота были корреспонденты, между прочимъ его жена, которые довольно точно извѣщали его о выдающихся событіяхъ и, въ особенности, о ходившихъ по городу слухахъ.

Изъ всѣхъ трехъ показаній ни одно само по себѣ не доказательно; но сходство ихъ придаетъ имъ значеніе и наводитъ на размышленія. Однако, въ книгахъ парижскаго архіепископства, въ которомъ хранились императорскія регаліи, именно тѣ, которыя были употреблены при коронованіи,—нѣтъ никакой помѣтки о перемѣщеніи этихъ регалій въ 1812 г. Какъ извѣстно, регаліи состояли изъ короны золотого лавра, которую Наполеонъ возложилъ на свою главу, скипетра съ рукою правосудія, мантіи изъ пурпуроваго бархата, подбитой горностаемъ и усѣянной пчелами, колье, кольца и, кромѣ того, изъ того, что называлось *les honneurs de Charlemagne*, т. е. корона, подобная той, какая, по преданію, приписывалась Карлу Великому и которая употреблялась при коронованіи французскихъ королей; шпага того же стиля

и императорская держава. Послѣдніе предметы неслись маршалами впереди императора. Корона Карла Великаго находилась во времена второй имперіи въ королевскомъ музеѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими принадлежностями исподней одежды, которыя были надѣты на Наполеонѣ во время церемоніи коронованія. Что же касается мантіи, будто бы взятой казакомъ, то она и теперь хранится въ сокровищницѣ церкви Notre-Dame. Сверхъ того, въ полностью сохранившихся императорскихъ счетахъ не указано, чтобы регаліи были изготовлены въ двухъ экземплярахъ, или чтобы какая-нибудь изъ нихъ была возстановлена послѣ 1812 г., хотя въ 1813 г. Наполеонъ поднималъ вопросъ о коронованіи Маріи-Луизы, что поставило бы въ необходимость имѣть эти регаліи на-лицо. При этихъ условіяхъ мы не можемъ считать доказаннымъ фактъ перевозки регалій въ Россію. Тѣмъ не менѣе достовѣрно, что слухъ объ этомъ ходилъ въ извѣстныхъ близко-стоявшихъ ко двору кругахъ, какъ это доказываютъ разговоры, слышанные де-Траси и Бернадотомъ.

III.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГРАФА НЕССЕЛЬРОДЕ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I-МУ.

(ОКТЯБРЬ 1811 г.) [1]).

Государь, приступая по приказанію Вашего Величества къ изложенію мыслей, которыя я имѣлъ честь представить вамъ въ воскресенье, думаю, что было бы безполезно подробно перечислять событія, которыя привели насъ къ тому положенію, въ какомъ находятся въ настоящее время наши отношенія къ Франціи. Достаточно сказать, что они уже не таковы, какими были послѣ Тильзита и Эрфурта, и что уже съ начала сего года между обоими государствами создалось по-истинѣ натянутое положеніе, которое съ минуты на минуту заставляетъ предусматривать возможность войны. Эта перемѣна отношеній побудила Ваше Величество собрать и организовать значительныя средства обороны. Ваши арміи сильнѣе, чѣмъ когда-либо; онѣ ограждаютъ вашу имперію отъ неожиданнаго нападенія, а такъ какъ въ ваши планы не входитъ мысль о нападеніи даже съ чисто-оборонительной цѣлью, то цѣль вашей политики тѣмъ самымъ была бы уже достигнута, если бы это положеніе не обострилось вслѣдствіе отказа обсуждать интересы Ольденбургскаго дома, каковой отказъ возбудилъ въ императорѣ Наполеонѣ чрезмѣрное безпокойство и заставилъ его подозрѣвать заднія мысли. Поэтому это положеніе можетъ сдѣлаться если не причиной, то предлогомъ къ войнѣ, которой Ваше Величество желаетъ, насколько возможно, избѣгнуть, однако, не принося жертвъ, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ Вашего Величества и интересами вашей имперіи. Это желаніе основано на безспорныхъ данныхъ, но, если бы таковыхъ и не было, все-таки, смотря на дѣло съ широкой точки зрѣнія, всякая война, предпринятая при настоящихъ обстоятельствахъ, не обѣщаетъ надежды на успѣхъ.

---

[1]) Archives de Saint-Pètersbourg.

Дѣйствительно, болѣе чѣмъ доказано, что крушеніе старой политической системы—всѣ печальные перевороты, свидѣтелями коихъ мы были, всѣ зародившіяся и укоренившіяся предъ нашими взорами ужасъ наводящія нововведенія, всѣ испытываемыя нами притѣсненія и предстоящіе всевозможные перевороты, которые заставляютъ насъ дрожать за будущее—все это является результатомъ тѣхъ одиночныхъ, спѣшно начатыхъ и плохо задуманныхъ войнъ, въ которыя съ 1792 г., а главное, съ 1805 г. великія державы бросались одна за другой, правда, въ силу крайне справедливыхъ и достойныхъ похвалы причинъ, но со столь плохо-разсчитанными средствами, что они не могли обезпечить за ними не только успѣха, но даже гарантировать ихъ отъ непоправимыхъ неудачъ. Къ этой же категоріи пришлось бы, къ несчастью, причислить и нашу войну, если бы мы пожелали предпринять ее теперь. Но, судя по всему, что было, судя по опредѣленнымъ заявленіямъ императора Наполеона въ разговорѣ 15 августа, мы можемъ льстить себя надеждой избѣгнуть ея, при условіи принятія предлагаемыхъ намъ переговоровъ. Продолжать же отказываться отъ нихъ значило бы доставить ему возможность свалить на насъ отвѣтственность за войну, и, въ нѣкоторомъ родѣ, дать ему право приступить къ приготовленіямъ къ войнѣ съ нами. Его приготовленія потребовали бы усиленія и нашихъ. Кризисъ съ каждымъ днемъ началъ бы принимать все болѣе тревожный характеръ, и, въ концѣ-концовъ, единственнымъ средствомъ выйти изъ него сдѣлалась бы война. Истинная цѣль переговоровъ должна состоять въ томъ, чтобы выяснить, искренно ли высказываемое императоромъ Наполеономъ желаніе придти къ соглашенію, не выдвигаетъ ли онъ таковое, при всякомъ удобномъ случаѣ, только потому, что убѣжденъ, что мы отринемъ его, или же онъ думаетъ, что время для приведенія въ исполненіе враждебныхъ намъ плановъ, существованіе коихъ у него, къ несчастью, болѣе чѣмъ подтверждается неопровержимыми данными, еще не приспѣло. При послѣднемъ предположеніи можно было бы воспользоваться настоящимъ положеніемъ вещей, чтобы достигнуть соглашенія, сущность и характеръ котораго способствовали бы улучшенію нашего теперешняго положенія и обезпеченію намъ на нѣкоторое время спокойствія, которое, если имъ мудро воспользоваться, могло бы подготовить гораздо болѣе прочныя выгоды, чѣмъ какое-нибудь выигранное въ настоящее время у французовъ сраженіе. Ради этого, слѣдовало бы, не колеблясь и вполнѣ доброжелательно, воспользоваться предлагаемымъ намъ средствомъ кончить настоящіе споры и какъ можно скорѣе послать въ Парижъ такого человѣка, который былъ бы пригоденъ для веденія столь важнаго дѣла, который пользовался бы довѣріемъ Вашего Величества, и, зная въ совершенствѣ ваши намѣренія, былъ бы формально уполномоченъ заключать все, что согласуется съ ними, и въ то же время могъ бы вступить съ императоромъ Наполеономъ въ откровенныя и точныя объясненія, въ родѣ тѣхъ, какія давалъ ему до сихъ поръ только герцогъ Виченцы, но которыя не произвели особаго впечатлѣнія потому, что императоръ Наполеонъ не находитъ нужнымъ смотрѣть на нихъ, какъ на имѣющія официальный характеръ. Достойно сожалѣнія, что этотъ шагъ не былъ предпринятъ еще весной, когда неудачи, истощившія французскія войска въ Испаніи, сдѣлали бы императора Наполеона болѣе уступчивымъ относительно условій подобнаго согла-

шенія. Впрочемъ, блестящія побѣды генерала Кутузова въ Турціи исправили въ настоящее время этотъ недочетъ, и, если, какъ надо надѣяться, результатомъ этихъ побѣдъ будетъ почетный и умѣренный миръ, возможно, что настоящій моментъ еще болѣе благопріятенъ. Всякій сдѣланный послѣ этого мира миролюбивый шагъ непремѣнно произведетъ хорошее впечатлѣніе и разрушитъ поддерживаемыя во Франціи опасенія, что мы ждемъ только этого результата, чтобы начать войну.

Главные предметы, подлежащіе обсужденію во время этихъ переговоровъ, суть:

1. Интересы герцоговъ Ольденбургскихъ;
2. Уменьшеніе боевыхъ силъ Россіи и Франціи на границѣ;
3. Положеніе герцогства Варшавскаго—теперешнее и въ будущемъ;
4. Положеніе Пруссіи—теперешнее и въ будущемъ;
5. Торговыя сношенія Россіи.

1. На первомъ мѣстѣ я ставлю ольденбургскія дѣла не потому, чтобы этотъ вопросъ имѣлъ бо́льшее значеніе по сравненію съ остальными, а потому, что онъ единственный, который выдвигался до сего времени, какъ предлогъ къ неудовольствію французскимъ правительствомъ, и потому, что достоинство Вашего Величества требуетъ, чтобы вамъ было дано удовлетвореніе за обиду, нанесенную принцамъ, родственникамъ вашего дома. Но, такъ какъ мы не могли и не хотѣли протестовать противъ дѣяній, въ которыя, между прочимъ, входилъ и захватъ территоріи этихъ принцевъ, и такъ какъ, безъ счастливой войны съ Франціей, мы не можемъ надѣяться заставить ее возстановить въ прежнемъ видѣ Ольденбургское герцогство, то намъ остается только одно—принять принципъ вознагражденія. Но выборъ такового труденъ. Эрфурта или всякой другой расположенной между государствами Рейнской Конфедераціи территоріи было бы недостаточно, и, сверхъ того, она постоянно была бы подъ страхомъ подвергнуться одинаковой съ герцогствомъ Ольденбургскимъ участи. Къ тому же, Франція ничего не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, а Ваше Величество держится слишкомъ либеральной политики, чтобы желать, чтобы Франція обобрала кого бы то ни было. Поэтому единственный способъ устроить это дѣло былъ бы обмѣнъ нашихъ правъ на Ольденбургъ, передачи которыхъ желаетъ Наполеонъ, на такія уступки, которыя доказали бы, что онъ дѣйствительно хочетъ мира—однимъ словомъ, на тѣ сдѣлки, какія будутъ изложены ниже.

2. Уменьшеніе боевыхъ силъ Россіи и Франціи на границѣ.

Я далекъ отъ мысли ослабить въ какомъ бы то ни было отношеніи наше военное положеніе, или желать прекращенія мудрыхъ работъ, предписанныхъ для созданія новой системы укрѣпленій! Но, отведя отъ нашихъ границъ часть нашихъ войскъ, мы всегда имѣли бы возможность разставить ихъ эшелонами на позиціяхъ, гдѣ они могли бы быстро сосредоточиться и придти во-время на угрожаемое мѣсто всякій разъ, когда распоряженія Франціи укажутъ намъ на близость нападенія, на дѣйствительную опасность. Слѣдовательно, если установить полную взаимность мѣропріятій, мы дадимъ мало, а выиграемъ много, ибо, если императоръ Наполеонъ твердо намѣренъ прекратить настоящій кризисъ, онъ не можетъ отказаться:

1. Отъ сокращенія наличнаго состава гарвизона Данцига, при чемъ въ одной изъ статей будетъ точно опредѣленъ его минимумъ *);

2. Отъ обязательства не посылать французскихъ войскъ въ герцогство Варшавское.

Если бы можно было прибавить третью статью, по которой армія герцогства была бы ограничена болѣе отвѣчающимъ денежнымъ средствамъ этого государства количествомъ войскъ, это, безъ сомнѣнія, было бы выгодно. Мнѣ кажется, попытка достигнуть этого не представитъ никакихъ неудобствъ.

3. Я никогда не придавалъ большого значенія ни формальному заявленію, ни договору, по которому императоръ Наполеонъ разъ навсегда обязался бы отказаться отъ того, что называется *возстановленіемъ Польши*, ибо, пока мы будемъ жить съ нимъ въ мирѣ, онъ не будетъ объ этомъ думать, если же будетъ война, никакая конвенція не помѣшаетъ ему сдѣлать это. Но, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ высказывался по поводу этого весьма опредѣленно, можно было бы воспользоваться его словами, чтобы включить въ договоръ статью, содержащую эту декларацію, конечно, при условіи, что она не будетъ сочтена за бо́льшее, чѣмъ она стоитъ, и что она не послужитъ предлогомъ къ бо́льшей уступчивости по другимъ болѣе важнымъ вопросамъ, ибо единственной выгодой, какая отсюда можетъ воспослѣдовать, можетъ быть только впечатлѣніе, какое эта статья произведетъ на умы поляковъ.

4. Гораздо бо́льшее значеніе я придаю статьѣ, по которой на нѣкоторое время могло бы быть обезпечено политическое существованіе Пруссіи; болѣе того, я считаю эту статью главнымъ предметомъ соглашенія. Ваше Величество не можетъ отнестись безразлично къ судьбѣ государства, на которое, не взирая на теперешнее его слабое состояніе, слѣдуетъ смотрѣть или какъ на авангардъ силъ, съ которыми Наполеонъ, рано или поздно, обрушится на Россію, или какъ на таковой же Россіи, который она противопоставитъ его планамъ. Такъ какъ истинная цѣль соглашенія—о каковой цѣли нужно было бы громогласно объявить предъ лицомъ Франціи—есть поддержаніе всеобщаго спокойствія, то всякое по этому поводу постановленіе будетъ безплодно и безрезультатно, доколѣ прусская территорія не будетъ свободна. Франція заявила, что всякое съ нашей стороны вторженіе въ герцогство Варшавское повлечетъ за собой войну. Отчего бы и намъ не отвѣтить, что всякое съ ея стороны нападеніе на Пруссію, всякая посылка войскъ въ эту страну сверхъ нормы, установленной договорами для гарнизоновъ крѣпостей по р. Одеру, равносильны объявленію войны? Къ тому же, отъ Франціи требовалось бы только добросовѣстное выполненіе обязательствъ, принятыхъ ею на себя по отношенію къ Пруссіи въ 1808 г., при томъ менѣе выгодныхъ для этой страны, чѣмъ обязательства, включенныя въ тильзитскій договоръ. Она должна была бы дать намъ обязательство очищать крѣпости на Одерѣ по мѣрѣ того, какъ прусское правительство будетъ уплачивать остающуюся за нимъ контрибуцію, а такъ какъ половина таковой уже уплочена, то Глогау слѣдовало бы уже теперь возвратить Пруссіи. Чтобы облегчить

*) Максимумъ ? (Прим. перев.)

Пруссіи возможность расплатиться съ Франціей, можетъ быть, можно было бы воспользоваться статьей тильзитскаго договора, по которой выговаривается въ пользу Пруссіи уступка въ триста тысячъ душъ, въ случаѣ, если Ганноверъ не будетъ возвращенъ Англіи. Между тѣмъ, Франція распорядилась этой страной, и я не понимаю, зачѣмъ прощать ей нарушеніе этой статьи— ей, которая никогда ничего не прощаетъ. Вообще, всякій способъ отнять у Наполеона поводъ занимать долѣе крѣпости на Одерѣ хорошъ, и долженъ быть проведенъ съ полной энергіей. Только при условіи, что на прусской территоріи не будетъ больше французскихъ войскъ, Пруссія, при всякихъ обстоятельствахъ, будетъ имѣть возможность принять рѣшеніе, отвѣчающее ея истиннымъ интересамъ, а такъ какъ этимъ она будетъ обязана намъ, то нужно надѣяться, что она послѣдуетъ тому направленію, на которое ей уже теперь указываетъ настроеніе ея народа, а, главнымъ образомъ, ея арміи.

5. Торговыя сношенія Россіи.

Ваше Величество отказалъ уже Наполеону въ его послѣднихъ настояніяхъ, какъ относительно новыхъ, болѣе распространительныхъ мѣръ такъ называемой континентальной системы, такъ и въ принятіи тріанонскаго тарифа [1]), и въ изгнаніи нейтральныхъ кораблей. Вамъ не слѣдуетъ уступать ни по одному изъ этихъ вопросовъ. Этотъ отказъ, какъ и все, что можетъ отличить Россію отъ толпы слабыхъ союзниковъ, слѣпо повинующихся произволу и капризамъ Франціи, хорошо обдуманъ и дѣлаетъ ей честь, и лучше разрывъ и, быть можетъ, даже война, чѣмъ нѣсколько статей, которыя лишатъ насъ возможности держаться системы, которой мы слѣдовали въ нынѣшнемъ году по отношенію къ торговлѣ!

Вотъ начала, на которыхъ должны быть установлены переговоры и должно быть основано вытекающее изъ оныхъ соглашеніе. Но если и допустить, что соглашеніе состоится наиудовлетворительнѣйшимъ образомъ, остается еще одинъ капитальный пунктъ, который слѣдуетъ разсматривать почти какъ краеугольный камень: слѣдуетъ, *чтобы Австрія была приглашена гарантировать соглашеніе.*

Императоръ Наполеонъ, самъ когда-то предлагавшій эту гарантію [2]), не имѣетъ основанія отклонить ее. У вѣнскаго же двора не можетъ не быть весьма вѣскихъ причинъ согласиться на нее; ибо отсюда и для него, и для насъ проистекли бы крупныя выгоды.

Россія и Австрія, т. е. двѣ единственныя континентальныя державы, единеніе которыхъ въ настоящее время могло бы еще оказать существенный противовѣсъ непомѣрному могуществу Франціи, впервые послѣ шести лѣтъ были бы связаны не только общими интересами, которые никогда не переставали существовать, но и надежными и открыто признанными узами. Во всемъ кругу политическихъ отношеній нѣтъ предмета, по которому бы правильно понимаемые интересы обоихъ государствъ не были бы въ полномъ согласіи. Я не исключаю отсюда даже турецкихъ дѣлъ, ибо, хотя относи-

---

[1]) Тарифъ, въ силу котораго колоніальные товары облагались пошлиной до 50% ихъ стоимости.

[2]) Безъ сомнѣнія, намекъ на взаимныя гарантіи, которыя Наполеонъ предлагалъ установить въ 1809 г. между Франціей, Россіей и Австріей.

тельно этого единственнаго пункта и можетъ возникнуть между Россіей и Австріей несходство во взглядахъ, которое прибавляетъ ко всѣмъ другимъ соображеніямъ столь важный поводъ желать скорой развязки войны съ Турціей, я, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ истинный государственный человѣкъ въ Россіи скорѣе согласится пожертвовать крупной территоріальной выгодой, чѣмъ вызвать неудовольствіе Австріи, равно какъ и въ Австріи истинный государственный человѣкъ скорѣе согласится примириться съ послѣдствіями, при обычныхъ условіяхъ, не отвѣчающими его политической системѣ, чѣмъ разойтись съ Россіей или быть простымъ зрителемъ при нанесеніи ущерба ея достоинству заключеніемъ мира на основахъ, слишкомъ далеко расходящихся съ тѣми, о которыхъ говорилось до сего времени. Этотъ миръ представилъ бы необъятныя выгоды: онъ устранилъ бы между Россіей и Австріей всѣ существующіе поводы къ зависти, тогда какъ статья о гарантіи въ договорѣ, заключенномъ съ Франціей, узаконила бы, такъ сказать, между ними довѣрительныя и непрерывныя сношенія, пріучила бы оба двора думать и дѣйствовать относительно всѣхъ существенныхъ интересовъ Европы въ одномъ и томъ же духѣ, и сдѣлалась бы зародышемъ формальнаго союза, задачей котораго было бы установить какъ мѣры, которыя пришлось бы принять противъ возможныхъ посягательствъ Франціи на гарантированное соглашеніе, такъ и помощь, которую слѣдовало бы взаимно оказывать другъ другу. Я смотрю на соглашеніе Россіи съ Австріей, какъ на единственное, остающееся послѣ столькихъ крушеній, средство спасенія. Если, считая съ сегодняшняго дня, черезъ извѣстный промежутокъ времени, оно не будетъ установлено на твердыхъ началахъ, и если Австріи не удастся возстановить свои финансы и свою армію такъ, чтобы соглашеніе не было безсильнымъ и, слѣдовательно, безполезнымъ, тогда рушатся наши послѣднія надежды, и все погибнетъ безвозвратно. Самое роковое слѣдствіе преждевременнаго разрыва между Франціей и Россіей будетъ заключаться въ томъ, что таковое соглашеніе сдѣлается невозможнымъ; величайшее же благодѣяніе мирнаго соглашенія съ Франціей будетъ состоять въ томъ, что оно дастъ возможность подготовить союзъ съ Австріей и будетъ ему благопріятствовать.

За время болѣе или менѣе устойчиваго мира, который послѣдуетъ за указаннымъ соглашеніемъ, Россія и Австрія будутъ имѣть время заняться своими внутренними дѣлами, приведеніемъ въ порядокъ своихъ финансовъ и армій. Ихъ союзъ и взаимное довѣріе облегчатъ эти дѣла. Въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ много значитъ знать, что всѣ планы, всѣ поступки, всѣ усилія сосѣда направлены къ общей цѣли, что можно разсчитывать на его преданность, не бояться диверсіи на нашихъ флангахъ, и быть глубоко увѣреннымъ, что успѣхи обоихъ государствъ въ дѣлѣ возстановленія ихъ силъ могутъ возбудить безпокойство только въ томъ, на кого они въ глубинѣ души смотрятъ, какъ на своего единственнаго врага.

Если во время этого мира императоръ Наполеонъ задумаетъ какой-нибудь новый захватъ, Россія и Австрія найдутъ въ актѣ о гарантіи законный предлогъ воспротивиться этому. Тотъ день, когда оба государства въ первый разъ дерзнутъ высказать одни и тѣ же принципы и заговорятъ съ французскимъ правительствомъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, будетъ днемъ,

въ который возродится изъ пепла свобода Европы. Этотъ день будетъ предвѣстникомъ воскрешенія политическаго равновѣсія, безъ котораго, что бы ни дѣлали, достоинство государей, самостоятельность государствъ и благосостояніе народовъ будетъ только грустнымъ воспоминаніемъ.

Такимъ образомъ, отъ одной хорошо-разсчитанной мѣры получится цѣлый рядъ выгодъ, и Ваше Величество, отвративъ грозу, увидитъ плоды своей мудрой политики—зачатки истиннаго мира, котораго—если онъ только совмѣстимъ съ существованіемъ императора Наполеона—при томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находятся всѣ государства, какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ихъ матеріальныхъ средствъ, можно добиться только этимъ путемъ.

Можетъ быть, возразятъ, что всѣ эти прекрасныя мечты—ибо онѣ зиждутся только на добросовѣстномъ отношеніи французскаго правительства—испарятся въ тотъ моментъ, когда окажется, что, предлагая начать переговоры, оно хотѣло только замаскировать свою игру, выиграть время или поставить намъ западню. Но даже и въ такомъ случаѣ нашей отзывчивостью на его миролюбивыя демонстраціи мы ничего не теряемъ. Въ виду того, что война не была объявлена весной, всякая отсрочка послужитъ намъ только на пользу. Настоящій моментъ, несмотря на все, что можно сказать относительно войны въ Испаніи, былъ бы самымъ роковымъ, какой мы могли бы избрать. Старинное правило, что все, чего хочетъ избѣгнуть нашъ противникъ, уже въ силу этого служитъ намъ на пользу, не допустимо безъ ограниченій. Мой противникъ можетъ имѣть весьма серьезныя причины не желать того, что въ конечномъ результатѣ цѣликомъ обратится въ его пользу. Думаю, что нѣтъ надобности распространяться по этому поводу, такъ какъ, мнѣ кажется, что мысли Вашего Величества о пользѣ избѣгнуть войны, какъ и о средствахъ достигнуть этого, уже вполнѣ установлены. На мысли, которыя я имѣлъ смѣлость представить вамъ, вы возразили, что, если кончить теперешнюю распрю соглашеніемъ, то исчезнетъ и та обида, которую Франція нанесла намъ, присоединивъ къ себѣ Ольденбургъ, а что вы желали бы оставить за собой право воспользоваться ею для открытія своихъ гаваней въ тотъ моментъ, когда императоръ Наполеонъ не будетъ въ состояніи вести съ нами войну только изъ-за этой причины. Думаю, что въ этомъ отношеніи Ваше Величество можетъ положиться на всѣмъ извѣстный характеръ императора; ибо, навѣрное, императоръ не замедлитъ дать вамъ новые поводы къ жалобамъ и упрекамъ. Къ тому же, ваши обязательства съ нимъ не вѣчны, и если въ теченіе еще нѣкотораго времени они не окажутъ на Англію воздѣйствія, котораго онъ тщетно надѣется при помощи ихъ добиться, Ваше Величество всегда будетъ въ правѣ заявить Франціи, что не можетъ долѣе жертвовать интересами своей имперіи ради идеи, нелѣпость которой доказалъ шестилѣтній опытъ. Никто не усмотритъ въ этомъ заявленіи нарушенія договоровъ, и если къ тому времени намъ удастся упрочить нашу оборону и довести ее до тѣхъ размѣровъ и усовершенствованій, которые она должна имѣть при жизни Наполеона, я даже сомнѣваюсь, чтобы ваше заявленіе могло вызвать войну.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

РОССІЯ ГОТОВИТСЯ КЪ НАПАДЕНІЮ.

Подъ покровомъ официально поддерживаемаго союза Александръ I-ый готовится къ наступательной войнѣ съ Наполеономъ.—На какую обиду ссылается онъ.—Въ чемъ истинная обида.—Тайное предложеніе варшавянамъ черезъ князя Адама Чарторижскаго; Александръ хочетъ возстановить Польшу ради своихъ собственныхъ интересовъ и сдѣлаться освободителемъ Европы.—Его поощряетъ картина всеобщаго притѣсненія.—Обзоръ государствъ.—Герцогство Варшавское.—Позлащенная нищета.—Наполеонъ всюду возстановилъ противъ себя матеріальные интересы.—Пруссія: король, кабинетъ, партіи, армія, настроеніе умовъ.—Швеція: первые шаги Бернадота въ роли наслѣднаго принца; его характерныя черты.—Король и два министра въ роли главныхъ руководителей.—Экономическіе интересы сближаютъ Швецію съ Англіей.—Положеніе дѣлъ на Дунаѣ; миръ русскихъ съ Портой—дѣло недалекаго будущаго.—Австрія: императоръ, императрица, общественное мнѣніе, армія.—Огромное вліяніе салоновъ.—Коалиція женщинъ.—Вліяніе и обаяніе русской колоніи.—Меттернихъ боится навлечь на себя немилость салоновъ.—Православный императоръ и австрійскіе славяне.—Французская Германія.—Вице-императоръ.—Строгости блокады.—Возрастающее озлобленіе.—Пробужденіе и ростъ національнаго сознанія.—Тайныя общества.—Другіе очаги агитаціи.—Александръ приказываетъ собрать свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Италіи.—Франція: внѣшній блескъ и внутренніе недуги.—Экономическій кризисъ.—Народъ втренъ императору.—Наполеонъ по-прежнему владѣетъ народнымъ воображеніемъ и подчиняетъ его силѣ своего обаянія.—Средніе и высшіе классы отдаляются отъ него.—Тайный заговоръ.—Испанія.—Англія.—Александръ замышляетъ сблизиться съ нашими врагами на экономической почвѣ.—Отвѣтъ Чарторижскаго, доставленный таинственнымъ курьеромъ.—Возраженія князя Чарторижскаго; его недовѣріе.—Онъ проситъ гарантій и отвѣта на свои вопросы.—Второе письмо Александра.—Царь обѣщаетъ Польшѣ автономію и конституціонный образъ правленія.—Онъ подробно перечисляетъ свои военныя силы.—Какими доводами пользуется онъ, чтобы убѣдить и обольстить поляковъ.—Первое условіе,

въ зависимость отъ котораго ставитъ онъ выступленіе въ походъ.—Усилія привлечь на свою сторону Австрію или, по крайней мѣрѣ, добиться ея нейтралитета.—Тайная дипломатія Александра I-го.—Онъ предлагаетъ Австріи Валахію и половину Молдавіи въ обмѣнъ на Галицію.—Шаги, предпринятые въ Пруссіи и Швеціи.—Подстрекательство Германіи.—Чернышевъ въ Парижѣ.—Ухаживаніе за женщинами и шпіонство.—Царь назначаетъ особаго агента состоять при Талейранѣ.—Другая вѣтвь тайной переписки.—Охота за Жомини.—Проектъ создать въ Россіи отрядъ изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ.—Интриги.—Отношенія Александра съ герцогомъ Виченцы.—Онъ вводитъ въ заблужденіе герцога Виченцы насчетъ своихъ плановъ и вооруженій.—Какъ принимаетъ онъ извѣстіе о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и о захватѣ герцогства Ольденбургскаго.—Проектированный императоромъ каналъ въ Балтійское море.—Александръ вновь повторяетъ, и положительно утверждаетъ, что никогда не нападетъ на Францію.—Разговоры въ салонахъ.—Русское посольство во Франціи.—Занятія князя Куракина внѣ дипломатической сферы.—Благодаря его ничтожеству его оставляютъ на его посту.—Офиціальный протестъ по поводу герцогства Ольденбургскаго.—Враждебныя намъ вліянія заключаютъ союзъ съ цѣлью оказать давленіе на Александра.—Наши враги упорно преслѣдуютъ въ продолженіе всего періода революціи и имперіи одинъ и тотъ же планъ. Они никогда не отказываются отъ надежды ниспровергнуть французское могущество и вернуть все, что отнялъ у нихъ Наполеонъ. 1

Глава II.

ПЛАНЫ ИМПЕРАТОРА.

Наполеонъ въ началѣ 1811 г.—Будучи, повидимому, владыкой міра, онъ сознаетъ, что употребляемыя имъ до сего дня средства укротить Англію и добиться всеобщаго мира—недѣйствительны.—Блокада будетъ безполезной, доколѣ она не будетъ повсемѣстной и полной.—Безплодныя усилія Массена передъ Торресъ-Ведрасъ.—Сѣверъ озабочиваетъ Наполеона и не позволяетъ ему нанести рѣшительнаго удара въ Испаніи.—Боязнь сближенія Россіи съ Англіей.—Возрастающее недовѣріе; явныя улики: запретительный указъ.—Гнѣвъ Наполеона; характерныя слова.—Поляки въ Парижѣ.—Валевская и Нарышкина.—Наполеонъ рѣшаетъ исподволь и въ тайнѣ готовиться къ походу въ Россію.—Его взглядъ на это исполинское предпріятіе.—Въ чемъ, по его мнѣнію, условіе успѣха.—Восемнадцать мѣсяцевъ на приготовленія.—Планъ на 1811 г.; планъ на 1812 г.—Какимъ путемъ хочетъ Наполеонъ создать въ Германіи значительныя военныя силы.—Армія для прикрытія.—Отправка войскъ въ Данцигъ.—Мѣры для сокрытія цѣли и важнаго значенія этихъ приготовленій.—Наполеонъ, какъ военныя приготовленія, такъ и дипломатическую кампанію начинаетъ позже Александра.—Какія государства оспариваютъ они другъ у друга.—Сношенія съ Пруссіей.—Австрія и княжества.—Сношенія съ Турціей.—Первая размолвка между Наполеономъ и шведскимъ наслѣднымъ принцемъ.—Бернадотъ стремится сблизиться съ Франціей.—Сокровенныя причины этого стремленія.—Просьба о присоеди-

неніи Норвегіи.—Одновременныя увѣренія русскому императору. — Бернадотъ будетъ на сторонѣ того, кто ему лучше заплатитъ, и никому не будетъ безусловно преданъ.—Императоръ и слышать не хочетъ о Норвегіи.—Аудіенція адъютанту принца.—Бернадотъ упорно возвращается къ своимъ просьбамъ и обѣщаніямъ.—Наполеонъ не намѣренъ связывать себя преждевременно союзомъ со Швеціей.—Его отношенія къ Россіи въ продолженіе этого времени.—Смѣсь притворства и откровенности. — Предложеніе вознаградить герцога Ольденбургскаго.—Преувеличенныя нападки на указъ.—Почему Наполеонъ умышленно придаетъ трагическое значеніе этой чисто-коммерческой мѣрѣ.—Требованіе торговаго договора.—Затаенная обида и главная причина неудовольствія императора; по его мнѣнію, главный вопросъ—вопросъ о нейтральныхъ судахъ и блокадѣ; пока онъ избѣгаетъ возбуждать его.—Длинное и достопримѣчательное письмо Наполеона императору Александру.—Обратная сторона медали—письмо къ вюртембергскому королю.—Какія весьма серьезныя причины заставляютъ императора разсматривать войну на Сѣверѣ, какъ нѣчто вѣроятное, и видѣть въ ней вѣнецъ своего дѣла.—Наполеонъ увлекается политикой Рима и Карла Великаго.—Впрочемъ, онъ отказался бы отъ войны, если бы Россія снова вступила въ континентальную систему; но онъ не допускаетъ мира безъ союза. — Александръ и Наполеонъ оба стараются подготовить себѣ благопріятную для нападенія почву; Александръ на 1811 г., Наполеонъ на 1812 г. 59

Глава III.

СРЕДСТВО КЪ СОГЛАШЕНІЮ.

Приближеніе русскихъ армій къ границѣ. Походъ къ герцогству Варшавскому.—Сборные пункты.—Отъ дунайской арміи отдѣляется нѣсколько дивизій.—Предосторожности для обезпеченія тайны военныхъ приготовленій.—Строгая охрана границы.—Резервы.—Слухи въ Петербургѣ и въ польскихъ провинціяхъ.—Неутѣшительныя сообщенія Чарторижскаго.—Непоколебимая вѣрность командировъ варшавскихъ войскъ.—Австрія уклоняется отъ союза и даже отъ обѣщанія соблюдать нейтралитетъ.—Вліяніе эрцгерцога Карла проявляется въ духѣ, враждебномъ Россіи.—Какое придумано средство заручиться его содѣйствіемъ, или, въ крайнемъ случаѣ, обезвредить его вліяніе.—Женская дипломатія.—Намеки Штакельберга по поводу возможнаго вступленія русскихъ въ Галицію.—Меттерних добивается права составить угрожающій отвѣтъ.—Разочарованія Александра.—Онъ откладываетъ выполненіе своего плана.—Канцлеръ Румянцевъ восхваляетъ политику сближенія съ Франціей.—Онъ думаетъ, что нашелъ способъ рѣшенія.—Мысль просить у Наполеона въ возмѣщеніе за Ольденбургъ часть варшавской территоріи.—Александръ соглашается на попытку къ примиренію на этой основѣ.—Необыкновенный характеръ предстоящихъ переговоровъ.—Русскій государь и его министръ хотятъ говорить только полусловами и намеками.—Коленкуру предлагаютъ загадку и даютъ данныя для ея рѣшенія.—Царь поручаетъ Чернышеву письмо къ императору; оно написано съ большимъ

достоинствомъ и искусствомъ.—Метафора графа Румянцева.—Коленкуръ получаетъ сообщеніе о своемъ отозваніи, но до пріѣзда замѣстителя, генерала графа Лористона, остается въ Петербургѣ.—Александръ дѣйствуетъ со свойственнымъ ему обаяніемъ.—Отъѣздъ Чернышева въ Парижъ. . . . 101

Глава IV.

ТРЕВОГА.

Рожденіе Римскаго короля.—Безпокойство населенія.—Взрывъ радости.—Волненіе императора.—Первые слухи о войнѣ.—Варшавяне указываютъ на подозрительныя движенія на русской границѣ.— Недовѣріе Даву.—Извѣстія изъ Швеціи и Турціи.—Скептицизмъ императора.—Онъ думаетъ, что Россія вооружается изъ страха, и старается успокоить ее.—Получивъ свѣдѣнія, что нѣсколько дивизій арміи, дѣйствовавшей на Востокѣ, направляются къ границамъ Польши, онъ начинаетъ волноваться.—Мѣры предосторожности.—Наполеонъ охотно отказался бы совсѣмъ отъ войны, лишь бы не вести ее сейчасъ же.—Онъ мирится съ мыслью о миролюбивой сдѣлкѣ.—Отъѣздъ Лористона.—Новое письмо императору Александру.—Призывъ къ довѣрію.—Пріѣздъ Чернышева; императоръ тотчасъ же принимаетъ его.—Четырехчасовой разговоръ.—Припертый къ стѣнѣ, Чернышевъ повторяетъ слово-въ-слово метафору графа Румянцева.—Въ первую минуту Наполеонъ думаетъ, что Россія требуетъ у него все герцогство цѣликомъ.—Вспышка возмущенія и гнѣва.—Данцигъ или Варшава?—Встрѣчныя предложенія императора.—Система любезностей и вниманія.—Чернышевъ осыпанъ ими.—Савари самовольно рѣшается пресѣчь дѣятельность этого шпіона.—Самоувѣренность Чернышева.—Савари прибѣгаетъ къ печати.—Journal de l'Empire.—Статья отъ 12 апрѣля.—Любители новостей.—Эсменаръ.—Гнѣвъ императора; упреки по адресу министра полиціи; мѣры, принятыя противъ автора статьи и редактора журнала.—Пріѣздъ Биньона въ Варшаву.—Сумятоха, вызванная противорѣчивыми свѣдѣніями.—Понятовскій чудомъ получаетъ свѣдѣнія о письмахъ императора Александра Чарторижскому.—Планъ вторженія перехваченъ и раскрытъ.—Приближеніе русскихъ войскъ подтверждаетъ сообщенія Понятовскаго.—Поляки теряютъ голову.—Повсемѣстная тревога.—Близость войны.—Энергичная дѣятельность императора.—Праздники Пасхи 1811 г.—Наполеонъ подготовляетъ эвакуацію герцогства и переноситъ свою оборонительную линію на Одеръ.—Даву получаетъ предписаніе: въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій двинуться къ Одеру.—Мѣры для усиленія и оказанія помощи Даву.—Переговоры съ Австріей, Пруссіей, Швеціей и Турціей.—Наполеона не покидаетъ мысль избѣгнуть войны.—Его настойчивыя усилія выяснить себѣ желанія и намѣренія Александра.—Неизданное письмо императора Коленкуру.—Попытки заставить Чернышева высказаться.—Охота 16 апрѣля.—Утренній визитъ Дюрока.—Чернышевъ или упорно отмалчивается, или не говоритъ ничего положительнаго.—Перемѣна въ министерствѣ.—На мѣсто герцога Кадорскаго назначается герцогъ Бассано.—Второе письмо Коленкуру: если то, чего же-

лаютъ русскіе, не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, это будетъ сдѣлано.—Наполеонъ на-сторожѣ.—Приказаніе наблюдать за Пруссіей и за русской границей.—Болѣе успокоительныя извѣстія.—Оптическій обманъ—Тревоги поляковъ утихаютъ.—Наполеонъ прерываетъ переговоры съ Австріей, Пруссіей, Швеціей и Турціей.—Онъ задерживаетъ военныя приготовленія, однако, не прекращая ихъ.—Императоръ не убѣжденъ въ истинныхъ причинахъ безпокойства Россіи, и страстно желаетъ разгадать, чего она добивается 119

Глава V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГЕРЦОГА ВИЧЕНЦЫ.

Какъ отразилась въ Петербургѣ тревога, поднявшаяся въ Германіи и Франціи.—Александръ, узнавъ о передвиженіяхъ нашихъ войскъ, боится, чтобы Наполеонъ не напалъ на него.—Онъ все еще задаетъ себѣ вопросъ, не будетъ ли нападеніе лучшимъ способомъ защиты.— Общественное мнѣніе думаетъ иначе.—Веллеслей даетъ Европѣ уроки оборонительной войны.—Онъ создаетъ цѣлую школу.—Генералъ Фуль и его планъ.—Мало-по-малу Александръ склоняется къ чисто-оборонительному плану войны.—Онъ желалъ бы избѣгнуть войны, не возобновляя союза.—Опять герцогство Варшавское.—Довѣрительный разговоръ съ австрійскимъ посланникомъ.—Намеки и недомолвки въ отвѣтъ на вопросы герцога Виченцы.—Императоръ Александръ и Римскій король. — Пріѣздъ Лористона. — Милостивый пріемъ. — Александръ разсчитываетъ на Коленкура, надѣясь, что тотъ убѣдитъ Наполеона предложить ему то, чего самъ онъ не хочетъ просить.— Онъ заявляетъ о своемъ рѣшеніи защищаться до послѣдней крайности; торжественность и искренность этого заявленія.—Волненіе Коленкура; тяжелое предчувствіе.—Возвращеніе во Францію.—Поѣздка въ Сенъ-Клу къ императору.—Семичасовой разговоръ. — Коленкуръ ручается за миролюбивыя намѣренія Александра.—Молчаніе въ продолженіе четверти часа.—Какое изъ двухъ рѣшеній?—Наполеонъ отклоняетъ мысль объ уменьшеніи гарнизона въ Данцигѣ.—Коленкуръ настаиваетъ на необходимости сдѣлать выборъ между Польшей и Россіей.—Императоръ мысленно пробѣгаетъ то и другое рѣшеніе.—Непреодолимое препятствіе. — Коленкуръ указываетъ на опасность борьбы съ климатомъ Сѣвера, съ его природой и пространствомъ; онъ ручается за то, что Александръ отступитъ въ самую глубь Россіи, и въ доказательство приводитъ собственныя слова царя.—Императоръ потрясенъ; его собесѣдникъ думаетъ, что выигралъ дѣло.—Наполеонъ перечисляетъ свои военныя силы; имъ овладѣваетъ безумная гордость.—Онъ воображаетъ, что все будетъ рѣшено однимъ сраженіемъ.—Продолженіе разговора. — Старый вопросъ о бракѣ.—Послѣднее слово Коленкура.—Вѣрное разсужденіе и роковыя заблужденія. 165

Глава VI.

АУДІЕНЦІЯ 15 АВГУСТА 1811 Г.

Какое заключеніе выводитъ императоръ изъ разговора съ герцогомъ Виченцы.—Онъ перестаетъ вѣрить въ близость войны и пріостанавливаетъ приготовленія.—Онъ почти увѣренъ въ желаніи Александра получить клокъ Польши, но откладываетъ до болѣе подробнаго освѣдомленія окончательное рѣшеніе.—Крестины Римскаго короля.—Свистки на площади Карусель; афиши съ призывомъ къ мятежу.—Чернышевъ указываетъ на эти симптомы.—Императоръ въ церкви Notre-Dame. — Рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ; намекъ на Польшу.—Лористону предписывается держаться твердо.—Затрудненіе въ выборѣ средства возстановить близкія отношенія и придти къ соглашенію.—Дальнѣйшія приготовленія къ войнѣ идутъ втихомолку. — Европа успокаивается.—Лѣтній сезонъ дипломатовъ и высшаго общества.—Курорты Богеміи.—Картины Карлсбада.—Графиня Рекке и ея бардъ.—Дѣятельность Разумовскаго.—Въ Петербургѣ пренія идутъ своимъ порядкомъ.—Разногласіе между императорами дѣлается менѣе обостреннымъ, но болѣе глубокимъ.—Вліяніе Армфельта.—Александръ рѣшаетъ не вести переговоровъ; около того же времени онъ принимаетъ военный планъ Фуля. — Какія причины побуждаютъ его уклоняться отъ соглашенія и тянуть конфликтъ. — Отклоненіе посредничества Австріи и Пруссіи.—Уклончивые пріемы и отсрочки.—Наполеонъ проникаетъ въ его игру и въ это же время узнаетъ о новыхъ нарушеніяхъ блокады.—Взрывъ гнѣва.—День 15 августа въ Тюльери.—Дипломатическая аудіенція; тронная зала.—Нападеніе на Куракина.—Наполеонъ заявляетъ, что никогда не уступитъ и пяди варшавской территоріи.—Цвѣтистая и потрясающая рѣчь; сравненія и угрозы.—Куракину долго не удастся вставить свое слово.—Неотразимый ударъ.—Пытка въ продолженіе трехъ четвертей часа.—Работа съ Его Величествомъ.—Наполеонъ приказываетъ составить при себѣ оправдательный документъ своей будущей кампаніи; важное значеніе этого документа: въ немъ излагается фактическая сторона конфликта и блестяще обрисовывается основная причина распри.—Пагубная логика.—Какія причины не позволяютъ Наполеону удовлетворить предполагаемыя желанія Россіи.—Герцогство Варшавское и блокада.—Война рѣшена, но отсрочена.—Наполеонъ ставитъ себѣ за правило продолжать фиктивные переговоры съ Александромъ, исподволь подготовить союзы на случай войны и довести свои военныя силы до колоссальныхъ размѣровъ; время вторженія въ Россію назначается на іюнь 1812 г. 195

Глава VII.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ.

Отвѣтъ Александра на слова императора. — Новыя просьбы приступить къ объясненіямъ. — Ихъ настойчивый и неопредѣленный характеръ. — Чего не хотятъ сказать ни тотъ, ни другой императоръ.—Обзоръ нашихъ приго-

товленій и нашихъ позицій.—Данцигъ.—Варшавская армія.—Нѣмецкіе контингенты.—Армія Даву.—Береговая армія.—Голландскій и Булонскій лагери.—Удино и Ней.—Итальянская армія.—Гвардія.—Наборъ людей и матеріальной части.—Всестороннія заботы императора обезпечить себя провіантомъ, его подвозомъ и транспортами; средства, заготовляемыя для побѣды надъ природой и пространствомъ.—Всеобъемлющая предусмотрительность.—Наполеонъ во всемъ доходитъ до излишества.—Онъ то хитритъ, то угрожаетъ.—Онъ умышленно предоставляетъ шпіонить.—Параллельная дѣятельность Александра.—Раздѣленіе русскихъ войскъ на двѣ главныя группы.—Барклай де-Толли и Багратіонъ.—Александръ торопится заключить миръ съ Портой, чтобы получить возможность свободно располагать своей дунайской арміей.—Какой услуги проситъ онъ отъ Англіи.—Наполеонъ подстрекаетъ турокъ продолжать войну.—Причины, почему онъ медлитъ заручиться Австріей, Пруссіей и Швеціей.—Опасность этой политики.—Выступленіе Бернадота на сцену.—Отъѣздъ наслѣдной принцессы.—Лѣто въ Дроттнингольмѣ.—Беззастѣнчивая контрабанда; сношенія съ Англіей.—Рѣчь Франціи; относительная умѣренность.—Баронъ Алькіѣръ по собственному почину открываетъ кампанію противъ Швеціи.—Оскорбительная нота.—Отвѣтъ въ томъ же тонѣ.—Необычайная сцена между Алькіѣромъ и Бернадотомъ.—Переводъ вспыльчиваго посланника.—Отлученіе Бернадота.—Онъ снова направляется къ Россіи.—Заблужденіе Наполеона относительно Швеціи.—Строгость и долготерпѣніе.—Въ Германіи вспыхиваетъ кризисъ; онъ можетъ ускорить войну и измѣнить ея условія. 229

Глава VIII.

ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ ПРУССІИ.

Безуміе Пруссіи: она думаетъ, что Наполеонъ хочетъ уничтожить ее.—Фальшивый документъ.—Гарденбергъ бросается въ объятія Россіи и старается привлечь ее въ Германію.—Письмо къ царю.—Командировка Шарнгорста.—Спѣшныя и противныя договору вооруженія; какія объясненія даются императору.—Наполеонъ не хочетъ уничтожать Пруссіи; особый характеръ союза, который онъ думаетъ предписать ей.—Непокорность Пруссіи разстраиваетъ всѣ его разсчеты.—Первыя предостереженія.—Наполеонъ намѣренъ уничтожить Пруссію, если не добьется отъ нея полнаго разоруженія и безусловнаго повиновенія.—Вооруженія продолжаются.—Замаскированная мобилизація.—Солдаты-рабочіе.—Категорическое требованіе.—Кажущаяся покорность.—Легковѣріе Сенъ-Марзана.—Всѣ лгутъ императору.—Пруссія подъ надзоромъ.—Донесенія, изъ которыхъ видно, что сборы войскъ и крѣпостныя работы продолжаются.—Новыя требованія.—Мучительное положеніе Пруссіи.—Инцидентъ съ Блюхеромъ.—Послѣднее требованіе.—Одновременно съ нимъ Наполеонъ предлагаетъ союзъ.—Смертельный страхъ Пруссіи.—Возвращеніе Шарнгорста: результаты его миссіи.—Тайныя свиданія въ Царскомъ Селѣ; Александръ порицаетъ волненіе и неосторожные поступки Пруссіи.—Перемѣна въ русскомъ планѣ.—Военная конвенція.—Нерѣшительность Фридриха-

Вильгельма.—Какія причины побуждаютъ его покориться союзу съ Франціей.—Послѣдняя надежда военной партіи.—Всегдашняя мысль короля.—Надежды на Австрію.—Шарнгорстъ, измѣнивъ свою наружность, подъ чужимъ именемъ, уѣзжаетъ въ Вѣну.—Миссія Лефевра.—Наполеонъ теряетъ терпѣніе; онъ склоняется къ мысли уничтожить Пруссію и тѣмъ показать страшный примѣръ для другихъ. — Побѣда русскихъ на Дунаѣ.—Какой проектъ было поручено составить принцу Экмюльскому.—Планъ разгрома. – Наполеонъ даруетъ жизнь Пруссіи, ибо усматриваетъ въ ней готовность подчиниться.—Второй шагъ въ переговорахъ о союзѣ.—Шарнгорстъ въ Вѣнѣ.—Меттернихъ сначала водитъ его за носъ, затѣмъ выпроваживаетъ. — Полное разочарованіе.—Пруссія у ногъ императора.—Предложенія Наполеона Шварценбергу.—Какія хитроумныя комбинаціи заставляютъ Меттерниха поторопиться соглашеніемъ съ Франціей.—Мысль о раздѣлѣ Пруссіи.—Александръ возвращается къ оборонительному плану.—Нессельроде въ отпуску.—Его планъ примиренія.—Краеугольный камень: роль, предназначенная Австріи.—Миръ построенный на тайной коалиціи.—Нессельроде—отраженіе Талейрана.—Александръ открываетъ Нессельроде тайну своей неуступчивости. – Онъ сознаетъ выгоду попытки, хотя бы притворной, къ примиренію.—Близость мира на Дунаѣ: необходимость удержать Наполеона отъ вмѣшательства.—Отъѣздъ Нессельроде объявленъ, но откладывается со дня-на-день.—Ложное толкованіе словъ императора.—Взаимная неискренность.—Братъ Александра по оружію.—Наполеонъ признается австрійскому посланнику въ своихъ воинственныхъ планахъ.—Покорность Германіи обезпечиваетъ ему свободный путь въ Россію: роковой успѣхъ. 255

Глава IX.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ.

Великая армія должна составиться изъ многихъ армій. — Мѣста стоянки отдѣльныхъ частей. — Колоссальная цифра войскъ. — Какъ ихъ собрать воедино; какой опасности слѣдуетъ избѣгнуть.—Какой планъ составилъ императоръ, чтобы собрать воедино всѣ свои военныя силы и постепенно направить ихъ въ Россію.—Доведенныя до мелочей усилія обезпечить тайну первоначальныхъ движеній.—Переходы войскъ по ночамъ.—Соотвѣтственныя инструкціи Лористону.—Система прогрессивнаго обмана.—Всевозможныя ухищренія.—Присутствіе Чернышева дѣлается стѣснительнымъ; за нимъ устанавливается надзоръ. — Разговоръ въ Елисейскомъ дворцѣ и отправленное оттуда посланіе.—Наконецъ-то Наполеонъ излагаетъ свои требованія относительно блокады.—Относительная искренность его предложеній; ихъ главная цѣль.—Отъѣздъ Чернышева.—Розыскъ.—Записка въ качествѣ улики.—Соперничество между министерствомъ полиціи и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: роль префекта полиціи.—Открытіе и арестъ виновныхъ.—Десять лѣтъ шпіонства и измѣны.—Предстоящій процессъ.—Наполеонъ сдерживаетъ свой гнѣвъ.—Испугъ Куракина.—Какъ ведется дѣло, чтобы онъ не далъ сигнала къ тревогѣ. — Переходъ итальянской арміи черезъ Альпы. — Всѣ

войска приходятъ въ движеніе. — Какой договоръ продиктованъ Пруссіи. — Тревога въ Берлинѣ; вступленіе французовъ. — Вступленіе во владѣніе. — Страна ненависти.—Походъ на Сѣверъ.—Войска идутъ эшелонами.—Роль, назначенная прусскому контингенту.—Договоръ съ Австріей.—Воззваніе къ Турціи.—Наполеонъ надѣется возродить Исламъ. — Роль, назначенная оттоманской кавалеріи.—Наполеонъ покоряется необходимости начать переговоры съ Бернадотомъ.—Какія предложенія были переданы наслѣдной принцессѣ. — Захватъ шведской Помераніи: его послѣдствія. — Первыя разочарованія.— Прибытіе и развертываніе нашихъ армій на Вислѣ. — Задуманный отъѣздъ отложенъ.—Борьба съ голодомъ.—Разговоръ съ великимъ канцлеромъ.—Коленкуръ противъ войны; упорныя, но тщетныя усилія Наполеона склонить его въ пользу своихъ плановъ.—Настроеніе императора.—Его слова Савари и Паскьѣ.—Два плана кампаніи; Наполеонъ поддается влеченію къ Москвѣ.—Его воображеніе беретъ верхъ надъ разсудкомъ.—Головокружительныя мечты. — По ту сторону Москвы.—Востокъ.—Египетъ.—Индія. — Разговоръ съ Нарбонномъ.—Воображаемыя картины далекаго божественнаго апоѳеоза. . . 301

Глава X.

АЛЕКСАНДРЪ и БЕРНАДОТЪ.

Невозмутимое спокойствіе Александра во время нашихъ первыхъ передвиженій.—Наши враги боятся, что онъ не будетъ достаточно твердъ.—Они жаждутъ подкрѣпленій.—Пріѣздъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла Швеціи.—Бернадотъ хочетъ сдѣлаться иниціаторомъ окончательнаго разрыва съ Франціей и главнымъ двигателемъ послѣдней коалиціи. — Его планъ дипломатическихъ и военныхъ операцій; его тайная мысль.—Графъ Левенхильмъ.— Требованіе Норвегіи.—Кратковременныя колебанія Александра; онъ входитъ въ сдѣлку съ совѣстью.—Отъѣздъ Сухтелена въ Швецію.—Переговоры въ обѣихъ столицахъ.—Взаимное недовѣріе.—Политика императора; политика канцлера.—Прибытіе посланія изъ Елисейскаго дворца.—Волненіе въ высшемъ обществѣ; борьба партій. — Александръ непреклоненъ; однако, пользуется предложеніями Франціи, чтобы заставить Левенхильма уменьшить свои требованія. – Бернадотъ продѣлываетъ то же самое съ Сухтеленомъ, пользуясь предложеніями, переданными ему наслѣдной принцессой. — Странный инцидентъ.—Два договора. — Состязаніе въ благородствѣ. — Союзъ заключенъ.— Александръ отвѣчаетъ на французскія предложенія и излагаетъ свои требованія.—Ультиматумъ отъ 8 апрѣля.—Прежде чѣмъ придти къ соглашенію по существу распри, Россія требуетъ, чтобы были выведены войска изъ Пруссіи и странъ, лежащихъ по ту сторону Эльбы; что предлагаетъ Россія взамѣнъ этого. — Примиреніе невозможно. — Стремленіе нашихъ враговъ отдѣлаться отъ Сперанскаго.—Истинные причины и поводы, обусловившіе немилость.—Вечеръ и ночь 17 марта; ссылка.—Александръ отдается окончательно въ руки европейскихъ эмигрантовъ.—Бѣшеная страсть нашихъ враговъ.— Всегда и всюду Армфельтъ.—Шаги Бернадота.—Вечера въ стокгольмскомъ королевскомъ дворцѣ. — Бернадотъ торопитъ Александра начать военныя

дѣйствія.—Отъѣздъ Александра въ Вильну; послѣднее свиданіе
номъ.—Въ послѣдній разъ склоняется онъ къ мысли двинуть свои во
Польшу; случайное событіе, которое заставляетъ его вернуться къ план
безусловной обороны и окончательно остановиться на немъ.—Рокъ уже тя-
готѣетъ надъ императоромъ. 351

Глава XI.

УЛЬТИМАТУМЪ РОССІИ.

Искренность и чистосердечіе Куракина. — Онъ порицаетъ свое правительство. — Онъ по-прежнему желаетъ мира и прославляетъ союзъ.—Дѣло о государственной измѣнѣ.—Рѣчь генералъ-прокурора.—Допросъ подсудимыхъ; ихъ неодинаковая отвѣтственность. — Приговоръ. — Осужденіе Мишеля и Сажé. — Протестъ Куракина по поводу выраженій обвиненія. — Прибытіе ультиматума.—Куракинъ въ Сенъ-Клу.—Гнѣвъ и безпокойство императора.—Кратковременная тревога.—Наполеонъ во что бы то ни стало хочетъ отвлечь русскихъ отъ нападенія, чтобы сдѣлать это самому въ удобное для него время.—Условное предложеніе о перемиріи.—Отправка Нарбонна въ Вильну; характеръ и цѣль даннаго ему порученія.—Громкій шагъ по отношенію къ Англіи.—Французское правительство дѣлаетъ видъ, что соглашается вести съ Куракинымъ переговоры на основѣ ультиматума; затѣмъ разговоръ съ посланникомъ откладывается со дня-на-день; его всячески обманываютъ и дурачатъ.—Повязка спадаетъ съ глазъ Куракина.—Настойчивыя требованія.—Тревожные симптомы.—Казнь Мишеля.—Вторичное похищеніе Вюстингера.—Отъѣздъ Шварценберга.—Куракинъ приходитъ къ убѣжденію, что его обманываютъ и водятъ за носъ; внезапный приступъ отчаянія заставляетъ его измѣнить своему обычному характеру.—Онъ требуетъ свои паспорта, что равносильно объявленію войны.—Этотъ несвоевременный шагъ не отвѣчаетъ планамъ ни того, ни другого императора. — Отъѣздъ Наполеона и Маріи-Луизы въ Дрезденъ. — Замѣтка въ Moniteur'ѣ. — Наполеонъ поручаетъ герцогу Бассано успокоить Куракина и убѣдить его взять обратно требованіе о выдачѣ паспортовъ. — Новый разговоръ. — Слезы. — Герцогъ дѣлаетъ видъ, что берется за дѣло; онъ возбуждаетъ формальное затрудненіе; вопросъ о полномочіяхъ.—Министръ спасается бѣгствомъ отъ посла и уѣзжаетъ въ Германію.—Куракинъ прикрѣпленъ къ своему посту.—Наполеону удалось на время отдалить разрывъ. 381

Глава XII.

ДРЕЗДЕНЪ.

На пути по Германіи. — Прибытіе въ Дрезденъ. — Какъ устроился императоръ.—Картина саксонскаго двора.—Съѣздъ коронованныхъ особъ.—Королева Вестфальская.—Пріѣздъ императора и императрицы Австрійскихъ.—

Падчерица.—Торжество 19 апрѣля.—Видъ Дрездена во время конгресса.—Жизнь по-семейному.—Императоръ принимается за работу.—Письмо Куракина, въ которомъ тотъ снова требуетъ свои паспорта.—Послѣдняя увертка.—Лористону посылается приказъ: отправиться въ Вильну и поддерживать въ царѣ ложную надежду на миръ.—Какъ проходитъ день высочайшихъ особъ въ Дрезденѣ.—Утренній пріемъ у императора.—Туалетъ императрицы.—Послѣ полудня.—Вкусы и занятія императора Франца.—Обѣдъ.—Наполеоновскій церемоніалъ.—Наполеонъ и Людовикъ XVI.—Вечеръ.—Государи за игорнымъ столомъ и кругъ придворныхъ.—Ревность австрійскихъ дамъ.—Госпожа Зенфтъ.—Герцогъ Бассано.—Коленкуръ.—Обходъ императора.—Его разговоры съ императоромъ Францемъ.—Ухаживанья за австрійской императрицей.—Ему не удается заслужить ея благосклонность.—Кажущаяся интимность.—Присутствіе дворовъ на спектаклѣ.—Партеръ королей.—Сравненіе Наполеона съ солнцемъ.—Прусскій король.—Кронпринцъ.—Установленная между государями іерархія.—Состязаніе въ подлости.—Апогей императорскаго могущества.—Безпримѣрное въ исторіи зрѣлище.—Наполеонъ больше показывается народу; прогулка верхомъ по окрестностямъ Дрездена.—Посѣщеніе храма Божіей Матери.—Императоръ Александръ въ католической церкви въ Литвѣ.—Молитва передъ посвященіемъ.—Возвращеніе Нарбонна; онъ даетъ отчетъ о своей миссіи.—Наступленіе весны; близость благопріятнаго для военныхъ дѣйствій времени года.—Послѣднее обращеніе къ Швеціи и Турціи.—Наполеонъ рѣшаетъ поднять Польшу.—Онъ думаетъ отправить посломъ въ Варшаву Талейрана; какія причины побуждаютъ его остановить на немъ свой выборъ; непредвидѣнныя обстоятельства, заставляющія отказаться отъ этого выбора.—Новая опала Талейрана.—Аббатъ Прадтъ.—Неудачный выборъ.—Какіе предметы поручаются усердію посланника.—Наполеонъ старается выиграть еще нѣсколько дней.—Отъѣздъ изъ Дрездена.—Разъѣздъ высочайшихъ особъ.—Неожиданныя предложенія Бернадота; причина и характеръ этой перемѣны.—Недобросовѣстность наслѣднаго принца.—Онъ старается устроить соглашеніе между Россіей и Портой.—Конгрессъ въ Бухарестѣ и Бухарестскій договоръ.—Миръ безъ союза.—Адмиралъ Чичаговъ.—Проектъ грандіозной восточной диверсіи.—Александръ надѣется поднять славянъ и двинуть ихъ на Иллирію и французскую Италію.—Идея о національностяхъ обращается во вредъ Франціи.—Полуизмѣна Австріи.—Двуличіе Пруссіи и второстепенныхъ дворовъ Германіи.—Вся Европа лжетъ Наполеону.—Предупрежденія Жерома, Даву и Раппа.—Предсказанія Семонвилля.—Среди высшихъ чиновъ Франціи—вялость и тревожное настроеніе; довѣріе низшихъ классовъ беззавѣтно и непоколебимо.—Письмо солдата.—Армія думаетъ, что идетъ въ Индію. 407

Глава XIII.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВТОРЖЕНІЕ.

Наполеонъ въ Познани.—Энтузіазмъ населенія.—Отвѣтъ Бернадоту.—Пребываніе въ Торнѣ.—Послѣднія приготовленія.—Главная забота императора: вопросъ о хлѣбѣ.—Планъ нападенія.—Наполеонъ отправляетъ свои войска въ

походъ до объявленія войны.—Воинственное настроеніе Наполеона.—C h a n t d u d é p a r t.—Встрѣча съ Мюратомъ; сантиментальная комедія.—Опустошительный походъ черезъ восточную Пруссію и нижнюю Польшу; загроможденіе путей; первые безпорядки.—Манифестъ о войнѣ.—Обманъ въ послѣднюю минуту.—Извѣстія изъ Петербурга.—Отказъ русскаго императора принять французскаго посланника.—Наполеонъ догоняетъ головную колонну.—Его прокламація къ войскамъ.—Онъ мчится на аванпосты и подъѣзжаетъ къ Нѣману.—Онъ видитъ Россію.—Переодѣваніе.—Развѣдка верхомъ.—Приключеніе.—Мрачныя предчувствія.—Прибытіе войскъ.—День 23 іюня.—Ночь.—Привалъ при мертвой тишинѣ.—Первые выстрѣлы.—Восходъ солнца.—Волшебная картина.—Энтузіазмъ войскъ; императоръ веселъ и дѣятеленъ.—Инцидентъ на рѣкѣ Виліи.—Занятіе Ковно.—Сорока-восьмичасовое дефилированіе войскъ.—Вторженіе начинается. 463

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРИБЫТІЕ ВЪ ВИЛЬНУ; ПОСЛѢДНІЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Военный совѣтъ Александра.—Разноголосица.—Поѣздки по окрестностямъ Вильны.—Вліяніе Александра на женщинъ.—Праздникъ 24 іюня; дурное предзнаменованіе.—Извѣстіе о вторженіи непріятеля приходитъ къ царю во время бала; невозмутимое спокойствіе Александра.—Рокъ и Промыселъ Божій.—Инстинктивное отступленіе.—Миссія Балашова.—Предложеніе примиренія i n e x t r e m i s; причины и истинная цѣль этого шага.—Балашовъ на аванпостахъ.—Встрѣча съ неаполитанскимъ королемъ.—Пріемъ Даву.—Наполеонъ хочетъ принять русскаго посла только на другой день послѣ побѣды.—Онъ узнаетъ объ отступленіи русскихъ.—Его разочарованіе.—Онъ ускореннымъ маршемъ отправляетъ свою армію на Вильну.—Первые признаки разложенія арміи.—Вступленіе Наполеона въ Вильну; ледяной пріемъ; пожаръ магазиновъ.—Запоздалыя принудительныя овація.—Императоръ упорно хватается за надежду отрѣзать и захватить въ плѣнъ часть русскихъ войскъ.—Непрерывныя грозы; стихіи ополчаются противъ насъ.—Жертвы грозы.—Непріятель ускользаетъ и испаряется.—Неоправдавшаяся радость.—Колонна Дорохова въ большой опасности; ея исчезновеніе.—Неудачное начало кампаніи.—Холодное отношеніе литовцевъ.—Наполеонъ рѣшаетъ принять Балашова.—Продолжительный и достопримѣчательный разговоръ съ Балашовымъ.—Жесткія рѣчи.—Цѣль императора—заставить Александра дрожать за свою личную безопасность и довести его до быстрой сдачи.—Балашовъ за императорскимъ столомъ.—Знаменитые отвѣты.—Оскорбительныя слова Наполеона Коленкуру; рѣшительный отпоръ.—Отъѣздъ Балашова.—Протестъ Коленкура; просьба объ отставкѣ.—Терпѣніе императора: какимъ образомъ прекращаетъ онъ сцену.—Окончательное прекращеніе всякихъ отношеній между императорами.—Война наступаетъ непосредственно за разрывомъ. 497

ЗАКЛЮЧЕНІЕ 541

ПРИЛОЖЕНІЕ 557

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

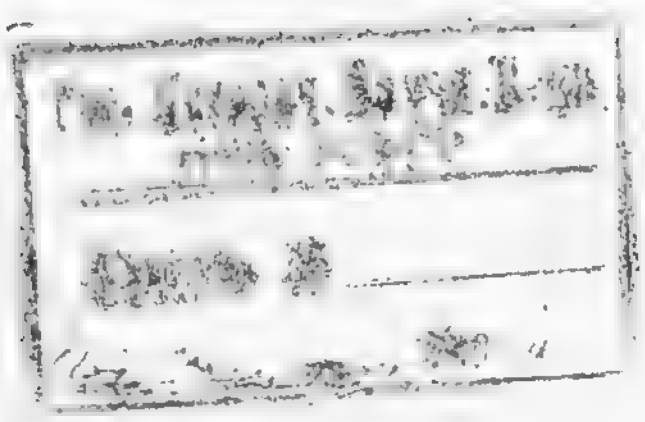
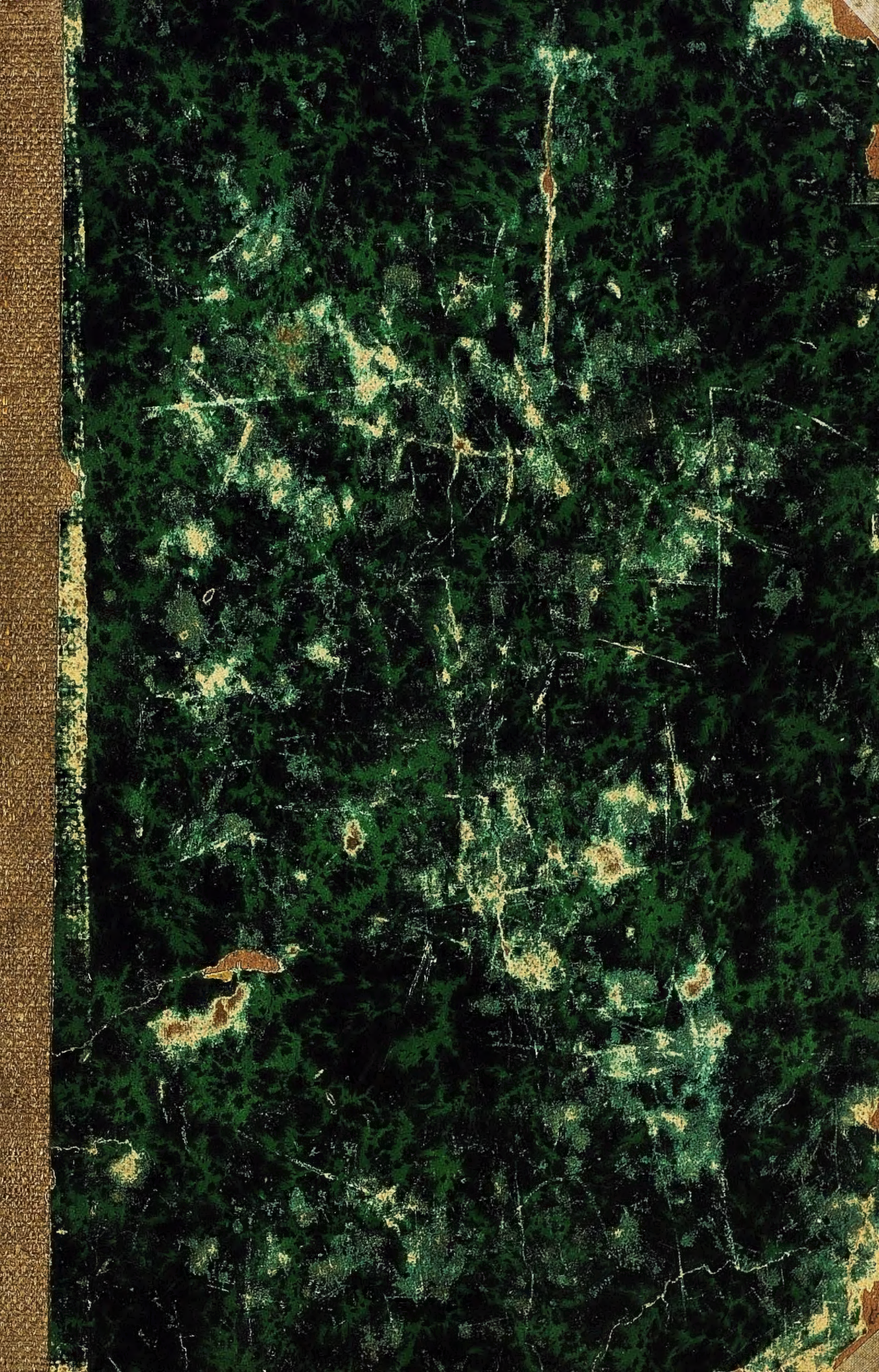
Въ виду того, что Наполеонъ часто замѣнялъ фамиліи титулами, считаемъ нужнымъ для удобства читателя приложить списокъ наиболѣе встрѣчающихся дѣятелей съ ихъ титулами:

Бернадотъ —принцъ Понте-Корво.
Бертье —принцъ (князь) Ваграмъ-Невшательскій.
Бессьеръ —герцогъ Истрійскій.
Викторъ —герцогъ Беллюнскій.
Даву —герцогъ Ауэрштедскій, принцъ (князь) Экмюльскій.
Дюрокъ —герцогъ Фріульскій.
Жюно —герцогъ д'Абрантесъ.
Коленкуръ —герцогъ Виченцы.
Ланнъ —герцогъ Монтебелло.
Лефевръ —герцогъ Данцигскій.
Макдональдъ—герцогъ Тарентскій.
Маре —герцогъ Бассано.
Мармонъ —герцогъ Рагузскій.
Массена —принцъ (князь) Эслингскій.
Мортье —герцогъ Тревизъ.
Ней —герцогъ Эльшингенскій.
Ожеро —герцогъ Кастильонскій.
Савари —герцогъ Ровиго.
Сультъ —герцогъ Далматинскій.
Талейранъ —принцъ (князь) Беневентскій.
Удино —герцогъ Реджіо.
Шампаньи —герцогъ Кадорскій.

ПОГРѢШНОСТИ и ОПЕЧАТКИ.

	Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
Т. I.	52	13 св.	фельдмаршалъ Дюрокъ	оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ
	350	7 сн.	Валенсію	Валенсей *)
	413	6 св.	Николай Сперанскій	Михаилъ Сперанскій
Т. III.	255		Глава VI	Глава VIII.

*) Фамильный замокъ Талейрановъ близъ Парижа. (Прим. перев.)



413/5